ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ПРЫЖОК В СОЛНЦЕ
ЗВЕЗДНЫЙ ПРИЛИВ

ДЭВИД
БРИН

Прыжок в солнце. Звездный прилив

Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Прыжок в солнце. Звездный прилив
Прыжок в солнце
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Глава 1. ЗА ПРЕДЕЛЫ МЕЧТЫ
Глава 2. РУБАШЕЧНИКИ И ШКУРНИКИ
Глава 3. ГЕШТАЛЬТ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Глава 4. МНИМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
Глава 5. ПРЕЛОМЛЕНИЕ
Глава 6. ФАЗОВЫЙ СДВИГ И ДИФРАКЦИЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Глава 7. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
Глава 8. ОТРАЖЕНИЕ
Глава 9. ВСПОМИНАЯ БОЛЬШУЮ БЕСКРЫЛУЮ ГАГАРКУ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Глава 10. ТЕПЛОТА
Глава 11. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ
Глава 12. ГРАВИТАЦИЯ
Глава 13. ПОД СОЛНЦЕМ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Глава 14. БЕЗДОННЫЙ ОКЕАН
Глава 15. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ…
Глава 16. …И О ВИДЕНИЯХ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Глава 17. ТЕНЬ
Глава 18. ФОКУС
Глава 19. В ГОСТИНОЙ
Глава 20. СОВРЕМЕННОЕ СРЕДСТВО
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
Глава 21. DEJA PENSE – УЖЕ ПРОДУМАНО
Глава 22. ДЕЛЕГАЦИЯ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
Глава 23. ВОЗБУЖДЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
Глава 24. СПОНТАННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ
Глава 25. СВЯЗАННОЕ СОСТОЯНИЕ
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
Глава 26. ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ
Глава 27. ВОЗБУЖДЕНИЕ
Глава 28. ВЫНУЖДЕННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ
Глава 29. ПОГЛОЩЕНИЕ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
Глава 30. НЕПРОЗРАЧНОСТЬ
Глава 31. РАСПРОСТРАНЕНИЕ
Звёздный прилив
СЛОВАРЬ И ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

ПРОЛОГ. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛАВУЧЕСТЬ
1. ТОШИО
2. ГАЛАКТЫ
3. ТАККАТА-ДЖИМ
4. КРАЙДАЙКИ
5. ТОМ ОРЛИ
6. ГАЛАКТЫ
7. ТОШИО
8. ГАЛАКТЫ
9. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
10. МЕТЦ
11. КРАЙДАЙКИ И ОРЛИ
12. ГАЛАКТЫ
13. ТОШИО
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕЧЕНИЯ
14. ДЭННИ
15. СТЕНОС
16. ГАЛАКТЫ
17. ТОМ ОРЛИ
18. ДЖИЛЛИАН
19. КРАЙДАЙКИ
20. ГАЛАКТЫ
21. ДЭННИ И ТОШИО
22. КРАЙДАЙКИ
23. ДЖИЛЛИАН

24. ГАЛАКТЫ
25. ТОМАС ОРЛИ
26. КРАЙДАЙКИ
27. ОСТРОВ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДИССОНАНС
28. САХОТ
29. ТАККАТА-ДЖИМ
30. АККИ
31. СВЕССИ
32. ГАЛАКТЫ
33. ТОМАС ОРЛИ
34. КРАЙДАЙКИ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛЕВИАФАН
35. ДЖИЛЛИАН
36. АККИ
37. СВЕССИ
38. ЧАРЛЗ ДАРТ
39. МАКАНАЙ
40. КРАЙДАЙКИ
41. ТОМ ОРЛИ
42. ТОШИО
43. АККИ
44. КРАЙДАЙКИ
45. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. СОТРЯСЕНИЕ
46. САХОТ

47. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
48. ТАККАТА-ДЖИМ
49. ПСИ-БОМБА
50. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
51. ТОМАС ОРЛИ
52. АККИ
53. МОКИ
54. КИПИРУ
55. ЧАРЛЗ ДАРТ
56. САХОТ
57. ДЭННИ И ТОШИО
58. ГАЛАКТЫ
59. КРАЙДАЙКИ
60. ДЖИЛЛИАН
61. ХИКАХИ И СВЕССИ
62. ИЗГНАННИКИ
63. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. РАЗБРОС
64. КРАЙДАЙКИ/САХОТ
65. ДЖИЛЛИАН
66. АККИ
67. КИПИРУ
68. ТОМ ОРЛИ
69. ТОШИО
70. ХИКАХИ
71. ЧАРЛЗ ДАРТ

72. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ПИЩЕВАЯ ЦЕПОЧКА
73. АККИ
74. КИПИРУ
75. ХИКАХИ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. «ТРОЯНСКИЙ МОРСКОЙ КОНЕК»
76. ГАЛАКТЫ
77. ТОШИО
78. ТОМ ОРЛИ
79. ГАЛАКТЫ
80. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
81. ЧАРЛЗ ДАРТ
82. ТОМ ОРЛИ
83. ДЖИЛЛИАН БАСКИН
84. ХИКАХИ/КИПИРУ
85. ДЖИЛЛИАН
86. ТОШИО
87. ДЖИЛЛИАН
88. ТОШИО
89. ДЖИЛЛИАН
90. КРАЙДАЙКИ
91. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ПОДЪЕМ
92. ДЭННИ/САХОТ
93. ТАККАТА-ДЖИМ/МЕТЦ

94. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
95. ТОШИО
96. ТОМ ОРЛИ
97. СКИФ
98. ТОМ ОРЛИ
99. ДЖИЛЛИАН
100. ТОШИО
101. ГАЛАКТЫ
102. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
103. ТОМ ОРЛИ
104. ГАЛАКТЫ
105. СКИФ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ВОСТОРГ
106. ТОШИО
107. ТАККАТА-ДЖИМ
108. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
109. ТАККАТА-ДЖИМ
110. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
111. ТОМ ОРЛИ
112. ТАККАТА-ДЖИМ
113. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
114. ГАЛАКТЫ
115. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
116. ГАЛАКТЫ
117. ТАККАТА-ДЖИМ
118. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

119. ГАЛАКТЫ
120. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
121. ГАЛАКТЫ
122. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
123. ГАЛАКТЫ
124. ТОМ ОРЛИ
125. СКИФ
ЭПИЛОГ
ПОСТСКРИПТУМ

Аннотация

Первый и второй роман цикла «Возвышение».

Содержание:

Прыжок в солнце (перевод И. Алюкова)

Звездный прилив (перевод А. Грузберга)

Дэвид Брин
Прыжок в солнце. Звездный прилив

Прыжок в солнце

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Есть все основания надеяться, что не в столь отдаленном будущем мы будем в состоянии понять такую простую штуку, как звезда.

А.С.Эддингтон, 1926

Глава 1
ЗА ПРЕДЕЛЫ МЕЧТЫ

— Макой, ты готова?

Затаив дыхание, не замечая тихого гудения двигателей в стальном коконе, Джейкоб ждал ответа. Корабль-дельфин мягко покачивался на легких волнах.

Джейкоб взглянул на индикаторы информационной панели — полный порядок. Радио тоже в норме. Партнер внутри второго такого же кокона должен слышать каждое слово.

Вода сегодня поражала чистотой и прозрачностью. За иллюминатором, лениво помахивая хвостом, проплыла леопардовая акула. Джейкоб удивился: встреча с огромной рыбиной на таких

глубинах, вдали от берегов, считалась маловероятной.

— Ты готова, Макой?

Он не хотел выдавать нетерпение. Где-то в области затылка постепенно нарастало напряжение. Джейкоб прикрыл глаза и постарался расслабиться.

— Ддд-да… Ддавай попробуем! — наконец донесся вибрирующий тонкий голосок, словно с натугой выдавливающий звуки. Весьма длинная речь для Макой. Джейкоб скосил глаза. На волнах возле корабля покачивался необычный аппарат: устройство для обучения молодого дельфина. В зеркалах, прикрепленных к шлему Джейкоба, металлически поблескивал серебристый хвостовой плавник, колышущийся в такт волне. Боковые плавники машины вяло шевелились под водой. «Ну вот и славно, — подумал Джейкоб, — долгожданный момент наступил. Если техника способна развеять дельфиньи грезы, она это сделает. Самая пора». Он коснулся подбородком кнопки микрофона.

— Ладно, Макой. Как устроен аппарат, ты знаешь. Каждое твое движение будет автоматически усиливаться, но если захочешь включить двигатели, то придется подать команду на английском.

А чтобы все было честно, я должен тебя дублировать на тринари.

— Дддда! — просвистела Макой.

Серебристый хвост выгнулся вверх и, глухо шлепнув по воде, взметнул сноп сияющих брызг. Джейкоб, вознеся молитву Всевышнему Мечтателю, включил усилители в обоих, аппаратах и медленно повел руками, пробуя боковые плавники, но потом неосторожно согнул ноги в коленях. Повинуясь вызванному этим движением импульсу, массивный хвост резко дернулся, и в следующую секунду обтекаемый кокон, клюнув выпуклым носом, круто пошел ко дну. Джейкоб попытался выправить положение, но перестарался. Аппарат беспорядочно закувыркался, вода взбурлила, и понадобилось несколько минут, чтобы сориентироваться и стабилизировать кокон. Джейкоб снова заработал плавниками, на этот раз куда осторожнее, затем изогнулся всем телом и резко оттолкнулся ногами. Металлический дельфин взмахнул хвостом и выпрыгнул из воды. Макой была уже далеко. В верхней точке траектории Джейкоб увидел ее изящный нырок.

Он опустил голову, тут же навстречу понеслась стена зеленой морской воды. От удара зазвенело в ушах. Стайка золотистых гарибальди испуган-

но шарахнулась в сторону: он слишком круто вошел в воду. Джейкоб выругался и дважды сильно махнул хвостом, выправляя аппарат. Массивный хвост с силой рассекал воду в такт движениям ног. При каждом ударе Джейкоб чувствовал дрожь, бегущую вдоль позвоночника, и старался как можно плотнее прижаться к упругой внутренней обшивке. Улучив момент, он подобрался и резко разогнул ноги. Аппарат устремился вверх. В левый иллюминатор ворвался ослепительный солнечный свет, в сиянии которого мгновенно исчезли тусклые огоньки приборной панели. Следующий прыжок вышел куда удачнее — Джейкоб с радостным возгласом мягко нырнул в воду. Брызнул в стороны стремительный косяк маленьких серебристых анчоусов. Руки, скользнув вдоль рычагов управления, нащупали регулятор реактивной тяги. В вершине новой дуги Джейкоб просвистел условную фразу на тринари. В ответ послышался шум, и по бокам аппарата выдвинулись небольшие крылья. С громким хлопком включились двигатели, шлем вдавился в затылок. Сверкающая изумрудная гладь стремительно уносилась назад.

Джейкоб догнал Макой и, подняв фонтан брызг, плюхнулся рядом. Дельфиниха приветствовала

его пронзительным свистом. Он выключил ракеты и снова занялся акробатикой.

Теперь человек и дельфин двигались слаженно. Макой, похоже, вполне освоилась со своим коконом и уже научилась делать пируэты и сальто в воздухе. А во время одного особенно высокого прыжка даже ухитрилась просвистеть на тринари куплет довольно сомнительного содержания. Самую двусмысленную строку Джейкоб не разобрал и от души понадеялся, что на катере успели записать все.

Остальная группа шла за ними на небольшом исследовательском судне. Ненадолго воспаряя в воздуху Джейкоб видел белый корпус, подрагивающий в раскаленном мареве. Потом удар о зеленую стену уничтожал все вокруг, и некоторое время Джейкоб мог слышать, лишь как бурлила рассекаемая вода и как попискивает Макой. За стеклом шлема все сливалось в фосфоресцирующем сиянии.

Он взглянул на часы. С начала тренировки прошло десять минут. Джейкоб понимал, что сможет продержаться наравне с Макой не больше получаса. Мускулатура и нервная система человека не предназначены для непрестанных взлетов и падений.

— Макой, пора включать двигатели. Когда будешь готова, сообщи. Давай запустим их, когда снова прыгНем. Они погрузились в море. Джейкоб с силой ударил хвостом своего аппарата, чтобы выпрыгнуть как можно выше, и вот они снова парят в воздухе, подобно странным фантастическим птицам.

— Макой, я не шучу. Ты готова?

Они достигли высшей точки траектории. Он скосил глаза и разглядел круглый блестящий глаз. Аппарат Макой изогнулся и ринулся навстречу морской пучине. Через мгновение Джейкоб устремился вслед за подопечной.

— Ладно, Макой. Если не ответишь сию минуту, мы возвращаемся.

Он толчками двигался рядом со своей ученицей, а мимо в изумрудной воде проносились бесчисленные воздушные пузырьки. Макой изогнулась, но вместо того, чтобы вынырнуть, нырнула еще глубже. Джейкоб услышал быструю фразу на тринари — слишком быструю, чтобы как следует понять… Кажется, она пробормотала что-то о занудстве.

Джейкоб медленно всплыл на поверхность.

— Ну, милая, давай! Одна правильная английская фраза, и все дела!

Если хочешь, чтобы твои дети когда-нибудь открыли для себя космос, ты должна это сделать. К тому же английский так выразителен! Давай же, скажи дядюшке Джейкобу, что ты о нем думаешь.

Несколько секунд в наушниках царила полная тишина. Потом он вдруг увидел промелькнувшую под ним стремительную тень. Тень пронеслась мимо, и уже возле самой поверхности прозвучало насмешливое вибрато:

— Лови меня, зззануда! Я лечуууууу!

Металлический хвост яростно шлепнул по воде, и дельфиниха на столбе пламени вырвалась из плена родной стихии.

Джейкоб рассмеялся, отплыл в сторону и, запустив двигатели, помчался вдогонку за ученицей.

Он еще допивал кофе, когда Глория принесла таблицу последних данных. Джейкоб попытался сосредоточиться на них, но качка помешала, строчки плясали перед глазами, и он отложил листки в сторону.

— Потом посмотрю. А пока не могли бы вы изложить выводы вкратце?

Кстати, я не успел позавтракать и, если позволите, съем-ка еще сэндвич. Она глянула на него сверху вниз и, крепко ухватившись за поруч-

ни, уселась напротив. Качка усиливалась. Как обычно, Глория обошлась минимумом одежды. И надо сказать, молодой и очень привлекательной биологине это шло. Ее наряд состоял в основном из великолепной гривы буйных черных волос.

— Джейкоб, мне кажется, теперь у нас есть вся необходимая информация, и можно двигаться дальше. Не знаю, как вам это удалось, но время, в течение которого Макой способна сосредоточиться на английском, теперь стало по крайней мере вдвое дольше обычного. Манфред полагает, что он обнаружил достаточное количество синаптических кластеров, чтобы наметить направление следующей серии экспериментальных мутаций. Есть несколько узлов в левой доле головного мозга, которые он хочет развить у потомства Макой. Что касается моей группы, то мы вполне удовлетворены существующим положением. Обращение Макой с искусственным аппаратом определенно доказывает, что уже нынешнее поколение дельфинов способно управлять машинами.

Джейкоб вздохнул.

— Если вы надеетесь, что эти результаты убедят Совет Конфедерации отменить дальнейшие эксперименты, то вы ошибаетесь. Они напуганы.

И больше не желают рассматривать поэзию и музыку в качестве доводов в пользу разумности дельфинов. Им нужны существа, способные мыслить аналитически, а то, что мы имеем, — управление запуском двигателей при помощи английских фраз — не в счет. Ставлю двадцать к одному, что Манфред продолжит свои опыты.

Глория покраснела от гнева.

— Продолжит?! Но это же разумный народ, народ, у которого есть прекрасная мечта! А мы собираемся уничтожить племя поэтов, превратив их в заурядных инженеров!

Джейкоб бросил на тарелку корку от сэндвича и смахнул крошки с груди.

Он уже пожалел о том, что начал этот разговор.

— Знаю, знаю. Я и сам был бы рад не гнать так быстро. Но попробуйте взглянуть на все чуть-чуть с другой точки зрения. Вам не приходило в голову, что, может быть, эти механические плавники помогут дельфинам облечь в слова свою мечту? И тогда нам больше не понадобятся ни тринари, чтобы поболтать о погоде, ни ломаный английский для обсуждения философских проблем. И когда это произойдет, дельфины присоединятся к шимпанзе и начнут бороздить Галактику своими

любопытными носами. А мы будем играть роль умудренных опытом взрослых.

— Но…

Джейкоб вскинул руку, останавливая ее.

— Давайте продолжим разговор позже. Сейчас мне хотелось бы отдохнуть, а потом надо будет взглянуть на нашу девочку.

— Извините, Джейкоб, должно быть, вы действительно устали. Но по крайней мере сегодня все прошло удачно. Джейкоб мягко улыбнулся.

— Да, — он встал, — сегодня все сработало.

— Кстати, пока вы работали с Макой, позвонил какой-то Внеземной.

Джонни так потрясла его наружность, что он чуть не забыл спросить, что вам передать. Записка лежала где-то здесь.

Глория красивыми длинными пальцами сдвинула в сторону блюдца с чашками и торжественно вручила Джейкобу обнаруженный клочок бумаги. Он пробежал записку глазами и нахмурил гладкий лоб без единой морщинки. Кожа Джейкоба была смуглой и упругой, что объяснялось и наследственностью, и долгим воздействием солнца и морской воды. И даже привычка щурить глаза в минуту задумчивости не привела к появлению морщин. Джейкоб потер

жестким натруженным пальцем крючковатый индейский нос.

Почерк радиста оставлял желать лучшего.

— Все, конечно, знают, что вы работали с Внеземными, — сказала Глория, — но я никак не ожидала, что кто-то из них позвонит сюда! Он просто неописуем! Похож на гигантскую брокколи, а манеры словно у церемониймейстера на торжественном приеме.

Джейкоб оторвался от бумаги.

— Так это был кантен? Он назвал свое имя?

— Не знаю, может быть, там написано. Значит, это и есть кантен? — Она вздохнула. — Боюсь, я не очень разбираюсь в чужаках. Наверное, я узнала бы синтианина или тимбрими, но такого мне видеть не доводилось.

— Хм… Так, мне нужно позвонить. Посуду я потом ополосну, не смейте к ней прикасаться. Сообщите Манфреду и Джонни, что я попозже спущусь взглянуть на Макой. Еще раз спасибо.

Джейкоб улыбнулся девушки и слегка коснулся ее плеча, но когда отвернулся, на его лицо вновь набежало выражение крайней озабоченности. Скомкав записку, он направился к люку и исчез внизу. Глория несколько секунд с тоской смотрела ему вслед, потом принялась убирать таблицы

с данными, меланхолически размышляя о том, чем, интересно, можно привлечь внимание этого человека. Да лучше не на час, а на целую ночь.

Каюта Джейкоба напоминала скорее шкаф, в который по недоразумению поставили узкую складную кровать. Но, несмотря на размеры помещения, только здесь Джейкоб чувствовал себя вполне комфортно. Из еще более крошечного стенного шкафчика он вытащил портативный телик и установил его на койке.

Вообще-то для беспокойства не было оснований. Фэгин мог позвонить, чтобы просто поболтать. В конце концов, он всегда интересовался работой Джейкоба с дельфинами. Но в памяти Джейкоба были свежи те случаи, когда звонки этого чужака создавали множество проблем. С минуту он раздумывал, стоит ли отвечать на нежданный звонок. Потом все-таки набрал код и уселся поудобнее, прислонившись к стене. Он никогда не мог отказаться от соблазна пообщаться с В.З. На экране замелькали символы текущих координат вызываемого абонента. Резервация для чужаков Баха. «Осторожней, — сказал он себе, — в Бахе находится Библиотека». Затем последовало стандартное предупреждение: поднадзорные не имеют права вступать в контакт с чужаками.

Джейкоб скорчил гримасу. Прошло несколько секунд. Воздух перед экраном так сильно наэлектризовался, что в нем начали проскакивать маленькие искры. И вот в нескольких дюймах от Джейкоба возникло изображение Фэгина. Чужак и впрямь напоминал гигантскую брокколи. Синие и зеленые побеги сплетались в симметричные сферические шары вокруг шишковатого бородавчатого ствола. То здесь, то там ветви венчались крошечными кристаллическими чешуйками. Особенно много кристалликов было в верхней части, вокруг невидимого дыхательного отверстия. Побеги тихо шелестели в потоке воздуха, едва слышно позвякивая кристалликами: существо дышало.

— Привет, Джейкоб. — Голос отдавал какой-то металлической мелодичностью. — Рад приветствовать тебя без всяких формальностей, на коих ты, к великому моему сожалению, обычно настаиваешь. Джейкоб подавил невольную усмешку. Странным акцентом и витиеватыми оборотами Фэгин напоминал ему китайского мандарина.

— Приветствую тебя, дружище Фэгин, и от всей души желаю всех благ. А теперь, прежде чем ты скажешь хоть слово, я хочу, чтобы ты заранее знал мой ответ: нет, нет и еще раз нет.

Кристаллики тихо звякнули.

— О Джейкоб, ты так молод и так проницателен! Я поражен твоей интуицией! Восхищен! Угадать цель, с которой я звоню… Джейкоб покачал головой.

— Ни лесть, ни даже хорошо скрытый сарказм не помогут тебе, мой дорогой друг Фэгин. Кроме того, я настаиваю на разговоре по-английски — при общении с тобой это единственный способ не оказаться сбитым с толку. Чужак качнул побегами, словно пожал плечами.

— Ах, Джейкоб, я вынужден склониться перед твоей волей и прибегнуть к столь высоко почитаемой вами, людьми, честности, коей так гордятся представители вашего вида. Действительно, речь идет об одном одолжении, о котором я намеревался попросить тебя. Но теперь, когда ты дал мне ответ… продиктованный недавними неприятными происшествиями… хотя большинство из них, тем не менее, в дальнейшем могут обернуться к лучшему… Но не буду продолжать. Позволь поинтересоваться, друг мой, как обстоят дела с вашими подопечными — представителями вида бурых дельфинов?

— Работа продвигается очень неплохо. Как раз сегодня произошел определенный сдвиг. — Пре-

восходно! Уверен, что без тебя, друг мой, здесь не обошлось. Я слышал, ты просто незаменим.

Джейкоб тряхнул головой. Каким-то образом Фэгину все-таки удалось вновь захватить инициативу.

— Мне и правда посчастливилось найти подход к решению проблемы водного сфинкса, но в остальном мое участие в проекте не требует выдающихся способностей. То, что я делаю, вполне по силам каждому.

— Честно говоря, в это трудно поверить.

Джейкоб нахмурился. К несчастью, он не лукавил с Фэгином. А в будущем работа в Центре Развития обещала стать еще будничнее. Своей очереди ждут сотни экспертов, и многие из них куда лучше разбираются в психике дельфинов. Возможно, Центр, хотя бы из чувства благодарности, оставит его в штате, но хочет ли этого он сам? Как ни любил Джейкоб дельфинов и море, в последние дни он чувствовал нарастающую необъяснимую тревогу.

— Фэгин, прошу прощения за резкость. Я все-таки хотел бы услышать о причине твоего звонка… При условии, что мой ответ по-прежнему отрицательный.

Фэгин зашелестел кроной.

— Я хотел пригласить тебя на небольшую дружескую встречу с несколькими достойными представителями различных видов для обсуждения одной весьма важной проблемы чисто интеллектуального свойства. Встреча состоится в четверг в Центре Гостей в Энсенаде в одиннадцать часов. Твое присутствие на ней не накладывает на тебя никаких обязательств. Джейкоб задумался.

— Ты говоришь, там будут Внеземные? Кто именно? И чему посвящена встреча?

— Увы, дорогой мой друг, я не имею права распространяться на эту тему, во всяком случае по телефону. Придется набраться терпения, подробности ты узнаешь в четверг, сразу по прибытии, если, конечно, приедешь.

Джейкоб сразу заподозрил неладное.

— Надеюсь, проблема не политическая? Слишком уж таинственно.

Ствол собеседника замер, тогда как зеленая масса медленно колыхалась.

Фэгин размышлял.

— Я никогда не понимал, Джейкоб, — послышалось наконец металлическое журчание, — почему человек твоего происхождения проявляет так мало интереса к тому переплетению эмоций

и желаний, которое вы, люди, именуете «политикой». Будь здесь уместна метафора, я сказал бы, что политика «у меня в крови». И наверняка у тебя тоже.

— Оставим в покое мое происхождение! Не понимаю, почему нужно ждать до четверга, чтобы узнать, о чем будет идти речь. Кантен вновь замешкался.

— В этом деле имеются… определенные аспекты, которые не стоит обсуждать в эфире. Кое-какие подозрительные представители противоборствующих фракций вашей культуры могут неправильно воспользоваться полученными сведениями, если им удастся… подслушать. Однако позволь тебя уверить, что твое участие будет носить чисто технический характер. Нам нужны твои знания, а также опыт, который ты приобрел в Центре Развития.

«Черта лысого! — подумал про себя Джейкоб. — Вы вовсе не намерены этим ограничиться».

Он хорошо знал хитреца Фэгина. Если Джейкоб все-таки решит поехать на эту встречу, кантен наверняка попытается воспользоваться его присутствием, чтобы вовлечь в какую-нибудь очередную сомнительную и опасную авантюру. В прошлом этому чужаку уже трижды удава-

лось втянуть Джейкоба в свои захватывающие игры. В первых двух случаях он, собственно, и не возражал. Но тогда Джейкоб был совсем другим человеком, ему нравились авантюры и опасности.

Но потом… потом наступила очередь Шпиля. Душевная травма, полученная в Эквадоре, перевернула всю его жизнь. И сейчас он не испытывал никакого желания снова пережить нечто подобное. Но при всем том Джейкобу не хотелось и разочаровывать старого приятеля. По большому счету, Фэгин никогда ему не лгал и, кроме того, был единственным среди Внеземных, кто без всяких задних мыслей искренне восхищался человеческой историей и культурой. Не похожий на людей куда больше, чем все прочие чужаки, кантен тем не менее изо всех сил пытался понять землян.

«Все будет в порядке, если я просто скажу ему правду. Если Фэгин начнет на меня давить, расскажу ему об экспериментах с самогипнозом и странных результатах, которые я получил. Он не будет слишком настаивать, если я взову к его чувству справедливости».

— Ладно, — вздохнул Джейкоб, — ты победил, Фэгин. Я приеду. Только не жди, что я стану гвоз-

дем программы.

Смех Фэгина напоминал пение деревянных флейт.

— Об этом можешь не беспокоиться, дружище Джейкоб. Никому не придет в голову считать тебя гвоздем этой программы!

Солнце еще не зашло за горизонт, когда Джейкоб вышел на верхнюю палубу. Надо было проведать Макой. Закат поражал странной красотой — тускло-оранжевый диск в обрамлении клочьев розовых облаков. Чтобы насладиться этим великолепием, Джейкоб на мгновение остановился. Свежий морской ветер упруго обдувал лицо. Солнце, забывшее полуденную ярость, ласкало кожу. Он прикрыл глаза. Потом тряхнул головой, перекинул ноги через поручень и спрыгнул на нижнюю палубу. Дневная усталость была забыта, и он принялся напевать — фальшиво, но с чувством. Когда Джейкоб появился у бассейна, Макой утомленно подплыла к краю и поприветствовала его очередной стихотворной строкой на тринари. Джейкоб не успел разобрать ее дословно, уловив лишь довольно дружелюбное настроение, ну и, конечно же, непристойный смысл — что-то насчет его половой жизни. Дельфины, весьма склонные к грубоватому юмору,

целое тысячелетие с успехом рассказывали людям двусмысленные истории на тринари, пока те не разобрались в дельфиньем языке.

Джейкоб плеснул в дельфиниху водой.

— Ну-ка угадай, у кого сегодня день был тяжелее?

Она в ответ обдала его целым фонтаном брызг и прокричала что-то вроде «Черт с тобой!». Джейкоб опустил руку в воду, и дельфиниха ласково ткнулась ему в ладонь твердым блестящим клювом.

Глава 2
РУБАШЕЧНИКИ И ШКУРНИКИ

Много лет назад для того, чтобы взять под контроль передвижение людей из Мексики и обратно, правительство Северной Америки снесло все постройки на старой пограничной полосе, и там, где когда-то соприкасались два города, возникла пустыня.

После Переворота и свержения Бюрократии власти Конфедерации разбили на этом месте парк, и со временем на пограничной полосе между Сан-Диего и Тихуаной, к югу от Пендлтона, разросся один из крупнейших лесных массивов.

Но и эта эпоха уже уходила в прошлое.

Ведя взятый напрокат автомобиль по шоссе, Джейкоб повсюду видел признаки постепенного возврата к былым временам и нравам. По обе стороны дороги бригады рабочих устанавливали столбы для забора из колючей проволоки. Этот забор должен был протянуться с востока на запад на огромное расстояние. Ужасное зрелище! Джейкоб отвернулся. В глаза бросился огромный транспарант, установленный на обочине:

НОВАЯ ГРАНИЦА БАХА, РЕЗЕРВАЦИЯ ДЛЯ ВНЕЗЕМНЫХ.
ЖИТЕЛЯМ ТИХУАНЫ, НЕ ИМЕЮЩИМ СТАТУСА ГРАЖДАНИНА,
СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬСЯ В АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ КОМПЕНСАЦИЮ ЗА ПРИНЯТОЕ ВАМИ БЛАГОРОДНОЕ РЕШЕНИЕ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ!

Джейкоб покачал головой и выругался сквозь зубы. «Oderint dum metuant» — пусть ненавидят, лишь бы боялись… Что с того, что человек родился в этом городе, прожил здесь всю свою жизнь? Если у него нет права голоса, он должен убраться с дороги прогресса. С того момента, как вновь начали практиковать резервации для Внеземных, одинаковая участь ждет Тихуану, Гонолулу, Осло

и еще пять городов. Пятидесяти-шестидесяти тысячам проживающих в них поднадзорных — как постоянных, так и временных — придется сняться с насиженных мест, чтобы обеспечить «безопасность» нескольким сотням чужаков. Разумеется, это не коснется основной части населения Земли. Планета в целом по-прежнему закрыта для Внеземных. И для неграждан городов тоже найдется пристанище. К тому же им полагается компенсация, и немалая. И тем не менее на Земле снова появились беженцы.

Джейкоб вздохнул.

По бокам шоссе замелькали постройки. Город еще жил. Кое-где угадывался староиспанский колониальный стиль, но в основном преобладали архитектурные эксперименты, типичные для современных мексиканских городов. Преобладающими цветами зданий были белый и голубой. Воздух звенел на высоких тонах — выли электродвигатели многочисленных машин. По всему городу бело-зеленые таблички возвещали о грядущих переменах. Одна, ближе к шоссе, была заляпана черной краской. Джейкоб успел разобрать наспех написанные сверху слова: «Оккупация. Вторжение». Дело рук постоянного поднадзорного.

Гражданин вряд ли станет заниматься такой чепухой, когда есть сотни законных способов выразить свой протест. Да и временно попавший под надзор за какое-нибудь преступление вряд ли захочет продлить себе срок. Несомненно, это кто-нибудь из несчастных — постоянных поднадзорных — дал волю своим чувствам, забыв о последствиях. Джейкоб от души посочувствовал ему — бедняга скорее всего уже за решеткой.

Джейкоб происходил из семьи потомственных политиков, хотя сам и не испытывал к ней никакого интереса. Оба его деда были героями Переворота, членами небольшой группы технократов, сумевшей свергнуть Бюрократию. Но к Закону о надзоре его семья не имела отношения. В последние годы Джейкоб научился не вспоминать прошлое. Сейчас же он ничего не смог поделать с собой — воспоминания нахлынули мощной волной.

Летняя школа клана Альварес располагалась на одном из холмов, раскинувшихся вокруг Каракаса, в том самом доме, где в свое время Джозеф Альварес с друзьями разрабатывал планы Переворота. Дядя Джереми читал свою лекцию, а Джейкоб и его многочисленные кузены и кузины слушали с минами всепоглощающего внимания

на лицах и смертной тоской в душе. Джейкоб беспокойно вертелся в самом дальнем углу класса, страстно мечтая оказаться в своей комнате, где его ждало «секретное устройство», которое он собрал со сводной сестрой Алисой.

Учтивый и немного наивный Джереми Альварес тогда еще только вступал в пору политического расцвета, только начинал завоевывать авторитет в Ассамблее Конфедерации. Вскоре он станет главой клана Альварес, оттеснив на задний план старшего брата Джеймса.

Джереми рассказывал о том, что Бюрократия издала закон, по которому каждый человек должен был проходить проверку на «склонность к насилию». И тот, у кого данную склонность обнаружат, обязан находиться всю свою жизнь под надзором.

События того утра навсегда врезались Джейкобу в память. Даже сейчас, столько лет спустя, он мог слово в слово повторить речь Джереми в момент, когда в класс незаметно прошмыгнула Алиса, сияя, словно вспыхнувшая сверхновая.

— …Они потратили огромные усилия, дабы убедить население, — раскатистым басом вещал дядя Джереми, — что этот закон раз и навсегда покончит с преступностью. И в этом смысле за-

кон действительно оказался очень эффективен — человек с вживленным передатчиком сто раз подумает, прежде чем решится причинить неприятности своему ближнему. Граждане тогда одобрили закон. Они с удивительной легкостью забыли о своих конституционных правах. Тем более что большинство из них жили в сельской местности, где никогда и не знали подобной роскоши. Когда же лазейки именно в этом законе позволили Джозефу Альваресу и его друзьям свергнуть саму Бюрократию, ликующие граждане вновь и бесповоротно отдали ему свои сердца. Руководители Переворота не посмели поднять вопрос об этичности и правомерности Закона о надзоре. К тому же у них и без того хватало в те дни проблем с организацией Конфедерации… Джейкобу тогда подумалось, что он не выдержит и закричит от смертной тоски и нетерпения. Дядя Джереми все бубнит и бубнит об этой древней чепухе, а Алиса, счастливица Алиса тайком наслаждается сигналами из глубокого космоса по «секретному устройству», рискуя навлечь на себя гнев взрослых. Эх, что-то она в этот раз услышит!

Нет никаких сомнений, сигналы подает космический корабль! И это явно всего лишь третье тихоходное судно, вернувшееся назад! Чем еще

объяснить странную суматоху, поднявшуюся в восточном крыле здания, где находятся лаборатории и кабинеты взрослых? Да еще по тревоге подняли космических резервистов…

Дядя Джереми все продолжал свои разглагольствования, но Джейкоб его уже не видел и не слышал. Алиса возбужденно выпалила ему в ухо:

— Чужаки, Джейкоб! Чужаки! Люди везут с собой чужаков! Внеземные на своих собственных кораблях следуют за земным кораблем! О Джек, «Везариус» обнаружил В.З.!

Так Джейкоб впервые услышал это слово. Впоследствии он не раз спрашивал себя, уж не Алиса ли ввела его в обиход? В свои десять он частенько размышлял, не означает ли слово «Внеземные», что кого-то намерены съесть? <игра слов: «eatee» (англ.) — внеземные, «eat» (англ.) — съесть>

И теперь, проезжая по улицам Тихуаны, давно уже повзрослевший Джейкоб вдруг подумал, что все еще не знает ответа на свой детский вопрос. Угловые здания на основных перекрестках были снесены, и вместо них, переливаясь всеми цветами радуги, красовались «пункты отдыха для В.З.». У входов замерли новенькие автобусы с открытым верхом, оборудованные для пере-

возки как людей, так и чужаков. Возле одного из «пунктов отдыха» Джейкоб увидел пикет. Где-то с десяток шкурников. По крайней мере похожие на шкурников — разряжены в звериные шкуры, размахивают игрушечными пластиковыми копьями. Кто бы еще мог так выглядеть?!

Он прибавил громкость радио и нажал кнопку голосового управления:

«Местные новости, ключевые слова: шкурники, городская администрация, пикеты».

Через мгновение раздался надтреснутый металлический голос. Джейкоб раздраженно скривился: могли бы наконец подобрать подходящий тембр. «Краткая сводка новостей. — Искусственный голос, несмотря на дребезжание, обладал оксфордским произношением. — Сегодня двенадцатое января две тысячи двести сорок восьмого года, сейчас девять часов сорок одна минута. Доброе утро. Тридцать семь человек на законных основаниях пикетируют здание городской администрации Тихуаны. Официально зарегистрированные требования сводятся к сокращению числа резерваций для Внеземных. Пожалуйста, прервите сообщение, если желаете получить факс или устное изложение их официального манифеста».

Механический голос выжидающе замолк. Джейкоб начал терять интерес. Он был хорошо знаком с сутью протеста шкурников. Она состояла в том, что люди, по крайней мере некоторые, не желают или неспособны сотрудничать с чужаками.

«Двадцать шесть из тридцати семи членов группы имеют передатчики поднадзорных, — вновь задребезжал голос, — остальные являются гражданами. В целом соотношение жителей Тихуаны следующее: на сто двадцать четыре гражданина приходится один поднадзорный. Поведение и одежда пикетчиков позволяют отнести их к приверженцам так называемой неолитической этики, в просторечии именуемым шкурниками. Поскольку никто из граждан города не воспользовался своим правом не регистрироваться, можно с уверенностью сказать, что тридцать человек — жители Тихуаны, остальные приезжие…» Джейкобу стало неинтересно, в сцене у административного корпуса не оказалось ничего нового. Он выключил радио. Однако полемика о резервациях для В.З. напомнила ему, что уже почти два года он не навещал дядю Джеймса в Санта-Барбаре. Старик наверняка по уши увяз в тяжбах, которые вел по поручению половины

поднадзорных Тихуаны. И все же дядя Джеймс, уж конечно, возьмет на заметку, что племянник Джейкоб отправился в дальнюю поездку, не удосужившись попрощаться ни с ним, ни с прочими своими родственниками из многочисленного клана Альварес.

«Дальняя поездка? О чем это я? — Джейкоб дернул головой. — Я никуда не собираюсь».

Но в уголке его мозга, отведенном для подобных вещей, засела какая-то заноза, связанная с предстоящей таинственной конференцией. Предвкушение чего-то важного боролось в душе с желанием повернуть назад. Ситуация могла бы показаться очень забавной ему самому, если бы не была слишком знакомой. Какое-то время Джейкоб ехал в тишине — город уступил место бескрайним просторам, и поток машин превратился в тоненький ручеек. Солнце пригревало руки, лежавшие на руле, а сомнения все больше и больше одолевали душу. Несмотря на свои тревоги, он все еще не хотел признать, что для него настала пора покинуть Центр Развития. Работа с дельфинами и шимпанзе была просто замечательной и куда более спокойной (исключая первые суматошные недели занятий с водным сфинксом), чем его прежняя профессия крими-

нального исследователя. Сотрудники Центра были по-настоящему преданы своей работе и, в отличие от множества иных современных земных ученых, обладали высокой этикой. Их работа имела огромное и непреходящее значение. Она не потеряет смысл и тогда, когда в Ла-Пасе в полную силу заработает земной филиал Библиотеки.

Но гораздо более важным представлялось Джейкобу, что в Центре он нашел друзей. Именно они оказывали ему неоценимую поддержку весь минувший год, в течение которого шел медленный процесс соединения воедино распавшихся частей его мозга. Особенно участливой была Глория. «Если я останусь, с ней придется что-нибудь решать». Джейкоб понимал, что дружескими отношениями тут не ограничишься, чувства девушки проявлялись все более явно.

До катастрофы в Эквадоре, которая и привела его в Центр в поисках покоя, Джейкоб знал бы, как поступить в подобной ситуации, и имел бы мужество сделать решительный шаг. Но теперь… Теперь он потерял прежнюю твердость, стал подвержен сомнениям. Сможет ли он решиться когда-нибудь на нечто большее, чем мимолетная интрижка?

Со смерти Тани прошло два года. Два долгих

года! Временами ему бывало очень одиноко. Не помогали ни работа, ни друзья, ни даже увлекательные игры со своим мозгом.

Ландшафт постепенно становился все более безжизненным. Яркая зелень исчезла. Провожая глазами проносящиеся мимо одинокие шишковатые кактусы, Джейкоб откинулся назад и расслабился, наслаждаясь медленным и плавным ритмом езды. Тело его слегка покачивалось в такт движению машины, словно он все еще находился в море.

За выжженными холмами блеснула синь океана. Чем ближе извилистая дорога подводила его к месту встречи, тем сильнее и сильнее Джейкобу хотелось оказаться на борту ставшего родным судна, ждать, когда вдали мелькнет черная спина первого дельфина, когда раздастся щелкающий свист вожака стаи… Вот-вот должна начаться ежегодная миграция дельфинов. Машина обогнула холм, и Джейкоб с удивлением обнаружил, что все места парковки по обе стороны от шоссе заняты компактными электромобилями — собратьями его собственного. Он поднял голову: на вершине холма толпились люди. Джейкоб перестроился на правую полосу, где движение регулировалось автоматически и не было нуж-

ды следить за дорогой. Тут на левой стороне остановился вновь прибывший автомобиль. Из него вылезли двое взрослых и несколько детей. Все держали в руках по корзинке для пикника и по биноклю. Компания вполне походила на типичное городское семейство, выбравшееся на уик-энд, если бы не серебристые одеяния и золотые амулеты. Большинство людей на холме были облачены в те же серебристые одежды. Многие смотрели в личные мини-телескопы куда-то за соседний холм. На этом холме тоже толпились люди, одетые «в пещерном стиле». Правда, убежденные кроманьонцы пошли на некоторый компромисс: наряду с каменными топорами и копьями в их арсенале имелись телескопы, часы, радио и мегафоны. Две группы символично расположились на противоположных холмах. Но было у них и нечто общее: и шкурники, и рубашечники ненавидели все ограничения на общение с В.З., дружеское или враждебное. В ложбине между холмами, пересекая шоссе, красовался гигантский плакат:

КАЛИФОРНИЙСКАЯ РЕЗЕРВАЦИЯ ВНЕЗЕМНЫХ БАХА.

Въезд поднадзорным без специального разрешения запрещен. Просьба ко всем, кто приезжает

впервые, обращаться в информационный центр. Амулеты и неолитические одеяния не допускаются, Просьба о появлении шкурников сообщать в информационный центр.

Джейкоб улыбнулся. Пресса изрядно повеселилась по поводу последнего требования. На всех каналах то и дело появлялись карикатуры, изображавшие посетителей центра, вынужденных сдирать с себя не только экзотические одеяния, но и кожу — под одобрительными взглядами змееподобных существ. Стоянка на вершине соседнего холма также была забита до отказа. Автомобиль Джейкоба медленно взобрался наверх. Отсюда он наконец смог увидеть пресловутый барьер.

Посредине широкой полосы, лишенной какой бы то ни было растительности, тянулась линия столбов с натянутой колючей проволокой. На многих столбах краска успела поблекнуть, а фонари на их верхушках покрылись пылью.

Вездесущие детекторы действовали подобно ситу, позволяя гражданам свободно входить в резервацию и покидать ее, тогда как поднадзорные не могли проникнуть внутрь, а чужаки, напротив, оказаться снаружи. Этот забор являлся грубым напоминанием того факта, который

большинство людей старалось не замечать: значительная часть человечества носила вживленные передатчики только потому, что другая, большая часть, попросту не доверяла им. И это большинство не желало, чтобы Внеземные и те, кого на основании психологического теста сочли «склонными к насилию», вступали между собой в контакт.

Барьер, судя по всему, неплохо справлялся со своей задачей. Скопления людей по обе стороны шоссе становились все плотнее, а их одеяния — все экзотичнее, но перед самой линией столбов оставалась узкая полоска свободного пространства. Кое-кто из рубашечников и шкурников относился, вероятно, к гражданам, но они оставались вместе с товарищами то ли из солидарности, то ли из чувства протеста.

Перед барьером толпа была особенно плотной. И шкурники, и рубашечники провожали автомобили угрозами и оскорбительными жестами. Джейкоб продолжал неторопливо двигаться по полосе с автоматической регулировкой движения, прикрывая рукой глаза от слепящего солнца и наслаждаясь зрелищем. Молодой человек, с ног до головы закутанный в серебристую ткань, потрясал над головой плакатом:

«Человечество — продукт Развития! Пусть наши внеземные братья выйдут из резерваций!»

С другой стороны шоссе женщина размахивала копьем, к которому был прикреплен лист, гласивший:

«Земляне достигли всего сами! В.З., убирайтесь с Земли!» Эти два плаката со всей полнотой выражали суть спора. Весь мир жаждал узнать, кто прав: сторонники Дарвина или последователи фон Даникена. Шкурники и рубашечники представляли собой всего лишь наиболее фанатичные течения двух философских лагерей, на которые людей разделил этот спор. Суть спора состояла в сакраментальном вопросе: каким образом вид гомо сапиенс стал самим собой?

Но рубашечники и шкурники обсуждением этого вопроса не довольствовались. У первых любовь к чужакам достигла почти религиозного экстаза. Ксенофилия в стадии истерии. Что касается неолитиков с их любовью к нарядам кроманьонцев и пещерным ритуалам, то не скрывается ли за их призывами к «независимости от В.З.» нечто большее — страх перед чуждым разумом? Своего рода космическая ксенофобия?

В одном Джейкоб не сомневался: и тех и других объединяли гнев и возмущение, вызванные

осторожной, основанной на компромиссах политикой Конфедерации по отношению к В.З., а также возмущение Законом о надзоре, который многих из них выкинул на обочину общества. В итоге — гнев по отношению к миру, в котором никто не мог сказать наверняка, каково его происхождение.

Внимание Джейкоба привлек пожилой небритый человек в куртке из шкуры и самодельных кожаных штанах. Он сидел на корточках у шоссе, смешно подскакивая, что-то яростно крича в облаке пыли, поднятой множеством ног, и указывая пальцем на землю. С каждым мгновением его отрывистые выкрики становились все более громкими и неистовыми.

— П-пе! — Странные звуки вылетали из его горла, яростные, словно проклятия. Пена пузырилась на губах. Узловатый палец с силой тыкал в землю. — П-пе! П-пе!

Изумленный странным зрелищем, Джейкоб приостановил автомобиль. И сразу что-то со свистом пронеслось у него перед лицом. Что-то с грохотом разбилось о дверцу. По крыше автомобиля забарабанил град камней. У Джейкоба заложило уши. Он быстро поднял стекло и резко съехал с автоматической полосы. Автомобиль

разогнался. Непрочная коробка салона сотрясалась — рядом с машиной Джейкоб увидел злобные лица парней, неистово колотивших по ней кулаками.

За несколько метров до барьера Джейкоб вдруг развеселился. Он решил выяснить, что же им нужно. Слегка отпустил акселератор и приоткрыл окно, чтобы задать вопрос ближайшему к нему человеку — юноше, словно сошедшему со страниц научно-фантастического романа двадцатого века. Тем временем толпа у обочины шоссе превратилась в мешанину плакатов и разномастных одеяний. И прежде чем он успел раскрыть рот, ветровое стекло треснуло и вдоль щеки Джейкоба что-то вжикнуло. Кабина наполнилась гарью. Он бросил машину к барьеру. Мимо пронеслись столбы с колючей проволокой, и толпа отстала. В зеркало он видел, как яростно кричат молодые люди, потрясая кулаками, торчащими из рукавов фантастических одежд. Джейкоб снова рассмеялся, опустил стекло и, высунув руку, помахал им на прощание.

«Интересно, что я скажу в компании по прокату? — подумалось ему, и он снова рассмеялся. — Может, сказать, что на меня напали войска Империи Минь? Ведь ни за что не поверят они в

такую нелепую правду». Вызывать полицию не имело никакого смысла. Местные полицейские не сделают и шагу без предварительной проверки на поднадзорность. А несколько П-передатчиков без труда затеряются среди огромного числа себе подобных. Кроме того, Фэгин просил его не афишировать свое появление.

Он до конца опустил стекло, чтобы свежий ветер разогнал гарь.

Просунул палец в дыру от пули в ветровом стекле и виновато улыбнулся.

«Тебе все это понравилось, не так ли?»

Одно дело, когда кровь начинает бежать быстрее от хорошей дозы адреналина, и совсем другое, когда опасность веселит тебя. Восторг, который он испытал во время стычки у барьера, встревожил его куда больше, чем странная агрессивность толпы.

Вдруг приборная панель негромко пискнула. Джейкоб поднял взгляд. Любитель автостопа? Здесь? Впереди, примерно в полукилометре, у обочины стоял человек, выставив циферблат своих часов так, чтобы он попал в поле зрения автомобильного локатора. У ног человека лежали две огромные сумки. Джейкоб пребывал в нерешительности. Но, в конце концов, только

граждане могут попасть на территорию резервации. Он притормозил, проехав немного вперед. Ему показалось, что он уже где-то видел этого краснолицего толстяка в темно-сером деловом костюме. Пока человек торопливо семенил к автомобилю, согнувшись под тяжестью сумок, Джейкоб отметил, как колышется его объемистый живот. Человек наклонился и заглянул в машину, лицо его было усеяно капельками пота.

— Боже, ну и жара! — простонал он. Говорил толстяк на стандартном английском, но с сильным акцентом. — Неудивительно, что никто не едет по автоматической полосе, — он отер пот со лба, — все несутся на максимальной скорости, ловят ветерок. Но ваше лицо мне знакомо, должно быть, мы где-то встречались. Меня зовут Питер Ла Рок, или Пьер, если вам угодно. Я из «Монд».

Джейкоб вздрогнул.

— Ну, конечно, Ла Рок. Мы с вами действительно встречались. Я Джейкоб Демва. Садитесь. Я еду только до информационного центра, но там вы можете сесть на автобус.

Он от души надеялся, что его лицо осталось невозмутимым. И как он не узнал этого невыносимого толстяка?! Ни за что бы не остановился. Нельзя сказать, что у него была какая-то осо-

бая причина для неприязни… если не считать непомерного самодовольства этого человека и его неистощимого запаса собственных мнений по любому поводу, при каждом удобном случае высыпаемых на собеседника. Во многих отношениях Пьер Ла Рок, возможно, даже был очаровательнейшим человеком. Похоже, он занимал видное место в прессе. Джейкоб читал кое-какие его статьи, и ему нравилось если не содержание, то, во всяком случае, перо автора. Но Пьер Ла Рок был как раз одним из тех самых настырных представителей прессы, кто преследовал Джейкоба в течение нескольких недель после решения загадки водного сфинкса. Возможно, самым назойливым из всех. Да, последняя статья в «Монд» была вполне благожелательной, к тому же прекрасно написанной. Но это отнюдь не компенсировало причиненного беспокойства.

Джейкоб был рад, что журналисты не сумели отыскать его после трагедии, случившейся на Ванильном Шпиле в Эквадоре. В то время он просто не вынес бы Ла Рока.

Как и прежде, Джейкоба покоробил явно нарочитый «национальный» акцент журналиста. Этот акцент стал даже сильнее со времени их последней встречи.

— Ну, конечно же, Джейкоб Демва! — воскликнул Ла Рок. Он закинул сумки назад и уселся в машину. — Бог афоризмов! Охотник за тайнами! И вы здесь. Наверное, собираетесь принять участие в конкурсе по разгадыванию головоломок вместе с нашими благородными инопланетными гостями? Или, быть может, решили заглянуть в Великую Библиотеку в Ла-Пасе? Джейкоб снова перестроился на автоматическую полосу, мимолетно подумав, что неплохо было бы знать, кто вообще ввел моду на «национальный» акцент. Было бы чем уязвить этого болвана.

— Меня пригласили сюда в качестве консультанта. Среди приглашавших действительно есть Внеземные, если вы об этом хотели спросить. Но вдаваться в подробности я не имею права.

— О, да-да-да, это, наверное, совершенно секретно! — Ла Рок игриво взмахнул пухлыми ручками. — Но нельзя же так интриговать журналиста! Вы делаете свое дело, я — свое! И вас наверняка волнует, что же привело лучшего репортера «Монд» в эту пустыню. Я угадал?

— Меня больше интересует, почему вам пришлось ловить машину в этой пустыне. Ла Рок горестно вздохнул.

— Да, воистину пустыня! До чего печально, что

именно здесь должны жить наши благородные гости. Здесь или в других столь же пустынных местах. На вашей Аляске, например.

— Про Гавайи, Каракас и Шри Ланку вы, судя по всему, забыли, — саркастически отозвался Джейкоб. — А что касается вашей цели…

— Моей цели? О, у меня нет никаких секретов, дорогой мистер Демва! Но давайте немного повеселимся и еще раз испытаем ваш талант к дедукции. Угадаете или нет?

Джейкоб чуть не застонал. Он резко дернул рычаг, и машина съехала с автоматической полосы. Нога с силой надавила на акселератор.

— У меня есть идея получше, мистер Ла Рок. Раз вы не хотите объяснить, почему оказались без машины в столь пустынной местности, то, быть может, вы раскроете мне один маленький секрет? Джейкоб описал сцену перед барьером, опустив эпизод с выстрелом, понадеявшись, что Ла Рок не заметит отверстия в стекле. Особое внимание он уделил описанию странного человека, сидевшего в пыли.

— Конечно же! — с энтузиазмом воскликнул Ла Рок. — Нет ничего проще!

Вы, разумеется, знаете, как в просторечье именуют постоянных поднадзорных? Этот ужасный

ярлык, который лишает человека всех прав, в том числе и права иметь детей, права…

— Да, я все это знаю, не тратьте попусту слов! — Джейкоб помолчал. — Кажется, я начинаю понимать.

— Да, этот несчастный платил вам той же монетой. Вы, граждане, именуете его пе-пе… так что справедливо, что и он вас называет так же, правда, вкладывая в эти звуки. другой смысл. Вы ведь знаете, что граждан они именуют послушными и прирученными?

Джейкоб не выдержал и рассмеялся. Впереди показался поворот.

— Но почему они собрались у барьера? Такое впечатление, что все они кого-то ждут.

— У барьера? Ах да. Я слышал, что такое происходит каждый четверг. В.З. из центра приходят к барьеру, чтобы поглазеть на неграждан, а те, в свою очередь, собираются, чтобы полюбоваться на чужаков. Забавно, не правда ли? Никто не знает, кто первый положил этому начало. Дорога обогнула очередной холм, и впереди показалась цель их путешествия. Информационный центр, расположенный в нескольких километрах к северу от Энсенады, представлял собой огороженную территорию с разбросанными по ней

жилыми домиками для В.З. и общественными зданиями. За деревьями виднелись казармы пограничников. Рядом с просторной автостоянкой высилось основное здание, в котором впервые прибывающие посетители получали инструкции галактического протокола. Здание стояло на небольшом плато между шоссе и океаном. Из окон открывался великолепный вид. Джейкоб припарковал машину у центрального подъезда. Ла Рок молчал, о чем-то напряженно размышляя. Наконец он поднял глаза.

— Знаете, я сказал неправду, когда говорил, что не знаю, кто первый начал все это. Считайте это неудачной шуткой. Джейкоб удивленно кивнул. Что вдруг нашло на репортера? Странно…

Глава 3
ГЕШТАЛЬТ

Джейкоб помог Ла Року дотащить сумки до автобусной остановки и поспешил распрощаться с репортером. Он обогнул здание, надеясь найти уголок, где можно было бы провести в уединении имевшиеся у него в запасе десять минут.

Со стороны океана он обнаружил небольшое патио с тенистыми деревьями и керамическими

столиками. Лег на один из них, протянув ноги на спинку скамьи. Холодок глиняной поверхности и легкий ветерок с океана приятно ласкали кожу. Несколько минут он лежал неподвижно, поочередно напрягая и расслабляя мышцы спины — требовалось снять напряжение от долгого сидения за рулем. Его глаза бездумно следили за маленьким суденышком с грот-мачтой и кливером. Ярко-зеленый корпус корабля отчетливо выделялся на синей глади океана. Постепенно он расслабился настолько, что позволил себе впасть в транс.

Джейкоб внимательно выслушал все свои органы чувств и отринул от себя внешние ощущения. Усталость постепенно отступала. Тело мягко покачивалось на легких волнах, мало-помалу он перестал его чувствовать. Сохранился лишь зуд в левом бедре, но через несколько секунд исчез и он. Теперь Джейкоб не ощущал ничего, кроме слабого морского запаха. Соленый йодистый аромат был приятен, но отвлекал. Джейкоб отключил обоняние. Несколько мгновений он напряженно прислушивался к стуку сердца, пока тот не отдалился и не исчез совсем.

В последние два года Джейкоб обычно доводил транссостояние до заключительной стадии, той

очистительной фазы, когда перед внутренним взором с болезненной ясностью проносятся давние образы, а две расщепленные половины мозга вновь пытаются слиться в единое целое. Этот процесс, однако, никогда ему не нравился.

Он был один, почти один. Остался лишь далекий гул людских голосов, едва различимые обрывки фраз, смысл которых он не мог разобрать. На мгновение Джейкобу показалось, что он слышит, как спорят Глория и Джонни, затем затараторила что-то непотребное Макой.

Он терпеливо убирал все эти звуки в ожидании того единственного, который всегда возникал с предсказуемой внезапностью — откуда-то издалека что-то кричал ему голос Тани, неудержимо, мимо его подставленных рук падавшей в бездну. Ее уже не было видно, а голос все звучал и звучал, эхом отдаваясь в двадцатимильной пропасти. На этот раз послышался не крик, а приглушенный шепот. Но Джейкобу он причинил нестерпимую боль. Вдруг в голове вспыхнула карикатурная, гротескная версия происшествия у барьера. Джейкоб снова был среди поднадзорных, без машины. Бородатый человек в одеянии пиктского шамана протянул ему бинокль и властно кивнул. Джейкоб послушно взял бинокль и взглянул в

том направлении, куда указывал ему бородач. Его глазам предстал силуэт автобуса, подрагивавший в потоках раскаленного воздуха. Автобус подъехал к остановке по ту сторону линии пограничных столбов, тянувшейся в оба конца до горизонта и за горизонт. Казалось, она упирается в само солнце.

Картина исчезла так же внезапно, как и появилась. С натренированным безразличием Джейкоб подавил искушение обдумать увиденное. На смену ярким образам пришла абсолютная пустота.

Тишина и тьма.

Он пребывал в глубоком трансе, полагаясь на свои внутренние часы, которые в нужный момент возвестят о том, что пора выплывать наружу. Медленно бродил меж очертаний, не имевших никакого значения, неподвластных ни описанию, ни воспоминаниям. Терпеливо искал ключ, который, как он знал, спрятан среди безликих теней и который он когда-нибудь непременно найдет. Наконец наступил такой момент, когда исчезло абсолютно все, исчезло пространство, исчезло время, все поглотила безмерная пустота.

Внезапно эту спокойную пустоту пронзила острая боль, протаранившая все защитные слои,

которые он возвел вокруг мозга. Потребовалось мгновение, сравнимое с вечностью, чтобы понять, что случилось. Боль явилась в виде ослепительной вспышки голубого света, ударившей по зрачкам даже сквозь плотно сомкнутые ресницы. Но уже в следующее мгновение, прежде чем он успел как-то отреагировать на нее, она исчезла. Какое-то время Джейкоб боролся с замешательством. Он пытался сосредоточиться исключительно на возвращении в сознание, но вместо этого в мозгу пульсировал поток панических вопросов. Что вызвало эту голубую вспышку? Если нервные окончания вынуждены столь яростно защищаться, значит, что-то явно не в порядке! Где кроется и чем объясняется страх, на который наткнулось его подсознание? По мере того как он выходил из транса, сознание медленно возвращалось к нему. Где-то над головой послышались шаги. Джейкоб выделил их на фоне шума ветра и моря. Пока он пребывал в трансе, они казались ему легким шорохом. Словно бы страус, выряженный в мягчайшие мокасины, осторожно вышагивал по траве.

Спустя несколько секунд после того, как боль отступила, Джейкобу наконец удалось выйти из состояния глубокого транса. Он открыл глаза.

В нескольких метрах перед ним возвышалось странное существо. Прежде всего в глаза бросились гигантский рост и огромные ярко-красные глаза на белом лунообразном лице.

Мир раскачивался перед глазами.

Пальцы судорожно сжали края керамического столика, голова, словно налитая свинцом, тяжелой гирей упала на грудь. Джейкоб закрыл глаза. Что за чертовщина? Голова была столь тяжелой, что ему казалось: еще секунда, и шейные позвонки не выдержат и надломятся.

Он осторожно протянул руку, коснулся закрытых глаз и с трудом поднял голову. Чужак все еще был здесь. Значит, он и в самом деле существует Джейкоб старательно удерживал голову в поднятом положении. Перед его глазами покачивался гуманоид двухметрового роста. Большую часть его тела скрывало светлое серебристое одеяние. Руки, сложенные на груди в жесте почтительного ожидания, поражали длиной и какой-то светящейся белизной. Огромная круглая голова на несоразмерно тонкой шее слегка подалась вперед. Красные глаза, лишенные век, казалось, занимали половину лунообразного лица. Другая половина была отведена огромным складчатым губам. Между глазами и ртом затерялось еще

несколько органов, предназначение которых для Джейкоба оставалось непонятным. Этот вид В.З. он встречал впервые.

Глаза чужака светились умом.

Джейкоб откашлялся, головокружение еще не прошло.

— Прошу прощения... Мы не знакомы, но, наверное, вы здесь, чтобы встретиться со мной?

Белая голова склонилась в глубоком почтительном кивке.

— Вы из той группы, с которой я должен встретиться по просьбе кантона Фэгина? Снова последовал молчаливый кивок.

"Надо думать, это означает согласие, — мелькнуло в голове у Джейкоба.

— Интересно, может ли он говорить?" Джейкоб попытался вообразить речевой механизм, скрывавшийся за этими огромными губами, и не смог. Но почему этот тип все еще торчит здесь и ест его глазами? Не означает ли эта поза...

— Осмелюсь предположите: вы представитель подопечного вида и ждете разрешения заговорить?

«Губы» слегка раздвинулись, и Джейкоб заметил, как в глубине мелькнуло что-то ослепительно белое. Чужак снова кивнул.

— Тогда, прошу вас, говорите! Как вам, наверное, известно, люди не стремятся к строгому соблюдению протокола. Как вас зовут? Голос был удивительно низким. Джейкоб отметил сильную шепелявость.

— Мое имя Кулла, шэр. Шпашибо за ражрешение. Меня пошлали убедитьшя, что вы не потерялишь. Вше уже шобралишь, и вы можете пойти шо мной. Но ешли вы еще не жакончили, то продолжайте швою медитацию.

— Нет-нет, пойдемте, и поскорей.

Джейкоб встал на ноги, его все еще пошатывало. Чтобы окончательно прийти в себя, он на мгновение закрыл глаза. Рано или поздно он обязательно выяснит, что же с ним произошло, но сейчас нужно было заняться тем, ради чего он здесь.

— Что ж, ведите меня.

Кулла повернулся и медленно поплыл к одному из боковых входов центра. По всем признакам, он принадлежал к подопечному виду, чей период ученичества под руководством опекуна еще не закончился. В галактической табели о рангах такая раса котировалась очень невысоко. Джейкоб, все еще плоховато разбиравшийся в этих сложных галактических отношениях, был рад,

что по счастливой случайности человечество занимало в этой иерархии куда лучшую позицию, хотя статус его и отличался двусмысленностью и неустойчивостью.

Кулла, а вслед за ним и Джейкоб поднялись по каменным ступеням и подошли к большой дубовой двери. Кулла без стука распахнул ее и первым вошел внутрь. Из-за его спины Джейкоб увидел, что в комнате находятся еще два человека и два чужака. Один из чужаков, сидевший у ветвистого фикуса, напоминал небольшого лохматого медведя, другой походил на маленького ящера.

Джейкоб надеялся, что успеет разобраться в своих впечатлениях от необычной парочки раньше, чем они его заметят. Но уже в следующее мгновение кто-то окликнул его по имени:

— Джейкоб, мой дорогой друг! Как любезно с твоей стороны, что ты выбрался к нам!

Джейкоб узнал певуче-металлический голос Фэгина. Он с удивлением огляделся.

— Фэгин? Но где…

— Я здесь, друг мой.

Джейкоб взглянул на сидевших у окна. Люди и мохнатый чужак зашевелились. Ящер продолжал хранить каменную неподвижность. Джейкоб пригляделся повнимательнее и только сейчас

сообразил, что фикус у окна и есть его приятель Фэгин. Серебристые листочки тихо звякнули, словно раздался легкий смешок.

Джейкоб улыбнулся. Всякий раз при общении с Фэгином у него возникала одна и та же проблема. У гуманоидов принято смотреть собеседнику в лицо, или по крайней мере на то место, что призвано заменять лицо. Обычно это место даже у самых неописуемых чужаков отыскивалось почти сразу. Всегда находился такой орган, посредством которого его обладатель познает мир, и именно к этому органу все привыкли обращаться. У большинства чужаков, так же, как и у людей, эту роль играли глаза. Но у кантена попросту не было глаз. Джейкоб догадывался, что сверкающие серебристые листочки, то и дело позвякивающие мелодичными колокольчиками, являются световыми рецепторами Фэгина. Но от этой догадки было мало проку. Всегда приходилось смотреть на Фэгина целиком, а не концентрировать свое внимание на каких-то там выступах или впадинах его персоны. Джейкоб гадал, что же более странно — то, что он искренне привязан к этому чужаку, или то, что он, несмотря на долгие годы дружбы, все еще испытывает неловкость при общении с ним? Темный, покрытый листвой ствол

Фэгина двинулся от окна навстречу Джейкобу короткими поворотами, передвигаясь с помощью корней-присосок. Джейкоб слегка наклонил голову, приветствуя своего давнего приятеля. Фэгин говорил отчетливо, но удивительно напевно. Эта напевность, хоть и отдававшая металлом, в чем-то походила на шведскую или кантонскую речь. Из-за нее тринари давался кантену куда лучше английского.

— Фэгин, а-Кантен, аб-Ликтен-аб-Сикул-уль-Ниш, Миорки Кифу, мне приятно видеть тебя вновь.

— Эти почтенные существа явились сюда, чтобы обменяться с тобой крупицами мудрости, дружище Джейкоб, — пропел Фэгин. — Надеюсь, ты готов к формальному знакомству.

Джейкоб постарался сконцентрироваться — ему предстояло запомнить целую кучу сложных видовых имен каждого из чужаков. Многочисленные имена опекунов и подопечных раскроют их статус. Он кивком попросил Фэгина продолжать.

— Позволь официально представить тебе Буббакуба, а-Пил, аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пуберуль-Гелло-уль-Прингл из Института Библиотеки. Один из В.З. сделал маленький шаг вперед. Первоначальное гештальт-представление, возникшее

у Джейкоба: четырехлапый медвежонок серого цвета. Но широкая морда и густые ресницы смазывали это впечатление. Так это Буббакуб, директор земного филиала Библиотеки! Филиал Библиотеки, расположенный в Ла-Пасе, потреблял почти все доходы от того скудного товарообмена с другими мирами, который Земля сумела наладить со времени Контакта. Но этих средств не хватало. Значительная часть работ по приспособлению крошечного провинциального филиала к нуждам людей осуществлялась все же за счет гигантского галактического Института Библиотеки. Институт оказывал эту поддержку в форме благотворительной помощи «отсталой» человеческой расе. Будучи директором земного филиала, Буббакуб являлся одним из самых значительных чужаков на Земле! Его видовое имя также указывало на высокий статус, даже более высокий, чем у Фэгина! Четыре частицы «аб» означали, что соплеменники Буббакуба стали разумными благодаря иной расе, которую, в свою очередь, взрастила еще одна раса, и так далее. Следы терялись в мифической эпохе прародителей. А все четыре «родительские» расы продолжали свое автономное существование на просторах Галактики. Столь длинная цепочка

неоспоримо указывала на высокий статус этого вида в многоликой галактической культуре. Двойная частица «уль» свидетельствовала о том, что сами пилы поставили на ноги две новые культуры. Этот факт еще добавлял им веса. Полностью «сиротскому» человечеству опуститься на самый низ иерархической структуры Галактики не позволяло единственное счастливое обстоятельство. Людям удалось воспитать на Земле две разумные расы еще до того, как «Везариус» вернулся с известием об установлении контакта с внеземной цивилизацией.

Чужак слегка поклонился.

— Меня зовут Буббакуб.

Искусственный голос исходил из небольшого диска, висевшего на шее пила.

Это же водор! Так, значит, пилам для общения на английском требуется помощь искусственного аппарата! Джейкоб пригляделся. Судя по размерам прибора, который был гораздо меньше, чем те, что он видел у чужаков, абсолютно не способных к человеческой речи, Буббакуб все-таки мог говорить, но только в недоступном для человеческого уха частотном диапазоне. Джейкоб решил, что чужак должен слышать его напрямую.

— Меня зовут Джейкоб. Приветствую вас на

Земле.

Буббакуб важно кивнул. Губы чужака беззвучно зашевелились. Через мгновение загудел водор.

— Спасибо, — слова выходили какими-то обрубленными и рваными, — я счастлив находиться здесь.

Джейкоб поклонился, постаравшись проследить за тем, чтобы поклон вышел не глубже, чем у чужака.

— Я полностью к вашим услугам как житель этой планеты.

Чужак, судя по всему, вполне удовлетворенный, отступил назад. Фэгин продолжал представлять незнакомцев:

— Эти достойные существа относятся к представителям вашей расы.

Ветка с позвякивающими кристалликами склонилась в направлении людей, стоявших поодаль. Седовласый человек, облаченный в твидовый костюм, и высокая смуглая женщина среднего возраста, не лишенная приятности.

— Позволь представить их тебе, — провозгласил Фэгин, — не столь официально. Джейкоб Демва, познакомься с Дуэйном Кеплером, руководителем экспедиции «Прыжок в Солнце» и доктором Милдред Мартин с факультета пара-

психологии университета Ла-Паса.

Основным украшением физиономии Кеплера являлись пышные обвислые усы. Он приветливо улыбнулся и что-то сказал, но Джейкоб был слишком изумлен, чтобы понять, что ему говорят.

«Прыжок в Солнце»! Экспедиция, проводившая исследования на Меркурии и в солнечной хромосфере, в последнее время вызывала жаркие споры в Ассамблее Конфедерации. Фракция «Приспособление и Выживание» заявила, что не имеет смысла тратить огромные суммы на то, о чем можно узнать в Библиотеке. Тем более что эти средства здесь, на Земле, нужны ученым, мающимся без работы. Они с радостью возьмутся за куда более реальные проекты. Фракция «Самодостаточность», однако, продолжала гнуть линию солнечных исследований, несмотря на нападки прессы. Джейкобу сама идея отправки кораблей с людьми внутрь звезды казалась абсолютно безумной.

— Кантен Фэгин очень настойчиво вас рекомендовал, — сказал Кеплер.

Руководитель «Прыжка в Солнце» улыбался, но улыбка не скрывала усталости на его лице. Припухшие глаза выдавали тревогу. Он порывисто встряхнул руку Джейкоба. Его голос внезапно

дрогнул:

— Мы прибыли на Землю совсем ненадолго. Нам крупно повезло, что Фэгин сумел убедить вас приехать на эту встречу. Я очень надеюсь, что вы согласитесь отправиться с нами на Меркурий. Нам бы так пригодился ваш опыт межвидовых контак-тов!

Джейкоб вздрогнул. Нет, только не это! Господи, и как он мог поверить этому шелестящему чудовищу! Он собрался было уже наградить Фэгина гневным взглядом, и лишь нежелание обижать двух ни в чем не повинных людей остановило его. Он взглянул на Кеплера, затем перевел взгляд на его спутницу. Так, значит, Меркурий.

Лицо доктора Мартин расплылось в любезной улыбке, хотя, когда Джейкоб пожимал ей руку, вид у нее был более чем скучающий. Ему захотелось спросить, какое отношение имеет парапсихология к физике Солнца, но он сдержался, не желая выдать заинтересованности. Однако Фэгин опередил его.

— Разрешите мне вмешаться, как это принято у людей при неформальном общении, — важно объявил чужак, — я не представил дорогому Джейкобу еще одно достойное существо.

«Вот это да! — подумал Джейкоб. — Надеюсь,

этот В.З. не слишком чувствительный». Он повернулся к ящерообразному существу, по-прежнему восседавшему на диване под огромным мозаичным панно. Ящер поспешно поднялся и засеменил к ним, смешно перебирая всеми пятью лапами. Он оказался очень маленьким, длиной около метра, а рост не превышал и двадцати сантиметров. Не обратив никакого внимания на Джейкоба, он продефилировал мимо и начал тереться о ногу Буббакуба.

— Нет-нет, — зашелестел Фэгин, — это всего лишь домашнее животное.

Достойное существо, которое я хочу тебе представить, ты уже видел. Это многоуважаемый подопечный, который проводил тебя сюда.

— О, прошу прощения, — улыбнулся Джейкоб, но тут же постарался придашь лицу серьезное выражение.

— Джейкоб Демва, а-Человек, уль-Дельфин-уль-Шимпанзе, познакомься с Куллой, а-Прингл, аб-Пил-аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер. Помощник Буббакуба и представитель Библиотеки в проекте «Прыжок в Солнце». Как и предполагал Джейкоб, и это имя состояло лишь из имен прародителей. Подопечных у принглов не было, хотя свое происхождение они вели по линии

пубер-соро. Когда-нибудь они получат новый статус как члены древнего и могущественного рода. Джейкоб отметил, что Буббакуб тоже из пубер-соро, и попытался вспомнить, не являются ли пилы опекунами принглов. Чужак шагнул вперед, но руки не протянул. Конечности у него были длинные, похожие на щупальца, каждая заканчивалась шестью пальцами, весьма хрупкими на вид. От Куллы исходил слабый запах. Слегка напоминавший аромат свежескошенного сена, запах был приятен.

Огромные глаза вспыхнули. Кулла поклонился. «Губы» чужака раздвинулись, обнажив пару огромных, белых, блестящих зубов, даже не зубов, а перемалывающе-перетирающих органов. Один — сверху, один — снизу. Раздался шорох треснувшего фарфора — Кулла улыбнулся. Вряд ли там, откуда он родом, эта гримаса выражает доброжелательность. Джейкоб содрогнулся. Скорее всего чужак просто подражал человеческой улыбке. Складчатые губы, созданные для сокрытия страшноватых челюстей, так и притягивали взгляд. А для чего, собственно, предназначены эти «зубы»? Ему вдруг захотелось еще раз увидеть, как лицо Куллы «озарится улыбкой».

Он слегка поклонился.

— Меня зовут Джейкоб.

— Меня зовут Кулла, шэр, — прошепелявил чужак. — Ваша Земля очень приятное мешто.

Громадные глаза потухли, и Кулла отступил назад. Буббакуб развернулся, и вся компания направилась к диванам. Мохнатый коротышка небрежно развалился на мягких подушках, безвольно свесив все четыре руки. «Зверушка», последовав за ним, вскарабкалась, на диван и тут же свернулась калачиком рядом со своим хозяином. Затем расселись все остальные.

Кеплер поклонился и, запинаясь, начал:

— Прошу у вас прощения за то, что мы отняли ваше время, мистер Демва.

Я знаю, вы очень занятой человек… И все-таки я очень надеюсь убедить вас в важности нашей проблемы. Поверьте, она достойна вашего внимания и ваших талантов. Кеплер нервно сцепил руки на коленях.

Доктор Мартин серьезно слушала несколько напыщенную речь Кеплера, но Джейкоб видел, что ситуация ее забавляет. Здесь явно все было не так просто, и это беспокоило Джейкоба.

— Доктор Кеплер, должно быть, Фэгин рассказал вам о смерти моей жены.

С тех пор я отошел от разгадок вселенских тайн.

К тому же сейчас я действительно очень занят, настолько, что вряд ли могу позволить себе длительное межпланетное путешествие…

Лицо Кеплера погасло. Его огорчение было столь искренним, что Джейкобу стало совестно и он поспешил подсластить пилюлю:

— …Однако, поскольку старина Фэгин имеет нюх на серьезные проблемы, я с радостью сначала выслушаю всех, кого он рекомендует, и лишь потом стану взвешивать все «за» и «против».

— О! Вы не пожалеете! Я всегда был уверен, что нам крайне необходим взгляд нового человека. А сейчас, когда попечители разрешили привлекать экспертов, приток свежих сил становится особенно актуальным и…

— И все-таки, Дуэйн, — перебила его доктор Мартин, — вы не совсем точны в обрисовке положения. Шесть месяцев назад я поступила к вам консультантом, а Кулла еще раньше разрешил вам пользоваться услугами Библиотеки. Сейчас и Буббакуб любезно согласился поддержать проект. Он лично отправляется с нами на Меркурий. Я думаю, попечители проявили настоящую щедрость.

Джейкоб вздохнул.

— Я буду очень признателен, если кто-нибудь

все-таки объяснит мне, о чем, собственно говоря, идет речь. Доктор Мартин, может быть, вы поведаете, в чем состоит ваша работа… на Меркурий? Он с удивлением отметил, что избегает названия проекта.

— Я консультант, мистер Демва, мне поручено проведение психологического и парапсихологического анализа взаимодействия экипажа и окружающей среды.

— Это имеет отношение к проблеме, упомянутой доктором Кеплером?

— Да. Поначалу предполагалось, что наблюдаемое связано с массовой галлюцинацией. Я исключила эту возможность. Теперь ясно, что неизвестные явления действительно происходят в солнечной хромосфере. В течение последних месяцев я разрабатываю схемы экспериментов, которые будут проводиться при погружениях в Солнце. Ну и, кроме того, я выполняю роль психотерапевта экспедиции. Напряжение, неизбежное при проведении подобных исследований Солнца, влияет на здоровье участников проекта. Доктор Мартин говорила очень убедительно, но что-то в ней настораживало Джейкоба. Быть может, легкомысленность, хорошо скрываемая за маской профессионала? Интересно, в каких отношени-

ях они находятся с Кеплером? Не является ли она также и его личным психотерапевтом? «А если дело обстоит именно так, не нахожусь ли я здесь просто по прихоти больного человека, нуждающегося в поддержке?» Эта мысль выглядела не очень-то привлекательной. Так же, как и перспектива оказаться вовлеченным в политическую игру.

А Буббакуб, глава земного филиала Библиотеки, он-то почему ввязался в этот туманный проект землян? В каком-то смысле коротышка пил — самый важный В.З. на Земле, если, конечно, не считать посла с Тимбрими. Рядом с Институтом Библиотеки, который представлял Буббакуб, крупнейшей и влиятельнейшей галактической организацией, Институт Прогресса Фэгина выглядел, словно ансамбль ударных инструментов рядом с симфоническим оркестром. Неужели доктор Мартин вправду сказала, что Буббакуб собирается на Меркурий? Или ему это послышалось?

Буббакуб бездумно уставился в потолок, явно не желая принимать участия в разговоре. Губы его двигались, словно он напевал в недоступном для людей частотном диапазоне.

Блестящие глаза Куллы не отрывались от ма-

ленького руководителя Библиотеки. Возможно, заслушался «пением» Буббакуба, а возможно, ему просто наскучил разговор.

Кеплер, Мартин, Буббакуб, Кулла… Джейкобу никогда и в голову не могло прийти, что он может оказаться в компании существ, среди которых Фэгин будет наименее странным!

Сбоку от Джейкоба послышался шелест. Он обернулся. Фэгин пребывал в явном возбуждении. Джейкоб спросил себя, что в этой эксцентричной экспедиции могло вывести из равновесия добродушного кантона. Впрочем…

— Доктор Кеплер, не исключено, что я смогу выкроить время для помощи вам… В какой-то мере… — Джейкоб пожал плечами. — Но сначала я все-таки хотел бы уяснить суть проблемы.

Кеплер расцвел.

— О, разве я вам не сказал? Ну надо же! А мне казалось, что я ни о чем другом и думать не могу в последние дни. — Он выпрямился и глубоко вздохнул. — Мистер Демва, такое впечатление, что на Солнце кто-то завелся.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В доисторическую и раннеисторическую эпохи Землю посетили пришельцы из космоса. Эти существа путем направленной генетической мутации создали человеческий разум. Внеземные наделили гоминидов «своим собственным образом». Поэтому мы похожи на них, а не они на нас.

Эрих фон Даникен «Колесницы Богов»

Возвышенные проявления человеческого духа, такие, как религия, альтруизм и нравственность, не являются неизменными и имеют под собой материальную основу.

Эдвард О.Уилсон «О человеческой природе»

Глава 4
МНИМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

«Брэдбери» оказался кораблем нового по-

коления. Он создавался на основе куда более совершенных технологий, чем его предшественники, курсировавшие на коммерческих линиях. «Брэдбери» стартовал с уровня моря с помощью собственных двигателей, в отличие от кораблей предыдущего типа, которые предварительно транспортировались специальными воздушными шарами на одну из вершин экваториальных Шпилей. Он представлял собой сферу и значительно превосходил размерами старые корабли. Джейкоб впервые летел на галактическом корабле, созданном в результате миллиарда лет развития науки. В иллюминатор каюты первого класса он видел, как медленно удаляется Земля. Полуостров Калифорния превратился сначала в коричневую полоску, затем в узкую линию, вытянувшуюся вдоль материка. Зрелище было и захватывающим, и разочаровывающим одновременно. В путешествиях на ревущем реактивном лайнере или неторопливом и величавом прогулочном дирижабле романтики было куда больше. Джейкоб мог наблюдать за другими кораблями, то деловито подплывавшими к Силовой станции, то исчезавшими во внутренней полости Шпиля.

Огромный Шпиль никогда не мог ему наскучить. Тонкие керамические стенки, удерживав-

шие двадцатимильную башню при нормальном атмосферном давлении, покрывала огромная роспись — гигантские птицы парили над панорамой космической битвы, навеянной фантастическими романами двадцатого века. Вблизи Шпиля Джейкобу дышалось как-то особенно легко и свободно. И все же сейчас он был рад, что находится на борту «Брэдбери», а не старомодного лайнера. Когда-нибудь, поддавшись ностальгии, он, быть может, и посетит Шоколадный Шпиль на вершине горы Кения. Что же касается эквадорского Ванильного Шпиля, то Джейкоб от души надеялся, что никогда больше не увидит его.

Не имело никакого значения даже то, что от Ванильного Шпиля до Каракаса было рукой подать. Там его бы приветствовали как героя, спасителя шедевра человеческой мысли, сооружения, производящего впечатление на всех обитателей Галактики. Все это не имело никакого значения. Слишком велика была цена, которую он заплатил: жизнь Тани и часть его разума. Когда Земля превратилась в небольшой голубой диск, Джейкоб решил поискать бар. Ему вдруг страстно захотелось оказаться среди людей, хотя когда он поднимался на борт «Брэдбери», то был очень далек от подобных настроений. На Земле ему

пришлось выдержать немало неприятных минут, объясняясь с Глорией и своими друзьями из Центра Развития. Макой и та закатила грандиозную истерику. Но сейчас Джейкобу не терпелось услышать разговоры о его внезапном присоединении к экспедиции. Да и вообще ему нечем было заняться — материалы по физике Солнца, заказанные им перед стартом, еще не прибыли.

Джейкоб наугад брел по центральному коридору корабля, пока не обнаружил плохо освещенный и битком набитый бар. Чтобы добраться до стойки, пришлось протискиваться сквозь плотную толпу галдящих посетителей. На крошечном пятачке перед стойкой собралось не меньше сорока человек. В основном это были рабочие, нанятые на Меркурий по контракту. Многие уже основательно набрались и теперь либо ожесточенно спорили, либо осоловело кивали, уставившись в одну точку. Для некоторых разлука с Землей оказалась нелегким испытанием.

В углу, отделенные невысокой ширмой, на специальных подушках восседали несколько В.З. Один из них, синтианин с густой блестящей шерстью и темными очками на заросшем лице-морде, что-то оживленно говорил Кулле, чья большая голова согласно покачивалась. Кулла

не без изящества посасывал соломинку, зажав ее меж страшноватых челюстей. В стакане, судя по всему, была водка.

Неподалеку от чужаков Джейкоб заметил нескольких человек, по наружности явных ксенофилов, ловивших каждое слово из беседы В.З. и, похоже, жаждавших самим пообщаться с чужаками. Джейкоб хотел было пробраться в угол, где расположились Внеземные — синтианин мог оказаться его знакомым, — но плотная толпа, преградившая ему путь, заставила его отступить. Тогда он решил остаться у стойки, выпить и послушать разговоры. Вдруг кто-то и выдаст что-нибудь занятное. Вскоре Джейкоб присоединился к группе, внимавшей красочно-неправдоподобному рассказу горного инженера о чудовищных авариях на меркурианских шахтах и спасателях-героях. Джейкобу приходилось напрягаться, прислушиваясь к словам рассказчика. Он чувствовал, как головная боль подбирается все ближе и ближе. До этого момента ему без труда удавалось не обращать на нее никакого внимания, и он надеялся, что сможет до конца дослушать завиральную историю. Но тут чей-то палец с силой ткнулся ему под ребро. От неожиданной боли Джейкоб едва не подпрыгнул. Он

обернулся.

— Демва! И вы здесь! — Пухлое лицо Ла Рока сияло, как начищенный медный таз. — Вот так удача! Мы опять путешествуем вместе! Теперь мне нечего бояться, что не с кем будет поболтать на досуге! Ла Рок, облаченный в свободную блестящую хламиду, держал в руке трубку, которой и затягивался с важным видом. Джейкоб попытался улыбнуться, но тут чей-то каблук с силой опустился ему на ногу. Улыбка вряд ли получилась особенно любезной.

— Здравствуйте, Ла Рок. Вы-то что здесь делаете? Зачем вам Меркурий?

Я думал, что читателей вашей газеты больше интересуют истории о перуанских раскопках или…

— Или о найденных неопровержимых свидетельствах того, что наших любезных предков вынянчили древние астронавты? — оборвал его Ла Рок. — Да, Демва, эти свидетельства могут оказаться столь убедительны, что даже самые яркие скептики-шкурники, заседающие в Ассамблее Конфедерации, должны будут признать ошибочность своих убеждений!

— Вы, как я погляжу, уже облачились в другое одеяние. — Джейкоб скептически оглядел сереб-

ристую хламиду Ла Рока.

— В последний день пребывания на Земле я решил надеть платье Общества фон Даникена в честь тех, кто дал нам силу и открыл перед нами просторы космоса! — провозгласил журналист и небрежным жестом поправил золотой медальон, болтавшийся у него на груди.

Джейкобу подумалось, что репортер переигрывает. Платье и золотое украшение, делавшие его похожим на женщину, резко контрастировали с грубоватыми манерами уроженца Франции. «Однако, — признал Джейкоб, — его наряд хорошо сочетается с невыносимо утрированным акцентом».

— Бросьте, Ла Рок, — улыбнулся он, — даже вы должны признать, что в космос мы отправились самостоятельно, а вовсе не наоборот.

— Не собираюсь ничего признавать! — взвизгнул репортер. — Когда мы докажем, что достойны наших опекунов, подаривших нам разум в далеком прошлом, когда они сами признают нас, тогда-то и выяснится, что все эти годы нам тайком продолжали помогать!

Джейкоб пожал плечами. В споре рубашечников и шкурников уже давно были исчерпаны все аргументы и предположения. Одна сторона

настаивала на том, что люди должны гордиться положением уникальной саморазвившейся расы, получившей разум из рук самой Природы. Другие же без устали твердили, что гомо сапиенс, как и любая другая известная раса софонтов, является звеном в цепочке генетического и культурного развития, уводящей в глубины легендарного начала Галактики, к мифическим прародителям. Многие, подобно Джейкобу, хранили в этом конфликте нейтралитет, но все человечество, так же как и его подопечные, с огромным интересом ждало разрешения этого вопроса. Археология и палеонтология с момента Контакта стали весьма актуальными науками.

Однако аргументы Ла Рока уже давным-давно зачерствели настолько, что их впору было грызть, как гренки. Джейкоб слегка поморщился: головная боль все усиливалась.

— Все это очень интересно, любезный Ла Рок, — отмахнулся он от журналиста и вновь попытался продраться сквозь толпу, — но, может, мы обсудим это в другой раз…

Но Ла Рок, похоже, еще не закончил.

— Да космос просто переполнен неандертальскими сантиментами. Люди на земных кораблях предпочитают щеголять в звериных шкурах и

вести себя подобно обезьянам! Они отвергают наших старших братьев и с пренебрежением относятся к тем немногим разумным представителям своей расы, что исповедуют смирение!

С этими словами Ла Рок, просыпав пепел, ткнул своей трубкой в Джейкоба. Тот отпрянул, постаравшись сохранить остатки вежливости. Это ему не очень-то удалось.

— Ла Рок, мне кажется, вы зашли слишком далеко. Уж не имеете ли вы в виду астронавтов? Эмоциональная и политическая устойчивость — основные критерии, по которым производится отбор…

— Да что вы можете в этом смыслить! Может, вы шутите? Уж я-то кое-что знаю об «эмоциональной и политической устойчивости» астронавтов. Как-нибудь расскажу вам об этом. Рано или поздно план Конфедерации изолировать значительную часть человечества от старших рас и их наследия всплывет наружу! Но скорее слишком поздно!

Ла Рок картинно затянулся и выпустил облако очищенного дыма в лицо Джейкобу. Джейкоб почувствовал легкое головокружение.

— Как бы там ни было, Ла Рок, со своим рассказом вам придется подождать до следующего раза.

Он повернулся и решительно втиснулся в толпу. Репортер нахмурился, затем широко улыбнулся и крикнул ему вслед:

— Да-да, я расскажу, обязательно расскажу! А пока вам лучше прилечь!

Вид у вас неважный.

Джейкобу удалось добраться до одного из иллюминаторов. Он прижался лбом к стеклу. Холод чуть облегчил пульсирующую боль. Через несколько секунд Джейкоб открыл глаза. Земли уже не было видно, она затерялась в космической тьме среди сияний бесчисленных звезд. Наиболее яркие были окружены лучистым ореолом. Джейкоб прищурился. Зрелище очень напоминало ночное небо в пустыне, разве что звезды сияли немного ярче, а чернота казалась более глубокой. Но это были те же самые звезды и то же самое небо.

Джейкоб знал, что его ощущения должны быть иными. Звезды из открытого космоса видятся более загадочными, более… «философскими», что ли. Он вспомнил звездные ночи, что обрушивались на него в детстве, ночи, поглощавшие его целиком. Те детские ощущения нисколько не напоминали состояние самогипноза. Скорее они походили на полузабытые сны об иной жизни.

Доктора Кеплера, Буббакуба и Фэгина он нашел в комнате отдыха. Кеплер приветливо взмахнул рукой.

Вся компания расположилась на подушках возле иллюминаторов. Буббакуб в мохнатой лапе-руке держал чашку с каким-то мерзким вонючим пойлом. Фэгин медленно переваливался на своих корнях вдоль стены. Сплошной ряд иллюминаторов, тянущийся по всему периметру корабля, прерывался в комнате отдыха огромным, во всю стену, черным диском, на фут выступавшим из стены.

— Мы рады вашему решению лететь с нами, — дружески протявкал искусственный голос Буббакуба.

Чужак вальяжно развалился на подушке. Произнеся приветственную фразу, он, судя по всему, счел свой долг выполненным и погрузил морду в чашку, начисто забыв как о Джейкобе, так и обо всех остальных. Джейкоб спросил себя, прилагает ли Буббакуб усилия, чтобы быть любезный, или же вежливость у него в крови.

Хотя про себя Джейкоб и именовал Буббакуба «он», но в действительности половая принадлежность чужака оставалась для него полнейшей загадкой. Буббакуб не носил никакой одежды,

если не считать одеждой водор и небольшой мешочек на шее, но доступные глазу подробности его анатомического строения лишь еще больше запутывали дело. Например, Джейкоб выяснил, что пилы относятся к яйцекладущим и не выкармливают детенышей. У чужака от горла до промежности тянулся ряд неких пуговиц, весьма сходных с сосками. Сколько Джейкоб ни размышлял, чем бы это могло быть, в голову ему не приходило ни одной сколько-нибудь правдоподобной догадки. В справочниках по В.З. не упоминалось ни о чем подобном. Джейкоб заказал в Библиотеке более подробный обзор, а пока оставалось теряться в догадках.

Фэгин и Кеплер беседовали об истории солнечных кораблей. Голос Фэгина звучал приглушенно — верхушка его кроны и дыхательное отверстие почти касались звукопоглощающей панели потолка. Джейкоб надеялся, что его приятель кантен не подвержен клаустрофобии. Но, честно говоря, в глубине души он сильно сомневался, способны ли овощи вообще бояться, ну разве что быть обгрызенными… Джейкоб уселся на одну из подушек, меланхолически размышляя о сексуальных понятиях расы, которой для занятий любовью требуется посредничество шмеля.

— Так, значит, великолепные достижения позволили вам без какого-либо участия извне послать свои приборы прямо в фотосферу?! — восторженно шелестел Фэгин. — Это весьма впечатляет! Странно, что я ничего не слышал об этом величайшем событии вашей доконтактной истории! Кеплер просиял.

— Вы должны понять, что проект «батисферы» находился в самой начальной стадии. Когда разработали лазерные двигатели, стал возможен запуск автоматических аппаратов, способных зависать в одной точке, а появление высокотемпературных лазеров позволило разработать системы охлаждения для внутренних помещений корабля.

— Получается, вы находитесь всего в одном шаге от пилотируемой экспедиции?! Кеплер грустно улыбнулся.

— Возможно. Уже появились подобные планы. Но отправка людей на Солнце и возвращение их сопряжены с куда более серьезными проблемами, чем тепло и гравитация! Эх, было бы здорово выяснить, смогли бы мы сами решить эту задачу! — Глаза Кеплера вспыхнули и тут же погасли. — Но планы у нас все-таки были.

— Да, но к тому времени «Везариус» обнару-

жил на Цигнусе корабли тимбрими, — заметил Джейкоб.

— Да, и теперь нам уже никогда не узнать, на что мы были бы способны.

Я тогда был ребенком. Возможно, все сложилось к лучшему… Были бы потери, гибель людей… Без экранов, замедляющих время, нам не удалось бы этого избежать… А в основе проекта «Прыжок в Солнце» лежит именно управление временем. У меня нет причин о чем-либо сожалеть. — Лицо ученого вдруг помрачнело. — Я хотел сказать, не было до недавнего времени. Кеплер замолчал, глаза его уставились в какую-то точку на полу.

Джейкоб терпеливо подождал, затем негромко кашлянул и заговорил:

— Поскольку мы коснулись этой темы, я хочу заметить, что не обнаружил никаких упоминаний о Солнечных Призраках ни в сети данных, ни даже в отчете, который получил на свой запрос в Библиотеку. А ведь у меня допуск 1-АВ. Нельзя ли взглянуть на ваши доклады на эту тему? Я хотел бы поближе познакомиться с проблемой за время полета.

Кеплер нервно глянул на Джейкоба.

— Мы не рассчитывали на то, что эти сведения покинут Меркурий, мистер Демва. У нашего от-

крытия имеется политический аспект… Так что вам придется отложить знакомство с докладом до прибытия на базу. Уверен, там вы получите ответы на все ваши вопросы.

Его смущение выглядело столь искренним, что Джейкоб решил на время оставить эту тему. Но это был сигнал, и сигнал неприятный.

— Я мог бы взять на себя смелость кое-что добавить, — вмешался Фэгин.

— Накануне нашей встречи, Джейкоб, состоялся еще один прыжок. И в тот раз наблюдались только первоначально обнаруженные и самые обычные соляриане, а вовсе не их другая разновидность, которая так тревожит доктора Кеплера. После сумбурных объяснений Кеплера относительно двух типов обнаруженных солнечных существ в голове у Джейкоба воцарилась полная неразбериха.

— Как я понимаю, первый тип и является вашим травоядным?

— Не травоядным, — серьезно поправил Кеплер, — а магнитоядным. Они питаются энергией магнитного поля. По правде говоря, этот тип мы понимаем асе лучше и лучше, однако…

— Одну минуту! — Верхушка кроны Фэгина беспокойно заколыхалась. — Питая искреннюю

надежду, что мне простится мое недостойное вмешательство, я призываю к осторожности. Приближается посторонний. — Фэгин тревожно зашелестел.

Джейкоб обернулся, несколько потрясенный поведением Фэгина. Что могло заставить любезного кантона оборвать кого-то на полуслове?! Джейкоб почувствовал тревогу — похоже, он вступал в напряженную политическую игру, правила которой до сих пор ему неизвестны.

Он прислушался, но не смог уловить ничего подозрительного. С следующее мгновение на пороге возник Пьер Ла Рок собственной персоной. Лицо его раскраснелось еще больше прежнего. В руке он сжимал стакан. Когда он увидел Фэгина и Буббакуба, заготовленная улыбка стала еще шире. Репортер резво приблизился к компании и фамильярно хлопнул Джейкоба по спине, требуя немедленно представить его присутствующим. Джейкобу захотелось послать его ко всем чертям, но вместо этого он с любезной улыбкой стал выполнять неторопливый ритуал официального представления. Совершенно потрясенный Ла Рок склонился перед Буббакубом.

— Аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер! Демва, как называются две подопечные расы? Джелло и…

Я счастлив лично познакомиться с софонтом, ведущим свое происхождение по линии Соро! О, я изучал язык ваших предков, которые, быть может, в один прекрасный день окажутся и нашими предками! Язык соро очень похож на протосемитский, а также на протобанту! Ресницы вокруг глаз Буббакуба ощетинились. Из водора пила полилась путаная, неразборчивая речь. Затем челюсти чужака несколько раз быстро и резко щелкнули, послышалось пронзительное рычание. Фэгин за спиной Джейкоба вдруг зачастил на щелкающе-урчащем языке. Буббакуб повернулся к кантену, глаза его пылали, из горла вырывалось высокое утробное рычание. Он резко махнул коротенькой лапкой в направлении Ла Рока. От раздавшейся в ответ трели кантона у Джейкоба по спине пробежал холодок.

Разъяренный Буббакуб вскочил со своих подушек и быстро вышел из комнаты. На людей он даже не взглянул.

Некоторое время в комнате висела напряженная тишина, молчал даже совершенно ошарашенный репортер. Через несколько секунд он повернулся к Джейкобу с самым жалким видом.

— Демва, что я сделал не так?

Джейкоб вздохнул.

— Быть может, ему не понравилось, что вы объявили его своим кузеном, дорогой Ла Рок.

Он повернулся к Кеплеру, собираясь переменить тему. Ученый теперь не отрывал взгляда от двери, минуту назад захлопнувшейся за разъяренным Буббакубом.

— Доктор Кеплер, если на борту нет соответствующих данных, то, быть может, вы могли бы предоставить мне какие-то основополагающие работы по физике Солнца, а также работы по предыстории проекта «Прыжок в Солнце»?

— С большим удовольствием, мистер Демва. — Кеплер устало кивнул. — Я пришлю их вам еще до обеда.

Казалось, его мысли блуждают где-то далеко-далеко.

— И мне! Мне эти документы тоже нужны! — воскликнул пришедший в себя репортер. — У меня официальная аккредитация, и я требую всю информацию относительно того позора, что вы творите здесь, доктор Кеплер! После секундного замешательства Джейкоб лишь пожал плечами. Надо отдать должное Ла Року — наглость легко можно выдать за решительность и непоколебимость.

Кеплер улыбнулся, словно не расслышал.

— Прошу прощения?

— Какое преступное тщеславие! Этот ваш хваленый «Прыжок в Солнце» сжирает огромнейшие суммы, которые могли бы пойти на освоение пустынь на Земле или на создание еще более великой Библиотеки! Какая наглая самонадеянность! Вы пытаетесь исследовать то, что было известно нашим старшим братьям еще тогда, когда мы не были даже обезьянами!

— Видите ли, сэр. Конфедерация финансирует наши исследования… — Кеплер густо покраснел.

— Исследования?! И вы называете это исследованиями?! Все эти знания давным-давно есть в Библиотеке. Вы позорите нас, выставляете все человечество на посмешище!

— Ла Рок… — начал Джейкоб, но репортера понесло:

— А что касается вашей Конфедерации! Какая гнусность! Запереть наших старших братьев в резервациях, словно вернулись времена американских индейцев! Простым людям недоступен филиал Библиотеки! И Конфедерация поддерживает этот абсурд, эту претензию на самопроизвольное зарождение разума! Над нами смеется вся Галактика!

Кеплер не устоял перед напором Ла Рока. Крас-

ка сошла с его лица, он начал заикаться:

— Я… Я не думаю…

— Ла Рок! Прекратите!

Джейкоб схватил репортера за плечо, резко развернул к себе и быстро прошептал:

— Не стоит позорить нас в присутствии почтенного кантена Фэгина.

Глаза журналиста расширились. Джейкоб услышал, как за спиной осуждающе зашелестела листва. Ла Рок мгновенно сник. Два недоразумения за столь короткое время — слишком много даже для журналиста. Промямлив извинения чужаку и бросив на прощание многозначительный взгляд на Кеплера, Ла Рок поспешно ретировался.

— Спасибо за спецэффекты, дружище Фэгин, — поблагодарил Джейкоб, когда за репортером закрылась дверь. Ответом ему был короткий нежный свист.

Глава 5
ПРЕЛОМЛЕНИЕ

С Земли Солнце виделось хотя и ослепительным, но благодатным шаром, воспринимаясь людьми как нечто само собой разумеющееся, на

что и внимания-то тратить не стоит. С расстояния в сорок миллионов километров Солнце казалось адом, закованным в цепи. Опасное и жестокое, оно свирепо бурлило в черном провале космоса, простиралось на миллионы миль во все стороны, притягивая взгляд, маня полыхающим чревом. В какой-то момент свечение стало столь ярким, что на «Брэдбери» уже нельзя было обойтись без фильтров. «Взглянуть одним глазком» на этот пылающий ад означало попросту обречь себя на мгновенную слепоту. Капитан отдал приказ включить поляризационные защитные экраны. Обычные иллюминаторы задраили. Открытым осталось лишь окно Лиота, через которое пассажиры могли любоваться «животворным светилом», не опасаясь за свое здоровье. Как-то бессонной ночью, бредя к автомату с кофе, Джейкоб задержался у этого необычного окна. Он еще не до конца стряхнул с себя остатки тревожного полузабытья и не слишком хорошо соображал. Несколько минут он тупо смотрел на Солнце, не вполне сознавая, что именно видит перед собой. Вдруг совсем рядом послышались знакомые шепелявые звуки. В голове Джейкоба несколько прояснилось.

— Вот так выглядит ваше Шолнце ш афелия

орбиты Меркурия, Джейкоб.

Оказывается Кулла сидел поблизости, за одним из карточных столов. Джейкоб взглянул на часы, висевшие как раз над стулом чужака. Четыре тридцать. Сонный язык еще плохо повиновался ему.

— Что… мы уже так близко?

Кулла кивнул.

— Да.

Резцы чужака надежно скрывались за толстыми складчатыми губами. В огромных глазах плескалось красное сияние.

— До прибытия ошталошь два дня.

Длинные руки Куллы неподвижно покоились на столе, свободное одеяние крупными складками ниспадало с бесформенных плеч. Джейкоб, слегка покачнувшись, повернулся к окну. Солнечный шар колыхался прямо перед глазами.

— Ш вами вше в порядке? — В голосе прингла прозвучала тревога. Он привстал.

— Нет, нет, прошу вас! — Джейкоб остановил его легким взмахом руки. — Легкое головокружение, и только. Бессонница. Надо бы выпить кофе. Он поплелся к автомату, но на полпути остановился и снова взглянул на пылающее Солнце.

— Красное! Оно красное! — В его хриплом голо-

се послышалось изумление.

— Ешли пожволите, я мог бы дать вам некоторые объяшнения, пока вы будете пить кофе.

— Да, пожалуйста.

Джейкоб повернулся к едва различимому в темноте ряду автоматов с напитками и бутербродами.

— Окно Лиота монохроматично, — начал Кулла. — Оно шоштоит из огромного чишла круглых плаштин, одни из которых поглощают швет, а другие полярижуют. Плаштины вращаютшя отношительно друг друга, что пожволяет наштроить окно на определенную длину волны. Это очень тонкое и ишкушное уштройштво, хотя и вешьма ущтаревшее по галактичешким штандартам… вроде тех швейцаршких чашов, что некоторые люди вше еще предпочитают другим. Когда люди познакомятшя ш Библиотекой поближе, подобные вещи они очень шкоро начнут вошпринимать как архаижм.

Джейкоб наклонился, пытаясь разглядеть содержимое ближайшего автомата. Вроде бы кофе. За прозрачной дверцей угадывалась небольшая решетчатая площадка. Если он нажмет вот на эту правую кнопку, то на площадку опустится чашка, а затем по механической артерии в нее устремит-

ся струя горьковатого черного напитка. Джейкоб вздохнул почти сладострастно. На голос Куллы, шуршавший у него в ушах, Джейкоб реагировал неопределенными вежливыми замечаниями.

— Да, да, я понимаю… Ах, вот как… Ясно…

Слева от него, на расстоянии протянутой руки, зажегся призывный зеленый огонек автомата. Повинуясь безотчетному порыву, Джейкоб нажал на светящуюся кнопку. Затуманенными глазами он следил за аппаратом. Ну же! Что-то зажужжало, затем щелкнуло. Вот и чашка! А теперь… Что за черт?! В чашку шлепнулась большая желто-зеленая таблетка. Он открыл дверцу и взял чашку в руки. Секундой позже на пустую решетку хлынула струя горячей жидкости.

Джейкоб с сомнением разглядывал таблетку в чашке. Что бы это ни было, а на кофе непохоже. Левой ладонью он протер глаза. Затем с укором взглянул на злополучную кнопку. И только теперь рассмотрел над ней отчетливую надпись: «Синтез питания для В.З.» В прорези под кнопкой торчала пластиковая карточка. Джейкоб разобрал текст: «Прингл: диетическая добавка, кумарино-протеиновая смесь».

Он быстро взглянул на Куллу. Чужак продолжал свои объяснения, не отрывая взгляда от окна

Лиота. Вот он взмахнул рукой в направлении Дантова полыхания.

— Это крашная альфа-линия водорода. Очень полежная шпектральная линия. Вмешто того, чтобы быть захлештнутыми огромным потоком бешпорядочного швета шо вшей поверхношти Шолнца, мы теперь видим только те облашти, где водород ижлучаетшя или поглощаетшя с интеншивностью, отличной от нормальной.

Длинным, гибким пальцем Кулла указал на неоднородную поверхность Солнца, состоявшую из красноватых пятен и изогнутых перьеобразных линий. Джейкоб когда-то читал об этих перьях. «Перья» на самом деле были плазменными струями. Из космоса они виделись протуберанцами, которые во время затмения люди наблюдают с тех пор, как был изобретен телескоп. Кулла, кажется, сейчас пытался объяснить, почему эти объекты наблюдаются не по краю Солнца, как обычно, а прямо по курсу. Джейкоб задумался о другом. В течение всего полета Кулла избегал принимать пищу на виду у всех. Единственное, что он позволял себе публично, так это стакан пива или водки, который обычно и потягивал весь вечер. Хотя прингл и не распространялся на эту тему, Джейкоб решил, что стыдливость

его объясняется культурными традициями расы, запрещавшими принимать пищу на публике. Но сейчас ему пришло в голову, что Кулла попросту стесняется своих давилок. «По всей видимости, я вломился сюда во время его завтрака, а он со своей патологической вежливостью не решился попросить меня оставить его одного».

Джейкоб взглянул на таблетку, быстро вытряхнул ее из чашки в руку.

Сунул таблетку в карман, а чашку швырнул в мусорную корзину. Еще раз окинув взглядом автомат, он заметил наконец кнопку, приветливо поблескивавшую надписью: «Черный кофе». Джейкоб уныло улыбнулся. Может, лучше обойтись без кофе, а то ненароком обидишь Куллу. Хотя чужак и не выказывал никаких отрицательных эмоций. Он продолжал смотреть в окно.

Джейкоб подошел к нему. Чужак поднял глаза. Губы раздвинулись, и на мгновение сверкнула фарфоровая белизна.

— Вы уже не ишпытываете головокружения? — участливо осведомился чужак.

— Да, шпасибо, ох, простите, спасибо. И благодарю за объяснение. Я всегда считал Солнце довольно однородным объектом, не считая солнечных пятен и протуберанцев. Но, как я понял

из вашего рассказа, в действительности Солнце — довольно сложная штука. Кулла кивнул.

— В этом шпециалишт доктор Кеплер. Он вам вше лучше объяшнит, когда вы отправитешь ш нами шовершать прыжок.

Джейкоб вежливо улыбнулся. Как отлично вымуштрованы эти посланцы Галактики! Значил ли кивок Куллы что-нибудь для самого прингла? Или же его просто научили, как обращаться с людьми в той или иной ситуации? Прыжок?! Отправитесь с нами совершать прыжок? Джейкоб решил не уточнять. Не стоит торопить события Ему вдруг ужасно захотелось зевнуть. Но он тут же понял, что этого делать не стоит — кто знает, что означает подобный жест на родине прингла, — и подавил зевок.

— Что ж, пожалуй, мне стоит вернуться в постель и попытаться заснуть.

Спасибо за интересную беседу, Кулла.

— Вшегда готов вам помочь, Джейкоб. Шпокойной ночи.

Едва Джейкоб рухнул в кровать, как тут же погрузился в глубокий сон.

Глава 6
ФАЗОВЫЙ СДВИГ И ДИФРАКЦИЯ

Мягкий жемчужно-серый свет лился сквозь иллюминаторы на лица зрителей, наблюдавших за несущейся навстречу поверхностью Меркурия. Почти все, кто был свободен от дел, собрались в гостиной, прилепившись к иллюминаторам, не в силах оторвать глаз от суровой красоты планеты. Разговаривали шепотом, в салоне витало какое-то торжественное благоговение. Вскоре и вовсе повисла тишина, нарушаемая лишь легким потрескиванием, происхождение которого Джейкоб не мог определить. Поверхность Меркурия испещряли кратеры и длинные каньоны. Из-за отсутствия атмосферы на планете тени, отбрасываемые неровностями ландшафта, казались абсолютно черными, резко контрастируя с яркими серебристыми красками пейзажа, во многом напоминавшего лунный. Во многом, но не во всем. Следы древних катаклизмов виднелись повсюду. От рваных шрамов тянулись глубоко трещины, испещрившие солнечную сторону планеты.

Протоны, рентгеновские лучи пробивали магнитосферу планеты, смешиваясь с ослепительным солнечным светом и рождая настоящую вакханалию излучений!

Планета походила на обитель неприкаянных душ. На Чистилище. Джейкобу пришли на ум строки из древнего японского стихотворения, написанного еще до эпохи хайку.

«Издавна слышал я о дороге, которой мы напоследок пойдем… вчера иль сегодня — не думал…»

— Вы что-то сказали?

Джейкоб пришел в себя и обернулся. Рядом стоял Кеплер.

— Нет-нет, ничего. Тут на стуле не ваш пиджак?

Он передал доктору свернутый в подушку велюровый пиджак. Кеплер улыбнулся.

— Прошу прощения, но в жизни встречаются и весьма неромантические происшествия. Даже космическим странникам время от времени все-таки приходится принимать душ. Естественно, оставляя пиджак за дверью. А Буббакуб, видимо, не может устоять перед искушением. Всякий раз по возвращении из душа я обнаруживаю Буббакуба спящим на моем пиджаке. Когда вернемся

на Землю, куплю ему такой же. Так о чем мы с вами говорили? Джейкоб указал на мчащуюся на них снизу поверхность.

— Теперь я понимаю, почему Луну астронавты называют «спортивной площадкой». Здесь-то не порезвишься. Кеплер кивнул.

— Да, но все-таки летать сюда гораздо лучше, чем работать над каким-нибудь тупым «прикладным» проектом на Земле! Кеплер умолк, словно сдерживая едкие слова. Затем, как-то сразу сникнув, повернулся к иллюминатору и пустился в новые объяснения:

— Первые исследователи, Антониоди и Скиапарелли, назвали этот район Область Харит. А вон тот огромный старый кратер носит имя Гете. Кеплер указал на темные нагромождения скал, отчетливо различимые на фоне слепящей равнины.

— Это окрестности северного полюса. Вот под теми скалами имеется сеть пещер, которые и позволили основать базу «Гермес». Кеплер выглядел очень солидно. Разве что обвислый ус, то и дело попадавший ему в рот, несколько смазывал это впечатление, внося в облик ученого карикатурные черточки. Нервозность, постоянно им владевшая, сейчас словно бы отпустила

его. «Влияние Меркурия!» — подумал Джейкоб. Несколько раз в течение полета, когда разговор касался Библиотеки или Развития, на лице Кеплера появлялось странное выражение. Будто ему хотелось в чем-то открыться, но он никак не решался. Исполненный замешательства взгляд, растерянность жестов… Ученый словно боялся чьих-то упреков, страшился выдать свое мнение. По некотором размышлении Джейкоб решил, что догадался о причине загадочного поведения Кеплера. Глубокая религиозность! Веская причина для молчания. После Контакта в результате длительного противостояния рубашечников и шкурников религия оказалась буквально разорванной на две части.

Сторонники фон Даникена придерживались веры в некую высшую (но не всемогущую) расу, которая когда-то уже оказала влияние на человечество и может сделать это еще раз. Последователи неолитической этики считали, что божественным началом является сам человек.

Само существование тысяч бороздящих космос рас, среди которых не было ни одной, исповедовавшей, хоть что-то, отдаленно напоминавшее земную религию, нанесло непоправимый ущерб земной идее всемогущего антропоморфного

Бога.

Большинство последователей оформленных новых вероучений либо примыкали кто к рубашечникам, кто к шкурникам, либо ударялись в философский теизм. Основная же масса верующих по-старому давно уже старалась затаиться, не выделяться во всеобщем гвалте. Джейкоб часто спрашивал себя, не ждут ли они знамения. Но для современного общества настоящий позор в том, что человек вынужден скрывать свои взгляды! Было бы любопытно узнать мнение Кеплера на этот счет. Но Джейкоб и не пытался расспрашивать ученого, уважая его нежелание касаться подобных вопросов. С профессиональной же точки зрения Джейкоба интересовало, каким образом подобное отстранение от остального мира повлияло на психическое состояние Кеплера. Ученый испытывал нечто большее, чем обычные философские затруднения, и это нечто не могло не наложить отпечатка на его психику. Не случайно рядом с Кеплером постоянно находилась доктор Мартин, то и дело подсовывая ему какие-то таблетки.

Джейкоб заметил, как к нему возвращаются его старые привычки, подзабытые за спокойные месяцы, проведенные в Центре Развития. Любо-

пытство, например. Ему вдруг захотелось узнать, что за лекарства принимает доктор Кеплер и в чем заключается настоящая работа доктора Мартин.

Милдред Мартин все еще оставалась для него совершенно загадочной фигурой. За время полета ему ни разу не удалось проникнуть сквозь броню ее отстраненного дружелюбия. Ее насмешливая снисходительность явно была наигранной, как, впрочем, и нескрываемое доверие доктора Кеплера. Джейкоб мог сказать лишь одно: мысли этой худощавой привлекательной женщины явно были заняты чем-то далеким от окружающего.

Он взглянул на Мартин, сидевшую рядом с Ла Роком. Странная парочка была полностью поглощена беседой. Мартин увлеченно рассказывала о своих исследованиях о влиянии цвета и интенсивных излучений на психосоматическое поведение. Джейкоб уже слышал об этом на встрече в Энсенаде. Присоединившись к экспедиции, доктор Мартин первым делом максимально изолировала участников проекта «Прыжок в Солнце» от психогенного воздействия окружающей среды, дабы убедиться в том, что неразгаданные «явления» — всего лишь изощренные галлюцинации, вызванные состоянием

стресса.

Ее дружба с Ла Роком за время полета, похоже, окрепла. Она охотно слушала разглагольствования репортера о сгинувших цивилизациях и древних пришельцах, посетивших Землю в незапамятные времена. Ла Рок, воодушевленный ее вниманием, пустил в ход все свое красноречие, по части которого был большой мастер. Порой их беседы в общей гостиной собирали толпы слушателей.

Джейкоб по-прежнему чувствовал себя неловко с Ла Роком. Он предпочитал общество более прямолинейных существ, например, Куллы. Этот чужак определенно начинал ему нравиться, несмотря на устрашающие зубы и зловещего цвета глаза. Как выяснилось, вкусы прингла во многом совпадали с его собственными. Кулла изливал на Джейкоба поток бесхитростных вопросов о Земле и ее обитателях. Его вопросы крутились в основном вокруг одной темы — отношения людей к своим подопечным. Когда же он узнал, что Джейкоб сам принимал активное участие в проектах развития шимпанзе, дельфинов, а с недавних пор собак и горилл, то его уважение к землянину возросло безмерно. Кулла никогда не отзывался о технике людей как об

архаичной, хотя ни для кого не было секретом, что земные технологии — уникальный реликт, чудом сохранившийся в Галактике. Но, в конце концов, ни одна раса не достигла всего, что имеет, сама, без посторонней помощи, начав с нуля. И в Библиотеке этот факт был прекрасно известен. Кулла с энтузиазмом рассуждал о пользе, которую может принести Библиотека его новым друзьям — людям и шимпанзе.

Как-то раз чужак увязался за Джейкобом в гимнастический зал, где с нескрываемым интересом, так и светившимся в гигантских блюдцах его красных глаз, следил за тем, как Джейкоб изводит себя марафонской дистанцией. К тому же Джейкоб смог убедиться, что чужак охотно откликается на грубоватый юмор. Должно быть, сексуальные нравы принглов не слишком разнились от человеческих. Именно обмен непристойными шутками в большей степени, чем что-либо еще, помог Джейкобу осознать, как далеко занесло этого долговязого представителя цивилизации принглов от родного дома. Ему было бы интересно узнать, так же одиноко Кулле, как на его месте было бы одиноко человеку?

А во время бурной дискуссии, какой сорт пива — «Туборг» или же «L-5» — лучше, Джейкоб

поймал себя на впечатлении, что перед ним не В.З., а хорошо воспитанный человек со странным дефектом речи. Но все встало на свои места, когда совершенно внезапно между ними раскрылась непреодолимая пропасть.

Джейкоб рассказывал Кулле о классовой борьбе, сотрясавшей Землю в прежние времена. Но чужак, похоже, не понимал ни слова. Джейкоб хотел проиллюстрировать суть китайской поговоркой: «Крестьянин всегда вешается у дверей своего хозяина». Внезапно глаза чужака полыхнули красным огнем, послышалось возбужденное поскрипывание гигантских зубов. Джейкоб изумленно взглянул на своего нового приятеля и поспешил сменить тему. Кулла примостился у иллюминатора рядом со своим опекуном Буббакубом.

На фоне возбужденной толпы оба поражали полной невозмутимостью. Кеплер легко похлопал Джейкоба по руке, привлекая его внимание к собственному иллюминатору.

— Капитан вот-вот включит замедляющие экраны, и скорость потока пространства-времени начнет падать. При этом возникает очень интересный эффект. Не пропустите!

— Кажется, корабль в этот момент как бы

заставляет скользить мимо материю космоса, уподобляясь доске, на гребне волны, скользящей к берегу.

— Нет, мистер Демва, это распространенная ошибка Космический серфинг — лишь красивая метафора, используемая популяризаторами. Когда я говорю о пространстве-времени, я имею в виду вовсе не материю. Пространство и время не являются веществом. По мере приближения к планетарной сингулярности — то есть искривлению пространства, создаваемому планетой — мы должны приспосабливаться к изменению набора параметров для измерения пространства-времени. Природа словно хочет, чтобы, приближаясь к массивному телу, мы постепенно меняли длину своих линеек и ход своих часов. — И, как я понимаю, капитан управляет кораблем при приближении таким образом, чтобы это изменение протекало медленно и незаметно?

— Совершенно верно! В прежние времена процесс посадки, конечно же, носил куда более резкий характер. Приспособление к новой пространственно-временной масштабности либо происходило при непрерывном торможении корабля с помощью реактивных двигателей, либо он попросту врезался в поверхность планеты,

мгновенно попадая в новую систему измерений. Теперь же мы свертываем пространство-время подобно старому ковру. Ох, — Кеплер тихо рассмеялся, — опять меня занесло на «материальную» аналогию. — Он помолчал, затем продолжил:

— Один из побочных продуктов этого процесса — получение нейтрония в промышленных масштабах. Но основная цель все же — безопасная посадка.

— Так что же мы увидим, когда пространство начнут запихивать в мешок?

Кеплер показал на иллюминатор.

— Смотрите, уже началось.

За окном исчезали звезды: яркие точки, в изобилии разбросанные по черному бархату, медленно тускнели. Вскоре их осталось совсем немного — туманные пятнышки цвета охры на фоне абсолютного мрака. Планета тоже изменилась. Свет, отраженный от поверхности Меркурия, потерял резкость. Жар ослаб. Сама поверхность, потеряв былую ослепительность, сильно потемнела.

Кроме того, она стала ближе. Медленно, но совершенно явно горизонт терял кривизну. Объекты на Меркурии, прежде едва различимые, становились по мере приближения «Брэдбери» все более и более отчетливыми. Внутри огромных

метеоритных кратеров обнаружились кратеры поменьше, идеально круглой формы.

Вот линия горизонта совсем скрылась за горной грядой, и Джейкоб уже не мог определить расстояние. Снижение продолжалось, но картина поверхности больше не менялась. На какой мы высоте? Что там внизу, гора или выбоина? Или же через секунду-другую мы коснемся абсолютно ровной поверхности? Неизвестно.

Он чувствовал, что корабль вот-вот сядет. Серые тени и ярко-оранжевые скалы мелькали так близко, что, казалось, их можно коснуться рукой. Джейкоб ждал — еще секунда, и корабль замрет в неподвижности. Каково же было его изумление, когда вдруг прямо по курсу возникла огромная черная дыра и в мгновение поглотила «Брэдбери».

Пока шла подготовка к высадке, Джейкоб пытался прийти в себя. Его потрясли не столько неожиданные впечатления, сколько собственная реакция на них. В тот момент, когда «Брэдбери» нырнул в провал, ведущий к базе, Джейкоб, вцепившись в рукав пиджака Кеплера, внезапно впал в легкий гипнотический транс. И в следующую секунду он проделал то, во что сейчас никак не мог поверить. Его рука, словно живущая

своей собственной жизнью, умелой хладнокровно обшарила карманы Кеплера, конфисковав по таблетке из каждого пузырька и не оставив при этом ни одного годного для идентификации отпечатка.

Теперь награбленное имущество покоилось в боковом кармане куртки Джейкоба.

Он прикрыл глаза. Началось! Он стиснул зубы, чтобы не застонать от отчаяния.

На этот раз я справлюсь! Я обязан с этим справиться сам! Мне не нужна твоя помощь, проклятый двойник! Мне надоело расщепляться и снова обретать целостность! Я хочу быть самим собой и только! Он с силой ударил костяшками пальцев по твердой поверхности подлокотника, чтобы унять в руке зуд удовлетворения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Переходная область между короной и фотосферой во время затмения имеет вид ярко-красного кольца вокруг Солнца и потому называется хромосферой. При более внимательном исследовании хромосферы становится ясным, что она представляет собой не однородный слой, а быстро меняющуюся нитевидную структуру. Для ее описания используется термин «горящая прерия». Многочисленные короткоживущие струи, именуемые «спикулами», непрерывно выстреливают на высоту в несколько тысяч километров. Красный цвет является следствием преобладания в спектре излучения альфа-линии водорода. Вопросов, связанных с пониманием того, что происходит в столь сложной области, великое множество...

Гарольд Зирин

Глава 7
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Доктор Мартин вышла из своей комнаты и, нырнув в один из коммуникационных туннелей, направилась к отсеку с микроклиматом для В.З. «Столь извилистый путь, — объяснила она себе, — не скрытность, а обычная осторожность». Вдоль шершавых темных стен тянулись трубы и кабели связи. На каменной поверхности блестела роса, пахло сыростью. Шаги гулко отдавались под каменными сводами.

Доктор Мартин подошла к герметичной двери, тускло освещенной зеленой сигнальной лампой — черный ход в одно из жилищ для чужаков. Она нажала на кнопку, дверь медленно отъехала в сторону.

В лицо хлынул поток яркого, режущего глаза зеленого света.

Прикрываясь рукой, Мартин достала из сумки защитные очки. На стене напротив двери висел гобелен ручной работы: висячие сады и город чужаков, прилепившийся к краю обрыва. Казалось, гобелен отделен от зрителя сверкающей

стеной водопада. Мартин словно бы услышала пронзительную музыку чужой планеты. Она с трудом, учащенно дыша, отвела взгляд от гобелена. Необъяснимое возбуждение внезапно охватило ее. Буббакуб неторопливо поднялся с мягких подушек, в изобилии разбросанных по комнате. Переваливаясь на коротких ножках, он подошел к Мартин. Его серая шерсть поблескивала. В ирреальном для земного глаза свете и в условиях полуторного земного притяжения Буббакуб уже не казался милым безобидным медвежонком. Теперь доктор Мартин чувствовала, как от коренастой кривоногой фигуры исходят сила и какая-то скрытая угроза. Губы чужака зашевелились, спустя мгновение из висящего на груди водора полилась странная округло-звучная речь. Слова у Буббакуба выходили какими-то короткими, обрубленными, словно отделенными друг от друга.

— Хорошо. Вы пришли. Рад.

Возбуждение доктора Мартин вдруг спало. Представитель Библиотеки, похоже, был настроен вполне доброжелательно.

— Приветствую вас, пил Буббакуб. Я пришла спросить, нет ли каких-либо сведений из филиала Библиотеки.

Буббакуб открыл рот, обнажились тонкие острые зубы.

— Входите. Садитесь. Хорошо, что спросили. Есть новые данные.

Входите. Угощайтесь.

Доктор Мартин переступила порог, лицо ее исказилось — пересечение границы гравитационного поля всегда вызывало крайне неприятные ощущения. Теперь ей казалось, что она весит не меньше семидесяти килограммов. — Спасибо. Я только что пообедала. Я присяду.

Она углядела стул, предназначенный для гостей-людей, и осторожно села. Семьдесят килограммов это все же слишком! Пил небрежно развалился на подушках напротив нее. Его медвежья голова оказалась ниже ее колен. Она чувствовала на себе пристальный, изучающий взгляд маленьких черных глаз.

— Я связался с Ла-Пасом. Сведений о Солнечных Призраках нет. Совсем ничего. Возможно, они фигурируют под другим именем. Возможно, земной филиал слишком мал. Я всегда говорил об этом. Кое-кто из официальных лиц на Земле может из-за отсутствия данных о Солнечных Призраках в филиале Библиотеки сделать далеко идущие выводы.

Мартин осторожно пожала плечами.

— Меня это не волнует. Этот факт лишний раз подтвердит, как мало внимания уделяется у нас развитию Библиотеки. Более крупный филиал, за который выступает моя группа, безусловно, смог бы нам помочь.

— Я сделал запрос по сквозьвременной связи. В Главном Отделении подобных недоразумений возникнуть не может.

— Хорошо, — кивнула доктор Мартин. — Однако меня тревожит Дуэйн. Он постоянно твердит о каких-то полубезумных идеях. О контакте с Призраками. Боюсь, если он станет упорствовать, возникнет серьезная опасность. Мы можем так сильно обидеть пси-существа, что не хватит всей мудрости Библиотеки, чтобы загладить эту оплошность. А ведь Земле жизненно необходимо поддерживать добрые отношения со своими ближайшими соседями! Буббакуб поудобнее пристроил лохматую голову на подушке.

— Вы прилагаете усилия для того, чтобы остановить доктора Кеплера?

— Разумеется, — натянуто ответила Мартин. — Меня, честно говоря, очень беспокоит, что он всякий раз уклоняется от проверки на поднадзорность. У Дуэйна в голове жуткий хаос, но,

думаю, его коэффициент все-таки находится в пределах нормы. Он ведь прошел на Земле психологический тест. Полагаю, сейчас мне удалось стабилизировать состояние. Но я так и не разобралась, в чем же кроются причины нестабильности. Частая маниакально-депрессивная смена настроения напоминает помешательство, характерное для конца двадцатого и начала двадцать первого века, когда общество чуть не погибло в результате психического воздействия окружающего шума. Эпидемия безумия, охватившая человечество, почти полностью разрушила индустриальную культуру именно тогда, когда эта культура находилась в самом расцвете. Это же безумие привело к эпохе репрессий, которая сейчас стыдливо именуется «эпохой Бюрократии».

— Да. Я читал о том, что вы чуть не довели себя до самоубийства. Мне кажется, последовавший за этим период, о котором вы упомянули, был эпохой порядка и спокойствия. Но меня это не касается. Вам очень повезло, что даже в самоубийствах вы ничего не смыслите. Но не будем отвлекаться. Что с Кеплером? — В монотонном голосе водора не было и следа вопросительных интонаций, и изменившееся лицо чужака не оставляло в этом никаких сомнений.

У Мартин по спине пробежал холодок. Ну и высокомерие! И его считают абсолютно безобидным?! Неужели люди совсем слепы и не видят, что одно лишь присутствие на Земле этого существа таит в себе огромную угрозу для ее обитателей? Она очень надеялась, что ее лицо осталось невозмутимым. Маленький человекоподобный медведь, такой милый и забавный! Ей стало зябко. Неужели только несколько человек в Ассамблее Конфедерации сумели распознать за этой симпатичной наружностью настоящего демона, прибывшего на Землю из открытого космоса с одной лишь целью — прижать людей к ногтю? И именно ей предстоит ублажить этого демона, найти ключ к его душе, если таковая, конечно же, имеется, и попытаться нащупать разумный способ установления контакта с Солнечными Призраками. Да еще Дуэйн с его неосторожными разглагольствованиями. Ифни, помоги своей сестре! Она взяла себя в руки. Буббакуб все еще ждал ответа.

— Ну, я знаю, что доктор Кеплер полон готовности решить проблему Солнечных Призраков без помощи Внеземных. Кое-кто из его сотрудников настроен весьма радикально. Не будет преувеличением, если я скажу, что некоторые из них

являются убежденными шкурниками. Но на этот раз их гордость зашла слишком далеко.

— Вы можете удержать Кеплера от опрометчивых поступков? — монотонно вопросил Буббакуб. — Он очень непоследователен.

— Вы имеете в виду привлечение в экспедицию Фэгина и его друга Демву?

Они совершенно безобидны. Опыт Джейкоба Демвы в общении с дельфинами, вполне возможно, пригодится, но очень нескоро. А Фэгин имеет огромную практику установления контак-тов. Все дело в том, что Дуэйну необходим человек, на которого он мог бы выплескивать свои параноидальные фантазии. Я думаю, мне удастся уговорить Демву проявлять побольше сочувствия к бредням Дуэйна.

Буббакуб приподнялся и посмотрел Мартин прямо в глаза.

— Эти двое меня абсолютно не волнуют. Фэгин — ленивый романтик, а Демва выглядит полным дураком. Как, впрочем, и все друзья Фэгина. Меня беспокоят другие. Когда я летел сюда, я не знал, что среди сотрудников есть шимпанзе. Именно он, а также журналист — основной источник неприятностей. От репортера слишком много шума. А шимпанзе так и вертится около Куллы,

пытаясь «освободить»…

— Кулла проявил непослушание? Я полагала, что его отношения с вами…

Буббакуб с резким шипением вскочил на ноги. Острые белые зубы сверкнули в угрожающем оскале.

— Не перебивай, человек!

Впервые в жизни доктор Мартин услышала настоящий голос Буббакуба: пронзительный визг перекрыл бормотание водора. У нее заложило уши. Какое-то время она пребывала в полном ошеломлении. Но вот фигура чужака обмякла, поднявшаяся дыбом шерсть улеглась.

— Прошу прощения, человек Мартин. Мне не следовало так распаляться из-за столь незначительного нарушения этики представителем младенческой расы.

Мартин перевела дух, стараясь не выдать свой испуг слишком уж явственно.

Буббакуб снова опустился на подушки.

— Я отвечу на ваш вопрос. Нет, Кулла не вышел за рамки дозволенного.

Он не знает, что согласно праву опеки его раса еще в течение длительного времени будет находиться в подчинении у моей. Потому-то и плохо, что этот доктор Джеффри твердит ему о правах и

обязанностях. Вы, люди, должны призвать к порядку своих подопечных, ибо только по милости старших рас их вообще стали называть подопечными софонтами. А если бы они не получили статус софонтов, то каково было бы ваше положение, человек? Снова сверкнули острые клыки. У Мартин пересохло в горле. Облизав губы, она заговорила, стараясь тщательно подбирать слова:

— Я прошу простить меня, если я вас чем-то обидела, пил Буббакуб. Я поговорю с Дуэйном, и, быть может, он сумеет повлиять на Джеффри.

— Журналист?

— С Пьером я поговорю сама. Уверена, он не хотел причинять никакого вреда. Он больше не станет досаждать вам.

— Хорошо. — Искусственный голос Буббакуба был абсолютно безразличен.

Чужак уютно свернулся на подушках. Казалось, еще мгновение, и он замурлычет.

— У нас общие цели. Я надеюсь, мы сумеем наладить деловые отношения.

Но знайте, пути достижения этих целей могут разойтись. Прошу вас сделать все возможное для нашего взаимопонимания. В противном случае я буду вынужден, как вы выражаетесь, убить одним выстрелом двух зайцев. Доктор Мартин

вяло кивнула.

Глава 8
ОТРАЖЕНИЕ

Ла Рок болтал, не умолкая ни на секунду. Джейкоб его не слушал. Журналист смертельно надоел ему нескончаемыми разглагольствованиями. Но сейчас Ла Рок перенес основной огонь на беднягу Фэгина в надежде произвести на того как можно лучшее впечатление. Джейкоб усмехнулся про себя, не перебирает ли он со своими человеческими эмоциями, жалея В.З. за необходимость выслушивать идиотскую болтовню? Джейкоб, Фэгин и Ла Рок мчались в маленьком автомобиле по нескончаемому туннелю. Автомобиль непрерывно швыряло из стороны в сторону, пассажиров нещадно трясло. Узловатыми корневищами Фэгин вцепился в скобу у пола машины, люди держались за поручень под потолком. Джейкоб прислушался. Ла Рок продолжал разглагольствовать на тему человеческих опекунов, начатую им еще на борту «Брэдбери». Репортер с жаром, достойным лучшего применения, уверял беднягу Фэгина, что мифические опекуны, сотни тысяч лет назад взявшиеся за развитые человека, обяза-

тельно должны быть связаны с Солнцем. Ла Рок в который раз повторял, что, возможно, Солнечные Призраки и есть опекуны.

— Возьмите любую земную религию. Каждая так или иначе считает Солнце священным! Эта черта объединяет все культуры. Абсолютно все! Ла Рок отпустил поручень и широко развел руками, стремясь подчеркнуть, насколько всеобъемлющей является эта идея, и чуть не упал.

Нисколько не смутившись, репортер продолжил:

— Эта гипотеза вовсе не так уж и фантастична, она прекрасно объясняет, почему Библиотека никак не может обнаружить следы наших предков. Безусловно, расы солнечного типа были известны и раньше. Потому-то подобные исследования совершенно бессмысленны. Странно, что никому не пришло в голову связать между собой эти два вопроса! Ведь это же так очевидно!

Джейкоб вздохнул. Вся трудность состояла в том, что эту теорию чертовски трудно было опровергнуть. Безусловно, многие примитивные цивилизации на Земле исповедовали культ Солнца. Солнце служило им источником тепла, света и жизни, обладало чудодейственной силой! Должно быть, солнцепоклонничество было общим

этапом в развитии всех примитивных народов. Но в том-то и крылась проблема. В Галактике практически не было «примитивных народов», с опытом которых можно было бы сравнить опыт человечества. Животных, охотников-собирателей доразумного типа и, наконец, софонтов имелось предостаточно. Но промежуточных случаев, когда опекуны покинули бы своих подопечных, подарив им разум, но не обучив их, как пользоваться столь щедрым подарком, история Галактики почти не знала. В тех же редчайших случаях, когда опекуны бросали своих детей, обретший силу разум стремительно вырывался из экологической ниши; возникали странные, непоследовательные культуры с причудливыми причинно-следственными связями, культуры, основанные на предрассудках и фантастических мифах. Без направляющей руки опекунов такие расы дичали и, как правило, вскоре погибали. Настороженное отношение к человечеству в большой степени было вызвано его уникальностью: лишенное опеки, оно продолжало жить и вполне успешно развиваться. Отсутствие рас со сходным опытом не позволяло провести хоть какой-нибудь сравнительный анализ, что, в свою очередь, создавало благоприятную почву

для появления равновероятных и трудноопровержимых теорий. Поскольку в фондах земного филиала не нашлось даже упоминания о столь широко распространенном на Земле культе Солнца, Ла Рок с легкостью мог рассуждать о том, что солнцепоклонническое прошлое человечества — всего лишь память о незавершенном развитии, память об опекунах Земли. Джейкоб, решив, что ничего нового репортер больше не скажет, снова погрузился в размышления.

С момента посадки минуло два долгих дня. Нужно было приспособиться к гравитационным колебаниям при переходе с базы, где притяжение регулировалось, на открытую поверхность Меркурия. Джейкоба представили персоналу базы, довольно многочисленному. Большинство имен он тут же забыл. Затем один из сотрудников показал ему его новое жилище. Главврач базы «Гермес», оказалось, был шишкой в проекте по развитию дельфинов. Он ужасно обрадовался Джейкобу и принялся вываливать на него груды ненужной информации. С восторгом говорил о Кеплере, хотя и признался, что не всегда понимает руководителя солнечного проекта. Не слушая никаких возражений, потащил Джейкоба на вечеринку, где каждый счел своим долгом засы-

пать его расспросами о Макой. Между тостами, разумеется. К счастью, последнее обстоятельство заметно снизило уровень досужего любопытства.

Автомобиль остановился, раздвинулись двери входа в огромную подземную пещеру, служившую ангаром для солнечных кораблей. На какое-то мгновение Джейкобу почудилось, что с пространством опять творится что-то неладное. Казалось, каждый предмет вдруг обрел двойника, а ближайшая к Джейкобу стена пещеры как-то странно изогнулась. Прямо напротив себя Джейкоб увидел ветвистого чужака двух с половиной метров роста, маленького неприятного толстяка с багровым лицом и смуглого человека, смотревшего на него с самым идиотским выражением лица.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джейкоб осознал, что смотрится в обшивку солнечного корабля, представлявшую собой самое совершенное сферическое зеркало в Солнечной системе. А недоумевающий тип, накануне, похоже, изрядно перебравший, — это он собственной персоной. Сферический звездолет, имевший двадцать метров в диаметре, столь хорошо отражал свет, что его форма угадывалась с большим трудом. Лишь

отражения искаженных форм внешнего мира от оболочки корабля позволяли реально обнаруживать его.

— Довольно смешно, — нехотя признал Ла Рок. — Чудесный, превосходный, обманчивый кристалл.

Репортер извлек из кармана мини-камеру и самозабвенно принялся снимать.

— Очень впечатляюще, — добавил Фэгин.

«Да, — подумалось Джейкобу, — действительно впечатляет. Зеркальный дом».

Но каким бы огромным ни был корабль, гигантские размеры пещеры скрадывали его величину. Необработанный каменный потолок дугой выгнулся над головой, теряясь в тумане испарений. В том месте, где они находились, пещера была довольно узкой, но можно было видеть, что она уходит вправо по меньшей мере на километр, исчезая за поворотом. Они стояли на платформе, находившейся на уровне экватора корабля. Люди, толпившиеся у нижней точки серебристой сферы, отсюда казались карликами.

В двухстах футах слева в пещере имелась пара массивных, герметически закрывающихся дверей шириной не менее ста пятидесяти футов каждая. Джейкоб предположил, что это — часть

шлюза, за которым скрывается туннель, ведущий к враждебной поверхности Меркурия. В огромных пещерах этого туннеля покоятся гигантские межпланетные корабли, подобные «Брэдбери». С платформы вниз вел металлический трап. Внизу Кеплер разговаривал с людьми в комбинезонах. Неподалеку в компании хорошо одетого шимпанзе стоял Кулла. Шимпанзе, взобравшийся на стул, чтобы быть одного роста с чужаком, самозабвенно играл с собственным моноклем. Подопечный человека подпрыгивал на согнутых ногах, едва не ломая стул. Прингл наблюдал за ним с тем выражением, которое Джейкоб, уже отчасти научившийся распознавать душевное состояние Куллы, обозначил как дружеское участие. Но в позе Куллы он увидел и что-то новое: не было той напряженности, которая никогда не оставляла его при общении с людьми, кантонами, синтианами и тем более пилами.

Платформа опустилась. Кеплер, поклонившись Фэгину, обратился к Джейкобу:

— Рад, что нашли время осмотреть корабль, мистер Демва. — Твердость рукопожатия ученого приятно удивила Джейкоба. Кеплер подозвал к себе шимпанзе.

— Познакомьтесь, это доктор Джеффри, пер-

вый представитель вида шимпанзе, ставший полноправным исследователем космоса, и, надо сказать, прекрасным исследователем. Сейчас мы приступим к осмотру именно его корабля.

Джеффри улыбнулся кривой обескураживающей улыбкой, характерной для сверхшимпанзе. Два века генной инженерии изменили форму черепа и таза, приблизив их к человеческим. Да и вообще Джеффри походил скорее на маленького смуглого человека, изрядно заросшего волосами, с непомерно длинными руками и огромными выступающими вперед зубами, чем на представителя отряда человекообразных обезьян. Еще один результат генной инженерии выявился, когда Джейкоб пожимал шимпанзе руку. Большой палец, далеко отстоявший от всех остальных, с силой надавил на ладонь, словно напоминая, что без вмешательства человека здесь не обошлось.

На груди у шимпанзе висел не водор, как у Буббакуба, а небольшой экран с кнопками по краям. Джеффри нагнул голову и начал перебирать клавиши. На экране загорелись буквы:

«РАД ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ВАМИ. ДОКТОР КЕПЛЕР ГОВОРИЛ МНЕ О ВАС КАК О ПРЕКРАСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ». Джейкоб рассмеялся.

— Большое спасибо, Джефф. Стараюсь быть та-

ким, хотя я до сих пор не понимаю, каким образом мои чудесные качества могут здесь пригодиться.

Джеффри пронзительно рассмеялся и воскликнул:

— Вы скоро поймете!

Слова походили скорее на воронье карканье, чем на человеческую речь, но тем не менее Джейкоб был поражен. Для этого поколения шимпанзе речь все еще являлась крайне болезненным процессом, хотя Джеффри говорил вполне отчетливо.

— Вскоре после окончания осмотра доктор Джеффри отправится на этом корабле в очередной прыжок, — вступил в беседу подошедший к ним Кеплер. — Сразу после возвращения разведывательного корабля командира де Сильвы. Она просила меня извиниться перед всеми за то, что не смогла встретить «Брэдбери». Когда мы соберемся на совещание, Джефф скорее всего уже отправится в полет. Первые сообщения от него поступят завтра днем, сразу после совещания.

Кеплер покрутил головой.

— Я никого не забыл представить? Джефф, я знаю, что вы уже встречались с кантоном Фэгином. Пил Буббакуб, похоже, отклонил наше приглашение. А с мистером Ла Роком вы зна-

комы? Шимпанзе поджал губы. Весь его вид свидетельствовал о крайней степени отвращения. Он тихо заворчал и уставился в зеркальную поверхность корабля. Ла Рок побагровел от замешательства и гнева.

Джейкоб с трудом подавил смешок. Неудивительно, что у сверхшимпанзе репутация забияк! Оказывается, нашелся кто-то еще, у кого такта не больше, чем у Ла Рока. О вчерашней стычке в столовой между этими двумя уже ходили легенды. Джейкоб от души пожалел, что не видел уникального зрелища. Кулла положил на плечо Джеффри тонкую хрупкую ладонь.

— Пойдем, дружище. Давай покажем миштеру Демве и его дружьям твой корабль.

Шимпанзе свирепо глянул на Ла Рока, затем перевел взгляд на Куллу и Джейкоба и тут же расплылся в широкой добродушной улыбке. Он схватил их за руки и потянул ко входу в корабль.

Вся компания вскоре оказалась на верхней площадке трапа у короткого мостика, перекинутого внутрь зеркального шара. Какое-то время глаза Джейкоба привыкали к темноте. Он смог разглядеть плоскую палубу, словно парившую в воздухе, — круглый диск из темного упругого материала. Единственным нарушением идеаль-

но плоской поверхности были несколько кресел, предназначенных для пассажиров. Часть из них была оборудована небольшими приборными панелями. В самом центре выделялся шарообразный купол метров семь в диаметре.

Кеплер склонился над одной из панелей, и через мгновение стена корабля обрела частичную прозрачность. Внутренность корабля озарил тусклый свет пещеры. Кеплер пояснил, что освещение корабля сведено к минимуму, чтобы не допустить опасных отражений от внутренней поверхности сферической оболочки.

Внутренность идеальной оболочки солнечного корабля структурой напоминала твердотельную модель системы Сатурна. Широкая палуба играла роль кольца, а две полусферы сверху и снизу палубы олицетворяли саму планету. В верхней полусфере Джейкоб разглядел несколько люков. Он уже знал, что там находится почти все оборудование, отвечающее за управление кораблем, включая устройство регулировки времени, генератор гравитационного поля и охлаждающий лазер.

Наконец Джейкоб ступил на край палубы. Силовое поле удерживало ее на весу в четырех-пяти футах от обшивки. Его окликнули. Все уже нахо-

дились у открытого люка центрального купола. Кеплер помахал ему рукой.

— Мы собираемся осмотреть приборную полусферу, здесь ее называют «обратной стороной». Будьте осторожны, вы вступаете на гравитационные дугу.

У самой двери Джейкоб задержался, чтобы пропустить вперед Фэгина, но кантен дал понять, что предпочитает остаться снаружи. Двухметровому чужаку вряд ли было бы уютно в семифутовом помещении. Джейкоб последовал за Кеплером, но в следующее мгновение, совершенно ошарашенный, чуть не выскочил обратно. Кеплер, опередивший его всего на несколько шагов, сейчас находился прямо над головой Джейкоба. Он взбирался по поверхности, напоминавшей склон крутой горы, ограниченной с двух сторон переборками. Казалось, Кеплер вот-вот опрокинется — под таким немыслимым углом находилось его тело. Джейкобу стало не по себе. Но ученый двигался по эллиптической поверхности как ни в чем не бывало и вскоре скрылся из вида. Джейкоб уперся обеими руками в переборки и несмело шагнул вверх.

Ничего не произошло. Его тело чувствовало себя абсолютно уверенно. Еще шаг. Джейкоб оглянул-

ся. Дверь находилась внизу. По всей видимости, купол настолько плотно удерживал псевдогравитационное поле, что радиус гравитационной области составлял всего лишь несколько ярдов. Генератор поля работал столь совершенно, что Джейкоба подвело даже его внутреннее чутье. В проеме люка мелькнуло ухмыляющееся лицо одного из техников. Джейкоб захлопнул разинутый в изумлении рот и продолжил путешествие по гравитационной петле, стараясь не думать, что мало-помалу переворачивается вверх ногами. Чтобы отвлечься от этой неприятной мысли, он внимательно читал надписи на пластинах, прикрепленных на стенах и на полу к люкам, ведущим в блок управления. На середине пути ему попался закрытый люк, надпись на котором гласила: «ДОСТУП К УПРАВЛЕНИЮ СЖАТИЕМ ВРЕМЕНИ».

Теперь он двигался по пологому склону. Замешательство прошло. Оказавшись у двери, он уже был готов увидеть то, что увидел. Но все же не смог удержаться от стона:

— О нет!

На мгновение закрыл глаза, затем осторожно открыл и осмотрелся. Над его головой завис пол ангара, и на нем, подобно мухам на потолке,

копошились люди, осматривая перевернутое подножие корабля. Смиренно вздохнув, Джейкоб по полупотолку подошел к Кеплеру. Кеплер разглядывал блок какого-то сложного устройства. Ученый посмотрел на Джейкоба и улыбнулся.

— Пользуюсь привилегией руководителя везде совать свой нос. Конечно, корабль прошел полную проверку, но мне нравится все осматривать самому. Он любовно погладил машину и поманил Джейкоба за собой. Они подошли к краю палубы. Здесь ощущение, что стоишь на голове, было особенно сильным. Потолок пещеры терялся в дымке далеко «внизу».

— Это одна из мультиполяризационных камер, которые мы установили, когда впервые увидели Призраков. Призраки излучают когерентный свет. — Кеплер ткнул в один из совершенно одинаковых аппаратов, вы строившихся вдоль кромки палубы через равные промежутки. — С их помощью мы можем выделять Призраков из спектра некогерентного излучения. Вне зависимости от плоскости поляризации излучения Призраков мы можем теперь подстроиться под любую и убедиться, что когерентность действительно существует и постоянна во времени.

— Почему все камеры здесь? Наверху я не заме-

тил ни одной.

— Мы обнаружили, что живые наблюдатели и аппараты мешают друг другу, если находятся в одной плоскости. По этой и некоторым другим причинам приборы расположены здесь, а наш курятник — на другой половице. Можно обеспечить хороший обзор и для приборов, и для наблюдателей, сориентировав корабль таким образом, чтобы этот край палубы был направлен на объект наблюдения. Это оказалось прекрасным компромиссом: поскольку с гравитацией нет никаких проблем, можно поворачивать плоскость палубы на любой угол, позволяя живым наблюдателям и приборам следить за интересующим объектом с общей точки обзора. Полученные результаты подвергаются потом сравнительному анализу.

Джейкоб попытался представить себе, как пассажиры и экипаж с увлечением наблюдают за пресловутыми Солнечными Призраками, не обращая внимания ни на накренившуюся палубу, ни на бушующие плазменные бури, так и швыряющие корабль из стороны в сторону, и обреченно вздохнул.

— Но с недавних пор в оборудовании у нас возникли неполадки, — продолжал Кеплер. — На этом корабле, а он поменьше других, внесен ряд

изменений, так что надеюсь... А! Вот и наши друзья. В проеме люка появились Кулла и Джеффри. Обезьяно-человеческое лицо Джеффри искривилось в гримасе презрения. Шимпанзе быстро забарабанил по клавишам своего устройства.

"ЛА РОКУ СТАЛО ПЛОХО. ТОШНОТА ПРИ ПРОХОДЕ ПО ПЕТЛЕ.

УБЛЮДОК-РУБАШЕЧНИК".

Кулла что-то тихо сказал шимпанзе. Джейкоб едва смог разобрать:

— Будь поуважительнее, дружище Джефф. Ведь мистер Ла Рок человек.

Задетый за живое, Джеффри снова забарабанил по клавишам. С бесчисленными ошибками шимпанзе сообщил, что он так же уважает людей, как и любой другой представитель его вида, но при этом он вовсе не собирается пресмыкаться перед человеком, особенно если тот не имеет никакого отношения к развитию шимпанзе.

«НЕУЖЕЛЕ ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛНО ДОЛЖИН ЛИЗАТЬ ЗАДНИЦУ БУББАКУБУ, ПОТОМУ ШТО ЕГО ПРЕДКИ ОКОЗАЛИ МИЛОСТЬ ТВОИМ ПРЕДКАМ ПОЛМИЛИОНА ЛЕТ НАЗАД?» Глаза прингла вспыхнули. Меж складчатых губ сверкнул белый фарфор.

— Прошу тебя, дружище Джефф. Я жнаю, что

у тебя шамые лучшие намерения, но Буббакуб — мой опекун. Люди ошвободили твою рашу. Моя раша должна находитьшя в услужении, так уштроен мир. Джеффри возмущенно фыркнул.

— Посмотрим, — прокаркал он.

Кеплер отвел Джеффри в сторону, попросив Куллу сопровождать Джейкоба. Чужак провел Джейкоба к другой стороне полусферы и показал устройство, позволяющее кораблю плавать в полужидкой плазме солнечной атмосферы подобно батискафу. Кулла последовательно снял панели, за которыми находились ячейки голографической памяти.

Стасис-генератор управлял потоком времени-пространства, протекающим через корабль. Мощные бури хромосферы казались легким волнением. Фундаментальные физические законы, лежащие в основе принципа работы генератора, лишь отчасти были поняты учеными Земли, хотя правительство настояло, чтобы генератор был собран руками людей. Глаза Куллы зажглись, в его голосе зазвучала гордость за те новые технологии, которыми Библиотека наделила землян. Логические элементы, управляющие работой генератора, напоминали хаотическое переплетение стеклянных нитей. Кулла объяснил, что эти

стержни и волокна позволяют надежно хранить оптическую информацию и обладают высоким быстродействием. По ближайшему к Джейкобу стержню пробегали голубые интерференционные картинки — пакеты информации хранились в световом виде. Джейкобу устройство показалось живым организмом. Лазерный луч ввода-вывода, повинуясь руке Куллы, качнулся, и Джейкоб стал свидетелем того, как перекачивается световая информация, кровь этого удивительного прибора.

Хотя Кулла наверняка сотни раз видел этот процесс, но казалось, что и он зачарован им не меньше Джейкоба. Яркие, немигающие глаза не отрывались от бегущего информационного сияния.

Наконец Кулла закрыл панель. Джейкоб заметил, что чужак выглядит уставшим. «Должно быть, было много работы», — про себя посочувствовал он В.З. Они почти в полном молчании проделали обратный путь вокруг купола и присоединились к Джеффри и Кеплеру. Те спорили по поводу калибровки одной из камер. Джейкоб с интересом прислушивался, хотя почти ничего не понимал. Чуть позже, сославшись на дела внизу, Джеффри ушел, вскоре за ним последовал Кулла. Люди еще несколько минут постояли, беседуя об

устройстве корабля, затем Кеплер жестом предложил Джейкобу двигаться назад. На этот раз Джейкоб пошел по гравитационной петле первым. Когда он преодолел половину пути, сверху раздались шум и возня. Послышался гневный крик. Забыв, что находится на вершине крутой гравитационной петли, Джейкоб попытался ускорить шаг. Но петля не была предназначена для беготни, и на Джейкоба тут же нахлынула ошарашивающая смесь ощущений, вызванная сложным воздействием различных участков псевдогравитационного поля.

Он поскользнулся на незакрепленной пластине. В сторону отлетело несколько болтов. Пытаясь удержать равновесие, Джейкоб пошатнулся. Когда он наконец добрался до люка, ведущего на верхнюю палубу, Кеплер успел догнать его.

Крики раздавались за стеной корабля. У трапа возбужденно размахивал ветвями Фэгин. Несколько сотрудников бежали к Ла Року и Джеффри, сцепившимся в драке.

Побагровевший от натуги Ла Рок пыхтел и, напрягая все мышцы, пытался отодрать от своей головы руки Джеффри. Он колотил кулаками и лягался, но его действия не производили ни-

какого эффекта. Шимпанзе время от времени пронзительно кричал, скаля зубы и изо всех сил стараясь пригнуть голову репортера. Оба не обращали никакого внимания ни на собравшуюся толпу, ни на попытки разнять их.

Джейкоб быстро спустился вниз. Он увидел, как Ла Рок, высвободив одну руку, нащупывает на поясе какой-то кожаный футляр. Не медля ни секунды, Джейкоб протиснулся сквозь толпу и одной рукой резко и сильно ударил Ла Рока, а другой схватил шимпанзе за шкирку. Футляр выскользнул из рук Ла Рока, повиснув на ремне. Джейкоб с силой оторвал шимпанзе от репортера и толкнул его в руки подоспевших Кеплера и Куллы. Джеффри яростно вырывался, сильные руки шимпанзе так и мелькали в воздухе.

Джейкоб стремительно обернулся на шум у себя за спиной. Ладонь его уперлась в грудь репортера, рвавшегося вперед. Пол выскользнул у Ла Рока из-под ног, и тот, ойкнув, рухнул. Джейкоб схватил камеру, но его противник мертвой хваткой вцепился в кожаный футляр. Ремень с резким хлопком порвался. Кто-то помог репортеру подняться на ноги. Джейкоб поднял руки вверх.

— Прекратите!

Он стоял так, чтобы Джеффри и Ла Рок не могли

увидеть друг друга. Ла Рок поглаживал ушибленную руку, не обращая внимания на уговоры державших его людей. Глаза его яростно сверкали.

Джеффри все еще пытался высвободиться, но Кулла и Кеплер держали его крепко. Сзади отчаянно посвистывал Фэгин.

— Шимпанзе Джеффри, послушай меня! Меня зовут Джейкоб Демва. Я эксперт проекта Развития. Я говорю тебе, что твое поведение совершенно неподобающе. Ты ведешь себя как животное!

Голова Джеффри дернулась, словно ему дали сильнейшую пощечину. Мгновение он неотрывно смотрел на Джейкоба, из горла вот-вот готово было вырваться рычание, но вот напряжение в его глубоко посаженных глазах исчезло. Шимпанзе обмяк. Джейкоб потрепал его мохнатую голову, пригладил вставшую дыбом шерсть. Джеффри дрожал.

— Успокойся, — голос Джейкоба был ласков, — постарайся взять себя в руки. Позже мы обязательно выслушаем тебя, ты расскажешь, что произошло. Все еще дрожа, Джеффри поднес руку к своему экранчику. Он не сразу смог набрать короткое слово: «ПРОСТИТЕ». Взглянул на Джей-

коба, чтобы тот убедился в его искренности.

— Прекрасно, — ответил Джейкоб, — готовность извиниться — первый признак воспитанности.

Джеффри выпрямился. С нарочитым спокойствием он кивнул Кеплеру и Кулле. Те отпустили его. Несмотря на успехи в общении с дельфинами и обезьянами, Джейкоб испытывал некоторый стыд, оттого что разговаривает с Джеффри покровительственным тоном. Он использовал прием наудачу, и тот сработал. Из разрозненных высказываний Джеффри Джейкоб знал, что шимпанзе в глубине души глубоко уважает своих опекунов, но это уважение распространяется далеко не на всех людей. Джейкоб был рад, что смог задеть эту струну Джеффри, но гордиться тут было особенно нечем. Удар ниже пояса! Как только Кеплер увидел, что Джеффри успокоился, он тут же взял инициативу в свои руки.

— Что, черт побери, здесь происходит?! — Громовым голосом вскричал он, обратив грозный взгляд на Ла Рока.

— Это животное напало на меня! — взвизгнул Ла Рок. — Я, еле живой от страха, с трудом выбрался из этого ужасного места и вот стоял, разговаривал с уважаемым Фэгином, а эта

тварь ни с того ни с сего вдруг как набросится на меня! Я уверен, он хотел убить меня! «ЛЖЕЦ. ОН СОБИРАЛСЯ УСТРОИТЬ ДИВЕРСИЮ. Я ОБНАРУЖИЛ, ЧТО ПАНЕЛЬ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ ОТВИНЧЕНА. ФЭГИН СКАЗАЛ, ЧТО ЭТОТ ПОДОНОК ВЫСКОЧИЛ ИЗ КОРАБЛЯ КАК РАЗ В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПОСЛЫШАЛИСЬ ШАГИ».

— Прошу прощения, но я должен внести поправку! — пропел Фэгин. — Я не употреблял уничижительное существительное «подонок». Я просто ответил на поставленный вопрос…

— Он там целый час провел! — каркнул Джеффри, перебивая Фэгина. Лицо его скривилось от усилия. «Бедный Фэгин», — пожалел кантона Джейкоб.

— Я уже говорил, — снова завизжал Ла Рок, — это страшное место напугало меня! Я стоял, вцепившись в пол, не менее получаса. Ты, обезьяна, ты нагло врешь, ты хочешь оклеветать меня! Прибереги свои грязные обвинения для сородичей, до сих пор не слезших с деревьев! Шимпанзе яростно заверещал и бросился на репортера. Кулла с Кеплером снова вцепились в него. Джейкоб подошел к Фэгину, не зная, что сказать.

Перекрывая поднявшийся гвалт, Фэгин мягко зашелестел:

— Такое впечатление, что ваши опекуны, кем бы они ни были, дружище Джейкоб, были весьма своеобразными созданиями. Джейкоб молча кивнул.

Глава 9
ВСПОМИНАЯ БОЛЬШУЮ БЕСКРЫЛУЮ ГАГАРКУ

Джейкоб взглянул на собравшихся у трапа. Кулла и Джеффри вели неторопливую беседу с Фэгином. Несколько человек из персонала базы держались неподалеку, избегая назойливого репортера. Ла Рок, как ни в чем не бывало, продолжал слоняться по пещере, всячески надоедая занятым предстартовой суетой техникам. Какое-то время он так и дымился от ярости, но постепенно успокоился. Правда, апоплексическая багровость не сходила с его лица.

Джейкоб достал из кармана трофей — камеру журналиста.

— И сам не знаю, зачем я ее отобрал у него, — сказал он Кеплеру.

Миниатюрная камера выглядела совершенным инструментом для добывания информации, компактным, многофункциональным и явно

дорогим.

Джейкоб протянул ее Кеплеру и, словно оправдываясь, добавил:

— Мне показалось, он хочет достать оружие.

Кеплер сунул камеру в карман.

— Мы ее проверим, так, на всякий случай. А пока я хотел бы поблагодарить вас. Вы действовали просто превосходно! Джейкоб пожал плечами.

— Ерунда. Ко всему прочему я, похоже, нанес урон вашему авторитету, так что прошу меня простить. Кеплер рассмеялся.

— Вы меня просто выручили! Я бы наверняка не знал, как поступить в подобной ситуации.

Джейкоб улыбнулся, но на душе у него было неспокойно.

— Что сейчас на очереди? — спросил он.

— Нужно снова проверить систему сжатия времени на корабле Джеффри.

Хотя я не думаю, что с ней могло что-нибудь произойти. Даже если Ла Року удалось проникнуть внутрь, вряд ли он смог ее повредить. Для этого ему понадобились бы специальные инструменты, а у журналиста их, разумеется, не было.

— Но когда мы проходили по гравитационной петле, панель и в самом деле была открыта.

— Да, но скорее всего Ла Рок сунул туда нос

просто из любопытства.

Честно говоря, я не слишком удивлюсь, если окажется, что Джефф сам снял панель, чтобы иметь повод сцепиться с журналистом. Кеплер взглянул на изумленного Джейкоба и рассмеялся.

— Не смотрите на меня так! Мальчишки всегда остаются прежде всего мальчишками. Вы ведь знаете, что даже самые развитые шимпанзе частенько ведут себя, как шкодливые дети.

Джейкоб знал. И все же он не понимал, почему Кеплер так снисходителен к невыносимому репортеру, которого, без сомнения, презирает. Неужели ему так нужны хорошие отзывы в прессе?

Кеплер еще раз поблагодарил его и, прихватив с собой Куллу и Джеффри, направился к люку корабля. Джейкоб отошел в сторонку и присел на какой-то ящик.

Устроившись поудобнее, он достал из кармана пачку бумаг. Утром поступили лазерограммы с Земли. Джейкоб вспомнил, как Милли Мартин и Буббакуб, лично явившийся в рубку за предназначенным для него шифрованным посланием, обменялись заговорщицкими взглядами, и едва удержался от смеха.

Во время завтрака доктор Мартин сидела меж-

ду Буббакубом и журналистом, наводя мосты между болезненной ксенофилией землянина и надменной подозрительностью представителя Библиотеки. Но вскоре объявили о получении лазерограмм. Буббакуб в сопровождении психолога важно удалился, а бедный Ла Рок остался доедать завтрак с самым несчастным видом. Покончив с завтраком, Джейкоб решил было зайти в медицинскую лабораторию, но завернул в рубку за своей почтой. В его комнате на столе уже лежала толстая пачка материалов, полученных накануне из Библиотеки. Прежде чем заняться поглощением информации, следовало ее как-то упорядочить.

Информационное поглощение, или информационный транс, представляло собой усвоение информации на подсознательном уровне за очень короткое время. Эта штука не раз выручала Джейкоба, но у информационного транса имелся один существенный недостаток — терялась способность мыслить критически. Информация усваивалась мозгом, но для того, чтобы ее можно было активно использовать, следовало прочитать материалы еще раз, самым обычным способом.

Забрав очередную порцию лазерограмм,

Джейкоб вернулся к себе. Все бумаги лежали аккуратной стопкой слева. Джейкоб уже переварил содержащуюся в них информацию, и сейчас она хранилась в дальнем уголке его мозга. Отдельные фрагменты новых знаний время от времени всплывали в голове, не складываясь в единое целое. В течение недели ему предстояло узнавать все заново, непрерывно испытывая болезненные чувства неофита. И начинать надо незамедлительно.

И сейчас, устроившись на пластиковом ящике, Джейкоб быстро просматривал захваченные с собой бумаги. Обрывки информации словно дразнили его смутным ощущением чего-то давно известного.

…Раса киза, только что освободившаяся от покровительства расы соро, обнаружила планету Пила в ходе победных завоеваний галактической культуры в этом квадранте пространства. На планете были найдены свидетельства обитания исчезнувшей около двухсот миллионов лет назад расы. Подняли галактические архивы и прочитали, что планету Пилу в течение шестисот тысячелетий населяли представители вида меллин (см. вымерший вид меллин). Планета Пила, пребывавшая в необитаемом состоянии

дольше положенного срока, была подвергнута тщательному исследованию и в соответствии со стандартной процедурой зарегистрирована как колония расы киза, класс С (допускается минимальное воздействие на существующую биосферу). На Пиле обитал дософонтный вид, которому кизы дали имя планеты — пилы…

Джейкоб попытался представить себе, как выглядела раса пила до прибытия кизов. Несомненно, примитивные охотники-собиратели. Остались бы они такими же и поныне, если бы не появились кизы? Или же смогли бы эволюционировать, как продолжают утверждать некоторые антропологи на Земле, в совершенно иную разумную культуру?

Ссылка на вымерший вид меллин давала ясное представление о временных масштабах галактической цивилизации и размерах Библиотеки. Двести миллионов лет! В столь давние времена планету Пила колонизировала раса космических странников. Они прожили там шесть тысяч веков, в течение которых предки Буббакуба были всего лишь мелкими зверушками, рывшими норы. Весьма вероятно, меллины уплатили взнос и основали собственный филиал Библиотеки. Без сомнения, они оказывали надлежащее уважение

(быть может, скорее словами, чем делами) своим опекунам, подарившим им разум задолго до колонизации Пилы. Вероятно также, что меллины, в свою очередь, подвергли развитию какой-нибудь подающий надежды вид, обнаруженный на планете, каких-нибудь кузенов Буббакуба, давно уже, наверное, вымерших. Внезапно до Джейкоба дошло. Он понял суть галактических законов Местопребывания и Миграции. Они принуждали любой разумный вид рассматривать собственную планету как временное жилье, которое нужно будет передать в руки будущим цивилизациям, в руки рас, находящихся сейчас в неразвитом и неразумном состоянии. Нет ничего удивительного в том, что многие в Галактике были столь недовольны привязанностью человечества к Земле. Только влияние тимбрими и других дружественных рас позволило человечеству сохранить три свои колонии на Цигнусе, получив соответствующее разрешение в назойливом и фанатичном Институте Миграции. Счастье еще, что вернувшиеся на «Везариусе» успели предупредить человечество, и люди смогли скрыть следы некоторых своих преступлений! Джейкоб был одним из сотен тысяч людей, знавших, что когда-то на Земле существовали такие живот-

ные, как морская корова, гигантский ленивец и орангутанг. И он лучше многих осознавал, что эти жертвы человечества могли когда-нибудь обрести разум. Джейкоб искренне скорбел об исчезнувших с лица Земли видах. Он вспомнил о Макой. Ведь дельфины и киты тоже стояли над самой пропастью небытия.

Он вздохнул и снова принялся за бумаги. Его глаза остановились еще на одном куске сообщения, повествовавшем о расе Куллы…

…Планета, колонизированная экспедицией с Пилы. (Пилы, пригрозив своим опекунам кизам, что потребуют от соро объявления джихада, добились освобождения от опеки.) Получив разрешение на колонизацию планеты Прингл, пилы, нарушив рекомендацию оказывать минимальное воздействие на биосферу планеты, вмешались в естественный ход ее развития. Инспекция из Института Миграции обнаружила, что пилы предприняли недюжинные усилия для сохранения лишь тех местных видов, на чье развитие были получены достаточно реалистичные прогнозы. А среди обреченных на вымирание находились даже и генетические предки принглов, чьим именем была названа планета…

Джейкоб пометил, что надо бы побольше узнать о джихаде, который чуть что объявляли пилы. В своей галактической политике пилы всегда были крайне агрессивны и консервативны. Джихады, или священные войны, считались последним доводом для убеждения галактических рас придерживаться традиций. Институты исповедовали приверженность традициям, но следить за соблюдением принципа приходилось либо сильнейшим, либо представителям мнения большинства.

Джейкоб совершенно точно знал, что хранящиеся в Библиотеке компрометирующие сведения о священных войнах дают право запрещать их силой. Оттого очень редко встречались упоминания о «прискорбном» случае развязывания войны под предлогом следования традициям. Историю пишут победители. Джейкоб спросил себя, на что же могли пожаловаться пилы, потребовав снятия над ними опеки со стороны кизов? И как выглядят эти самые кизы?

Звон колокола, гулким эхом прозвучавший под сводами пещеры, заставил его вздрогнуть.

Рабочие отложили инструменты и повернулись к огромной двери в туннель, соединявший базу с поверхностью Меркурия. С тихим шоро-

хом двери начали раздвигаться. В открывшемся провале сперва не было видно ничего, кроме абсолютной черноты. Затем на неспешную дверь налетело нечто ослепительное и огромное: удивительный объект, словно нетерпеливый щенок, пытался протиснуться в ангар. Это был еще один солнечный корабль, еще один сверкающий зеркальный шар. Он парил над полом пещеры и нематериально сиял. Наконец двери полностью открылись, и корабль словно бы внесло в ангар ворвавшимся снаружи ветром. В идеальном зеркале прибывшего корабля отражались шершавые стены пещеры, оборудование, люди. Рабочие собрались у причальных опор. Корабль, негромко жужжа и потрескивая, завис над ними.

Мимо Джейкоба вихрем пронеслись Кулла и Джеффри. Шимпанзе на ходу широко улыбнулся ему и жестом предложил следовать за ними. Джейкоб, не удержавшись от ответной улыбки, устремился вслед, на ходу запихивая бумаги в карман куртки. Корабль, несколько минут поманеврировав над опорами, начал медленно опускаться. Трудно было поверить, что он лишь отражает окружающий свет, а не излучает его сам — так ярко сияла его зеркальная поверхность. Джейкоб пристроился рядом с Фэгином чуть в

стороне от толпы встречающих. Они вместе увлечение глазели на посадку корабля.

— Мне кажется, ты поглощен какими-то мыслями, — пропел фэгин. — Прошу простить мое вмешательство, но, полагаю, мне позволительно поинтересоваться их природой?

Джейкоб стоял к Фэгину так близко, что мог уловить слабый запах орегано, исходивший от чужака. Листва Фэгина тихо шелестела.

— Да вот, думаю о том, где побывал этот корабль, — ответил Джейкоб. — Я попытался представить себе, на что должна быть похожа та местность, и не смог. — Не расстраивайся, дружище Джейкоб. Я тоже испытываю благоговейный ужас и не могу постичь того, что вы, земляне, совершили. Со смирением и покорностью ожидаю своего первого погружения. «Ох, опять ты сумел пристыдить меня, зеленый ублюдок, — беззлобно подумалось Джейкобу. — Я только и думаю, как избежать этого безумия. А ты без умолку трещишь о том, как тебе не терпится прыгнуть в адово пекло!»

— Не хочу называть тебя *лжецом*, Фэгин, но твои восхваления проекта — дипломатический трюк. Ведь проект основан на технике, близкой к эпохе неолита! Неужели никто в Галактике не

совершал прыжка в звезду? Софонты существуют миллиард лет, и все, что имело смысл сделать, сделано уже по меньшей мере триллион раз!

Он не смог скрыть за шутливым тоном горьких нот и поразился силе собственных эмоций.

— Безусловно, это так, дружище Джейкоб. Но я и не утверждал, что «Прыжок в Солнце» — проект уникальный. Он уникален именно для меня. Разумные расы, с которыми мне лично доводилось общаться, удовлетворялись изучением своих светил с расстояния, сравнивая полученные результаты с данными Библиотеки. Для меня этот прыжок — настоящее приключение. От солнечного корабля отделился прямоугольник, опускаясь, он постепенно преобразовался в трап.

Джейкоб нахмурился и упрямо продолжил:

— Не могло не быть управляемых погружений! Ведь очевидно же, что надо изведать все тайны и возможности. Я не могу поверить, что мы первые в таком грандиозном деле!

— Конечно, совершать такое могли и раньше, — медленно пропел Фэгин. — Как гласит пословица, прародители совершили все, прежде чем удалиться. Но так много разного совершалось столь разными расами, что очень трудно знать что-либо наверняка.

Джейкоб не ответил, обдумывая слова кантена.

Трап уже коснулся причальной платформы. Рядом с ними возник Кеплер.

Он улыбался.

— А! Вот вы где! Впечатляет, не правда ли? Все участники проекта собрались здесь. Так всегда встречают солнечный корабль даже после короткого разведывательного полета, как в данном случае.

— Да, — согласился Джейкоб, — весьма впечатляет. Кстати, доктор Кеплер, я, помнится, уже спрашивал вас, не посылали ли вы запрос по поводу Солнечных Призраков в филиал Библиотеки в Ла-Пасе. Ведь наверняка кто-то сталкивался с подобным явлением, и я уверен, нам очень помогло бы… Он остановился, не договорив. Улыбка исчезла с лица Кеплера.

— Наш запрос стал основной причиной, по которой к нам отрядили Куллу, мистер Демва. Предполагалось, что это будет эксперимент, который покажет, насколько мы, земляне, способны сочетать независимые исследования с ограниченной помощью со стороны Библиотеки. Этот план прекрасно работал, когда мы строили корабли. Должен признать, галактические технологии

— это что-то невероятное. Но с тех пор Библиотека не оказывала нам никакой помощи. Все это очень сложно. Я надеюсь коснуться этого вопроса завтра, после совещания, но, видите ли…

Со всех сторон раздались приветственные крики. Толпа подалась вперед.

Кеплер автоматически заулыбался.

— Потом! — бросил он Джейкобу и поспешил к кораблю.

На причальной платформе показались пять человек — трое мужчин и две женщины. Они приветственно помахали толпе. Одна из женщин, высокая стройная блондинка с коротко остриженными волосами, нашла глазами Кеплера, улыбнулась ему и начала спускаться вниз. Остальные последовали за ней. По всей видимости, эта красотка и была командиром базы «Гермес». Джейкобу о ней все уши прожужжали. На вчерашней вечеринке один медик назвал ее лучшим из всех комендантов этого форпоста Конфедерации на Меркурий. Какой-то новичок непочтительно перебил старожила, заявив, что в прошлой жизни она наверняка была лисой. Джейкоб увидел в этом намек на изворотливость ее ума. Но, глядя, как эта женщина, нет, скорее молодая девушка, грациозно спускается по тра-

пу, он понял и второй, лестный для внешности командира смысл.

Толпа расступилась. Женщина подошла к Кеплеру, протянула ему руку.

— Они там! Мы спустились до уровня тау-два в первой активной области.

Там и обнаружили их. От одного нас отделяло не больше восьмисот метров! У Джеффа не будет никаких проблем! Это самое большое магнитоядное, которое я видела!

Ее низкий, страстно-мелодичный голос показался Джейкобу удивительно красивым. Этот голос вызывал доверие. Он не смог опознать ее легкий акцент, старомодный, что ли.

— Прекрасно! Прекрасно! — закивал Кеплер. — Там, где есть овцы, должны быть и пастухи, верно?

Он взял ее за руку и повернулся, чтобы представить Фэгину и Джейкобу.

— Уважаемые софонты, это Хелен де Сильва, комендант Конфедерации на Меркурии и моя правая рука. Я без нее ничего не смог бы сделать. Хелен, это мистер Джейкоб Альварес Демба, тот самый джентльмен, о котором я сообщал вам. А с кантеном Фэгином вы, конечно, встречались на Земле несколько месяцев назад. Как я пони-

маю, с тех пор вы успели обменяться не одной лазерограммой. — Кеплер ласково тронул женщину за плечо. — Мне надо идти, Хелен. Нужно просмотреть поступившие с Земли сообщения. Я и так слишком задержался. Вы уверены, что все прошло гладко и экипаж не слишком устал?

— Все отлично, доктор Кеплер. Нам удалось поспать на обратном пути.

Мы сегодня еще увидимся во время старта Джеффа. Кеплер тепло попрощался с Джейкобом и Фэгином и довольно сухо кивнул Ла Року, который, разумеется, болтался неподалеку. Репортер находился достаточно близко, чтобы слышать разговор, но недостаточно, чтобы продемонстрировать хорошие манеры. Кеплер еще раз кивнул и направился к лифтам.

Хелен де Сильва уважительно поздоровалась с Фэгином. Ее легкий поклон был куда теплее предписанного хорошим тоном. Она явно искренне радовалась встрече с чужаком, о чем многословно и оповестила всех. Потом взглянула на Джейкоба.

— Так, значит, вы и есть мистер Демва? — Она пожала ему руку. — Фэгин рассказывал мне о вас. Вы тот самый отважный молодой человек, что спрыгнул с самой верхушки эквадорского Шпиля.

Я настаиваю, чтобы герой лично рассказал мне о своих подвигах!

Как всегда, когда упоминали Шпиль, у Джейкоба все внутри сжалось от боли. Стараясь скрыть свое состояние, он рассмеялся.

— Поверьте, я вовсе не специально прыгал! Но если всерьез, я скорее соберусь отправиться в одну из ваших прогулок на Солнце, чем решусь повторить это снова!

Хелен рассмеялась, но в глазах ее не было веселья, она смотрела определенно оценивающе. Джейкоба ее взгляд смутил, хотя он и нашел его весьма лестным для себя. Неожиданно он обнаружил, что ему не хватает слов. — Ммм… во всяком случае странно слышать, что меня называет «молодым человеком» столь юная особа. Вы, должно быть, необыкновенный специалист, раз вас назначили комендантом до того, как ваше лицо избороздили морщины. Она рассмеялась снова.

— Весьма галантно! Очень любезно с вашей стороны, сэр, но и впрямь шестьдесят пять лет моей жизни стоят не одного десятка морщин. Я была младшим помощником на «Калипсо». Вы, может быть, помните: мы вернулись в Солнечную систему пару лет назад. Так что теперь мне за девяносто!

— О!

Космолетчики были очень своеобразным племенем. Вне зависимости от их субъективного возраста, по возвращении на Землю они всегда могли выбрать себе работу по душе. Конечно, если вообще желали работать.

— В таком случае я действительно должен относиться к вам с почтением, приличествующим вашему возрасту, уважаемая бабушка. Она отступила и прищурилась.

— Не перегните палку в другую сторону, сэр! Я очень много работала, чтобы стать женщиной, не меньше, чем человек из самых низов общества, решивший добиться высокого положения. Если первый за много месяцев привлекательный мужчина, не находящийся под моим началом, решит, что я недотрога, то мне придется всерьез подумать, не заковать ли его в кандалы. Ее речь была полна архаизмов, но смысл Джейкоб сразу уловил. Он улыбнулся и поднял руки вверх, признавая свое поражение. Впрочем, сделал он это весьма охотно. Хелен де Сильва неуловимо напомнила ему Таню. Он никак не мог понять, чем именно. Это ускользающее сходство вызвало в нем ответную, и тоже непонятную, дрожь. Он уже давно не испытывал ничего подобного.

Усилием воли Джейкоб взял себя в руки. Надо кончать с философско-эмоциональным дерьмом. Он всегда, теряя над собой контроль, был склонен к сентиментальности. Но факт оставался фактом — комендант базы оказался чертовски привлекателен.

— Быть посему, — ответил он женщине. — И будь проклят тот, кто первый скажет «довольно!».

Хелен рассмеялась. Она подхватила его под локоть и повернулась к Фэгину.

— Пойдемте, я хочу вас обоих познакомить с экипажем. А потом нужно будет заняться подготовкой Джеффа. О, увидите, он прощается невыносимо долго! Даже когда отправляется в такой короткий полет, как этот. Прощальные объятия, поцелуи… — Она не докончила и снова рассмеялась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Только солнечный анализатор позволяет получить данные о распределении массы и углового момента внутри Солнца... изображение с высоким разрешением... зарегистрировать нейтроны, излучаемые в результате ядерных процессов на поверхности Солнца и вблизи нее... выяснить, каков механизм образования солнечного ветра.

Наконец, при условии создания соответствующих средств связи и слежения, а также, возможно, бортового водородного мазера солнечный анализатор окажется наилучшей базой для поисков низкочастотных гравитационных волн, создаваемых космическими источниками.

Из доклада на предварительном рабочем совещании НАСА по проблемам солнечного анализатора

Глава 10
ТЕПЛОТА

На мглисто-розовом фоне празднично колыхалось на невидимых нитях темно-желтое боа из перьев. Или то были старинные витые конфеты из жженого сахара. Цепь тонких темных арок — газообразных согнутых антенн — уходила вдаль, теряясь в клокочущем водовороте.

Джейкоб обнаружил, что не может сосредоточиться на какой-нибудь одной детали голографического изображения. Темные нити и полосы, из которых состояла видимая топография средней части хромосферы, производили крайне обманчивое впечатление как формой, так и структурой. Ближайшая нитеобразная дуга почти полностью заполнила левый угол объемного экрана. Тонкие пряди более темного, чем светящийся фон, цвета обвились вокруг незримой оси магнитного поля, изогнувшегося над солнечным пятном. Явление наблюдалось за тысячу миль от Солнца. С этой позиции, вблизи источника энергии, нескончаемым световым потоком текущей во мрак космоса, можно было охватить взглядом поверхность

Солнца, его пейзажи протяженностью в десятки тысяч миль. Но даже вполне осознавая этот факт, Джейкобу было трудно смириться с огромностью видимого. Магнитные дуги размерами превосходят, например, Норвегию. А ведь это лишь крошечные звенья цепи, опоясывающей группу солнечных пятен. Цепь периметром в двести тысяч миль.

Но это были сущие пустяки по сравнению с тем, что приборы зарегистрировали несколько месяцев назад. Дуга над активной областью длиной более четверти миллиона миль! Эта дуга вскоре пропала, а автоматический корабль, записавший ее изображение, почему-то поспешил убраться с наблюдательного пункта. Причина стала ясна чуть позже, когда вершина вновь появившейся дуги внезапно разродилась самым поразительным событием на Солнце — вспышкой.

Солнечная вспышка была и прекрасна, и ужасна одновременно — вспененный кипящий водоворот ослепительного сияния, этакое короткое замыкание во вселенских масштабах. Даже солнечный корабль не смог бы выдержать подобного всплеска нейтронов высокой энергии. Поток частиц, невосприимчивых к электромагнитным полям корабля, был столь интенсивен,

что погасить его не смогла бы даже система сжатия времени. Руководитель «Прыжка в Солнце» не уставал повторять, что обычно вспышки можно предвидеть, а значит, и избежать их разрушительного воздействия. Для Джейкоба эти заверения звучали бы убедительнее, если бы в них отсутствовала оговорка «обычно».

Во всем остальном совещание оказалось вполне заурядным мероприятием. Кеплер сделал краткий обзор по физике Солнца. Джейкоб уже свободно ориентировался в ней — самообразование на борту «Брэдбери» не прошло даром. Но зато изображение реальных погружений в хромосферу оказалось первоклассным наглядным пособием. А если ему и трудно было приспособиться к масштабам происходящего, то винить он мог лишь самого себя. Кеплер кратко коснулся основных динамических процессов внутри Солнца, в структуре которого хромосфера составляла лишь тонкий слой. В ядре Солнца невообразимое давление звездной массы порождало непрерывную цепь ядерных реакций, результатом которых являлся поток энергии, излучаемой в космос. Кроме того, термоядерные процессы не давали возможности этому гигантскому сгустку плазмы сжаться под действием собственных гравитаци-

онных сил. Давление внутри ядра удерживало Солнце в «накачанном» состоянии.

Энергия, высвобождаемая в результате происходящих в ядре процессов, выбирается наружу либо в виде излучения, либо путем теплового конвекционного обмена, когда нагретое вещество снизу замещается более холодным слоем сверху. Таким образом энергия постепенно достигает слоя толщиной всего в несколько миль, известного под названием фотосферы. Здесь солнечный свет наконец обретает свободу и навсегда покидает родную обитель, отправляясь в бесконечное путешествие во мраке. Плотность вещества внутри звезды столь велика, что внезапный катаклизм, происшедший внутри солнечного ядра, проявится в виде световой вспышки только через миллионы лет.

Но Солнце не заканчивается фотосферой. Плотность вещества постепенно падает с расстоянием. А если включать в состав Солнца ионы и электроны, непрерывным потоком устремляющиеся в космос в виде солнечного ветра и являющиеся причиной полярных сияний на Земле и огненных хвостов у комет, то можно даже сказать, что Солнце не имеет границ и касается других звезд. Свечение этой короны окружает Луну во вре-

мя солнечного затмения. Протуберанцы, столь мирные на фотопластинах, в действительности представляют собой электронную плазму, разогретую до температуры в миллионы градусов. Но эта плазма столь же разрежена, как и солнечный ветер, а значит, совершенно не опасна для солнечных кораблей. Между фотосферой и короной и находится хромосфера — «сфера цвета». Здесь Солнце наводит на световое излучение последний глянец, придает ему спектральную структуру, привычную для глаза землян. В хромосфере температура резко падает до каких-то нескольких тысяч градусов. Пульсации ячеек фотосферы вызывают в хромосфере гравитационную рябь, едва заметные колебания пространства-времени, распространяющиеся на многие миллионы миль. А заряженные частицы на гребне альфвеновских волн вырываются вовне в виде могучего ветра.

Именно в эту область и проникали солнечные корабли. В хромосфере магнитные поля Солнца играют роль реперов, а простые химические соединения крайне эфемерны. Поэтому, если выбрать верный диапазон, можно разглядеть, что происходит на огромных расстояниях. А посмотреть там есть на что.

Кеплер, похоже, оседлал своего любимого

конька. В темной комнате, освещенной лишь мерцанием объемного экрана, седая шевелюра и усы ученого приобрели жутковатый красный оттенок. Доверительный голос тихо плыл в тишине, а тонкая деревянная указка ласково касалась то одного, то другого участков объемного изображения.

Кеплер упоенно повествовал о солнечном цикле, о чередовании периодов высокой и низкой солнечной активности, которые повторяются каждые одиннадцать лет. Магнитные поля «выпрыгивают» из Солнца, образуя в хромосфере сложные петли. Эти петли иногда можно обнаружить, наблюдая за темными нитями, что становится возможным, если выделить из солнечного спектра одну лишь линию водорода.

Эти нити обвивались вокруг силовых линий и светились, поскольку в них наводился электрический ток. При ближайшем рассмотрении они выглядели не столь перьеобразными, как первоначально показалось Джейкобу. Светлые и темные красные полоски сплетались друг с другом по всей длине дуги, образуя порой сложнейшие узоры, пока какой-нибудь стягивающийся узел не сжимался совсем и не разлетался во все стороны яркими каплями подобно кипя-

щему на сковороде маслу.

Картина была поразительной красоты, но у Джейкоба от монохроматического света и напряженного вглядывания вскоре заболели глаза. Он отвел взгляд от экрана и принялся рассматривать стены. Два дня, минувшие с того момента, как Джеффри, попрощавшись, отправился к Солнцу, оказались для Джейкоба наполненными как радостными открытиями, так и разочарованиями. Можно было утверждать: время он провел не без пользы.

Накануне Джейкоб осматривал герметианские шахты. В огромной пещере, к северу от базы, его потрясли — дикой красотой гигантские слоистые эффузивные образования, покрытые пленкой чистого металла. Он с ужасом наблюдал, как машины, управляемые людьми, вгрызаются в прекрасные природные творения Меркурия. Он знал, что навсегда в его памяти останется это чувство изумления как красотой гигантских вулканических скульптур, так и дерзостью ничтожных существ, посмевших потревожить покой Меркурия ради обладания его богатствами. Полдня Джейкоб провел в обществе Хелен де Сильвы и получил от этого огромное удовольствие. В гостиной своей квартиры Хелен

откупорила бутылку произведенного чужаками бренди, о стоимости которого Джейкобу страшно было подумать. Они вместе, не долго думая, распили его. Комендант базы, эта женщина, все больше нравилась ему своим острым умом и широтой взглядов, а старомодное женское кокетство попросту очаровало его. Они рассказали друг другу о своей работе, не касаясь, впрочем, по молчаливому соглашению, главной темы, словно приберегая ее для более подходящего момента. Джейкоб с воодушевлением рассказывал Хелен о Макой, о том, как ему удалось убедить молодую дельфиниху гипнозом, уговорами, но прежде всего любовью сосредоточиться на абстрактных мыслях, характерных для людей, а не на своей Мечте (или, скорее, в дополнение к ней). Он описал, как эта Мечта, в свою очередь, становилась все более и более понятной ему самому; как философия индейцев племени хопи и австралийских аборигенов помогли перевести этот совершенно чуждый людской цивилизации взгляд на мир в нечто относительно приемлемое для развитого разума. Хелен обладала даром слушать, и Джейкоб не мог остановиться. Когда же он закончил свой рассказ, ее лицо так и светилось искренней радостью за него и за его подопечную. А затем

она сама рассказала ему о некой темной звезде, и от ее истории у Джейкоба по спине пробежал мороз. Она говорила о «Калипсо» так, словно этот корабль был для нее матерью, ребенком и любимым одновременно. «Калипсо» и экипаж корабля составляли мир Хелен в течение трех лет, а по возвращении на Землю они стали для нее связующим мостом с прошлым. Из тех, кого она оставила дома, отправляясь в свой первый полет, только самые юные дожили до возвращения «Калипсо». Но и они теперь были глубокими стариками. Когда Хелен предложили принять участие в проекте «Прыжок в Солнце», она согласилась не раздумывая. Научная ценность этой экспедиции и уникальная возможность приобрести опыт командования солнечным кораблем выглядели достаточно вескими причинами для такого решения. Но Джейкобу казалось, что дело тут совсем в другом.

Хотя Хелен и старалась не показывать этого, она, судя по всему, очень неодобрительно относилась к обеим крайностям, в которые обычно впадали вернувшиеся из дальних космических полетов: крайняя замкнутость или неудержимый гедонизм. Истинная суть ее натуры проглядывала за маской хладнокровного профессионала, с

одной стороны, и игривой кокетки — с другой. Главной чертой Хелен оказалась детская застенчивость. Джейкоб решил для себя, что, пребывая на Меркурии, он должен узнать как можно больше об этой удивительной женщине.

Но пока с этим пришлось повременить. Доктор Кеплер устроил официальный банкет, положенный по регламенту. Как и следовало ожидать, Джейкоб весь вечер не имел ни малейшей возможности располагать собой. То и дело ему приходилось отвечать на вежливые и льстивые замечания. Но самое большое разочарование прошедших дней было связано с самим проектом «Прыжок в Солнце». Когда Джейкоб требовал разъяснений у Хелен, Куллы, Кеплера, у инженеров и техников, от него неизменно отмахивались:

— После совещания, мистер Демва!.. Тогда все станет более ясным…

Все, напротив, становилось более подозрительным.

Стопка полученных из Библиотеки документов по-прежнему лежала у него на столе. Если Джейкоб чувствовал себя в силах, то читал их по-нескольку часов подряд. При внимательном чтении ранее выученные отдельные куски

всплывали у него в памяти как нечто до боли знакомое.

…Также остается неясным, почему принглы обладают бинокулярным зрением, поскольку ни один местный вид не имеет более одного глаза. Общепризнано, что те или иные изменения являются результатом генетического вмешательства со стороны пилов, хотя сами пилы не склонны отвечать на чьи-либо запросы, если они не исходят от официальных представителей институтов. Они признают, что превратили принглов из животных, обитавших на деревьях, в софонтов, способных передвигаться на задних конечностях и прислуживать пилам.

Необычная конструкция зубов принглов связана с их предыдущим, дософонтным, состоянием, когда пищей им служила высокопитательная кора деревьев. У многих растений на планете Прингл органом, распространяющим оплодотворенное семя, служила кора…

Так вот почему у Куллы такие странные зубы! Теперь прингловские давилки казались Джейкобу не такими отвратительными. Тот факт, что они изначально служили для растительной пищи, несколько успокаивал. Перечитывая заметку,

Джейкоб с интересом отметил, сколь хорошо поработал над этим докладом филиал Библиотеки. Оригинал скорее всего был написан за сотни световых лет от Земли и наверняка задолго до Контакта Семантические дешифраторы, которые он видел в филиале в Ла-Пасе, явно преуспели в преобразовании чуждых слов и значений в разумные английские конструкции. А это было непросто.

Институт Библиотеки, потерпев неудачу при попытке сконструировать дешифраторы сразу после Контакта, обратился за помощью к людям. Мысль об этом была не лишена приятности. В.З. привыкли переводить понятия в пределах языков, находящихся в русле одной, общей для всех внеземных рас традиции. И никак поначалу не могли совладать с «изменчивой и неоднозначной» структурой человеческих языков. Чужаки стонали (или щебетали, или щелкали, или скрипели) от отчаяния по поводу того, до какой степени английский (особенно английский!) язык поражен беспорядком и хаосом. Они не уставали жаловаться на то, как тяжело в этом странном языке уловить хоть какой-нибудь смысл! Их гораздо больше устроил бы латинский, а еще больше — индоевропейский периода позд-

него неолита, с его строгой системой спряжений и склонений. Однако люди наотрез отказались сменить свой lingua franca в угоду Библиотеке (хотя и шкурники, и рубашечники начали изучать новый язык). А вместо того они послали своих лучших сыновей и дочерей на помощь незадачливым благодетелям.

Принглы работают в городах и на фермах почти всех планет, населенных пилами, за исключением родной планеты своих опекунов. Солнце планеты Пила, карлик F3, слишком ярко для этого поколения принглов (у планеты Прингл — солнце F7). Именно поэтому пилы решили продолжить генетические исследования, связанные со зрительной системой принглов, несмотря на то что срок разрешения на развитие истек…

Позволили принглам колонизировать только планеты класса A, лишенные жизни и требующие окультуривания, так как на них не распространяются ограничения Института Традиции и Института Миграции Взяв на себя руководство в нескольких джихадах, пилы, по всей видимости, не желали, чтобы подопечные поставили их в неловкое положение, совершив ошибки по отношению к старому живому миру…

Данные о соплеменниках Куллы давали массу информации обо всей галактической цивилизации. Однако подача фактов вызывала у Джейкоба странную тревогу. Необъяснимым образом он чувствовал себя ответственным за то, о чем сейчас читал.

Именно на этой стадии перечитывания уже знакомых материалов его вызвали на долгожданную лекцию доктора Кеплера. И теперь Джейкоб сидел в лекционном зале и гадал, когда же перейдут к сути вопроса. Кто такие магнитоядные? И что имеется в виду, когда говорят о втором типе солнечных обитателей, которые играют в прятки с солнечными кораблями и, принимая антропоморфный облик, показывают недвусмысленно угрожающие жесты? Джейкоб вновь перевел взгляд на экран. Одна из нитей, заполнявшая его целиком, вдруг разверзлась, и зрители словно бы погрузились в пористую вспененную массу Стали отчетливы детали: клубки скоплений, означавшие сгущение магнитных линий, какие-то струйки, появляющиеся и исчезающие, когда горячие газы, подчиняясь эффекту Допплера, либо попадали в видимый камерой диапазон, либо уходили из него, превращаясь в сгустки ярких линий, пляшущие вдали.

Кеплер продолжал вдохновенный монолог, временами увлекаясь непонятными Джейкобу техническими подробностями, но тут же поспешно возвращаясь к простым метафорам. Голос его обрел твердость, Кеплер явно наслаждался своей лекцией.

Указка ткнулась в один из плазменных следов: толстый, скрученный жгутом ярко-красный пучок, обвившийся вокруг ярчайших, режущих глаз точек.

— Поначалу мы думали, что это самые обычные компрессионные горячие пятна, — сказал Кеплер, — но затем, вглядевшись повнимательней, обнаружили, что их спектр существенно отличается. Он защелкал кнопками на рукояти указки. Яркие точки стали увеличиваться, проступили какие-то новые детали.

— Как вы помните, — продолжал Кеплер, — до сих пор горячие пятна имели красный цвет. Это вызвано тем, что в момент регистрации этого изображения фильтры корабля были настроены на очень узкий спектральный диапазон с центром в альфа-линии водорода. Но даже при этих условиях вы можете разглядеть объекты, которые привлекли наше внимание. «Действительно», — подумал Джейкоб.

Яркие точки приобрели изумрудный оттенок.

— Имеется пара диапазонов в зеленой и голубой областях, которые отсекаются фильтрами с меньшей эффективностью. Но обычно альфалиния забивает все эти цвета полностью. Кроме того, этот зеленый оттенок попросту не попадает в наш диапазон! Вы можете представить ужас, который Мы испытали, получив эту картинку. Ни один тепловой источник не может преодолеть спектральные фильтры! Чтобы пробиться сквозь них, свет должен не только иметь невероятную интенсивность, но и быть абсолютно монохроматичным. Такой интенсивности должна соответствовать температура в миллион градусов!

Джейкоб выпрямился. Наконец что-то интересное.

— Иными словами, — продолжал Кеплер, — это лазеры. — Существуют условия, при которых лазерное излучение возникает в звезде естественным образом. Но на Солнце до сих пор ничего подобного не наблюдалось, так что мы занялись исследованием этого явления. И то, что мы обнаружили, оказалось самой невероятной формой жизни, какую только можно вообразить. Кеплер нажал кнопку на указке, и изображение поплыло

в сторону. Где-то в первых рядах раздался негромкий звонок. Джейкоб увидел, как Хелен подняла телефонную трубку.

Кеплер был полностью увлечен своим рассказом. Яркие точки медленно увеличивались в размерах, пока не превратились в крошечные световые кольца, слишком маленькие, чтобы можно было разобрать детали. У Джейкоба появилось тревожное предчувствие. Хелен очень тихо говорила по телефону. Кеплер замолчал, слушая, как она о чем-то спрашивает своего собеседника. Но вот Хелен положила трубку, на лице — каменная маска полного самообладания. Джейкоб не отрывал от нее взгляда. Она встала, подошла к Кеплеру, нервно теребившему указку, и, слегка наклонившись, зашептала ему на ухо. Кеплер закрыл глаза. По его лицу медленно разливалась смертельная бледность. Когда он снова взглянул в зал, в глазах его Джейкоб увидел лишь мертвую пустоту.

Внезапно поднялся оглушительный гвалт. Кулла вскочил со своего места в первом ряду и подошел к Хелен. Джейкоб почувствовал дуновение — мимо стремительно пронеслась доктор Мартин. Он приподнялся в кресле и взглянул на Фэгина, сидевшего неподалеку.

— Пойду выясню, что происходит, дружище. Подожди меня здесь.

— В этом нет нужды, — пропел кантен.

— То есть?

— Я сумел подслушать, что передали командиру. Плохие новости.

Внутри у Джейкоба все похолодело. «Господи, этот овощ сведет меня с ума своей невозмутимостью!»

— Так что, черт побери, произошло?!

— Я искренне сожалею, дружище Джейкоб. Похоже на то, что солнечный корабль, пилотируемый шимпанзе Джеффри, разрушился в хромосфере вашего Солнца.

Глава 11
ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Милдред Мартин уже стояла рядом с Кеплером, застывшим возле тускло мерцавшего объемного экрана. Пытаясь растормошить, она звала его по имени, резко встряхивая за плечо. Но Кеплер ничего не слышал и не видел. Мартин принималась в отчаянии взмахивать ладонью перед пустыми глазами руководителя проекта. Бесполезно! Вокруг уже собрались все, кто находился в

этот момент в конференц-зале. Шум стоял невыносимый. Джейкоб продрался сквозь толпу и остановился рядом с принглом.

— Кулла… — Тот пребывал почти в таком же ступоре, что и доктор Кеплер. Огромные красные глаза безжизненно уставились на экран. Джейкоб слышал отчетливое постукивание фарфоровых зубов чужака. Красный свет от экрана начинал раздражать. Джейкоб быстро подошел к неподвижному Кеплеру и мягко вынул из его руки указку. Доктор Мартин, словно заводная игрушка, продолжала повторять имя Кеплера, периодически встряхивая его, будто тот был тряпичной куклой. На Джейкоба она не обратила никакого внимания.

После недолгой возни Джейкобу удалось выключить экран и зажечь верхний свет. Сразу же стало легче. Гвалт мгновенно смолк — похоже, все присутствовавшие в конференц-зале испытывали дискомфорт от длительного пребывания в неестественном освещении.

Хелен, не отрываясь от телефона, взглянула на Джейкоба и вымученно улыбнулась. Через мгновение в зале появились санитары с носилками. Под руководством Мартин они уложили Кеплера и осторожно понесли его сквозь расступившуюся

толпу к выходу.

Джейкоб повернулся к Кулле. Фэгин успел уже притащить стул и теперь терпеливо уговаривал пригла присесть. Джейкоб вопросительно взглянул на приятеля, шелест тут же стих.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — тревожно пропел кантен, — но у принглов очень высокая способность к сопереживанию, и я боюсь, как бы известие о гибели Джеффри не было чрезмерным для Куллы. Младшие расы часто бывают слишком впечатлительны, особенно если речь идет о близких им существах.

— Мы можем ему чем-нибудь помочь? Он слышит нас?

Взгляд Куллы, казалось, блуждал где-то далеко-далеко. Но в конце концов, гигантские красные глаза пригла никогда ничего не говорили Джейкобу. Он прислушался: стук зубов явно усилился.

— Полагаю, он в состоянии нас слышать. — Джейкоб осторожно коснулся руки пригла. Она оказалась такой мягкой и хрупкой, словно была лишена костей — Кулла, — негромко позвал он чужака, — позади вас стоит стул. Вам стало бы легче, если бы вы присели.

Чужак попытался ответить. Огромные складчатые губы чуть раздвинулись, стук стал громче.

Через мгновение губы снова сомкнулись. Кулла неуверенно кивнул и позволил усадить себя. Голова прингла безвольно свесилась на грудь.

Было что-то сверхъестественное в том, с какой силой переживал этот В.З. смерть существа иной расы, существа, чуждого ему во всем, вплоть до химического состава тела.

— Прошу внимания! — Хелен де Сильва подняла руку. — Для тех, кто еще не слышал новости, сообщаю: по предварительным данным, мы скорее всего потеряли корабль доктора Джеффри в активной области J-2, вблизи солнечного пятна Джейн. Повторяю, это всего лишь предварительные данные. С окончательными выводами придется подождать до получения обработанных телеметрических данных.

В дальнем конце зала замахал руками вездесущий Ла Рок. В руке у него блеснула камера, совершенно не похожая на ту, что отобрал у него Джейкоб.

— Мисс де Сильва, — пронзительный голос репортера легко перекрыл поднявшийся шум, — позволят ли прессе присутствовать при просмотре данных телеметрии? Их ведь не станут держать в секрете? Манерный акцент Ла Рока исчез, и старомодное обращение «мисс» прозвучало

довольно нелепо.

Хелен ответила не сразу. Закон о праве на информацию недвусмысленно запрещал отказывать в получении каких-либо сведений без специальной резолюции Секретного агентства. СА, ответственное за то, чтобы честность всегда главенствовала над законом, весьма неохотно шло на подобный шаг. Ла Рок явно загнал коменданта базы в угол, но, судя по всему, пока не стремился дожать ее. Пока…

— Хорошо. На смотровой галерее, расположенной над центром управления, могут присутствовать все желающие… за исключением, — она быстро взглянула на столпившихся в дверях постоянных сотрудников базы, — тех, у кого есть свои дела. — И нахмурилась, давая понять, что собрание закончено. В зале тут же поднялась суета. — Мы соберемся через двадцать минут, — прокричала Хелен, перекрывая шум.

Сотрудники базы поспешно покидали конференц-зал, но обладатели зеленых комбинезонов — контрактники и приглашенные участники проекта — расходились куда неохотнее. Джейкоб оглянулся. Ла Рок исчез: вне всякого сомнения, поспешил на лазерную станцию — передать сообщение на Землю. Только сейчас Джейкоб понял,

что в зале нет Буббакуба. Он видел, как перед совещанием пил беседовал с Милдред Мартин, но потом чужак исчез, на лекции его тоже не было. Странно.

Хелен подошла к ним.

— Бедный Джефф! — Она взглянула на прингла. — Кулла всегда так мило шутил по поводу своей дружбы с ним, — она вздохнула, — говорил, что они потому так близко сошлись, что оба совсем недавно слезли с деревьев. До чего все это теперь далеко! — Она мягко тронула чужака за плечо.

— Печаль — привилегия юности, — пропел Фэгин, и его листва утешающе зашелестела. Хелен повернулась к Джейкобу.

— Мистер Демва, доктор Кеплер оставил письменное указание: в случае, если с ним что-нибудь произойдет, я должна советоваться с вами и с кантоном Фэгином.

— Что?! — уставился на нее Джейкоб.

— Именно так, сэр. Разумеется, эта инструкция не имеет никакой юридической силы. Все, что я могу сделать, это допустить вас двоих на совещания руководства. Но ваши советы в любом случае могут оказаться очень полезными. Надеюсь, вы придете на просмотр телеметрических данных?

Джейкоб хорошо понимал ее положение. Будучи комендантом базы, Хелен де Сильва отныне вынуждена нести все бремя ответственности за любое принятое здесь решение. И это в обстановке открытой враждебности Ла Рока и не слишком доброжелательного отношения к проекту доктора Мартин. Что же касается Буббакуба, то его намерения покрыты непроницаемым мраком, а ведь мнение именно этой троицы имеет решающее значение. Если Земля потребует отчета, Хелен понадобятся друзья, способные сказать веское слово в ее защиту.

— Конечно, — просвистел Фэгин, — мы оба сочтем за честь оказать вам любую помощь.

Хелен повернулась к Кулле и мягко поинтересовалась его самочувствием. После долгой паузы чужак медленно поднял голову и вяло кивнул, давая понять, что с ним все в порядке. Стук зубов наконец прекратился, но огромные красные глаза все еще казались абсолютно безжизненными. Кулла выглядел больным и несчастным.

Хелен ушла, ей еще нужно было подготовить к просмотру данные телеметрии. Почти сразу в дверях появилась коренастая фигура. Блестящая шерсть на шее Буббакуба встопорщилась, приобретя сходство с поднятым воротником.

Увидев Джейкоба и Фэгина, он быстро подошел к ним, смешно переваливаясь на коротких ногах, и быстро заговорил. Из водора полилась отрывистая речь:

— Я только что узнал новость. Крайне необходимо, чтобы вы присутствовали при просмотре данных с корабля. Я провожу вас. Он подошел ближе и неожиданно обнаружил сидевшего с отсутствующим видом прингла.

— Кулла!

Тот поднял глаза на своего опекуна. На миг совершенно растерялся, затем вяло взмахнул тонкой рукой. Джейкоб не понял, что он хотел сказать — то ли просил оставить его в покое, то ли что-то отрицал. Буббакуб ощетинился, стремительная щелкающая трель пронзила тишину конференц-зала. Кулла вскочил как ошпаренный. Буббакуб замолчал, повернулся и быстро направился к выходу, не обратив ни малейшего внимания на Джейкоба и Фэгина.

После мгновенного замешательства все последовали за ним. Кулла уныло плелся последним. Над кроной Фэгина витала чуть слышная странная мелодия.

Глава 12
ГРАВИТАЦИЯ

Полностью автоматизированная лаборатория телеметрии располагалась в узкой и длинной комнате. Два десятка мониторов выстроились вдоль стены, сверху над ними нависал большой обзорный экран. На галерее, вытянувшейся вдоль лаборатории и отделенной от нее огромным стеклом, собрались все, кто получил разрешение ознакомиться с доставленными данными. Время от времени кто-нибудь из стоявших на галерее наклонялся вперед, вглядываясь в обзорный экран, словно надеясь обнаружить солнечный корабль целым и невредимым.

Хелен де Сильва стояла у двух ближайших к галерее мониторов. Именно с них на обзорный экран выводились последние сообщения с корабля Джеффри. По экрану бежали строки, написанные несколько часов назад в сорока миллионах миль отсюда:

«ПОЛЕТ
ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО. АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ. В ЗОНЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СКОРОСТЬ

ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ СЖИМАЕТСЯ В ДЕСЯТЬ РАЗ. НА ОБЕД МНЕ ХВАТИЛО ДВАДЦАТИ СЕКУНД».

Джейкоб невольно улыбнулся. Джеффри явно пребывал в приподнятом настроении.

«СПУСКАЮСЬ
В ОБЛАСТЬ ТАУ-ОДИН. ВПЕРЕДИ СГУЩЕНИЕ СИЛОВЫХ ЛИНИЙ. ПРИБОРЫ РЕГИСТРИРУЮТ НАЛИЧИЕ СТАДА, КАК И ГОВОРИЛА ХЕЛЕН. ИХ ОКОЛО СОТНИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ».

Внезапно напряженную тишину нарушил хриплый голос шимпанзе:

— Мои соплеменники не поверят! Первое соло на Солнце! Куда до меня Тарзану!

Послышался каркающий смех, завершившийся чем-то похожим на всхлип.

Джейкоб вздрогнул.

— Он что, был там один?!

— Я думала, вы знаете, — удивилась Хелен. — Управление кораблем полностью автоматизировано. Только компьютеру по силам управлять стасис-генератором так быстро, чтобы пассажира не раздавило всмятку. В распоряжении Джеффа… — она запнулась, но справилась с волнением, — имелось два генератора: один непосредственно на борту и один здесь, на базе. Пилот может внести лишь незначительную коррекцию.

— Но к чему такой риск?

— Это идея доктора Кеплера, — ответила де Сильва, словно оправдываясь. — Он хотел понять, как станут реагировать Призраки на пси-структуру шимпанзе.

— Я ничего об этом не слышал, на совещании не прозвучало ни слова.

Она откинула со лба светлую прядь.

— Во время наших первых встрече магнитоядными никаких Пастухов не наблюдалось. Впервые столкнувшись с Призраками, мы предпочли не подходить к ним слишком близко. Когда же мы все-таки решили приблизиться, то пастухи мгновенно исчезли. Попросту сбежали. Но так было лишь в первый раз, впоследствии их поведение изменилось коренным образом. В то время как основная масса удалялась от корабля, некоторые из Призраков, наоборот, устремлялись нам навстречу, взмывая над кораблем и тем самым уходя из зоны регистрации. И приближались вплотную!

Джейкоб покачал головой.

— Что-то я не совсем понимаю…

Хелен взглянула на ближайший монитор. Ничего нового, лишь обычные сообщения о ситуации на Солнце.

— Так вот, Джейкоб, корабль представляет собой плоскую палубу, заключенную в сферическую оболочку, идеально отражающую свет. Генераторы гравитации, генераторы стасис-поля и охлаждающий лазер находятся внутри маленькой сферы в центре палубы. Регистрирующие приборы расположены по краю на «нижней стороне», тогда как живые исследователи занимают «верхнюю» половину палубы, так что и те, и другие имеют возможность беспрепятственно наблюдать любое явление. Но мы никак не рассчитывали, что кто-то станет намеренно избегать зоны регистрации!

— Но если Призраки избегают приборов, отсиживаясь у вас над головами, то почему попросту не перевернуть корабль? Ведь никаких проблем с гравитацией при этом не возникнет.

— Мы пробовали. Но Призраки исчезали снова! Или, хуже того, оставались у нас над головой, как бы быстро мы ни маневрировали. Они всегда находились сверху! Зато после нашего вращения нам впервые показали антропоморфного Призрака.

Внезапно снова раздался каркающий голос Джеффри:

— Эй, да тут целая стая овчарок расталкивает

тороиды! Пойду поиграю с ними. До чего ж милые собачки! Хелен пожала плечами.

— Джефф был настроен очень скептически. Ему-то никогда не чудились человеческие силуэты, а Пастухов он упорно называл овчарками, считая, что в поведении Призраков нет и следа разумности. Джейкоб усмехнулся. Своим несколько высокомерно-презрительным отношением к собачьему племени шимпанзе всегда напоминали ему подростков, снисходительно поглядывающих на резвящуюся под ногами мелюзгу. Шимпанзе попросту ревновали собак, живущих рядом со своими опекунами уже не одну тысячу лет. Оттого, наверное, шимпанзе сами частенько держали собак в качестве домашних животных, обращаясь с ними подчеркнуто снисходительно и добродушно.

— Почему он назвал магнитоядных тороидами?

— Они похожи на гигантские бублики. Вы бы увидели сами, если бы… если бы лекция не прервалась столь внезапно.

Она печально покачала головой. Джейкобу захотелось обнять ее.

— Я уверен, что никто не смог бы… — начал он, но тут же запнулся.

Утешения здесь были абсолютно неуместны.

Хелен кивнула и повернулась к монитору.

Рядом со стеклянной стеной развалился на подушках Буббакуб. Полностью поглощенный каким-то электронным фолиантом, он не обращал на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Когда раздался каркающий голос Джеффри, он оторвался от книги и бросил загадочный взгляд на Ла Рока. Глаза репортера лихорадочно поблескивали. Время от времени он что-то возбужденно бормотал в свой диктофон.

— Осталось три минуты, — глухо прошептала Хелен.

Джейкоб перевел взгляд на экран. В течение еще одной минуты не происходило ровным счетом ничего. Затем на экране снова вспыхнуло сообщение Джеффри:

«ОНИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ КО МНЕ! ИХ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ДВОЕ. ПЕРЕКЛЮЧАЮ КАМЕРЫ НА КРУПНЫЙ ПЛАН… ЭЙ! ЧТО ПРОИСХОДИТ? КОРАБЛЬ ТЕРЯЕТ УСТОЙЧИВОСТЬ! ОТКАЗАЛА СИСТЕМА СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ!»

— Все кончено! — Каркающий голос Джеффри прорезал звенящую тишину. — Скорость растет. Крен все увеличивается. Коэффициент сжатия времени падает! В.З…. Они…

Оглушительный треск перекрыл последние слова Джеффри, внезапно сменившись громким шипением. Оператор усилил звук, но все было кончено. На галерее повисла гнетущая тишина.

Какое-то время никто не решался заговорить. Наконец один из операторов поднялся со своего места.

— Получено подтверждение о взрыве.

Хелен устало кивнула.

— Спасибо. Пожалуйста, подготовьте резюме для Земли.

Джейкоба переполняло горькое удовлетворение. Как штатный сотрудник Центра Развития он не мог не заметить, что в последнее мгновение своей жизни Джеффри отверг услуги клавиатуры. Вместо того, чтобы сжаться от страха и замереть в ожидании смерти или же, напротив, впасть в истерику, Джеффри, превозмогая ужас и боль, заговорил вслух! Джейкобу захотелось крикнуть об этом во всеуслышание. Но здесь вряд ли кто сумел бы его понять. Разве что Фэгин. Он оглянулся. Кантен покачивал ветвями на другом конце галереи. Фэгин заметил возбуждение приятеля и печально зашелестел. Джейкоб начал было пробираться к нему, но остановился, пораженный выкриков, Ла Рока.

— Глупцы! — Репортер даже не кричал, а скорее шипел. — Глупцы! — Он не сводил с Хелен ненавидящего взгляда. — И самый большой глупец на свете я сам! Уж я-то должен был знать, как опасно в одиночку отправляться на Солнце! — Все глаза, как по команде, устремились на Ла Рока. — Разве вы не видите?! Слепцы! Слепцы! Слепцы! Если Призраки являются нашими предками — а сомневаться в этом уже невозможно, — то ведь ясно как день, что они обижены на нас! Ведь это очевидно! Тысячелетиями Призраки избегают людей! И лишь сохранившаяся привязанность к своим неблагодарным детям заставляла их до этого удерживаться от насильственных действий! Они ведь предупреждали вас! Они не хотят, чтобы вы лезли к ним! Но вы, вы, самонадеянные ничтожества, не желали замечать очевидного, вы упорно продолжали вмешиваться в жизнь наших опекунов! Как, скажите на милость, должны реагировать могущественные существа, когда их покой тревожат жалкие представители расы, которую когда-то они взрастили собственными руками? И что им оставалось делать, когда к ним заявился даже не человек, а тупая и наглая обезьяна и…

Несколько человек в ярости вскочили со своих

мест. Хелен жестом попросила их остановиться и сохранять спокойствие. Она повернулась к Ла Року, по-прежнему холодная и невозмутимая.

— Сэр, не будете ли вы так любезны изложить вашу гипотезу на бумаге?

И, пожалуйста, постарайтесь использовать как можно меньше обличительных выражений. Я полагаю, все сотрудники базы с удовольствием рассмотрят вашу интересную гипотезу.

— Но…

— Прошу меня простить, но сейчас мы не можем позволить себе подобных дискуссий. Поговорим об этом позже, когда у нас появится свободное время.

— У нас больше нет времени!

Все разом обернулись. В дверях застыла доктор Мартин.

— Думаю, лучше обсудить этот вопрос прямо сейчас.

— Как себя чувствует доктор Кеплер? — спросил Джейкоб.

— Я только что от него. Мне удалось вывести его из шокового состояния. Сейчас он спит. Но прежде, чем заснуть, доктор Кеплер весьма настойчиво потребовал немедленно совершить еще один прыжок.

— Немедленно? Но зачем? Почему не подождать до выяснения причин катастрофы?

— Мы уже знаем, что произошло с кораблем Джеффри! — резко ответила Мартин. — Я слышала, что сказал мистер Ла Рок, и мне абсолютно не понравилось, как вы отнеслись к его идее! У вас всех словно шоры на глазах! Вы так самоуверенны, что неспособны даже воспринять свежий взгляд на случившееся!

— То есть вы хотите сказать, что Призраки являются нашими опекунами?

— Хелен на мгновение потеряла невозмутимость, не сумев скрыть недоумения.

— Этого я, конечно же, не знаю. Но во всем остальном слова мистера Ла Рока не лишены смысла! В конце концов, разве Призраки не угрожали нам и раньше? А сейчас они попросту осуществили свои угрозы! Возникает вопрос, почему? Уж не потому ли, что с их точки зрения жизнь представителя младшей расы вовсе не является бесценным даром? — Она печально качнула головой. — Знаете, пройдет не так много времени, и люди наконец начнут сознавать, что надо приспосабливаться! Хотим мы того или нет, но каждая кислородная раса занимает свое место в иерархической лестнице Галактики… Это стро-

гий порядок, основанный на старшинстве, силе и покровительстве. Многим из нас это не нравится, но дело обстоит именно так! Если мы не хотим пойти по пути неевропейских народов девятнадцатого века, то нам необходимо научиться, как следует вести себя с другими, куда более могущественными, чем мы, земляне, расами!

Джейкоб нахмурился.

— Вы хотите сказать, что гибель шимпанзе и недружелюбие Призраков означают, что…

— …что соляриане, возможно, просто не желают иметь дела с детьми и домашними животными… — Один из операторов в сердцах треснул кулаком по терминалу. Хелен выразительным взглядом велела ему взять себя в руки. — Но, быть может, они захотят поговорить с делегацией, составленной из представителей старших рас? В конце концов, мы ничего не можем утверждать наверняка, и нам остается только попробовать.

— Кулла принимал участие в большинстве наших прыжков, — подал кто-то голос, — а ведь он представляет Библиотеку!

— Я очень уважаю прингла Куллу, — Мартин слегка наклонила голову, — но его раса почти столь же молода, как и человечество. Очевидно, соляриане не считают ни его, ни нас достой-

ными внимания. Я предлагаю воспользоваться тем счастливым обстоятельством, что сейчас на Меркурии находятся представители двух очень древних и очень почтенных рас. Нам следует смиренно просить пила Буббакуба и кантона Фэгина присоединиться к нашей последней попытке установить контакт с обитателями Солнца! Буббакуб медленно поднялся Он неторопливо оглядел всех собравшихся, прекрасно зная, что учтивый Фэгин уступит ему слово.

— Если человеческие существа считают, что я нужен на Солнце, то, несмотря на очевидную небезопасность примитивных солнечных кораблей, я склоняюсь к мысли принять это предложение. — И пил с довольным кряхтением снова опустился на свою подушку.

Фэгин взволнованно зашелестел:

— Я также буду рад отправиться с вами, друзья мои! Честно говоря, я бы предпринял любые усилия, чтобы получить место на вашем солнечном корабле. Я плохо представляю себе, чем могу быть полезен, но буду счастлив составить вам компанию.

— Черт побери, я против! — Хелен окончательно перестала сдерживаться.

— Я не желаю, чтобы исключительно из поли-

тических соображений пил Буббакуб и кантон Фэгин отправились с нами совершать прыжок именно сейчас, после катастрофы! Вы говорите о необходимости добрых отношений со старшими расами, доктор Мартин, но неужели при этом вы не отдаете себе отчет, что произойдет, если уважаемые Буббакуб и Фэгин погибнут на корабле землян?!

— Все это полнейшая чепуха! — резко возразила Мартин. — Если кто и может предотвратить подобные обвинения, то прежде всего сами софонты. В конце концов, Галактика полна опасностей! Я нисколько не сомневаюсь, что уважаемые софонты не станут возражать против расписок или чего-нибудь подобного.

— Что касается меня, то такие документы давно уже готовы, — нежно пропел Фэгин.

Буббакуб с важным видом также не преминул заявить о великодушном желании подвергнуть свою жизнь риску и отправиться в опасный полет на примитивном аппарате землян. Ла Рок тут же рассыпался целым фонтаном трескучих благодарностей. Даже Милдред Мартин была вынуждена попросить его прекратить этот поток словоизвержений.

Хелен взглянула на Джейкоба. Тот пожал пле-

чами.

— Думаю, у нас все-таки, есть немного времени. Пусть сначала обработают данные, полученные во время прыжка Джеффа. Надеюсь, вскоре понравится доктор Кеплер. А мы тем временем можем обратиться на Землю за поддержкой.

Мартин вздохнула.

— Если бы все было так просто! Вы не до конца продумали ситуацию.

Посудите сами, если мы хотим попытаться помириться с солярианами, то нам нужно установить контакт именно с той самой группой, которую мы обидели.

— Разумно, хотя я не убежден в необходимости немедленного прыжка.

Вопросы посыпались со всех сторон:

— Но как вы собираетесь найти эту группу в солнечной атмосфере?

— Может быть, нужно просто вернуться в ту же активную область?

— В том-то и дело, — улыбнулась Мартин. — Ведь не существует никакой постоянной «солографии», а потому нельзя составить карту. На Солнце активные области угасают за какие-нибудь недели. Там есть лишь различные уровни и плотности. Даже экватор на Солнце вращается

быстрее, чем остальные широты! И как иначе обнаружить ту же самую группу, если не отправиться сразу в то же самое место? Медлить нельзя. Джейкоб взглянул на Хелен.

— Что вы думаете по этому поводу? Милдред права?

Де Сильва пожала плечами.

— Кто знает? Может, и так. Во всяком случае, подумать стоит. Но я точно знаю, что мы не сделаем и шагу, пока доктор Кеплер не придет в себя и не сможет высказать свое собственное мнение. Мартин шагнула вперед.

— Я ведь уже сказала! Дуэйн согласен, что следующая экспедиция на Солнце должна стартовать немедленно!

— Я должна услышать это от него сама, — холодно возразила де Сильва.

— Что ж, я здесь, Хелен.

Все обернулись.

В дверях, опершись о косяк и поддерживаемый главврачом Лэрдом, стоял руководитель «Прыжка в Солнце».

— Дуэйн! Зачем вы встали? Вы что, хотите заполучить сердечный приступ? — Разъяренная Мартин кинулась тут же увести Кеплера. Но тот властным жестом остановил ее.

— Со мной все в порядке, Милли. Я слегка разбавил твою микстуру, в небольших дозах она приносит гораздо больше пользы. Не обижайся, я знаю, ты хотела как лучше. Так что на этот раз твое пойло не смогло свалить меня с ног, как обычно! — Кеплер негромко хихикнул. — Во всяком случае, я очень рад, что не проспал твою блестящую речь. А знаете, иногда очень полезно подслушивать под дверью. — Он снова хихикнул. Доктор Мартин густо покраснела.

Джейкоб облегченно вздохнул: Кеплер, похоже, не собирался распространяться о его роли в этом деле. После посадки и получения доступа к лабораторному оборудованию Джейкоб решил, что будет очень глупо, если он не проведет анализ таблеток, извлеченных им из карманов Кеплера. К счастью, никто не поинтересовался, что это за таблетки и откуда они взялись. Все лекарства оказались стандартными средствами, применяемыми при лечении легких маниакальных синдромов. Все, кроме одного. Этот загадочный препарат не давал Джейкобу покоя Что за болезнь может быть у руководителя проекта, если ему необходимы столь большие дозы сильного антикоагулянта? Главный врач базы Лэрд, узнав о лекарстве, пришел в ярость. Зачем доктор Мар-

тин прописала Кеплеру варфарин?!

— Вы уверены, что чувствуете себя достаточно хорошо? — Хелен подошла к Кеплеру и помогла ему добраться до стула.

— Я в порядке, Хелен. И кроме того, есть дела, которые не терпят отлагательства. Во-первых, в отличие от Милли, я вовсе не убежден, что Призраки встретят пила Буббакуба и кантона Фэгина с большим энтузиазмом, чем нас. Я не стану взваливать на себя ответственность и брать их с собой в прыжок, пока существует хотя бы малейшая опасность! Ведь если они погибнут, то виноваты в этом будут вовсе не соляриане, а… Черт возьми, вы же прекрасно понимаете, что вся вина ляжет на людей! Еще один прыжок, безусловно, нужен, но без наших почтенных внеземных друзей. И совершить его необходимо как можно скорее, чтобы попасть в ту же самую область. В этом Милли абсолютно права.

Хелен выразительно покачала головой.

— Не могу с вами согласиться, сэр! Либо Джеффа убили Призраки, либо что-то произошло с кораблем. Я склоняюсь к последнему предположению, как бы мне ни хотелось уверить себя в обратном… Конечно же, следует все тщательно проверить, прежде чем…

— Нет никаких сомнений, все дело в корабле, — резко прервал ее Кеплер. — Призраки не убийцы!

— Да что вы там несете? — взвизгнул Ла Рок. — Вы что, совсем ослепли?! Как можно отрицать очевидное?!

— Дуэйн, — с мягкой вкрадчивостью вмешалась Мартин, — вы слишком устали для столь серьезного разговора. Кеплер нетерпеливо отмахнулся от нее.

— Простите меня, доктор Кеплер. — Джейкоб решил расставить все точки над "i". — Я правильно вас понял, вы считаете, опасность исходит отсюда, с базы? Комендант полагает, что вы, вероятно, имеете в виду чью-нибудь халатность при подготовке корабля к прыжку. Но, может быть, вы хотели сказать что-то другое?

— Я просто хочу узнать одно, — устало ответил Кеплер. — Позволяют ли данные телеметрии утверждать, что корабль Джеффа разрушился в результате исчезновения стасис-поля?

Уже знакомый Джейкобу оператор шагнул вперед.

— Да, сэр, со всей определенностью. Но как вы догадались?

— Сам не знаю, — слабо улыбнулся Кеплер, — но

это первое, что пришло мне в голову, как только я подумал о диверсии.

— Что?! — Возглас изумления и ужаса эхом прокатился под потолком.

До Джейкоба вдруг дошло.

— Вы имеете в виду, что во время осмотра…

Он резко повернулся в сторону Ла Рока. Боковым зрением увидел, как помертвело лицо Милдред Мартин.

Ла Рок пошатнулся, словно кто-то наотмашь ударил его.

— Да как вы смеете?! — прошептал он побелевшими губами. — Вы совсем обезумели! Как бы я смог вывести из строя генераторы?! Да ведь я едва на ногах держался!

— Послушайте, мистер Ла Рок, — успокаивающе ответил Джейкоб, — я вас ни в чем не обвинял. Да и доктор Кеплер лишь высказал предположение. Кеплер отрицательно качнул головой.

— Боюсь, Джейкоб, тут не до шуток. Мистер Ла Рок провел целый час у стасис-генератора и, заметьте, в полном одиночестве. Перед стартом мы проверили генератор, его никто не трогал. Я имею в виду, не трогал руками. И слишком поздно пришло мне в голову проверить камеру, которую, вы, Джейкоб, отобрали у этого чело-

века. В камере я обнаружил мини-глушитель. Вот он! — Кеплер извлек из кармана крошечный блестящий предмет. — Вот он, поцелуй Иуды!

Ла Рок побагровел.

— Да ведь такие штуки таскают с собой все журналисты! Это же всего лишь средство самозащиты! Я думать о нем забыл! Да и невозможно с его помощью повредить такую махину! Почему вы все молчите?! Ведь это же шовинист, религиозный фанатик! Я знаю о ваших убеждениях, доктор Кеплер, знаю, что вы ведь всегда ненавидели наших внеземных друзей! И это вы во всем виноваты — вы специально подстроили, чтобы мы лишились всяких шансов установить контакт с Призраками! Вы же просто боитесь их! И как вы смеете обвинять меня в смерти этого глупого шимпанзе? Меня, человека, у которого не было никаких мотивов для убийства! Да вы сами убили эту жалкую обезьяну, а теперь вам просто Понадобился козел отпущения!

— Немедленно Заткнитесь, Ла Рок! — ровным голосом приказала де Сильва. Она повернулась к Кеплеру. — Сэр, вы сознаете степень своих обвинений? Гражданин неспособен совершить убийство просто из неприязни. Только поднадзорный в состоянии убить живое существо без

крайней на то необходимости. Вы можете назвать причину, побудившую мистера Ла Рока пойти на такое злодеяние?

— Не знаю, не знаю, — Кеплер не сводил пристального взгляда с репортера, — но гражданин, совершивший даже вынужденное убийство, не может не испытывать сожаления и угрызений совести. А мистер Ла Рок, если судить по его виду, ни о чем не сожалеет. Так что он либо невиновен, либо прекрасный актер… либо поднадзорный!

— Поднадзорный?! В космосе?! — вскричала Мартин. — Это невозможно, Дуэйн! Вы же сами прекрасно знаете! Всекосмопорты просто напичканы П-приемниками Кроме того, детекторы имеются на всех межзвездных кораблях без исключения! Мне кажется, Дуэйн, вам следует извиниться перед мистером Ла Роком.

Кеплер широко улыбнулся.

— Извиниться? Да мистер Ла Рок лжец! Я совершенно точно знаю: он лжет, утверждая, что при осмотре солнечного корабля у него закружилась голова. Да еще так сильно, что он шагу ступить не мог. Ложь от начала и до конца! Я запросил досье на этого господина, и на Земле с готовностью согласились помочь мне. И вы знаете, что выяснилось? Мистер Ла Рок, организм которого

не выносит искусственной гравитации, на самом деле опытнейший астронавт! Более того, этого человека отстранили от полетов по «медицинским показаниям». А вам ведь наверняка известно, что означает такая формулировка! Ее используют в тех случаях, когда тест на поднадзорность повышается до предельного значения, и человек вынужден оставить деятельность, разрешенную только для граждан! Возможно, мистер Ла Рок и не является поднадзорным, и тот тест был лишь досадной случайностью, вызванной неблагоприятным стечением обстоятельств. Но тогда к чему вся эта ложь? У него слишком большой космический опыт для того, чтобы «до смерти перепугаться» безобидной гравитационной петли. Я очень сожалею. Мне следовало разобраться во всем раньше, и тогда бедняга Джефф был бы сейчас жив.

Джейкоб видел, что симпатии присутствующих, несмотря на энергичные протесты Ла Рока и увещевания Милдред Мартин, явно не на стороне репортера. Де Сильва так и сверлила Ла Рока холодными глазами. Джейкобу стало не по себе — выражение лица Хелен не сулило ничего хорошего.

— Подождите, — он поднял руку, стараясь при-

влечь к себе внимание, — а почему бы нам не проверить, есть ли среди нас поднадзорные? Человек мог избавиться от своего передатчика, но мы можем послать на Землю изображения наших сетчаток. Если мистер Ла Рок не внесен в списки Центра Надзора, то доктор Кеплер обязан будет взять назад свои обвинения.

— Отличная мысль, Демва! — вскричал репортер. — Но ради Кулкулкана, не стоит с этим тянуть! И я требую, чтобы все прошли эту процедуру. Джейкоб заметил, как в глазах руководителя проекта мелькнула неуверенность. Кеплеру явно стало хуже. Хелен, желая облегчить его страдания, приказала уменьшить гравитацию на базе до меркурианского уровня. Из центра управления ответили, что на это уйдет не меньше пяти минут. Кеплер вяло поблагодарил коменданта за заботу и попросил не тратить на него время. Оставив его на попечении Милдред Мартин, Хелен объявила по радио о поголовной проверке на поднадзорность и распорядилась подготовить все необходимое.

Присутствовавшие в комнате телеметрии, оживленно переговариваясь и бросая косые взгляды на репортера, потянулись к лифтам. Ла Рок стоял неподалеку от Кеплера и Мартин, гордо

демонстрируя решимость опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Скорбная мина великомученика комично контрастировала с его пухлой физиономией.

В зале кроме этой троицы оставались еще лишь Джейкоб и двое сотрудников базы. Все молча стояли у дверей в ожидании лифта. Вдруг величина гравитационного поля резко изменилась. Джейкобу, успевшему забыть о распоряжении Хелен на этот счет, на мгновение показалось, что пол уходит из-под ног. Перепады гравитации не были так уж необычны — на многих участках базы искусственной гравитации вообще не было. Но переход обычно осуществлялся при пересечении границы области, контролируемой стасис-полем, что само по себе было привычно, хотя и не слишком приятно. И не так обескураживало. Сейчас же все произошло слишком неожиданно. Джейкоб с трудом устоял на ногах.

В этот момент Ла Рок вдруг кинулся к Кеплеру, все еще не расставшемуся со злополучной камерой. Мартин пронзительно вскрикнула. Один из сотрудников попытался перехватить репортера, но, получив сильный удар в лицо, отлетел в сторону. Ла Рок в акробатическом прыжке выхватил камеру из рук ошеломленного Кеплера и

помчался по коридору. Джейкоб и второй сотрудник кинулись вслед.

На мгновение Ла Рок обернулся. Острая боль пронзила плечо Джейкоба. Он резко нырнул вниз, уходя от второго выстрела глушителя. В голове вдруг что-то лопнуло, и знакомый голос деловито сообщил:

— Не лезь, приятель, теперь это моя игра.

Он стоял и ждал. Им владело сильнейшее возбуждение, но чувствовал он себя просто отвратительно. Пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание и прийти в себя.

В тускло освещенном туннеле он был совершенно один. Плечо саднило. Глубочайшее удовлетворение, владевшее им еще мгновение назад, постепенно уступало место растерянности. Он огляделся и глубоко вздохнул.

— Итак, дружок, ты решил, что можешь обойтись и без меня? Ты заявил, что это твоя игра? — Он не узнавал свой голос. Плечо болело все сильней. Джейкоб не понимал, каким образом его второй половине удалось вырваться на свободу. Более того, произошло нечто совсем из ряда вон выходящее: его второе "я" попыталось действовать самостоятельно, без поддержки основной личности. Но что-то помешало мистеру

Хайду, и он оставил свою затею, вновь укрывшись в дальнем углу подсознания Джейкоба. Джейкоб внезапно почувствовал себя оскорбленным Что ж, похоже, мистер Хайд не очень-то любит, когда намекают на ограниченность его возможностей. Придется смириться, приятель, ничего не поделаешь. Но что теперь делать? Воспоминания о последних десяти минутах потоком хлынули на него. Джейкоб хрипло рассмеялся. Его аморальное и самоуверенное "я" наткнулось на непреодолимый барьер.

Пьер Ла Рок исчез за дверью в конце разветвлявшегося туннеля. В суматохе, последовавшей за нападением репортера на Кеплера, только Джейкоб сохранил самообладание. И только он с его опытом был способен не сбиться со следа. Но тут и явился миру его двойник, в своем самозабвенном эгоизме решивший поиграть с жертвой в кошки-мышки.

Мистер Хайд играл с Ла Роком, как рыбак играет с форелью, то отпуская лесу, то снова натягивая. Он даже направил по ложному пути сотрудников базы, подбежавших слишком близко к укрытию репортера. А тот, наверное, уже и не сомневался, что ему удалось ускользнуть от преследователей. Сейчас Ла Рок находился в камере, где хранились

скафандры, и скорее всего облачался в один из них. Он пробыл там уже минут пять и явно не спешил выходить наружу. Оставалось лишь ждать. А вот ожидание и оказалось непреодолимым барьером для нетерпеливого мистера Хайда. Он абсолютно не умел ждать, поскольку был не полноценной личностью, а всего лишь набором побуждений. Терпение было свойственно Джейкобу, но отнюдь не его двойнику. Джейкобу удалось подавить подступающее из глубин его личности непреодолимое отвращение к происходящему. Это чувство всегда жило в нем, выходя наружу только вместе с двойником. Джейкоб хорошо понимал, какие муки претерпевает сейчас это жалкое искусственное создание, требовавшее немедленного удовлетворения своих чувств и желаний. Прошло еще несколько томительных минут. Вжавшись в стену, Джейкоб не сводил глаз с двери, за которой скрылся Ла Рок. Он уже полностью контролировал себя, но и для него ожидание становилось нестерпимым. Но вот ручка двери начала медленно поворачиваться. Джейкоб замер. В приоткрывшуюся щель высунулся блестящий шар. Голова в шлеме повернулась направо, затем налево. Ла Рок увидел Джейкоба. Дверь распахнулась, неповоротливая

фигура шагнула вперед. В руках тускло блестел металлический стержень.

Джейкоб поднял руки.

— Остановитесь, Ла Рок! Я всего лишь хочу поговорить. Вы ведь понимаете, что вам отсюда не выбраться?

— Я не хочу причинять вам вреда, Демва. Убирайтесь с дороги! — В голосе репортера слышалась истерика. Он угрожающе вскинул оружие. Джейкоб покачал головой.

— Это ни к чему не приведет. Я испортил шлюз, Ла Рок, а до следующего вам в этом костюме не добраться. Лицо репортера за стеклом шлема исказилось.

— Почему?! Ведь я ничего не сделал! Клянусь!

— Мы все выясним, Ла Рок, а пока давайте поговорим. У нас мало времени.

— Да, я поговорю! — взвизгнул Ла Рок и, размахивая стержнем, как дубинкой, кинулся на Джейкоба.

Джейкоб постарался схватить его за запястья, совершенно забыв о парализованном плече. Левая рука не слушалась. Он вскинул правую, чтобы блокировать удар. Ла Рок с неожиданным проворством уклонился в сторону. Джейкоб резко ушел вниз, дубинка просвистела над самой его го-

ловой, опустившись на правое плечо. Он быстро откатился в сторону и вскочил. Теперь не работала и другая рука. Ла Рок оказался куда подвижнее, чем полагал Джейкоб. Что там говорил Кеплер о большом космическом опыте репортера?

А Ла Рок уже снова наступал, яростно размахивая дубинкой. Если бы у Джейкоба действовали руки, справиться с репортером ему не составило бы никакого труда. Джейкоб шагнул вперед и, стремительно нырнув вниз, с силой ударил противника головой. Ла Рок ойкнул и выпустил из рук оружие. Джейкоб пинком отбросил его в сторону и отскочил назад.

— Прекратите, Ла Рок! Вы с ума сошли. Я всего лишь хочу поговорить с вами, поймите наконец, глупый вы человек! Улик явно недостаточно, чтобы обвинить вас в убийстве Джеффа. А вот бегство будет свидетельствовать не в вашу пользу. К тому же бежать здесь некуда!

Ла Рок тоскливо качнул головой.

— Извините меня, Демва, я не могу.

Манерный акцент совершенно исчез. Вытянув руки, он ринулся вперед.

Джейкоб начал отступать большими прыжками, медленно считая про себя. При счете пять он остановился, глаза его сузились. На мгновение

Джейкоб Демба вновь стал единым целым. Он сделал еще один шаг назад и мысленно провел линию от носка своего ботинка к подбородку противника. Так, в самый раз. Нога взметнулась вверх. Джейкоб внимательно следил, как медленно движется навстречу ей круглая голова. Удара он не почувствовал, лишь легкое прикосновение чего-то пушистого и мягкого. Ла Рок взвился в воздух. Джейкоб следил, как нелепая фигура плавно опускается на каменный пол. Ему было искренне жаль этого нескладного человека.

Сделав небольшое усилие, он вышел из состояния транса. Тряхнул головой, отгоняя остатки наваждения, и опустился рядом с распростертым на полу репортером. Он помог Ла Року снять шлем и усадил его, прислонив к стене Ла Рок тихо плакал.

Джейкоб заметил у него на поясе какой-то пакет, разрезал скреплявший его шнурок и принялся вскрывать, мягко, но решительно отстранив репортера, вяло попытавшегося помешать ему.

— Вот как, значит, вы не решились применить глушитель? Похоже, камера представляет для вас слишком большую ценность. Интересно, почему? Что ж, посмотрим. — Он сунул камеру в карман, поднялся и помог подняться Ла Року.

— Пойдемте. Нужно найти считывающее устройство. Но, может быть, вы хотите что-нибудь сказать?

Ла Рок отрицательно покачал головой и покорно поплелся за Джейкобом. Они шли по центральному туннелю, и Джейкоб уже собирался свернуть к фотолаборатории, когда на них наткнулась группа, возглавляемая самим доктором Кеплером. Даже в условиях пониженной гравитации ученый передвигался с большим трудом, его поддерживал санитар.

— Вы поймали его! Прекрасно! Теперь думаю, ни у кого не осталось никаких сомнений! Убийца!

— Посмотрим, — успокаивающе сказал Джейкоб. — Бегство еще ничего не доказывает, человек мог просто испугаться. А как известно, в панике даже стопроцентный гражданин способен на насилие. Вот только куда он хотел бежать? Ведь вокруг нет ничего, кроме скал! Может, имеет смысл послать наружу группу для обследования территории вокруг базы? Кеплер рассмеялся.

— Не думаю, что он имел в виду что-то определенное. С поднадзорными всегда так — они сами не знают, куда стремятся. Ими движет инстинкт. Ла Рок просто хотел выбраться наружу. Вполне

объяснимое поведение, свойственное загнанному животному.

Джейкоб взглянул на репортера. Лицо Ла Рока было совершенно бесстрастно, словно происходящее его не касалось. Но когда упомянули о территории на поверхности, Джейкоб почувствовал, как напряглась рука задержанного.

— Так, значит, вы считаете, что гражданин не мог совершить убийство?

— спросил он Кеплера, после того как передал своего пленника в руки сотрудников базы и они медленно поплелись к лифтам.

— Но мотив! Бедняга Джефф и мухи не мог обидеть. Такой воспитанный и доверчивый! Да я и не припомню случая, когда бы гражданин пошел на убийство. Это такая же редкость, как и золотые метеориты. У Джейкоба на этот счет имелись сомнения. Подобная статистика скорее свидетельствовала об отличной работе полиции, чем о чем-либо еще. Но возражать он не стал.

У лифта Кеплер подошел к переговорному устройству. Почти тотчас появились еще несколько человек.

— Кстати, вы нашли камеру? — вспомнил Кеплер.

Джейкоб сделал вид, что не слышит. Ему поче-

му-то не хотелось расставаться с камерой. Что-то тут было не так.

— Ma camera a votre oncle! — выкрикнул Ла Рок, яростно сопротивляясь попыткам затолкнуть его в лифт.

К Джейкобу подошел один из сотрудников и требовательно протянул руку. Тот нехотя вытащил из кармана камеру и вручил ему. Рука слушалась все еще не очень хорошо.

— Что он кричал? — спросил Кеплер с любопытством. — Вы знаете этот язык?

Джейкоб пожал плечами. Тут подошел еще один лифт, двери раскрылись, и в коридор вывалилась целая толпа. Были здесь и Хелен, и доктор Мартин. Он повернулся к ученому.

— Это всего лишь ругательство. Он не слишком-то высокого мнения о ваших предках. Кеплер расхохотался.

Глава 13
ПОД СОЛНЦЕМ

Купол связи напоминал пузырь воздуха, навеки застывший в гигантском куске янтаря. Полусферу из стекла и стасис-экранов окружало однородное золотистое сияние. Казалось, что находишься

внутри хрустального шара, погруженного в сияющую трясину. Тягучий солнечный свет, отраженный от поверхности Меркурия, усиливал это ощущение.

Вблизи скальные нагромождения на поверхности планеты поражали воображение. Высокая температура и солнечный ветер способствовали образованию крайне необычных материалов. Ландшафт Меркурия напоминал старинные полотна сюрреалистов. По не совсем понятным причинам человеческий глаз с большим трудом привыкал к этому удивительному кристаллическому пейзажу. Фантастичность картины довершали то и дело попадавшиеся странные лужи. Джейкоб предпочитал не задумываться над тем, откуда они берутся.

Вблизи линии горизонта еще один фантастический объект притягивал внимание. Солнце. Сквозь мощные защитные экраны оно светило довольно тускло. Бледно-желтый шар казался безобидным одуванчиком, чудом занесенным на мертвые просторы Меркурия. Темные солнечные пятна расходились к северои юго-востоку от экватора. У самой поверхности Солнца улавливалась какая-то тонкая структура.

Джейкоб не мог оторвать взгляда от застывшего

светила, словно находился в наркотически-отрешенном состоянии. Тускло-желтое сияние омывало прозрачный купол, защищавший людей и механизмы. Потоки света мягко, почти нежно ласкали лица. Джейкоб казался себе древним ящером, что нежится под лучами Великого Повелителя космоса и вместе с теплом впитывает энергию и силу Солнца. Ощущение было сладким и тревожным одновременно.

Джейкоб встряхнул головой. У него вдруг появилась неприятная уверенность: там, в этом адском пекле, было что-то живое. Очень древнее и очень надменное.

Купол окружал круглую платформу из силикатного железа, на которой и располагался пункт связи. Джейкоб задрал голову, разглядывая гигантскую колонну, терявшуюся в мареве желтого сияния. Она пронзала стасис-экран, подставляя свою верхушку жарким солнечным лучам. Венчала колонну небольшая площадка, на которой находились мазеры и лазер. Они служили для связи базы «Гермес» с Землей, а также управляли спутниками, синхронно вращавшимися на высоте пятнадцати миллионов миль. Эти спутники сопровождали солнечные корабли в пучину Гелиоса. В данный момент лазер как раз работал.

Одно за другим изображения глазных сетчаток со скоростью света уносились к земным компьютерам. Джейкобу вдруг нестерпимо захотелось оседлать один из этих информационных лучей и вернуться домой, к спокойному земному небу, теплому, ласковому океану и умиротворяющей зелени лесов. Он вздохнул и опустил голову. Считыватель сетчаток представлял собой небольшое устройство, соединенное с лазерной системой компьютера, разработанного Библиотекой. По сути дела, считыватель был обычным окуляром. Остальное осуществляла тончайшая оптика. Хотя В.З. и не подвергались проверке на поднадзорность (одна из причин — отсутствие критериев для оценки психики чужаков, другая — недоступность для землян каталога образцов сетчатых оболочек обитателей Галактики), Кулла настоял, чтобы он также прошел проверку. Будучи другом погибшего Джеффри, он считал свои долгом принять участие (пускай даже символическое) в расследовании обстоятельств смерти шимпанзе.

Высокий чужак с трудом примостился у окуляра, не рассчитанного на гигантские глаза принглов, и на несколько секунд замер в полной неподвижности. Наконец, дождавшись музыкального сигнала, он распрямился и, чуть

покачиваясь, отошел в сторону.

Его место заняла Хелен де Сильва. Затем подошла и очередь Джейкоба. Он подождал, пока изменится размер окуляра, затем прижался щекой к холодной поверхности аппарата и широко открыл глаза. В далекой темноте мерцала голубая точка Больше не было ничего. Этот огонек что-то напоминал Джейкобу, но что именно, он никак не мог понять. Голубая точка мерцала и вращалась, словно не давая возможности разглядеть себя получше.

Резкий музыкальный сигнал возвестил о том, что сеанс окончен. Джейкоб отступил назад. К аппарату, поддерживаемый Милдред Мартин, подошел Кеплер. Он слабо улыбнулся Джейкобу.

«Бог мой, так вот на что это похоже! — догадался Джейкоб. — На блеск в глазах! А собственно, что в этом странного? Ведь компьютер практически уже научился мыслить самостоятельно. Считается, что у него есть даже чувство юмора. В таком случае, почему бы не наделить его и душой? Научить бросать многозначительные или убийственные взгляды, улыбаться и прочее? Почему бы этим искусственным творениям постепенно не принять образ тех, кого они малопомалу поглощают?»

Во время процедуры Ла Рок хранил абсолютную невозмутимость. Когда очередь дошла до него, он надменно продефилировал мимо Хелен и Кеплера, фальшиво насвистывая модный шлягер.

Всякий раз, когда наступал черед кого-нибудь из тех, кто был связан с солнечными кораблями, Хелен пыталась разрядить обстановку, предлагая всем напитки. Многие техники недовольно ворчали, что их оторвали от работы. Джейкоб был не на шутку изумлен — ему в голову не могло прийти, что Хелен захочет проверить всех без исключения.

Когда все было кончено, он попытался узнать у нее причины такого решения. Хелен тщательно проследила за тем, чтобы Ла Рок и Кеплер не оказались в одной лифтовой кабине, с облегчением вздохнула, когда ее усилия увенчались успехом, и улыбнулась Джейкобу.

— Одно меня смущает, — начал он.

— Только одно? — На этот раз улыбка у Хелен вышла не совсем искренней.

— Ладно, я никак не могу понять, почему доктор Кеплер возражает против участия Буббакуба и Фэгина в следующем прыжке. Ведь если он подозревает Ла Рока, то, значит, следующий прыжок будет совершенно безопасен поскольку у репор-

тера попросту не будет никакой возможности устроить подобную аварию еще раз.

С минуту Хелен задумчиво рассматривала его.

— Джейкоб, если я кому и могу доверять здесь, то только вам. Я вам скажу, что думаю на этот счет. Доктор Кеплер всегда противился участию В.З. в этом проекте. То, что вы сейчас узнаете, должно остаться строго между нами. Я очень боюсь, что баланс между гуманизмом и ксенофилией, обязательный для большинства космических путешественников, у Кеплера сильно нарушен. Его происхождение способствовало неприятию философии сторонников фон Даникена, и, как я полагаю, это неприятие частично переросло в недоверие к чужакам Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что после ввода в строй филиала Библиотеки многие ученые на Земле лишились работы. Для Кеплера, глубоко преданного науке, это должно было явиться тяжелым ударом. Я вовсе не утверждаю, что доктор Кеплер — шкурник! Он прекрасно уживается с Фэгином и неплохо скрывает свои чувства, общаясь с другими В.З. Но сейчас Кеплер вполне способен заявить, что если на Меркурии объявился один преступник, то почему бы не оказаться и второму, а значит, полет для чужаков сопряжен с

огромным риском.

— Но ведь Кулла принимал участие почти во всех прыжках!

Хелен пожала плечами.

— Кулла не в счет. Он подопечный. Одно я знаю точно — если мои опасения подтвердятся, то мне придется действовать через голову доктора Кеплера. Каждый человек на базе пройдет проверку на поднадзорность, а Буббакуб и Фэгин отправятся в следующий прыжок, даже если придется применить силу! Я не допущу распространения слухов о ненадежности персонала, целиком состоящего из людей!

Хелен решительно вздернула подбородок. Джейкобу ее решимость показалась несколько нарочитой. И хотя он хорошо понимал ее чувства, ему было неприятно наблюдать, как на прекрасном женственном лице внезапно проступили резкие мужские черты. В то же время он вовсе не был уверен, искренна ли сейчас Хелен, откровенна ли она с ним в объяснении мотивов своего поступка.

Вахтенный пункта лазерной связи вручил коменданту только что полученное сообщение. В комнате повисла напряженная тишина. Закончив читать, Хелен де Сильва решительно

направилась к охранникам.

— Арестуйте мистера Ла Рока. Он должен вернуться на Землю с ближайшим кораблем.

— По какому праву? — взвизгнул Ла Рок. — Вы… вы не можете этого сделать! Это неслыханное оскорбление!

Хелен взглянула на него так, словно он представлял собой редкую и не слишком приятную разновидность насекомого.

— Я должна арестовать вас по обвинению в незаконном уничтожении передатчика Надзора. Возможно, к этому обвинению позже добавятся и другие.

— Ложь! Наглая ложь! — Ла Рок вскочил.

Один из сотрудников схватил его за руки и изо всех сил толкнул в сторону лифта.

Де Сильва повернулась к Джейкобу.

— Мистер Демва, солнечный корабль будет готов через три часа. Я должна сообщить новость всем сотрудникам базы. Выспаться придется уже на борту. Еще раз спасибо за помощь.

Прежде чем он успел ответить, она уже отвернулась и стала раздавать указания собравшимся вокруг нее сотрудникам. Хелен отлично удалось скрыть гнев. А ведь было отчего прийти в ярость: произошло неслыханное — поднадзорный в

космосе!

Какое-то время Джейкоб бездействовал, отстраненно наблюдая, как пустеет купол связи. Погоня за Призраками, преступление, смерть… Господи, но ведь доказан на данный момент лишь один-единственный поступок, такой естественный и объяснимый. «Если бы я был П.П., то, не задумываясь, постарался бы избавиться от ненавистного передатчика». Джейкоб покачал головой. Но этот поступок вовсе не доказывает, что Ла Рок виновен в гибели Джеффри.

Несмотря на неприязнь к репортеру Джейкоб был совершенно уверен, что тот неспособен на умышленное убийство. Размахивать дубинкой — это одно, а убить живое существо — совсем другое.

Он чувствовал, как где-то в дальнем уголке его мозга веселится и потирает руки его безнравственный двойник, ненавистная вторая половина. Как он рвется на волю, чтобы броситься в омут предстоящих событий! Забыть!

Надо обо всем забыть!

У самого лифта Джейкоба догнала Милдред Мартин. Она не могла скрыть потрясения.

— Мистер Демва… Джейкоб, неужели вы думаете, что Пьер мог убить это несчастное глупое

создание? Ведь ему всегда так нравились шимпанзе!

— Мне очень жаль, доктор Мартин, но факты свидетельствуют об обратном. Закон о надзоре мне нравится не больше, чем вам. Но люди, которые получили подобный статус, и в самом деле способны легко перейти от слов к действию, к насилию. Кроме того, мистер Ла Рок избавился от своего передатчика, а это — преступление по земным законам. Но вы не беспокойтесь! Думаю, на Земле во всем разберутся. Я уверен в честном ведении дела мистера Ла Рока.

— Но… но он уже подвергся несправедливому и подлому обвинению! — выпалила Мартин. — Он не поднадзорный и не убийца! Я могу это доказать!

— Прекрасно! И какие доказательства вы можете представить?

Она закусила губу и отвела взгляд.

— Сообщение подделано.

Джейкобу стало жалко ее. И это психолог высочайшей квалификации! Трясется, заикается, не находит слов. Унизительное зрелище! Ему захотелось уйти.

— У вас есть доказательства ложности этого сообщения? Я могу их услышать?

Мартин затравленно взглянула на него. Ему показалось, что она также хочет прекратить этот разговор.

— Персонал… Вы видели сами сообщение? Эта женщина… Ведь она сама прочла его, никому не показав. Здесь все ненавидят Пьера… Теперь она говорила очень тихо, словно сознавала слабость своих аргументов. Джейкобу стало не по себе. Неужели комендант базы де Сильва могла прочесть не то, что содержалось в лазерограмме? Ерунда, она ведь знает, что обман раскроется. Неужели неприязнь к Ла Року могла зайти так далеко, и Хелен решила поставить на карту свою карьеру и материальное положение? Только для того, чтобы насолить зловредному журналисту? Полнейшая чушь! Но, быть может, у Милдред Мартин припасено что-то более весомое, чем столь абсурдное обвинение?

— Милли, почему бы вам не спуститься к себе и не отдохнуть? — мягко спросил Джейкоб. — Еще рано беспокоиться о мистере Ла Роке. Улик явно недостаточно, любой суд на Земле вынесет ему оправдательный приговор, уверяю вас.

Он подтолкнул Мартин к лифту, та не сопротивлялась. Прежде чем нажать кнопку, Джейкоб оглянулся. Хелен по-прежнему раздавала указа-

ния своим сотрудникам. Доктор Кеплер едва стоял на ногах, судя по всему, он был уже совершенно недееспособен. Кулла и Фэгин застывшими изваяниями возвышались над людской суетой. Гигантский желтый диск заливал прозрачный купол бодрящими лучами, так контрастировавшими с последними событиями. Двери лифта захлопнулись. Путешествие на Солнце оборачивалось не самой лучшей стороной.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Жизнь – это продолжение материального мира.
Биологические системы обладают уникальными свойствами, но они тем не менее должны подчиняться ограничениям, накладываемым физическими и химическими свойствами среды и самих организмов… Эволюционные решения биологических проблем находятся под влиянием физико-химической среды.

Роберт Э.Риклерс, «Экология», Хирон-Пресс

Глава 14
БЕЗДОННЫЙ ОКЕАН

Проект получил название «Икар». Это была уже четвертая космическая программа с таким названием. Но первая, для которой оно было стопроцентно оправданным. Задолго до рождения родителей Джейкоба, еще до Переворота и Договора, до создания Лиги энергетических

спутников, еще даже до расцвета Бюрократии в кулуарах старушки НАСА решили, что было бы интересно послать искусственные автоматические аппараты на Солнце. Наугад, не зная, что из этого получится.

Выяснилось, что с аппаратами по мере их приближения к Солнцу происходит нечто весьма оригинальное — они попросту сгорают. В те времена, когда американская цивилизация переживала свое «бабье лето», казалось, на свете нет ничего невозможного. Американцы строили в космосе целые города. И никто не сомневался, что проблема долговечного корабля, способного долететь до Солнца, рано или поздно будет решена. Создали материалы, выдерживающие неслыханное давление и имеющие почти идеальную отражающую поверхность. Магнитные поля должны были отклонять от корпуса корабля разреженную, но разогретую до огромной температуры плазму солнечной короны. Разработали мощные лазеры связи, позволяющие обеспечить двустороннюю передачу команд и данных.

Но аппараты все равно продолжали гореть. Как бы хороши ни были зеркала и системы термоизоляции, как бы равномерно ни распределялось тепло по поверхности корабля, законы термоди-

намики тем не менее брали свое Рано или поздно тепло переходило из области с более высокой температурой в область с более низкой.

Специалисты по физике Солнца так и продолжали бы сжигать аппараты в обмен на короткие обрывки информации, если бы не знаменитая Тина Мерчант. Удивительная женщина, выдающийся ученый и необыкновенная красавица, все в одном лице, выбрала иной путь.

— А почему вы их не охлаждаете? — резонно спросила она своих коллег. — Ведь для этого есть все возможности Почему бы не запустить охлаждающую установку, способную быстро перераспределять тепло? Ее коллеги снисходительно улыбнулись и ответили, что благодаря сверхпроводникам с равномерным распределением тепла нет никаких проблем.

— Речь идет вовсе не о равномерном распределении тепла, — возразила признанная красавица Кембриджа. — Нужно отводить тепло от той части корабля, в которой находятся приборы, туда, где их нет — Но ведь тогда произойдет возгорание! — вскричал один из ее оппонентов. — Да, но мы можем создать целую цепочку таких тепловых сгустков, — вмешался другой участник этой дискуссии, соображавший чуть получше. — А

затем поочередно сбрасывать их…

— Нет-нет, вы не совсем правильно поняли меня.

Будущий трижды нобелевский лауреат подошла к доске и начертила кривоватый круг, а внутри него еще один.

— Сюда! — Она ткнула пальцем во внутренний круг. — Сюда вы качаете тепло до тех пор, пока оболочка не окажется горячее окружающей плазмы. Но такое состояние должно продлиться очень недолго. Прежде чем тепло успеет нанести вред, вы сбрасываете его обратно в хромосферу.

— И каким образом, — ядовито спросил один известный физик, — вы предполагаете сделать это?

Тина Мерчант улыбнулась так, словно уже предвкушала, как ей вручают Астрономическую премию.

— Вы меня удивляете! У вас на борту имеется лазер связи с температурой в миллионы градусов! Используйте его, и все! Так началась эпоха солнечной батисферы. Поддерживаемые на плаву как своей конструкцией, так и реактивной силой охлаждающих лазеров, аппараты теперь зависали над Солнцем на довольно длительное время, фиксируя малейшие изменения на светиле, определяющие погоду на Земле. Но эта

идиллическая эпоха закончилась в ту самую минуту, когда стало известно о Контакте. Тем не менее вскоре был создан новый тип солнечного корабля. Джейкоб улыбнулся, представив себе, что сказала бы несравненная Тина, если бы смогла увидеть, как горделиво и спокойно бороздит пучину огненного океана современный солнечный корабль, неподвластный ужасным бурям этой вспыльчивой звезды. Скорее всего: «Разумеется!» И ослепительно улыбнулась бы. Но что почувствовала бы эта великая красавица, узнай она, что достижения чуждой науки соединились в этом корабле с ее собственными открытиями?

Джейкобу этот симбиоз почему-то не внушал никакого доверия. Он, конечно же, знал, что корабль совершил уже более двух десятков успешных погружений и не было никаких оснований полагать, будто именно это путешествие окажется последним в биографии корабля и его экипажа. Но память услужливо подсказывала свежие факты. Корабль Джеффа теперь скорее всего представлял собой облако из распавшихся металлокерамических обломков и ионизированного газа, рассеявшись на миллионы кубических миль в солнечной пучине. Джейкоб попытался представить себе, как выглядели хромосферные бури,

когда аппарат Джеффа лишился защиты пространственно-временных полей, и содрогнулся. Он прикрыл глаза рукой. Слепящий солнечный свет не могли задержать даже мощные современные фильтры. Со своего места Джейкоб мог видеть почти всю солнечную полусферу. Половину видимого пространства заполнял медленно перемещающийся бело-красно-черный шар с бахромой по краю. В водородном спектре все приобретало неприятный малиновый оттенок. Тонкая, изящная дуга протуберанца отчетливо выделялась у края диска: темные, сплетающиеся в клубки нити и вогнутые, почти черные солнечные пятна. Топография Солнца поражала бесконечностью разнообразия. Все вокруг то мерцало, слишком быстро и коротко, чтобы это мог зафиксировать человеческий глаз, то величаво, медленно вращалось. Все находилось в непрерывном движении.

Основные черты солнечного ландшафта менялись очень медленно, и изменения нельзя было зафиксировать. Но более мелкие движения горячей плазмы читались с компьютера вполне отчетливо. Быстрей всего пульсировали заросли высоких и тонких спикул по краям больших пестрых ячеек. На каждый импульс приходилось

несколько секунд. Джейкоб знал, что каждая спикула покрывает площадь в несколько тысяч квадратных миль. Он много времени проводил у телескопа на обратной стороне солнечного корабля, следя, как мерцающие струйки перегретой плазмы фонтанчиками вырываются из фотосферы, высвобождая из-под власти солнечной гравитации огромные волны звездного вещества, превращающегося в корону светила и в солнечный ветер.

За оградой из пульсирующих спикул подрагивали огромные грануляционные ячейки — это тепло, завершая свое путешествие, длившееся миллионы лет, вырывалось наконец на волю в виде световой энергии. Гранулы, в свою очередь, сцеплялись в гигантские ячейки, чьи колебания представляли собой основную гармонику почти идеально сферического Солнца — этакий солнечный колокол.

А над этим бескрайним и бездонным огненным океаном бурлила хромосфера. В этом океане вихревые области над спикулами играли роль коралловых рифов, а ряды величественных распущенных нитей, повторявших контуры магнитных полей, казались побегами гигантской ламинарии, плавно колышущейся в волнах при-

лива. Правда, самая маленькая «водоросль» во много раз превосходила размеры Земли!

Джейкоб отвел утомленные глаза от удивительного зрелища. Если подолгу пялиться на эти чудеса, то в два счета можно превратиться в ни на что не годного инвалида. Интересно, как выдерживают остальные? Со своего места он мог видеть почти все наблюдательные кушетки, кроме тех, что находились за центральным куполом.

Внезапно в куполе образовался проем, и на призрачно-малиновую палубу хлынул поток желтого света. Появились два силуэта. В одном Джейкоб без труда узнал Хелен.

Она опустилась на соседнюю кушетку, мило улыбнувшись.

— Доброе утро, мистер Демва. Надеюсь, вы хорошо отдохнули ночью? Днем будет много работы. Джейкоб рассмеялся.

— Вы говорите так, словно здесь и впрямь есть день и ночь. Зачем поддерживать эту земную иллюзию, имитируя восход и заход? Он кивнул в сторону Солнца, закрывавшего половину неба.

— Чтобы прибывшие с Земли зеленые юнцы могли как следует выспаться.

— О, не стоило так беспокоиться. Некоторые юнцы способны заснуть в любое время суток и

в любом месте. Это мой самый ценный талант. Улыбка Хелен стала еще шире.

— Очень удобный талант. Но раз уж об этом зашла речь, открою маленький секрет: у гелионавтов вошло в традицию перед окончательным погружением поворачивать корабль вокруг оси, вызывая на борту ночь.

— У вас уже появились традиции? И всего за два года?

— О, эта традиция значительно старше! Она возникла в те времена, когда нельзя было даже вообразить, что можно попасть на Солнце, иначе как… — она запнулась.

Джейкоб продолжил:

— Иначе, как ночью, когда не так жарко!

— Как вы догадались?

— Элементарно, Ватсон!

— А если серьезно, у нас все-таки появилась одна традиция: мы основали Орден Пожирателей Огня, членом которого становится каждый, кто хоть раз совершил погружение в Гелиос. Вас посвятят в рыцари этого ордена, как только мы вернемся на Меркурий. К сожалению, я не могу сказать вам, в чем состоит обряд посвящения… но надеюсь, вы умеете плавать?

— Не вижу смысла уклоняться, мой комендант!

Для, меня большая честь стать Пожирателем Огня.

— Отлично! И не забудьте, что вы должны мне историю о Ванильном Шпиле. Вы даже представить себе не можете, как я была рада снова увидеть это старое чудовище, когда возвращалась домой на «Калипсо». Так что мне не терпится услышать рассказ человека, спасшего моего старого знакомого. Взгляд Джейкоба скользнул мимо Хелен. На мгновение ему показалось, что он слышит рев ветра и чей-то слабый крик… Он попытался улыбнуться.

— О, я приберегу эту историю специально для вас. Она слишком личная, чтобы рассказывать ее за общим обедом. Своим спасением Шпиль обязан еще одному человеку.

В глазах Хелен что-то мелькнуло, видимо, она уже знала о трагедии в Эквадоре.

— Я буду ждать, Джейкоб. А за мной дело не станет. Я уже приготовила для вас свою историю. О «певчих птицах» на Омнивариуме. Эта планета оказалась столь безмолвна, что земляне-колонисты вынуждены были соблюдать предельную осторожность, в противном случае птицы начинали подражать любому звуку. Жизнь в таких странных условиях произвела

интересный эффект на сексуальное поведение колонистов, особенно на женщин. Им пришлось выбирать — афишировать способности своего партнера или же заниматься этим делом в абсолютной тишине! Но мне пора возвращаться к своим обязанностям. К тому же моя история требует более расслабляющей обстановки. — Она рассмеялась. — Я сообщу вам, когда мы достигнем первой турбулентности. Джейкоб поднялся вместе с Хелен и не сводил с нее глаз, пока она не скрылась в командном пункте. Хромосфера, возможно, и не лучшее место для любования женской походкой, но Джейкобу было все равно. Он пришел в неописуемое восхищение от удивительного изящества и той необыкновенной гибкости, какую члены межзвездных экипажей умеют придавать своим конечностям.

Черт, неужели она намеренно дразнит его? Когда дело не касалось работы, Хелен де Сильва всячески подчеркивала свою сексуальность. Но при всем этом в ее отношении к нему было что-то странное. Похоже, она доверяла ему больше, чем от нее можно было бы ожидать. Незначительная услуга, которую он оказал ей на Меркурии, и несколько дружеских бесед вовсе не казались Джейкобу достаточным основанием для подоб-

ной близости. Может, ей что-то нужно от него? Если так, то что? С другой стороны, Хелен много лет провела в открытом космосе, где люди гораздо легче сходятся друг с другом. Тот, кто вырос в колонии О'Нила в эпоху политических балаганов, когда человек предпочитал жить в собственном мире, возможно, склонен доверять своим инстинктам больше, чем дитя крайне индивидуалистской Конфедерации.

Он усмехнулся. Интересно, что ей наболтал о нем проклятый овощ?

Джейкоб подошел к центральному куполу, где, кроме всего прочего, имелась и компактная душевая кабина. На гладкой поверхности купола выделялся небольшой прямоугольный выступ. Джейкоб нажал на кнопку и шагнул в открывшуюся дверь. Вернулся он посвежевшим. После секундного раздумья Джейкоб направился к автоматам для раздачи пищи, находившимся по другую сторону купола. Там он обнаружил Милдред Мартин в обществе двуногих чужаков. Мартин слабо улыбнулась ему, красные глаза Куллы дружески блеснули, и даже Буббакуб прохрипел в свой водор что-то приветственное. Джейкоб заказал омлет и апельсиновый сок.

— Знаете, Джейкоб, — обратилась к нему Мар-

тин, — вы напрасно вчера слишком рано ушли спать. Пил Буббакуб весь вечер развлекал нас удивительнейшими историями!

Джейкоб слегка поклонился Буббакубу.

— Приношу свои извинения пилу Буббакубу. Вчера я очень устал, иначе бы непременно остался послушать рассказы о величайших галактических цивилизациях, в особенности о славных пилах. Я уверен, что историям этим нет конца.

Он почувствовал, как напряглась Мартин. Но Буббакуб, явно польщенный, лишь самодовольно надулся. Джейкоб хорошо понимал, что не стоит обижать этого чужака, но он уже давно раскусил сверхтщеславного пила. Директор земного филиала Библиотеки был абсолютно нечувствителен к подобным намекам, принимая их за чистую монету, и Джейкоб не мог устоять перед возможностью лишний раз уколоть напыщенного пила. Он получил свой заказ, и Мартин настояла, чтобы он присоединился к их столику. Джейкоб оглянулся. За соседним столом сидели свободные от дежурства члены экипажа. Кантена он нигде не обнаружил.

— Кто-нибудь видел Фэгина? — спросил он.

Мартин покачала головой.

— Нет, боюсь, он уже больше двенадцати часов находится на обратной стороне корабля.

Джейкоб удивился. Подобная скрытность была совсем не в характере Фэгина. Несколько часов назад Джейкобу удалось перекинуться с кантоном парой слов. Но теперь де Сильва и вовсе закрыла доступ на другую сторону корабля, предоставив ее в полное распоряжение ветвистому чужаку. «Если к обеду Фэгин не объявится, придется потребовать у Хелен объяснений», — подумал он.

Милдред Мартин и Буббакуб о чем-то мирно беседовали. Время от времени в разговор вставлял слово Кулла. Вид у него был самый что ни на есть подобострастный. Соломинка, намертво приросшая к складчатым губам прингла, казалась каким-то диковинным органом. Пока Джейкоб расправлялся с завтраком, Кулла методично опустошал содержимое многочисленных тюбиков, лежавших перед ним на столе.

Буббакуб неторопливо рассказывал историю одного из своих предков, представителя могущественной расы соро. Этот достойный софонт около миллиона лет назад принимал участие в одном из немногих мирных контак-тов между цивилизацией кислорододышащих и таинственной параллельной культурой водорододышащих.

С незапамятных времен между кислородниками и водородниками отсутствовало какое-либо взаимопонимание. Всякий раз, когда возникал конфликт, погибала планета, а подчас и не одна. К счастью, у этих двух культур было очень мало общего, так что пересекались они нечасто. История Буббакуба была длинной и запутанной, но Джейкоб не мог не признать, что пил отменный рассказчик. Буббакуб, когда хотел, мог быть неожиданно остроумным, и обаятельным. Пил так живо и ярко рассказывал о событиях, свидетелем которых посчастливилось стать крошечной горстке землян, и с таким вдохновением описывал бесконечное разнообразие и красоту звезд, что Джейкоб в этот момент от души позавидовал Хелен де Сильве и ее товарищам-космолетчикам.

Покончив с лирическими описаниями галактических красот, Буббакуб очень четко изложил причину возникновения Библиотеки. Она явилась носителем знаний и традиций, объединявших всех, чья жизнь основывалась на поглощении кислорода. Библиотека обеспечивала преемственность и непрерывность цивилизаций. Не будь этого института, все галактические виды продолжали бы вести неза-

висимое существование; в космосе царили бы хаос и бесконечные войны, рано или поздно уничтожившие бы все живое. А уцелевшие попросту погибли бы от нехватки энергетических ресурсов. Именно Библиотека и подчиненные ей институты, возникшие в результате объединенных усилий всех разумных видов, не допустили геноцида в Галактике. Буббакуб замолчал. Повисла благоговейная тишина. Выдержав паузу, пил добродушно поблагодарил своих слушателей и неожиданно попросил Джейкоба рассказать о чем-нибудь.

Тот смутился. С точки зрения человека, его жизнь, возможно, и была наполнена захватывающими событиями, но, в сущности, она не представляла собой ничего выдающегося. Что он мог бы рассказать? Судя по всему, ему следовало поведать историю из собственного опыта или, на худой конец, из опыта своих предков, Джейкоб чувствовал, что его замешательство становится явным. Можно было бы рассказать о дедушке Альваресе, сыгравшем значительную роль в Перевороте, но в этой истории было слишком много политики, да и вряд ли она понравится Буббакубу. Джейкоб лихорадочно пытался вспомнить что-нибудь занятное из собственной жизни, но

в голову ничего не шло. Ничего, кроме случая на Шпиле. Но эта история была слишком личной, будила слишком много болезненных воспоминаний. Да и, кроме того, он уже обещал ее Хелен. Джейкоб почувствовал на лбу жаркую испарину Эх, был бы здесь Ла Рок! Уж он сумел бы всех уморить своей трескотней. Джейкоб в отчаянии хотел было уже начать рассказывать о Марко Поло или Марке Твене, как вдруг в голову ему пришла шальная мысль. Ведь имелась реальная историческая личность, прямым потомком которой был он сам, Джейкоб Демва. И история этого человека полностью удовлетворяла неписаным требованиям. Но самое смешное состояло в том, что толковать ее можно было двояко. Для одних она будет абсолютно прозрачной, другие же не поймут скрытого в ней сарказма.

— Ну что ж, — начал он, — я расскажу вам об одном реальном историческом лице. Этот человек представляет немалый интерес, поскольку принимал участие в установлении Контакта между примитивной культурой и цивилизацией, ушедшей далеко вперед. Думаю, вы уже догадались, о чем пойдет речь. Ведь с момента Контакта об этом не устают толковать. Судьба американских индейцев представляет собой пьесу нравов

той эпохи. Старые киноленты двадцатого века, прославлявшие «благородного краснокожего», сегодня могут вызвать лишь улыбку. Из всех земных культур именно индейцы в наименьшей степени стремились приспособиться к европейцам-завоевателям. Их гордость долго не позволяла им воспользоваться достижениями белого человека. Когда же они опомнились, было уже поздно. К примеру, японцы повели себя совсем иначе: в конце девятнадцатого века им удалось включить в свою культуру достижения европейской цивилизации. На этот пример постоянно ссылается фракция «Приспособление и Выживание». Джейкоб на мгновение замолчал и обвел взглядом своих слушателей.

Похоже, ему удалось захватить их таким вступлением. За соседним столиком прекратили болтать, внимательно слушая его рассказ. Глаза у Куллы так и сверкали. Даже Буббакуб, обычно совершенно не интересовавшийся людскими разговорами, не отрывал от него колких глазбусинок. Лишь Милдред Мартин недовольно поморщилась, когда он упомянул о фракции «Приспособление и Выживание».

— Но безусловно, в том, что индейцы не смогли приспособиться к новой жизни, виноваты не

только они одни. Многие современные ученые полагают, что культуры западного полушария в момент прибытия европейцев находились в состоянии временного кризиса. Так, например, бедняги майя только что покончили с гражданской войной; их чудесные города были разрушены, а династия правителей полностью уничтожена. Население некогда великого государства рассеялось по бескрайним просторам. Когда на Американский континент прибыл Колумб, храмы майя, эти очаги удивительной культуры, пустовали, все более ветшая. Конечно же, можно возразить, что далее последовал так называемый Золотой век майя, во время которого благосостояние народа и товарооборот возросли в четыре раза. Но вряд ли с помощью подобных показателей можно измерять уровень культуры. Джейкоб остановился.

«Осторожней, друг мой, осторожней, не переусердствуй с иронией». Он заметил, как Дубровский, один из бортинженеров корабля, сидевший за соседним столиком, встал и отошел к автомату с кофе. На лице Дубровского играла легкая ироничная улыбка. Джейкоб взглянул на остальных — все слушали с огромным интересом, словно не подозревая о скрытом смысле этой истории.

Правда, в отношении Куллы и Буббакуба он не мог сказать ничего определенного.

— Так вот, мой далекий предок был индейцем. Звали его Секвойя, он принадлежал к племени чероки. В те времена чероки жили в основном на территории штата Джорджия, на восточном побережье Северной Америки. Поэтому они не располагали достаточным временем, чтобы подготовиться к встрече с белым человеком. Тем не менее чероки в определенном смысле попытались это сделать. Конечно же, их попытка была далеко не столь всеобъемлющей и основательной, как у японцев, но они ее все же предприняли. Чероки сумели довольно быстро подхватить технические достижения своих новоявленных соседей. Бревенчатые дома пришли на смену вигвамам, а железные орудия и кузнечное ремесло стали частью их быта. Они по достоинству оценили порох и европейские методы ведения сельского хозяйства. Одно время племя чероки даже использовало труд рабов, хотя многим индейцам подобное новшество пришлось не по душе. Джейкоб замолчал, давая слушателям возможность усвоить услышанное, а затем продолжил:

— К тому времени, о котором пойдет речь в

моем рассказе, чероки дважды потерпели поражение в войнах. Они совершили ошибку, поддержав французов в тысяча семьсот шестьдесят пятом году, а затем выступив на стороне английской Короны во время первой американской революции. Но даже после этого чероки сохраняли за собой самоуправление на довольно приличной территории — во многом благодаря тому, что новое поколение индейцев, получив от европейцев достаточное количество знаний, ввело у себя законодательство. Вместе со своими северными соседями, ирокезами, чероки преуспели в составлении договоров с белыми. Именно в этот момент на сцене и появляется мой достопочтенный предок. Секвойю совершенно не привлекала ни одна из перспектив, открывавшихся перед его племенем: остаться благородными дикарями и тем самым обречь себя на верную смерть, либо полностью перенять образ жизни европейцев-колонистов и исчезнуть как самобытный народ. Секвойя хорошо сознавал силу печатного слова, но полагал, что индейцы всегда будут находиться в невыгодном положении, если их вынудят принять английский язык.

Джейкоб обвел взглядом своих слушателей. Он не понимал, улавливают ли они связь между

историей племени чероки и нынешними взаимоотношениями человечества и галактической Библиотеки.

Милдред Мартин, похоже, была удивлена столь подробным историческим экскурсом. Но откуда ей было знать, что после окончания школы Джейкобу и его многочисленным кузенам и кузинам пришлось прослушать курс истории и ораторского искусства. Хотя Джейкоб слыл в своей семье белой вороной и всегда сторонился политики, тем не менее определенные навыки в этой области у него остались.

— Так вот. Секвойя нашел устраивавшее его решение проблемы. Он попросту взял и изобрел письменность индейцев чероки. Это был воистину титанический труд, стоивший ему немалых мучений. Более того, в глазах большинства соплеменников он выглядел настоящим безумцем. Но, несмотря на все препятствия. Секвойя достиг цели — отныне печатное слово стало доступно не только горстке интеллектуалов, годами изучавших английский, но и тем, кто вовсе не блистал способностями. Вскоре даже сторонники ассимиляции признали усилия Секвойи. Это была великая победа человеческого духа, вдохновлявшая все последующие поколения индейцев

чероки. Надо заметить, чероки оказались единственным коренным американским народом, выбравшим себе в герои не воина, не охотника, а мыслителя. Единственным! И вот это-то и явилось главной ошибкой чероки. Если бы индейцы позволили местным миссионерам превратить себя в некое подобие колонистов, то со временем они смогли бы влиться в класс землевладельцев и занять свое место в американском обществе.

Но вместо этого чероки решили стать современными индейцами: сохранить основные элементы своей культуры и одновременно воспринять европейскую цивилизованность. Здесь кроется явное противоречие. И все же некоторые историки до сих пор полагают, что такой поворот дела не был так уж невозможен. Все шло замечательно, пока в один прекрасный день отряд белых колонистов не обнаружил на земле чероки золото. Европейцы, разумеется, пришли в крайнее возбуждение. Они быстро провели через законодательное собрание Джорджии постановление о конфискации этих земель. Тогда чероки совершили очень странный поступок. Аналогов ему не нашлось даже сто лет спустя. Индейское племя подало в суд на законодательное собрание штата Джорджия, обвинив его в

незаконном захвате земель! Чероки получили определенную поддержку от сочувствующих индейцам белых и сумели довести дело до Верховного суда Соединенных Штатов Америки. И самое странное, суд постановил, что земля принадлежит племени чероки! Но вот здесь-то и проявилась относительность приобщения индейцев к европейским социальным институтам. Поскольку чероки особо не стремились внедриться в общественную структуру колонистов, то они не обладали никакой политической силой. Индейцы с удивительной наивностью доверились высшим и на бумаге очень справедливым законам новой нации. Они вполне успешно освоили правила законодательных игр, но не учли одной-единственной малости — общественное мнение всегда являлось куда более влиятельной силой, чем любой закон.

Для большинства своих новых соседей они так и остались всего лишь еще одним индейским племенем. Когда Энди Джексон послал Верховный суд к черту и отправил войска, чтобы занять земли чероки, индейцы внезапно выяснили, что им некуда больше обратиться. И тогда народ Секвойи вынужден был собрать скудный скарб и отправиться Дорогой Плача к новым «индейским

территориям» в западных землях Соединенных Штатов Америки. История Дороги Плача — это гимн человеческому мужеству и терпению. Невозможно описать, что пришлось испытать людям из племени чероки на этом скорбном пути. Страдания и горе послужили основой для выразительнейших по силе и глубине литературных памятников. И, кроме того, именно в это время у чероки возникла традиция черпать силу в лишениях, что и поныне остается характерной чертой этого народа.

Изгнание оказалось не последним ударом, обрушившимся на чероки. В Соединенных Штатах разразилась гражданская война. Индейцы также не остались в стороне. И брат стал убивать брата, когда войска Конфедерации столкнулись с отрядами индейцев. Индейцы сражались даже неистовее белых, а уж дисциплина в их рядах всегда была несравненно лучше. Но в то время как мужчины проливали кровь на полях сражений, их дома подверглись новым разорениям. Болезни и бандитские шайки во все времена сопутствовали войнам.

А потом начались новые захваты земель очередными колонистами. За стоицизм племя чероки даже прозвали «американскими еврея-

ми». Другие племена не выдержали лишений, не сумели выстоять перед натиском несправедливых ударов судьбы, смирились. Но чероки выжили как самобытный народ, и помогла им в этом традиция во всем полагаться только на себя. Память о Секвойе не умерла. Быть может, из уважения к мужеству индейцев чероки одно из калифорнийских деревьев назвали секвойя. Это самое высокое дерево в мире.

— Но я отклонился от рассказа о безрассудстве чероки, — продолжал Джейкоб. — Гордость помогла им выжить в девятнадцатом веке, веке насилий и грабежей на Американском континенте, выстоять перед равнодушием двадцатого столетия. Но именно гордость не позволила им принять участие в Возмещении двадцать первого века. Чероки отвергли «культурные репарации», предложенные им американским правительством накануне эпохи Бюрократии. Отвергли богатства, которыми власть попросту завалила остальные индейские племена, дабы успокоить слишком чувствительную совесть просвещенного и образованного американского общества.

Индейцы чероки отказались участвовать в создании культурных центров и изучать там танцы и ритуалы предков. Многие индейцы занимались

тем, что возрождали доколумбовы орудия труда, «устанавливая контакт со своим прошлым». Чероки же решили создать собственный, ни на что не похожий вариант американской культуры двадцать первого века. Заразив своим энтузиазмом племя могавков и отдельных индейцев из других племен, чероки занялись собственным «Возмещением», начав с того, что половину своих доходов вложили в Лигу энергетических спутников. Теперь их гордость сублимировалась в строительство городов в открытом космосе. Примерно так же, как некогда она заставила их возвести величайшие города Америки. Чероки отказались от богатства в обмен на свою долю неба. Но на этом история не заканчивается. Чероки еще раз пришлось заплатить за свою гордость. Когда Бюрократия начала политику всеобщего подавления. Лига спутников восстала. Блестящие молодые люди, истинный цвет человечества, шли на смерть бок о бок со своими космическими братьями. Построенные в космосе города были уничтожены. Тем же, кто выжил, разрешили остаться на орбите только потому, что кто-то должен был научить людей Бюрократии обращению со сложным оборудованием. Но война шла не только в космосе. Многие индейцы чероки при-

няли участие в Конституционном мятеже. Они оказались единственным индейским племенем, подвергшимся гонениям властей. Вторая Дорога Плача была не менее печальна, чем первая. Однако на этот раз у чероки были товарищи по несчастью.

Но вот наступила эпоха подлинной Бюрократии. Гегемония больше заботилась о повышении производительности, чем о мщении противникам Лигу спутников восстановили, правда, под строгим контролем, и в колониях О'Нила расцвела новая культура.

Представителей чероки и поныне можно встретить на Земле, в то время как большинство индейских племен либо бесследно растворились в современной космополитической культуре, либо ведут жизнь музейных экспонатов. Чероки же все еще пытаются жить самостоятельно. Они так и не усвоили уроков судьбы. Последняя их безумная затея — совместный с вьетнамцами и курдами проект по окультуриванию Венеры. Но все это, конечно же, лишь очередное нелепое прожектерство.

Впрочем, современная история племени чероки уже не имеет никакого отношения к этому рассказу. Если бы Секвойя и его народ полностью

переняли образ жизни белого человека, то им удалось бы выжить и даже занять определенное место в европейской культуре, заплатив, правда, за это полной ассимиляцией. Если бы чероки встали на путь упорного сопротивления, подобно большинству индейских племен, то после бесчисленных страданий их ждала бы в конце концов участь пыльных музейных экспонатов. Но чероки попытались найти третий путь, они вознамерились соединить преимущества западной цивилизации и собственное культурное своеобразие. Это племя оказалось весьма упорным в своих экспериментах. В течение шестисот лет его перемалывало, как в жерновах. На долю чероки выпало куда больше страданий, чем на долю любого другого индейского народа.

— Мораль этой истории очевидна, — заключил Джейкоб. — Мы, люди, стоим сейчас перед выбором, сходным с тем, что был предложен в свое время индейцам чероки: либо до конца воротить нос, либо полностью раствориться в древней галактической культуре. Так что всякому, кто решит выбрать особый путь, я советую вспомнить историю этого индейского племени. Его путь был долог, и, быть может, он еще не кончен.

Джейкоб закончил рассказ. Все молчали. Ни-

кто не спешил заговорить. Кулла неподвижным взглядом уставился куда-то в пространство Милдред Мартин, нахмурив брови, пристально разглядывала стол. Около кофейного аппарата по-прежнему маячил Дубровский. Казалось, он едва сдерживает смех. Возможно, это убежденный сторонник Лиги, ведь космос буквально кишит ими. Джейкоб от души надеялся, что Дубровскому удастся сдержаться. Риск и без того был слишком велик. У него пересохло в горле — то ли от длительного монолога, то ли от волнения. Он залпом выпил остатки апельсинового сока.

Наконец Буббакуб взмахнул короткими лапами и привстал. Мгновение он молча рассматривал Джейкоба.

— Хорошая история, — отрывисто гавкнул водор на его шее. — Я прошу вас записать ее для меня, когда мы вернемся на базу. Это отличный урок для людей. Но у меня есть вопросы, некоторых моментов я не понял.

— Как вам будет угодно, пил Буббакуб. — Джейкоб слегка склонил голову. Надо бы побыстрее сменить тему, пока Буббакуб не вцепился в него мертвой хваткой, выуживая подробности.

— Мне тоже понравилась история моего друга Джейкоба, — раздался сзади мелодичный

свист. — Я старался не шуметь и очень рад, что мне удалось не помешать столь чудесному рассказу.

Джейкоб вскочил.

— Фэгин!

Навстречу кантону поднялись и все остальные. В рубиновых отблесках хромосферного сияния Фэгин выглядел черным силуэтом какого-то экзотического растения. Он медленно покачивал ветвями.

— Примите мои извинения, любезные софонты! Но мое отсутствие было необходимым. По любезному разрешению коменданта был увеличен поток излучения сквозь экраны, чтобы я мог немного подкормиться. Но, как вы сами понимаете, для этого пришлось изолировать необитаемую сторону корабля.

— Очень разумно! — рассмеялась Мартин. — Нам бы совсем не хотелось поджариться на солнце!

— Я так и думал, — нежно пропел Фэгин, — но мне там было очень одиноко, и сейчас я счастлив вновь оказаться среди вас. Все расселись. Фэгин устроился прямо на полу. Джейкоб с радостью ухватился за возможность выбраться из затруднительного положения.

— Мы тут в ожидании входа в хромосферу обмениваемся историями. Может быть, ты тоже что-нибудь расскажешь, например, об Институте Прогресса?

Кантон зашумел листвой:

— Увы, дружище Джейкоб. В отличие от Библиотеки, Институт Прогресса не стал влиятельной организацией. Его название не очень верно переведено на английский. В вашем языке попросту нет слова, которое могло бы передать суть. Наше небольшое общество было основано ради одного-единственного мелкого предписания, которое прародители завещали старейшим расам перед тем, как покинуть Галактику. Грубо говоря, на нас возложена задача оберегать и лелеять все новое. Расам, подобным вашей, своего рода сиротам, не знакомым с прелестями опекунства, трудно понять врожденный консерватизм галактической культуры. И подобный консерватизм не так уж и плох, ибо верность традиции и общему наследию среди великого разнообразия рас и цивилизаций подчас оказывает благотворное влияние. Молодые расы внимают опыту старых, учатся у них мудрости и терпению. Можно сказать, что мы питаем глубокое уважение к нашим корням.

Джейкоб отметил едва уловимое волнение Фэ-

гина. Короткие узловатые щупальца, служившие ему подобием ног, чуть заметно подрагивали. Джейкоб быстро взглянул на остальных, но, похоже, никто ничего не заметил. Он постарался не выдать своего удивления.

— Но при всем уважении к традиции необходимо смотреть вперед, а не назад, — продолжал Фэгин. — И безгранично мудрые прародители наказали старейшинам Галактики не чинить препятствий новому. Джейкоб покачал головой.

— Так вот, значит, почему, узнав о том, что обнаружено сообщество дикарей, вы поспешили на Землю?

Послышался легкий шелест:

— Очень живописное сравнение, дружище Джейкоб, но, в сущности, ты прав. Для Библиотеки задача сводится к тому, чтобы научить землян премудростям выживания. У моего Института куда более скромная миссия: мы хотим понять, что нового вы принесли в галактическую культуру. Милдред Мартин, как школьница, подняла руку.

— Кантен Фэгин, а есть ли у вас сведения о подобных случаях в прошлом? Я имею в виду, встречались ли в Галактике виды, не сохранившие память о своих предках и о Развитии, жившие сами по себе, подобно нам, землянам?

— Да, уважаемая доктор Мартин, несколько раз такое случалось, ведь космос столь огромен. Во время своих миграций как кислородные, так и водородные расы покрывают огромные расстояния. Но даже обитаемые области далеко не всегда оказываются полностью исследованными. Зачастую во время таких перемещений какой-нибудь крошечный осколок расы, едва расставшейся с животным состоянием, оказывается покинутым опекунами и остается наедине с самим собой. Цивилизованные народы обычно мстят за подобные действия… Кантен запнулся. Джейкоб понял причину его заминки, и внутри у него все похолодело. Фэгин же продолжал:

— Но поскольку такие случаи встречаются крайне редко, возникает еще одна проблема. Из остатков технологий опекунов осиротевшая раса, конечно же, может создать примитивный ракетоноситель. Но к тому времени, когда она окажется способной начать осваивать межзвездное пространство, эта часть Галактики может попасть под запрет или же стать добычей водорододышащих. Тем не менее время от времени подобные расы обнаруживаются. Но обычно сироты сохраняют вполне отчетливые воспоминания о своих опекунах либо непосредственно в виде фактов,

либо в легендах и мифах. Но почти всегда Библиотека способна установить истину, потому что именно в ней все наши истинные знания.

Несколько ветвей почтительно склонились в сторону Буббакуба. Пил ответил самодовольно-дружеским кивком.

— Вот почему, — продолжал Фэгин, — мы с таким большим нетерпением ждем, когда же выяснится причина отсутствия в наших архивах упоминаний о вашей Земле. Ведь в Библиотеке не найдено никаких сведений о том, что она была заселена в прошлом, хотя с того момента, как прародители покинули Галактику, через эту область прошло пять миграций. Буббакуб внезапно застыл. Маленькие черные глазки с ненавистью стрельнули в сторону кантена. Но Фэгин, казалось, ничего не замечал.

— Насколько мне известно, человечество впервые подтверждает большую вероятность разумного саморазвития. Без сомнения, вы знаете, что подобная идея нарушает некоторые устоявшиеся принципы нашей биологической науки. И все же некоторые аргументы ваших антропологов очень убедительны.

— Это весьма эксцентричная идея! — фыркнул Буббакуб. — Хвастливые существа, именуемые

шкурниками, носятся с ней, словно с вечным двигателем. Всякие теории «естественного» развития разума служат источником для зубоскальства, человек Джейкоб Демва. Но скоро Библиотека преподнесет вашей непочтительной расе то, в чем она так нуждается! Надеюсь, вы успокоитесь, когда узнаете истину о вашем происхождении! Внезапно почти неслышный до этого шум двигателей усилился, и через мгновение Джейкоб почувствовал, что теряет ориентацию.

— Всем внимание! — раздался голос Хелен де Сильвы. — Мы только что проскочили первый риф. С этого момента возможны толчки. Я извещу вас, когда мы подойдем к интересующей нас области. Пока все. Солнечный горизонт стал уже почти совершенно плоским. Во все стороны тянулись красно-черные изогнутые очертания. Количество нитей, находившихся на одном уровне с кораблем, возросло. Они вспыхивали протуберанцами на фоне того, что некогда представляло собой абсолютный мрак открытого космоса, и исчезали в огненном мареве.

Компания передвинулась поближе к краю палубы, откуда можно было заглянуть в хромосферу. Какое-то время все молчали, прислушиваясь к толчкам, сотрясавшим солнечный корабль.

— Доктор Мартин, — нарушил молчание Джейкоб, — вы и пил Буббакуб готовы к эксперименту?

— Здесь есть все, что нам нужно. — Мартин указала на два контейнера, стоявших рядом с креслом Буббакуба. — Я взяла с собой пси-оборудование, которое использовала во время предыдущих прыжков. Но в основном моя задача — ассистировать пилу Буббакубу. Усилители мозговых волн и Q-устройства — это настоящий хлам по сравнению с тем, что имеет в своем распоряжении уважаемый Буббакуб, но я постараюсь быть ему полезной.

— Я буду рад вашей помощи, — довольно любезно отозвался Буббакуб.

Джейкоб захотел взглянуть на оборудование пила, но тот вскинул четырехпалую лапу.

— Не сейчас. Позже, когда мы все подготовим.

Джейкоб почувствовал знакомый зуд в руках. Интересно, что может быть в этих контейнерах? В земном филиале Библиотеки нет почти ничего, касающегося пси-исследований. Так, немного сведений из феноменологии, но никаких упоминаний о методах и оборудовании. Насколько глубоки знания галактической культуры о фундаментальных принципах существования

разума, по-видимому, общих для всех видов? В этой области явно известно еще далеко не все. Галактические цивилизации до сих пор действуют лишь по эту сторону реальности. Более того, Джейкоб абсолютно точно знал, что способности к телепатии у большинства представителей других рас не превышают его собственных. Он взглянул на Буббакуба. Ходят слухи, что древние расы периодически пропадают из Галактики. Обычно цивилизации исчезают в результате естественной смерти, войны или же попросту из-за накопившегося за миллиарды лет безразличия к жизни. Но порой та или иная раса вдруг «сходит с дистанции». Такое исчезновение всегда связано с поисками и экспериментами, не имевшими никакого смысла для всех остальных. Почему в земном филиале нет никаких упоминаний о подобных событиях? Да что там, в филиале не найти даже сведений о практическом применении пси!

Вновь зазвучал голос Хелен де Сильвы:

— Мы подойдем к интересующей нас области через тридцать минут.

Желающие могут собраться на командном пункте. Отсюда открывается прекрасный вид на место нашего назначения.

Когда глаза привыкли к ослепительному блеску выделенной области, Джейкобу показалось, что остальная часть Солнца потускнела. Далеко внизу ярко вспыхивали и тут же гасли хромосферные факелы. Где-то вдали вытянулась большая группа солнечных пятен, ближайшее из которых напоминало открытый карьер, своего рода яму в неровной «поверхности» хромосферы. Наиболее темные участки пятна были совершенно неподвижны. Но вокруг него наблюдалась беспрерывная рябь, будто какой-то досужий бездельник развлекался, без устали швыряя в солнечный океан громадные камни. Граница вокруг пятна выглядела размытой, вибрируя, словно гитарная струна. Выше проступали очертания гигантского клубка. Это была одна из самых поразительных картин, которую Джейкобу когда-либо приходилось видеть. Следуя линиям магнитного поля, плыли гигантские облака, то и дело скручиваясь в беспокойные спирали. Вдруг буквально из ничего возник огромный огненный сполох, через мгновение рассыпавшись миллиардом сверкающих искр.

Повсюду можно было видеть суетливые движения более мелких объектов, превращавших уютную черноту космического пространства в

волнующее душу розовое сияние.

Джейкоб пожалел, что некому запечатлеть красоту и величественность солнечных ландшафтов. Как бы ни был несносен Ла Рок, но стилем он обладал отменным. Джейкоб читал кое-какие его статьи и нередко от души восхищался точностью и яркостью его описаний. Здесь, на Солнце, поэтическое мастерство Ла Рока пришлось бы как нельзя кстати.

— Наши приборы зарегистрировали источник аномально поляризованного излучения. С этого момента мы приступаем к исследованиям. Кулла поднялся и подошел к краю палубы, напряженно всматриваясь в направлении, указанном одним из членов экипажа. Джейкоб спросил у подошедшей к ним Хелен:

— Что он делает?

— Кулла способен определять цвет гораздо точнее, чем мы, — ответила Хелен. — Он способен уловить разницу в длине волны с точностью до одного ангстрема. И кроме того, он каким-то удивительным образом запоминает фазу излучения. Это совершенно удивительно! Кулла с легкостью способен найти источник когерентного света. Ему почти всегда удается вычислить этих лазерных бестий.

Мощные давилки Куллы глухо клацнули. Он взмахнул тонкой рукой.

— Вон там, — уверенно сказал он, — вон там много ишточников швета.

Это большое штадо, и я уверен, паштухи тоже где-то рядом. Хелен де Сильва улыбнулась, и корабль устремился навстречу своей цели.

Глава 15
О ЖИЗНИ И СМЕРТИ...

Солнечный корабль мчался внутри светового волокна, словно рыба, увлекаемая стремительным потоком. Вот только поток этот был электрическим, а волна, омывавшая зеркальную сферу, представляла собой намагниченную плазму с невообразимо сложной структурой.

Во всех направлениях проносились огненные вихри и сполохи ионизированного газа, причудливо изгибаясь под действием сил, создаваемых их собственным движением. Струи светящейся материи то вдруг вспыхивали, то исчезали вследствие эффекта Допплера, когда спектр излучения газа попадал в полосу пропускания фильтров или выпадал из нее. Корабль, используя для движения энергию плазмы, лавировал меж огненных

айсбергов, подгоняемый турбулентными хромосферными ветрами. Магнитные потоки надували паруса, созданные на основе математических принципов, обретших вдруг материальную природу. Мгновенное свертывание и усиление полей магнитных экранов, позволяя использовать толчки противоборствующих вихрей только в одном направлении, помогали устранять качку, неизбежную при подобной буре.

Те же самые экраны блокировали большую часть тепла, преобразуя оставшуюся часть в более приемлемые формы. А та тепловая энергия, что все-таки проникала сквозь экраны, отсасывалось в камеру и направлялась к охлаждающему лазеру — своеобразной почке корабля. Его отфильтрованный отработанный энергетический пучок представлял собой поток рентгеновских излучений, способный смести на своем пути даже плазму. Все эти устройства основывались на изобретениях землян. Но безопасными и комфортными солнечные корабли сделала галактическая наука. Гравитационные поля позволяли преодолевать властное притяжение Солнца, так что корабль мог свободно передвигаться, маневрировать и даже неподвижно зависать в одной точке. Силы, действующие внутри элек-

тромагнитного волокна, либо поглощались, либо нейтрализовались, а временной масштаб изменялся системой сжатия времени.

Корабль мчался вдоль линии солнечного магнитного поля со скоростью в несколько тысяч миль, но это по отношению к воображаемой неподвижной точке на Солнце. Относительно же окружающих плазменных облаков он еле двигался, вслепую нащупывая путь к мельком увиденной цели.

Джейкоб почти не следил за погоней. Все его внимание было сосредоточено на Кулле. На солнечном корабле чужак играл роль впередсмотрящего. Прингл неподвижно замер рядом с рулевым, его огромные глаза сверкали, указующий перст направлял корабль в слепящем солнечном мраке.

Это направление почти точно совпадало с показаниями приборов. Джейкоб был не в состоянии разобраться во всех этих цифрах, мелькавших на панелях управления, и потому был очень доволен, что ему просто указывали, куда следует смотреть.

Около часа корабль преследовал световые пятна, маячившие вдали. Пятна были очень слабыми, хотя Хелен и приказала приоткрыть

диапазон сине-зеленого излучения. Но время от времени пятна ослепительно вспыхивали, заливая палубу зеленым сиянием, словно чей-то прожектор на мгновение освещал корабль, а затем уходил в сторону. Вспышки повторялись все чаще. В поле зрения наблюдателей находилась по меньшей мере сотня объектов приблизительно одинакового размера. Джейкоб взглянул на дальномер. Семьсот миль.

Когда расстояние сократилось до двухсот, стала отчетливо различима форма объектов. Магнитоядные имели форму правильных тороидов. Издали стадо представлялось скоплением крошечных обручальных колец голубого цвета. Все кольца имели одну и ту же ориентацию — вдоль электромагнитного волокна.

— Они выстраиваются вдоль магнитного поля на том участке, где напряженность поля максимальна, — пояснила Джейкобу Хелен, — и вращаются вокруг своей оси, генерируя электрический ток. Трудно сказать, как они перебираются из одного активного региона в другой, когда конфигурация магнитного поля начинает меняться. Сейчас нас больше интересует, что заставляет их держаться вместе.

Несколько крайних тороидов, не переставая

вращаться, вдруг начали раскачиваться. Зеленое сияние залило солнечный корабль, исчезнув через мгновение.

Один из пилотов взглянул на Джейкоба.

— Мы только что прошли сквозь лазерный шлейф одного из тороидов. Кратковременные вспышки, подобные этим, не могут нанести, нам вред, но если мы окажемся сзади или снизу стада, то у нас могут возникнуть проблемы.

Темное облако плазмы, то ли более холодной, то ли более быстрой, чем окружающий газ, прошло прямо перед кораблем, на несколько секунд полностью перекрыв обзор.

— Для чего им нужен лазер? — спросил Джейкоб.

Де Сильва пожала плечами.

— Кто знает. Для динамической устойчивости. Или в качестве двигателя.

Возможно, как и нам, для охлаждения. Тогда в их структуре должно иметься твердое вещество. Но в любом качестве лазер обладает мощностью, способной пробить своим зеленым лучом наши экраны, настроенные в основном на красный диапазон. Только поэтому мы и смогли их обнаружить. Ведь как бы огромны ни были эти создания, здесь они всего лишь иголки в стоге сена. Мы

могли бы искать их миллионы лет, да так и не обнаружить. В области альфа-линии водорода магнитоядные абсолютно невидимы. Поэтому для наблюдения мы приоткрыли пару диапазонов в зеленой и синей областях. Разумеется, длина волны их лазера в этот диапазон не попадает! Выбранные нами линии вполне спокойны и оптически слабо прозрачны. Непонятно, откуда берутся эти голубые и зеленые огоньки. Но, надо признаться, они вносят приятное разнообразие.

— Да, сейчас мне, пожалуй, понравилось бы все, что отличается от этой проклятой красноты.

Корабль наконец прошел сквозь темное облако, и тут выяснилось, что они почти у цели.

Джейкоб судорожно сглотнул слюну и на мгновение прикрыл глаза. Открыв их, он издал возглас изумления и восторга.

Если говорят, что рыба плывет косяком, а львы образуют прайд, то здесь подошло бы только одно слово — вспышка. Свечение было таким ярким, что солнечная хромосфера могла показаться чернотой открытого космоса. Ближайшие к кораблю тороиды поблескивали свежей зеленью распустившейся листвы. Вдали лазерный луч, пройдя сквозь плазменное яблоко, рассыпался суматошным темно-зеленым мельканием. Каждый

тороид искрился ореолом.

— Синхротронное излучение, — сказал кто-то за спиной Джейкоба. — Эти младенцы действительно вращаются. Есть мощный поток частиц с энергией свыше ста киловатт!

Особенно бешено вращался тороид поблизости, на расстоянии не более двух миль. По его внешнему краю, как своеобразное ожерелье, кружился геометрический хоровод. Темно-синий восьмигранник сменялся пурпурными прямоугольниками и снова возникал перед глазами. Полный оборот вокруг блестящего изумрудного кольца занимал у него несколько секунд. Хелен, стоя у командного пульта, не сводила глаз с приборов. По ее бесстрастному лицу мелькали отблески сине-зеленого сияния, превращая коменданта в персонаж средневековых карнавалов. Всякий раз, когда Хелен поднимала голову, из глаз вылетал сноп изумрудных искр, придавая ее облику нечто совсем уж демоническое.

Внезапно все вокруг окуталось синей хмарью. Очередная световая вспышка высветила на теле кольцеобразного существа причудливый узор. Он явно напоминал сплетение нервных и кровеносных узлов. Зеленые артерии пульсировали, сплетаясь с искрящимися небесной голубиз-

ной венами. Зеленые и синие линии бились в противофазе, то набухая, подобно созревшей виноградной лозе, то сжимаясь и испуская облака крошечных световых треугольников. Невероятный цветок стряхивал двумерную пыльцу, рассеивавшуюся мельчайшими трехчастичными столкновениями вокруг неевклидова тела тороида. Внезапно все геометрические фигуры одновременно обрели совершенную правильность, а обод бублика ощетинился бесчисленными углами и гранями крошечных двумерных созданий. Похоже, это была кульминация. Узор Вокруг обода потускнел, а сам тороид словно бы отступил, стремясь затеряться в гуще себе подобных. Зелено-голубое свечение ослабло. Красный цвет снова заливал палубу.

— Они приветствуют нас, — сказала Хелен. — На Земле еще хватает скептиков, которые уверяют, что магнитоядные представляют собой лишь некие искажения магнитного поля. Им бы следовало взглянуть на это зрелище. Мы наблюдаем несомненные проявления жизни. Создатель не знает пределов в своем творчестве.

Она легко тронула пилота за плечо. В следующее мгновение корабль отклонился в сторону.

Джейкоб был согласен с капитаном, хотя логи-

ку Хелен вряд ли можно было назвать научной. Он тоже не сомневался, что тороиды — живые существа. Их действия, будь то и впрямь приветствие, или же просто реакция на появление чужеродного объекта, были действиями живого организма. Возможно, даже разумного.

Старомодное имя Верховного Божества, упомянутое Хелен, словно осенило всю эту красоту.

Палуба корабля медленно поворачивалась, стая магнитоядных постепенно уходила вниз, Хелен склонилась над микрофоном.

— Отправляемся на поиски Призраков. Помните, мы здесь для изучения не магнитоядных, а их Пастухов. Чтобы их заметить, необходимо вести постоянное наблюдение. Поскольку во всех предыдущих погружениях мы обнаруживали Призраков лишь по счастливой случайности, то я прошу всех присутствующих быть предельно внимательными и сообщать мне обо всех необычных явлениях.

Де Сильва поманила к себе Куллу, и они начали тихо совещаться. Прингл время от времени кивал круглой головой, фарфоровое сверкание меж складчатых губ выдавало сильное возбуждение. Выслушав капитана, Кулла направился по гравитационной петле на обратную сторону

палубы, где находились приборы. Сейчас там тоже не помешал бы живой наблюдатель. Лазерные существа могли появиться снизу, вне досягаемости расположенных по краю палубы детекторов. — Несколько раз они объявлялись прямо над головой, — напомнила Хелен Джейкобу. — И, как правило это были самые интересные случаи. Именно тогда мы наблюдали антропоморфные фигуры.

— И что, они исчезали всякий раз, прежде чем корабль успевал повернуть? — спросил Джейкоб.

— Исчезали или же поворачивали синхронно с кораблем, все время оставаясь над головой. Настоящие бестии! Было от чего прийти в ярость. Но такое поведение позволило нам предположить, что здесь замешано пси. В конце концов, вне зависимости от их побуждений, откуда они могут знать, что приборы у нас расположены по краю платформы? И как, скажите на милость, они могут достигать такой синхронности, если им неизвестны наши намерения?

Джейкоб задумчиво смотрел на Хелен.

— Но почему бы не установить несколько камер здесь? Ведь это, наверное, не так уж и сложно?

— Нет, совсем не сложно, — согласилась Хе-

лен. — Но инженеры не захотели нарушать симметрию корабля. Пришлось бы прокладывать кабель сквозь палубу. Кулла убедил нас, что в этом случае была бы уничтожена последняя возможность для маневра в случае разрушения стасис-экранов… Хотя эта возможность и так достаточно эфемерна. — Она помолчала. — Бедняга Джеффри! Его корабль, тот самый, что вы осматривали на Меркурии, с самого начала был оборудован записывающими устройствами, сориентированными и вверх, и вниз. Это был единственный корабль подобной модификации. Так что нам придется обходиться приборами, расположенными по краю палубы, собственными глазами и несколькими переносными камерами.

— И пси-оборудованием, — напомнил Джейкоб.

Хелен выразительно взглянула на него.

— Да, конечно. Мы надеемся установить дружеский контакт.

— Прошу прощения, капитан.

Пилот оторвался от приборов и протянул Хелен наушники.

— Кулла сообщает, что северный край стада начал менять цвет. Может быть, они начали телиться? Хелен серьезно кивнула.

— Хорошо. Двигайтесь по касательной к потоку магнитного поля.

Обогните стадо с севера, но не приближайтесь слишком близко, чтобы не вспугнуть их.

Корабль накренился. Слева появилось Солнце, превратившееся вскоре в бесконечную стену. В сторону фотосферы тянулась искрящаяся изумрудная линия, строго параллельная плоскости, в которой располагались тороиды.

— Это ионизационный след от нашего охлаждающего лазера, — пояснила Хелен, заметив вопросительный взгляд Джейкоба. — Его длина около двух сотен миль.

— Неужели у лазера такая мощность?

— Нам же приходится избавляться от огромного количества тепла. Вся суть его работы в том, чтобы нагревать небольшой участок Солнца. Иначе мы заживо сгорим. Кстати, это еще одна причина, почему мы так стараемся, чтобы стадо не оказалось впереди или позади нас. Джейкоб пристально посмотрел на капитана.

— Когда мы сможем увидеть… отел, я правильно понял?

— Правильно. Нам очень повезло. До сих пор нам лишь дважды удавалось наблюдать это явление. И оба раза в присутствии Пастухов. По-

видимому, в подобной ситуации они приходят на помощь тороидам. Поэтому представляется логичным начать поиски именно здесь. Что же касается времени, которое нам понадобится, чтобы добраться до них, то все зависит от того, насколько бурные процессы будут происходить на нашем пути. А значит, от степени сжатия времени. На дорогу может уйти день. Но если повезет, — она взглянула на панель управления, — то хватит и десяти минут. К ним подошел бортинженер с какой-то схемой.

— Пойду предупрежу Буббакуба и Милдред, — сказал Джейкоб.

— Я сообщу, когда мы определим точное время прибытия.

Джейкоб поспешил к центральному куполу, спиной ощущая пристальный взгляд Хелен.

Буббакуб и Милдред Мартин отнеслись к новости совершенно спокойно.

Джейкоб помог им перенести к пульту управления ящики с оборудованием. Инвентарь Буббакуба ошеломлял. Один прибор просто поражал загадочностью. Бесчисленные прозрачные спирали плотно теснились в ящике, всем своим видом намекая на тайну. Из двух других ящиков Буббакуб извлек круглый шлем, похоже,

специально подогнанный под голову пила, и странный предмет, вроде обломка метеорита. Одна из сторон этого «обломка» поблескивала темным стеклом.

— Существует три способа обнаружения пси-поля, — прохрипел Буббакуб.

С несвойственной ему любезностью он предложил Джейкобу сесть. — Первый основан на том, что пси-поле очень чувствительно и способно воспринимать мозговые волны на очень большом расстоянии. Вот эта штука, — мохнатая лапа ласково погладила шлем, — и помогает мне поймать и расшифровать такие волны.

— А вот это что за устройство? — Джейкоб посмотрел на загадочные спирали.

— Оно позволяет регистрировать искривление пространства-времени, возникающее по воле софонта. Подобные действия вполне возможны, хотя и крайне редки. Их называют словом «пингрли». Аналога в земных языках для него не существует. Большинству рас, в том числе и людям, совершенно незачем знать о подобных вещах. Библиотека предоставила кангрл, — Буббакуб похлопал прибор, — каждому филиалу на тот случай, если кто-нибудь решит применить пингрли.

— Это устройство способно нейтрализовать то самое уникальное явление?

— Да.

Джейкоб покачал головой. Все это ему очень не нравилось. Так, значит, существует целый класс сил, к которым для человека закрыт доступ. Одно дело — техническая отсталость, но совсем другое — осознание собственной неполноценности. Он почувствовал себя уязвленным.

— Конфедерации известно об этом ка… ка…?

— Кангрле. Да. Я получил разрешение на то, чтобы взять его с собой в экспедицию. Если он будет утерян, на Землю пришлют новый. Джейкобу стало спокойнее, ему даже начало казаться, что странный прибор выглядит довольно симпатично.

— А это что? — Он взглянул на «обломок метеорита».

— Это порк, — резко каркнул Буббакуб и быстро спрятал обломок обратно в ящик.

Джейкоб пожал плечами и подошел к Милдред Мартин.

— Он очень скрытен относительно этой штуки, — прошептала Мартин. — Я знаю лишь, что это реликвия, доставшаяся им от летаней, пятой расы в веренице предков пилов. Эта штука отно-

сится к тому периоду, когда летани еще не ушли за грань реальности.

Она постаралась резко сменить тему разговора, ослепительно улыбнувшись и громко спросив у Джейкоба:

— Ну как вам понравился инвентарь алхимика?

Джейкоб рассмеялся.

— Да, у нашего друга пила и впрямь есть философский камень. А что предложите вы для вызывания и изгнания огненных духов?

— В основном обычные устройства. Регистратор мозговых волн, датчик безынерционного движения, но он здесь скорее всего окажется бесполезен… Тахископическая камера трехмерного изображения с проектором…

— А можно взглянуть?

— Конечно, она вон в том углу ящика.

Джейкоб запустил в ящик руку и извлек довольно увесистый прибор.

Поставил перед собой, осмотрел записывающие головки.

— А знаете, — прошептал он Мартин, — ведь возможно, что…

— Что? — Она тоже понизила голос.

Джейкоб в упор взглянул на психолога.

— Если к этой штуке приспособить считыватель сетчаток, то получится отличное устройство для определения психических наклонностей.

— Вы хотите сказать, что тогда… можно будет провести тест на поднадзорность?

— Именно. Если бы я узнал об этом пораньше, то мы могли бы проверить Ла Рока прямо на Меркурии. Не пришлось бы отправлять лазерограммы на Землю и запрашивать ответ, который, возможно, действительно является фальшивкой. Мы достаточно точно смогли бы сами установить степень склонности к насилию.

Мартин неотрывно смотрела на Джейкоба, затем покачала головой.

— Не думаю, чтобы это могло что-нибудь изменить.

— Но вы ведь сами уверяли меня, что полученный ответ ошибочен! Если вдруг оказалось бы, что вы правы, то мистеру Ла Року не пришлось бы сейчас сидеть в изоляторе. Он даже мог бы отправиться с нами. И тогда у нас было бы куда больше оснований полагать, что опасность исходит от самих Призраков!

— Но ведь он пытался бежать! Вы ведь сами сказали мне, что он совершил насильственные действия!

— Насилие в состоянии паники не делает человека поднадзорным. Милли, да что с вами произошло?! Я был уверен в ваших симпатиях к Ла Року. Мартин вздохнула и отвела глаза.

— Боюсь, на Меркурии мое состояние было близко к истерике.

Навыдумывала черт знает что! Какой-то заговор против Питера… Я до сих пор не могу поверить, что он поднадзорный, но при этом я уже не считаю, что все было подстроено. В конце концов, не могу представить, кому выгодно обвинять Питера Ла Рока в убийстве несчастного шимпанзе?! Джейкоб с интересом разглядывал непривычно смущенное лицо Мартин. Он не понимал, почему изменилась позиция психолога.

— Ну, например, истинному убийце, — негромко сказал Джейкоб и в ту же минуту пожалел о своих словах.

— Что вы такое говорите? — испуганно прошептала Мартин и судорожно оглянулась. На Буббакуба они не обращали внимания: пил не мог воспринимать шепот.

— Хелен де Сильва, несмотря на сильнейшую неприязнь к мистеру Ла Року, полагает маловероятным, что он мог повредить стасис-механизм на корабле Джеффа. Она склонна считать, что

в случившемся повинна недобросовестность техников, готовивших корабль к прыжку. Но…

— Так, значит, Питера выпустят за недостаточностью улик?! Это было бы прекрасно! Мы выясним правду о солярианах, и Питер напишет книгу. Все будут счастливы! Если нам удастся установить с Призраками добрые отношения, в чем я ни на минуту не сомневаюсь, то это ужасное происшествие быстро забудется! Беднягу Джеффа объявят мучеником науки, а все разговоры об убийстве прекратятся раз и навсегда! В конце концов, все это так отвратительно!

Джейкоб начал находить, что разговор с Милдред Мартин становится не менее отвратительным. Почему она так изворачивается? Куда делась ее железная логика?

— Может, вы и правы… — Он пожал плечами.

— Конечно же, я права! — Она через силу улыбнулась. — Почему бы вам не поискать Фэгина? У меня сейчас хватает дел, а ведь он еще, наверное, не знает про отел.

Джейкоб кивнул и направился на поиски кантона. По дороге он пытался выспросить у своей второй половины, что она обо всем этом думает Его собственная оговорка об истинном убийце не на шутку встревожила Джейкоба.

Фэгина он нашел на обратной стороне палубы, откуда открывался вид на фотосферу. Куст неподвижно замер перед фантастической панорамой: в красном мареве раскручивалась теряющаяся вдали спираль подокна, по которому и мчался корабль. Слева и справа, сверху и снизу колыхались заросли спикул, отдаленно напоминавшие поля слоновьей травы.

Джейкоб опустился на кушетку рядом с Фэгином. Какое-то время оба молчали, не глядя друг на друга.

Мимо проплыла очередная струйка ионизированного газа. Джейкобу в который раз пришла на ум ламинария, колышущаяся в волнах прилива. Он улыбнулся, представив, как Макой, облаченная в костюм из металлокерамики и стасис-экранов, резвится среди фонтанов пламени, оглашая солнечные ландшафты потоками сомнительных острот.

Неужели пресловутые Призраки пробездельничали целую вечность, подобно нашим дельфинам? Интересно, чем они занимались все это время? Хоровым пением? Машин у них, похоже, нет. Во всяком случае, никакой суеты, сопутствующей всякого рода механизмам, нигде не видно. Никакой организации пока тоже не наблюдается.

Только вот дельфины лишены огня. У Призраков же этого добра навалом. Зато с твердыми веществами туговато. Хорошо это или плохо? Надо будет поинтересоваться при встрече.

— Вы как раз вовремя. Я собиралась послать за вами.

Грациозная фигура капитана красиво вырисовывалась на фоне розовой дымки.

Совсем близко от корабля наблюдался живописный хоровод тороидов. Эта группа отличалась от остальных. Вместо пассивного дефилирования в огненном океане бублики явно старались протиснуться в центр их скопления. Когда один из них чуть отодвинулся, Джейкоб увидел то, к чему они стремились. Этот магнитоядный был значительно крупнее остальных. На его поверхности вместо уже знакомого мельтешений геометрических форм лениво колыхались плавные тайные и светлые полосы. Тороиды поменьше теснились вокруг, сохраняя некоторую дистанцию, будто их удерживала какая-то внешняя сила.

Де Сильва что-то тихо приказала пилоту. Тот склонился над пультом, корабль начал медленно поворачиваться вправо, так, чтобы фотосфера оказалась внизу. Джейкоб почувствовал облегчение: как бы ни старались гравитационные

устройства, он никак не мог избавиться от ощущения, что ползет по стене.

Магнитоядный, которого Джейкоб уже окрестил про себя Гулливером, вращался так, словно рядом с ним никого не было. Его движения были ленивы, он чуть раскачивался из стороны в сторону.

Светлый нимб, окутывавший другие тороиды, у Гулливера был едва заметен, тускло мерцая у самой поверхности тела. Темные и светлые полосы пульсировали, разбегаясь волнами неправильной формы. Каждая такая вспышка эхом отдавалась в толпе тороидов. Геометрические фигуры на их телах застыли сплетением ромбов и спиралей, полыхая изумрудным сиянием в такт нарастающему ритму Гулливера.

Внезапно один из тороидов-спутников, засияв зеленым пламенем, рванулся к гиганту. В то же мгновение навстречу ему вылетел сноп сверкающих синих брызг. Сгустки света небесного оттенка заплясали около тороида, словно отталкивая дерзкого наглеца. Сияющие точки, подпрыгивая, будто капли воды на раскаленной сковороде, образовали эскорт вокруг него, постепенно оттесняя назад. Через несколько секунд нарушитель скрылся под палубой.

Корабль, повинуясь командам пилота, начал разворачиваться в сторону ближайшего светового сгустка, до которого было не больше мили. И вот тут Джейкоб отчетливо увидел существо, о котором столько слышал. Солнечный Призрак казался совершенно бесплотным, движения его были плавны и уверенны. Буря, бушевавшая в хромосфере, была для него легким ветерком, из-за которого не стоило суетиться. Он так же сильно отличался от весьма материальных тороидов, как порхающая бабочка отличается от неуклюжего детского волчка.

Джейкоб рассматривал это странное создание, и в голову ему приходили какие-то неуместные сравнения: Призрак напоминал ему то медузу, то пляжное полотенце, забытое на солнце, выбеленное до прозрачной голубизны и полощущееся на ветру, то осьминога, резвящегося в родной морской стихии. Но больше всего он напоминал солнечный луч на поверхности моря — такой же невесомый и эфемерный.

Призрак слегка пульсировал. Какое-то время он медленно двигался в направлении корабля, затем остановился.

«Он смотрит на нас, — понял Джейкоб. — Смотрит так же, как мы смотрим на него». Мгновение

создание из огня и существа, состоявшие в основном из воды, пристально разглядывали друг друга.

Затем Призрак заколыхался, и палубу вдруг озарила ослепительная многоцветная вспышка, полностью растворившая красную хмарь. Глазам стало больно. Джейкоб вскинул руку, защищаясь от невыносимого сияния. Так вот как выглядит радуга изнутри!

Световая феерия прекратилась столь же внезапно, как и возникла. В красном мареве плавали вращающиеся тороиды. Отчетливо различалась структура волокна. Призраки исчезли. Нет, не исчезли, они лишь вернулись к своему Гулливеру — едва заметные искры плясали вдоль его тела.

— Он… выстрелил в нас! Это же лазер! — Пилот первым пришел в себя.

— Они никогда еще так не поступали!

— Да, но они никогда и не приближались к нам так близко, — откликнулась Хелен, — и вообще, нельзя утверждать ничего конкретного. Откуда мы можем знать, что все это означает?

— Вы полагаете, он хотел причинить нам вред? — нерешительно спросила Мартин. — Может быть, это предупреждение?

— Не знаю. Возможно, и так…

— А может, он просто вернулся к своему подопечному? Обратите внимание, все его спутники вернулись к магнитоядному одновременно. Хелен покачала головой.

— Не знаю, но думаю, что мы можем остаться здесь и продолжить наблюдение. Посмотрим, что они станут делать, когда закончат с этим тороидом.

Гулливер, продолжая вращаться, раскачивался из стороны в сторону все сильней и сильней. Полосы на его поверхности стали отчетливее, причем темные линии становились все тоньше, а светлые, наоборот, с каждой пульсацией набухали. Еще два раза пастухи яростно отгоняли слишком ретивых подопечных. Они напоминали овчарок, загоняющих настырных баранов. Тороид раскачивался все быстрее, темные полосы превратились в едва заметные линии. Ореол вокруг тороида окончательно потускнел. Призраки сгрудились вокруг Гулливера. Когда угол колебаний достиг почти ста восьмидесяти градусов. Призраки накинулись на беднягу и резко перевернули. Теперь гигант вращался вокруг оси, перпендикулярной магнитному полю, постепенно замедляясь. А затем вдруг распался на части, подобно порванному ожерелью. Родительское

тело все еще вращалось, одна из темных полос разорвалась, и как только очередная белая полоса доходила в своем вращении до точки разрыва, на свободу вырывался самостоятельный бублик. Новые тороиды выкидывались вверх, вдоль оси невидимого магнитного поля, и немедленно уносились прочь. А от Гулливера не осталось уже и следа. Около пятидесяти маленьких бубликов яростно вращались под присмотром небесно-голубых сияющих Пастухов. Движения тороидов были неустойчивы, в центре каждого из них неуверенно мигал зеленый огонек. Нескольким младенцам удалось ускользнуть от бдительных стражей. Один, самый ретивый, вырвавшись из охраняемого круга, направился в сторону притаившихся взрослых тороидов. Джейкоб надеялся, что ему удастся подойти вплотную к кораблю. Только бы взрослые пропустили новичка! Словно услышав его мысли, один из взрослых тороидов сжался, застыв чуть ниже возможной траектории младенца. Когда новорожденный, не подозревая ничего дурного, приблизился, на поверхности взрослого тороида бешено запульсировали ярко-зеленые ромбы. В следующее мгновение тороид взмыл вверх на столбе изумрудного пламени. Юнец попытался удрать, но было слишком позд-

но. В отчаянии он выпустил в направлении своего обидчика слабенький зеленый лучик. Взрослый, не обратив на это никакого внимания, настиг младшего собрата, в мгновение ока затянул его в пульсирующую дыру, выпустив напоследок облачко пара.

Джейкоб обнаружил, что стоит, затаив дыхание. Он глубоко вздохнул.

Пастухи перестроили ряды своих подопечных и потащили их в сторону. Несколько Призраков остались удерживать нетерпеливых взрослых. Джейкоб завороженно наблюдал за вполне осмысленными действиями сияющих существ, пока толстое волокно не закрыло обзор.

— Пора начинать отрабатывать затраченные на нас средства, — пробормотала Хелен. Она повернулась к пилоту. — Держите оставшихся Пастухов в плоскости палубы. И попросите Куллу смотреть в оба. Мы должны знать, не приближается ли кто-нибудь снизу.

Смотреть в оба? Джейкобу понадобилось не меньше секунды, чтобы сообразить, что имеется в виду. Из какой же далекой эпохи эта женщина?

— Пора! — скомандовала она тем временем. — Начинаем приближаться!

— Вы полагаете, они поймут, что мы специаль-

но дожидались, когда они закончат со своими делами? — спросил Джейкоб. Хелен пожала плечами.

— Кто знает? Может быть, они и вовсе считают нас какой-нибудь робкой разновидностью тороидов, а о наших предыдущих сообщениях даже и не помнят.

— А Джефф?

— Возможно, они и о Джеффе ничего не помнят. Это не так уж невероятно. У меня нет причин сомневаться в словах доктора Мартин о наличии разума, зарегистрированного ее прибором. Но что это значит? Зачем в подобной среде, куда более простой, чем земной океан, нужны семантические навыки? Или память? Угрожающие жесты, которые мы наблюдали во время предыдущих прыжков, не обязательно свидетельствуют о хорошо развитом интеллекте. Вполне возможно, что Призраки находятся на уровне земных дельфинов, не подвергшихся Развитию. Хорошие умственные способности и полное отсутствие желания развивать их. Давно следовало привлечь человека, имеющего отношение к Центру Развития!

— Вы рассуждаете так, словно эволюционирующий разум — это единственно возможный

путь, — улыбнулся Джейкоб. — Даже если вы решили проигнорировать галактическую точку зрения на этот счет, почему бы просто не рассмотреть иную гипотезу?

— Вы хотите сказать, что Призраки сами могут, оказаться продуктом Развития? — Хелен потрясенно взглянула на него, но уже через секунду, осознав скрытый подтекст, пришла в себя. Глаза ее сверкнули. — Но если это так…

Она не успела договорить — пилот взмахнул рукой.

— Они начали движение.

В облаке раскаленного газа порхали Призраки. Они лениво парили над фотосферой на высоте в сто тысяч миль. Призраки двигались медленно, сократив расстояние лишь настолько, что стал виден их бледный ореол. Послышался шелест. Джейкоб оглянулся. К ним подошел Фэгин.

— Будет очень прискорбно, — тихо пропел кантен, — если окажется, что такая красота запятнала себя преступлением. Мне было бы очень неприятно. Джейкоб кивнул.

— Ангелы чисты… — начал он.

Кантен певуче подхватил:

— Ангелы чисты…

— Кулла сообщает, что они к чему-то готовят-

ся. — Пилот поправил наушники.

Прядь темного газа быстро перемещалась перед кораблем, на какое-то время скрыв Призраков. Когда облако рассеялось, вблизи корабля осталось лишь одно световое создание, остальные быстро удалялись. Оставшийся Призрак не двигался, явно выжидая, когда корабль сам приблизится к нему. Он отличался от своих собратьев: его тело не было таким прозрачным, он выглядел как-то солиднее и весомее, движения его были неторопливы и осмотрительны. Он ждал.

«Посол», — промелькнуло в голове у Джейкоба.

— Держите его в плоскость корабля, — отрывисто приказала де Сильва. — Не дайте ему ускользнуть из поля зрения приборов. Пилот бросил на нее мрачный взгляд. Корабль начал медленное вращение. Призрак пришел в движение. Казалось, его трепещущее веерообразное тело отталкивается от плазмы. Он был похож на птицу, готовую вот-вот взмыть вверх.

— Он играет с нами, — пробормотала Хелен.

— Почему вы так решили?

— Потому, что ему не нужно предпринимать столько усилий, чтобы оставаться у нас над головой.

Она приказала ускорить вращение. С правой

стороны стеной выросло Солнце. Призрак продолжал подниматься все выше и выше. Солнце уже дошло до верхнего положения и снова скрылось из виду. Затем все повторилось снова. Существо умудрялось двигаться совершенно синхронно с кораблем, все время оставаясь чуть выше плоскости палубы.

Скорость вращения корабля росла.

День и ночь сменялись на корабле за какие-то считанные секунды. Джейкобу стало жарко. Призрак продолжал игру. Фотосфера освещала палубу с частотой стробоскопической лампы.

— Хорошо, прекращаем, — процедила сквозь зубы де Сильва. Вращение замедлилось. В момент остановки Джейкоб с трудом удержался на ногах. Ему вдруг показалось, что по кораблю пронесся холодный ветерок. Сначала жар, потом озноб… Неужто он заболевал?

— Он победил, — ровным голосом произнесла Хелен, — как обычно, но попытка не прошла впустую. Иногда мне хочется проделать то же самое, но не отключая охлаждающий лазер. Интересно, что с ним станет, когда скорость приблизится к световой?

— Вы… вы хотите сказать, что, пока корабль вращался, охлаждение не работало? — На этот

раз Джейкоб не выдержал и слегка оперся о ствол Фэгина.

— Конечно, — ответила Хелен, — не думаете же вы, что мы стремимся поджарить несколько десятков ни в чем не повинных тороидов и Пастухов? Именно поэтому мы и ограничены во времени. В противном случае мы могли бы до скончания века играть в прятки!

Последнюю фразу Джейкоб не понял. Ох, уж эти архаизмы! На досуге он решил поразмыслить над интересной проблемой, в чем кроется очарование этой женщины: в ее хладнокровии и решительности или же в удивительной старомодности? Джейкоб облегченно вздохнул. Так или иначе, но никакой простуды нет и в помине. Просто на несколько мгновений Солнце допустили на борт Приятно сознавать, что все это уже позади.

Глава 16
...И О ВИДЕНИЯХ

— Нам удалось получить только очень размытое изображение. Видимо, внесли искажения стасис-экраны. Призрак выглядит сильно искривленным. Но во всяком случае, — бортинженер протянул снимки капитану, — нам удалось его

зафиксировать.

Де Сильва взглянула на фотографию. Карикатура на человека: тощее тело, тонкие рахитичные ноги, длинные руки, несоразмерно большие, неловкие кисти, готовые вот-вот сжаться в кулаки.

Хелен передала снимок Джейкобу. На снимке вместо глаз — зияющие провалы, рот распахнут в беззвучном крике. Дыры на лице выглядели черными, но в действительности они светились темно-красным сиянием хромосферы. Джейкоб поежился, вспомнив дьявольский огонь, полыхавший в глазах этого странного существа.

— Нужно отметить, — продолжал бортинженер, — что существо прозрачно.

Лучи альфа-линии водорода свободно проникают сквозь его тело. Это хорошо видно в области глаз и рта, так как в этих местах собственный синий спектр Призрака не забивает красную область. Но, насколько мы можем судить, остальные части тела Призрака также не являются преградой для красной линии.

— Что ж, будем считать это установленной характеристикой Призрака, если таковая вообще возможна. — Джейкоб вернул снимки. В сотый раз глянув вверх, он спросил:

— Вы уверены, что он вернется?

— Они всегда возвращаются, — кивнула Хелен, — еще ни разу не ограничивались одним выпадом.

В креслах неподалеку расположились Мартин и Буббакуб, готовые в любой момент облачиться в свои пси-шлемы. Кулла, освобожденный наконец от дежурства, без сил откинулся на кушетке, посасывая какой-то голубоватый напиток. Глаза прингла устало поблескивали.

— Полагаю, нам всем следует отдохнуть, — решительно сказала Хелен, — не то рискуем повредить себе шею, непрерывно задирая голову. А шея нам еще пригодится, ведь Призрак наверняка появится сверху. Джейкоб опустился в кресло рядом с Куллой. Отсюда он мог наблюдать за Милдред Мартин и Буббакубом. Когда Призрак появился в первый раз, эти двое мало что успели. Как только солнечный сгусток оказался в высшей точке над кораблем, с ним произошла удивительнейшая метаморфоза. Световой блик в мгновение ока обрел очертания человеческой фигуры, более того, возникший «человек» явно угрожал кораблю. Но едва Мартин успела надеть шлем, как существо, бросив прощальный злобный взгляд, погрозило кулаком и растаяло без следа.

Но Буббакуб, успев проверить в работе свой кангрл, важно объявил, что солярианин не применял страшное пси-оружие, противодействовать которому и предназначен был аппарат пила. «Что ж, и на том спасибо», — мелькнуло в тот момент в голове у Джейкоба, все еще не пришедшего в себя после удивительной метаморфозы, происшедшей с безобидным, казалось бы, солнечным зайчиком. Буббакуб на всякий случай не стал выключать кангрл. Джейкоб с наслаждением откинулся в кресле и опустил спинку, устроившись поудобнее. Прямо перед глазами сияло розовое небо, полное перистых облаков нежнейших оттенков. Было приятно сознавать, что сила таинственного пингрли не вышла наружу. Но почему Призрак так странно себя повел? Джейкобу вдруг пришло в голову, что, может, Ла Рок в самом деле прав… и солярианe прекрасно знают, как надо себя вести с людьми, знают с незапамятных времен… Люди, разумеется, никогда прежде не бывали на Солнце, но где гарантия, что эти странные огненные существа сами не навестили старушку Землю? И не взрастили там цивилизацию гуманоидов? Звучит, конечно же, чересчур фантастично, но ведь и сам проект «Прыжок в Солнце» поначалу тоже казался полным абсурдом.

Да, но если в гибели Джеффа виновен не Ла Рок, а Призраки, то история может повториться снова.

Джейкоб надеялся, что если все обстоит именно так, то Ла Рок прав и в остальном: соляриане могут оказаться более сдержанными, имея дело с людьми, пилами и кантенами. Джейкоб решил, что при следующем появлении Призрака стоит попробовать свои силы в телепатии. Однажды он уже делал подобную попытку, но не обнаружил у себя никаких талантов к пси. Что было довольно странно, учитывая необычайные гипнотические способности и отличную память, которыми он обладал. Что ж, стоит попробовать еще раз. Слева от себя он уловил легкое движение. Джейкоб скосил глаза. Кулла, не отрывая красных глаз от сияющей хромосферы, поднес к губам микрофон.

— Капитан, по-моему, он приближается. Координаты сто двадцать на тридцать градусов. Прингл устало уронил тонкую руку, гибкий шнур микрофона быстро втянулся в подлокотник кресла.

В эту минуту корабль окутала прядь темного газа, и красное свечение на палубе ненадолго ослабло. А когда корабль вынырнул из облака, вдали снова маячил Призрак. Солярианин

стремительно двигался навстречу кораблю. На этот раз Призрак светился значительно ярче, а очертания его тела выглядели еще более причудливыми. Вскоре голубое сияние начало резать глаза. Призрак неумолимо приближался. Джейкоб почувствовал, как нарастает напряжение, и прикрыл глаза. Когда он снова взглянул на солнечную панораму, световой блик исчез. Вместо него колыхалась высокая человеческая фигура, глаза и рот удивительного существа полыхали раскаленными углями. Синий человек угрожающе парил прямо над кораблем, вне зоны регистрации приборов. Прошло несколько томительных минут. От странного создания исходила явная недоброжелательность. Джейкоб чувствовал ее! Внезапно сзади раздалось проклятие. Он резко обернулся. Милдред Мартин в ярости сорвала с головы пси-шлем:

— Черт бы его побрал! Слишком сильные шумы! Только мне показалось, что я что-то нащупала, как тут же все потонуло в каком-то грохоте!

— Не мешайте! — Буббакуб сверкнул на нее агатовыми бусинами.

Водор пила лежал на подлокотнике кресла. Сам Буббакуб напряженно всматривался в маневрирующего над головой Призрака.

— Пси этого существа отличается от человеческого. Ваши старания, похоже, вызвали у него боль, а, может, и ярость! Джейкоб вскочил на ноги.

— Вы установили с ними контакт? — хором воскликнули они с Мартин.

— Да, — прохрипел черный диск с подлокотника кресла. — Не мешайте! — Буббакуб прикрыл глаза. — Сообщите, если он начнет двигаться. Повторяю, только если начнет двигаться. Помолчите.

Джейкоб переводил взгляд с Призрака на Буббакуба и обратно. Интересно, о чем они беседуют? О чем вообще можно разговаривать с пламенем свечи?

Внезапно солярианин начал лихорадочно взмахивать прозрачно-голубыми «руками», огненно-красный «рот» задвигался. На этот раз изображение Призрака было более четким, не наблюдалось никаких искажений. Похоже, он сумел приспособиться к стасис-экранам. Джейкоб не думал, что означает этот факт для безопасности корабля.

Внезапно слева что-то ослепительно блеснуло. Джейкоб судорожно нащупал микрофон и рывком вытянул шнур из паза.

— Хелен, взгляните на точку сто восемьдесят на шестьдесят пять.

По-моему, нас стало больше.

— Вижу, — раздался спокойный голос де Сильвы. — Пока он вполне обычного вида. Посмотрим, что будет дальше.

К кораблю осторожно приближался второй Призрак. Его волнисто-аморфные очертания напоминали нефтяное пятно, разлившееся на поверхности воды. В новичке не было ничего человеческого.

Милдред Мартин тихо вскрикнула и быстро натянула на голову шлем.

— Как вы думаете, стоит сказать Буббакубу? — быстро спросил ее Джейкоб.

Она взглянула на дремлющего, казалось, пила, затем перевела взгляд на Призрака-"человека". Тот все еще размахивал «руками», но с места так и не сдвинулся. Мартин отрицательно качнула головой.

— Нет, он ведь подчеркнул, что только когда начнет двигаться его подопечный. — Она нетерпеливо взглянула на новичка. — Пожалуй, мне стоит заняться вот этим, а Буббакуба не будем тревожить. У Джейкоба такой уверенности не было. На данный момент только пил получил

положительный результат. Желание Милдред Мартин скрыть от Буббакуба появление второго Призрака выглядело довольно подозрительно. Неужели она завидует успеху чужака?

Он пожал плечами. Пускай сами разбираются.

Второй Призрак очень осторожно, часто останавливаясь, приближался к собрату, полностью поглощенному своим театрализованным представлением. Джейкоб оглянулся на Куллу. Ему-то по крайней мере можно сообщите об открытии? Казалось, прингл загипнотизирован «человеком». Но почему Хелен не объявила новость во всеуслышание? И где Фэгин? Будет очень обидно, если старина что-нибудь пропустит в этом захватывающем спектакле. Где-то над головой опять сверкнула ослепительная вспышка. Кулла зашевелился. Джейкоб вскинул глаза. Второй Призрак бесследно исчез, а первый быстро удалялся, растаяв вскоре в красном мареве хромосферы.

— Что произошло? — Джейкоб был удивлен и отчасти разочарован. — Я отвернулся буквально на секунду и…

— Не жнаю, друг Джейкоб. Я пыталшя понять, нельжя ли в поведении этого шущештва найти ключ… и тут появилшя второй. Первый атаковал его пучком швета и жаштавил отштупить, а по-

том и шам обратилшя в бегшство!

— Вам следовало сообщить мне о втором Призраке, — недовольно буркнул Буббакуб. Он уже встал, и снова нацепил водор на шею. — Хотя сейчас это и не так важно. Я уже знаю все, что нужно. Надо рассказать человеку де Сильве.

Он повернулся и вперевалку направился к командному пульту. Джейкоб вскочил и последовал за ним Фэгин оказался рядом с Хелен.

— Ты видел? — шепотом осведомился у приятеля Джейкоб.

— Да-да, дружище, — возбужденно зашелестел кантен, — я все отлично разглядел и сейчас с нетерпением жажду услышать, что удалось узнать нашему уважаемому другу пилу.

Буббакуб театрально взмахнул коротенькой лапкой, дабы привлечь всеобщее внимание, что сейчас, впрочем, было совершенно излишне.

— Призрак сообщил мне, что их раса очень стара. Как я и предполагал.

Да, это очень старая раса. — В хрипе водора слышалось явное удовлетворение.

«Уж это-то, — подумал Джейкоб, — ты выяснил в первую очередь».

— Соляриане утверждают, что это они убили шимпанзе. Так же, как и человек Ла Рок. Если

люди не оставят Призраков в покое, то их тоже убьют.

— Что? — воскликнула Хелен. — Как такое может быть? Как Ла Рок и Призраки могут быть одновременно виновны в убийстве Джеффа?

— Прошу вас сохранять спокойствие! — Даже в искусственных интонациях водора Джейкоб явственно уловил угрозу. — Солярианин сообщил мне, что это они вынудили человека совершить убийство. Они дали волю его ярости. Они внушили Ла Року мысль об убийстве. И это они раскрыли ему правду.

Милдред Мартин, пропустившая примечательную сцену, напряженно внимала рассказу Джейкоба.

— ...В конце концов Буббакуб сказал, что существует только один способ, с помощью которого Призраки могли оказать влияние на Ла Рока на таком огромном расстоянии. И если они и впрямь прибегли к нему, то, как заявил наш друг пил, становится понятным, почему в Библиотеке отсутствуют какие-либо упоминания о солярианах. На применение этой силы наложен строжайший запрет. Исключений нет ни для кого. Буббакуб предполагает оставаться здесь до тех пор, пока, не удастся получить подтверждения этому от-

крытию. Ну а потом надо будет уносить ноги.

— Что же это за сила? — Мартин судорожно вертела в руках несовершенный пси-шлем землян.

Джейкоб заметил, как Кулла из своего кресла внимательно прислушивается к их разговору.

— Не знаю. Но это не пингрли, о котором нам с вами рассказывал Буббакуб и который частично разрешен. Кроме того, радиус действия пингрли не столь уж и велик. Мне кажется, Буббакуб собирается воспользоваться своим философским камНем. — Вы имеете в виду реликвию летаней?

— Да.

Мартин покачала годовой и попыталась отломать застежку шлема.

— Все так запутано. Я ничего не понимаю. С того момента, как мы вернулись с Земли на Меркурий, все пошло наперекосяк. Словно все вдруг решили разом сбросить маски.

— Что вы имеете в виду?

Парапсихолог замялась, зябко поведя плечами.

— Никто ни в ком не уверен… Я была убеждена, что нелепые наскоки Питера на Джеффри столь же безобидны, сколь и искренны. Теперь же выясняется, что все совсем иначе… Поступки Питера оказались не такими уж безобидными, но действовал он при этом вовсе не по своей воле. И

его бредовые идеи насчет соляриан обернулись вдруг правдой, но и они, как выясняется, были навязаны ему извне.

— Вы считаете, что Призраки — это наши исчезнувшие опекуны?

— Кто знает? Если это так, то мы окажемся в очень неприятном положении. Нам ведь вряд ли удастся установить с ними непосредственный контакт.

— Значит, вы принимаете рассказ Буббакуба без всяких оговорок?

— Конечно! Ведь только он сумел вступить с ними в контакт. Кроме того, я неплохо изучила Буббакуба. Он ни под каким видом не стал бы вводить нас в заблуждение! Истина — дело его жизни! Джейкобу стало теперь совершенно ясно, что значила ее предыдущая фраза. Доктор Мартин попросту была перепугана. И перепугана очень сильно.

Он сделал новую попытку:

— Милли, вы абсолютно уверены, что только Буббакубу удалось вступить в контакт с Призраками? Она вздрогнула и резко отвела взгляд.

— Судя по всему, здесь только он способен был сделать это.

— Тогда почему вы остались сидеть здесь в

пси-шлеме, когда Буббакуб отправился хвастать своими успехами?

— Похоже на допрос с пристрастием! Да если хотите знать, я осталась, чтобы сделать еще одну попытку! Меня просто одолела черная зависть, и захотелось попробовать еще раз! Но все безрезультатно. — Она поникла. Но Джейкоба ее горячность не убедила. Ему было абсолютно ясно, что Милдред Мартин чего-то недоговаривает.

— Доктор Мартин, позвольте задать вам один вопрос. Что вам известно о лекарстве под названием «варфарин»?

— И вы туда же! — Она покраснела. — Я уже говорила главврачу базы, что не имею ни малейшего понятия об этом препарате. Каким образом оно оказалось в аптечке Кеплера, я не знаю. И я не уверена, что оно там вообще было.

Она отвернулась.

— Думаю, мне стоит отдохнуть. Если вы, конечно же, не возражаете, мистер Демва. Мне понадобятся силы, когда соляриане появятся вновь.

У автоматов с напитками Джейкоб нашел Куллу. Огромные красные глаза сочувственно поблескивали.

— Вы чем-то раштроены, друг Джейкоб?

— Вовсе нет. Но почему вы спрашиваете?

Кулла выглядел очень усталым. Узкие плечи поникли, большая голова вяло покачивалась на тонкой шее-стебельке, лишь глаза горели все так же ярко.

— Надеюшь, вы не приняли ближко к шердшу новошть?

Джейкоб оперся об один из автоматов и заглянул чужаку в лицо.

— Что я не должен принимать близко к сердцу, Кулла? Утверждения Буббакуба — всего лишь констатация факта Вот и все. Я буду очень разочарован, если это открытие повлечет за собой свертывание проекта «Прыжок в Солнце». Мне хотелось бы проверить истинность слов уважаемого Буббакуба. Тогда и только тогда я смогу сказать, согласен ли с ним или нет… И уж, конечно же, надо как следует порыться в Библиотеке. Сейчас же меня прежде всего одолевает любопытство.

Вопрос Куллы вывел его из себя. Внезапно заболели глаза — начинало, по-видимому, сказываться слишком долгое пребывание в красном диапазоне. Кулла медленно покачал головой.

— Мне кажетша, это не шовшем так. Прошу проштить мою нажойливошть, но вы и в шамом

деле выглядите раштроенным, друг Джейкоб. Джейкоб разозлился.

— К чему вы клоните? — Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос прозвучал ровно.

— Джейкоб, вы вшегда прикладывали макшимум ушилий, чтобы шохранять нейтралитет в прешловутом шпоре между предштавителями вашей рашы. Но ведь у вшех шофонтов вшегда имеетша швое мнение. Вас шильно уяжвило, что Буббакубу удалошь уштановить контакт ш шолярианами, а люди потерпели неудачу. Хотя вы никогда не вышкажывали швоего мнения по проблемам проишхождения, я жнаю: вы вряд ли будете рады открытию, что у человечештва вше-таки были опекуны.

Джейкоб пожал плечами.

— Верно, Кулла, меня до сих пор не убедили в том, что соляриане, в туманном прошлом начав Развитие человечества, затем взяли и бросили своих подопечных на произвол судьбы. Странное поведение, лишенное всякого смысла.

Джейкоб устало потер висок. Он чувствовал приближение головной боли.

— На протяжении всей экспедиции люди ведут себя крайне странно.

Кеплер страдает какой-то необъяснимой исте-

рией и находится в слишком большой зависимости от Мартин. Ядовитость Ла Рока превзошла все мыслимые границы. Сама Милли Мартин то страстно защищает журналиста, то отступается от него, словно опасаясь сказать что-то, способное задеть Буббакуба. Никак не могу взять в толк… — он замолчал.

— Возможно, во вшем этом как раж и повинны шоляриане. Ешли они шмогли вынудить миштера Ла Рока шовершить убийштво, то им вполне по шилам выжвать и другие отклонения в поведении людей.

Джейкоб сжал кулаки. Он уже едва сдерживал гнев. Взгляд красных глаз Куллы угнетал, ему вдруг захотелось немедленно уйти.

— Прошу вас не прерывать меня, прингл Кулла, — жестко сказал он, заставив себя смотреть прямо в полыхающие глаза чужака. Кулла съежился под его яростным взглядом. Что-то здесь было не так. Но что? У Джейкоба закружилась голова, ему хотелось сказать что-то очень важное, но мысли путались. Он встряхнулся, туман в голове немного рассеялся. Взглянул на Куллу, тот немного отодвинулся в сторону, по-прежнему не сводя с него пристальных изучающих глаз. Джейкоб оглянулся.

Мартин и Буббакуб снова сидели рядом. Оба смотрели в его сторону.

Мартин что-то быстро говорила.

Вот дрянь! Небось рассказывает напыщенному глупцу об их разговоре. Ну и подхалимка!

К ним подошла Хелен де Сильва и отвлекла их внимание от Джейкоба. На мгновение ему стало лучше. Общество Куллы становилось все более нестерпимым. Как это ни прискорбно, но придется вспомнить о своем положении представителя старшей расы. Пора поставить этого подопечного на свое место!

Де Сильва теперь направлялась прямо к автоматам с напитками. Черные глаза-бусины Буббакуба снова уставились на Джейкоба. Он бесцеремонно повернулся к пилу спиной. «А пошли бы они все куда подальше! Я хочу пить и вовсе не желаю устраивать из этого представления. Уроды!» Автомат с напитками поплыл перед глазами. Внутренний голос яростно кричал о надвигающейся опасности, но Джейкоб предпочел сделать вид, что ничего не слышит, с деланной беззаботностью рассматривая пластиковый корпус автомата. «Какое странное устройство. Надеюсь, оно отличается от своего подлого родственника с „Брэдбери“. Какие удивительные кнопки… но

почему они висят в воздухе… и где…» Джейкоб протянул руку, чтобы дотронуться до кнопки, но в следующее мгновение резко отдернул. «Нет! Нет-нет-нет! Надо прочитать надпись! Так, что я хотел? Кофе?» Едва слышный внутренний голос высказался в пользу гировида. «Гировид? Что ж, прекрасное питье! Приятно на вкус, и на ногах буду стоять тверже. Отличный напиток для путешественника в мир галлюцинаций».

Джейкоб снова неуверенно потянулся к кнопке. Палец покачивался из стороны в сторону, но никак не мог попасть. Внутренний голос хихикнул. «Скотина, ты что, издеваться вздумал? Да кто ты вообще такой? Откуда ты взялся?» Джейкоб решительно надавил на красную кнопку. Послышался звук льющейся жидкости.

Ну и компания здесь собралась? Даже поговорить не с кем! Не с этим же выскочкой Куллой! И не с этим напыщенным мохнатым снобом илисто холодной, точно выловленная форель, подружкой-докторшей! Уж с ними-то точно не захочется разговаривать! А Фэгин тоже хорош, затащил в такую дыру. Ну и пекло!

Джейкоб пошатнулся, но все-таки удержал стакан и быстро глотнул прохладной жидкости.

Время то неслось вскачь, то почти останавли-

валось. Он чувствовал необъяснимую и такую приятную легкость во всем теле, словно тяжелая ноша на плечах внезапно исчезла. Джейкоб широко улыбнулся подошедшей Хелен и повернулся к Кулле. Позже надо будет извиниться за грубость. Он приветственно взмахнул стаканом, расплескав половину его содержимого.

— …Они зависают вот над этим местом, как раз у самой границы зоны видимости наших приборов. — Джейкоб понял, что Хелен обращается к нему. — Мы готовы к такому обороту, так что вам, быть может, лучше…

— Джейкоб, оштановитешь, — вскрикнул неожиданно высоким фальцетом Кулла.

Хелен рванулась вперед и схватила Джейкоба за руку. Кулла попытался отобрать у него стакан.

«Вот грубияны», — добродушно подумал Джейкоб, легко оттолкнув тщедушного прингла. Сейчас он покажет этой девяностолетней старушенции и инопланетному дохляку, что такое настоящий мужчина. С веселым смехом он отражал наскоки Хелен и Куллы, упорно пытавшихся лишить его амброзии. Нет, правда, что за чудесный напиток! Джейкоб снова рассмеялся. Ну до чего же они назойливы! Он отбил пару довольно подлых ударов капитана и торжествующе поднес

к губам стакан. Внезапно в ноздри ударило ужасающее зловоние. Обоняние, об утрате которого Джейкоб и не подозревал, вернулось с ошеломляющей внезапностью, погрузив его в пучину нестерпимого смрада. Он резко отдернул голову, с ужасом глядя на отвратительную пенящуюся жидкость в стакане, которую только что собирался проглотить с таким наслаждением. Рука с омерзением отшвырнула стакан. Коричневая пузырящаяся субстанция расплескалась по полу. Джейкоб растерянно оглянулся. Глаза присутствующих были устремлены на него Кулла сидел на полу, что-то умоляюще бормоча. Прекрасные волосы Хелен разметались, лицо ее раскраснелось. Откуда-то сбоку доносились нежные звуки флейты, явно чем-то огорченной. Где Фэгин? Джейкоб шагнул вперед и рухнул на палубу у ног неподвижного Буббакуба.

Он медленно, очень медленно приходил в себя. В затылке чувствовалась тупая ноющая боль. Лоб горел. Что-то прохладное и влажное коснулось лица. Джейкоб застонал и поднял руку. Чья-то теплая ладонь мягко отстранила ее. Он открыл глаза. Над ним с полотенцем в руках склонилась Милдред Мартин. Отложив полотенце в сторону, она поднесла к его губам стакан. Джейкоб от-

прянул, но в следующее мгновение потянулся к стакану. Это оказался обычный лимонад. И вкус у него был просто божественный. Он даже застонал от наслаждения. Высосав последние капли, Джейкоб оглянулся. Все кушетки были заняты. Палуба напоминала сонное царство. Он взглянул вверх, глазам предстала почти абсолютная чернота.

— Мы возвращаемся, — прошептала Мартин.

— Сколько… — Он был удивлен хриплостью своего голоса. — Сколько времени я пробыл без сознания?

— Около двенадцати часов. — Я буйствовал?

Она кивнула, подарив ему свою неизменную профессиональную улыбку. Впрочем, на сей раз в ней было что-то человеческое. Джейкоб осторожно потрогал голову. Боль не отпускала.

— Значит, мне все это не приснилось? Что я выпил?

— Аммиачную смесь, предназначенную для Буббакуба. Доза не смертельная, но выпей вы чуть больше, последствия могли бы быть очень серьезными. Вы можете объяснить, зачем вам это было нужно? Джейкоб уронил руку и попытался улыбнуться.

— В тот момент мне показалось, что это отличная идея. — Он качнул головой. — А если

серьезно, то не знаю. Что-то со мной не так, но будь я проклят, если осознаю, в чем тут дело.

— Мне следовало догадаться, что с вами неладно, когда вы заговорили об убийствах и заговорах, — кивнула Мартин. — Отчасти здесь есть и моя вина. Я должна была распознать симптомы. Это всего лишь ориентационный шок. Во время погружений на солнечном корабле есть от чего потерять голову.

Он потер глаза.

— Наверное, вы правы, но ведь кое-кто может решить, что это результат внешнего воздействия.

Мартин вздрогнула, пораженная тем, как быстро вернулась к Джейкобу способность мыслить критически.

— Да. — Она неохотно кивнула. — Комендант действительно полагает, что ваш приступ — также дело рук Призраков, решивших продемонстрировать свою силу Она даже предложила ответить им тем же. У этой теории, безусловно, есть свои достоинства, но я предпочитаю собственную.

— Я сошел с ума?

— О нет, вовсе нет! Всего лишь обычное помрачение сознания в результате дезориентации.

Кулла сказал, что за несколько минут до происшествия ваше поведение было… не совсем нормальным. К этому можно добавить и мои собственные наблюдения…

— Да, — кивнул Джейкоб, — мне нужно извиниться перед Куллой… Он не пострадал?! Нет? А Хелен?

Джейкоб попытался встать. Мартин удержала его.

— Нет, нет, со всеми все в порядке, не беспокойтесь, все озабочены только вашим состоянием.

Джейкоб со вздохом облегчения откинулся на кушетке, взгляд его скользнул по пустому стакану.

— Можно еще?

— Конечно, сейчас принесу.

Мартин исчезла. Он слышал мягкий шорох ее шагов. «Происшествие». Джейкоб сморщился от стыда и отвращения. Где-то внутри засел тревожный вопрос: ПОЧЕМУ?

В стороне послышались приглушенные голоса. Наверное, Мартин кого-то встретила у автоматов. Джейкоб знал, что рано или поздно, но ему придется погрузиться в транс, только таким путем удастся разобраться, что же произошло на самом деле. Транс скорее всего окажется очень глубо-

ким, но он необходим. Единственный вопрос, когда? Столь глубокий транс может оказать разрушительнейшее воздействие на мозг, поэтому стоило бы подождать до возвращения на Землю, где ему в нужную минуту на помощь придут опытные врачи. Но тогда полученные ответы не будут нужны ни ему самому ни «Прыжку в Солнце».

Снова послышались мягкие шаги. В поле зрения появилась Мидли Мартин и протянула ему стакан. Вслед за Мартин подошла Хелен, присела на краешек кушетки. Джейкоб поспешил уверить коменданта, что с ним все в порядке, и рассыпался в извинениях. Де Сильва сочла их совершенно излишними.

— Я и не предполагала, что вы столь хорошо владеете ББО, Джейкоб.

— Что еще за ББО?

— Борьба без оружия, — она улыбнулась, — я сама не плохо знакома с ее основами, правда, давненько не тренировалась. Но с вами мне не сравниться. Убедилась в этом на собственной шкуре. Вы были неподражаемы. Джейкоб с изумлением обнаружил, что покраснел от такого комплимента, словно юноша.

— Спасибо. Я плохо помню, что произошло, но,

по-моему, вы тоже в грязь лицом не ударили.

Они взглянули друг на друга и негромко рассмеялись.

Мартин деликатно кашлянула.

— Я полагаю, мистеру Демве сейчас нужен длительный отдых.

— Прежде чем подчиниться вам, доктор, я хотел бы кое-что выяснить.

Прежде всего скажите мне, где Фэгин? Я его не вижу.

— Он на обратной стороне корабля, — ответила Хелен, — решил подкормиться перед возвращением на Меркурий.

— Он очень обеспокоен вашим состоянием, — добавила Мартин, — и будет обрадован, когда узнает, что с вами все в порядке. Джейкоб расслабился. Он почему-то очень тревожился за своего ветвистого друга.

— А теперь расскажите, что произошло после того, как я отключился.

Женщины переглянулись. Хелен пожала плечами.

— Нас еще раз навестил солярианин. Несколько часов он порхал на границе видимости. Стадо тороидов с остальными Призраками маячило очень далеко. По правде говоря, нам была на руку

его неторопливость. У нас тут какое-то время царила суматоха из-за…

— Из-за представления, которое я вам устроил, — смущенно закончил за нее Джейкоб. — Неужели никто не попытался вступить с ним в контакт? Хелен взглянула на парапсихолога. Та едва заметно качнула головой.

— Ничего особенного не предпринималось, — поспешно продолжила Хелен, — мы еще не успели толком прийти в себя. Он вскоре исчез, а потом снова появился, на этот раз опять в своем маскарадном костюме. Джейкоб сделал вид, что не заметил, как женщины обменялись взглядами.

Внезапно ему в голову пришла неожиданная мысль.

— А вы уверены, что это один и тот же Призрак? Может, это два совершенно разных существа?! Мартин на мгновение задумалась.

— Это могло бы многое объяснить, — начала она, но тут же замолчала.

— Мы их больше не называем Призраками, — поспешно добавила Хелен. — Буббакуб уверил нас, что им это определение очень не нравится. Волна внезапного раздражения захлестнула Джейкоба, но он сумел подавить его, прежде чем

женщины успели что-либо заметить. До чего же бесплодный разговор!

— Так что же произошло, когда он снова начал угрожать?

Де Сильва нахмурилась.

— Буббакуб поговорил с ним еще раз. Затем рассердился и прогнал прочь.

— Что он сделал?!

— Он пытался вразумить солярианина. Цитировал книгу о правах опекунов и подопечных. Даже торговался. Но тот продолжал угрожать. Говорил, что отправит на Землю пси-луч, который вызовет там неописуемые катаклизмы. Наконец Буббакуб заявил солярианину, что его терпение кончилось. Он велел нам всем лечь на пол, извлек свой кусок метеорита, приказал закрыть всем глаза, произнес какое-то заклинание и все.

— Что все?

Хелен снова пожала плечами.

— Вспышка ослепительного света, жуткий грохот, аж уши заложило. Когда мы пришли в себя, солярианина и в помине не было. Он исчез! Мы вернулись туда, где паслось стадо тороидов, но и оно тоже исчезло. Нигде не было видно и следа живого.

— Совсем-совсем никого?

Джейкобу стало жалко безобидных прекрасных тороидов и их сияющих Пастухов. — Да, совсем никого. Никого и ничего, — вздохнула Мартин, — все разбежались. Но Буббакуб уверил нас, что никто не пострадал. Джейкоб пошевелился.

— Что ж, по крайней мере у нас теперь есть защитник. Сможем общаться с солярианами с позиции силы. Хелен грустно покачала головой.

— Буббакуб говорит, что никакого общения не получится. Соляриане таят в себе только зло, и если бы они могли, то уничтожили бы нас, не задумываясь.

— Но…

— А на Буббакуба мы не можем больше рассчитывать. Он сообщил этим существам, что если с Землей что-нибудь случится, их постигнет кара. Но больше он не собирается нам помогать. Реликвия летаней должна возвратиться на Пилу. — Она опустила голову и хрипло добавила:

— С «Прыжком в Солнце» все кончено.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Мера душевного здоровья – гибкость, умение учиться на собственном опыте… открытость на разумные аргументы… обращение к эмоциям… и, особенно, умение вовремя остановиться. Сущность заболевания – замороженность поведения в неизменности и ненасытности.

Лоуренс Кьюби

Глава 17
ТЕНЬ

Верстак был пуст. Инструменты, обычно разбросанные повсюду, сейчас аккуратно висели на местах. Поверхность рабочего стола так и сияла чистотой. Разобранные приборы, скинутые на пол, взирали на Джейкоба с немым укором. Главный механик с явным неодобрением наблюдал за тем, как Джейкоб хозяйничает в его святилище. Джейкобу же было не до него. Вопреки, а может, и благодаря неудаче с «Прыжком в Солнце» никто не стал возражать, когда он решил заняться

своими собственными исследованиями. Для этих целей мастерская представлялась самым удобным местом. Кроме того, только здесь Джейкоб мог укрыться от назойливого внимания Милдред Мартин. Мастерская располагалась в одной из тех огромных пещер, что напрямую соединялись с ангаром, где покоился солнечный корабль. Своды пещеры терялись далеко вверху, скрытые от глаз туманом подземных испарений. Джейкоб расчистил стол, уселся на табурет, извлек из кармана два листа бумаги и с легким вздохом положил их перед собой.

На левом листе было написано:

«Б. ПРАВ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЗРАКОВ?»

Предположение на правом листе выглядело более сложным:

«Я РЕХНУЛСЯ?»

Каждый лист Джейкоб разделил на две колонки, которые, в свою очередь, кратко озаглавил: «ДА» и «НЕТ».

Именно на эти вопросы Джейкоб и собирался дать ответы. Но без чьего бы то ни было вмешательства. По возвращении на Меркурий он старательно избегал как Мартин, так и всех остальных участников погружения. Он лишь ненадолго навестил доктора Кеплера, а затем

превратился в настоящего отшельника.

Ответить на вопрос на левом листе Джейкоб считал своей прямой обязанностью. Хотя он и не исключал возможной его связи с предположением на правом листе. С этим вторым вопросом все обстояло значительно сложнее. Джейкоб не знал, сумеет ли правильно и честно ответить на него. Он вытащил из внутреннего кармана куртки пачку бумаги и после минутного раздумья написал на чистом листе:

«ПУНКТ I. РАССКАЗ Б. ПРАВДИВ».

Ниже он перечислил все, что могло свидетельствовать в пользу этого утверждения. Список получился довольно солидным. Прежде всего Джейкоб отметил, что пил точно объяснил поведение Призраков. С самого начала было ясно, что эти создания используют какой-то тип пси-энергии. Угрожающие антропоморфные образы со всей очевидностью подразумевали знание человеческой природы. При этом погиб «только» представитель самой младшей расы — шимпанзе. И только представитель высшей расы — Буббакуб — смог установить контакт с солярианами. Все это четко согласовывалось с теорией Ла Рока. Сам же Ла Рок, как утверждал тот же Буббакуб, находился тогда под влиянием Призраков. И уж

конечно, на редкость убедительно выглядел трюк Буббакуба с реликвией летаней. Трюк неоспоримо доказывал: да, он общался с солярианином.

Вполне возможно, Призраков отпугнула простая вспышка света. Хотя Джейкоб сильно сомневался в том, что обитатель хромосферы смог вообще заметить тусклый по сравнению с окружающим сиянием огонек, пущенный с корабля назойливых пришельцев. Но исчезновение целого стада магнитоядных и остальных Пастухов наводило на мысль, что пил и в самом деле должен был воспользоваться каким-то мощным видом пси.

Каждое из этих утверждений необходимо подвергнуть тщательному анализу. Но на первый взгляд пункт I выглядел вполне правдоподобно. В таком случае пункт II был трудным орешком, ибо попросту отрицал пункт I. Джейкоб вздохнул и вывел ниже:

"ПУНКТ II. РАССКАЗ Б. ЛОЖЕН:

II-А. Б. ЗАБЛУЖДАЕТСЯ.

II-Б. Б. ЛЖЕТ".

Пункт II-А выглядел крайне проблематичным: убежденность Буббакуба не поддавалась никаким сомнениям. Разумеется, его могли ввести в заблуждение сами Призраки… Джейкоб сделал

пометку. Он совершенно не представлял, каким образом можно доказать или опровергнуть эту гипотезу, не совершая нового прыжка.

Буббакуб, горячо поддержанный Милдред Мартин, настаивал на том, что дальнейшие эксперименты без защиты реликвии летаней бессмысленны. И даже обречены. И, как ни странно, доктор Кеплер не стал им возражать. Он распорядился поставить солнечный корабль на прикол. Более того, посовещавшись с Землей, Кеплер прекратил обработку полученных данных. Мотивы руководителя проекта были совершенно непонятны Джейкобу. На новом листе он написал:

«ПОБОЧНЫЙ ВОПРОС — КЕПЛЕР?»

В течение нескольких минут Джейкоб рассматривал эти три слова, затем выругался и, скомкав лист, отшвырнул его. Очевидно, у Кеплера имелись чисто политические причины для того, чтобы ответственность за свертывание проекта целиком возложить на Буббакуба. Джейкоб вернулся к пункту II-Б. Итак, предположим, что Буббакуб лжет. Джейкоб решительно не желал отныне делать вид, что души не чает в мохнатом представителе Библиотеки. Он честно и открыто заявил самому себе, что относится к пилу с явным предубеждением и будет только рад, если пункт

II-Б окажется правдой. У Буббакуба, несомненно, имелись мотивы для лжи Тот факт, что в Библиотеке не обнаружено никаких упоминаний о солнечных формах жизни, основательно ударял по авторитету как этого уважаемого галактического института, так и самого пила. Кроме того, Буббакуб всегда противился самостоятельным исследованиям «сиротской» расы — человечества. Если бы удалось закрыть экспедицию, то обе эти проблемы разрешились бы сами собой. Авторитет галактической науки останется незыблемым, а наглые выскочки-люди получат хороший щелчок по носу.

Но в связи с этой гипотезой возникало слишком много вопросов. Во-первых, в каких пропорциях правда и ложь соединены в рассказе Буббакуба? Ясно, что трюк с реликвией летаней сработал. В чем же тогда обман?

Во-вторых, Буббакуб мог солгать только в случае, если был уверен, что не будет схвачен за руку. Галактический институт и особенно Библиотека пользовались репутацией абсолютно честных организацией. Если обман раскроется, то Буббакубу не поздоровится.

Что-то подсказывало Джейкобу: в пункте II-Б имелось зерно истины. Но перспективы в этой

области выглядели безрадостно. Итак, либо нужно доказать, что пил врет, либо с «Прыжком в Солнце» будет покончено раз и навсегда.

Джейкоб покачал головой. Ну и задача! Любая теория, основанная на утверждении, что Буббакуб лжет, должна будет объяснить и смерть Джеффа, и странное поведение Ла Рока, и его статус поднадзорного, и удивительные метаморфозы Призраков, и еще многое.

Джейкоб придвинул к себе листок с пунктом II-Б и приписал: «ДВА ТИПА СОЛНЕЧНЫХ ПРИЗРАКОВ?». Он вдруг вспомнил, что на самом деле никто не наблюдал, как «обычные» Солнечные Призраки превращаются в антропоморфных полупрозрачных созданий. Так что существовала вероятность подмены. Он быстро начал писать: «КУЛЛА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО СОЛЯРИАНЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ПСИ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ ПОВЕДЕНИЕ Л.Р. И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ОЧЕНЬ ХОРОШО». Подумав, он аккуратно переписал это утверждение в колонку «НЕТ» на листок «Я РЕХНУЛСЯ». Что ж, пора набраться смелости и взяться за вопрос о собственном душевном здоровье. Он вздохнул и принялся методично перечислять все случаи, когда с ним что-то было не так.

1. Приступ боли в Бахе. После встречи в информационном центре Джейкоб больше не прибегал к глубокому трансу. Боль вспышкой голубого сияния пробила все защитные экраны его психики и по сей день не давала ему покоя. Джейкобу было трудно разобраться в своем тогдашнем состоянии, так как его внимание тогда отвлекло появление Куллы.

2. Неуправляемый мистер Хайд. Джейкоб прекрасно понимал, что расщепление сознания на две части — лишь временное решение его застарелой проблемы Пару сотен лет назад ему, не задумываясь, поставили бы диагноз «шизофрения». Считается, что с помощью гипноза можно добиться мирного сосуществование частей расколотого сознания под контролем доминантной части личности Но Джейкоб-то хорошо знал, как часто его дикая, необузданная половина вырывается из-под власти своего добропорядочного близнеца и сама начинает играть ведущую роль. В такие минуты на свет появляется холодный, крайне самоуверенный, невероятно любопытный человек, каким когда-то и был Джейкоб Демва.

До недавнего времени выходки двойника не столько беспокоили, сколько просто смущали

Джейкоба. Например, случай, когда он стащил у Кеплера образцы лекарств, казался ему вполне логичным, поскольку в тот момент любопытство было обострено до крайности. Мистер Хайд попросту прибегнул к привычным для него методам.

Но вот разговор с Милдред Мартин наводил на мысли куда более серьезные. Либо в подозрениях, таящихся на дне его подсознания, есть доля истины, либо он и впрямь сходит с ума.

3. Случай на корабле. Что это было? Покушение на самоубийство? Как ни странно, это происшествие не особенно напугало его. При воспоминании о нем Джейкоб испытывал скорее чувство неловкости и гнева. Страха не было и в помине. Его не оставляла мысль, что кто-то решил сыграть с ним злую шутку, выставив на всеобщее посмешище.

Конечно же, это ощущение могло означать все что угодно, в том числе и отчаянную попытку самооправдания. Но вновь и вновь размышляя над происшествием, Джейкоб все больше убеждался, что ему нечего стыдиться — сцена на корабле не вызывала у него никакого внутреннего сопротивления. Но вопрос так и оставался открытым. Случившееся вполне укладывалось в общую кар-

тину душевного распада. С другой стороны, это и впрямь мог быть случай дезориентации. Диагноз доктора Мартин, преследовавшей Джейкоба даже на базе своими советами и таблетками. Ну и, наконец все это могло быть вызвано некой внешней силой.

Вместе с табуретом Джейкоб отъехал от верстака. Потребуется время. Единственный плодотворный путь — набраться терпения и ждать. Ждать, пока то, что таится на дне подсознания, не всплывет на поверхность.

Существовали и другие способы узнать правду. Но Джейкоб понимал: сначала надо решить вопрос о собственном психическом состоянии.

Он встал, пора было заняться расслабляющей гимнастикой Тай Джи Джуан. После долгого сидения на неудобном табурете затекла спина. Легкая куртка сковывала движения плеч. Он скинул ее и оглянулся, куда бы ее пристроить. У двери в кабинет главного механика увидел вешалку. Рядом тихо журчал фонтанчик с питьевой водой.

Когда Джейкоб шел мимо двери, из-за нее высунулась голова хозяина кабинета и с нескрываемым неудовольствием уставилась на него. Джейкоб вежливо улыбнулся. Голова исчезла, дверь с грохотом захлопнулась. Постоянный пер-

сонал базы после достопамятного прыжка явно не испытывал теплых чувств к приглашенным консультантам.

Джейкоб повесил куртку и склонился над фонтанчиком воды. И отчетливо услышал стук. Он поднял голову. Звуки доносились со стороны ангара, где покоился солнечный корабль. Стараясь производить поменьше шума, он направился к выступу, за которым начинался ангар. То, что он увидел, заставило его замереть. Клиновидная дверь корабля медленно отодвигалась. Внизу топтались Кулла и Буббакуб. В руках они держали какой-то длинный цилиндрический предмет. Джейкоб поспешил укрыться за выступом. Что эти двое здесь делают?

Послышался шорох выдвигающегося трапа. Он снова выглянул, чужаки со скрежетом втаскивали непонятный предмет внутрь корабля. Джейкоб прижался к стене и как следует встряхнул головой. Это уж слишком! Если придется ломать голову еще над одной загадкой, то так и в самом деле недолго свихнуться…

Послышался новый звук: заработал то ли компрессор, то ли пылесос.

Раздался грохот, как будто внутри корабля что-то передвигали. Джейкоб не выдержал и уступил

снедавшему его любопытству. Буббакуб и Кулла находились внутри корабля и не могли его видеть. Впрочем, изрядно подмоченной репутации Джейкоба уже ничто не могло повредить. В несколько прыжков он достиг трапа и неслышно подобрался к люку. На верхней площадке лег на пол и осторожно заглянул внутрь. Это и в самом деле был пылесос! Буббакуб, стоя спиной к Джейкобу, усердно толкал его вперед, а Кулла орудовал длинной насадкой. Прингл ритмично покачивал головой, тихо постукивали его фарфоровые челюсти. Буббакуб исторг из себя длинную серию тявкающих звуков. Кулла заработал энергичнее.

Джейкоб был вне себя от изумления: неужели странная парочка решила устроить генеральную уборку?! Кулла усердно водил щеткой между палубой и изогнутой стеной сферического корабля. Что он там ищет? Ведь в промежутке не могло быть ровным счетом ничего! Ну, за исключением, конечно, силового поля. Продвигаясь вдоль края палубы, Кулла и Буббакуб вскоре скрылись за центральным куполом. В любую минуту они могли появиться с другой стороны и обнаружить слежку. Джейкоб отполз немного вниз по трапу, вскочил на ноги и быстро вернулся к своему верстаку.

Если бы у него был запас времени! Джейкобу наверняка удалось бы добраться до проема между палубой и стеной корабля и взять образец пыли, которую столь усердно уничтожали чужаки. Стоило все-таки рискнуть? Эх, была бы у него камера? Но что же все-таки это значило? Похоже, у теории II-Б появились какие-то шансы… Джейкоб придвинул к себе листок и быстро начал писать: «ПОРОШОК У Б.… ГАЛЛЮЦИНОГЕН НА КОРАБЛЕ?» Он сложил листки со своими записями в аккуратную стопку и поспешил в кабинет главного механика.

Тот не выразил никакого восторга, когда Джейкоб вежливо попросил его составить ему компанию. Механик заявил, что именно в данную минуту он очень занят. На вопрос, где можно найти камеру, инженер лишь недоуменно пожал плечами. Надо было как можно быстрее найти камеру. Джейкоб вспомнил, что где-то на стене ему попадался на глаза телефонный аппарат. Не обращая больше внимания на механика, Джейкоб выскочил из кабинета. По дороге к телефону он понял, что совершенно не представляет, кому он будет звонить и что он, собственно, может сказать.

Кеплеру? Алло, доктор Кеплер? Это Демва, вы

еще помните меня? Я тот самый парень, что пытался покончить с собой на борту солнечного корабля. Да… так вот, вы не хотите полюбоваться, как пил Буббакуб занимается уборкой?.. Нет, не пойдет! Кулла и Буббакуб успеют исчезнуть. А звонок лишний раз докажет его полную невменяемость!

От такой мысли он вздрогнул. Так, может, ему и в самом деле все привиделось?! Джейкоб прислушался. Из ангара не доносилось ни звука. Так…

Внезапно из-за угла раздались пронзительные хрипы. Джейкоб узнал нильское наречие. В следующее мгновение послышался грохот. От наслаждения он даже прикрыл глаза — эти звуки были сейчас слаще любой, самой чудесной музыки. Встряхнувшись, он осторожно выглянул из-за угла ангара. Буббакуб стоял у подножия трапа, в руках он держал шланг от пылесоса. Шерсть на шее пила встала дыбом, агатовые бусины так и сверлили Куллу, суетившегося с контейнером для пыли. На полу красовалась горстка красноватого порошка. Буббакуб снова захрипел. Кулла испуганно присел и принялся быстро сгребать просыпавшуюся пыль и засовывать ее в карман своего серебристого одеяния. Джейкоб довольно улыбнулся. Буббакуб злобно

оттолкнул подопечного и затоптал остатки пыли. Затем внимательно оглядевшись (Джейкоб успел быстро втянуть голову за угол), он что-то коротко пролаял и направился к лифтам.

Вернувшись к верстаку, Джейкоб с удивлением обнаружил там главного механика, с интересом рассматривавшего его записи. Услышав шаги, инженер поднял голову:

— Что там за шум? — Он кивнул в сторону солнечного корабля.

— Ничего особенного, так, парочка В.З. решила прогуляться по кораблю.

— По кораблю? — Главный механик выпрямился. — Так вот почему вы ко мне приставали! Какого же черта вы ничего не объяснили?! — Он рванулся в сторону ангара.

— Успокойтесь, — остановил его Джейкоб. — Они уже ушли. Да и, кроме того, тут требуется деликатность. Странность — вообще характерная черта В.З.

Инженер внимательно посмотрел на него.

— Да, — медленно проговорил он, — в этом есть резон. Ну, хватит секретничать, давайте выкладывайте, что вы там видели. Джейкоб пожал плечами и подробно рассказал об увиденном.

— Ничего не понимаю, — почесал затылок

инженер.

— Не стоит тревожиться на этот счет. Потребуется не одна улика для того, чтобы расставить все по своим местам.

Джейкоб опустился на табурет и придвинул к себе чистый лист.

"ПОРОШОК У К. МОЖНО ЛИ ПОПРОСИТЬ ЕГО ОТСЫПАТЬ НЕМНОГО?

К. — ДОБРОВОЛЬНЫЙ СООБЩНИК?

ПОРОШОК!!!"

— Эй, что вы там пишете? — с любопытством спросил главный механик, уже не скрывая интереса.

— Так, охочусь за уликами.

После минутного молчания инженер снова заговорил:

— Ну у вас и выдержка! Если бы мне казалось, что я вот-вот свихнусь… На что это было похоже? Я имею в виду тот случай, когда вы попытались выпить яд.

Джейкоб поднял на него затуманенный взгляд. Этот вопрос отозвался в памяти ярчайшей вспышкой — перед его глазами вспыхнул гештальт-образ случившегося. Едкий запах нашатырного спирта щекотал его ноздри, в голове стучало. Ощущение было такое, словно он много часов

провел на слепящем свету. Джейкоб медленно восстанавливал в памяти события вчерашнего дня. Последнее, что он видел перед тем, как потерять сознание, были глаза Буббакуба. Маленькие черные бусины пристально смотрели на него из-под пси-шлема. Пил сохранял абсолютную бесстрастность. Единственный на корабле. В следующее мгновение Джейкоб пошатнулся и рухнул у его ног. Он пришел в себя и принялся записывать, но на бумаге все выходило как-то путано и нескладно. Джейкоб в сердцах перечеркнул записи и быстро начертил несколько знаков на компактном тринари.

— Прошу прощения, — он взглянул на своего собеседника, — вы что-то сказали? Тот покачал головой.

— Мне, наверное, не следует совать нос не в свое дело. Просто любопытство одолело. — Он помолчал. — Вы… вы ведь пытаетесь спасти проект, не так ли?

— Да.

— Тогда вы самый отчаянный парень в мире. — В голосе инженера прозвучала горечь. — Извините меня. Я больше не стану вам мешать.

Он повернулся, чтобы уйти. Джейкоб, поколебавшись, спросил:

— Вы не хотите мне помочь?

Инженер стремительно развернулся.

— К вашим услугам!

Джейкоб улыбнулся.

— Для начала мне нужны щетка и совок.

— Я мигом! — Добровольный помощник исчез в мгновение ока. Джейкоб в задумчивости побарабанил пальцами по столу, затем решительно собрал разбросанные листы и сунул их в карман.

Глава 18
ФОКУС

— Знаете, начальник лаборатории никому не позволяет входить туда без его разрешения. Джейкоб оторвался от своего занятия.

— Ну надо же, — он скорчил гримасу, — а я об этом и не знал! Дорогой Дональдсон, я всего лишь хочу вскрыть замок, чтобы найти нужное мне лекарство.

Добровольный сообщник, нервно прохаживаясь за его спиной, продолжал бубнить о том, что никогда в жизни ему и в голову не могло прийти, что он окажется втянутым в кражу со взломом.

Джейкоб чуть отодвинулся От двери. Комната качнулась перед глазами, ему даже пришлось

ухватиться за стену. В сумраке лабораторного коридора глаза, уставшие после возни с замком, с трудом различали предметы.

— Я уже говорил вам, Дональдсон, — несколько раздраженно сказал он, — у нас нет выбора. Какие улики мы можем предъявить? Пыльное пятно и бестолковую теорию? Пораскиньте-ка мозгами, дружище! В нынешней ситуации нас играючи обведут вокруг пальца, а к настоящим уликам и близко не подпустят. А улики нам нужны, как воздух! — Джейкоб потер шею. — Нет уж, нам все придется делать самим и только самим… разумеется, если вы все еще хотите помогать мне.

Главный механик откашлялся и обиженно прохрипел:

— Вы же прекрасно знаете, что я вас не брошу.

— Хорошо, — кивнул Джейкоб, — приношу свои извинения. Не подадите ли мне вон ту штуку? Нет-нет, ту, что с крючком на конце. Отлично. А теперь вам лучше отправиться к входным дверям и понаблюдать за туннелем. Я должен успеть спрятать инструменты, прежде чем меня кто-либо увидит. И осторожней, я натянул там веревку!

Дональдсон встал у входа и, прислонившись к стене, уставился на Джейкоба, то и дело стирая пот со лба.

Этот Демва выглядит очень рассудительным и логичным, но его фантазии… Дональдсон поежился. Но самое страшное, что и новые, и прежние факты точно выстраиваются в безумную теорию парня. Что ж, охота за уликами весьма увлекательна! А вдруг все-таки парень чокнутый? Он вздохнул и выглянул в туннель. Все тихо. Да, прогнило что-то на Меркурии. И нужны решительные действия. Иначе придется навсегда забыть о Солнце и солнечных кораблях.

Замок оказался самым обычным, из тех, что открываются старинными ключами с бородкой и выемками. Словом, не было ничего проще. Джейкоб давно уже заметил, что на Меркурии очень мало современных конструкций. На планете, где магнитное поле Солнца проникает везде и всюду, пришлось бы экранировать все электронные устройства. Хотя особых затрат и не понадобилось бы, на Земле подобное мотовство сочли бы совершенно излишним. Да и кому могло прийти в голову проникать в фотолабораторию тайком? Причем со старинными отмычками?

Джейкоб усмехнулся: похоже, его познания медвежатника на сей раз не слишком ему помогают. Подрастерял он былую сноровку. Инструменты не слушались, пальцы были как деревянные. Он

ругнулся про себя. При таких темпах и за ночь не управиться.

«Позволь мне».

Джейкоб скрипнул зубами и медленно вытащил отмычку из замка. «Спокойствие! Не надо персонифицировать самого себя. Ты, набор асоциальных привычек! Я же тебя усыпил. Если ты станешь действовать как полноценная и независимая личность, то доведешь нас… доведешь меня до полноценной шизофрения».

«Ну и кто тут персонифицирует?»

Джейкоб невольно улыбнулся.

«Мне следовало остаться на Земле. Еще три года покоя и тишины, и мой разум был бы полностью очищен от всякой дряни. А теперь придется пробудить все те навыки, которые я хотел… вынужден был подавить». «Ну так не тяни же».

Джейкоб вздохнул. Когда создавалась схема для подавления определенных психологических качеств, предполагалось, что она не будет жесткой. Иначе у него и в самом деле возникли бы проблемы. А получилось так, что аморальный и хладнокровный мистер Хайд, проявляясь то тут, то там, постоянно напоминал о себе. Правда, он находился под неусыпным контролем. Врачи считали, что в случаях чрезвычайных Джейкоб

может обращаться за помощью к своему двойнику.

Но специалисты не учли одного момента: Джейкоб не только подавлял и контролировал темные стороны своей натуры. Он еще и персонифицировал их. Эта способность скорее всего и явилась причиной его тяжелых психологических проблем в прошлом. Он совершил ошибку, попытавшись полностью отсечь ненавистного двойника, тогда как требовалось лишь усыпить его на самом дне подсознания.

«Так ты позволишь попробовать мне?»

Джейкоб схватил другую отмычку. Сталь на ощупь был а гладкой и очень холодной.

«Заткнись. Ты не личность, ты всего лишь талант, связанный, к сожалению, с совершенно определенной реакцией нервной системы… подобно хорошо поставленному певческому голосу, способному проявить себя только на сцене».

«Ну и прекрасно, воспользуйся же этим талантом. Ведь дверь уже почти открыта!»

Джейкоб осторожно отодвинул от себя инструменты. «Правильно ли я поступаю? А если тогда, на корабле, у меня и в самом деле был приступ безумия? Ведь моя гипотеза вовсе не бесспорна. И эта вспышка синей боли в Бахе… Как я могу

выпускать на волю этого ублюдка, если внутри у меня что-то разладилось?»

Джейкоб чувствовал, что вот-вот впадет в транс. Усилием воли он попытался предотвратить приступ. Но воли хватило ненадолго. Он постарался расслабиться и начал отсчет. Иглы иррационального ужаса пронзили мозг. Барьер страха. Джейкоб привычно преодолел его, продолжая считать.

При счете двенадцать он скомандовал себе: «Назад!» В мгновение ока мозг одолел обратный путь к реальности. Джейкоб открыл глаза, внимательно, прислушался к собственным ощущениям. Легкое покалывание пробежало по ладоням, осторожно подобралось к кончикам пальцев, словно собака, вернувшаяся в старый дом и обнюхивающая забытые вещи.

Все хорошо. Джейкоб почувствовал облегчение. «Этическое начало во мне не уменьшилось. Я — по-прежнему я. И руками управляю я сам, а не какая-то посторонняя сила». Все хорошо.

Он взял в руки отмычку. Пальцы послушно прильнули к прохладному металлу. Джейкоб вставил отмычку в замок и мягко повернул. Послышался легкий щелчок. Дверь открылась.

— Надо же, удалось! — Удивление Дональдсона

немного задело Джейкоба.

— Разумеется. — Раздражение тут же схлынуло. Он с удовлетворением отметил, что без труда смог удержаться от резкости — на сей раз мистер Хайд, похоже, пребывал в благодушном настроении. Джейкоб толкнул дверь и вошел.

Слева вдоль стены выстроились стеллажи с многочисленными выдвижными ящиками. Напротив располагались столы с фотоаналитическим оборудованием. В дальнем конце лаборатории виднелась приоткрытая дверь в кладовку с химикатами.

Джейкоб принялся внимательно изучать надписи на ящиках, жестом пригласив Дональдсона присоединиться. Механик отошел к противоположному концу стеллажа. Уже через несколько минут он приглушенно воскликнул:

— Я нашел их!

Джейкоб поспешил к инженеру. Тот рассматривал содержимое ящика рядом с проектором. В нишах, обитых мягкой тканью, покоились кассеты с фотозаписями. На каждой из кассет имелась этикетка с указанием даты и времени съемки и номера прибора. Около десятка углублений пустовало. Джейкоб вытащил одну из кассет и взглянул на своего помощника.

— Это все не то. Кто-то уже побывал здесь. Нужные нам записи исчезни.

— Исчезли? Вы имеете в виду, что их украли?! Но как?

Джейкоб пожал плечами.

— Вполне вероятно, похитители проникли сюда тем же способом, что и мы. Хотя у них мог быть и ключ. С уверенностью можно сказать лишь одно: все последние записи исчезли.

— Значит, у нас нет никаких доказательств?

— Никаких. Но мы можем попытаться добыть их.

— Уж не хотите ли вы сказать, что нам нужно вломиться еще и в жилище Буббакуба? Черт! А вы уверены, что эти записи вообще существуют? Что их не уничтожили? Зачем их хранить? У меня есть предложение: давайте выбираться отсюда, и пусть доктор Кеплер и доктор де Сильва сами убедятся в исчезновении кассет. Это будет хоть какой-то довод в пользу вашей теории. Джейкоб, подумав, кивнул.

— Хорошо. Покажите-ка ваши руки.

Дональдсон послушно выставил ладони. Тонкий слой пластика, покрывавший руки механика, был цел. Затем Джейкоб внимательно осмотрел свои ладони.

— Так, оставляем все как было. Задвиньте ящики, но больше ни к чему не прикасайтесь.

И вдруг снаружи раздался грохот, затем послышалась какая-то приглушенная возня. Сообщники замерли. Похоже, сработала нехитрая ловушка — в коридоре, у входа, Джейкоб натянул веревку на случай неожиданных посетителей. Путь к отступлению был отрезан.

Они бросились к кладовке с химикатами. Едва Джейкоб успел прикрыть дверь, как послышалось металлическое позвякивание: кто-то пытался открыть замок. Дверь тихо скрипнула. Джейкоб сунул руку в карман. Так и есть! Он забыл отмычки в лаборатории! Пальцы нащупали маленькое круглое зеркало. Мягкие шаги раздавались уже всего в нескольких футах от двери в каморку. Не колеблясь, Джейкоб вытащил зеркальце. Стараясь не шуметь, он опустился на колени и, пристроив зеркало под нужным углом у довольно большой щели между дверью и полом, попытался разглядеть, что происходит в лаборатории.

Доктор Мартин стояла у стеллажа, перебирая связку ключей и время от времени кидая быстрые взгляды в сторону входной двери. Джейкобу показалось, что она очень возбуждена. Хотя по

изображению в крошечном зеркальце, да еще в таком ракурсе, трудно было сказать что-либо определенное.

Дональдсон попытался из-за плеча Джейкоба заглянуть в зеркало. Тот раздраженно взмахнул рукой, требуя не мешать, но Дональдсон, внезапно потеряв равновесие, всем телом навалился на него сверху. Джейкоб заскрипел зубами, стараясь удержаться и не вывалиться из кладовки прямо к ногам изумленной Милли Мартин. Ценой невероятного усилия ему удалось не упасть, но зеркальце, выпав из ослабевшей руки, с негромким звяканьем покатилось по полу.

Дональдсон, тяжело сопя и чересчур усердно стараясь не шуметь, отполз назад. Джейкоб криво улыбнулся. Надо быть абсолютно глухим, чтобы не услышать этот чудовищный шум.

— Кто… кто здесь? — Голос Мартин дрогнул.

Джейкоб поднялся на ноги и принялся отряхиваться с нарочитым шумом. Снаружи послышались быстрые удаляющиеся шаги. Кинув уничтожающий взгляд на Дональдсона, скорчившегося в углу с самым несчастным видом, он открыл дверь и шагнул в лабораторию.

— Милли, постойте.

Доктор Мартин застыла на месте. Съежившись,

она медленно обернулась. При виде Джейкоба маска страха, обезобразившая красивые черты ее тонкого лица, исчезла, уступив место смеси облегчения и стыда. Мартин густо покраснела.

— Какого черта вы здесь делаете?!

— Наблюдаю за вами, Милли. Подобное времяпрепровождение и само по себе не лишено приятности, но в данную минуту оно особенно увлекательно.

— Вы что, шпионите за мной?!

Джейкоб направился к ней, от души надеясь, что у Дональдсона хватит ума не выползать из укрытия.

— И не только за вами, моя дорогая Милли Я шпионю за всеми. На Меркурии творится что-то неладное. Здесь каждый предпочитает дуть в свою дуду, да еще с такой фальшью! К примеру, вы, Милли. Мне давно казалось, что вы знаете куда больше, чем говорите.

— Я не понимаю, о чем вы, — холодно ответила Мартин, уже полностью придя в себя. — И неудивительно. Ни в ваших словах, ни в ваших поступках нет и следа разумности, вам требуется серьезная медицинская помощь, мистер Демва. — Она повернулась, чтобы выйти из лаборатории.

— Возможно, что и так, — серьезно кивнул Джейкоб, — но, быть может, вам также требуется сейчас помощь, например, для того, чтобы объяснить, зачем вы здесь.

Мартин окаменела.

— Я получила ключ от Дуэйна Кеплера. Что вы на это скажете?

— А упомянутый Дуэйн Кеплер поставлен о том в известность? — саркастически осведомился Джейкоб.

Мартин, ничего не ответив, снова густо покраснела.

Джейкоб улыбнулся.

— Несколько кассет с данными, полученными во время последнего прыжка, исчезли… Все они относятся к тому отрезку времени, когда уважаемый Буббакуб развлекался с реликвией летаней. Милли, вы, случайно, не знаете, где они?

Мартин пристально взглянула на него.

— Вы шутите… Но кто… Нет, этого не может быть… — В полном замешательстве она покачала головой.

— Это вы взяли их?

— Нет!

— Тогда кто?

— Я не знаю. Откуда я могу знать?! И по какому

праву вы устраиваете этот допрос?!

— Я прямо сейчас могу позвонить Хелен де Сильве и сообщить ей все, что здесь произошло, — с угрозой сказал Джейкоб. — Дверь в фотолабораторию была открыта, внутри я обнаружил вас, Милли. У вас в кармане ключе вашими отпечатками. Я ни секунды не сомневаюсь, что комендант прикажет назначить расследование. Сразу же выяснится, что пропали кассеты с записями. Как вы полагаете, что скажет комендант базы? Милли, вы кого-то прикрываете. Если вы прямо сейчас не выложите все, что знаете, то даю вам слово, в самое ближайшее время у вас будут серьезные неприятности. Вы знаете не хуже меня, что на базе у многих так и чешутся руки, и если найдется козел отпущения…

Мартин с шумом втянула в себя воздух.

— Я… я не знаю…

Джейкоб мягко взял ее за локоть и подвел к стулу. Затем вернулся к двери и защелкнул замок.

Джейкоб прикрыл глаза и, стараясь успокоиться и обрести равновесие, досчитал до десяти. Затем вернулся к Мартин. Та сидела, прислонившись спиной к стеллажу и спрятав лицо в ладонях. Краем глаза Джейкоб заметил, как из каморки с химикатами выглянула голова

Дональдсона. Он резко махнул рукой, голова Дональдсона мгновенно исчезла.

Джейкоб подошел к ящику, который собиралась открыть Мартин перед тем, как услышала шум. Вот оно что! Он вытащил из ящика мини-камеру Ла Рока и отнес к столу с аппаратурой. Подключив камеру, он быстро просмотрел ее содержимое. Большая часть записанной информации не представляла никакого интереса. Зарисовки Ла Рока по разным поводам. На звуковое сопровождение Джейкоб не обращал никакого внимания. Наедине с самим собой репортер оказался даже еще более многословным, чем обычно. Внезапно неторопливые планы солнечного корабля с нескончаемыми комментариями Ла Рока прервались. Мгновение Джейкоб с недоумением вглядывался в новую картинку. Затем откинулся на стуле и громко расхохотался.

Это столь удивило Милдред Мартин, казалось, полностью погруженную в свои страдания, что она подняла на Джейкоба покрасневшие от слез глаза. Он добродушно кивнул ей.

— Вы хоть знаете, что здесь искали?

— Да, — хрипло ответила она, — я хотела вернуть Питеру его камеру, чтобы он мог записать свой рассказ. Мне казалось, что после того, как

соляриане столь жестоко поступили с ним…

— Он все еще под замком?

— Да. Посчитали, что так будет безопаснее. Раз соляриане воздействовали на него один раз, то могут и повторить.

— А чья идея насчет камеры?

— Питера, конечно. Он очень хотел записать свои мысли о случившемся.

Я решила, это вряд ли кому повредит…

— А как насчет того, чтобы передать подозреваемому оружие?

— Нет-нет! Глушитель должен был быть выведен из строя. Бубб… — она замолчала.

— Договаривайте уж, раз начали.

Мартин опустила глаза.

— Буббакуб пообещал встретиться со мной в комнате, где заперт Питер, и вывести глушитель из строя. Он хотел тем самым показать, что не держит зла на Питера.

Джейкоб вздохнул.

— Зло терзает его, — пробормотал он.

— Что?

— Покажите-ка ваши руки.

Мартин замялась. Джейкоб нахмурился, и она покорно выставила изящные ладони. Длинные тонкие пальцы мелко подрагивали.

— Объясните же…

Джейкоб, проигнорировав ее просьбу, принялся расхаживать вдоль стеллажей. Да уж, ловушка и впрямь великолепна! Если ее удастся осуществить, то на Меркурии не останется никого с незапятнанной репутацией. Лучшего нельзя и желать. Оставался один вопрос: сколько времени в запасе?

Он повернулся в сторону кладовки. Голова Дональдсона быстро юркнула за дверь.

— Все в порядке, инженер, выходите и помогите доктору Мартин уничтожить отпечатки ее пальцев. Мартин лишь тихо ойкнула, когда в следующее мгновение, застенчиво улыбаясь, появился главный механик базы.

— Что вы намерены предпринять? — робко поинтересовался он у Джейкоба.

Вместо ответа тот снял трубку телефона.

— Алло, Фэгин? Да. Я готов к «сцене в гостиной». Что? Не стоит радоваться раньше времени. Все зависит от того, насколько удачлив я окажусь в течение следующих нескольких минут. Пожалуйста, пригласи всех собраться через пять минут в комнате, где содержится Ла Рок. Да, прямо сейчас. И, пожалуйста, будь понастойчивей. Доктора Мартин можешь не искать, она рядом со мной.

Мартин на мгновение перестала вытирать ручку ящика, пораженная интонациями Джейкоба Демвы.

— И в первую очередь пригласи, пожалуйста, уважаемого Буббакуба и доктора Кеплера. Уговори их, я ведь знаю, как хорошо ты умеешь уговаривать. Все, мне пора бежать. Да, спасибо.

— Так что теперь? — повторил свой вопрос Дональдсон.

— А теперь, дорогие выпускники школы взломщиков, пора вам применить на практике полученные знания. Через несколько минут доктор Кеплер покинет свою комнату, и будет очень некрасиво, если вы появитесь на общем сборе намного позже всех остальных.

Мартин замерла, уставившись на него.

— Джейкоб, да вы, наверное, шутите. Уж не думаете ли вы, что я стану обыскивать комнату Дуэйна?

— А почему бы и нет? — проворчал Дональдсон. — Давали же вы ему крысиный яд! И ключи выкрали! Ноздри у Мартин гневно раздулись.

— Никакого крысиного яда я Дуэйну не давала!

Джейкоб вздохнул.

— Варфарин, Милли, варфарин. В прежние времена его использовали в качестве крысиного яда.

Но потом крысы выработали к нему иммунитет, как, впрочем, и ко всему остальному.

— Я уже говорила вам, мистер Демва, что никогда прежде не слышала о варфарине! Вы совсем обезумели! Почему, почему все думают, что я отравительница? Бред какой-то!

— Я вовсе так не думаю, Милли. Но если вы хотите узнать, что за всем этим кроется, вам лучше помочь нам У вас же есть ключи от комнаты доктора Кеплера, не так ли?

Мартин закусила губу и кивнула.

Джейкоб объяснил Дональдсону, что следует искать у Кеплера. Затем, кивнув своим сообщникам, побежал в сторону отсека, где жили В.З.

Глава 19
В ГОСТИНОЙ

— Похоже, Джейкоб решил над нами подшутить, — сказала Хелен, стоя в дверях и оглядывая собравшихся, — созвал общий сбор, а сам не явился. Странно.

— Не стоит беспокоиться, дорогая Хелен, — зашелестел Фэгин, — он обязательно придет. Не было еще случая, чтобы мой любезный друг созвал совещание, не обдумав как следует время

его проведения.

— Вот уж воистину! — рассмеялся Ла Рок. Репортер развалился на огромном оранжевом диване, водрузив ноги на маленькую скамеечку. Он усиленно дымил трубкой, так что его голос доносился непривычно глухо. — Почему бы нам и не собраться? Что нам еще остается? С исследованиями, — он ядовито улыбнулся сквозь клубы дыма, — как я понимаю, покончено. Башня из слоновой кости рухнула под грузом собственного высокомерия. И настала пора длинных ножей. Так что Демва может не торопиться. Время у нас есть. И потом, что бы он ни сказал, все будет куда занимательнее, чем лицезрение ваших кислых физиономий!

На другом конце приметного дивана скривился Дуэйн Кеплер. Пальцы Кеплера нервно теребили одеяло, в которое руководителя проекта заботливо укутала сестра-сиделка. Она вопросительно взглянула на врача, но тот лишь пожал плечами.

— Заткнитесь, Ла Рок, — устало попросил Кеплер.

Ла Рок осклабился, выпустил очередной клуб дыма и громогласно заявил:

— Я по-прежнему думаю, что нам не помешало бы какое-нибудь записывающее устройство.

Вполне возможно, наш друг Демва и впрямь сообщит что-нибудь историческое.

Буббакуб негромко хмыкнул и отвернулся. Пил неспешно прохаживался по комнате. На этот раз он почему-то старательно обходил разбросанные на полу подушки. Остановился рядом с Куллой, понуро подпиравшим стену, и, сложив четырехпалые лапы наживете, что-то прохрипел. Кулла кивнул и заговорил:

— Мне поручено шообщить, что причиной трагедии пошлужило как раж жапишывающее уштроиштво миштера Ла Рока. Кроме того, пил Буббакуб прошил меня передать, что не намерен ждать больше пяти минут. Кеплер не обратил на это заявление никакого внимания. Он методично растирал шею. За последние недели руководитель проекта заметно сдал. Ла Рок лишь вздернул плечи. Фэгин, как и полагается всякому благовоспитанному дереву, продолжал хранить вежливое молчание. В комнате повисла тишина. Все ждали. Казалось, замерли даже стрелки серебристых настенных часов. Тишину нарушил главный врач базы:

— Хелен, что вы стоите в дверях, входите и присаживайтесь. — Он гостеприимно указал на оранжевый диван. — Уверен, скоро соберутся и

все остальные. — Его глаза сочувственно блеснули: войти в эту комнату было равносильно погружению в ледяную и не слишком чистую воду. Де Сильва предпочла стул поодаль от всех остальных. Судя по всему, она не ждала от предстоящего разговора ничего хорошего. Хелен надеялась, что Джейкоб не станет поднимать вопросы, терзавшие всех на базе «Гермес». Если что и объединяло всех собравшихся здесь, то это отвращение к словосочетанию «Прыжок в Солнце». Эта публика готова вцепиться друг другу в глотки, но заговор молчания не будет нарушен ни под каким видом. Она покачала головой. Какое счастье, что этот раунд закончился так быстро. Ну что ж, остается надеяться, что следующие пятьдесят лет окажутся повеселее. Хотя Хелен и не питала на этот счет особых иллюзий. Впрочем, пессимизм давно уже поселился в ее душе. Мелодии «Битлз» теперь можно услышать только в исполнении симфонического оркестра. При этой мысли она поморщилась. А что уж говорить о джазе, которого вообще не существует за пределами музыкальных хранилищ.

Зачем было покидать свой дом? Ну и тоска…

В комнату вошли Милдред Мартин и главный механик базы Дональдсон. На взгляд Хелен, их

старания выглядеть безразличными были уж очень нарочитыми. Однако, кроме нее, никто этого не заметил. Интересно, что у этих двоих общего? Странная пара осмотрелась и начала пробираться в дальний угол комнаты, устроившись за спинкой чудовищного дивана. Ла Рок глянул на Мартин и улыбнулся. Заговорщики чертовы. Мартин отвела взгляд, лицо Ла Рока вытянулось. Хелен немного удивилась: неужели поссорились?

— С меня довольно! — гавкнул водор на шее Буббакуба.

Пил вперевалку направился к двери, но не успел он протолкнуться к выходу, как на пороге возник Джейкоб Демва. На плече у него висел белый холщовый вещевой мешок, а сам он весело насвистывал, Хелен не верила своим ушам. Мелодия до ужаса напоминала «Хей, Джуд!». Ну конечно… Джейкоб подбросил свой мешок вверх. Торба шмякнулась на кофейный столик. Милдред Мартин от неожиданности подпрыгнула. Кеплер нахмурился еще больше. Хелен больше не могла сдерживаться. Приятная старинная мелодия и необычное поведение Демвы разбили стену напряженности. Она весело рассмеялась.

Джейкоб игриво подмигнул ей.

— Вы что, пришли сюда развлекаться? — рявкнул Буббакуб. — Вы отняли у меня время! Вам придется возместить эту потерю! Джейкоб улыбнулся.

— Непременно, пил Буббакуб. Надеюсь, вы почерпнете немало полезного из моего сообщения. Но для начала я попросил бы вас присесть. Челюсти Буббакуба опасно щелкнули. Маленькие глазки-бусины на мгновение вспыхнули черным огнем. Презрительно хмыкнув, пил плюхнулся на ближайшую подушку.

Джейкоб обвел взглядом собравшихся. На лицах читалось либо смущение, либо неприкрытая враждебность.

— Когда доктор Кеплер пригласил меня на Меркурий, я испытывал определенные сомнения насчет проекта «Прыжок в Солнце». Но тем не менее после некоторых размышлений я решил принять участие в экспедиции. Мне казалось, что проект обещает, быть может, самое волнующее событие со времен Контакта. Я очень надеялся, что нам удастся решить сложную проблему межвидового общения с нашими ближайшими и наиболее необычными соседями. Я имею в виду Солнечных Призраков. Но вместо установления контакта с обитателями Солнца мы оказались в

центре запутанных космических интриг, катализатором которых послужило убийство пилота Джеффри. Кеплер взглянул на Джейкоба глазами, полными упрека.

— Прошу вас, Джейкоб, мы все знаем о вашем нервном срыве. Милли уговорила нас всех быть с вами помягче, но есть же пределы… Джейкоб вскинул руку.

— Если под мягкостью подразумевается потакание моим капризам, то я прошу вас проявить ее именно сейчас. Вы должны понимать, как тяжело на душе, когда окружающие полностью игнорируют твое мнение. Если вы не станете слушать меня, то мне придется искать поддержки на Земле. Улыбка застыла на лице Кеплера. Он без сил откинулся на спинку дивана.

— Что ж, продолжайте, я вас слушаю.

Джейкоб вышел на середину комнаты.

— Во-первых, замечу, что Пьер Ла Рок был очень упорен, отрицая обвинения в убийстве шимпанзе Джеффри и в диверсионных действиях на солнечном корабле. Кроме того, мистер Ла Рок отрицает, что является поднадзорным, и утверждает, что сообщение с Земли — фальшивка. С момента нашего возвращения он отказывается пройти контрольный тест на поднадзорность, который

мог бы стать отправной точкой в доказательстве его невиновности. По всей видимости, мистер Ла Рок опасается, что результаты этого теста также могут оказаться фальсифицированными.

— Совершенно верно! — вскричал журналист, энергично замахав пухлыми ручками.

— Вы будете упорствовать, даже если результаты теста проверят три человека: доктор Лэрд, доктор Мартин и я? Ла Рок хмыкнул.

— Все решит суд.

— Ну зачем же доводить дело до суда? У вас ведь не было никаких мотивов для убийства Джеффри. Даже если вы и вскрыли панель доступа к системе сжатия времени…

— Я этого не делал!

— …то только поднадзорный способен убить живое существо просто из неприязни. Если же вы таковым не являетесь, то зачем вам продолжать сидеть под замком?

— Наверное, ему здесь уютнее, — хихикнула сиделка Кеплера.

Хелен нахмурилась — дисциплина на базе в последние дни совершенно расшаталась.

— Он отказывается от теста потому, что знает: результат окажется положительным, — выкрикнул кто-то из сотрудников базы.

— Именно поэтому его и выбрали соляриане, — прохрипел Буббакуб, — они сами мне сообщили это.

— Так мне остается признаться, что я поднадзорный? — истерично взвизгнул Ла Рок. — Я вижу, тут кое-кто полагает, что Призраки могут заставить совершить еще и самоубийство?!

— У вас нервный срыв. Так утверждает доктор Мартин. Верно? — Буббакуб повернулся к психологу.

Мартин стиснула руки так, что побелели костяшки пальцев. — К этому вопросу мы перейдем чуть позже, — продолжил свою речь Джейкоб, — но прежде я хотел бы поговорить наедине с доктором Кеплером и мистером Ла Роком.

Доктор Лэрд и сиделка без возражений отошли в сторону. Буббакуб, яростно сверкнув глазками, недовольно заворчал, но последовал за ними. Вокруг дивана образовалась пустота. Джейкоб зашел за спинку, оказавшись между Кеплером и Ла Роком. Держа одну руку за спиной, он наклонился к ним. Дональдсон, сидевший у стены, незаметно сунул ему в руку какой-то предмет.

Джейкоб переводил внимательный взгляд с журналиста на ученого.

— Думаю, пора кончать со всем этим. В особен-

ности вам, доктор Кеплер.

— О чем вы?

— Мне кажется, вы присвоили себе нечто, вам не принадлежащее. И не имеет значения, что и мистер Ла Рок, владея этой вещью, преступает закон. Она крайне необходима ему, доктор Кеплер. Настолько необходима, что он согласился терпеть беспочвенные обвинения и, может быть, даже смягчить тон своих будущих статей. Но теперь, мне кажется, эта сделка не состоится. Эта вещь у меня.

— Моя камера! — хрипло прошептал Ла Рок. Глаза его вспыхнули.

— Да, крошечная камера. Совершенный звуковой спектрограф. Она у меня.

Как и копии сделанных вами записей, спрятанные в комнате доктора Кеплера.

— П-предатель, — заикаясь, просипел Кеплер, — а я вас считал своим другом…

— Заткнись, ублюдочный рубашечник, — яростно прошипел Ла Рок. — Кто уж предатель, так это ты!

Казалось, Ла Рок сейчас лопнет от переполняющего его негодования.

Джейкоб с силой сжал плечи противников. — Если вы сейчас не попридержите свои языки,

то в самом скором будущем вас ждут большие неприятности! Вам, дорогой Ла Рок, могут предъявить обвинение в шпионаже, а вам, доктор Кеплер, — в шантаже и сокрытии факта упомянутого шпионажа! А так как факт шпионажа служит косвенным доказательством того, что Ла Рок невиновен в смерти Джеффри, поскольку попросту не имел достаточно времени для повреждения генератора стасис-поля, то подозрение автоматически падает на того, кто последним осматривал корабль Джеффа. О, я вовсе не думаю, что это сделали вы, дорогой мой доктор Кеплер, но на вашем месте я вел бы себя поосторожней. Ла Рок молчал, переваривая услышанное. Кеплер с силой дернул себя за ус и хрипло спросил:

— Что вы хотите, Демва?

Мистеру Хайду, несмотря на яростное сопротивление Джейкоба, время от времени все-таки удавалось вылезти наружу. Вот и на этот раз Джейкоб не смог устоять перед соблазном сблефовать по-крупному.

— Пока не знаю. Надо подумать. Но я советую вам воздержаться от опрометчивых поступков. Моим друзьям на Земле все известно. Разумеется, это было неправдой, но осторожный мистер Хайд решил перестраховаться.

Джейкоб оглянулся.

Хелен де Сильва отчаянно пыталась подслушать, о чем беседует эта троица. Ей показалось, что в этих людей, которых она изучила уже довольно хорошо, вселились бесы. Мягкий доктор Кеплер, такой молчаливый и скрытный после последнего прыжка, сейчас был похож на взбешенного колдуна, потерявшего вдруг свою магическую силу. Вечно болтливый и несдержанный Ла Рок выглядел непривычно задумчивым и сосредоточенным, словно решал какую-то вселенскую задачу. Что же касается Джейкоба Демвы… Ей и раньше порой казалось, что под его спокойствием и хладнокровием тлеет бесовская искра. Но сейчас эта искра превратилась в настоящее пламя.

Джейкоб выпрямился и громко объявил:

— Доктор Кеплер снимает все свои обвинения с мистера Ла Рока.

Все разом зашумели.

Буббакуб резво вскочил с подушек.

— Вы с ума сошли! Мне все равно, одобряют люди или нет убийства своих подопечных, но соляриане могут заставить его совершить новое преступление!

— Соляриане тут ни при чем, — чеканя каждое

слово, сказал Джейкоб.

Все замерли. В наступившей тишине Буббакуб отчетливо щелкнул зубами.

— Вы и впрямь сошли с ума. Я лично разговаривало солярианами. Они не могли мне солгать.

— Как вам угодно! — Джейкоб шутовски склонил голову. — С вашего позволения, я продолжу обзор.

Буббакуб презрительно фыркнул и снова опустился на подушки.

— Сумасшедший, — пробормотал он и прикрыл глаза.

— Во-первых, — начал Джейкоб, — я хотел бы выразить благодарность доктору Кеплеру за любезное разрешение изучить записи, полученные во время последнего прыжка, в чем мне помогли Дональдсон и доктор Мартин. Буббакуб открыл глаза и уставился на Джейкоба. Так вот как выглядит огорчение у пилов! Джейкоб от души посочувствовал чужаку. Ловушка и впрямь была задумана отменная, но увы, увы…

Он рассказал, как обнаружил исчезновение кассет с записями из фотолаборатории, опустив наиболее щекотливые подробности. В комнате висела напряженная тишина, лишь нежно позвякивали колокольчики на ветках бесстрастного

растения.

— Какое-то время я раздумывал над тем, куда могли спрятать кассеты. Я догадывался, кто их взял, но не знал, уничтожил ли похититель записи или же предпочел припрятать. В конце концов я решил, что тот, кто по натуре является настоящей «канцелярской крысой», вряд ли решился бы расстаться со столь драгоценными данными. Я обыскал жилище одного из софонтов и обнаружил пропавшие бобины.

— Как вы посмели! — зашипел Буббакуб. — Да вас следует наказать за подобную наглость! Хелен изумленно покачала головой.

— Так, значит, вы признаете, что похитили и спрятали у себя записи, пил Буббакуб?! Но почему?! Джейкоб улыбнулся.

— Не торопитесь, Хелен. Скоро все разъяснится. По правде говоря, это дело поначалу казалось мне куда более запутанным. Но, к счастью, все значительно проще. Дело в том, что эти записи со всей очевидностью уличают пила Буббакуба во лжи.

Буббакуб глухо зарычал, но не двинулся с места.

— Так где же эти кассеты? — требовательно спросила Хелен. Джейкоб поднял свой мешок.

— У меня теперь должок перед дьяволом. Толь-

ко по счастливой случайности я сообразил, что кассеты прекрасно помещаются в пустые емкости из-под газа.

Он извлек из мешка какой-то предмет и поднял его над головой.

— Реликвия летаней! — воскликнула Хелен.

Фэгин не смог сдержать удивленной трели. Милдред Мартин вскочила, испуганно прикрыв рот рукой.

— Да, реликвия летаней. И, глядя на вас, я понимаю, что пил Буббакуб все рассчитал: если кому-нибудь и пришло бы в голову обыскать его комнату, то уж вряд ли бы кто решился прикасаться к реликвии летаней, объекту почти религиозного поклонения древней и могущественной расы. Тем более, если эта штука очень похожа на обычный метеоритный обломок! Джейкоб повернул предмет обратной стороной.

— А теперь смотрите!

Другой рукой он крутанул одну сторону «реликвии», и та вдруг раскрылась. В одной из половинок обнаружился небольшой контейнер. Джейкоб потянул контейнер за крышку. Внутри что-то перекатывалось. Внезапно контейнер раскрылся, и по полу покатились маленькие черные цилиндры. Отчетливо клацнули давилки Куллы.

— Кассеты! — удовлетворенно объявил Ла Рок и как ни в чем не бывало задымил трубкой.

— Да, кассеты, — подтвердил Джейкоб, — а на внешней поверхности этой реликвии при внимательном рассмотрении можно обнаружить кнопку, раскрывающую контейнер. Внутри остались следы того, что хранилось в нем раньше. Готов побиться об заклад, что это то самое вещество, образец которого мы с Дональдсоном передали вчера доктору Кеплеру, так и не сумев убедить его, что… — Джейкоб махнул рукой. — Это высокомолекулярное вещество некий софонт очень умело распылил в верхней полусфере солнечного корабля, сопровождая сей фокус громом и молнией, словно настоящий Зевс. Хелен резко выпрямилась. В комнате повис частый и довольно громкий стук: Кулла никак не мог взять себя в руки. Джейкоб повысил голос:

— И это вещество, тонким слоем покрыв всю внутреннюю поверхность полусферы, полностью экранировало зеленую и синюю линии спектра, а ведь только в этих диапазонах мы могли выделить Солнечных Призраков из окружающего фона!

— Приборы! — возбужденно крикнула Хелен. — Ведь…

— Да, да, да, дорогой мой капитан, на пленках есть и тороиды, и Призраки, и их там сотни! И что самое интересное, нет и следа человекоподобных фигур, но, быть может, их и вовсе не было? Вы только представьте, какой переполох должен был подняться среди безобидных тороидов и их Пастухов, когда мы, не разбирая дороги, начали удирать. Ведь мы ничего не видели!

— Да ты чокнутый, В.З.! — Ла Рок погрозил Буббакубу пухлым кулачком.

Пил зашипел, по-прежнему не двигаясь с места и не сводя с Джейкоба пристального взгляда.

— К тому времени, когда мы покинули хромосферу, структура вещества уже разрушилась. Лишь тонкий слой пыли осел вдоль линий силового поля у края палубы. Ну, а когда мы прибыли на базу и вся суета улеглась, Кулла под руководством своего опекуна и при помощи пылесоса ликвидировал следы этого маленького обмана. Верно, Кулла?

Тот кивнул с самым несчастным видом.

Джейкоб с радостью отметил, что сочувствие далось ему без всяких усилий. Он ободряюще улыбнулся чужаку.

— Все в порядке, приятель. У меня нет никаких данных о том, что вы замешаны в чем-нибудь

еще. Я просто видел, как вы вдвоем с пилом Буббакубом усердно пылесосили палубу корабля. Мне было ясно, что удовольствия от этого занятия вы отнюдь не получаете. Глаза прингла благодарно блеснули. Он еще раз кивнул, стук начал затихать. Сердобольный Фэгин придвинулся поближе к Кулле. Дональдсон подобрал кассеты и поднялся с колен.

— Наверное, следует вызвать охрану? — неуверенно спросил он. Хелен кивнула ему, снимая телефонную трубку.

— Я как раз этим и занимаюсь, — тихо прошептала она.

Милдред Мартин осторожно подобралась к Джейкобу и, дотянувшись до его уха, зашептала:

— Джейкоб, подобные вопросы находятся в компетенции Комитета внешних сношений. Нам следует передать им это дело. Тот качнул головой.

— Нет, Милли. Еще не время. Нужно кое-что выяснить.

Де Сильва повесила трубку.

— Они скоро будут здесь. Что же вы замолчали, Джейкоб? По-моему, вы хотели еще что-то сказать нам?

— Да. Есть кое-что. Сначала вот это. — Он

вытряхнул из своего мешка пси-шлем Буббакуба. — Полагаю, это приберегалось на крайний случай. Я не знаю, помнит ли кто-нибудь, но, когда со мной случился так называемый приступ безумия, уважаемый пил Буббакуб: был облачен вот в эту штуку и не сводил с меня пристального взгляда. Довожу до вашего сведения, любезный В.З., что, когда меня пытаются к чему-либо принудить, я имею привычку впадать в бешенство. Вам не следовало этого делать. Буббакуб неопределенно взмахнул коротенькой лапой.

— И, наконец, о гибели Джеффри. Честно говоря, это самое простое.

Только Буббакуб знал все, что касается галактических технологий, примененных при создании солнечных кораблей: двигатели, компьютеры, системы связи. Земные специалисты к этим устройствам даже не прикасались. Есть лишь косвенные доказательства, подтверждающие, что в момент взрыва корабля Джеффри пил Буббакуб находился в куполе лазерной связи. Этого недостаточно для привлечения его к суду. Но необходимости вести расследование нет. Так как пилы обладают статусом неприкосновенности. И мы можем лишь выслать Буббакуба на родину.

Джейкоб взглянул на пила и добавил:

— Еще кое-что будет очень трудно доказать: я лишь предполагаю, что Буббакуб ввел ложные сведения в космическую систему идентификации, связанную с филиалом Библиотеки в Ла-Пасе. В результате чего мы и получили сообщение, подтверждающее, что Пьер Ла Рок — поднадзорный. И хотя это только мое предположение, мне оно представляется весьма вероятным. Ничего не скажешь, отличный трюк. Все уверены, что смерть Джеффри — дело рук Ла Рока, и не слишком внимательны при проверке телеметрических данных с корабля Джеффа. Теперь-то я припоминаю, что неприятности у Джеффа начались в тот момент, когда он включил камеры с сильным увеличением — отличный спусковой механизм замедленного действия. Но в любом случае нам этого уже не выяснить никогда. Телеметрические данные скорее всего уже уничтожены. Звякнули колокольчики. Все обернулись к Фэгину.

— Джейкоб, Кулла просит тебя остановиться. Я тоже прошу тебя больше не смущать пила Буббакуба. Теперь это не имеет никакого смысла. Послышался шум, и в комнату вошли три вооруженных охранника. Они вопросительно взглянули на коменданта. Хелен велела им по-

дождать.

— Еще одну минуту, — попросил Джейкоб, — мы ведь так и не обсудили, какие мотивы двигали Буббакубом. Зачем столь высокопоставленному софонту, представителю самого престижного галактического института, заниматься подделками, кражами и убийствами? Я попытаюсь изложить свою точку зрения на этот вопрос. Начну с того, что Буббакуб имел личные причины для неприязни к Джеффри и Ла Року. Джеффри относился к нему с нескрываемым отвращением, всячески дерзил, что совершенно недопустимо со стороны представителя расы, которая получила статус софонтов какую-то сотню лет назад. А дружба Джеффа с подопечным пила Куллой только усиливала ярость Буббакуба. Но мне кажется, что основная причина ненависти к шимпанзе таится совсем в ином. Ведь именно шимпанзе и дельфины позволили людям занять в галактической иерархии довольно высокое место. Пилы боролись почти полмиллиона лет, чтобы получить то, что досталось без всякого труда дикой, нецивилизованной расе. Полагаю, Буббакуб не любит нас, людей, именно по этой причине. Что же касается Ла Рока, то неприязнь к нему со стороны Буббакуба не нуждается в особых объяс-

нениях. Болтливый и бесцеремонный…

Ла Рок презрительно фыркнул.

— А может быть, Буббакуба обидело предположение Ла Рока о том, что соро были нашими опекунами? Ведь в Галактике всегда хмуро посматривали на расы, бросающие своих подопечных.

— Но все это очень личные причины, — возразила Хелен. — Их недостаточно.

— Джейкоб, — заволновался Фэгин, — прошу тебя…

— Разумеется, у Буббакуба имелась и другая причина, — ответил Джейкоб. — Ему ужасно хотелось раз и навсегда покончить с проектом «Прыжок в Солнце», опорочив при этом саму идею независимых исследований и упрочив авторитет Библиотеки. Он заставил всех поверить в то, что ему, пилу, удалось установить контакт там, где земляне потерпели неудачу. Ну а дальше оставалось лишь сочинить складную историю о возможной катастрофе в случае продолжения экспериментов с погружениями и подделать сообщения Библиотеки так, что они подтверждали его слова. Вероятно, более всего Буббакуба раздражало то, что в Библиотеке отсутствуют упоминания о солнечных формах жизни. И имен-

но подделка сообщения Библиотеки станет по возвращении причиной самых крупных неприятностей. Кара за это преступление окажется куда более страшной, чем то наказание, которому могли бы подвергнуть его за убийство Джеффа.

Буббакуб зашевелился. Он тщательно пригладил встопорщившуюся шерсть и сцепил на животе коротенькие лапы.

— Очень, очень ловко, — прохрипел он, — но вы строите слишком смелые утверждения на слишком шатком фундаменте. Люди навсегда останутся недорослями и выскочками. Я отказываюсь говорить на вашем дурацком языке!

— Он аккуратно снял с шеи водор и лениво швырнул его на стол.

— Я прошу извинить меня, пил Буббакуб, — вмешалась Хелен, — но, судя по всему, нам придется ограничить вашу свободу передвижения до получения указаний с Земли.

Джейкоб ожидал, что пил равнодушно пожмет плечами или безразлично кивнет, но Буббакуб, не обращая больше на людей никакого внимания, гордо вздернул круглую голову и с удивительным достоинством вышел из комнаты, сопровождаемый дюжими охранниками.

Хелен взяла со стола одну из частей «реликвии

летаней» и задумчиво взвесила ее на руке. Затем внезапно развернулась и с силой швырнула злополучную «реликвию» в дверь.

— Убийца!

— Это послужит мне хорошим уроком, — Мартин потерла ладонью лицо, — никому нельзя доверять.

Джейкоб чувствовал себя совершенно опустошенным. Возбуждение спало, уступив место подавленности и равнодушию. Возвращение к рациональности происходило за счет потери целостности. Он знал, что вскоре начнет спрашивать себя, не ошибся ли, выложив все сразу в буйном припадке дедуктивной логики.

Слова Мартин заставили его поднять голову.

— Никому?

Фэгин заботливо усадил Куллу на стул. Джейкоб подошел к чужакам.

— Прошу прощения, Фэгин, мне следовало прежде все обсудить с тобой.

Возможны осложнения. — Он потер лоб.

Фэгин тихо засвистел:

— Ты просто дал волю своим способностям. В последнее время ты был слишком сдержан. Но в данном случае твои таланты оказались как нельзя кстати. Не терзайся, дружище Джейкоб.

Истина слишком важна, и ей не может повредить ни избыток усердия, ни использование скрытых навыков. Джейкоб покачал головой. Если бы кантен только знал! «Навыки», о которых упомянул Фэгин, могли взорвать Джейкоба Демву, принеся куда больше вреда, чем пользы.

— Что, по-твоему, дальше? — устало спросил он приятеля.

— Полагаю, человечество поймет, что отныне у него есть могущественнейший враг. Ваше правительство вынуждено будет заявить протест. Пилы, конечно же, поспешат откреститься от Буббакуба, но сделано это будет скорее для виду. Эта раса всегда отличалась спесивостью и раздражительностью. Надеюсь, ты простишь мне столь нелестный отзыв о родственной вам расе софонтов. То, что случилось здесь, — лишь звено в длинной цепи. Тебе не надо мучить себя, дружище Джейкоб. Твоей вины нет. Ты лишь позволил человечеству осознать опасность. Рано или поздно, но это должно было случиться. Так всегда происходит с сиротскими расами.

— Но почему?!

— Вот это, мой друг, я и пытаюсь выяснить. Возможно, это и слабое утешение, но очень многие в Галактике хотят, чтобы человечество выжило. И

некоторые из нас… очень обеспокоены.

Глава 20
СОВРЕМЕННОЕ СРЕДСТВО

Джейкоб прижался щекой к резиновому ободу окуляра и погрузился в таинственную черноту. В глубине ее тревожно мерцала одинокая голубая искра. На этот раз он решил не обращать внимания на ее провоцирующие намеки. Не его дело рассуждать о разумности металлического ящика. Его сознание полностью парализовал ярчайший гештальт-образ. Пасторальная сценка в однообразных коричневых тонах словно бы сошла со старинной английской гравюры. По извилистой дороге, исчезавшей за мягко очерченными холмами, навстречу Джейкобу быстро шла высокая полногрудая женщина. Длинная темная юбка развевалась на ветру. Судя по всему, женщина только что покинула небольшой опрятный домик, уютно примостившийся у дороги. С мягкостью пейзажа резко контрастировали угрюмые низкие тучи, нависшие над покатой вершиной холма. Вдали, чуть левее, улавливалось какое-то мельтешение. Джейкоб всмотрелся. Люди. Танцуют… нет… дерутся. В форме. Солдаты.

Лица возбужденные или испуганные. Он перевел взгляд на женщину. Похоже, она тоже чего-то боится. Женщина уже не шла, а бежала, нелепо размахивая руками. Двое солдат в мундирах семнадцатого века отделились от остальной группы и теперь быстро нагоняли ее. Мушкеты с примкнутыми штыками наготове. Что…

Картина исчезла. Снова из черной глубины игриво подмигивала голубая искра. Джейкоб зажмурился и оторвался от окуляра.

— Ну вот и все, — раздался за спиной ободряющий голос Милдред Мартин.

Джейкоб повернулся и только тогда открыл глаза. Мартин склонилась над пультом, рядом с ней стоял доктор Лэрд. Оторвавшись от компьютера, Милли взглянула на Джейкоба.

— Через минуту результаты вашего П-теста будут готовы.

— Вы уверены, что этого достаточно? — По правде говоря, Джейкоб испытывал огромное облегчение оттого, что все закончено. — Всего три картинки?

— Да, хотя у Питера мы взяли пять, дабы исключить возможность ошибки.

Ваш тест просто контрольный. Присядьте и отдохните. Джейкоб опустился в ближайшее

кресло и отер рукавом проступившую на лбу испарину. Весь тридцатисекундный тест показался ему настоящей пыткой. На первой картинке он увидел мужское лицо со скорбными глазами, изборожденное многочисленными морщинами. За секунды оно поведало Джейкобу историю целой человеческой жизни, а затем исчезло, надолго впечатавшись в память, как часто случается с лицами, увиденными мельком. Второй образ представлял собой беспорядочное мельтешение абстрактных фигур, сталкивавшихся друг с другом… Похоже на солнечного тороида! Правда, фигуры не столь яркие и лишенные строгой красоты обитателей Солнца.

Третья картинка, та, что в коричневых тонах, скорее всего действительно была навеяна какой-то старинной гравюрой на тему Тридцатилетней войны. Явно сцена насилия. Джейкоб знал, что подобные образы при П-тестировании обычны и легко прогнозируемы. После трагифарсовой «сцены в гостиной» у него начисто отсутствовало желание впадать для успокоения нервов даже в очень неглубокий транс. Из-за этого он так и не смог расслабиться и как следует отдохнуть. Джейкоб поднялся и подошел к компьютеру. По другую сторону купола, неподалеку от стасис-экранов,

неторопливо прохаживался Ла Рок. В ожидании результатов теста он бездумно разглядывал причудливо вздыбленные скалы северного полюса Меркурия.

— Я могу взглянуть на предварительные данные? — спросил Джейкоб.

— Конечно. Какой образ вас интересует?

— Последний.

Мартин защелкала клавишами, и через пару секунд из щели под монитором вылез лист бумаги. Джейкоб взял его и отошел в сторону. Сцена и впрямь напомнила ему английскую гравюру восемнадцатого века. Конечно же, Джейкоб уже разобрался в ее истинном значении, но ему хотелось бы выявить свое первое впечатление, отделить его от уже аналитически осмысленной картинки.

Изображение покрывала частая сеть цифр, соединенных ломаной линией.

Линия показывала, как переключалось внимание с одной детали на другую. Цифра один находилась в самом центре картинки. До цифры шесть центр внимания перемещался довольно плавно, затем следовал резкий скачок. Цифра семь красовалась на довольно пышной груди женщины. И вообще внимание к этой детали

гештальт-образа оказалось особенно стойким. Ломаная линия то и дело возвращалась к женским прелестям, почти полностью испещренным многочисленными цифрами. В какой-то момент центр внимания все же покинул облюбованный объект, метнувшись к низко нависшим тучам, затем запрыгал по группе дерущихся. Некоторые номера в этом месте были обведены кружком или рамкой. Под каждой цифрой имелась надпись, указывавшая степень расширения зрачка, глубину фокусировки хрусталика, изменение кровяного давления. Судя по всему, модифицированный считыватель сетчаток Стэнфорда-Пурнинье сработал вполне успешно. Пригодились тахистоскоп Милдред Мартин и несколько железяк из запасов Дональдсона.

Джейкобу хватало знаний в этой области, чтобы не смущаться и не тревожиться по поводу своей рефлективной реакции на женскую грудь. Будь он женщиной, эта реакция оказалась бы иной: внимание в большей степени было бы сконцентрировано на облике в целом, на лице, одежде, прическе. Куда больше его могла бы обеспокоить собственная реакция на саму сцену. В левом углу, рядом с группой дерущихся людей, целая группа цифр была обведена рамкой. Имен-

но в этот момент он и осознал, что перед ним отнюдь не безмятежная пастораль, а сцена насилия. Джейкоб удовлетворенно кивнул. Линия от этих номеров метнулась в сторону, вернувшись назад лишь через несколько мгновений. Свидетельство о здоровом отвращении к увиденному и о последовавшем затем явном, а не скрытом любопытстве. На первый взгляд выходило, что он выдержал тест. Хотя Джейкоб в общем-то и не сомневался в подобном исходе проверки.

— Интересно, сможет ли кто-нибудь научиться обманывать П-тест? — спросил он, возвращая листок Мартин.

— Возможно, когда-нибудь такое и случится, — откликнулась она, собирая бумаги, — но для подобного трюка требуется очень хорошая подготовка. Ведь надо изменить реакцию человека на мгновенное воздействие… на образ столь быстрый, что только подсознание успевает отреагировать на него. В любом случае может возникнуть много побочных эффектов, которые так или иначе проявятся во время теста. Вы ведь знаете, как он анализируется. Коэффициенты внимания в каждой точке изображения попросту суммируются. Если полученный результат больше нуля, то тестируемый является граждани-

ном, если меньше, то человек имеет склонность к нездоровым удовольствиям. В этом вся суть теста. — Мартин повернулась к Лэрду. — Ведь так, доктор?

Тот пожал плечами.

— Вы же специалист.

Он все еще не мог простить ей того, что она не посоветовалась с ним относительно лечения Кеплера.

Теперь-то все подозрения с Милдред Мартин были сняты. Она никогда не прописывала своему пациенту варфарин. Джейкоб припомнил привычку Буббакуба на борту «Брэдбери» засыпать на пиджаке руководителя проекта. Подобная привязанность к предмету верхней одежды и позволяла ему подкладывать в переносную аптечку Кеплера средство, отнюдь не служившее для укрепления здоровья.

В поведении пила прослеживалась определенная логика. В результате махинаций с лекарственными препаратами Кеплер оказался отлученным от последнего прыжка. Обладая немалой проницательностью, руководитель проекта мог бы разоблачить трюк с «реликвией летаней». Да к тому же взбалмошное и непредсказуемое поведение Кеплера сильно ударяло по

авторитету всего проекта. Словом, все сходилось один к одному. Но, на взгляд Джейкоба, доводы отдавали вкусом протеиновых хлопьев. Они убеждали, но были лишены аромата натуральности. Тарелка, полная муляжей. Некоторые из преступлений Буббакуба уже доказаны, другие же скорее всего навсегда останутся в области спекуляций и досужих рассуждений. Представителя Библиотеки, обладающего дипломатическим иммунитетом, нельзя подвергнуть дотошному перекрестному допросу.

К ним подошел Ла Рок. Репортер выглядел несколько подавленным.

— И каков ваш вердикт, доктор Лэрд?

— Совершенно очевидно, что мистер Ла Рок никоим образом не является асоциальной личностью и нет никакой надобности подвергать его надзору, — медленно ответил Лэрд. — Его индекс социальной сознательности довольно высок. Возможно, именно это обстоятельство и служит причиной многих проблем мистера Ла Рока. По всей видимости, у него очень значительна степень сублимации. По возвращении домой мистеру Ла Року следует обратиться за профессиональной помощью. — Он замолчал и сурово взглянул на репортера.

Ла Рок смиренно опустил голову.

— А что вы скажете по поводу контрольных тестов? — спросил Джейкоб.

Он проходил тест последним, вслед за Кеплером, Хелен и еще тремя членами экипажа. Хелен не стала дожидаться подробных результатов и удалилась вместе со своими помощниками — ведь на базе царила предстартовая суета. Доктору Кеплеру о результатах теста Лэрд сообщил конфиденциально. Тот хмуро выслушал главврача и ушел, гневно тряся головой. Лэрд, проводив взглядом руководителя проекта, задумчиво потер переносицу.

— Итак, — заговорил он после паузы, — поднадзорных на базе нет. Но выяснилось кое-что, не вполне мне понятное, связанное с мыслями и взглядами некоторых из тестируемых. Знаете, такому провинциальному лекарю, как я, очень непросто вспомнить, чему его в свое время учили. И если бы не помощь доктора Мартин, я скорее всего упустил бы немало деталей. Честно говоря, не слишком приятное занятие копаться в мыслях и чувствах людей, которых хорошо знаешь и которыми восхищаешься.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Ну, в этом случае вы бы не собирались сейчас

в столь скоропалительный прыжок! А Дуэйну я не разрешил участвовать по очень простой причине — у него обычная простуда. — Лэрд покачал головой. — Простите меня! Для меня все это не слишком привычно. Повода для беспокойства нет, Джейкоб. В вашем тесте имеется несколько странных особенностей, хотя в целом тест соответствует норме. И все же кое-что меня смущает. Я не стану вдаваться в детали, поскольку они могут встревожить вас куда в большей степени, чем того заслуживают. Но я был бы весьма признателен, если бы вы и Хелен по возвращении как-нибудь зашли ко мне. Джейкоб поблагодарил его и направился к лифту. К нему присоединились Ла Рок и Мартин.

Высоко над головой пилон связи протыкал острием стасис-поле. За прозрачными стенами тускло блестели расплавленные скалы Меркурия. Солнце раскаленным ярко-желтым шаром зависло над невысокой грядой пузырчатых холмов. Подошел лифт, Мартин и Лэрд зашли внутрь. Джейкоб уже собрался последовать за ними, как его схватил за руку Ла Рок. Дверь лифта закрылась, и они остались вдвоем.

— Демва, мне нужна моя камера!

— Разумеется, Ла Рок. Комендант обезвредит

глушитель, и вы сможете забрать ее в любое время.

— А записи?

— Они у меня. Меня они тоже интересуют.

— Они вас не касаются!

— Перестаньте, Ла Рок, — простонал Джейкоб. — Почему вы хотя бы раз в жизни не можете допустить, что другие тоже обладают каким-никаким умом? Я хочу знать, зачем вы снимали звуковое изображение стасис-осциллятора на корабле Джеффа? И кроме того, мне интересно, с какой стати вы решили, что они могут понадобиться моему дяде?

— Я у вас в долгу, Демва, — медленно проговорил Ла Рок. Нарочитый акцент мгновенно исчез. — Но прежде чем я отвечу вам, я хочу узнать, насколько совпадают ваши политические взгляды со взглядами вашего дяди.

— Какого именно, Ла Рок? Дяди Джереми, что является членом Ассамблеи Конфедерации? Нет, вы вряд ли стали бы с ним сотрудничать. Дяди Хуана? Он хороший теоретик, но никудышный практик… А, вы, наверное, имеете в виду дядю Джеймса! Вот уж кто настоящий экстремист! Что ж, по многим вопросам я с ним полностью согласен. Но не собираюсь помогать ему, если он

замешан в шпионаже… Особенно если его план так же неуклюж, как и ваш. Вы не убийца, Ла Рок, и не поднадзорный. Вы шпион! Вот только на кого вы работаете? Но разрешение этой загадки я оставлю до возвращения на Землю. Там вы вместе с моим дядюшкой придете ко мне, и я решу, стоит или нет сдавать вас властям. Идет?

Ла Рок кротко кивнул.

— Я подожду, Демва. Только вы не потеряйте мои записи. Хорошо? Они слишком дорого Мне стоили. Можно сказать, я в аду из-за них побывал. Не лишайте меня шанса убедить вас.

Джейкоб посмотрел на Солнце.

— Ла Рок, избавьте меня от ваших причитаний. В аду вы не побывали… пока.

Он повернулся и вошел в кабину прибывшего лифта. До старта оставалось несколько часов. Надо было выспаться.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

В истории эволюции ни одна метаморфоза, ни один «квантовый скачок» не могут сравниться с этим феноменом. Никогда прежде образ жизни одного из видов не изменялся столь быстро и радикально. Каких-то пятнадцать миллионов лет назад представители семейства Homo ничем принципиально не отличались от других животных. Дальнейший ход событий носил взрывной характер… Первые земледельческие поселения… Города… Мегаполисы. Все это спрессовано на временной шкале эволюции в одно мгновение, равное каким-то десяти тысячам лет.

Джон Э.Пфайфер

Глава 21
DEJA PENSE – УЖЕ ПРОДУМАНО

— Вы когда-нибудь задавались вопросом, почему экипажи большинства звездолетов процентов

на семьдесят состоят из женщин? Хелен протянула Джейкобу пластиковую банку с горячим кофе и вернулась обратно к автомату с напитками, чтобы выбить из него еще одну банку, теперь уж для себя. Кофе был таким горячим, что пальцы не спасал даже тонкий слой термоизоляции, покрывавший стенки банки. Джейкоб осторожно поставил ее на подлокотник кресла.

Хелен, похоже, снова решила поиграть в свою любимую игру. Провокаторша! Он улыбнулся. Едва они оказывались друг с другом наедине (если уединение вообще возможно на абсолютно открытой палубе), как Хелен де Сильва тут же старалась втянуть его в весьма двусмысленные разговоры. Джейкоб, правда, нисколько не возражал. Благодаря этой игре он чувствовал себя сейчас значительно лучше, чем в первые часы после старта.

— Во времена моей юности мы не сомневались в том, что полеты к звездам — чисто мужское занятие. Впрочем, подобная убежденность была скорее всего лишь одним из симптомов полового созревания. Вы читали об этом у Джона-Два-Облака? Он родился в Верхнем Лондоне. Быть может, вы даже знали его родителей.

Хелен с упреком взглянула на неге. Джейкоб в

который уже раз подавил желание сообщить ей, что женщине с таким лицом следует покорять мужские сердца, а не космические просторы. Нет, все-таки, наверное, не стоит указывать профессиональному звездолетчику на то, что ямочки на щеках прелестны и совершенно неотразимы. Уж слишком велик риск.

— Хорошо, хорошо… — Он не выдержал укоряющего взгляда и рассмеялся.

— Постараюсь не отвлекаться. Полагаю, такой численный перевес женщин в космосе связан с тем, что они лучше мужчин переносят большое ускорение, перепад температур, обладают лучшей координацией и отменной выдержкой. Благодаря этим качествам они становятся прекрасными космическими путешественниками.

Хелен отхлебнула кофе и сморщилась.

— Все верно. Кроме того, женщины, судя по всему, меньше подвержены болезням во время дальних перелетов. Но, видите ли, все эти различия не столь ужи значительны. Во всяком случае, их явно недостаточно, чтобы объяснить, почему гораздо больше мужчин, чем женщин, жаждут отправишься в космос. Корабли, курсирующие внутри Солнечной системы, более чем наполовину состоят из мужчин. А на военных кораблях и

вовсе преобладает мужской пол.

— Не могу сказать ничего определенного относительно коммерческих или исследовательских кораблей, но думаю, военные отбирают людей по их склонности воевать. Разумеется, не доказано, что… Хелен рассмеялась.

— Не стоит прибегать к столь дипломатичным выражениям, Джейкоб.

Конечно, из мужчин получаются лучшие воины, чем из женщин… в статистическом смысле. Амазонки вроде меня — редкие исключения. Собственно говоря, это и есть один из критериев отбора. На борту звездолета не должно быть слишком много воинов!

— Но это же бессмысленно! Ведь зачастую звездолеты оказываются в той части Галактики, которую даже Библиотека исследовала не до конца. Астронавты сталкиваются с бесконечным разнообразием чуждых рае, многие из которых чересчур темпераментны. Галактические институты не наложили запрет на межрасовые войны. А судя по словам Фэгина, они и не смогли бы этого сделать, даже если бы захотели. Институты Галактики пытаются лишь загнать войны в определенные рамки.

— Так вы полагаете, земные звездолеты долж-

ны быть готовы к столкновениям? — Хелен по-прежнему улыбалась. В красном мерцании хромосферы ее волосы отливали странным сиянием, притягивали взгляд. — Вы правы, мы действительно должны быть готовы к военным действиям. Но поразмыслите, в какой мы находимся ситуации. Земляне вынуждены иметь дело с сотнями различных видов, объединенных одной единственной общей чертой, той, что у нас как раз отсутствует. Все галактические расы связаны цепью общих традиций. Развитием, корни которого уходят в прошлое на два миллиарда лет назад. Все они знакомы с достижениями Библиотеки, привнося туда и что-то свое. Большинство из них капризны и тщеславны, они кичатся своими привилегиями и оберегают их как зеницу ока. И подавляющее большинство с большим подозрением относится к глупой и дикой расе, обнаружившейся в глухой солнечной провинции.

— И что же прикажете нам делать, если какая-нибудь занюханная раса с примитивным разумом, который в ней развили давно почившие опекуны, вдруг решит бросить вызов земному кораблю? Что нам делать, если эти существа, начисто лишенные честолюбия и чувства юмора, вздумают задержать наш корабль и потребовать

невероятную пошлину? Ну, к примеру, в виде сорока дельфиньих песен?

Хелен нахмурилась.

— Стоит ли в такой ситуации ввязываться в драку? Как-то раз «Калипсо», корабль-красавец, до краев заполненный ресурсами, необходимыми для жизнедеятельности небольшого сообщества землян, был остановлен парочкой крошечных доисторических кораблей. Неповоротливые и медлительные, как улитки, они были явно приобретены где-то на стороне в незапамятные времена. — Голос Хелен зазвенел. — Вы только представьте себе! Новый и красивый корабль, построенный исключительно руками и разумом людей, останавливают два допотопных чудовища, ведомые «разумными» верблюдами. Но корабли ведь созданы теми, кто всю свою жизнь пользовался достижениями Библиотеки! — Голос ее прервался, и она отвернулась. Джейкоба тронуло ее волнение. Одновременно он почувствовал, что ему оказана большая честь. Он уже достаточно хорошо знал Хелен, чтобы понять: никому и никогда она не рассказывала ничего подобного. Да, их отношения крепнут прежде всего благодаря Хелен. Именно она проявляет инициативу, расспрашивая его о прошлом, о семье, о чувствах.

Сам Джейкоб почему-то не отваживался на расспросы. Понимал, что за его нерешительностью кроется не просто нежелание подпускать к себе Хелен слишком близко, а нечто большее…

— Значит, ввязываться не стоит? И мы обречены на поражение со всей неизбежностью? — спокойно спросил он.

Она кивнула, так и не повернув головы. Он откашлялся.

— Правда, у нас все еще припрятана парочка приемов, которые способны кое-кого удивить. О нас ведь, в сущности, мало что известно даже Библиотеке. Но козыри приберегают на крайний случай. А пока мы лебезим, подхалимничаем, славословим и уговариваем. Когда же это не помогает, то попросту… удираем. — Он представил себе встречу с кораблем пилов. — Впрочем, этот способ, наверное, не самый легкий.

— Да, но зато нам известен секрет хладнокровия. — Хелен снова повеселела. Ямочки заиграли в уголках губ. — Вот именно поэтому в экипажах и преобладают женщины.

— Постойте, постойте! Ведь женщины куда мстительнее мужчин!

Преобладание женских экипажей вряд ли гарантирует нам покой.

— В обычной ситуации — нет.

Хелен снова улыбнулась. Джейкоб ждал продолжения, но она лишь пожала плечами. Помолчав, Хелен вдруг придвинулась к нему и тихо прошептала:

— Пойдемте.

Она подхватила его под локоть и повела за купол, к краю палубы. Здесь не было ни души.

Пурпурное сияние хромосферы теряло однородность там, где стасис-экран изгибался. Узкая полоска, часть Большого Пятна, общая конфигурация которого со времени последнего прыжка существенно изменилась, слегка пульсировала. Хелен опустилась на колени и осторожно подобралась к самому краю платформы. Несколько мгновений она не отрывала глаз от этого мерцания. Затем оперлась ладонями о палубу и медленно опустила ноги в стасис-поле.

Джейкоб затаил дыхание.

— Вы просто сумасшедшая, — прошептал он, облизнув пересохшие вдруг губы.

Хелен неторопливо поболтала ногами. Казалось, они движутся в густом сиропе. Облегающая ноги ткань комбинезона, будто живая, покрылась рябью. Хелен взглянула на него и втянула ноги на палубу без видимого усилия.

— Похоже, с ними все в порядке, Джейкоб. Но глубже опускаться, наверное, не стоит. По всей видимости, масса моих ног вызывает искажения в удерживающем поле. Во всяком случае, при погружении туда у меня не возникло ощущения, что мои ноги вдруг взяли и перевернулись вверх тормашками.

Она снова свесила их в стасис-поле. Джейкоб почувствовал, как у него внезапно ослабли колени.

— Вы хотите сказать, что прежде ни разу не проделывали ничего подобного?! Она взглянула на него и улыбнулась.

— Вы спрашиваете, не рисуюсь ли я? Отвечаю: да, мне хочется произвести на вас впечатление. Но головы я отнюдь не потеряла. После всего того, что вы вчера рассказали о Буббакубе и его манипуляциях с пылесосом, я внимательно перепроверила все уравнения. И с удивлением выяснила, что подобные фокусы совершенно безопасны. Присоединяйтесь! Он вяло кивнул. После чехарды удивительнейших событий последних дней подобное предложение уже не казалось ему верхом безумия. Весь секрет состоял в том, чтобы просто не думать о том, что собираешься сделать. Он опустился на палубу рядом с Хелен.

Стасис-поле действительно напоминало густой сироп, вязкость которого возрастала с глубиной. Нельзя сказать, чтобы ощущения были уж очень неприятными. Единственное, что не понравилось Джейкобу, так это поведение брючин, решивших вдруг зажить своей отдельной жизнью. Какое-то время они молча сидели рядом, меланхолически болтая ногами. Хелен не спешила заговорить, а Джейкоб не хотел ее торопить. Она явно ушла в свои мысли.

— Эта трагедия с Ванильным Шпилем случилась на самом деле? — наконец тихо спросила она, не поднимая глаз.

— Да.

— Она, наверное, была чудесным человеком.

— Да.

— Нужно быть очень храброй, чтобы прыгать с одного шара на другой на высоте двадцать миль, но…

— Она пыталась отвлечь их внимание, пока я обезвреживал осветитель. Я не должен был ей разрешать. — Джейкобу казалось, что говорит кто-то другой, так изменился его голос. — Я почему-то был уверен, что успею… что смогу защитить ее… Понимаете, у меня имелось одно устройство…

— Наверное, она и во всем остальном была такой же отчаянной. Как жаль.

Джейкоб понял, что вслух он не сказал ни слова.

— Да, Хелен, вы с Таней понравились бы друг другу. — Он тряхнул головой. Нельзя раскисать. — Впрочем, мне казалось, что разговор у нас совсем о другом. Мы, кажется, обсуждали тему женщин и мужчин на космическом корабле?

Она по-прежнему не отрывала глаз от своих ног. — Мы об этом и говорим, Джейкоб.

— Разве?

— Разумеется. Помните, я как-то сказала вам, что существует способ заставить женский экипаж быть особенно осторожным при встрече с чужаками?

— Да, но…

— А знаете ли вы, что человечеству удалось основать целых три колонии? Но транспортные расходы не позволяют сделать их жизнеспособными. Проблема увеличения человекофонда в изолированной колонии — одна из острейших. — Она выпалила информацию смущенной скороговоркой. — Когда мы вернулись на Землю, то обнаружили, что конституция восстановлена А вскоре Конфедерация объявила о приглашении

женщин в космос. От желающих отбоя не было.

— Я… я не понимаю…

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Может, еще рано понимать. Знайте только, что через несколько месяцев я отправляюсь в новую экспедицию на «Калипсо». Мне предстоят кое-какие приготовления, в том числе и отбор членов экипажа. Ну вот! — Хелен вытерла пыльные руки о костюм и втянула ноги на палубу. — Пора возвращаться. Мы уже совсем рядом с активной областью. И я должна быть на посту.

Джейкоб поспешно вскочил и помог ей подняться. Поступок не показался архаичным им обоим.

По пути к пункту управления Хелен и Джейкоб решили проверить параметрический лазер. Заслышав их шаги, из-под сплетения проводов, выглянул Дональдсон.

— Привет! Думаю, эта штука готова к работе. Хотите взглянуть?

— Конечно. — Джейкоб присел на корточки.

Лазер покоился на платформе, привинченной прямо к палубе. Вытянутый многоствольный корпус слегка покачивался на шарнирном креплении. Джейкоб почувствовал, как колено Хелен слегка коснулось его щеки. Не отвлекайся!

— Этот малыш, — важно провозгласил Дональдсон, — мой скромный вклад в усилия по установлению контакта с Солнечными Призраками. Я пришел к выводу, что раз с пси у нас ничего не вышло, то надо устанавливать непосредственную, то есть визуальную связь. Большинство лазеров работает только в одном-двух очень узких спектральных диапазонах, как правило, соответствующих атомным или молекулярным переходам. Ну а этот малыш способен выдать любую длину волны. Надо лишь установить нужный режим. — Дональдсон ласково похлопал по ручкам на лицевой панели платформы.

— Да, — кивнул в ответ Джейкоб, — я уже наслышан о вашем детище.

Насколько я понимаю, он должен обладать такой мощностью, чтобы луч смог пробить экраны и остаться при этом достаточно интенсивным.

— В прошлой моей жизни, — иронически заметила Хелен, которая о своей жизни до полета на «Калипсо» всегда говорила в отстраненно-язвительной манере, словно защищая и оберегая воспоминания о безвозвратно ушедшем времени, — мы умели изготавливать многоцветные лазеры, настраиваемые с помощью оптических красителей. Они обладали приличной энергией,

были весьма эффективны и невероятно просты в обращении. — Она ласково улыбнулась воспоминанию. — Правда, краситель очень быстро рассыпался, и достоинства такого лазера мгновенно исчезали. Какой же тогда поднимался переполох! Тот факт, что мне больше никогда не придется отмывать пол от родамина G6, заставляет меня склонить голову перед прогрессом!

— Неужели вы действительно могли настроить его на любую длину волны с помощью одного-единственного красителя? — с недоверием спросил Джейкоб. — И как же вы накачивали ваш… «акварельный лазер»?

— Иногда при помощи стробоскопических машин, но чаще всего химическим способом, высвобождая энергию органических молекул, например, сахара. Для заполнения всего спектра требовалось несколько красителей. Полиметил кумарин использовался для получения синего и зеленого диапазонов. Родамин и несколько других соединений позволяли настроиться на красный цвет. Да ладно, — она махнула рукой, — это все уже пыльные древности! Расскажите-ка лучше, что за дьявольский план вы двое состряпали на этот раз?! — Она уселась на палубу рядом с Джейкобом. Оценивающе поглядела на него, не

обращая внимания на Дональдсона. Джейкобу стало неловко.

— Ну, — осипшим голосом начал он, — все довольно просто. Еще на «Брэдбери» я записал несколько дельфиньих песен. Вдруг Призраки окажутся поэтическими натурами? Когда же Дональдсон предложил использовать визуальную связь, я передал ему свои записи.

Дональдсон вмешался:

— Кроме того мы улучшили версию математического контактного кода. Эту идею тоже он мне подбросил. — Дональдсон расплылся в улыбке. — Я вряд ли узнаю ряд Фибоначчи. А Джейкоб утверждает, что это древний способ установления контакта.

— Верно, — кивнула Хелен. — Но после «Везариуса» мы никогда больше не пользовались математическими приемами. Библиотека убедила нас, что в космосе все и так друг друга давно понимают, и нет смысла копья ломать. Она легко толкнула лазерную трубу, та свободно повернулась.

— Надеюсь, включенный, он не так болтается?

— Нет, конечно! Мы его закрепим, сориентировав луч строго по радиусу корабля. Исключим внутренние отражения. Не стоит тревожиться,

капитан! К тому же во время работы лазера запрещается снимать защитные очки. — Дональдсон извлек из ящика темные очки с толстыми стеклами. — Доктор Мартин сказала, что лично проследит за выполнением. Она буквально помешана на влиянии интенсивного излучения на здоровье вообще, и на зрение в особенности. Всю базу подняла на ноги, когда признала источником яркого света безобидные лампы. Обвинила всех в «коллективной галлюцинации».

— Мне пора возвращаться к своим обязанностям. — Хелен поднялась. — С вами хорошо, но я и так уже задержалась. Мы вроде бы уже близко от цели. Надо расставить людей по местам.

Мужчины вскочили вслед за ней, она ослепительно улыбнулась каждому из них и удалилась, покачивая бедрами, словно профессиональная обольстительница. Джейкоб не мог оторвать от нее глаз.

— Знаете, Демва, поначалу я думал, что вы настоящий чокнутый. Но потом вы так ловко все вычислили, что мне пришлось изменить свою точку зрения. А сейчас я, похоже, опять начинаю думать, что у вас не все дома. Джейкоб рассеянно взглянул на него.

— Как это?

— Ясное дело, всякий мужчина готов распустить хвост, когда женщина делает ему авансы. Но этот случай не похож на прочие. Вы не потеряли голову, старина? Разумеется, это не мое дело…

— Вот именно, дружище. Не ваше.

Джейкоб встревожился не на шутку. Неужели так заметно? Он твердо пообещал себе, что, как только они вернутся на Меркурий, он вплотную займется Хелен. А пока Джейкоб лишь пожал плечами. С тех пор, как они покинули Землю, все чаще и чаще он ловил себя на том, что этот жест — единственное, что ему остается.

— Сменим тему. Вернемся к вопросу о внутренних отражениях. Вам не приходило в голову, что кто-то решил устроить грандиозную мистификацию?

— Мистификацию?

— Именно! С Солнечными Призраками. Ведь для их появления и требуется-то всего лишь компактный голографический проектор…

— Невозможно, — покачал головой Дональдсон, — на борту нет голографических проекторов. Мы все проверили несколько раз. Да и вообще очень уж неправдоподобно. Призраку еще туда-сюда, но такие сложные картины, как стадо тороидов… В любом случае камеры на обратной

стороне раскрыли бы обман очень быстро.

— Хорошо, но что вы скажете о Призраках гуманоидного типа? Их размеры невелики, форма проста, а камер они старательно избегают, вращаясь быстрее, чем мы, и все время оставаясь у нас над головой!

— Знаете, что я скажу, Джейк? Все оборудование на борту перед каждым стартом тщательно проверяется не один раз, так же как и личные вещи экипажа и пассажиров. Да и где, скажите мне, можно спрятать проектор на абсолютно открытой палубе? Честно говоря, подобная мысль мне и в голову не могла прийти. Нет, мистификация исключена.

Джейкоб задумчиво кивнул. Доводы Дональдсона вполне разумны. Притом мистификация не укладывалась в один ряд с трюком Буббакуба. Идея соблазнительная, но невероятная.

Дальний лес спикул то и дело выбрасывал вверх фонтанчики раскаленного газа, образуя огненный частокол по периметру медленно пульсирующей суперграунляционной ячейки. Она уже закрывала полнеба. В центре ячейки чернел зрачок Большого Пятна. Вокруг зрачка прослеживались области повышенной яркости.

Он оглянулся. Возле пульта управления толпи-

лись темные силуэты. Непосредственно у панели командной связи выделялись две фигуры. Высокий узкий силуэт принадлежал Кулле. Прингл то и дело вскидывал руку, указывая направление движения. Корабль постепенно приближался к длинному волокну, зависшему над самым Пятном. Другая тень, очень напоминавшая ветвистый куст, покачивалась рядом с принглом. Вот она отделилась, явно двигаясь в сторону Джейкоба.

— Вот где можно спрятать проектор! — Дональдсон без всякого стеснения ткнул пальцем в приближающееся дерево.

— Что?! Фэгин? — Джейкоб от изумления даже присвистнул. — Это несерьезно! Ведь он принимал участие всего в двух прыжках!

— Да, — задумчиво протянул механик, — но все эти его ветки и прочее… Я уж скорее начну рыться в нижнем белье Буббакуба в поисках контрабанды, чем рискну заглянуть в это воронье гнездо. Джейкобу показалось, что он уловил в голосе Дональдсона язвительные интонации. Он быстро взглянул на механика. В ответ получил лишь безмятежно-наивный взгляд. Впрочем, это было бы слишком уж невероятно — остроумие отнюдь не было коньком механика базы «Гермес». Они

поднялись, приветствуя подошедшего Фэгина. Кантен весело засвистел в ответ. Интересно, слышал ли он, о чем они тут говорили?

— Комендант де Сильва считает, что погодные условия на Солнце на редкость благоприятны. Она сказала мне, что можно будет заняться важными проблемами солнечной физики, не связанными с Призраками. Необходимые измерения займут совсем немного времени. — Фэгин склонил ветку в сторону Дональдсона. — Иными словами, мой любезный друг, в вашем распоряжении всего двадцать минут.

Дональдсон присвистнул и, не теряя времени даром, начал лихорадочно укреплять лазер. Джейкоб присоединился к нему. Неподалеку доктор Мартин копалась в своем ящике, то и дело извлекая из него мелкие предметы. Пси-шлем уже красовался у нее на голове. Джейкоб улыбнулся. Судя по всему, Милли настроена весьма решительно. Ему казалось, что он даже слышит, как она грозит, загадочным Призракам, обещая на этот раз вывести их на чистую воду, чего бы ей это ни стоило!

Глава 22
ДЕЛЕГАЦИЯ

"Вы спрашиваете, в чем смысл существования этих световых созданий? Но с таким же успехом вы можете спросить: «В чем смысл существования человека?» Я могу ответить лишь общими фразами. Человек рожден для того, чтобы снова и снова разбивать себе лоб в стремлении забраться все выше и выше. Неолитики как раз и твердят нам, что приспособляемость — главный признак человеческого рода. Человек, мол, бегает, может, и не столь быстро, как гепард, но зато куда быстрее многих других земных видов. Никогда не выиграет заплыв у выдры, но на воде держаться способен. Его глаза не столь остры, как у орла, но видит он куда лучше многих обитателей Земли. Природа не наградила его способностью прятать запасы за щеку, но и тут человек решил проблему, научившись строить жилище и разводить огонь. Со временем это странное двуногое научилось и бегать стремительнее гепарда, и плавать быстрее выдры, и видеть лучше орла. Человек пересек арктическую пустыню, забрался на са-

мые высокие вершины, освоился в джунглях, покорил океаны. Он научился всему, что умеют прочие обитатели этой планеты, и теперь ему остается лишь лениво покачиваться в любимом кресле, хвастаясь своими успехами и гордясь собой. Но этого не происходит. Человека гнетет вечная неудовлетворенность. Всегда что-то заставляет его двигаться все дальше и дальше. Он постоянно стремится вперед. В этом-то и есть его суть. И в своем стремлении человек обречен на полное одиночество. О, он всегда хотел лишь одного — узнать и понять, зачем явился в этот мир! Он кричал от тоски и отчаяния, надеясь, что найдется хоть кто-нибудь, кто услышит его. Но в ответ Вселенная по-прежнему улыбается ему своей двусмысленной звездной улыбкой. Человек сгорает от желания познать смысл и суть мироздания. И, получив отказ, он выплескивает свое разочарование на тех, кто всегда рядом с ним. Все вокруг, живое и мертвое, знает свое место. И вот человек начинает ненавидеть окружающий мир за это знание. Обитатели Земли становятся его рабами, безропотными и покорными поставщиками протеина, жертвами его неистовой ненависти, ненависти к самому себе. Человеческая «приспособляемость» обернулась

оглушающим эгоизмом. Сотни животных видов, чьи потомки могли бы со временем добиться величия, превратились в пыль под ногами своего старшего брата. Только по счастливой случайности незадолго до Контакта человечество решило заняться сохранением оставшихся в живых животных. А может, поворот в мыслях вовсе и не был случаен? Странно, что экологический припадок, в котором внезапно забилось человечество, почти точно совпал по времени с получением первых достоверных сообщений о Контакте…

И сейчас, как и тысячи лет назад, мы продолжаем спрашивать себя, что составляет смысл нашего существования. Быть может, мы созданы для того, чтобы стать примером для всех живущих в Галактике? В чем бы ни заключался первородный грех наших опекунов, побудивший их бросить нас, сейчас он оборачивается жалким фарсом.

И лишь одна надежда согревает нам душу: возможно, наши соседи, наблюдая за теми, кем движет гордыня и тщеславие, извлекут немало полезного из трагикомедии, называемой жизнь человека".

Ла Рок остановил запись и хмуро взглянул на камеру. Нет, последний кусок никуда не годится. Надо подбавить яду, да и весь текст ни к черту. Где

знаменитая непринужденность известного мастера пера? Где легкость стиля? Он поморщился. Все как-то вымученно, напыщенно… Ла Рок глотнул из пластикового стаканчика, стоявшего на подлокотнике кресла, и, рассеянно поглаживая щегольские усики, глянул в иллюминатор. Корабль уже успел развернуться, и прямо по курсу сияло и переливалось стадо тороидов. На рассуждения о скорбной участи человечества времени больше не оставалось. В конце концов, этим можно заняться и попозже. Он включил запись. «Парочка замечаний. Больше иронии, не забыть упомянуть о тимбрими — их приспособляемость куда выше человеческой. Не акцентировать проблему объединения человечества».

Он опять выключил диктофон и положил его на пол рядом с креслом.

Стадо из маленьких обручальных колец находилось уже в пятидесяти милях. Внезапно из-за прядей темного газа вынырнули особи покрупнее. Ближайший тороид выглядел настоящим монстром. Зеленые блики вихрем проносились по его выпуклым массивным бокам. Тонкие голубые линии сплетались в запутанный узор. Вокруг тороида мерцал молочный нимб.

Ла Рок вздохнул, разглядывая это чудо. Вот он,

последний довод его теории! Когда голограммы этих существ разлетятся по всей Галактике, враги будут посрамлены раз и навсегда. И все же что-то подтачивало правоту Ла Рока. Чем глубже корабль погружался в Солнце, тем отрешеннее и задумчивее становился репортер. Нереальный мир... Он улыбнулся. Впервые в жизни Пьер Ла Рок не стыдился признаться себе, что ему страшно. По-настоящему страшно.

"Жемчужины спокойствия, нанизанные на ожерелье из сверкающих изумрудов. Быть может, в этих местах в незапамятные времена затонул какой-нибудь галактический галеон, навеки похоронив сокровища своих трюмов среди перистых пылающих рифов? И никогда ни один охотник за драгоценностями не похитит эти чудесные диадемы! Они бросают вызов логике и здравому смыслу. Они бросают вызов самой истории, ибо о них во Вселенной не осталось никаких воспоминаний. Они бросают вызов могуществу не только приборов землян, но и могуществу галактической науки.

Они невозмутимы и равнодушны. Им нет дела до мышиной возни водородников и кислородников. Ведь их питает самый неисчерпаемый источник. Помнят ли они о своем начале?.. Может, они

знали самих прародителей? Мы все еще надеемся, что нам удастся задать им эти вопросы. Но не тщетны ли наши надежды?"

Когда на горизонте появилось стадо сияющих тороидов, Джейкоб на несколько мгновений оторвался от работы. Сейчас зрелище уже не произвело на него такого ошеломляющего впечатления, как в первый раз. Ненасытный человеческий разум требовал новых впечатлений. И все же Джейкоб не мог не восхититься красотой открывшейся картины. А при мысли о ее значении его охватил благоговейный страх.

На полу, у ног Дональдсона, работала компьютерная панель. На экране монитора медленно колыхался узор из плавно изогнутых линий — очертания Призрака, повстречавшегося кораблю час назад. Эту встречу вряд ли можно было назвать контак-том. Корабль, вынырнув из плотного скопления волокон у самого края стада, внезапно столкнулся с одиноким солярианином. Тот мгновенно бросился наутек. Удалившись на несколько миль. Призрак завис, явно наблюдая за нежданным пришельцем. Хелен приказала развернуть корабль, чтобы Дональдсон мог сориентировать свой П-лазер на порхающее существо.

Призрак вновь стремительно отпрянул. Дональдсон выругался и опять принялся настраивать лазер. Необходимо промодулировать сигнал в соответствии с записями Джейкоба.

На этот раз Призрак повел себя иначе. Казалось, он услышал сигнал. Его аморфные крылья-щупальца внезапно протянулись к кораблю, равномерное голубоватое сияние сменилось радужной рябью. Какое-то время он пульсировал разноцветными бликами, словно отвечая, а затем последовала вспышка изумрудного света, и солярианин исчез.

Джейкоб пододвинул к себе компьютерную панель. Как раз сейчас шел анализ поведения Призрака. Камеры запечатлели солярианина во всех подробностях. Джейкоб уже выяснил, что мерцание Призрака совпадает по фазе с басовым ритмом мелодии дельфина. Теперь предстояло выяснить, не содержится ли в сложном наборе частот, испущенном солярианином перед тем, как исчезнуть, некоего ответа.

Джейкоб решил, что мелодию и ритм песни дельфина следует искать по всей поверхности солярианина в трех режимах: цветовом, временном и яркостном. Если вдруг обнаружится что-то определенное, то во время следующей встречи

компьютер сможет запустить лазер в режиме реального времени. Если, разумеется, подобная встреча вообще состоится. Песня дельфина являлась всего лишь прелюдией к серии математических последовательностей, но Призрак явно не пожелал дослушать остальную часть световой симфонии.

Джейкоб отложил компьютер и опустил спинку кресла. Теперь можно наблюдать за тороидами, не задирая головы. Парочка бубликов покачивалась прямо перед его глазами, под углом в сорок пять градусов к поверхности палубы. Джейкоб отметил, что движения тороидов значительно сложнее, чем ему представлялось в первый раз. Быстро проносившиеся по ободу картинки скорее всего таили в себе сведения о внутренней структуре этих существ. В какой-то момент тороиды касались друг друга, но вращающиеся узоры не претерпевали никаких изменений. Столкновения тороидов в стаде становились все чаще. Им явно было не по себе. Хелен высказала догадку, что переполох вызван ослаблением магнитных полей — активная область оказалась умирающей, магнитные поля рассеивались все более и более. Тороидам приходилось подстраиваться под постоянно меняющееся направление поля.

На кушетку рядом с Джейкобом опустился Кулла. Отчетливо клацнул фарфор. Джейкоб уже немного научился распознавать состояние чужака по звуку его зубных пластинок. Он далеко не сразу понял, что этот стук является столь же фундаментальным признаком состояния принглов, как и мимика у людей.

— Я могу ждешь немного пошидеть, Джейкоб? — робко поинтересовался Кулла. — Мне только шейчаш предштавилашь вожмошношть поблагодарить вас жа помошь на Меркурии.

— Кулла, вам вовсе не нужно благодарить меня, — мягко ответил Джейкоб. — Требование о неразглашении в течение двух лет — довольно суровое наказание всем за мою прыть. Никто из нас не сможет вернуться домой, если хотя бы один человек не подпишет соответствующий документ.

— И вше же вы имели полное право рашкажать вшему миру о том, что ждешь проижошло. Библиотека обяжательно уштыдилашь бы дейштвий Буббакуба. Очень благородно ш вашей шторoны, што вы, обнаружив… ошибку Буббакуба, решили проявить шдержанношть и дать им вожмошношть ишправить положение.

— Что собирается предпринять Библиотека…

кроме наказания Буббакуба?

Кулла глотнул из своей неизменной банки с соломинкой. Глаза его засветились.

— Вероятно, Жемле шпишут вше долги и выделят шредштва на ражвитие филиала. А ешли Конфедерашия и дальше шоглашитшя молчать, то шредштва штанут поштупать поштоянно. Желание ижбежать шкандала очень велико. А ваш, Джейкоб, наверное, наградят.

— Наградят? — Джейкоб оцепенел. Для «дикого» землянина любая галактическая награда представлялась чем-то вроде волшебной лампы Аладдина. Он едва верил своим ушам.

— Да-да, не шомневайтешь, хотя в Библиотеке и шожалеют о том, что вам не удалошь поведать о швоем открытии более ужкому кругу. Штепень их щедрошти будет, по-видимому, обратно пропоршиональна той оглашке, которую получит дело Буббакуба.

— Понимаю.

Мыльный пузырь лопнул. Одно дело принимать знак благодарности от власть предержащих, и совсем другое, когда хотят купить твое молчание. Разумеется, ценность награды не изменится, а может, окажется даже и выше. Впрочем, не спешит ли он с выводами? Ведь образ мышления

чужаков никогда не совпадал с человеческим. Логика дирекции Библиотеки всегда представлялась людям абсолютной загадкой. Единственное, что Джейкоб понимал совершенно отчетливо: Библиотека изо всех сил старается избежать плохой прессы. Его интересовало, говорит ли Кулла сейчас как официальное лицо, или же просто решил поделиться с ним своими догадками? Внезапно круглая голова прингла резко дернулась. Красные глаза вспыхнули, провожая проходящее мимо стадо тороидов. Из-за толстых складчатых губ послышалось низкое гудение. Прингл нащупал на подлокотнике кресла шнур микрофона.

— Ижвините меня, Джейкоб, но мне кажетша, я что-то увидел. Нужно шообщить коменданту.

Он забормотал в микрофон, не сводя глаз с точки в небе справа от себя. Что происходит там, под углом градусов в двадцать пять к палубе? Джейкоб напряг зрение, но не увидел ничего примечательного. Из кресла Куллы донесся далекий голос Хелен. Новый приказ! Через мгновение палуба чуть дрогнула. Корабль начал разворачиваться. Джейкоб взглянул на свой компьютер. На мониторе появились первые результаты. Ничего, что можно было бы интерпретировать как ответ на их сигнал. Жаль, жаль.

— Уважаемые софонты, — раздался голос Хелен, — прингл Кулла вновь обнаружил соляриан. Просьба всем занять свои рабочие места. Звонко клацнули давилки Куллы. Джейкоб вскинул глаза. Под углом в сорок пять градусов быстро росла сияющая точка. Вот уже можно было различить пять симметричных отростков Приблизившись к кораблю. Призрак остановился.

Прямо перед солнечным кораблем кривлялась вторая, зловещая ипостась солярианина. Утрированная карикатура на человека свирепо сверкала красными провалами глазниц и разинутого рта. На этот раз на корабле решили даже не пытаться поймать видение камерами. Ставку сделали на параметрический лазер.

Джейкоб подал знак Дональдсону. Тот защелкал кнопками.

— Внимание! Всем немедленно надеть защитные очки! Мы включаем лазер.

Дональдсон первым надел очки и, оглядевшись, убедился, что все выполнили его приказ. Исключение составил лишь Кулла, ему на слово поверили, что лазерное излучение безвредно для его глаз. Дональдсон склонился над своим детищем.

Даже сквозь стекла защитных очков Джей-

коб различил тусклое свечение на внутренней поверхности защитного экрана. Интересно, окажется ли этот «человек» более склонным к общению, чем его аморфный собрат? Скорее всего это то же самое существо. Возможно, оно и исчезало лишь навести марафет. Лазерный луч пробил Призрака насквозь. А тот продолжал свое бесстрастное порхание. Джейкоб услышал, как неподалеку чертыхается Милдред Мартин.

— Черт знает что! — яростно шипела она. Джейкоб оглянулся на нее.

Из-под массивного пси-шлема и нацепленных сверху очков высовывался лишь кончик носа. — Не то, не то, черт возьми! Что-то есть, но не там! Да что же случилось с этой проклятой штуковиной! — Она в сердцах хлопнула ладонью по шлему.

Внезапно видение спикировало и, словно гигантская бабочка, опустилось на обшивку корабля. «Лицо» подернулось полосатой рябью, существо начало растекаться по обшивке корабля, постепенно превращаясь в неровный прямоугольник, некое подобие экрана. На его поверхности то там, то здесь замелькали зеленые искры. Они беспорядочно мельтешили по «экрану». И внезапно сложились в слова!

— О Боже! — прошептал Джейкоб.

Где-то поблизости раздался дрожащий свист флейты. Сбоку Кулла громко молотил своим фарфором.

Прямо перед глазами ошарашенных и испуганных наблюдателей сияла надпись на правильном английском:

«ОСТАВЬТЕ НАС. НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ».

Джейкоб с силой вцепился в подлокотники кресла. Тишина, нарушаемая лишь учащенным дыханием людей и звуковыми эффектами В.З., становилась невыносимой.

— Милли! — Он изо всех сил старался не сорваться на крик. — Милли, ради Бога, вы что-нибудь уловили? — Джейкоб даже не заметил, как уже во второй раз за последнюю минуту изрекает лексический архаизм. Мартин застонала.

— Да… Нет! Нет! Я что-то поймала, но это абсолютно бессмысленно! Ни с чем не сообразно!

— Попробуйте спросить его! Спросите, получает ли он ваш пси?

Мартин сгорбилась, спрятав голову между вскинутых рук. Буквы тут же перестроились.

«СОСРЕДОТОЧЬТЕСЬ. ГОВОРИТЕ ВСЛУХ».

Джейкоб оцепенел. Он чувствовал, как внутри у него зашевелился мистер Хайд. Что же, черт

побери, заинтересовало этого пройдоху?!

— Спросите, почему он только сейчас решил заговорить с нами?

Мартин отчетливо повторила вопрос вслух.

«ПОЭТ. ОН ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС. ОН ЗДЕСЬ».

— Нет! Нет! Я не хочу! — в ужасе взвизгнул Ла Рок.

Джейкоб резко обернулся Репортер, прикрыв голову руками, скорчился в кресле рядом с автоматами для раздачи пищи.

«ПОЭТ ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС».

Изумрудная надпись не оставляла никаких сомнений.

— Доктор Мартин, — раздался спокойный голос Хелен, — спросите солярианина, почему нам не следует возвращаться. Через несколько мгновений надпись изменилась.

«МЫ ХОТИМ БЫТЬ ОДНИ. ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВЬТЕ НАС».

— А если мы все-таки вернемся? Что тогда? — хрипло спросил Дональдсон. Мартин угрюмо повторила вопрос.

«НИЧЕГО. НАС ВЫ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИТЕ. ТОЛЬКО НАШИХ МЛАДШИХ БРАТЬЕВ. НЕ НАС».

«По крайней мере выяснили, что существует два типа соляриан», — невесело подумал Джей-

коб. Должно быть, «обычная разновидность» — это их молодежь, которой поручаются простые задачи, например, сопровождение тороидов. Где же тогда обитают взрослые? Какая у них культура? Как вообще, скажите на милость, создания из ионизированной плазмы могут общаться с существами из воды, незванно заявившимися к ним в гости?! Мысли путались. Итак, взрослые соляриане могут избегать встречи с солнечным кораблем, да что там, с целой флотилией солнечных кораблей, столь же легко, как орел уворачивается от воздушного шарика. Если сейчас они прервут контакт, то никогда уже люди не смогут заставить их возобновить общение. Бессильная ярость овладела им.

— Пожалуйшта, — раздался голос Куллы, — шпрошите, обидел ли их Буббакуб? — Глаза прингла так и полыхали огНем. «БУББАКУБ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ. ВСЕ ЭТО МЕЛОЧИ. ОСТАВЬТЕ НАС».

Солярианин начал таять. Неровный прямоугольник уменьшался на глазах.

— Постойте! — Джейкоб вскочил на ноги. Вскинутые в отчаянии руки поймали пустоту. — Не бросайте нас так! Мы ведь ваши ближайшие соседи! Мы всего лишь хотели поделиться с вами

информацией! Скажи хотя бы, кто ты?! Призрак неумолимо удалялся. Вот налетело облако темного газа, скрыв солярианина из виду. Но прежде чем Призрак окончательно исчез, наблюдатели смогли прочесть последнюю фразу, блеснувшую сквозь разрыв в плазменных тучах:

«ПОЭТ ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС».

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

В глубокой древности два пионера-воздухоплавателя создали первые летательные аппараты, представлявшие собой обычные крылья. Один из них, Дедал, взлетев невысоко, и полет прошел благополучно. После приземления его окружили должным почетом и уважением. Икар же взмыл к самому солнцу, которое своим жаром растопило воск, скреплявший крылья, и полет смельчака закончился катастрофой. Классические авторитеты осудили Икара за его «лихачество». Я же предпочитаю считать, что он своим поступком выявил серьезный недостаток в конструкции современных ему летательных аппаратов. Сэр Артур Эддингтон. Из книги «Звезды и атомы».

Оксфорд-Юниверсити-Пресс, 1927

Глава 23

ВОЗБУЖДЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Пьер Ла Рок сидел на полу, прислонившись спиной к эксплуатационному куполу. Пухлые дрожащие руки обхватили колени, отрешенный взгляд уткнулся в палубу. Никогда в жизни журналист еще не чувствовал себя столь несчастным. Как утопающий за последнюю соломинку, Ла Рок хватался за надежду, что, может, Милли все-таки сжалится над ним и сделает укол. И он проспит выход корабля из хромосферы.

К сожалению, такой поворот дела совершенно не согласовывался с его новой ролью пророка. Ла Рок никак не мог справиться с дрожью, сотрясавшей его тело. Впервые за свою карьеру журналист осознал совершенно ясно и отчетливо, в чем состоит разница между комментатором событий и их творцом. Солярианин навлек на него проклятие. За что?! Вдруг это странное существо просто решило подшутить над ним? А может, слова запрятаны глубоко-глубоко и всплывут лишь после возвращения домой, вызвав на Земле всеобщие шок и замешательство? Вряд ли Призрак имел в виду собственное мнение журналиста… Ла Рок в отчаянии начал раскачиваться из стороны в сторону. Нет… одно дело, когда передаешь чьи-то

идеи и мысли, пропуская их через собственную личность, и совсем другое — вещать самому, обрядившись в одежды пророка.

Все остальные собрались у командного пункта, чтобы обсудить дальнейшие действия. Он слышал их гомон, от которого ему становилось еще хуже. За что?! За что?! Он чувствовал их взгляды на себе. Он знал: они говорят о нем. Впервые в жизни Пьер Ла Рок хотел умереть.

— А я говорю, его нужно убрать, — твердил Дональдсон, возбужденно размахивая руками. Картавость, прежде почти незаметная, стала сейчас отчетливой. Джейкоб прекрасно понял, что имеет в виду главный механик, и ему стало не по себе. — Неприятностям не будет конца, если он доберется до Земли, — мрачно добавил механик.

Милдред Мартин кусала губы.

— Нет! Это неразумно! Надо запросить Землю, как только мы вернемся на базу. Власти Конфедерации могут принять решение о его изоляции. Но никому не удастся выйти сухим из воды, если мы решимся на физическое уничтожение Питера.

— Довольно неожиданная реакция, Милли, — сухо заметил Джейкоб. — Я-то думал, что вам будет противна сама идея насильственного устранения. Но никак не ожидал такого прагматизма.

Мартин пожала плечами.

— Теперь-то уж, наверное, все вы поняли, что я представляю одну из фракций в Ассамблее Конфедерации. Питер мой друг, но если мне станет ясно, что долг перед Землей требует убрать его с дороги, я не задумываясь пойду на это. — Она надменно вскинула голову.

Впрочем, удивление Джейкоба было не совсем искренним. Маски скинуты, и вот-вот наступит развязка! Если даже добродушный Дональдсон решился высказаться за физическое устранение репортера, то чего уж ждать от остальных. Милдред Мартин с ее профессиональной бесстрастностью вполне способна подвести хорошую идейную базу под любое самое немыслимое предложение. Он оглянулся на репортера. Ла Рок тоже оставил свое притворство. Страх, похоже, полностью парализовал беднягу. Дональдсон вскинул указующий перст.

— А вы заметили, что солярианин даже не упомянул о нашем лазерном луче? Луч прошел сквозь него, а ему хоть бы хны! А ведь тот, другой…

— Юнец.

— Ну да, так вот юнец определенно прореагировал.

Джейкоб дернул себя за ухо.

— Загадкам нет конца. Почему взрослое существо избегает приборов? Ему есть что скрывать? Зачем во время предыдущих прыжков надо было угрожать нам? Почему он оставил политику запугивания? Почему вообще он не сразу пошел на общение с нами? Ведь доктор Мартин никогда не расстается со своим пси-шлемом.

— Может, как раз параметрический лазер и помог установить контакт?

Своего рода недостающее звено… — предположил один из членов экипажа. — Или он ждал кого-то с более высоким статусом… Мартин презрительно фыркнула.

— Мы уже выдвигали эту гипотезу во время предыдущего прыжка, но она, как вы знаете, не сработала. Буббакуб контакт симулировал, а Фэгин потерпел неудачу, несмотря на все свои старания… О! — Глаза ее внезапно расширились. — Вы имеете в виду Питера?!

На палубе повисла столь плотная тишина, что, казалось, ее можно резать ножом.

— Джейкоб, как жалко, что у нас не нашлось хотя бы захудалой камеры, — криво ухмыльнулся Дональдсон. — Она могла бы решить все наши проблемы.

Джейкоб невесело улыбнулся в ответ.

— Deus ex machina <бог из машины>, так что ли, механик? Вы не хуже меня знаете, что ждать особых милостей от Вселенной нам не приходится.

— У нас есть еще один путь — попросту смириться, — снова заговорила Мартин. — Возможно, нам больше никогда не удастся увидеть взрослых Призраков. На Земле наши рассказы об «антропоморфных фигурах» воспримут скорее всего крайне скептически. Доказательства — лишь размытые фотографии да утверждения двух десятков софонтов, которые с легкостью можно списать на счет массовой галлюцинации.

Она понуро опустила голову.

Джейкоб только сейчас осознал, что рядом с ним, почти касаясь его руки, стоит Хелен. Все это время она молчала.

— Что ж, во всяком случае, «Прыжку в Солнце» ничто отныне не угрожает, — заметил Джейкоб. — Можно смело Бог из машины продолжать исследования Солнца, изучать тороиды. Соляринин ясно дал понять, что они не станут нам мешать.

— А что с ним? — Дональдсон ткнул пальцем в скорчившегося на полу Ла Рока.

— Сейчас для нас важнее решить, что делать

дальше. Мы находимся у нижней границы стада. Я предлагаю подняться и порыскать над стадом. А вдруг соляриане так же сильно отличаются друг от друга, как и люди? Возможно, наш приятель просто был не в духе. — Джейкоб вопросительно взглянул на остальных.

— Я об этом как-то не думала, — равнодушно откликнулась Мартин.

— Пускай П-лазер работает в автоматическом режиме и выдает закодированные английские фразы. На то время, пока мы будем неторопливо продвигаться вверх, сориентируем лазер на стадо в надежде, что он привлечет более благосклонного взрослого солярианина.

— Если таковой обнаружится, надеюсь, я не наложу в штаны от страха, — грубовато заметил Дональдсон. — В прошлый раз я здорово перепугался. Хелен обхватила себя за плечи, словно ей внезапно стало холодно.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? Нет? Тогда разрешите мне подвести итог. Я не позволю, — продолжала она, чеканя каждое слово, — никаких опрометчивых действий в отношении мистера Ла Рока. А сейчас объявляю перерыв. Подумайте о том, что нам делать дальше. Пусть кто-нибудь минут через двадцать пригласит

Куллу и Фэгина на общее собрание. Пока все. Джейкоб почувствовал, как ее ладонь робко коснулась его руки.

— Вы в порядке, Хелен?

— Все отлично… — Но улыбка у нее вышла не слишком убедительной. — Просто я… Джейкоб, я хочу с вами поговорить.

— Хорошо.

Хелен покачала головой, казалось, едва сдерживая слезы. Она потянула его к крохотному закутку, прилепившемуся к центральному куполу. Ее кабинет. Задвинув за собой дверь, Хелен расчистила место на небольшом письменном столе и предложила ему сесть. Сама же Хелен прислонилась к двери.

— О Боже, Джейкоб, — выдохнула она, откинув со лба светлую прядь.

— Хелен… — Он рванулся к ней, но она жестом остановила его.

Глаза ее сверкнули.

— Джейкоб, — он видел ее отчаянные усилия взять себя в руки, — я прошу вас об одной любезности. Обещайте мне, что вы никогда и никому не расскажете о том, что сейчас услышите. Я не стану говорить, пока вы не пообещаете мне.

Ее глаза молили.

— Конечно, Хелен. Только…

— Обнимите меня… — Она судорожно всхлипнула и в следующее мгновение уткнулась ему в грудь.

Джейкобу ничего не оставалось, как крепко обнять ее. Он медленно баюкал ее, бормоча какие-то бессмысленные успокаивающие слова. Крупная дрожь сотрясала ее гибкое тело.

— Шшшшш… все в порядке, все в порядке, Хелен, все в порядке…

Мягкие волосы щекотали ему шею, нежный запах старинных духов заполнил все крохотное пространство «кабинета». Он чувствовал, что пьянеет от ее близости. Он ласково гладил ее по спине, по плечам и чувствовал, как расслабляются под его ладонями напряженные мышцы. Постепенно Хелен перестала дрожать, тело ее обмякло. Честно говоря, Джейкоб уже не знал, кто кому тут оказывает любезность. Он много лет не чувствовал себя таким умиротворенным. Его до слез тронуло ее доверие. Он был счастлив, да-да, именно счастлив. Где-то внутри скрипучий голос ворчливо жаловался на судьбу. Но причитания мистера Хайда были напрасны. Да и существовал ли вообще этот неприятный субъект? Джейкоб чувствовал, как губы его расползаются в идиоти-

чески-блаженную улыбку.

Через несколько мгновений Хелен подняла голову, смущенно улыбнулась и хрипло заговорила:

— Я напугана, Джейкоб. Никогда в жизни мне еще не было так страшно.

Но все равно нельзя так распускаться. Мне казалось, я смогу оставаться Железной Леди до конца полета, но… но вы… вы были слишком близко… Простите меня.

Джейкоб отметил, что она не делает никаких попыток отстраниться. Он по-прежнему крепко сжимал ее в объятиях.

— Пустяки, не переживайте, — коснулся он губами ее лба, — когда-нибудь я расскажу вам, как это было прекрасно. А ваш страх очень естествен. Я сам чуть рассудка не лишился, когда увидел эти надписи. А ведь любопытство и бесчувственность — суть моей натуры. Реакцию всех остальных вы видели. Просто на вас лежит ответственность за всех. Хелен не ответила. Она высвободила руки и положила ему на плечи.

— Во всяком случае, — он поправил ей выбившуюся прядь, — во время ваших межзвездных странствий у вас было куда больше причин для страха. Хелен сверкнула глазами.

— Мистер Демва, вы невыносимы! Вы и ваши навязчивые напоминания о моем опыте! Вы что, полагаете, я всегда была трусихой? Сколько же мне лет, по-вашему?

Джейкоб улыбнулся. Она по-прежнему не делала никаких попыток вырваться из его объятий.

— Ну, с релятивистской точки зрения… — начал он.

— К черту релятивизм! Мне двадцать пять! Запомните это раз и навсегда! Возможно, я и повидала больше вашего, но в реальном мире у меня куда меньше опыта, чем у вас, дорогой мистер Демва. И мой профессиональный уровень никак не влияет на мои чувства! Но я боюсь того, что нужно сохранять выдержку, отвечать за жизнь людей… В этом я не похожа на вас! Вы, с вашей вечной невозмутимостью, удачливый и бесчувственный, этакий герой-дурачок из народных сказок, вы… Капитан Бэлок на «Калипсо» был таким же. Когда мы прорвали безумную блокаду на J-8… А теперь я допущу еще одно нарушение закона и попрошу вас поцеловать меня, поскольку по собственному почину вы, похоже, этого делать не собираетесь! Она вызывающе взглянула на него. Джейкоб рассмеялся и привлек ее к себе. Какое-то мгновение она сопротивлялась, но

затем ее руки обвили его шею, и она приникла к его губам.

Джейкоб снова почувствовал, как она дрожит. Но на этот раз все было иначе. Внезапно с мучительной ясностью он осознал, что прошло больше двух лет с того момента, как… Он резко отшвырнул от себя все воспоминания. Таня мертва! А Хелен так восхитительно жива. Он сжал ее еще крепче и ответил на ее страстный призыв единственно возможным способом.

— У вас превосходные методы лечения, доктор, — лукаво заметила она. — Я словно родилась заново. А вот вы будто не один день провели в центрифуге.

— В центрифуге? Это что еще за зверь? Впрочем, неважно. Надоели мне ваши анахронизмы, мадам! Хочу заметить, вы очень тщеславны. Взгляните только на себя, так и светитесь от гордости, что заставили меня почувствовать себя слитком на наковальне.

— Угу.

Джейкоб не выдержал и рассмеялся.

— Замолчите, вы, невежа, разве вам неизвестно, что к старшим надо относиться с уважением и почтением? Кстати, сколько у нас еще времени? Он взглянул на часы.

— Около двух минут.

— Черт! Проклятое совещание! Вы только-только начали проявлять ко мне интерес. И кому это пришло в голову назначить столь неудобное время?

— Вам.

— Мне? Ах да! Действительно, мне. В следующий раз я отведу вам не меньше получаса, и мы сможем обсудить наши вопросы более подробно. Джейкоб неопределенно кивнул. Порой было очень трудно понять, говорит она в шутку или всерьез.

Прежде чем открыть дверь, Хелен обернулась и нежно поцеловала его.

— Спасибо, Джейкоб.

Он ласково коснулся ее щеки, и Хелен на мгновение прижалась к его ладони. Слова тут были излишни.

Она отодвинула дверь и выглянула наружу. Поблизости находился лишь пилот, внимательно следивший за своими приборами. Все остальные, по всей видимости, уже собрались в буфете.

— Пошли, — позвала она Джейкоба, — проголодалась — страсть! Лошадь бы проглотила.

Джейкоб вздрогнул. Лошадь?! Если он хочет узнать эту женщину получше, его воображение

должно быть готово к подобным упражнениям. Лошадь… Надо же!

Он шел вслед за Хелен, любуясь непринужденным изяществом ее походки. Джейкоб был настолько поглощен этим зрелищем, что не заметил, как мимо корабля скользнул гигантский тороид. Его вращающиеся бока были украшены замысловатыми звездами и молочно-белым нимбом.

Глава 24
СПОНТАННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Джейкоб и Хелен присоединились к остальным. Кулла, привстав на цыпочки, извлекал пустую банку диетического напитка из-под листвы Фэгина. Шаря одной рукой в зарослях разумного куста, другой прингл сжимал еще одну банку.

— Еще раз приветствую вас, друзья мои, — пропел кантен. — Прингл Кулла любезно согласился помочь мне принять диетическую добавку. При этом, боюсь, он совершенно забыл о собственном питании.

— Вше в порядке, шэр, — прошепелявил Кулла.

Джейкоб вытянул шею. Это был очень удобный случай узнать побольше о физиологическом

устройстве Фэгина. Кантен как-то сказал ему, что у представителей его вида отсутствует какая-либо стыдливость. Так что теперь он, наверное, не станет возражать, если его старый приятель проявит несколько чрезмерное любопытство.

Что же там орошал Кулла? Джейкоб попытался заглянуть через плечо прингла, но тот резко дернул рукой, освобождая зацепившийся за ветку рукав своего просторного одеяния. Удар пришелся прямо в глаз. Джейкоб вскрикнул и, не удержав равновесия, отлетел в сторону.

Громко застучали фарфоровые пластинки. Банки выпали из рук испуганного Куллы и покатились по палубе. Джейкоб поспешно вскочил на ноги и яростно взглянул на Хелен, тщетно пытавшуюся сдержать душивший ее смех. Затем перевел взгляд на трясущегося прингла.

— Не беспокойтесь, Кулла, — он поднял руку, — ничего страшного не произошло. Я сам виноват. Кроме того, у меня в запасе есть еще один глаз. Он подавил желание потрогать саднящую бровь. Кулла поднял на него засветившиеся глаза. Стук постепенно стих.

— Вы очень любежны, друг Джейкоб, — с трудом выговорил он, — в подобных иншидентах между подопечным и предштавителем штаршей

рашы именно подопечный нешет ответштвенношть. Шпашибо вам, вы очень добры.

— Да будет вам, дружище! — Джейкоб махнул рукой и постарался улыбнуться как можно натуральней. Далось это ему нелегко, он так и чувствовал, как заплывает глаз. И все же надо поскорей сменить тему, иначе бедняга совсем растеряется. — А что касается глаза, так я читал, что большинство видов, обитавших прежде на планете Прингл, вполне обходились одним органом зрения. До тех пор, пока не появились пилы со своими генетическими программами.

— Да, Джейкоб. Пилы наделили наш двумя глажами иж… эштетичешких шоображений, ведь большинштво двуногих в Галактике имеют бинокулярное жрение. Они не хотели, чтобы другие младшие рашы дражнили наш. Джейкоб нахмурился. За всем этим явно что-то скрывалось… Мистер Хайд наверняка уже во всем разобрался, но предпочитает отмалчиваться исключительно по причине дурного нрава. Вот скотина! И где это чертово подсознание?! Когда не нужно, оно так и прет наружу, когда же необходима его помощь…

— Но, дружище Кулла, я также читал, что представители вашего вида жили на деревьях, и… даже были брахиатами, если я ничего не путаю…

— Что это такое? — оглушительным шепотом осведомился за его спиной Дональдсон.

— Они предпочитали проводить время, повисну в на дереве, — так же шепотом ответила Хелен, — тише вы!

— Но если у ваших предков имелся только один глаз, то каким образом они могли оценивать расстояние при прыжках с дерева на дерево? Не успел Джейкоб договорить, как его охватило ликование. Вот оно! Что, любезный мистер Хайд, не только вы чего-нибудь стоите? Это все Хелен, все ее благотворное влияние. Теперь ответ Куллы его нисколько не интересовал. Джейкоб упивался победой над своим ловким соперником.

— Я думал, вы жнаете, друг Джейкоб. Я шлышал, как комендант де Шильва объяшняла перед первым прыжком, что мое вошприятие отличаетшя от вашего. Мои глажа шпошобны определять не только интеншивношть ижлучения, но и его фажу.

— Вот как? — Разговор и в самом деле становился чрезвычайно интересным. «Надеюсь, Фэгин даст мне знать, когда я коснусь болезненной для Куллы темы». — Но ведь излучение солнечного света, если на пути его распространения имеются препятствия, непостоянно. Подобную систему

используют дельфины в звуковом диапазоне. Они также воспринимают фазу волны, но при этом сами обеспечивают когерентность, издавая сигналы через строго определенные промежутки времени. — Джейкоб отступил назад, выдерживая паузу, словно умелый актер. Под ногой что-то треснуло, он рассеянно подобрал одну из упавших банок. — Так что, если даже ваши предки и воспринимали фазу излучения, то в отсутствие когерентного источника эта способность была абсолютна бесполезна. — Джейкоб чувствовал, как внутри него нарастает возбуждение. Он облизнул внезапно пересохшие губы. — Лазер! Природный лазер! Неужели в ваших лесах есть источники лазерного излучения?!

— Черт побери, это становится интересным! — проворчал за его спиной Дональдсон. Кулла кивнул.

— Да, Джейкоб. Мы нажываем их, — фарфоровые давилки начали выбивать сложный ритм, — раштениями… Прошто не веритша, что вы шмогли догадатша о них на ошновании штоль малого количештва данных. Ваш можно пождравить. Когда мы вернемша на Меркурий, я обяжательно покажу их изображения. Джейкоб взглянул на Хелен, как-то странно улыбавшуюся

ему. Где-то в глубинах его мозга раздался отдаленный рокот, но он не обратил на него внимания.

— Мне было бы очень интересно, Кулла.

В руке Джейкоб по-прежнему сжимал банку. В воздухе стоял аромат свежескошенной травы.

— Вот, Кулла, ваш завтрак. — Он протянул принглу банку, рассеянно взглянув на надпись на этикетке. И тут же почти вырвал банку из руки чужака.

— Милли, идите скорее сюда! Взгляните! — Он протянул банку Мартин, ткнув пальцем в этикетку.

— Алкалоидная смесь?.. Альфа-ацетонил-бензил-гидроксикумарин? — Она подняла на него непонимающий взгляд, затем глаза ее расширились. — Варфарин! Это же варфарин! Так, значит, он служит диетической добавкой в питании принглов! Но каким образом она попала в аптечку Дуэйна? Джейкоб смущенно улыбнулся.

— Боюсь, недоразумение возникло исключительно по моей вине. Как-то на «Брэдбери» мне не спалось, и я решил выпить кофе, но по рассеянности заказал питание Куллы. В тот момент я был настолько сонным, что начисто забыл об этом происшествии. И таблетка, по-видимому, попала в один карман с лекарствами Кеплера. В итоге и

возникла вся эта путаница. Ситуацию усугубило то, что диетическая добавка Куллы оказалась идентична старому земному яду. Сколько же я наделал ошибок! Я ведь решил, что это Буббакуб подсунул доктору Кеплеру яд, но, честно говоря, уже тогда эта теория мне не нравилась.

Он виновато пожал плечами.

— Что касается меня, то я рада, что все наконец выяснилось, — рассмеялась Мартин. — Всеобщая подозрительность не самое приятное на свете!

Конечно же, открытие это не имело уже никакого значения, но разрешение загадки, изрядно попортившей всем крови, существенно подняло настроение.

Лишь Ла Рок не присоединился к всеобщему ликованию, предпочитая прохаживаться в стороне, что-то бормоча себе под нос и загадочно улыбаясь. Мартин позвала его, но он лишь покачал головой и продолжил прогулку по периметру корабля.

Хелен коснулась руки Джейкоба, все еще сжимавшей банку Куллы.

— Кстати, о совпадениях… Вы внимательно прочли формулу пищевой добавки Куллы? — Она бросила на него многозначительный взгляд. В этот момент прингл, вежливо отступивший в

сторону, снова придвинулся к нему.

— Джейкоб, ешли вам больше не нужен мой жавтрак, то можно, я жаберу его?

— Что? Ах да! Конечно же, вот держите. Так что вы там говорите, Хелен?

Он любовался ее прелестным лицом, не слыша, что она говорит. Типичный признак начальной стадии влюбленности — никак не можешь сосредоточиться на смысле слов объекта обожания.

— …Я говорю, что, когда доктор Мартин зачитывала вслух формулу диетической добавки, я заметила очень интересное совпадение. Помните, мы недавно говорили о лазерах на органических красителях? Так вот… Голос Хелен снова отдалился. Джейкоб видел, как движутся нежные губы, но ничего не слышал. Одно лишь слово стучало в мозгу раскаленным молотом: кумарин. Кумарин.

Он чувствовал поднимающуюся изнутри дрожь. Нервные окончания не выдерживали напряжения. Мистер Хайд мощно и настойчиво стремился на волю, не давая сосредоточиться на словах Хелен. Он мог лишь понять, что она отправляется в полет на «Калипсо» и хотела бы взять его с собой. Неужели мистер Хайд ненавидит Хелен? Догадка выглядела просто ошеломляющей. Впервые после смерти Тани он

может попытаться полюбить, и… Жгучая боль стиснула череп раскаленным обручем. Откуда такая ненависть?! Мистер Хайд нарушил их соглашение! Он давно уже знает все, но таит свои знания в темном болоте подсознания. Невыносимое ощущение.

— Джейкоб, с вами все в порядке? — пробился сквозь пелену голос Хелен.

Он поднял на нее затуманенный взгляд. В глазах Хелен читалась нескрываемая тревога. Из-за ее плеча на него в упор уставился Кулла.

— Хелен, — резко сказал Джейкоб, — пожалуйста… рядом с панелью я оставил коробочку с таблетками от головной боли… Вы не могли бы принести ее? — Он сморщился от нового приступа.

Паника билась внутри, готовая вот-вот выплеснуться наружу.

— Хорошо, я мигом! — Хелен быстрым шагом направилась к пульту управления.

Джейкоб вздохнул с облегчением Ушла. Он скользнул взглядом по остальным. У всех на поясе болтались защитные очки. Лишь комендант, опытнейшая и осмотрительнейшая де Сильва, напрочь забыла о мерах безопасности.

Направляясь к пульту управления, Хелен

никак не могла справиться с охватившими ее сомнениями. Джейкоб не оставлял никакой коробочки с лекарствами! Она бы знала об этом. Он просто хотел избавиться от нее. Но почему? Она оглянулась. Джейкоб извлек из пищевого автомата протеиновый шарик и непринужденно направился к П-лазеру. У люка в гравитационную петлю стоял Кулла, не сводя с него пристальных светящихся глаз. Джейкоб совершенно не походил на человека, испытывающего приступ головной боли! Хелен почти обиделась. Что ж, раз этот чертов индеец не хочет, чтобы она была рядом с ним, тем лучше! Надо сделать вид, что она ищет проклятые таблетки! Она уже собиралась отвернуться, как вдруг Джейкоб споткнулся об один из корней Фэгина и растянулся на палубе. Протеиновый шарик покатился, остановившись у основания П-лазера. Прежде чем Хелен успела что-либо сообразить, Джейкоб с глупейшей улыбкой вскочил на ноги и бросился подбирать свою дурацкую подкормку. Хелен внимательно следила за его непонятными манипуляциями. Вот он наклонился, чтобы поднять шарик, неуклюже при этом задев ствол лазера.

В следующее мгновение синее сияние залило палубу. Раздались испуганные крики. Хелен,

инстинктивно прикрыв глаза одной рукой, другой потянулась к поясу за защитными очками. Но их там не было! Кресло! Она забыла их там! Вот дура!

Кресло находилось футах в трех от нее. Не открывая глаз, Хелен прикинула, в каком направлении ей следует двигаться, и, не теряя времени, одним прыжком-падением, преодолела расстояние. Слава Богу, очки здесь! По-прежнему не открывая глаз, Хелен натянула очки, и только тогда решилась оглядеться.

Повсюду мелькали яркие блики. Луч, потерявший строго радиальное направление, отражался от вогнутой поверхности оболочки, накрыв палубу лазерной сетью. Свет, промодулированный «кодом для установления контакта», мерцал на палубе и на поверхности центрального купола. Возле пищевых автоматов на полу скрючились человеческие тела. Никто не делал попыток подобраться к П-лазеру и отключить его. Черт побери, где же Джейкоб и этот увалень Дональдсон?! Неужели их ослепило в первое же мгновение?!

У люка в гравитационную петлю толкалось несколько фигур. В стробоскопическом мельтешений Хелен с трудом узнала Демву, главного механика и… Куллу. Что… что они, черт возь-

ми, там делают?! Она не верила своим глазам — Джейкоб, похоже, пытался нахлобучить на голову Куллы мешок!

Времени на размышления больше не было. Впрочем, как и особого выбора. Первым делом надо отключить лазер, а потом уже разбираться. Уворачиваясь от синих лучей, Хелен метнулась к П-лазеру и ударила по переключателю. Световая чехарда разом прекратились, если не считать какой-то странной запоздавшей вспышки, мелькнувшей у люка в гравитационную петлю. За вспышкой последовал леденящий душу вопль. В наступившей тишине отчетливо послышались стоны, раздававшиеся со всех сторон.

— Капитан, что это?! Что происходит? — загремел по внутренней связи встревоженный голос пилота. Хелен схватила ближайший микрофон.

— Хьюз, — быстро произнесла она, — что с кораблем?

— Все нормально. По счастью, я заранее надел защитные очки. Но что случилось, командир?!

— П-лазер сместился. Действуйте, как обычно. Держитесь неподалеку от стада. Я скоро подойду. — Она бросила микрофон.

— Чен! Дубровский! Кто-нибудь! — Она пыталась разглядеть в красном полумраке, что делают

все остальные.

— Я здесь, командир! — Это был голос Чена.

Вместо ответа Хелен выругалась и сорвала с лица мешающие очки. Чен склонился у люка над скорчившейся на палубе фигурой.

— Дубровский мертв, командир. — Он поднял на нее глаза. — Ему выжгло глаза.

Доктор Мартин скрючилась у основания ствола Фэгина. Заметив Хелен, кантен тихо свистнул.

— С вами все в порядке? — быстро спросила она.

Фэгин издал протяжный звук, отдаленно напоминавший утвердительный ответ. Мартин приподнялась на коленях, тряся головой. Очки на ее лице перекосились. Хелен помогла ей подняться и осторожно сняла очки.

— Давайте, доктор, у вас появились пациенты. — Она потянула ее за руку. — Чен! Быстрее аптечку! Давайте же, доктор, шевелитесь! У Мартин внезапно подкосились ноги, и она беспомощно опустилась на пол.

Хелен стиснула зубы и резко дернула ее за руку, рывком подняв на ноги. Мартин пошатнулась, но устояла.

Хелен с размаху ударила ее по щеке.

— Очнитесь, Милли! Или вы сейчас же зай-

метесь пострадавшими, или я выбью вам все зубы! — Она поразилась собственной ярости. Мартин вяло кивнула, и, как сомнамбула, двинулась к лежавшим без движения Джейкобу и Дональдсону.

Джейкоб застонал и слегка пошевелился. Хелен почувствовала, как силы оставляют ее. Она опустилась на колени и осторожно отвела его руку, прикрывавшую лицо. Ожоги выглядели незначительными, глаза не пострадали. Глубоко вздохнув, она поднялась и подвела беспомощную Мартин к Дональдсону. Главному механику опалило всю левую половину лица. Левое стекло защитных очков было разбито.

Появился тяжело дышащий Чен. В руках он держал аптечку. Доктор Мартин вздрогнула, словно приходя в себя, и подняла глаза на Чена.

— Вам нужна помощь, доктор?

Мартин покачала головой и протянула руку за аптечкой.

— Справлюсь.

Она опустилась на палубу около Дональдсона и принялась раскладывать инструменты.

Хелен повернулась к Чену.

— Найдите Ла Рока и Куллу! Как только кого-нибудь из них обнаружите, немедленно сообщите.

Джейкоб снова застонал и попытался приподняться. Хелен вытащила из кармана платок и, смочив в ближайшем питьевом фонтанчике, уселась на пол рядом с Джейкобом. Бережно положив его голову к себе на колени, она принялась осторожно промывать раны. Он скривился от боли.

— Ох… — он снова застонал, — надо было учесть… Его предки лазали по деревьям… Сил у него не меньше, чем у наших шимпанзе. А на вид такой дохляк!

— Может, объяснишь мне, что ты тут устроил? — тихо спросила она, не прекращая своего занятия.

Джейкоб замычал от боли. Левую руку он сунул за спину и попытался что-то выдернуть из-под себя. После пары неудачных попыток ему удалось вытащить большой мешок из-под защитных очков. Он изумленно взглянул на него и отшвырнул в сторону.

— Голова просто раскалывается, — пожаловался он Хелен и с ее помощью привел себя в сидячее положение.

— Кулла, случайно, не валяется где-нибудь здесь без сознания? Мне казалось, что ударил я его как следует.

— Я не знаю, где Кулла! — в сердцах воскликнула Хелен. — Так что же…

По внутренней связи зазвучал голос Чена:

— Командир! Я нашел Ла Рока. С ним все в порядке, он все это время просидел с другой стороны от купола и ничего не знает о случившемся! Джейкоб на четвереньках подполз к Мартин и быстро заговорил. Хелен поднялась и подошла к ближайшему креслу. Вытянув микрофон, она спросила:

— Чен, вы видели Куллу?

— Нет, его нигде нет! Должно быть, он на обратной стороне корабля. — Чен запнулся. — У меня такое впечатление, что здесь кто-то дрался. Вы не знаете, что все-таки случилось?!

— Нет, Чен, но как только что-нибудь выясню, сразу сообщу. А пока лучше помогите Хьюзу.

Джейкоб уже поднялся и, прихрамывая, подошел к ней.

— С Дональдсоном все будет в порядке, но глаз ему понадобится новый.

Хелен, я собираюсь отправиться на поиски Куллы. Мне нужен в помощь кто-нибудь из твоих людей. А ты как можно быстрее выводи нас отсюда! Она в ярости взглянула на него.

— Да ты только что убил моего человека! Дуб-

ровский мертв! Дональдсон потерял глаз! И ты требуешь, чтобы я помогла тебе охотиться на Куллу?! Да ты не в себе!

— Я никого не убивал, Хелен.

— Не убивал?! Да я собственными глазами видела, как ты толкнул П-лазер! Ты во всем виноват, только ты! Зачем ты напал на Куллу?

— Хелен, — Джейкоб сморщился и схватился за голову, — нет времени объяснять. Я хочу, чтобы ты поняла: главное сейчас — выйти из хромосферы! Ты должна вывести нас. Теперь, когда я раскрыл его, он способен на все.

— Объясни!

— Я… я намеренно толкнул лазер… я…

Космический костюм так плотно облегал фигуру Хелен, что, казалось, спрятать глушитель нет никакой возможности, но тем не менее в руках коменданта откуда ни возьмись появился миниатюрный предмет.

— Продолжай, — ровным голосом приказала она.

— Кулла следил за мной. Если бы я объявил о своей догадке, он тут же ослепил бы нас всех! Я намеренно отослал тебя подальше, а сам постарался добраться до мешка с защитными очками. Лазер я толкнул, чтобы запутать Куллу.

— И убил ни в чем не повинного человека!

Джейкоб едва справился с подступившим приступом гнева.

— Послушай, ты, идиотка! Я направил луч вниз! Вниз, ты понимаешь?! Он мог ослепить, но никак не выжечь глаза! Если ты мне не веришь, то давай, стреляй! Свяжи меня по рукам и ногам! Делай, что хочешь, но только выводи нас отсюда! Иначе он нас убьет.

— Кулла?

— Да, черт побери! Испепелит нас своими дьявольскими глазами! У него же вместо глаз лазеры! Кумарин! Ты же сама мне рассказывала! Его «диетическая добавка» — это лазерный краситель! Кулла убил Дубровского в тот момент, когда мы втроем набросились на него! Он лгал, рассказывая о существовании лазерных деревьев на своей планете! У принглов имеется собственный источник когерентного света. Во всем виноват Кулла! Это он пугал нас изображениями гуманоидных Призраков! И это… О! — Джейкоб в отчаянии махнул рукой. — Какой же я идиот! Ведь если его глаза являются настолько тонким инструментом, что способны создавать изображения Призраков на внутренней поверхности оболочки корабля, то, значит, он может вмешиваться и в работу

оптических компьютеров Библиотеки! Это он так запрограммировал компьютеры, что они определили Ла Рока как поднадзорного, и это он… А я… я ведь в этот момент находился рядом с ним! Я лично наблюдал, как Кулла перепрограммировал корабль Джеффа! Пока я любовался световыми потоками, это чудовище… — Джейкоб застонал. Хелен отшатнулась и затрясла головой.

— Нет! Нет!

Джейкоб умоляюще взглянул на нее.

— Почему именно Кулла всегда первым обнаруживал появление гуманоидных Призраков? Почему никто не наблюдал их во время того прыжка, когда он вместе с Кеплером находился на Земле? И как я не сообразил, зачем он настоял на том, чтобы и у него тоже взяли изображение «сетчатки»! Хелен лихорадочно пыталась собраться с мыслями. Это невозможно!

Чудовищно!

— Хелен, ты должна мне поверить! — Джейкоб устало взглянул на нее и отвернулся.

Какое-то мгновение она в упор разглядывала его, затем с проклятием кинулась к микрофону.

— Чен! Немедленно уходим! Никаких предупреждений, никаких задержек!

Уходим! Включайте двигатели на полную

мощность и вперед! Систему сжатия времени переведите в максимальный режим! Я хочу как можно скорее увидеть над головой черное небо!

— Слушаюсь, командир!

Корабль дернулся. Хелен и Джейкоб едва устояли на ногах.

Она снова заговорила в микрофон:

— Внимание всем! С этого момента запрещено снимать защитные очки!

Постарайтесь как можно быстрее занять свои места и пристегнуться. Хьюз, немедленно сообщите, что происходит за люком гравитационной петли! Корабль быстро набирал скорость. Тороиды стремительной чередой неслись навстречу. Каждый раз, когда очередной обитатель хромосферы оказывался ниже плоскости палубы, он ярко вспыхивал, словно прощаясь с пришельцем.

— Мне тоже следовало догадаться, — потерянно сказала Хелен. — А я вместо этого отключила лазер и, наверное, позволила ему уйти. Джейкоб быстро поцеловал ее.

— Ты не могла знать. На твоем месте я бы тоже прежде всего занялся лазером.

Она перевела взгляд на тело Дубровского. Губы ее задрожали.

— Ты отослал меня, потому что…

— Командир, — раздался голос Чена, — у меня проблемы. Система сжатия времени выходит из-под контроля. Мне нужна помощь Хьюза. Кроме того мы потеряли связь с базой.

Джейкоб сжал кулаки.

— Сначала лазерная связь, затем система сжатия времени, потом система управления гравитацией и наконец стасис-экраны. Все очень логично. Хелен поднесла к губам микрофон.

— Нет, Чен, Хьюз мне нужен здесь. Придется вам действовать в одиночку.

Она отключила связь и твердо взглянула на Джейкоба.

— Я иду с тобой.

— Нет. — Джейкоб надел защитные очки и подобрал пустой мешок. — Если Кулла выведет из строя все системы, то мы изжаримся в буквальном смысле. Но если мне удастся задержать его хоть ненадолго, то у нас есть шанс выбраться отсюда. И вывести нас сможешь только ты. Пожалуйста, дай мне твое оружие. Вдруг пригодится.

Хелен послушно протянула ему глушитель. Она понимала: спорить сейчас глупо, оставалось лишь безропотно передать бразды правления Джейкобу Демве.

Спокойное гудение двигателей сменилось низким тревожным воем. Джейкоб вопросительно взглянул на нее.

— Отключилась система сжатия времени, у нас его почти не осталось, — спокойно ответила Хелен.

Глава 25
СВЯЗАННОЕ СОСТОЯНИЕ

Джейкоб скорчился в тесном проеме люка, готовый в любой момент выскочить наружу. Пока все шло хорошо. В гравитационной петле, по счастью, Куллы не оказалось.

Петля, связывавшая две стороны корабля, была идеальным местом для засады. Но Джейкоба отсутствие Куллы не слишком удивило. На то имелись две причины. Прежде всего Кулла не стал устраивать здесь засады из чисто практических соображений. Оружие прингла действовало лишь в зоне прямой видимости, петля же круто изгибалась, так что преследователь имел возможность продвигаться незаметно. Кроме того, любой предмет, брошенный вдоль петли, пролетал ее всю, не снижая скорости. Когда они с Хьюзом начали подъем по петле, то на всякий

случай решили метнуть несколько ножей. Ножи они подобрали на обратной стороне неподалеку от выхода из петли в луже нашатырного спирта, которым усердно орошали свой путь, продвигаясь вперед.

Разумеется, Кулла мог поджидать их сразу за люком. Но имелась еще одна причина, которая заставила прингла забыть о безопасности тылов. Он спешил. Кулла мог рассчитывать на успех, только пока солнечный корабль не удалился достаточно далеко. Выйди они в открытый космос, и хромосферные бури тут же потеряют опасность. Прочная зеркальная оболочка достаточно хорошо отражает тепло, так что они смогут продержаться до прибытия помощи. Поэтому Кулле необходимо как можно скорее покончить с ними. Впрочем, и с самим собой. Джейкоб нисколько не сомневался, что прингл уже добрался до компьютера и сейчас с помощью своих лазерных глаз пытается вмешаться в работу защитных программ. Зачем Кулла все это затеял, гадать было некогда. Хьюз подобрал ножи, пополнив боевой арсенал преследователей, в который входили также пластиковый мешок, несколько баллончиков с нашатырным спиртом и миниатюрный глушитель Хелен. По классической схеме один

из них должен был пожертвовать собой, выманив Куллу, а другой тем временем прикончил бы врага. Существовало два варианта: либо им нужно приблизиться к Кулле одновременно с разных сторон, либо один должен двигаться чуть впереди, отвлекая внимание прингла. Другой же, с индейским воплем выпрыгнув из-за спины своего героического друга, пустил бы в ход глушитель.

Но, к сожалению, ни один из этих планов не годился. Проблема заключалась в том, что их противник в прямом смысле убивал взглядом. Правда, положение несколько облегчалось одним обстоятельством: если для создания «взрослых» Призраков энергии требовалось скорее всего немного, то использовать лазерные глаза в качестве оружия Кулла наверняка долго не мог. Джейкоб не помнил, сколько раз прингл выстрелил на верхней стороне… Хотя, возможно, это и не имело решающего значения. Ведь у Куллы было целых два глаза и всего лишь два противника. Достаточно и по одному выстрелу из каждого глаза.

Кроме того — и вот это Джейкобу уж совсем не нравилось, — они не имели никакого понятия, как далеко простираются способности прингла. А вдруг Кулла может следить за ними по отражени-

ям от внутренней оболочки? Убить их с помощью отражений он, конечно, не сумеет. Слабое утешение! Если бы многократные отражения не столь сильно ослабляли излучение параметрического лазера, то был бы шанс поразить чужака, пустив пучок по всему кораблю. Люди и Фэгин могли бы пока укрыться в гравитационной петле. Джейкоб чертыхнулся про себя. Почему они так медлят с запуском лазера? Рядом с ним Хьюз что-то тихо бормотал по внутренней связи. Закончив говорить, он взглянул на Джейкоба.

— Они готовы.

Защитные очки хотя и выполнили свою функцию, но резкий свет, заливший стенки внешней сферы, все же бритвой полоснул по глазам. Хелен и доктор Мартин скорее всего подтащили П-лазер к самому краю палубы. По расчетам коменданта, луч должен был отразиться от купола как раз против компьютера. К сожалению, узкий промежуток между палубой и оболочкой не позволял направить луч напрямую. А отраженное излучение скорее всего не нанесет Кулле никакого вреда. Тем не менее внезапная вспышка, похоже, изрядно напугала Куллу. В тот самый момент, когда наверху включили лазер и Джейкоб с Хьюзом зажмурились, со стороны компьютера донесся

громкий стук фарфора. Потом возник шум. Когда глаза немного привыкли к слепящему сиянию, Джейкоб смог различить в воздухе тонкие яркие линии. Это луч П-лазера рассеивался по висящей в воздухе пыли. Очень удачно. Теперь хотя бы не надо думать о том, чтобы не напороться на него.

— Внутренняя связь на максимуме? — громко спросил он.

Хьюз вскинул вверх большой палец.

— Хорошо, тогда пошли!

П-лазер беспорядочно менял оттенки, не выходя за пределы сине-зеленого диапазона. Джейкоб рассчитывал, что в этом случае Кулла не сможет уловить отражения от внутренней оболочки.

Он скомандовал:

— Раз. Два. Три. Вперед!

Стрелой проскочив открытый промежуток, Джейкоб нырнул за одну из огромных телекамер на краю палубы. В следующее мгновение он услышал, как Хьюз тяжело приземлился у соседней камеры.

Он оглянулся. Пилот взмахнул рукой.

— Ничего нет! — хрипло прошептал Хьюз.

С помощью зеркальца из аптечки Джейкоб постарался рассмотреть, что находится за углом камеры. Хьюз на своем месте проделывал те же

манипуляции, пустив в ход зеркало из косметички Милли Мартин. Куллы нигде не было.

Вдвоем они могли видеть больше половины всей палубы. Компьютер находился по другую сторону купола, чуть за пределами поля зрения Хьюза. Джейкобу предстоял долгий путь по кругу от одной камеры к другой. На стенках корабля вспыхивали и тут же гасли сине-зеленые блики параметрического лазера, полностью перекрывая красное сияние хромосферы. Призрачная дымка мерцала в воздухе. Несколько минут назад корабль покинул большое волокно, стадо тороидов осталось в сотне миль внизу. Внизу, то есть как раз над их головами. Джейкоб поморщился. Фотосфера с Большим Пятном отсюда представлялась бесконечным бурлящим потоком, с которого живыми сталактитами свисал лес колеблющихся спикул. Он продолжал Двигаться вперед, неслышной ящерицей извиваясь меж обзорных телекамер. Внезапно прямо перед собой Джейкоб увидел яркую синюю полосу. Он резко вскочил и, перепрыгнув через смертоносный луч, кубарем покатился к следующему укрытию. Отдышавшись, он достал из кармана зеркальце. Куллы по-прежнему нигде не было видно. Хьюза тоже. Джейкоб дважды коротко свистнул, давая

знать, что перед ним все чисто. Хьюз ответил.

Со следующим лучом Джейкоб решил не рисковать и осторожно прополз под ним. Всякий раз, преодолевая открытое пространство, он чувствовал, как натягивается кожа в ожидании прожигающей насквозь вспышки. Надо бы успокоиться. Он прислонился щекой к холодному корпусу очередной телекамеры. Что-то здесь не так. Он тяжело дышал, сердце с силой бухало в груди. «Почему я так устаю?! Что со мной? Что-то здесь не то». Джейкоб судорожно сглотнул и осторожно выставил зеркальце. Боль резкой вспышкой пронзила пальцы. Вскрикнув, он выронил зеркальце и затряс обожженной рукой.

В следующее мгновение мозг автоматически погрузился в легкий транс. Искры в глазах гасли по мере того, как боль отделялась от него. Но вот волна облегчения схлынула, словно невидимый противник набрался сил и с новой энергией потянул канат на себя, таща его в черную пропасть нестерпимой боли. Надо остановиться. Удовлетвориться достигнутым уровнем, иначе можно потерять все.

Чертов мистер Хайд и его проделки! Нашел время для своих игр! Джейкоб взглянул на руку. Боль чуть отступила Указательный и безымянный

пальцы были обожжены очень сильно, остальные пострадали меньше. Ему удалось подать Хьюзу условный сигнал. Что ж, пришла пора привести в действие их план. Единственный план, который имел хоть какие-то шансы на успех.

А он состоял в том, чтобы успеть вывести корабль в открытый космос. Система сжатия времени не работала — ее Кулла вывел из строя в первую очередь. В результате субъективное время почти совпадало с реальным. Поскольку нападение на Куллу вряд ли будет успешным, то лучший способ оттянуть гибель корабля — это поговорить с принглом. Облокотившись о голографическую камеру, Джейкоб сделал два глубоких вдоха, внимательно прислушиваясь к каждому звуку. Кулла всегда передвигался очень шумно. Именно на это обстоятельство Джейкоб и рассчитывал в том случае, если пригл решит напасть на них. Только бы выманить его на открытое пространство! Уж тогда он не упустит шанса, и глушитель Хелен исполнит свою миссию, благо пучок у него широкий и прицеливаться особо не надо.

— Кулла! — негромко позвал он. — Вы не считаете, что зашли слишком далеко? Почему бы вам не выйти и не поговорить со мной? Джейкоб

замолчал и прислушался. Откуда-то донеслось слабое жужжание, словно прингл изо всех сил старался сдержать стук фарфоровых давилок. Во время драки на верхней палубе им с Дональдсоном приходилось, помимо всего прочего, то и дело уворачиваться от этих ослепительных молотилок.

— Кулла! — снова позвал он. — Я знаю, что глупо судить чужака по законам своего вида, но я искренне считал вас другом. Вы обязаны хотя бы объясниться! Поговорите с нами. Если вы действуете по приказу Буббакуба, то не надо бояться. Я обещаю вам, что вы не будете слишком наказаны! Жужжание усилилось. Послышалось усталое шарканье. Раз. Два. Три…

Шаги смолкли. Слишком мало, чтобы определить направление!

— Джейкоб, я прошу у ваш прощения. — Шелестящий голос Куллы заполнил палубу. — Прежде чем мы умрем, я хочу ш вами поговорить, но шначала я прошу выключить лажер. Мне очень больно.

— Кулла, моя рука тоже болит.

В голосе Куллы послышалось раскаяние.

— П-п-проштите меня, Джейкоб. Пожалуйшта, проштите. Вы мой друг. Отчашти я делаю это для

ваш и вашей рашы. Это прештупление необходимо. Как хорошо, что шмерть уже так ближко, и я ошвобожушь от швоей памяти. Софистика чужака потрясла Джейкоба. Уж чего-чего, а подобных стенаний недоученного студента он от Куллы никак не ожидал. Он обдумывал ответ, как вдруг по внутренней связи раздался негромкий голос Хелен:

— Джейкоб! Ты слышишь меня? Гравитационные двигатели теряют мощность.

Скорость падает.

Она замолчала. Да продолжения и не требовалось — все и так было яснее ясного. Если немедленно не предпринять решительных действий, то им предстоит долгое падение на Солнце. Дорога, ведущая в никуда. Когда корабль окажется в пределах досягаемости конвекционной ячейки, его затянет внутрь солнечного ядра. Если к тому времени от корабля, конечно же, хоть что-нибудь останется.

— Видите ли, Джейкоб, — снова зашепелявил Кулла, — тянуть время нет уже никакого шмышла. Вше кончено. Я жнаю, что вы уже ничего не шможете ишправить. Но, пожалуйшта, поговорите со мной, Джейкоб. Я не хочу умереть вашим врагом.

Джейкоб не отрывал глаз от перистых облаков хромосферы. Потоки раскаленного газа двигались «вниз», в направлении, противоположном движению корабля, но это могла быть просто особенность конвекционных процессов в ограниченной области. И несомненно, это движение замедлилось. Возможно, корабль уже начал падение в ад.

— Вы очень пронишательны, Джейкоб. Вы шмогли рашкрыть мою миштификашию, ошновываяшь лишь на кошвенных швидетельштвах. И вы блештяще разобралишь в иштории моей рашы! Шкажите, ваш не поражает, что фантомы иногда появлялишь наверху, когда я находилша на обратной штороне? Джейкоб напряженно размышлял. Он никак не мог ухватить ускользающую суть.

— Наверное, вы просто перегибались через край палубы и посылали свой луч сквозь удерживающее поле. Это, кстати, хорошо объясняет, почему изображение иногда выглядело искаженным. На самом же деле мы наблюдали его отражение от внутренней оболочки.

Внезапно его осенило. И как он раньше не догадался! Яркая вспышка в Бахе. Ведь открыв глаза, он тогда увидел перед собой именно Куллу!

Должно быть, в тот момент прингл снимал его голограмму. Отличный способ запомнить незнакомца с первой же встречи!

— Кулла, — медленно продолжил он, — не хочу выглядеть злопамятным, но все-таки мне было бы интересно узнать, почему я так странно повел себя во время предыдущего прыжка? Это ваши шутки?

Кулла молчал. Пауза затягивалась. Дробно выстукивал фарфор. Когда прингл наконец заговорил, его шепелявость усилилась настолько, что Джейкоб с трудом разбирал слова.

— Я ошень шожалею, но вы штановилишь шлишком любопытным, нужно было шкомпрометировать ваш. Но мне это не удалошь. — Круглая голова Куллы печально поникла.

— Но каким образом…

— Как-то доктор Мартин рашкаживала о влиянии направленного швета на человечешкую пшихику. — Впервые на памяти Джейкоба сверхпочтительный прингл решился прервать своего собеседника! — Я нешколько мешяшев проводил экшперименты над доктором Кеплером. И над Ла Роком, и над Джеффом, и… над вами, Джейкоб. Я выяшнил, что наиболее эффективен ужкий полярижованный луч. Человечешкий глаж не

шпошобен зарегиштрировать его, но швет путает мышли, мешает шошредоточитша. Я не жнал, какая у ваш окажетша реакшия, но надеялша, что она вше же шмутит вшех и поштавит под шомнение вашу вменяемошть. Проштите меня, Джейкоб! Это было необходимо.

Корабль определенно приближался к Солнцу. Большое волокно, которое они только что покинули, снова надвигалось на них. Взметающиеся вверх плазменные струи тянулись к кораблю хищными скрюченными пальцами. Джейкоб лихорадочно пытался найти выход. Но все было впустую.

Воображение отказало ему в самый ответственный момент. Черт с тобой! Сдаюсь. Оставалось последнее средство — обратиться за помощью к ненавистному двойнику. Он знал, что сейчас мистер Хайд может взять реванш за все свои предыдущие поражения, но выбирать не приходилось. Джейкоб заранее был согласен со всеми условиями, который выдвинет его двойник. Настало время пустить в ход главный пункт их договора. В случае смертельной опасности Джейкоб Демва и мистер Хайд должны слиться в единую личность. Что-то подобное имело место на Меркурии вовремя охоты на Ла Рока.

Джейкоб сконцентрировался.

— Но ради всего святого, зачем?! Кулла, зачем?!

Впрочем, ответ не слишком его интересовал. То, что он упустит, запомнит Хьюз. Да и Хелен наверняка ловит каждое слово. Перед ним же сейчас стояла куда более важная задача.

Он методично просеивал чувства и гештальт-образы сквозь сито неортодоксальных координат своего разума. Прежние полузабытые навыки должны быть пущены в ход.

Мало-помалу он отбросил все лишнее, оказавшись лицом к лицу со своей второй половиной.

Мощные крепостные стены, непреодолимые во время предыдущих осад, стали, казалось, еще неприступнее. Земляные брустверы сменились каменными, ощерившись острыми, словно иглы, шпилями. На вершине самой высокой башни развевался флаг. Полотнище украшал краткий девиз: «Будь верен!» Чуть ниже флага торчали две человеческие головы, насаженные на копья. Одну он узнал тотчас. Голова Джейкоба Демвы. Свежая кровь, стекавшая по древку копья, искрилась на ярком солнце. На мертвом лице застыло выражение раскаяния и печали.

Он перевел взгляд на другую голову и вздрогнул. Хелен! Прекрасное лицо изуродовано до

неузнаваемости. Внезапно ресницы дрогнули. Голова все еще жила! Нечеловеческое страдание сквозило в прекрасных глазах. Почему?!! Почему проклятый Хайд так ненавидит Хелен?! И к чему этот намек на самоубийство?.. Откуда такое сильное нежелание соединиться с ним?.. Почему Хайд отказывается слиться с Джейкобом Демвой в едином Ubermensch? <сверхчеловек (нем.)> «Джейк! Главное сделать первый шаг! Первый шаг…» Внезапный крик стих. Джейкоб был в полном недоумении. И это все?! Он столько лет пытался разобрать последние слова Тани. А оказалось, что она смеется, смеется, как всегда.

Хотя… Ну, конечно же! Это не Таня! Это Хайд! Это все его проделки.

Проклятый двойник решил напоследок отомстить ему. Но где же сам мерзавец?

И за что он, собственно, так ненавидит свою реальную половину?

Сознание вины.

Джейкоб всегда знал, что после трагедии на Шпиле он несет бремя вины, но только сейчас осознал, насколько велика тяжесть. Теперь он ясно видел всю неестественность их соглашения с мистером Хайдом. Соглашения, с которым он жил все эти годы. Вместо того, чтобы постепенно

залечивать душевные травмы, он замкнулся в себе, переложив вину за смерть на искусственное, выморочное существо… Он выдумал себе двойника и наградил его своими пороками. Это Хайд в тот страшный день возомнил себя суперменом на высоте в двадцать миль, это… О Боже…

В своем высокомерии он вообразил, что непогрешим… Да и его нелепая вера в то, что он сам сумеет справиться со своей бедой… Сверхчеловек, отринувший путь страдания и боли, отказавшийся от дружбы, от людей… Глупец!

Глупец, попавший в ловушку. Теперь-то он понимал, что значил девиз на знамени. Опять обман… Верностью искупить вину за смерть Тани… Он не смог ее спасти, так будет верен ей вечно! Какая иллюзия! Верность, сводящаяся к нежеланию сближаться с людьми. Правильнее назвать ее высокомерием!

Неудивительно, что Хайд так ненавидит Хелен! Неудивительно, что он желает смерти Джейкобу Демве. Несчастный двойник болезненно привязан к призраку Тани, он ревнует к Хелен. Он не желает делить Джейкоба Демву ни с кем! Ни с кем… кроме Тани. Обман. Все обман! Да Таня бы полюбила Хелен! Они не могли бы не понравиться друг другу!

Но у мистера Хайда своя логика! Логика слепца.

Напрасно. Все напрасно. До него не достучаться. Барьер непробиваем.

Джейкоб открыл глаза.

Красное марево сгустилось. Корабль вновь вошел внутрь недавно покинутого волокна. Вспышка света за бортом заставила Джейкоба обернуться. Это был тороид. Корабль снова оказался в гуще стада магнитоядных. Тороиды вращались как сумасшедшие, словно забыв об опасности, исходящей от солнечного корабля.

— Джейкоб, почему вы не отвечаете? — Монотонный голос Куллы доносился словно сквозь вату. Джейкоб встрепенулся.

— Конечно, я понимаю, что у ваш швое мнение отношительно моих мотивов, но ражве вы не видите, что я хочу принешти пользу не только швоей, но и вашей раше. И вашим подопечным.

Джейкоб энергично тряхнул головой. Хватит рефлексии! К черту Хайда!

Сами справимся. Вот и рука перестала ныть. Еще поборемся!

— Кулла, я могу немного подумать? Может, нам стоит уединиться с вами и все спокойно обсудить? Я мог бы принести вам немного еды.

Повисла долгая пауза. Затем Кулла очень медленно заговорил:

— Вы очень ижобретательны, Джейкоб. Я почти поверил вам, но нет! Не двигайтешь ш мешта! Я не шучу. Ешли кто-нибудь иж ваш шевельнетша, я вжгляну на него!

Джейкоб попытался понять, что же такого изобретательного в том, что он предложил Кулле подкрепиться. А собственно, почему ему вообще пришло в голову кормить прингла?!

Корабль падал все быстрее. Большинство тороидов уже остались наверху, отчаянно сигналя изумрудными вспышками. Открывающаяся картина поражала мрачной красотой. На фоне зловещей линии горизонта фотосферы искрились и мигали сотни обручальных колец. А вокруг тускло мерцало красное марево хромосферы.

Ближайшие к кораблю тороиды вдруг засуетились. Они ускорились и, опережая корабль, ринулись вниз. Ослепительная зеленая вспышка залила корабль, когда один из магнитоядных случайно полоснул по нему своим лазерным лучом. Защитные экраны все еще действовали. Откуда-то сбоку неожиданно выпорхнул Призрак, затем появился еще один. Они зависли совсем рядом с кораблем, но быстро скрылись из виду. Зрители

собираются. Наверное, падение солнечного корабля возбудило их любопытство. Корабль уже миновал большую часть стада. Но прямо по курсу кружилась группа самых крупных магнитоядных. Рядом бешено плясали пастухи. Джейкоб надеялся, что корабль не нанесет им вреда. Но раскаленный луч охлаждающего лазера приближался.

Джейкоб собрался. Оставался лишь один путь — напасть на Куллу. Он коротко свистнул. В ответ также раздался короткий свист. Хьюз готов. Джейкоб ждал. Хьюз находился к Кулле ближе и должен был первым напасть на прингла. Джейкоб напряженно вслушивался в тишину, предельно сконцентрировавшись, готовый в любое мгновение ринуться в атаку. Потная ладонь крепко сжимала глушитель.

На палубе что-то зашумело. Джейкоб стремительно выпрыгнул из-за укрытия и нажал на спуск. Куллы не было. Бесценный заряд пропал впустую. Не теряя времени, Джейкоб, уже не прячась, бросился к компьютерной стене.

Если Кулла сейчас занят Хьюзом, то…

Палубу вдруг залил ослепительный синий свет. Продолжая бежать, Джейкоб взглянул вверх: за оболочкой корабля теснились тороиды, готовые

вот-вот столкнуться с ним.

Взревел сигнал тревоги, следом за ним зазвенел голос Хелен, предупреждавшей всех о возможных толчках.

Джейкоб перепрыгнул лазерную нить и в следующее мгновение оказался в двух метрах от спины Куллы. Перед Куллой, подняв руки, замер Хьюз. Повсюду на палубе валялись ненужные уже ножи.

Джейкоб вскинул глушитель, но Кулла, уловив шорох за спиной, стремительно обернулся. Джейкоб нажал на спуск, и на какое-то мгновение ликование охватило его.

Но уже в следующий момент левую руку пронзила жгучая боль. Оружие выпало. Прорвавшись сквозь пелену боли, Джейкоб открыл глаза. Кулла стоял перед ним совершенно невредимый, уставившись перед собой ничего не выражавшим потухшим взглядом. Фарфоровые давилки больше не прятались за толстыми складчатыми губами, опасно выдвинувшись вперед. Джейкоб, словно загипнотизированный, не мог оторвать от них взгляда.

— Проштите меня, Джейкоб. Так нужно.

Неужели он собирается разделаться с ним своими чудовищными резцами?! Охваченный

страхом и отвращением, Джейкоб попятился. Кулла медленно надвигался. Челюсти мерно и мощно клацали в такт его шагам. Джейкоб чувствовал, как смерть мягкой лапой сжала его сердце. Все кончено. Он отступал и отступал. Боль в руке исчезла, испуганная близостью небытия.

— Нет! — хрипло прошептал он и, нагнув голову, бросился вперед.

В этот момент снова раздался голос Хелен. Голубое сияние стало еще ярче. Мощный толчок сотряс палубу.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Жил когда-то человек столь добродетельный, что боги пообещали выполнить любое его желание. Он захотел стать на один-единственный день возничим солнечной колесницы. Лишь Аполлон воспротивился этому желанию, предрекая ужасные последствия, но остальные боги лишь посмеялись над его страхами. Говорят, что Сахара – это след, оставленный неопытным возничим, задевшим одним из колес поверхность Земли. После того случая боги предпочитают больше не связываться с людьми.

М.Н.Плано

Глава 26
ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Джейкоб упал на противоположную сторону компьютерной стены, сильно ударившись спиной об пол. К счастью, упругий материал палубы в значительной степени смягчил удар.

Он быстро вскочил на ноги. Голова гудела, во рту чувствовался привкус крови. Корабль сотрясался, магнитоядные продолжали удерживать его своими телами, заливая палубу слепящим синим светом. Тороиды облепили сферическую оболочку, не давая кораблю продолжить падение в раскаленную пропасть. А вверх устремлялся смертоносный луч накопленного солнечного тепла. Охлаждающий лазер продолжал исправно работать. Раздумывать, чем там занимаются тороиды: помогают или же попросту решили поиграть, — времени не было. Надо было максимально эффективно использовать неожиданную передышку.

Он оглянулся. Хьюз, сидя неподалеку на палубе, потирал ушибленную руку. Джейкоб помог ему подняться.

— Давайте, Хьюз, нам надо поторапливаться! Если Куллу удалось оглушить, у нас есть хороший шанс обезвредить его! Хьюз кивнул. Несмотря на полученные ушибы он все еще был полон желания выиграть эту гонку. Однако двигался пилот не слишком уверенно. Джейкобу пришлось поддерживать его. Они обогнули центральный купол. Кулла беспомощным кулем привалился к массивному прибору. Увидев людей, он попы-

тался встать на ноги. Казалось, еще несколько мгновений, и прингл рухнет бездыханным. Но тут он вскинул глаза, и Джейкоб понял, что игра окончена. Один глаз чужака полыхнул огнем. В воздухе запахло паленой резиной. Джейкоб схватился за глаза. Вместо защитных очков пальцы коснулись расплавленного пластика.

Не медля ни секунды, он толкнул Хьюза под прикрытие купола. Осечка! До люка, ведущего в гравитационную петлю, они добирались, казалось, целую вечность. Из проема люка им навстречу вытянулись корневища Фэгина. Цепляясь за них, Джейкоб и Хьюз забрались внутрь. Силы были на исходе.

Фэгин возбужденно зашелестел:

— Джейкоб! Вы живы! Я уже предполагал самое худшее!

— Как… — Джейкоб с трудом перевел дыхание. — Как давно мы падаем?

— Пять-шесть минут. Как только я пришел в себя, то сразу же последовал за вами. Кулла не сможет пробить мое тело. — Кантен издал пронзительную трель, по-видимому, означавшую издевательский смех. Джейкоб невольно улыбнулся. Интересная мысль! А каким вообще энергетическим запасом располагает прингл?

Он где-то читал, что средняя мощность, которую может развить человек, не превышает ста пятидесяти ватт. Предел Куллы наверняка значительно выше, да к тому же он очень экономно расходует свою энергию.

Будь у него запас времени, Джейкоб бы методично все подсчитал. В последний раз Кулла потратил на свои фальшивки не меньше двадцати минут. После чего «антропоморфные Призраки» быстренько утратили к кораблю всякий интерес, а Кулла внезапно зверски проголодался. Тогда это приписали нервному перенапряжению. На самом же деле принглу надо было пополнить запасы кумарина и, вероятно, высокоэнергетических веществ, чтобы обеспечить достаточную мощность своим лазерам.

— Ты ранен? — обеспокоенно пропел Фэгин. Ветви кантена взволнованно дрогнули. — Вам обоим надо подняться наверх и обработать раны.

— Хорошо, — кивнул Джейкоб, хотя ему не хотелось сейчас оставлять Фэгина одного. — Кроме того, нужно кое о чем спросить доктора Мартин.

Кантен издал протяжный свист:

— Джейкоб, ни в коем случае не надо сейчас беспокоить доктора Мартин!

Она общается с солярианами. Это наш единственный шанс!

— Что?!

— Их привлекло мерцание П-лазера. Когда солярианe приблизились, доктор Мартин надела свой пси-шлем и установила с ними связь! Они отрядили несколько десятков магнитоядных толкать наш корабль снизу, именно благодаря им скорость падения существенно замедлилась. Сердце у Джейкоба застучало. Он ощутил себя приговоренным к смертной казни, которому вдруг сообщили об отсрочке.

— Так, говоришь, существенно? Значит, мы все-таки падаем?

— К сожалению, да. Мы падаем, но очень медленно. Трудно сказать, сколько времени смогут удерживать нас тороиды. От осознания того, что удалось сделать Милдред Мартин, по спине у Джейкоба пробежал холодок. Есть контакт с солярианами! Это одно из самых эпохальных свершений всех времен, но никто об этом никогда не узнает. Никто и никогда.

— Фэгин, я постараюсь вернуться как можно скорее! А пока не мог бы ты сымитировать мой голос, чтобы ввести Куллу в заблуждение?

— Постараюсь.

— А потом сам поговори с ним. Своим собственным голосом. Делай, что хочешь, но держи его все время в напряжении. Отвлеки его! Не дай заняться компьютером!

Фэгин согласно свистнул. Джейкоб повернулся и, поддерживая Хьюза, ступил на гравитационную петлю.

На этот раз на петле, к которой уже успел привыкнуть, он чувствовал себя не слишком уютно. Гравитационное поле заметно флуктуировало. Джейкоб двигался с огромным трудом. Никогда еще его вестибулярный аппарат не подвергался столь чудовищным нагрузкам. Каждый шаг давался ценой невероятных усилий. С огромным трудом им все-таки удалось достичь верхней половины корабля.

Здесь по-прежнему полыхал пурпур хромосферы. Но кое-что все-таки изменилось: сине-зеленые соляриане плясали совсем близко, их «крылья» почти касались оболочки корабля. Над палубой повсюду протянулись нити параметрического лазера. Джейкоб устало опустился на пол и огляделся. Лазер был установлен на самом краю.

Эх, если бы только у них были камеры! Он усмехнулся. Какой смысл теперь жалеть о том, что не можешь зафиксировать факт установле-

ния контакта! Уворачиваясь от лучей, он дотащил Хьюза до ближайшего кресла, осторожно уложил и пристегнул ремнями. Пора поискать аптечку. Она обнаружилась рядом с пультом управления. Милдред Мартин нигде не было видно. Джейкоб решил, что психолог уединилась, чтобы полностью погрузиться в светские беседы со сгустками пламени. В креслах у пульта управления лежали Ла Рок и Дональдсон. Немного в стороне от них Джейкоб заметил прикрытое тело Дубровского. Лицо Дональдсона почти полностью скрывали какие-то белые наросты. Джейкоб пригляделся — пена от ожогов. Хелен де Сильва и единственный оставшийся невредимым член экипажа склонились над приборами. Заслышав шорох его шагов, она подняла глаза.

— Джейкоб?!

Он быстро спрятал руки за спину. Не стоит пугать ее своими болячками.

От резкого движения Джейкоб покачнулся. Так, стой спокойно!

— Ничего не вышло! Хотя мне удалось поговорить с ним…

— Да, мы здесь все слышали. А потом раздался дикий грохот. Я пыталась предупредить тебя о том, что тороиды пытаются остановить падение

корабля, но вы не слышали нас.

— Толчок нам здорово помог. В тот момент, когда я уже приготовился отправиться к праотцам, нас как следует тряхануло, и все обошлось. На этот раз. — Он постарался беззаботно улыбнуться.

— А что Кулла?

Джейкоб пожал плечами.

— Он по-прежнему внизу. Я думаю, у него еще осталось достаточно сил.

Здесь, наверху, он выстрелил в Дональдсона и Дубровского. Внизу же он стрелял крайне редко, маленькими порциями, старательно прицеливаясь, и даже попытался пустить в ход еще одно свое оружие. Он рассказал, как Кулла набросился на него, клацая давилками.

— Боюсь, запас энергии у него истощится нескоро. Если бы нас было больше, то мы могли бы провоцировать его, пока он не исчерпает ресурс. Но увы! Хьюз уже не боец, а вам с Ченом ни в коем случае нельзя покидать пост.

На пульте замигал сигнал тревоги. Хелен отключила его и потерянно взглянула на Джейкоба.

— Ничего не получается, ты уж прости. Сейчас мы пытаемся проникнуть в компьютер, возбуж-

дая датчики модулированными сигналами, но все безрезультатно. Боюсь, нам не выкарабкаться. Корабль слушается все хуже. Она снова повернулась к пульту. Джейкоб отошел в сторону. Хелен явно было не до разговоров. — Демва, я могу чем-нибудь помочь?

Он обернулся. В кресле приподнялся Пьер Ла Рок. Пристегнутые ремни не давали ему возможности освободиться. Джейкоб начисто позабыл о репортере. Он заколебался. Поведение Ла Рока перед всей этой заварухой не слишком-то впечатляло, и Хелен с Милли Мартин пристегнули его к креслу, чтобы он не путался под ногами.

Но выбирать не приходилось. Джейкобу вспомнилось, как отчаянно действовал Ла Рок на Меркурии. Может, он и не слишком надежен, но в критической ситуации журналист, похоже, способен на многое. Сейчас Ла Рок выглядел очень сосредоточенным. Джейкоб, кивнув ему, подошел к Хелен, чтобы спросить, что она думает на этот счет, но та лишь пожала плечами.

— Хорошо. Но если он приблизится к приборам, я убью его. Так и передай.

Этого не требовалось. Ла Рок, соглашаясь, кивнул со своего места. Джейкоб быстро подошел к нему и освободил ремни здоровыми пальцами

правой руки.

Хелен за его спиной сдавленно вскрикнула:

— Джейкоб, твои руки!

Он покосился на нее. Хелен рванулась было к нему, но он взглядом остановил ее. Не время для сентиментальности, хотя приятно, черт возьми, когда женщина так за тебя переживает. Хелен, постаравшись улыбнуться как можно бодрее, повернулась к приборам. Теперь все зависело только от нее одной, и она хорошо это понимала.

Ла Рок встал, разминаясь, подхватил аптечку и иронически улыбнулся Джейкобу.

— Ну-с, кто первый на очереди? Вы, Хьюз или Кулла?

Глава 27
ВОЗБУЖДЕНИЕ

Хелен нужно было выкроить время, чтобы спокойно обдумать положение. Неужели ничего нельзя сделать?! Она не привыкла опускать руки даже в самой безнадежной ситуации. Все системы, основанные на галактических разработках, одна за другой выходили Из строя. Отказали система сжатия времени, гравитационные двигатели и еще несколько не столь важных устройств.

Если к ним добавится управление внутренним гравитационным полем, то корабль окажется совершенно беззащитным перед неистовыми хромосферными бурями.

Тороиды все еще боролись с солнечным притяжением, удерживая корабль от стремительного падения в фотосферу, но, судя по всему, они начинали уставать. Скорость падения мало-помалу возрастала. Большая часть стада уже осталась наверху, теряясь в розовом мареве хромосферы. Остальные тоже долго не протянут.

Вновь запульсировал сигнал тревоги. Что на этот раз? В структуре внутреннего гравитационного поля появилась положительная обратная связь. Хелен машинально подкорректировала параметры и откинулась на спинку кресла.

Бедный Джейкоб, как он устал. Хелен чувствовала себя дезертиршей. Почему она не настояла и не отправилась вниз вместе с ним?! Хелен ничего не могла поделать с угрызениями совести, хотя отлично понимала, что ее участие вряд ли что-нибудь изменило бы.

Но теперь наступил ее черед. Она обязана что-то придумать! Но что?! Что можно сделать, когда все компоненты корабля один за другим выходят из строя?

Хотя нет! Не все! Хелен резко выпрямилась. Если не считать системы лазерной связи с базой, все оборудование, основанное на земных технологиях, работает безупречно. Судя по всему, устройства, созданные людьми, Куллу нисколько не интересовали. Система охлаждения корабля в порядке; электромагнитные поля вокруг оболочки корабля стабильны, хотя и не очень хорошо слушаются регулировки, что, впрочем, сейчас не так уж и важно.

Корабль вздрогнул. Еще раз. И еще. Толчки следовали один за другим. Край палубы внезапно вспыхнул голубым сиянием. В поле зрения появилось тело тороида, трущегося об обшивку корабля. Рядом метались Призраки. Толчки прекратились, сменившись неприятной мелкой дрожью. Отчетливо раздался жуткий скрип. По телу тороида побежали пурпурные пятна. Бублик пульсировал, содрогаясь под наскоками мучителей. Затем, внезапно вспыхнув, тороид исчез. Солнечный корабль, лишенный поддержки, резко накренился. Хелен попыталась выправить положение.

В какой-то степени ей это удалось. Она устало подняла глаза. Тороиды удалялись в сопровождении соляриан. Она горько улыбнулась. Спасибо,

друзья! Вы сделали все, что могли. Она проводила взглядом тороидов, быстро поднимавшихся вверх на столбах изумрудного пламени. Затем опустила глаза на приборы. Высота стремительно падала. На обзорном экране хищно пульсировала грануляционная ячейка. Даже соляриане, наверное, не приближались к фотосфере столь близко. Первые люди на Солнце! Она чуть не рассмеялась, вспомнив, что читала в детстве роман с похожим названием, но только речь там шла о Луне.

Краткое мгновение славы. Огонь, сжигающий все.

Она снова взглянула на солярианы, превратившихся уже в сияющие точки.

Может, стоит созвать всех и… попрощаться… Хелен подумала о Джейкобе.

Неужели они больше никогда не увидятся? Ей стало горько. Крошечные зеленые огоньки продолжали притягивать взгляд. Каким образом тороиды способны передвигаться столь быстро? Проклятие! Хелен вскочила на ноги, чуть не оборвав шнур микрофона.

Чен изумленно взглянул на нее.

— В чем дело, командир? Что-то с защитными экранами?!

Ликующий индейский клич огласил корабль.

Хелен стремительно застучала по клавишам основного компьютера.

Какая жалость, что она не может сообщить на Меркурий! Ведь даже если они сгорят в пламени Солнца, их опыт будет иметь уникальнейшее значение для всей Галактики!

Пульсирующая боль в руке не утихала. Более того, к боли добавился неприятный зуд. Левую руку почти полностью покрывал толстый слой противоожоговой пены. Да и на правой действовали лишь три пальца. Джейкоб скрючился за люком гравитационной петли, время от времени выглядывая на обратную сторону палубы. Фэгин немного посторонился, освобождая для него место. Джейкоб наблюдал в зеркальце, приделанное к длинной указке, на всякий случай также обильно покрытой противоожоговой пеной.

Кулла не показывался. В слабом сиянии тороидов сумеречно поблескивали массивные телекамеры и регистрирующие приборы. Повсюду протянулись лазерные нити.

Джейкоб сделал знак Ла Року. Тот послушно опустил свою ношу в проем люка. Вымазавшись с головы до ног противоожоговой пеной, они облачились в защитные очки, залепив на всякий случай промежуток между очками и открытыми

участками лица мягким пластиком.

— Вы, конечно, понимаете, что это очень опасно? — ворчливо спросил Ла Рок. — Эта штука защитит нас от лазерного луча, но не спасет от огня. Единственное горючее вещество на корабле! Если бы не его уникальные медицинские качества, оно никогда бы не попало на борт. Джейкоб кивком поблагодарил репортера за популярную лекцию. Если он выглядит так же, как Ла Рок, то у них неплохие шансы до смерти напугать прингла.

Он приподнял баллон и пустил струю пены в люк. Какое-никакое, но все-таки оружие!

В этот момент корабль резко дернулся. Еще раз и еще. Джейкоб высунул голову из люка. Палуба накренилась. Магнитоядный, поддерживавший корабль, быстро удалялся. Навстречу стремительно неслась полыхающая фотосфера. Конец. Это конец. Если уж не выдержали аборигены…

Корабль задрожал, затем выпрямился.

Джейкоб вздохнул. Если удастся немедленно обезвредить Куллу, может, еще есть шанс.

— Знаешь, Фэгин, я здорово изменился! Похоже, от прежнего Джейкоба Демвы не осталось и следа. Тот парень давно бы уже скрутил Куллу и вывел бы корабль из этого ада. Ты ведь знаешь,

на что он был способен! А я… я ужасно устал.

Фэгин сочувственно зашелестел:

— Знаю, дружище Джейкоб. Именно ради такой перемены я позвал тебя принять участие в «Прыжке в Солнце». Джейкоб изумленно взглянул на него.

— Не делай таких круглых глаз, — нежно пропела флейта, — я ведь не предполагал, что ситуация окажется столь серьезной. Я звал тебя исключительно ради тебя самого. Мне очень хотелось, чтобы ты выполз из своего кокона, в который спрятался после прискорбного происшествия в Эквадоре. И еще я очень хотел познакомить тебя с Хелен де Сильвой. Должен признать, план мой удался на славу. Чему я очень рад. — Куст приосанился. Джейкоб растерянно потряс головой.

— Но, Фэгин, мое сознание… — он замолчал.

— Друг мой, с твоим сознанием все в полном порядке. Просто у тебя слишком буйное воображение. Только и всего. Честно говоря, любезный Джейкоб, твои фантазии всегда отличались удивительной изощренностью. Никогда не встречал большего ипохондрика, чем ты, мой дорогой друг! Джейкоб пытался разобраться в том, что происходит. Либо проклятый овощ решил до самого конца сохранить свою старомодную веж-

ливость, либо он ошибается, сам того не сознавая, либо… он прав. Фэгин никогда не лгал даже из соображений любезности и уж тем более не стал бы этого делать на пороге смерти, да еще в столь деликатном вопросе. Неужели и в самом деле мистер Хайд — всего лишь игра?! Неужели он, Джейкоб Демва, подобно маленькому ребенку, создал свой игрушечный мир, но мир столь правдоподобный, что он оказался неотличим от реальности? Такое и раньше с ним случалось… Врачи же лишь улыбались и разводили руками, констатируя сильное, но отнюдь не патологическое воображение… Да и тесты всегда твердили: он осознает, что это игра, всего лишь игра… Излишек воображения не пугал его… прежде.

Так, может, и мистер Хайд — такая же выдуманная реальность, что и прежние? Джейкоб только что осознал, что до сих пор его двойник не причинил никакого вреда, он всего лишь раздражал и только. А эти «несанкционированные» поступки… Ведь всегда находилась достаточно веская причина, вынуждавшая решаться на них…

— Дорогой мой Джейкоб, когда я только познакомился с тобой, ты и в самом деле был не совсем здоров. Шпиль излечил тебя. Но катастрофа еще и напугала тебя, и ты попросту спрятался в

свою игру. Я не знаю ее правил — ты всегда был так скрытен на этот счет, — но мне совершенно ясно: сейчас ты полностью пробудился. Минут двадцать назад… Джейкоб уже не слушал его. Прав Фэгин или нет, в данный момент не имеет никакого значения. В его распоряжении всего лишь несколько минут, чтобы спасти корабль, а времени для психологической болтовни нет Если… если еще не поздно.

Вокруг по-прежнему полыхал пожар хромосферы. Но вверху зияла пропасть фотосферы. П-лазер все так же простреливал плоскость палубы. Джейкоб поднял руку и сморщился от острой боли.

— Ла Рок! Бегом наверх, мне нужна зажигалка. Живо!

Ла Рок жестом фокусника извлек зажигалку из кармана.

— Держите, босс! Но зачем…

Джейкоб его не слушал. Он снял трубку внутренней связи. Если у Хелен есть в запасе хоть немного мощности, то самое время пустить его в ход. Но прежде чем он сумел сказать хоть слово, взвыла сирена.

— Софонты! — зазвенел голос Хелен. — Приготовьтесь к резкому ускорению. Мы покидаем Солнце! — Ликующие интонации в голосе капита-

на в ситуации полной безнадежности выглядели довольно эксцентрично. — Ввиду специфики старта я настоятельно рекомендую всем облачиться в пальто и шубы, если, конечно же, вы не забыли их по рассеянности дома! В это время года на Солнце обычно бывает довольно прохладно!

Глава 28
ВЫНУЖДЕННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Из вентиляционных каналов, расположенных вокруг охлаждающего лазера, тянуло ледяным воздухом. Джейкоб и Ла Рок съежились у крошечного костерка.

— Ну давай же, давай же! — шептал Джейкоб.

Застывшая противоожоговая пена разгоралась неохотно.

Джейкоб вдруг хрипло расхохотался.

— Тот, кто когда-то был пещерным человеком, навсегда им и останется, не так ли, Ла Рок? Люди забрались на Солнце, но и здесь им приходится греться у костра!

Ла Рок слабо улыбнулся, энергично подкармливая разгоревшееся пламя. Вечно словоохотливый журналист сейчас не раскрывал рта. Разве что время от времени что-то сердито бормотал себе

под нос. Джейкоб сунул в огонь факел из все той же противоожоговой ленты.

Шлейф вонючего черного дыма выглядел очень впечатляюще. Джейкоб довольно улыбнулся. Хорошо быть пещерным человеком! Вскоре задымило еще несколько факелов. Едкий дым щипал глаза, становилось трудно дышать, так что пришлось подобраться поближе к холодным потокам воздуха. Фэгин, следивший за их действиями из люка, втиснулся поглубже в гравитационную петлю.

— Все, хватит! — скомандовал Джейкоб. — Вперед!

Он первым выскочил на открытое пространство и швырнул коптящий факел к противоположному краю палубы. За спиной раздался сдержанный шелест. Он обернулся. Кантен выглядывал из люка.

— Все ясно, — тихо пропел Фэгин. — Куллу так не выманишь.

Новость была и хорошей и плохой одновременно. С одной стороны, стало совершенно ясно, где в данный момент находится Кулла но с другой — она означала, что чужак сейчас изо всех оставшихся у него сил старается повредить охлаждающий лазер.

Джейкоб зябко передернул плечами.

Становилось ХОЛОДНО!

План коменданта был просто великолепен! Поскольку защитные экраны продолжали исправно функционировать — неопровержимым доказательством чего служил тот факт, что люди все еще живы, — Хелен могла регулировать количество тепла, поступающее внутрь корабля. Это тепло откачивалось на охлаждающий лазер и сбрасывалось обратно в хромосферу вместе с теплом энергетической установки самого корабля. Словом, все как обычно. За небольшим отличием. Чудовищный поток тепловой энергии, вырывающейся из корабля, сейчас был направлен строго вниз. Великолепный реактивный двигатель. Корабль поднимался!

Естественно, при таком режиме работы автоматическая система, контролирующая температуру внутри корабля, потеряла свою точность. Хелен, должно быть, запрограммировала автоматику так, чтобы больший разброс приходился на диапазон низких температур. В этом случае ошибки легче исправить.

Блестящая идея! Джейкоб очень надеялся, что ему все-таки удастся выразить Хелен свое восхищение. Но прежде необходимо обеспечить

условия для осуществления этой замечательной идеи.

Джейкоб, прижимаясь к центральному куполу, начал пробираться вперед, пока не оказался вне поля зрения Фэгина. Замерев на мгновение, он прицелился и швырнул один за другим еще три факела. Палубу окутала завеса черного дыма.

В темно-сером мареве ярко сияли нити П-лазера. Более слабые вторичные следы исчезли, поглощенные частицами дыма.

Джейкоб отступил назад. В запасе у него оставалось еще три факела. Он осторожно подобрался к краю палубы и перебросил их через центральный купол. Ла Рок, находившийся чуть в стороне, проделал то же самое. Один из факелов репортера, попав в створ рентгеновского луча охлаждающего лазера, мгновенно испарился.

Джейкоб чертыхнулся про себя. Оставалось лишь надеяться, что это происшествие несильно отклонило луч в сторону. Когерентный рентгеновский луч не был рассчитан на прохождение через твердые объекты.

— Все будет хорошо! — подбодрил себя Джейкоб.

Махнув рукой Ла Року, он стрелой метнулся к куполу, в котором, кроме всего прочего, имелся

небольшой шкаф, где хранились запасные детали к записывающим устройствам. Ла Рок, не отставaвший от него ни на шаг, быстро забрался внутрь шкафа и протянул руку Джейкобу. Теперь их положение было весьма уязвимо. Кулла обязательно должен что-то предпринять, не может же он пренебречь столь явной угрозой, как горящие факелы! Дым ел глаза, вонь стояла такая, что Джейкобу казалось: еще немного, и они задохнутся. Ла Рок, цепляясь за полки с приборами, взобрался повыше и, упершись ногами в дверной косяк, подставил сцепленные руки. Джейкоб, оттолкнувшись от них, вскарабкался ему на плечи. Купол сужался довольно полого, но поверхность была слишком гладкой, а у Джейкоба имелось всего три действующих пальца вместо десяти. Спасала все та же противоожоговая пена. Она отлично липла к стенкам купола, так что онемевшие пальцы исполняли роль присосок. После двух неудачных попыток Джейкобу удалось оттолкнуться от плеч Ла Рока. Репортер закряхтел, но равновесие удержал. Стенки купола скользили под руками, словно их покрывал слой льда. Джейкоб, вцепившись ничего не чувствующими пальцами в упругий пластик, с трудом преодолевал каждый дюйм.

Задача осложнялась еще и тем, что вблизи вершины следовало быть предельно осторожным — здесь царствовал охлаждающий лазер. Джейкоб уже видел выходное отверстие. Чуть ниже мерно гудела лазерная установка, дымный воздух ощутимо подрагивал под напором мощного потока энергии. При виде смертоносного жерла Джейкоб поежился. Не слишком приятная штука! Он поспешил отвернуться. Нечего забивать себе голову подобной ерундой.

Подать сигнал Фэгину, не привлекая внимания Куллы, он не мог. Оставалось положиться на превосходный слух кантена, тот сам должен был выбрать момент для отвлекающего маневра. Тянулись томительные секунды. Джейкоб перевернулся, уперся спиной в стену купола и постарался расслабиться.

Всюду, куда ни глянь, царило Солнце. Жестокое и неумолимое. Фотосфера угрожающе пульсировала. Заросли спикул неровным частоколом устремлялись навстречу, огненные буруны закручивались вокруг их колышущихся стеблей.

Джейкоб смотрел прямо в огненное око звезды. Фотосфера игриво подмигивала Большим Пятном. На какое-то мгновение Пятно исказилось, обернувшись лицом всеведущего старца.

Рев, стоявший вокруг, зазвучал вдруг раскатами жутковатой песни. Песни, услышать и понять которую дано лишь звездам.

Солнце было живым. Оно дышало. Оно пело. Оно видело его. Зови меня животворным, ибо я дарую тебе энергию. Мой огонь — это твоя жизнь. Я неизменно, и потому я — твой покой. Но космос темными тропами: подбирается к тайнам моего строения. И время кует свою косу небытия на моем горниле. У нас с тобой один враг. Энтропия. Она везде и всюду. Великий Разрушитель сущего. Ты еще слишком мал и не успел ощутить ее властную руку на своем челе. Ты лишь мотылек жизни, летящий навстречу буре Энтропии.

Зови меня животворным, обреченный на смерть. Я сгораю, даруя жизнь, и сгорая, дарую смерть. Ты все еще припадаешь к моему источнику, но он скоро иссякнет. Но иссякнув, я уступлю место своему собрату, который тоже иссякнет. И так будет всегда.

Зови меня животворным, обреченный на радость жизни. Ты живое создание, в тебе мой голос. Он говорит с тобой. Но кто поговорит с нами?! Плачь о нас, обреченный на жизнь. Помни о нас! Мы поем, и песнь наша полна огня и пепла.

Мы ждем, когда крошечный эмбрион жизни достигнет зрелости и бросит вызов безжалостной Энтропии. Мы ждем тебя.

Джейкоб рассмеялся. Да, Фэгин, как всегда, прав! Ну и воображение! Он закрыл глаза в ожидании продолжения. С того момента, как Джейкоб добрался до вершины купола, прошло семь секунд.

— Джейк… Джейк… — Его звал женский голос.

Он снова взглянул вверх.

— Таня…

Она стояла в своей лаборатории, облокотившись о детектор пионов. Темно-русые волосы перехвачены красной лентой. Веселая улыбка. В уголках глаз затаились морщинки. Таня. Мягкие губы. Руки, сильные и нежные.

— Ты вовремя!

— Таня…

— Неужели я не падаю, Джейк?! Так странно и хорошо! Почему ты вспоминаешь только мое падение? Ведь у нас было столько счастливых мгновений!

Джейкоб знал: она права. В течение двух лет он вспоминал лишь бесконечное падение Тани, начисто забыв обо всем остальном. Таня падала,

падала и снова падала!

— Но знаешь, Джейк, для тебя это оказалось довольно полезно. — Она улыбнулась. — Наконец-то ты избавился от проклятой самонадеянности! Джейк, ты думай обо мне, просто думай. Не забывай меня, Джейк!

— Нет, Таня, я не забуду тебя. Никогда. Обещаю.

— Взгляни на эту звезду! Она говорит с тобой! Говорит, Джейк! Это не твоя выдумка, это реальность! Голос ее отдалился.

— А она мне очень понравилась, Джейк, она подходит тебе, поверь. Я очень рада. Будь счастлив, Джейк!

Он открыл глаза. Над головой бесстрастно пульсировала фотосфера. Большое пятно и в самом деле смотрело на него. Колебания грануляционной ячейки напоминали удары сердца.

Неужели ты существуешь?

Ответ просверлил его насквозь, проник в душу, очистил разум от последних сомнений. Нейтрино как лекарство от неврозов. Оригинально, ничего не скажешь!

Снизу раздался свист. Джейкоб машинально заскользил вправо, в направлении, откуда донесся звук. Он старался не шуметь и не делать лишних

движений.

Внезапно показалась круглая голова прингла. Кулла, а-Прингл, аб-Пил-аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер стоял к нему боком. Тонкие руки быстро перебирали клавиши на открытой панели компьютера. Сквозь густой дым тускло просвечивал П-лазер.

Слева послышался громкий шелест, и в следующее мгновение справа раздался топот. Ла Рок и Фэгин приступили к отвлекающему маневру. Вот слева из-за купола показались веточки с серебристыми кристалликами. Кулла немедленно полыхнул огнем, и один из световых рецепторов Фэгина задымился. Кантен издал пронзительный свист, ветки скрылись. Кулла резко обернулся, поджидая нападения справа. Джейкоб достал из кармана флакон с противоожоговой пеной. Рассчитанным движением он поднял его и нажал на распылитель. Кулла, почуяв неладное, поднял голову, но тут же тонкая струя пены брызнула в направлении полыхающих глаз прингла. Почти одновременно из-за поворота появился Ла Рок. Нагнув голову, репортер с диким воплем бросился на чужака. Кулла отшатнулся. Струя пены, не достигнув прингла, вспыхнула в воздухе. Кулла закрыл лицо тонкими руками, а Ла Рок,

проскочив сквозь догорающий след, врезался в прингла.

Кулла зашатался и вцепился в репортера, чтобы удержать равновесие. Тонкие пальцы мертвой хваткой сжали шею Ла Рока. Журналист захрипел, лицо его посинело.

Джейкоб выдержал паузу. Дым был таким густым, что без фильтра дышать становилось все труднее и труднее. Кулла ни в коем случае не должен заметить момент прыжка! В противном случае они с Ла Роком обречены. Он сконцентрировался и прыгнул.

Его способность к сжатию времени превратила полет в медленное, неторопливое парение. Знакомый прием из арсенала прежнего Джейкоба Демвы. Преодолев уже почти треть пути, он заметил, как очень медленно начала поворачиваться голова Куллы. Джейкоб не видел, что там чужак делает с Ла Роком. Густая завеса дыма скрывала все, кроме смертоносных глаз прингла. Глаза медленно поднимались. Джейкоб хладнокровно прикинул диапазон, который Кулла может охватить своим лучом. Ему вдруг стало смешно… Во всей этой ситуации было что-то очень комичное — замедленное парение в точности напоминало выходки супермена из древних фильмов. Вволю

насмеявшись, Джейкоб решил ускорить течение времени и посмотреть, что из этого получится.

В следующее мгновение последовала яркая вспышка, затем клацание фарфора и, наконец, резкая боль в предплечье в тот момент, когда он ударил Куллу. Вцепившись онемевшими пальцами в свободное одеяние чужака, Джейкоб повалил прингла на пол. Сцепившись в борцовском захвате, они покатились по палубе.

И тут обоих охватил приступ кашля. Беспорядочно размахивая руками, чужак и человек возились на полу, сотрясаемые судорогами удушья. Каким-то чудом Джейкобу удалось на несколько мгновений обхватить тонкую шею прингла. Кулла заметался с удвоенной силой, пытаясь укусить его фарфоровыми резцами или испепелить лазерным лучом. Стараясь не попасть в поле зрения прингла, Джейкоб немного ослабил хватку. Тонкие, хрупкие на вид руки, обернувшись мощными щупальцами, с удивительным упорством пытались ухватить его за шею. Джейкобу никак не удавалось провести один из своих коронных приемов, который положил бы конец этому нелепому и смертельному фарсу. Противники катались по палубе, кашляя и отплевываясь столь усердно, что очень быстро

оказались довольно далеко от центрального купола. Джейкобу наконец удалось оседлать Куллу, но в следующее мгновение острая боль пронзила ему колено.

— Давай, сволочь, давай же, стреляй! Надолго тебя не хватит!

Спрятав лицо за выставленным коленом, он прижал руки Куллы к палубе, лишив его возможности маневра. Кулла снова выстрелил, потом еще. Джейкобу казалось, что колено вот-вот вспыхнет. Невероятным усилием воли он подавил боль, ни на мгновение не ослабляя хватку. Он очень надеялся, что запас энергии у Куллы подходит к концу.

Но Кулла, оставив попытки выжечь ему глаза, внезапно резко дернулся, высвободив одну руку, и ударил Джейкоба по раненой ноге. Тот вскрикнул, и возня на палубе возобновилась. Кашель становился нестерпимым. Кулле он давался, похоже, тяжелее. Казалось, в стеклянной бутылке перекатывается с полдесятка металлических шариков. Дьявол! Надо во что бы то ни стало добраться до его шеи! Других уязвимых точек у прингла, судя по всему, нет. Джейкоб постарался успокоить дыхание. Обожженные едким дымом легкие пылали. Всякий раз, втягивая в

себя воздух, он немедленно терял преимущество, достигнутое с таким трудом в предыдущее мгновение, и Кулла тут же оказывался наверху. Дым ел глаза. Внезапно Джейкоб осознал, что на нем нет защитных очков! Либо Кулла снова пережег резинку, либо очки слетели во время драки. Где же, черт побери, Ла Рок?!

Руки дрожали от напряжения. Мышцы, не выдерживая заданного темпа, посылали мозгу панические сигналы. Кашель Куллы звучал все более надрывно, Джейкоб отвечал ему сдавленным бульканьем. Силы стремительно покидали его. Еще немного, и все будет кончено. Страх ледяными щупальцами проникал в мозг. Неужели этот ужас не кончится никогда?! Жгучая боль в спине заставила его подпрыгнуть. Боль была столь сильной и внезапной, что Джейкоб не сумел ее подавить. Кулла вырвался из его рук, стремительно откатившись в сторону. Джейкоб вскочил, кинув быстрый взгляд на палубу. Дьявол! На полу тлели остатки противоожоговой пены.

Примерившись, он прыгнул на Куллу, но промахнулся. Кулла быстро отполз в сторону и повернулся к нему лицом. Джейкоб зажмурился и прикрыл глаза обожженной рукой. Он попы-

тался встать, но с легкими происходило что-то неладное. Приподнявшись на одном колене, Джейкоб почувствовал, что еще мгновение, и он без сил рухнет на пол. Воздуха не хватало. Спина, казалось, превратилась в хорошо прожаренный бифштекс. Почему Кулла не стреляет? Чего он ждет?!

Совсем рядом раздалось клацание фарфора. Джейкоб обессиленно уронил руку и открыл глаза. Прингл находился меньше чем в метре от него. Сквозь зловонную завесу тускло светились глаза.

— Ну… — выдохнул Джейкоб, — давай же, приятель… Это твой последний шанс…

Он усмехнулся. Ну и цирк! Тане это представление наверняка бы понравилось. Уж она-то знала толк в хорошем театре. Заключительный выход! Надеюсь, Хелен ничего не упустила.

Заключительный выход? Больше эффекта, приятель! Сейчас не время для халтуры. Даже если Кулла перекусит ему горло или прожжет дырку в башке, он успеет преподнести ему прощальный подарок.

Он выхватил из-за пояса забытый было распылитель пены. Они славно порезвились, славно и закончат! Какая разница, обезглавят тебя или же просто сожгут? Мучительная боль пронзила

левый глаз. Ощущение было таким, словно молния, попав в глазницу, вышла с другой стороны головы. Не дожидаясь продолжения, он вскинул распылитель и направил струю пены туда, где, по его предположениям, находился Кулла.

Глава 29
ПОГЛОЩЕНИЕ

Хелен взглянула вверх. Мимо корабля проносилось стадо тороидов. На таком расстоянии зеленосинее сияние было едва заметно. И все-таки она смогла разглядеть, что крошечные светящиеся колечки — изумрудные клочки жизни в океане огня — выстроились одно на другим, образовав миниатюрную колонну. Они прощались.

То здесь, то там вспыхивали голубые искры — пастухи дирижировали своей паствой. Стадо зашло за темную прядь газа и скрылось из вида. Хелен горько улыбнулась. Эх, если бы у нас осталась лазерная связь! А так никто не узнает об упорстве и стойкости земного корабля. Никто никогда не узнает и о том, что соляриане вовсе не собирались убивать пришельцев, а совсем даже наоборот, изо всех сил пытались им помочь. И, наконец, никто не узнает, что люди установили

контакт с обитателями Солнца! Что ж, выход один — выжить и самим сообщить обо всем Галактике. Взвизгнул сигнал тревоги. Хелен быстро перевела взгляд на приборную панель. Вот дурато, нашла время мечтать!

За ее спиной нервно прохаживалась Милдред Мартин. Действия психолога, хотя и вполне разумные, особой последовательностью не отличались. Мартин только что вернулась с противоположной стороны купола, где оказывала помощь Хьюзу и Дональдсону. Сейчас она, что-то бормоча себе под нос, мерила шагами палубу.

Слава Ифни, у Милли хотя бы хватает здравого смысла не мешать им! Но пристегнуться к кушетке психолог решительно отказалась. Хелен не решилась послать ее на обратную сторону корабля в помощь Джейкобу, Ла Року и Фэгину. Состояние Мартин не внушало ей доверия. В воздухе пахло зловонной гарью. Камеры, установленные на обратной стороне корабля, давали лишь панораму густого дыма. Хелен не отключала внутреннюю связь, ловя каждый звук, доносящийся снизу. Время от времени раздавались крики и звуки борьбы. Пару раз ей показалось, что она уловила стоны. А несколько мгновений назад душераздирающий вопль заставил ее вздрогнуть. После

этого в корабле повисла гнетущая тишина. Хелен, не позволяя эмоциям взять над собой верх, бесстрастно следила за приборами. Сейчас она не имела права на чувства. Лишь гордость владела в эти минуты комендантом базы «Гермес». Несмотря ни на что, они все еще были живы!

Разумеется, шансы на спасение с каждой минутой становились все призрачней. Если бы Кулла был обезврежен, Джейкоб тут же дал бы о себе знать. Она вздрогнула и поспешила взять себя в руки. Становилось по-настоящему холодно. Температура на борту упала до пяти градусов Цельсия. Накопившаяся усталость давала о себе знать, и Хелен уже не успевала поддерживать достаточно высокую температуру внутри корабля, корректируя защитные поля. Просто же поднять температуру означало снизить мощность охлаждающего лазера, что могло повлечь за собой катастрофу. Хелен подрегулировала конфигурацию магнитного поля. Не хватало только, чтобы вышли из строя фильтры жесткого ультрафиолетового излучения. Слава Ифни, хоть здесь все в порядке!

Охлаждающий лазер работал на пределе мощности, выкачивая тепло из хромосферы и посылая его вниз потоком жесткого рентгеновского из-

лучения. Корабль поднимался, но поднимался мучительно медленно. Снова взвыл сигнал тревоги. Но на этот раз он сообщал не об очередном отклонении параметров. Это был крик умирающего корабля.

К едкому дыму теперь добавился еще и ледяной холод. Джейкоб слышал, как кто-то рядом стучит зубами, заходясь при этом от надрывного кашля. Ему потребовалось усилие, чтобы осознать: это он сам. Кашель рвал легкие, холод сводил судорогами тело. Джейкоб приподнялся на локтях, не чувствуя ничего, кроме тупого удивления. Неужели он все еще жив?!

Дым понемногу рассеивался, распадаясь на отдельные пряди и струйки, вытянувшиеся в направлении вентиляционных отсеков. Джейкоб равнодушно отметил, что зрение не отказало ему. Он поднес руку к левому глазу. Цел. Зажмурил глаз, снова открыл. Глаз не видел, но, судя по всему, цел. Он ощупал голову. Похоже, и тут все в порядке. Значит, у Куллы не хватило энергии на полноценный выстрел. Кулла! Джейкоб быстро оглянулся. Дурнота волной подкатила к горлу. Он замер, пережидая приступ, затем снова принялся озираться. В двух футах от себя Джейкоб увидел тонкую белую руку, резко выделявшуюся

на фоне закопченной палубы. Джейкоб пригляделся. Лицо Куллы обгорело до неузнаваемости. Черная корка тлеющей противоожоговой пены покрывала то, что когда-то было смертоносными глазами прингла. Из разбитой головы сочилась синяя слизь. Сомнений не оставалось — Кулла был мертв. Опираясь на руки, Джейкоб пополз по палубе в сторону центрального купола. Прежде всего надо найти Ла Рока и Фэгина. А потом добраться до петли и позвать кого-нибудь, кто сможет разобраться в компьютере… если еще не Поздно… Рядом послышался стон. Ла Рок, обхватив голову руками, сидел в нескольких метрах от Куллы. Джейкоб осторожно тронул его за плечо. Репортер поднял на него затуманенный взгляд.

— Ооооо… Демва, это вы? Нет, молчите! У меня голова и так раскалывается.

— С вами все в порядке?

Ла Рок кивнул.

— Наверно, раз я жив. Но если живы еще и вы, то Кулла должен быть мертв, так? И если я все еще не хочу умирать… Mon Dieu! <О Боже! (франц.)> Демва, у вас такой вид, словно вы побывали в мясорубке! Неужели я выгляжу так же?!

Похоже, помимо всего прочего, драка вернула Ла Року склонность к многословию.

— Вставайте, Ла Рок, нам нужно спешить. Вставайте и помогите мне.

Один я не справлюсь. Нам еще нужно кое-что сделать. Ла Рок со стоном поднялся и тут же пошатнулся. Стремясь удержать равновесие, он ухватился за Джейкоба. От резкой боли тот на какое-то мгновение потерял сознание. Ла Рок, извергая потоки слов, помог ему подняться.

Остатки пены, судя по всему, окончательно выгорели. Дым быстро рассеивался, распадаясь на отдельные пряди.

Они очень медленно начали продвигаться вдоль купола, огибая его по часовой стрелке. Один раз дорогу им пересек луч П-лазера. Не в силах перешагнуть через сияющую нить, они двинулись напрямую. Джейкоб лишь поморщился, когда луч бритвой распорол ему ногу. Фэгин был плох. Из дыхательного отверстия доносился лишь тоненький жалобный свист. Джейкоб, останавливаясь после каждого слова, спросил кантона, может ли тот двигаться. Но в ответ лишь печально звякнули серебряные колокольчики. Выдвинувшиеся из корней острые когти намертво вцепились в упругий материал палубы. Фэгину требовалась срочная помощь. Они обошли кантена и направились к люку. На глаза

Джейкобу попалось переговорное устройство. Он набрал в легкие побольше воздуха.

— Хел. Хелен…

Он замолчал, не в силах продолжать. Хелен не отвечала. Лишь слабое эхо доносилось из динамика. Судя по всему, внутренняя связь в порядке. Так в чем же дело?!

— Хелен, ты слышишь меня?! Кулла мертв… Нас изрядно потрепало…

Нужно срочно исправить…

Судорога свела лицевые мышцы, и Джейкоб замолчал. Опираясь на Ла Рока, он доковылял до люка и рухнул на наклонный пол гравитационной петли. Жесточайший приступ кашля окончательно лишил его сил. Спать. Ему так хотелось спать. Невыносимо болела обожженная спина, обгоревшие руки саднили. Боль волнами прокатывалась по телу, не давая сконцентрироваться на каком-нибудь отдельном участке. Отчаянно ныл бок — наверное, сломано ребро. Но все это было сущими пустяками по сравнению с пульсирующей тяжестью над левым глазом. Казалось, какой-то шутник вскрыл ему череп и высыпал туда гореть раскаленных углей. Джейкоб понимал: во что бы то ни стало надо встать на ноги и подняться по петле. Медлить нельзя.

Он попытался ползти, подтягиваясь на руках. За спиной надрывно постанывал Ла Рок. Лежа на покатом полу, Джейкоб испытывал довольно странное чувство. Он всегда считал, что гравитационное поле должно иметь равномерное распределение вдоль всей петли, но вместо этого чувствовал, как мягкие волны перекатываются через него, нежно покачивая израненное тело. При этом одни участки тела наливались свинцовой тяжестью, другие же становились почти невесомыми. Без всякого сомнения, с полем творилось что-то неладное. Гравитация баюкала, ласково покачивая его на своих волнах, рябью пробегая по спине. Спать… как хорошо…

— Джейкоб! Слава Богу! — Голос Хелен взорвался в голове тысячей раскаленных искр.

— Что…

— Не до разговоров, милый! Вставай же! Гравитационные поля слабеют! Я послала Милдред, но… — Голос оборвался, сменившись каким-то дробным стуком.

— Хелен… Как хорошо… — Джейкоб поудобнее пристроил голову и погрузился в глубокий сон.

Ему снился Сизиф. Человек, приговоренный богами вечно вкатывать камень на гору. Джей-

кобу стало жаль беднягу — он-то на месте этого простака поступил бы куда хитрее. Зачем мучиться и вкатывать камень по отвесному склону, когда можно заставить гору стать плоской, как блин? И какое имеет значение, что в реальности ничего не изменится? О, мистер Хайд в подобных фокусах всегда был большим специалистом. Но на этот раз гора пребывала явно не в духе. Бесчисленные муравьи, живым ковром покрывавшие ее склоны, то и дело впивались в него челюстями. Осы устрашающих размеров решили устроить в его глазнице гнездо и отложить яйца. С каждым шагом камень становился все тяжелее. Гора играла с ним. Она выпускала липкие щупальца, опутывая ими ноги и не давая сдвинуться с места. Склоны внезапно покрывалась слизью, и он беспомощно скатывался вниз. Время от времени гора начинала вздыматься неровными волнами, от чего тошнота комом подкатывала к горлу, и он мгновенно терял ориентацию.

Джейкоб никак не мог вспомнить, дозволяют ли правила игры ползти. Решив, что столь нехитрый способ вряд ли возбраняется, он прижался к горе и пополз. Хитрость удалась на славу.

Камень, словно живое существо, помогал ему. Он двигался сам, и Джейкобу лишь приходилось

слегка подталкивать его. Это было прекрасно. Единственное неудобство состояло в том, что камень стонал. Его жалобные стенания немного раздражали. Джейкоб, утешал себя тем, что тот хотя бы воздерживается от болтовни на французском языке. Момент для практики в иностранных языках и в самом деле был не слишком удачным. Джейкоб очнулся. С усилием оторвав чугунную голову от пола, огляделся Он находился совсем рядом с люком. Но какой это люк, Джейкоб не знал. Дым исчез.

Джейкоб заглянул в люк. На палубе было темно. Красное марево хромосферы потеряло былую прозрачность, налившись густым мраком. Что это? Линия горизонта? Край Солнца?! Он не мог оторвать глаз от открывшейся картины Впереди простиралась плоская фотосфера, перистый ковер из красных и черных сполохов. Океан огня все так же пульсировал, но форма волокон на его поверхности изменилась — замысловатые узоры вытянулись вдоль ярких качающихся струй.

Взад и вперед. Солнце игриво раскачивалось перед глазами. Взад.

Вперед. Взад. Вперед.

В проеме люка показалось лицо Милли Мартин. Увидев его, Мартин испуганно вскрикнула.

Джейкобу захотелось успокоить ее. Сказать, что все будет в порядке.

Что все уже позади. Что мистер Хайд мертв, и больше не о чем тревожиться. Он вдруг вспомнил, что видел мерзавца на горе. Лицо обгорело до неузнаваемости, левый глаз выжжен. Труп издавал отвратительное зловоние. Джейкобу стало смешно.

Сзади что-то вдруг с силой дернуло его за ноги. Люк! Ему надо к люку!

Он начал сползать. Как он добрался до палубы, Джейкоб уже не помнил.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Как дивно созерцать галактику в отверстие бумажного листа.
Кобуяши Исса (1763-1828)

Глава 30
НЕПРОЗРАЧНОСТЬ

Член Комиссии Абатсоглу:

— Так вы утверждаете, что все системы, разработанные Библиотекой, вышли из строя задолго до прибытия спасателей?

Профессор Кеплер:

— Да, именно так. Дееспособными остались лишь устройства, разработанные на Земле. Я мог бы добавить, что пил Буббакуб и многие другие официальные лица неоднократно заявляли о бесполезности земных технологий.

Ч.К.А.:

— Вы намекаете, что Буббакуб заранее знал…

П.К.:

— Нет, конечно, нет! В каком-то смысле Буббакуба одурачили так же, как и всех нас. Его

возражения основывались исключительно на эстетических соображениях. Образованному пилу ужасно не нравилось, что галактические системы сжатия времени и управления гравитацией станут соседствовать с архаичной системой охлаждения и доисторическими тепловыми экранами землян. Впрочем, его можно понять: ведь отражающие поля и охлаждающий лазер основывались на принципах, известных людям еще в двадцатом веке. Естественно, Буббакуба покоробила настойчивость людей в их желании построить корабль прежде всего по земным технологиям. Он возражал, и возражал очень упорно, пытаясь убедить их в том, что рядом с галактическими системами земные устройства абсолютно излишни. Ну и, кроме того, Буббакуб попросту презирает доконтактную земную науку, высокомерно полагая, что она представляет собой жалкую смесь полуистин и суеверий.

Ч.К.А.:

— Однако эти суеверия оказались куда надежнее, чем новейшие разработки галактической науки.

П.К.:

— Надо признать, нам очень повезло. Ведь Кулла, также как и Буббакуб, считал, что от земных

систем мало что зависит, и поначалу даже не пытался вывести их из строя. Когда же он понял свою ошибку, было уже поздно.

Член Комиссии Монт:

— Доктор Кеплер, я никак не могу понять одного. И думаю, кое-кто из моих коллег разделяет мое недоумение. Насколько я знаю, Хелен де Сильва использовала охлаждающий лазер в качестве двигателя. Но, чтобы вывести корабль из хромосферы, необходимо преодолеть притяжение солнечной массы. Пока действовали гравитационные двигатели, ничего невозможного в этом не было, но что же произошло после того, как они вышли из строя? Почему корабль не смяло в лепешку?!

П.К.:

— Гравитационные двигатели отказали не сразу. Сначала испортилась тонкая настройка полей внутри гравитационной петли, ведущей на приборную полусферу. Затем отказала система автоматического слежения за турбулентностью, и, наконец, исчезли сами поля, компенсировавшие внутри корабля притяжение Солнца. Но когда это произошло, солнечный корабль уже добрался до нижних слоев солнечной короны. Командир де Сильва была готова к такому повороту.

Она хорошо понимала, что после отключения внутреннего компенсационного поля продолжать подъем — чистейшее самоубийство. Хотя на крайний случай, стремясь сохранить если не жизни членов экипажа, то хотя бы полученные уникальные данные, она оставила и этот вариант. Но Хелен нашла выход: она предоставила корабль свободному падению, лишь слегка притормаживая двигателями с ускорением, не превышающим три "g". К счастью, существует способ довольно безопасного падения в гравитационную воронку, надо лишь двигаться по гиперболической орбите относительно гравитационного центра. Хелен и попыталась перевести корабль на такую орбиту, направив лазер по касательной к ней. По сути дела, она всего лишь повторила управляемый прыжок доконтактного периода. Разница состояла в том, что на этот раз прыжок был вынужденным, а орбита не столь высока.

Ч.К.А.:

— Как близко корабль подошел к Солнцу?

П.К.:

— Вы уже знаете, что корабль до этого падал дважды: сначала, когда отказали гравитационные двигатели, и потом, когда соляриане,

какое-то время удерживавшие корабль своими телами, вынуждены были оставить это бесплодное занятие. Так вот, во время третьего падения корабль подошел к Солнцу наиболее близко. Он в буквальном смысле коснулся поверхности фотосферы.

Ч.К.А.:

— Но как же турбулентность?! Почему корабль не раздавило?!

П.К.:

— В результате этого вынужденного погружения мы получили много новых сведений о физике Солнца. Хромосфера оказалась куда менее турбулентной, чем мы предполагали. Впрочем, и среди нас имелись провидцы, которым я сейчас с огромным удовольствием приношу свои извинения. Но думаю, что решающим элементом явилось все-таки мастерство пилота. Хелен де Сильва совершила невозможное. Люди из службы спасения изучили данные бортовых датчиков и пришли в неописуемый восторг, омраченный лишь невозможностью немедленно склонить колени перед мужеством и мастерством Хелен де Сильвы.

Генерал Уэйд:

— Да уж, спасатели, подоспевшие на помощь,

испытали настоящий шок от увиденного. Экипаж напоминал армию Наполеона во время отступления из Москвы. На борту стоял жесточайший мороз. Никто не подавал признаков жизни. Вы можете понять, в каком недоумении находились мы, пока не просмотрели данные.

Член Комиссии Нгуен:

— Могу себе представить! Никто не ожидал, что из раскаленного ада вылетит снежный ком! Доктор Кеплер, а вы понимаете, почему командиру корабля понадобилось увеличить скорость отвода тепла?

П.К.:

— Честно говоря, не совсем. Мне кажется, что Хелен намеренно понизила температуру на борту корабля с одной-единственной целью — сохранить в целости полученные данные. Она боялась, что они могут сгореть. Наверное, Хелен все-таки верила в то, что корабль выберется из этой переделки. Но вряд ли она задумывалась над биологическим эффектом столь резкого понижения температуры. Видите ли, во многих вопросах Хелен оставалась совершенно наивной. В своей области де Сильва достигла совершенства, но не уверен, что она знала о достижениях криогенной хирургии. Полагаю, очнувшись, она

будет очень поражена. Да и остальные наверняка удивятся не меньше. За исключением, быть может, мистера Демвы. Этого человека ничем не проймешь. Боюсь, что даже сейчас, когда его сознание пребывает в небытии, он продолжает свои аналитические игры.

Глава 31
РАСПРОСТРАНЕНИЕ

По весне киты устремляются на север. Когда он в последний раз стоял на берегу океана, наблюдая за миграцией серых китов, многие из тех, что вспенивал сейчас морскую гладь, не появились еще на свет. Ему было любопытно узнать, поют ли нынешние поколения «Балладу о Джейкобе и Сфинксе».

Наверное, нет. Серым китам песня всегда не слишком нравилась. Не то что чувствительным белугам. Серые киты славились снобизмом, но Джейкоб все равно любил их.

Негромко ревели буруны, разбиваясь о скалы у его ног. Воздух, пропитанный соленой влагой, наполнял сердце радостью и безмятежным покоем. В госпитале Санта-Барбары его попытались усадить в инвалидное кресло, но Джейкоб отка-

зался, предпочтя трость. Хотя такой выбор сильно ограничивал свободу передвижения, зато постоянная физическая нагрузка шла на пользу. Все три месяца, прошедшие с момента пробуждения в боксе госпиталя, Джейкоб отчаянно пытался встать на ноги. Он вспомнил, как изменилась после возвращения на Землю Хелен. И куда только исчезли ее надменность и чопорность! Лексикон уроженки эпохи расцвета Бюрократии заставлял заливаться краской благонравных граждан Конфедерации. Джейкоб улыбнулся. Когда Хелен почувствовала, что находится среди друзей, ее речь обрела выразительность языка опытного космолетчика, повергая всех в полнейшее изумление. Но Хелен лишь смеялась, ссылаясь на издержки своего воспитания. Джейкоб, весьма интересовавшийся жизнью Хелен, был очень настойчив в расспросах. А если не помогали обычные методы убеждения, то переходил к менее традиционным. На Хелен в таких случаях нападал приступ безумного хохота, она обзывала его развалиной и требовала, чтобы он прекратил нелепые попытки совершить то, к чему далеко еще не готов. Ну и язва! Как будто она готова! Джейкоб снова улыбнулся. Только через месяц врачи прекратят пичкать их гормональными

препаратами. Сначала должны полностью восстановиться все клетки организма. Еще месяц потребуется на подготовку к столь серьезному испытанию, как космический полет. Хелен, опережавшая Джейкоба на пути к выздоровлению, постоянно дразнила его, подчас довольно жестоко. Доктора жена его просьбы оградить от нападок этой «нахалки» лишь улыбались и отвечали, что разочарование обостряет желание выздороветь. Ну и чушь! Если Хелен не прекратит провокаций, то вскоре ему придется как следует удивить и ее, и этих болтунов в белых халатах. Джейкоб не очень доверял всяким там графикам, больше полагаясь на собственные ощущения. Ифни! Как же здесь хорошо! Как чудесен океан воды, а не огня! Джейкоб с наслаждением втянул в себя соленый воздух. Пора идти. Его ждет лечение, куда более эффективное, чем таблетки и самовнушение. Он повернулся и медленно направился к хаотичному строению, экстравагантному жилищу его дядюшки Джеймса. Он с удовольствием ощущал под ногами твердую землю, а не упругий материал, служивший полом на Меркурий и солнечном корабле.

Дядя Джеймс, по своему обыкновению, упоенно флиртовал с Хелен. Она же бесстыдно поощряла

его.

— Мой мальчик! — Дядюшка Джеймс приветственно вскинул руку. — А мы уже собирались разыскивать тебя! Джейкоб лениво улыбнулся.

— К чему спешить, дядя Джим! Уверен, у нашей покорительницы межзвездных миров в запасе имеется еще немало историй. Дорогая, ты уже рассказала моему родственнику о черной дыре?

Хелен криво улыбнулась и одарила его ироничным взглядом.

— Джейк, по-моему, ты хотел сам поведать своему дяде эту историю.

Джейкоб ответил безмятежной улыбкой. Она права — он должен сам заняться обработкой дядюшки. На дипломатические таланты Хелен особо рассчитывать не приходилось.

Хелен де Сильва была великим пилотом, а за последние недели она стала еще и превосходным конспиратором. Но Джейкоба немного пугали ее упорство и сила. Он не знал, как сложатся их отношения в дальнейшем. Узнав после пробуждения, что корабль «Калипсо» уже отправился в межзвездный полет, Хелен тут же записалась в группу «Везариус-2». На робкие попытки Джейкоба узнать, чем же она там занимается, Хелен лишь нагло отвечала, что сначала она должна

как следует выдрессировать его в полном соответствии с системой доктора Павлова, дабы выработать необходимые условные рефлексы. Курс дрессировки займет не меньше трех лет, добавляла Хелен, и в конце означенного периода, она, так уж и быть, сжалится над ним и позвонит в колокольчик, приглашая его отправиться с ней в межзвездный полет.

У Джейкоба, правда, имелись свои соображения на этот счет, хотя он обреченно понимал, что деятельность его слюнных желез находится под полным контролем Хелен де Сильвы.

Дядя Джеймс нервничал. Джейкоб не мог припомнить случая, когда дядя выглядел бы столь обеспокоенным. Куда-то вдруг подевалось знаменитое ирландское обаяние, которым всегда славился клан Альварес. Живые зеленые глаза смотрели неестественно печально.

— Джейкоб, мой мальчик! Прибыли наши гости. Они ждут в кабинете, ими занимается Кристиан. Я очень рассчитываю, что ты будешь благоразумен. Ох, не стоило приглашать этого парня из правительства! Мы сами могли все уладить. Но теперь, насколько я понимаю…

Джейкоб помахал свободной рукой.

— Дядя, пожалуйста! Мы уже все с тобой обсу-

дили Ты же понимаешь, что принять решение необходимо. Если ты откажешься от услуг Комиссии по регистрации секретов, то я буду вынужден созвать семейный совет и вынести это дело на его суд. Ты же знаешь дядю Джереми, он скорее всего потребует, чтобы это дело немедленно предали огласке. Пресса, разумеется, примет твою сторону, но у Департамента судебных преследований появится отличный предлог, чтобы навесить на тебя маленькую пищащую штучку. Только представь, милый дядюшка, ходишь ты себе и попискиваешь, словно полевая мышь: пи-ип, пи-ип, пи-ип, пи-ип…

Джейкоб оперся о плечо Хелен, не столько потому, что устал, сколько в поисках моральной поддержки в этом бесконечном споре с дядей Джеймсом. Аристократическое лицо дядюшки побледнело. Хелен тщетно пыталась сдержать смех, странно всхлипывая и издавая не слишком приличное бульканье.

— Прощу прощения, — выдавила наконец она.

— Тебе бы все насмехаться над беспомощным инвалидом! — Джейкоб ущипнул ее и снова оперся на трость.

Кабинет дяди Джеймса производил не столь внушительное впечатление, как кабинет в Аль-

варес-холле в Каракасе. Он выглядел куда более уютным и располагающим к приватным беседам. Джейкоб надеялся, что ему удастся серьезно поговорить с дядюшкой еще сегодня.

Лепные стены и декоративные колонны подчеркивали испанский стиль. Среди книжных полок выделялись закрытые ящики, в которых хранилась коллекция самиздатовских изданий времен Бюрократии. Над мраморным камином красовался девиз:

«КОГДА НАРОД ЕДИН, ОН НЕПОБЕДИМ».

Фэгин, замерший декоративным растением у одной из колонн, приветственно свистнул. Джейкоб, церемонно поклонившись в ответ, приступил к длительной процедуре формального приветствия. Ему хотелось сделать приятное другу. Фэгин регулярно навещал его в госпитале. Поначалу они испытывали немалые трудности в общении, поскольку каждый считал себя в неоплатном долгу перед другим. После долгих и церемонных препирательств они наконец пришли к единому мнению, то есть каждый остается при своем. …Когда гиперболическая орбита вынесла солнечный корабль достаточно далеко от Солнца, к нему смогла подобраться спасательная команда. Проникнув на борт корабля, спасатели

с изумлением обнаружили, что люди попросту заморожены. Тело прингла, находившееся на обратной стороне корабля, было расплющено всмятку перегрузками, не пощадившими нижней части корабля. Но больше всего спасателей поразил Фэгин. Уцепившись острыми шипами за палубу, он болтался вверх ногами. Параметрический лазер продолжал исправно работать, придавая картине совсем уж абсурдный вид. Холод повредил живучему кусту меньше четверти клеток, так что кантен вышел из всей этой заварухи, можно сказать, без потерь. В итоге Фэгин из Института Прогресса, привыкший всегда быть лишь сторонним наблюдателем, сам очутился в центре всеобщего внимания. Он оказался единственным софонтом во всей Галактике, кто испытал, что значит лететь вверх тормашками сквозь плотное пламя звезды. Теперь и у него появилась своя собственная история, которую он мог с гордостью рассказывать пораженным слушателям. Но самое печальное состояло в том, что бедняге Фэгину никто не верил. Пока не просмотрели данные с корабля.

Закончив с приветственным церемониалом, Джейкоб дружески кивнул Ла Року, восседавшему, за столиком с многочисленными блюдами.

Со времени их последней встречи к журналисту вернулись и его цветущий вид, и, разумеется, аппетит. Сейчас Ла Рок с волчьей ненасытностью поглощал кулинарные творения Кристиана. Будучи все еще прикованным к инвалидному креслу, он лишь молча кивнул Джейкобу и Хелен, приветственно взмахнув пухлой ручкой. Джейкоб заподозрил, что подобная сдержанность объясняется очень просто: у репортера настолько набит рот, что он не в состоянии приветствовать старых друзей трескучей тирадой. Кроме Фэгина и Ла Рока, в кабинете находился еще один человек. Высокий мужчина с длинным благородным лицом. Пронзительные светло-серые глаза. Во всем облике нечто аскетическое. Он поднялся из кресла навстречу вошедшим и протянул Джейкобу руку.

— Хан Нильсен, к вашим услугам, мистер Демва. Я много слышал о вас и теперь горд, что могу пожать вашу руку. Разумеется, Комиссия по регистрации секретов в курсе всего, что известно правительству. Поэтому я вдвойне восхищаюсь вами. Но сегодня мы собрались, чтобы обсудить вопрос, о котором правительству не следует знать.

Джейкоб и Хелен расположились на диване

у окна.

— Совершенно верно, мистер Нильсен. Речь пойдет о двух вопросах.

Во-первых, мы хотели бы получить формальное одобрение Совета Всех Землян.

Нильсен нахмурился.

— Вы должны сознавать, что в данный момент Совет пребывает в зачаточном состоянии. Делегаты от колоний не прибыли. Бюр… чиновникам Конфедерации, — Нильсен едва удержался от ругательства, — не по душе существование Комиссии по регистрации секретов, ставящей честность превыше закона Совет Всех Землян еще менее популярен.

— Может, оно и к лучшему. Но чего ждут от нас и Совет, и ваша Комиссия? Ведь потребуются годы, чтобы Совет приобрел легитимность. Зачем вам рисковать, вмешиваясь в эту проблему?

Какое-то время все молчали. Потом Нильсен пожал плечами и достал из портфеля записывающее устройство.

— Содержание этого разговора не подлежит разглашению без санкции Комиссии по регистрации секретов. Кто первый? Может, вы начнете, доктор де Сильва?

Хелен кивнула.

— Хорошо. Первое. Мы знаем, что пил Буббакуб совершил преступление с точки зрения как Библиотеки, так и собственной расы. Он подделал доклад Библиотеки и совершил подлог на борту солнечного корабля, а именно: фальсифицировал контакт с солярианами и устроил представление с «реликвией летаней». Мы полагаем, что нам теперь известны мотивы его поступка. Во-первых, Буббакуба смутило отсутствие в Библиотеке каких-либо упоминаний о солнечных обитателях. И во-вторых, он уже давно мечтал поставить на место зарвавшуюся «сиротскую расу».

Подумав, Хелен добавила:

— Мы понимаем, что, действуя в русле галактической традиции, и Библиотека, и пилы попытаются подкупить Землю, пообещав всевозможные блага за вечное молчание. Конфедерация, возможно, и удовлетворится подобным предложением. Но надо помнить, что в будущем людям неизбежно придется столкнуться с враждебностью лилов, гордость которых уязвлена. Уже сейчас ходят разговоры о том, чтобы лишить наших подопечных, шимпанзе и дельфинов, статуса кандидатов в софонты. Более того, человечеству могут придать статус «приемных подопечных», дабы обеспечить «сложный

переходный период». Не говорю уже о том, что начнется, если пилы активизируются в своих антипатиях к землянам. Я правильно обрисовала ситуацию? Джейкоб кивнул.

— Прекрасно. Ты только не упомянула о моей глупости. Я совершил огромную ошибку, обвинив Буббакуба на Меркурии в присутствии довольно большой аудитории. Подписанное нами двухлетнее обязательство о неразглашении никем всерьез не воспринимается. Власти же Конфедерации слишком долго выжидали, прежде чем наложить запрет на информацию об этих событиях. И теперь, наверное, половина галактики перемывает нам косточки. В результате мы утратили шанс оказывать давление на лилов с помощью шантажа. А пилы не остановятся ни перед чем в стремлении превратить землян в приемышей. Под предлогом «возмещения» за преступление Буббакуба они навяжут нам разнообразную, но ненужную помощь, примутся нас направлять и контролировать. Мы полностью окажемся во власти расы, ненавидящей нас. Он замолчал и знаком попросил Хелен продолжать.

— Итак, второе. Теперь мы знаем, что в неудаче Буббакуба виноват Кулла. Думаю, в намерения прингла не входило разоблачение людьми его

опекуна. Кулла сам собирался шантажировать лилов. Надо сказать, что он проявил редкую изобретательность. Поощряя попытки Джеффри «освободить» его, он тем самым спровоцировал гнев Буббакуба. Последовавшая смерть шимпанзе привела всех в смятение. Буббакуб возомнил, что отныне поверят любым его утверждениям. Возможно даже, что Кулла учел и проницательность руководителя проекта доктора Кеплера. Именно Кулла вывел его из строя с помощью своих удивительных глаз. Но самая важная часть плана Куллы состояла в имитации антропоморфных Призраков. Эта затея удалась ему с блеском. Он обманул всех без исключения. Нетрудно понять, что, обладая столь изощренным умом и столь редкими талантами, прингл считал себя вправе требовать независимости для своей расы. Мне нечасто доводилось слышать о столь одаренных существах.

— Но если пилы являются опекунами принглов, — возразил дядя Джеймс, — то почему Буббакуб не догадался о том, что Призраки — дело рук его подопечного?

— Позвольте мне ответить на этот вопрос, — пропел Фэгин. — Принглам разрешили самим выбрать помощника, который бы сопровождал

Буббакуба. Моему Институту известно из независимого источника, что Кулла был незаурядным актером, очень популярным на одной из планет принглов. Кроме того, среди самодовольных пилов бытовало мнение, что их подопечные — существа недалекие и не отличающиеся особыми талантами.

— А в чем заключались способности принглов?

— Ну, во-первых, в умении создавать голографические изображения с помощью своих лазерных глаз. Не забывайте, что в этом искусстве принглы совершенствовались все сто тысяч лет разумного существования, причем делали это в тайне от опекунов. Я преклоняюсь перед их упорством и самоотверженностью.

Нильсен присвистнул.

— Да, наверное, они и в самом деле очень тяготились статусом подопечных. Но все-таки я не понимаю, почему Кулла все это затеял! Каким образом имитация псевдосоляриан, смерть Джеффри и давление на Буббакуба могли помочь расе принглов освободиться?

Хелен взглянула на Джейкоба. Тот кивнул.

— Продолжай, это же в основном твои выводы.

Она глубоко вздохнула.

— Видите ли, в планы Куллы не входило раз-

облачение Буббакуба на Меркурии. Он вынудил своего опекуна солгать и проделать трюк с «реликвией летаней», но никак не ожидал, что мы начнем сомневаться в правдивости пила. Если бы его план полностью удался, то Библиотека получила бы сообщение, содержащее два пункта. Во-первых, Буббакуб — глупец и лжец, и от неминуемого конфуза его спасла лишь расторопность самого Куллы. И во-вторых, люди представляют собой сборище жалких идиотов, и на их россказни не стоит обращать внимания. Совершенно очевидно, что, получив такое сообщение, никто бы не поверил в странные рассказы землян о «человекоподобных Призраках», порхающих вокруг звезды. Недоверие усугублялось бы еще и отсутствием в Библиотеке упоминаний о солярианах. Так что, я думаю, вы без труда сможете представить себе, как отреагировала бы Галактика на рассказы о плазменных существах, потрясающих кулаками и чудесным образом избегающих регистрации! Услышав подобные утверждения, никто не взял бы на себя труд даже ознакомиться с полученными нами изображениями тороидов и настоящих соляриан. Галактика и так смотрит на земные «исследования» со снисходительным презрением. Думаю, Кулла хотел добиться, чтобы

«Прыжок в Солнце» подняли на смех, даже не выслушав его участников. Джейкоб заметил, как густо покраснел Ла Рок, в свое время также весьма пренебрежительно отзывавшийся о «земных исследованиях».

— Из краткого объяснения Куллы, — продолжала Хелен, — можно заключить, что он устроил всю эту катавасию с Призраками ради нашего же блага. Если бы нас сочли глупцами, то никто не обратил бы внимания на наше заявление об открытии. И землянам оставалось спокойно догонять другие расы.

Нильсен нахмурился.

— В этом есть определенный смысл.

Хелен пожала плечами.

— Теперь-то об этом поздно рассуждать. Во всяком случае, Кулла скорее всего собирался убедить Библиотеку в том, что люди — безвредные идиоты, на которых не стоит обращать внимание. Для него гораздо важнее было то, что активным участником людского идиотизма оказался бы и пил Буббакуб, поверивший в так называемых Призраков. В результате он и решился на такую мистификацию! — Хелен повернулась к Фэгину. — Я верно изложила суть наших обсуждений, кантен Фэгин?

Кантен тихо свистнул.

— Абсолютно, дражайшая Хелен. Полностью доверяя Комиссии по регистрации секретов, я хочу сообщить, что мой Институт получил данные, касающиеся принглов и пилов. Очень важные в свете этого рассказа. Судя по всему, принглы оказались втянуты во всегалактическую кампанию по дискредитации пилов. Для человечества здесь открываются как новые возможности, так и новые опасности. Возможности заключаются в том, что ваша Конфедерация имеет доказательства предательства Куллы. Пилы узнают, что ими манипулировали, и скорее всего тут же начнут кампанию против принглов. Расу Куллы вынудят найти себе покровителя, их понизят в статусе. Колонии принглов ликвидируют, а население «сократят». Человечество, может, и получит при этом небольшую выгоду. Но она не перевесит враждебного отношения пилов к землянам. Психология пилов не знает, что такое благодарность. Да, они могут отложить на некоторое время попытки придать человечеству статус «приемной» расы. Но не более. Возможно, пилы также с готовностью воспримут послабления для землян в качестве возмещения ущерба, нанесенного одним из пилов. Но все равно люди никогда не

смогут завоевать доброго расположения соплеменников Буббакуба. Сознание того, что они в неоплатном долгу перед человечеством, лишь усилит ненависть пилов к сиротской расе.

Кантен умолк, собираясь с мыслями, но поспешил добавить новые аргументы:

— Кроме того, многие либерально настроенные расы, на чью поддержку до сих пор человечество полагалось, отнесутся крайне неодобрительно к тому, что люди предоставят пилам casus belli <повод к войне (исп.)> для новых джихадов. Тимбрими скорее всего отзовут свое консульство с Земли. И, наконец, имеются еще и этические соображения. Я не стану вдаваться в их тонкости, поскольку многое, вероятно, вам покажется непонятным. Скажу лишь, что Институт Прогресса заинтересован в том, чтобы принглы не подверглись санкциям. Это молодая и импульсивная раса, подающая очень большие надежды. И будет несправедливо, если на нее обрушатся жестокие репрессии только за то, что некоторые из ее представителей оказались замешаны в заговоре с целью освобождения своего вида от стотысячелетнего рабства. По перечисленным причинам я предлагаю наложить на преступления Куллы гриф полной секретности. От слухов

в среде людей, безусловно, никуда не деться. Но надменные соро никогда не станут прислушиваться к человеческой болтовне.

Колокольчики тихо звякнули, и Фэгин замолчал.

Нильсен хмуро смотрел в окно.

— Неудивительно, что Кулла попытался уничтожить корабль, когда Джейкоб вычислил его. Если бы пилы получили официальное подтверждение о его действиях, принглы были бы обречены.

— А что, по вашему мнению, намерена предпринять Конфедерация? — спросил Джейкоб.

— Предпринять? — Нильсен горько рассмеялся. — О, они, разумеется, поспешат на поклон к пилам, подобострастно выложив все, как есть. В результате нам не навяжут полноценный филиал Библиотеки со штатом в десять тысяч сотрудников! И нас не станут заставлять перейти на современные галактические корабли, в которых не способен разобраться ни один человек и которыми можно управлять лишь с помощью «советников»! Такой шаг даже отсрочит на неопределенный срок получение этого проклятого статуса «приемной расы»! — Нильсен махнул рукой. — С другой стороны, власти Конфедерации

не станут церемониться с расой принглов, представитель которой убил нашего подопечного, чуть не погубил лучший земной проект и попытался выставить землян полными идиотами в глазах всей Галактики! И, положа руку на сердце, разве можно их за это осуждать? Дядя Джеймс кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Мы обязательно должны засекретить эту историю. Я пользуюсь некоторым влиянием в определенных кругах. Если я замолвлю словечко…

— Ты не можешь замолвить словечко, дядя Джеймс, — прервал его Джейкоб, — ты замешан, пускай и незначительно, в известной нам интриге. Если ты попытаешься вмешаться, то сразу же засветишься.

— О чем идет речь? — спросил Нильсен.

Джейкоб хмуро взглянул на дядю, затем на Ла Рока. Француз невозмутимо уничтожал очередной кулинарный шедевр.

— Эти двое входят в некую группу заговорщиков, решивших взорвать Закон о надзоре. Это еще одна причина, по которой я попросил вас приехать. Нужно что-то делать, и я решил, что лучше обратиться в вашу Комиссию, чем в полицию.

При слове «полиция» Ла Рок замер и с отвраще-

нием положил замысловатый бутерброд обратно на тарелку.

— Что еще за группа заговорщиков?

— В основном поднадзорные и сочувствующие им граждане. Эти безумцы задумали тайком построить космический корабль и отправиться в космос. Нильсен резко выпрямился.

— Что?!

— Ла Рок отвечает за подготовку астронавтов. Кроме того, он исполняет функции главного шпиона. Наш поэт пытался снять калибровочные параметры генератора гравитации на солнечном корабле.

— Но зачем им это нужно?

— А почему бы и нет? Прекрасная форма протеста. Если бы я был поднадзорным, то ни в коем случае не остался бы в стороне. Этот идиотский закон нравится мне не больше, чем самим поднадзорным. Но я реалист. Поднадзорные объявлены неполноценными. И в результате у них выработался устойчивый психологический комплекс. Вот они и пытаются объединиться, чтобы сообща ненавидеть «послушное и приручённое» общество. Они словно говорят: «Вы полагаете, что мы склонны к насилию? Что ж, придется оправдать ваши ожидания!» Большинство под-

надзорных не способны причинить вред живому существу, что бы там ни показывали П-тесты. Но после того, как на них навесили ярлык, они и вести себя стали соответственно.

— Может, так, а может, и нет, — ответил Нильсен. — Но позволить поднадзорным отправиться в космос, да еще в данной ситуации… Джейкоб вздохнул.

— Тут вы, разумеется, правы. Этого нельзя допустить ни в коем случае.

Пока нельзя. С другой стороны, нельзя позволить и Конфедерации развязать истерию по этому поводу. Она лишь усугубит ситуацию и вызовет еще более резкие формы протеста.

Нильсен выглядел встревоженным.

— Не хотите ли вы сказать, что в спор о Законе о надзоре может ввязаться Совет Всех Землян? Это было бы настоящим самоубийством! Общественное мнение никогда не простит этого Совету!

Джейкоб весело улыбнулся.

— Вы правы. Даже мой дядя Джеймс вынужден будет с вами согласиться.

Нынешние граждане даже в мыслях не допускают изменения статуса поднадзорных, а Совет Всех Землян в настоящее время совершенно не пользуется авторитетом. Ведь чем сейчас

занимается Совет? Управляет колониями, находящимися за пределами Солнечной системы. И рано или поздно, но он начнет контролировать все проекты землян в космосе. И вот тогда Совет сможет влиять, хотя бы символически, на Закон о надзоре.

— Я не очень понимаю, что вы имеете в виду.

— Вы, наверное, не знакомы с книгами Олдоса Хаксли? Когда Хелен была студенткой, его романы еще пользовались популярностью. Я же со своими кузенами обязан был изучать их в нашей семейной школе. Временами это было совсем нелегко, но труды стоили того. Этот человек обладал редкой проницательностью и удивительно острым умом. У старика Хаксли есть такой роман «О, дивный новый мир…»

— Я что-то слышал о нем. Антиутопия, не так ли?

— В каком-то смысле. Советую почитать. Вы знаете, там есть совершенно невероятные по точности предсказания. Хаксли сконструировал общество с весьма непривлекательными чертами, но при этом самосогласованное и имеющее собственное понятие о чести. Этакий улей со своей этикой. Поскольку человечество то и дело порождает личности, которые никак не вписы-

ваются в установленные общественные рамки, то как, по вашему мнению, поступает с ними государство в романе Хаксли?

Нильсен сдвинул брови, не понимая, к чему клонит Джейкоб.

— В государстве, устройство которого напоминает улей? Наверное, отклоняющихся от нормы уничтожали? Джейкоб вскинул указующий перст.

— Нет, не совсем так. Государство у Хаксли обладает определенной мудростью. Его лидеры сознают, что их система лишена гибкости и не способна выдержать внезапные потрясения. Они хорошо понимают, что неординарные личности — это резерв, к которому можно обратиться в трудные времена, но в то же время не могут оставить их на свободе.

— И что же?

— Всех, кто отклоняется от нормы, попросту ссылают на острова, где им дозволяется осуществлять собственные культурные эксперименты.

— На острова? — Нильсен почесал голову. — Впечатляющая идея. Но в действительности она обратна идее резерваций для Внеземных. Мы выслали поднадзорных с небольших территорий, предоставив их В.З.

— Ужасно, — пробормотал Джеймс, — и для поднадзорных, и для В.З.

Фэгин, к примеру, очень хотел бы посетить Лувр, Агру или Йосемитскую долину!

— Всему свое время, друг Джеймс Альварес, — пропел Фэгин. — Сейчас я очень благодарен за разрешение посетить этот уголок Калифорнии. Я не заслужил такой милости.

— Не уверен, что идея с островами так уж хороша, — задумчиво протянул Нильсен. — Но, безусловно, она достойна обсуждения. Все ее плюсы и минусы мы рассмотрим как-нибудь в другой раз. А сейчас меня интересует совсем другое: при чем тут Совет Всех Землян?

— А вы Проведите параллель, — откликнулся Джейкоб. — Ведь проблема поднадзорных в значительной степени была бы ослаблена, если бы в их распоряжение были предоставлены острова, где они могли бы жить по своему разумению, не подвергаясь постоянному контролю. Но и этого мало. Многие поднадзорные считают, что их с самого начала лишили чего-то очень важного. Речь идет не только о родительских правах, но и о космосе, самом великом достижении человечества. Небольшой заговор, в который вовлечены и мой дядя Джеймс, и мистер Ла Рок, — первый симп-

том подобных настроений. Нам вскоре предстоит всерьез столкнуться с проблемой поднадзорных, если, конечно, не будет найдена ниша, где они смогут ощутить себя полноправными людьми.

— Ниша… острова… космос! Демва, вы можете быть хоть изредка серьезным? Купить еще одну колонию и передать ее поднадзорным? И это когда мы с трудом справляемся с имеющимися тремя? Должно быть, вы большой оптимист, если полагаете, что подобный план хоть сколько-нибудь реален. Джейкоб почувствовал, как рука Хелен коснулась его руки. Он быстро взглянул на нее. В лице — обычная смесь надменности и готовности вот-вот рассмеяться. В ответ он сжал ее пальцы.

— Вы правы, в последнее время я стал оптимистом. И уверен, что мой план не так уж безнадежен.

— Но средства?! Где взять средства? И что вы собираетесь делать с возмущенными гражданами, которые сами рвутся осваивать новые колонии? Черт побери, места все равно всем не хватит! Даже «Везариус-2» может принять не более десяти тысяч человек. А поднадзорных почти сто миллионов!

— Но ведь далеко не все захотят отправить-

ся в полет, особенно если в их распоряжении будут острова на Земле. Кроме того, я уверен, что для них важнее само право на космос. Хотя отсутствие средств — это действительно проблема. — Джейкоб улыбнулся. — Но почему бы не попросить Библиотеку помочь нам в этом деле? Колония четвертого класса и несколько кораблей типа «Орион», приспособленных специально для земных экипажей.

— И как вы собираетесь убеждать? Библиотека, безусловно, обязана возместить нам ущерб, причиненный Буббакубом. Однако она постарается сама получить выгоду от сделки Не упустит момент! Да еще поспешит поставить нас в полную зависимость от галактических технологий. И уж в этом Библиотеку поддержат все расы. Как вы собираетесь заставить их изменить форму возмещения?

Джейкоб развел руками.

— По-моему, вы забыли о том, что у нас кое-что есть. Настолько ценное, что Библиотека обязательно согласится на наши условия. Знание! — Он достал из кармана клочок бумаги. — Это зашифрованное сообщение с Меркурия, которое я получил от Милли Мартин. Хотя Милли до сих пор прикована к инвалидному креслу, она от-

правилась в экспедицию, поскольку соляриане пока соглашаются общаться только с ней. Так вот, Милли сообщает, что уже совершено несколько полноценных прыжков. И она приняла участие в одном из них. Милли до сих пор умудряется уклоняться от доклада властям Конфедерации. Сначала она хотела бы посоветоваться со мной и Фэгином. Контакт установлен. Соляриане с ней говорили. Они разумны и имеют очень долгую историю.

— Невероятно, — выдохнул Нильсен. — Но каким образом это открытие может иметь политические последствия?

— Судите сами. Пускай Библиотека по-прежнему верит, что может заставить нас принять возмещение ущерба на ее условиях. Но если действовать умело, мы вынудим ее пойти на значительные уступки. Тот факт, что соляриане обладают речью и помнят отдаленное прошлое — а Милли дает понять в своем сообщении, что они помнят прыжки в Солнце древних софонтов, быть может, даже самих прародителей, — означает, что нам неожиданно выпал настоящий подарок судьбы. Библиотека, безусловно, захочет как можно больше узнать о наших таинственных предшественниках. В результате открытие

землян получит большую огласку. — Джейкоб усмехнулся. — Конечно, дело непростое. Сначала нам надо закрепить сложившееся впечатление того, что «Прыжок в Солнце» потерпел крах. Затем с упрямством истинных идиотов получить у Библиотеки патент на исследование Солнца. Чинить препятствий нам не станут, поскольку решат, что дальнейшие исследования лишь выставят людей еще большими дураками. Когда же Библиотека поймет, чем мы обладаем, ей придется выкупить у нас это знание по нашей цене! Здесь нам потребуется помощь Фэгина. Пригодятся и политический опыт клана Альварес, и энергия Совета Всех Землян. Думаю, что мой план не так уж нереален. Дядя Джереми наверняка не откажет мне, когда узнает, что я наконец ввязался в «грязную политику».

Дядя Джеймс рассмеялся.

— Слышали бы тебя твои братья! Я уже предвижу панику в их рядах!

— Передай, что им нечего опасаться. Конкурировать с ними я не собираюсь. Впрочем, я сам все расскажу своим многочисленным родственникам, когда дядя Джереми соберет семейный совет. По моим прикидкам, мы можем уложиться в три года. После чего я навсегда удалюсь от политики.

Видите ли, друзья мои, у меня возникло желание совершить длительное путешествие. Хелен с силой ущипнула его за ногу. Джейкоб серьезно взглянул на нее.

— Но я ни за что не отступлю от одного условия. Мы обязательно должны взять с собой дельфиниху. Несмотря на пристрастие к похабным песням, она может нам очень пригодиться в решении многих проблем!

Звёздный прилив

Моим собственным прародителям...

СЛОВАРЬ И ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Акки — дельфин, корабельный гардемарин с Калафии.

Акцептор — представитель расы клиентов танду. Телепат с исключительными способностями к восприятию.

Би Чохуан — синтианский разведчик.

Баскин, Джиллиан — врач, представитель Совета Земли. Результат генной инженерии.

Библиотека — информационный банк данных, который обеспечивает единство галактического сообщества; архив знаний, накопленных со времен прародителей.

Братья Ночи — галактическая раса патронов.

Брошенный флот — обнаруженная «Стремительным» флотилия гигантских космических кораблей, давно забытых и блуждающих в космосе.

Брукида — дельфин-металлург.

Ватгасети — сержант-неофин.

Возвышение — процесс включения старшими

космическими расами младших в галактическую культуру с помощью обучения и генной инженерии. Образующаяся при этом раса клиентов служит своим патронам определенное договором время.

Галакты — представители старших космически рас, которые образуют сообщество пяти галактик. Большинство из них являются патронами, участвуя в древнем процессе возвышения.

Губру — псевдоптичья галактическая раса, враждебная Земле.

Д'Анит, Эмерсон — инженер «Стремительного», человек.

Дарт, Чарлз — планетолог, неошимпанзе.

Ивашика, Тошио — гардемарин с Калафии.

Ики — древний остров смерти и уничтожения.

Ифни — «Бесконечность», или госпожа Удача.

Калафия — колонизованный мир, населенный людьми и неодельфинами.

Кантен — одна из немногих галактических рас, дружески относящихся к Земле.

Карранк% (человек не может произнести правильно) — галактическая раса, настолько измененная в процессе служения по договору,

что превратилась в расу безумцев.

Кикви — земноводные предразумные существа, туземные обитатели планеты Китруп.

Кининк — философская школа, объединяющая логику человеческой мысли с наследием «сна китов».

Кипиру — первый пилот «Стремительного». Уроженец планеты Атласт.

Клиент — раса, достигшая стадии разума благодаря генной инженерии, осуществленной расой патронов. Договорный клиент — раса, выплачивающая свой долг патрону согласно договору.

Крайдайки — капитан исследовательского корабля «Стремительный».

Крат — командующая эскадрой соро.

Кта-Джон — особая разновидность неодельфина-стенос. Один из младших офицеров «Стремительного».

Маканай — корабельный хирург «Стремительного»; фем-неофин.

Мел — термин языка англик, обозначающий человека-мужчину.

Мелкое скопление — редко посещаемое ненаселенное шаровое скопление, в котором был обнаружен брошенный флот.

Метц, Игнасио — эксперт по возвышению, при-

писанный к «Стремительному».

Моки — неофин-стенос.

Нисс — псевдоразумный компьютер, переданный Томасу Орли агентом тимбрими.

Орли, Томас — агент Совета Земли, результат незначительной генной инженерии.

Пила — галактическая раса патронов, входящая в клан соро и враждебная Земле.

Праймал — полуязык, которым пользовались дельфины Земли до возвышения.

Прародители — мифическая первая раса, основавшая галактическую культуру и Библиотеку несколько миллиардов лет назад.

Сахот — неодельфин-стенос. Гражданский лингвист на борту «Стремительного».

Свесси, Ханнес — инженер, человек.

Синтианин — член одной из трех галактических рас, дружески настроенных по отношению к Земле.

Соро — одна из старших рас патронов, враждебно настроенная по отношению к Земле.

Стенос — профессиональное название неодельфинов, у которых есть гены естественных дельфинов вида Stenos bredanensis.

Stenos bredanensis — вид естественных дельфи-

нов на Земле, дельфин крупнозубый.

Судман, Дэнни — экзобиолог, человек.

Такката-Джим — неофин-стенос, помощник капитана «Стремительного».

Танду — воинственная галактическая раса, враждебная Земле.

Теннанинцы — воинственная галактическая раса.

Тимбрими — галактическая раса, дружески относящаяся к Земле; известна своим умом.

Турсиопы — профессиональный термин, обозначающий неодельфинов без генов стенос.

Tursiopus amicus — современный неодельфин. В переводе — «дружественная афалина».

Tursiopus truncatus — естественный дельфин Земли, афалина.

Тшут — неофин, самка, четвертый офицер «Стремительного».

Фем — термин языка англик, обозначающий женщину.

Фин — профессионализм, неодельфин.

Хаоке — неодельфин-турсиопа.

Херби — мумия древнего астронавта неизвестного происхождения.

Хикахи — неодельфин, самка, третий офицер

«Стремительного».

Хеурка-пит — неодельфин-стенос.

Эписиарх — член расы клиентов, служащий по договору танду. Телепат.

ПРОЛОГ
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

«Стремительный» хромает, как пес на трех лапах.

Вчера наудачу мы прыгнули в овердрайв, чтобы уйти от преследования галактов. Единственная уцелевшая после Моргранской битвы вероятностная обмотка стонала и скрипела, но все-таки доставила нас сюда, к источнику слабой гравитации, звезде-карлику, которая называется Ктсимини.

Библиотека указывает на наличие одного пригодного для жизни мира — планеты Китруп.

Говоря «пригодный для обитания», я выражаюсь очень мягко. Мы с Томом, Хикахи и капитаном провели много часов в поисках альтернативы, и в конце концов Крайдайки решил привести нас сюда.

Как врач, я страшусь высаживаться на такой коварной и опасной планете, но Китруп — океанический мир, а на-

шему экипажу, состоящему в основном из дельфинов, необходима вода, чтобы передвигаться и ремонтировать корабль. Китруп богат тяжелыми металлами, на нем есть все необходимое.

К тому же еще одно преимущество — его редко посещают. Библиотека утверждает, что планета очень давно не возделывалась. Может, галакты не догадаются искать нас здесь.

Я сказала об этом Тому вчера вечером, когда мы, взявшись за руки, смотрели, как вырастает планета в иллюминаторе каюты. Обманчиво красивый голубой шар, перевитый белыми лентами облаков. Ночная сторона тускло освещается действующими вулканами и молниями.

Я сказала Тому:

— Уверена: здесь нас никто преследовать не будет.

Конечно, я поделилась этой догадкой только с ним, и поэтому никого не пришлось обманывать. Том улыбнулся и промолчал: пощадил мое желание надеяться только на лучшее.

Конечно, они не оставят нас в покое.

«Стремительный» мог уйти только по нескольким пространственным линиям, не пользуясь пунктом перехода. Вопрос лишь в том, сумеем ли мы отремонтировать корабль и улететь прежде, чем появятся галакты.

Впервые за последние дни мы с Томом смогли несколько часов побыть наедине. Мы ушли в свою каюту и занимались любовью.

Сейчас он спит, а я пишу эти строки. Не знаю, когда смогу их продолжить.

Только что позвонил Крайдайки. Он вызывает нас обоих на мостик. Вероятно, чтобы фины видели и знали, что патроны-люди рядом. Даже такой опытный астронавт, как Крайдайки, время от времени испытывает подобную потребность.

Если бы и у нас, людей, было такое психологическое убежище!

Пора заканчивать писать и будить моего уставшего спутника. Хочу еще кратко изложить, что сказал мне Том вчера, когда мы смотрели на бурные моря Китрупа.

Он повернулся ко мне, улыбнулся своей необычной улыбкой — как всегда, когда мыслит иронично, — и просвистел на дельфиньем языке тринари краткую хайку:

Звезды дрожат от бури,
Вода ревет от грома —
Но разве мы промокли, любовь моя?

Я рассмеялась. Иногда мне кажется, что Том наполовину дельфин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПЛАВУЧЕСТЬ

Все ваши лучшие дела должны быть записаны на воде...

Фрэнсис Бомонт и Джон Флетчер

1. ТОШИО

Фины тысячелетиями смеялись над людьми. Люди всегда казались им ужасно смешными. То, что люди вмешались в их генетику и научили инженерии, нисколько не повлияло на это отношение.

Фины по-прежнему наглецы.

Тошио смотрел на маленькую инструментальную панель своих морских саней, делая вид, что проверяет показания глубиномера. Сани двигались на глубине десять метров. Никаких поправок вносить не нужно, но Тошио сосредоточился на панели, когда к нему подплыл Кипиру — несомненно, собираясь отпустить новую шутку.

— Маленькие Руки, свистни! — Гладкий се-

рый дельфин сделал справа от Тошио «бочку» и подплыл поближе, небрежно взглянув на него. — Насвисти нам мотив о кораблях, и космосе, и возвращении домой!

Голос Кипиру, резонируя во множестве полостей его черепа, напоминал звук фагота. Но дельфин с таким же успехом мог имитировать гобой и саксофон.

— Ну, Маленькие Руки? Где твоя песня?

Кипиру говорил так, чтобы слышали все остальные. Прочие дельфины плыли тихо, но Тошио знал, что они слушают. Он радовался, что Хикахи, командир экспедиции, находится впереди, в разведке. Было бы гораздо хуже, если бы Хикахи оказалась рядом и приказала Кипиру оставить юношу в покое. Слова Кипиру ничто по сравнению с позором — его, Тошио, защищают, как беспомощного ребенка.

Кипиру лениво перевернулся вверх брюхом около саней и легкими движениями плавников удерживался рядом. В хрустально чистой воде Китрупа все странно преломлялось. Похожие на кораллы вершины металлических островов-холмов мерцали, как горы, сквозь дымку в конце длинной долины. С поверхности свисали длинные нити водорослей.

Серая шкура Кипиру фосфоресцировала, острые как иглы зубы в его длинной узкой V-образной пасти блестели с насмешливой жестокостью, которая кажется преувеличенной... если не водой, то воображением Тошио.

Как фин может быть таким злым?

— Споешь нам, Маленькие Руки? Спой нам песню, на которую мы могли бы купить рыбной похлебки, когда наконец улетим с этой так называемой планеты и окажемся в дружественном порту! Свисти, чтобы спящим приснилась Земля!

В ушах Тошио, перекрывая негромкий гул очистителя воздуха, загудело от замешательства и неловкости. Он был уверен, что сейчас в любой момент Кипиру перестанет звать его Маленькие Руки и пустит в ход другое придуманное им прозвище — Великий Мечтатель.

Жаль, что он уже допустил ошибку, начал насвистывать, участвуя в исследовательской экспедиции с дельфинами, и те приветствовали его свист насмешками; но чтобы его издевательски величали титулом самых великих музыкантов среди горбатых китов... такого он выдержать не сможет.

— Мне не хочется сейчас петь, Кипиру. Почему

бы тебе не попросить кого-нибудь другого? — Тошио понял, что одержал победу над собой: ему полностью удалось унять дрожь в голосе.

К его облегчению, Кипиру только просвистел что-то высокое и быстрое на гортанном тринари, почти на дельфиньем праймале, — хотя это можно было воспринять и как оскорбление. Потом дельфин изогнулся и устремился к поверхности за воздухом.

Вода везде чистая и голубая. Быстро проплывают блестящие китрупские рыбы; их чешуйчатые спины отражают свет, как плывущие замерзшие листья. Все вокруг разнообразных металлических оттенков. Утреннее солнце проникает в чистое спокойное море и отражается от своеобразных живых организмов этого странного и неизбежно смертоносного мира.

Но Тошио некогда смотреть на красоты китрупских вод. Он ненавидит эту планету, ненавидит искалеченный корабль, который принес их сюда, ненавидит дельфинов, своих товарищей по несчастью. Он плыл и наслаждался ядовитыми ответами, которыми смог бы парировать Кипиру: «Если ты так хорош, Кипиру, почему бы тебе не насвистеть нам немного ванадия?» Или: «Не вижу смысла насвистывать человеческую мелодию

для дельфинов, Кипиру».

Эти воображаемые ответы казались очень эффектными. Но Тошио знал, что на самом деле никогда ничего подобного не сказал бы.

Прежде всего, пение именно китообразных, а не антропоидов принималось как законная плата во многих портах галактики. Конечно, высоко ценились печальные баллады китов, двоюродных братьев дельфинов, но все же Кипиру и его сородичи могли в большинстве портов купить выпивку, просто поработав своими легкими.

И вообще было бы ужасной ошибкой пытаться «качать права» по отношению к экипажу «Стремительного». В самом начале пути, после того, как они оставили Нептун, Тошио предупредил об этом старина Ханнес Свесси, один из семи людей, членов экипажа.

— Попробуй, и увидишь, что получится, — сказал механик. — Они будут ужасно смеяться, и я тоже, если окажусь в это время рядом. И скорее всего кто-нибудь из них ущипнет тебя. Если дельфины чего-нибудь не любят, так это людей, которые, не имея права, напускают на себя важность патронов.

— Но протоколы... — начал возражать Тошио.

— Подумаешь, протоколы! Они придуманы для

того, чтобы люди, и фины, и шимпы вели себя правильно в присутствии галактов. Если «Стремительный» будет остановлен патрулем соро или запросит у пиланского библиотекаря данные, вот тогда доктор Метц или мистер Орли... или даже ты и я... сделаем вид, что мы здесь старшие, потому что никто из этих ити[1] и не подумает разговаривать с такой молодой расой, как дельфины. Но в остальное время мы подчиняемся приказам капитана Крайдайки.

— Да уж и так плохо — получать выговор от соро и делать вид, что радуешься, потому что эти проклятые ити признают, что мы, люди, по уровню чуть выше фруктовых мух. Представляешь, каково бы нам было, доведись нам действительно вести корабль? Попытались бы превратить дельфинов в послушных, покорных клиентов-рабов? Тебе бы это понравилось?

Тогда Тошио яростно покачал головой. Мысль о том, чтобы обращаться с финами, как обычно в галактике обращаются с клиентами, вызывала отвращение. Его лучший друг Акки — фин.

Но иногда, в такие минуты, как эта, Тошио мечтал о какой-нибудь компенсации за то, что

---

[1] notes: 1

ИТ, «ити», от англ. ET — extra-terrestrial — внеземной, общепринятое название разумных существ с других планет

оказался единственным молодым человеком на корабле, экипаж которого — в основном взрослые дельфины.

На корабле, который в данный момент никуда не направляется, напомнил себе Тошио. И негодование из-за насмешек Кипиру тут же сменилось тревогой: сможет ли он вообще когда-нибудь покинуть этот водяной мир Китруп и снова увидеть дом?

Замедли ход — юноша на санях

Исследовательская группа — соберись

Плывет Хикахи — мы ее ждем.

Тошио оглянулся. К нему приближался Брукида, пожилой дельфин-металлург. Тошио просвистел ответ на тринари.

Хикахи плывет — мои сани останавливаются.

И потянул назад дроссель.

На экране сонара Тошио видел отражение звука, идущего спереди и с боков. Возвращаются разведчики. Он поднял голову и увидел играющих на поверхности Тшут и Кипиру.

Брукида перешел на англик. Хоть говорил он запинаясь и слишком высоко, все же гораздо лучше,

чем Тошио на тринари. В конце концов дельфины получили генетически усовершенствованный речевой аппарат, чтобы пользоваться звуками человеческой речи, а не наоборот.

— Ты не нашел следов нужных веществ? — спросил Брукида.

Тошио взглянул на молекулярное сито.

— Нет, сэр. Пока ничего. Невероятно, вода почти чистая, учитывая содержание металлов в коре. В ней вообще нет никаких солей тяжелых металлов.

— И ничего при глубоком сканировании?

— Никакого резонансного эффекта на тех полосах, которые я проверил, хотя общий уровень шума очень высок. Не уверен, что смогу засечь даже насыщенный никель, не говоря уже о других нужных нам элементах. Все равно что искать иголку в стоге сена.

Наблюдается парадокс. Планета перенасыщена металлами. И это одна из причин, почему капитан Крайдайки выбрал ее убежищем. Но вода относительно чистая... настолько чистая, что дельфины могут свободно плавать, хотя жалуются на чесотку, а по возвращении на корабль нуждаются в приеме медикаментов.

Объяснение поблизости — растительность и

рыбы.

Кости живых организмов Китрупа состоят не из кальция, а из других металлов. Вода проходит через биологические фильтры и очищается. Вот море и сверкает яркими цветами металлов и окислов. Блестящие грудные плавники рыб, серебряные стебли подводных растений — все это контрастирует с обычной хлорофилловой зеленью листьев.

И преобладают в этой картине металлические холмы, гигантские губчатые острова, созданные миллионами кораллоподобных существ, чьи металлорганические экзоскелеты превратились в огромные горы с плоскими вершинами, поднимающимися на несколько метров над уровнем воды.

А на островах растут деревья-сверла, они пропускают сквозь металлический холм свои корни с металлическим покрытием и высасывают снизу органику и силикаты. Деревья создают неметаллический слой на каждом острове и пещеру под металлическим холмом. Странное сочетание. Библиотека на «Стремительном» не смогла дать никакого объяснения.

Инструменты Тошио обнаружили чистое олово, холмы из хромовой рыбьей чешуи, коралловые

колонии из разнообразных сплавов бронзы, но пока никаких удобных, легкодоступных источников ванадия. А также нужной им разновидности никеля.

Вообще-то нужно чудо — что-нибудь этакое, что помогло бы экипажу из дельфинов с помощью семи людей и одного шимпанзе отремонтировать корабль и убраться из этой части галактики, прежде чем преследователи их догонят.

В лучшем случае в их распоряжении несколько недель. Альтернатива — пленение десятком не совсем нормальных рас ити. А в худшем случае — межзвездная война, в масштабах, не виданных галактикой миллионы лет.

От всего этого Тошио казался себе маленьким, беспомощным и очень юным.

Тошио слышал очень высокие звуки — эхо сонаров возвращающихся разведчиков. Каждый далекий крик отражался точкой на экране его сканера.

Потом на востоке показались два крупных силуэта, они выныривали к собравшимся наверху, прыгали, ныряли, кусаясь понарошку.

Наконец один из дельфинов изогнулся и нырнул прямо к Тошио.

— Хикахи возвращается, она хочет, чтобы ты

поднял сани, — быстро, почти неразборчиво прощелкал Кипиру. — Постарайся не заблудиться по пути наверх.

Тошио сморщился, продувая балласт. Не стоит Кипиру так явно показывать свое презрение. Даже нормально говоря на англике, дельфины словно осыпают слушателей градом насмешек.

Сани поднимались в сонме крошечных пузырьков. На поверхности вода мощными ручьями стекала с боков машины. Тошио выключил двигатель и повернулся, чтобы отстегнуть лицевую пластику.

Наступившая тишина принесла облегчение. Вой двигателя, щелчки сонара, писк дельфинов — все вдруг исчезло. Свежий ветер взъерошил мокрые прямые черные волосы, охладил пылающие уши. Он принес запах чужой планеты — аромат вторичной растительности на старом острове, тяжелый маслянистый запах дерева-сверла в пору его расцвета.

И во всем легкий металлический привкус.

На корабле говорят, что это не вредно, особенно Тошио в его водонепроницаемом костюме. Образующиеся хелатные водородные кольца абсорбируют тяжелые металлы, которые могут усвоить разведчики. Хотя, конечно, никто не зна-

ет, какие еще опасности таятся на этой планете.

А если им придется провести тут месяцы? Годы?

В таком случае медицинское оборудование «Стремительного» не справится с медленным накоплением металлов. И со временем придется просить йофурские, теннанинские и соро корабли взять их — для допросов или чего-нибудь похуже, просто чтобы убраться с этой прекрасной планеты, которая исподволь убивает их.

Не очень веселая мысль. Тошио обрадовался, когда к саням подплыл Брукида.

— Зачем Хикахи велела мне подняться на поверхность? — спросил он у пожилого дельфина. — Я думал остаться под водой, на случай, если меня уже засекли спутники-шпионы.

Брукида вздохнул.

— Вероятно, она решила, что тебе нужен перерыв. К тому же разве можно обнаружить такую маленькую машину, когда вокруг столько металла?

Тошио пожал плечами.

— Очень любезно со стороны Хикахи. Мне и правда нужен отдых.

Брукида поднялся в воде, удерживаясь ударами хвоста.

— Слышу Хикахи, — провозгласил он. — А вот и она.

С севера быстро приближались два дельфина — один светло-серый, другой с темными пятнами. В наушниках Тошио услышал голос командира группы:

В пламени плавников — я, Хикахи, обращаюсь к вам

Грудные слушают — брюшные делают

Смейтесь над моими словами — но повинуйтесь им

Соберитесь у саней — и слушайте!

Хикахи и Саттатта сделали круг и остановились перед собравшимися членами экспедиции.

Наряду с другими дарами человечество дало дельфинам широкие возможности мимики. Конечно, за пятьсот лет генной инженерии невозможно достичь того, чего достигла природа за миллионы лет эволюции. Фины по-прежнему выражают свои чувства звуками и движениями. Но они уже утратили то застывшее выражение мордочки, которое люди считали (отчасти справедливо) постоянной насмешливой улыбкой. Теперь фины умеют выглядеть встревоженными. И Тошио мог считать мимику Хикахи классиче-

ским проявлением дельфиньего недовольства и беспокойства.

— Фип-пит пропал, — объявила Хикахи. — Я слышала его крик к югу от меня, потом ничего. Он искал Сассию, которая немного раньше исчезла там же. Придется на время оставить картографирование и поиски металлов и пуститься на поиски. Всем вооружиться.

Послышался общий ропот несогласия. Из-за того, что дельфинам придется надеть доспехи, которые они с удовольствием сняли, выйдя из корабля. Но даже Кипиру понимал, что это необходимо.

Тошио уже сбрасывал доспехи в воду. Они сделаны так, чтобы дельфин легко мог их надеть, но кому-то обязательно понадобится помощь, чтобы подсоединить усилитель нервных импульсов к специальному гнезду над глазом.

Тошио закончил работу быстро, с неосознанным изяществом, которое вырабатывается долгой практикой. Его тревожило отсутствие Сассии, вежливого дельфина; она всегда доброжелательно разговаривала с ним.

— Хикахи, — обратился он к проплывавшей мимо руководительнице, — мне связаться с кораблем?

Маленькая турсиопа поднялась в воде перед Тошио.

— Нет, Поднимающийся-по-Лестницам. Мы исполняем приказы. Над нами уже могут висеть спутники-шпионы. Установи на санях возврат по автопилоту на всякий случай — если на юго-востоке нам не уцелеть.

— Но никто не видел больших животных...

— Это только одна из возможностей. Я хочу, чтобы на корабле получили информацию, как бы ни сложилась наша судьба... даже если нас всех охватит «лихорадка спасения».

Тошио похолодел при упоминании о «лихорадке спасения». Конечно, он об этом слышал. Но видеть не имел никакого желания.

Двинулись на юго-восток в засадном строю. Фины по очереди плыли по поверхности, потом ныряли к Тошио. Дно океана казалось длинным рядом змеиных следов, усеянных странными оспинами — дырами, похожими на глубокие угрожающе-зловещие кратеры. В долинах глубиной сотни метров Тошио видел дно, покрытое темно-синими щупальцами.

Длинные подводные хребты с интервалами увенчивались сверкающими металлическими вершинами, похожими на замки в губчатой

броне. Многие поросли густыми зарослями похожих на иву растений, в которых плодились и кормились китрупские рыбы. Один металлический холм стоял на самом краю пропасти — пещеры, вырытой его собственным деревом-сверлом; когда сверление закончится, пещера поглотит весь холм.

Гипнотически гудел двигатель саней. Следить за инструментами слишком просто, и потому Тошио невольно начал размышлять. И вспоминать.

Когда его впервые пригласили в космос, все смахивало на приключение. Он уже дал клятву астронавта и готов был забыть о прошлом. А на новом дельфиньем корабле нужен был человек-гардемарин для ручной работы.

«Стремительный» — небольшой исследовательский корабль необычной конструкции. В космическом пространстве редко встречаются разумные, дышащие кислородом и снабженные плавниками существа. Тех, что есть, используют в качестве мастеров и рабочих-клиентов, а для удобства вводят искусственное тяготение.

Но первый корабль с экипажем из дельфинов должен быть совсем другим. Он сооружался по принципу, которым больше двух столетий

руководствовались земляне: «По возможности выбирайте простые решения. Не пользуйтесь наукой галактов, если не понимаете ее».

Через двести пятьдесят лет после первого контакта с галактической цивилизацией человечество по-прежнему пытается догнать ее. Галактические расы использовали древнюю Библиотеку задолго до того, как на Земле появились первые млекопитающие, и с ледяной медлительностью пополняли новым это универсальное собрание знаний. Людям, в их ранних неуклюжих космических кораблях, они казались богоподобными. Теперь у Земли есть своя ветвь Библиотеки, гипотетически дающая ей доступ ко всей мудрости, накопленной за галактическую историю. Но только в последние годы она стала реально помогать и больше уже не сбивала с толку.

«Стремительный», с его сложной системой бассейнов, удерживаемых центробежной силой, с его мастерскими и лабораториями в невесомости, должен был показаться чужакам, наблюдавшим за первым стартом, невероятно архаичным. Но для неодельфиньей цивилизации Земли он стал предметом необыкновенной гордости.

После прощального круиза «Стремительный»

остановился в небольшой человеческо-дельфиньей колонии Калафии и забрал нескольких лучших выпускников местной крохотной академии. Так началось для Тошио первое и, вероятно, последнее посещение старой Земли.

«Старая Земля» — по-прежнему дом девяноста процентов человечества, не говоря уже о других разумных земных расах. Галактические туристы по-прежнему толпятся здесь, чтобы поглазеть на родину enfants terribles, вызвавших за несколько столетий такие перемены. И все еще заключаются пари, сколько же продержится человечество без покровительства патрона.

Разумеется, все расы имели патронов. Никто не достигал стадии космического разума без вмешательства другой космической расы. Разве люди не так же поступили с дельфинами и шимпанзе? Со времени прародителей, мифической первой расы, все виды, обладающие разумом, речью и умением подниматься в космос, делали это с помощью предшественников. Ни одна раса не выжила с того отдаленного времени, но цивилизация, основанная прародителями вместе с Библиотекой, развивается.

О судьбе самих прародителей существует множество легенд; о ней говорится в разных про-

тиворечивых религиях.

Тошио, как и все за последние триста лет, гадал, какими были патроны человечества. Если, конечно, они существовали. Может, они как раз среди тех фанатичных видов, которые подстерегли ничего не подозревающий «Стремительный» и сейчас охотятся на него, как псы на лисицу?

Весьма неприятная мысль, учитывая то, что обнаружил «Стремительный».

Совет Земли отправил корабль вслед за многими другими, проверяющими истинность положений Библиотеки. До сих пор найдено всего лишь несколько небольших неточностей: в одном месте указана неверно звезда, в другом — пропущена в каталоге раса. Все равно что пересчитывать песчинки на берегу. И за тысячу жизней их не пересчитать, но можно попробовать случайное выборочное тестирование.

«Стремительный» исследовал небольшой гравитационный приливной бассейн в пятидесяти тысячах парсеков от местоположения галактики, когда обнаружил флот.

Тошио вздохнул, сознавая несправедливость случившегося. Сто пятьдесят дельфинов, семь человек и шимпанзе; откуда мы знали, что найдем?

Почему мы это нашли?

Пятьдесят тысяч кораблей, каждый размером с Луну. Вот что они нашли. Дельфины пришли в ужас: величайший брошенный флот из когда-либо найденных, по-видимому, невероятно древний. Капитан Крайдайки связался с Землей по пси-каналу, чтобы получить инструкции.

Черт возьми! Зачем он вообще обратился к Земле? Неужели нельзя было подождать с отчетом до нашего возвращения? Зачем сообщать всей подслушивающей галактике, что обнаружено Саргассово море древних корпусов в самой середине пустоты?

Совет Земли прислал закодированный ответ:

— Скройтесь. Ждите приказов. Не отвечайте.

Крайдайки, конечно, послушался. Но к этому времени половина патронов галактики отправили свои боевые корабли на поиски «Стремительного».

Тошио замигал.

Неужели наконец ответное эхо? Да, магнитный определитель руды показывает слабое эхо к югу. Юноша сосредоточился на приемнике, радуясь, что у него появилось занятие. Ему наскучило жалеть себя.

Должно быть, хорошее месторождение. Сказать

Хикахи? Естественно, сначала нужно искать исчезнувших товарищей, но...

На него упала тень. Отряд огибал массивный металлический холм. Масса медного цвета покрыта толстыми щупальцами какого-то зеленого растения.

— Не подходи близко, Маленькие Руки, — просвистел слева Кипиру. Только он и сани возле холма. Остальные фины огибали его издалека.

— Мы ничего не знаем об этой флоре, — продолжал Кипиру. — А Фип-пит потерялся где-то здесь. Тебе нужно оставаться под нашей охраной. — Кипиру лениво проскользнул мимо Тошио. На поверхности сложенных механических рук его доспехов отразилась медь металлического холма.

— Тем более важно взять образцы, — раздраженно ответил Тошио. — Мы здесь для этого! — И, не дав Кипиру возможности среагировать, Тошио круто накренил сани, направляя их к металлическому острову.

Он нырнул в тень: остров закрывал от лучей солнца. Мелькнула стая рыб с серебристыми спинками. Тошио приближался к поросшей растительностью стене.

Кипиру удивленно окликнул его, выругался на

дельфиньем праймале. Значит, фин был расстроен. Тошио улыбнулся.

Сани гудели, холм возвышался справа. Тошио еще раз накренил машину и ухватился за свисающие ветви. Что-то оборвалось, и образец остался у него в руках. Ни один фин на такое не способен! Тошио сжал и разжал пальцы, потом повернулся, собираясь положить ветви в сетку для образцов.

Подняв голову, он увидел, что зеленая масса над ним сгустилась и приблизилась. Громче стал крик Кипиру.

«Плакса! — подумал Тошио. — Ну, выпустил я на мгновение приборы. И что? Вернусь в конвой раньше, чем ты закончишь свою поэму проклятий».

Он круто наклонил машину, одновременно поднимая плоскости. И тут же понял свою тактическую ошибку. Потому что движение саней замедлилось и ветки-щупальца дотянулись до них.

Очевидно, на Китрупе есть большие морские животные: щупальца, упавшие на Тошио, рассчитаны на крупную добычу.

— О, Конно-Анти! Что я наделал! — Тошио включил максимальную тягу и приготовился справиться с рывком.

Двигатель взвыл, но ускорения не последовало. Сани застонали, натянули длинные зеленые веревки. Потом двигатель замер. Тошио почувствовал, как его ног коснулось что-то скользкое. Щупальца начали сжиматься и тянуть.

Тяжело дыша, он сумел развернуться и дотянулся до ножа в ножнах на бедре. Щупальца узловатые и крепкие. Узлы прилипали к любой поверхности, и когда один коснулся открытой руки Тошио, юноша закричал от острой боли.

Фины кричали друг другу, по доносившимся звукам ощущалось быстрое движение поблизости. Но Тошио только на мгновение подумал, что, может, больше никто не пойман: все его внимание занимала борьба.

Наконец он высвободил нож, блестящий, как надежда. Надежда окрепла, когда две нити распались под его ударами. Вот еще одна, толще. Потребовалось несколько секунд, чтобы перепилить ее. Но почти сразу же ее заменили две другие.

И тут Тошио увидел, куда его тянут.

В боку металлического холма виднелся глубокий разрез. Внутри ждала бьющаяся масса щупалец. А еще глубже, в десяти метрах, в путанице обманчиво неподвижных ветвей висело

что-то серое и блестящее.

Дыхание затуманило лицевую пластину Тошио. На неподвижной фигуре Сассии отразились его собственные расширившиеся от потрясения глаза. Мягкий, как жизнь, прилив раскачивал ее тело.

С криком Тошио снова принялся рубить щупальца. Он хотел было позвать Хикахи — руководитель группы должен знать о судьбе Сассии, — но лишь кричал от ненависти и отвращения к этому китрупскому хищнику. Он рубил, во все стороны разлетались ветви и листья, но это мало что меняло — вокруг смыкалось еще больше щупалец; его тащило к расселине.

Поднимающийся-по-Лестнице

— остроглазый рифмоплет

Отзовись — чтобы ищущие слышали

Оживи сонар — листва мешает смотреть.

Это Хикахи.

Теперь Тошио слышал шум работающих дельфинов. Быстрые трели на тринари, не разложимые на отдельные слова для человеческого слуха, скрип доспехов.

— Здесь! Я здесь! — Он перерубил лозу, про-

тянувшуюся к его воздушному шлангу, чуть не повредив при этом сам шланг. Облизал губы и постарался просвистеть на тринари:

Держусь — клюв у моллюска
Крепкий — и мрачный
От него погибла Сассия.

Конечно, ритм и форма никуда не годятся, но фины воспримут его лучше, нежели бы он крикнул на англике. Уже сменилось сорок разумных поколений, но в чрезвычайных ситуациях дельфинам по-прежнему более понятен язык свиста.

Тошио слышал приближающийся звук схватки. Но тут, словно почувствовав угрозу, щупальца потянули его быстрее. Сосущая ветвь неожиданно обернулась вокруг его правой руки. Прежде чем он среагировал, жгучий узел коснулся ладони. Тошио закричал и оторвал щупальце, но нож выпал из его руки.

Клубок щупалец обрушился на него. И в этот момент Тошио понял, что кто-то говорит с ним, говорит медленно, на англике:

— ...появились корабли. Помощник капитана Такката-Джим спрашивает, почему Хикахи не послала подтверждение...

Голос Акки, с корабля! Тошио не мог ответить

другу. Ему не дотянуться до переключателя радио, к тому же он немного занят.

— Не отвечай на это сообщение, — тут же любезно сказал Акки. Тошио застонал от нелепости своего положения, пытаясь оторвать щупальце от лицевой пластины, не подставляя в то же время руки. — Передай только монопульс. И немедленно возвращайтесь, возвращайтесь все. Мы считаем, что над Китрупом разворачивается бой в космосе. Вероятно, спятившие ити последовали за нами сюда и теперь дерутся за право захватить нас, как и у Морграна.

— Я должен заканчивать. Объявляется радиомолчание. Возвращайтесь как можно быстрее. — Акки закончил.

Тошио почувствовал, как сжало его воздушный шланг. Теперь щупальце было толстое.

— Конечно, Акки, старина, — хмыкнул он, отрывая присоски. — Отправлюсь домой, как только вселенная меня отпустит.

Воздушный шланг пережат, и он ничего не может сделать. Лицевую пластину затуманила испарина. Тошио чувствовал, что теряет сознание. Ему показалось, что появились спасители, но он не знал, наяву это или галлюцинация. Он, например, никогда бы не подумал, что первым

появится Кипиру и будет сражаться так свирепо, не обращая внимания на жгучую боль от присосок.

В конце концов Тошио решил, что видит сон. Лазерные вспышки слишком яркие, звуки слишком громкие. И отряд приближается к нему под развевающимися знаменами, как кавалерия, которую человек всегда ассоциирует со спасением.

2. ГАЛАКТЫ

На центральном корабле флота наступила фаза отрицания.

Гигантские крейсеры выныривали из трещины в пространстве и устремлялись к яркой точке — непримечательному красноватому солнцу. Один за другим с ревом вырывались они из светящегося разрыва. Вместе с ними приходил рассеянный звездный свет за сотни парсеков отсюда.

Существовали правила, предотвращающие это. Туннель — неестественный способ перемещения из одного места в другое. Нужна сильная воля, чтобы вызвать такое отверстие в пространстве.

Эписиарх в своем воинствующем отрицании реальности создал для своих хозяев танду проход. Отверстие держалось на его непреклонной

воле, на отказе признавать все, относящееся к действительности.

Когда прошел последний корабль, эписиарха намеренно отвлекли, и отверстие коллапсировало с беззвучной яростью. И только через мгновение приборы могли показать, что оно существовало. Нарушение физических законов прекратилось.

Эписиарх привел армаду танду к звезде-цели задолго до других флотов, тех, которые оспаривали у танду право захватить земной корабль. Танду послали хвалебные импульсы в центры удовольствия эписиарха. Он взвыл и благодарно закивал большой мохнатой головой.

А для танду эта загадочная и опасная форма перелета снова доказала свои преимущества. Хорошо оказаться на поле битвы раньше противника, это дает тактическое преимущество.

Эписиарх хотел только отрицать существующее. Теперь его работа завершена, и он возвращался в пространство иллюзий, чтобы изменять бесконечную цепь воображаемых реалий, пока его гнев снова не понадобится хозяевам. Его волосатая аморфная фигура высвободилась из сенсорной паутины, и в сопровождении бдительных стражников он удалился.

Когда путь расчистился, на своих паучьих ногах вошел акцептор и расположился в середине сети.

Некоторое время он восхвалял реальность, воспринимая ее. Акцептор зондировал этот новый участок пространства, касался его, ласкал своим далеко простирающимся восприятием. И при этом орал от удовольствия.

— Такая утечка! — радостно провозгласил акцептор. — Я слышал, что преследуемые — неуклюжие разумные, но, даже скрываясь от опасности, они дают столько информации! Они прячутся на второй планете. Края их психических щитов застывают слишком медленно, чтобы скрыть от меня их точное местонахождение. Кто их хозяева, научившие этих дельфинов так прекрасно изображать добычу?

— Их хозяева — люди, они сами не завершены, — ответил главный сталкер танду. Его ответ прозвучал серией щелчков и хлопков из храпового соединения на суставе ноги богомола. — Земляне испорчены неправильными представлениями и стыдом от того, что их бросили. Когда их съедят, стихнет шум, который держится уже три столетия. И наша охотничья радость будет, как у тебя, когда ты видишь новый предмет или новое

место.

— Это большая удача, — согласился акцептор.

— А теперь подробности, — приказал сталкер. — Скоро мы сразимся с еретиками. Я должен сообщить другим клиентам их задачи.

Сталкер ушел, а акцептор завернулся в паутину и раскрыл свои чувства этой новой тропе реальности. Все хорошо. Он сообщал, что видит, и хозяева соответственно переводили корабли, но большая часть его мозга была занята восприятием... маленького красного солнца, всех его планет, а также великолепной местности, которая вскоре превратится в поле битвы.

Скоро акцептор ощутил приближение других военных флотов, каждый возникал по-своему, и занимал чуть худшую позицию, из-за раннего появления танду.

Акцептор воспринимал пыл воинственных клиентов и холодную расчетливость старших патронов. Он ласкал жесткие мозговые щиты, воздвигнутые против него, и гадал, что таится за ними. Он оценивал открытость других воинов, которые с небрежением посылали свои мысли, чтобы слушатели восприняли это.

И в том числе мысли об уничтожении самого акцептора, когда огромные флоты устремились

друг к другу и начали вспыхивать яркие разрывы.

Акцептор все это воспринимал с радостью. Разве можно чувствовать что-то другое, если во вселенной столько подобных чудес?

3. ТАККАТА-ДЖИМ

Высоко в левой четверти большой сферической контрольной рубки «Стремительного» пси-оператор билась в упряжи. Ее плавники взбивали воду, она кричала на тринари.

Чернильный восьмирукий спрут нашел нас!

Отряды сражаются!

Сообщение оператора подтверждали показания детектора нейтрино, полученные несколько минут назад. Вдохновенно оператор продолжала излагать поток дурных новостей.

Они кричат и вожделеют —

Хотят победить и захватить...

С другой стороны послышался спокойный отчет на англике с дельфиньим акцентом.

— Мощное гравитонное излучение, помощ-

ник капитана Такката-Джим. Гравитационные нарушения означают большое сражение над планетой.

Дежурный офицер «Стремительного» молча выслушал отчеты, позволив себе слегка отплыть в циркулярном течении командного центра. Поток пузырей вырвался из его дыхала, когда он вдохнул особую жидкость, заполнявшую корабельный мостик.

— Принято, — сказал он наконец. Под водой его голос звучал глухо. Согласные смазывались. — Далеко ли ближайший контакт?

— Пять астрономических единиц, сэр. Сюда доберутся не раньше чем через час, даже если полетят сломя голову.

— Гм... Хорошо. Оставайтесь в состоянии готовности. Продолжай наблюдения, Акикемаи.

Помощник капитана необычайно велик для неофина, у него мощное мускулистое тело, он не похож на остальных, стройных и гладких. Неровная серая окраска и щербатые зубы выдавали его принадлежность к субрасовой линии стенос и вместе с несколькими другими на борту отличали от большинства турсиоп.

Человек рядом с Такката-Джимом встретил дурные новости бесстрастно. Они лишь подтвер-

ждали его подозрения.

— Надо сообщить капитану, — сказал Игнасио Метц. Слова его, произнесенные под лицевой маской в шипящей воде, были усилены. От редких седых волос высокого мужчины поднимались струйки пузырьков.

— Я предупредил Крайдайки, что так случится, если мы попробуем скрыться от галактов. Надеюсь, он будет благоразумным в этой безвыходной ситуации.

Такката-Джим раскрыл и закрыл пасть по диагонали, что воспринималось как энергичный кивок.

— Да, доктор Метц. Теперь даже Крайдайки вынужден будет признать, что вы были правы. Мы загнаны в угол, и капитану останется только прислушаться к вам.

Метц благодарно кивнул.

— А что слышно об отряде Хикахи? Им сообщили?

— Я уже приказал исследовательской группе возвращаться. Даже сани теперь — слишком большой риссск. Если ити уже на орбите, у них есть средства обнаружения.

— Инопланетяне... — автоматически, по профессиональной привычке поправил Метц. — Термин

«ити» нельзя назвать вежливым.

Такката-Джим не изменил выражения. В отсутствие капитана именно он командует кораблем и всем экипажем. Но этот человек обращается с ним, как с только что отнятым от груди младенцем. Это раздражало его, но Такката-Джим очень старался, чтобы Метц не заметил, как реагирует на такое обращение помощник капитана.

— Да, доктор Метц, — сказал он.

А тот продолжал:

— Отряду Хикахи вообще не следовало покидать корабль. Я предупреждал Тома Орли, может произойти нечто подобное. Юный Тошио... и все эти фины, они так долго не связываются с нами. Будет ужасно, если с ними что-нибудь случится!

Такката-Джим считал, что понимает, о чем на самом деле думает Метц. Человек, вероятно, думает, как ужасно будет, если кто-то из экипажа «Стремительного» погибнет не у него на глазах... и он не сможет судить о его поведении для своих бихевиористских и генетических штудий.

— Если бы только Крайдайки прислушался к вам, сссэр, — повторил он. — Вам всегда есть что сказать.

Рискованно; но если человек за невыразительной маской Такката-Джима разглядел сарказм,

то не подал виду.

— Что ж, приятно это слышать, Такката-Джим. Очень проницательно. Я знаю, у вас много дел, поэтому я найду свободную линию связи и сам разбужу Крайдайки. И как можно мягче сообщу ему, что преследователи двинутся за нами к Китрупу.

Такката-Джим почтительно кивнул с высоты своего роста.

— Вы очень добры, доктор Метц. Сделайте одолжение.

Метц похлопал лейтенанта по боку, словно успокаивая. Такката-Джим перенес этот покровительственный жест с напускным спокойствием и посмотрел вслед уплывающему человеку.

Мостик представляет собой заполненную жидкостью сферу, которая слегка выступает из цилиндрического корпуса на носу корабля. Из большого иллюминатора командного центра открывается вид на неясную картину океанских хребтов, осадков и плавающих морских животных.

Огражденные сетями рабочие места членов экипажа освещаются лампами. Но большая часть помещения находится в глубокой тени, а отборный персонал выполняет свои задачи

быстро и почти беззвучно. Единственные звуки кроме всплесков и шипения рециклированной оксиводы — перемежающиеся щелчки сонаров и краткие профессиональные реплики операторов.

«Надо отдать Крайдайки должное, — сказал себе Такката-Джим. — Из своего экипажа он создал отлично работающий механизм. Конечно, дельфины менее последовательны, чем люди. Невозможно заранее предугадать, что подействует на неодельфина, но не успеешь оглянуться, а он уже работает в состоянии стресса. На корабле это лучший из возможных экипажей, но достаточно ли этого? Если допустить хоть одну радиационную или пси-утечку, ити набросятся на нас быстрее, чем касатка на тюленей».

Такката-Джим с горечью подумал, что фины исследовательского отряда находятся в большей безопасности, чем их товарищи на борту. Метц дурак, что беспокоится о них. Они, наверно, отлично проводят время.

Такката-Джим постарался вспомнить, каково плыть в открытом океане, без доспехов, и дышать свежим воздухом. Каково глубоко нырнуть в воду, как могут только стеносы, где большеротые боящиеся удаляться от берега турсиопы редки,

как дюгони.

— Акки, — обратился он к оператору электронного искателя, молодому фину гардемарину с Калафии, — ты получил подтверждение от Хикахи? Ей передан приказ об отзыве?

Гардемарин из колонии — небольшого роста, разновидность турсиоп с желтоватой окраской тела. Он все еще не привык дышать и говорить в оксиводе. И ответил на странном диалекте подводного англика:

— Прос-стите, помощник капитана, но ответа не было. Я проверил монопульссс на всех... канналах. Ничего.

Такката-Джим раздраженно мотнул головой. Хикахи могла решить, что ответ даже монопульсом рискован. Но все же подтверждение избавило бы его от необходимости принять неприятное решение.

— Сэр? — Акки опустил голову и уважительно свесил хвост.

— Да?

— Мож-жет, повторить ссообщение? Может быть, они отвлеклись и пропустили его в перс... первое время...

Как все колонисты с Калафии, Акки гордился своим правильным англиком. Очевидно, его

смущало, что он говорит простыми фразами.

Но это устраивало помощника капитана. Одно из слов, которые легко переводится с англика на тринари, — глупец. Такката-Джиму не хотелось, чтобы его гардемарины были глупцами.

— Нет, оператор. Мы получили приказ. Если капитан захочет попробовать снова, когда поднимется на мостик, это его право. А ты оставайся на своем посссту.

— Есть, сэр. — Молодой дельфин развернулся, возвращаясь на свое место, где можно дышать в воздушном пузыре, а не глотать воду, как рыба. И говорить тут можно нормально, ожидая вести от ближайшего друга, гардемарина-человека, который сейчас где-то в безбрежном океане.

Такката-Джим хотел, чтобы капитан пришел поскорее. Командная рубка казалась ему тесной и мертвой. Он всегда уставал к концу смены, если приходилось дышать шипящей, насыщенной газом оксидированной водой. Ему казалось, что такая вода дает недостаточно кислорода. Вспомогательные жабры-легкие ныли из-за подавленного инстинкта, а таблетки, повышающие усваиваемость кислорода из воды, всегда вызывали у него сильное сердцебиение.

Он снова увидел Игнасио Метца. Седовласый

ученый держался за переборку, сунув голову в пузырь коммуникатора. Говорит с Крайдайки. Закончив, вероятно, захочет остаться здесь. Этот человек всегда поблизости, наблюдает... и всегда возникает такое чувство, будто тебя экзаменуют.

— Мне нужен человек-единомышленник, — напомнил себе Такката-Джим. «Стремительным» командуют дельфины, но экипаж повинуется охотнее, если слово офицера поддержано кем-нибудь из расы патронов. У Крайдайки есть Том Орли. У Хикахи — Джиллиан Баскин. Человеческий компаньон Брукиды — инженер Свесси.

А у Такката-Джима будет Метц. К счастью, этим человеком легко манипулировать.

На информационных дисплеях появлялось все больше сообщений о битве в космосе. Над планетой развертывалось настоящее сражение. В нем участвовало по меньшей мере пять больших флотов.

Такката-Джим подавил внезапное желание укусить кого-нибудь, резко ударить плавниками. Как ему хочется подраться! Видеть перед собой осязаемого противника, а не это зрелище ужаса!

После недель полета «Стремительный» оказался в западне. Какую хитрость придумают на этот раз Крайдайки и Том Орли, чтобы вырваться на

свободу?

А если ничего не придумают? Или еще хуже: придумают какой-нибудь безумный план, который всех погубит? Что он будет делать тогда?

Такката-Джим размышлял над этим, чтобы чем-то занять свой мозг, ожидая появления капитана, чтобы сменить его.

4. КРАЙДАЙКИ

Первый настоящий глубокий сон за несколько недель. Естественно, его должны были прервать.

Крайдайки привык отдыхать в невесомости и влажном воздухе. Но пока они в укрытии, антигравитационные койки запрещены, и дельфину приходилось спать только в воде.

Целую неделю Крайдайки пытался в течение отдыха дышать оксиводой. Результат — кошмары, сны, в которых он задыхался.

Корабельный врач Маканай предложила, чтобы он спал старомодным дельфиньим способом, плавая на поверхности воды.

Крайдайки решил последовать совету Маканай. Он убедился, что в верхней части каюты есть большой воздушный пузырь, трижды проверил, исправен ли прибор, контролирующий уровень

кислорода. Наконец сбросил доспехи, выключил свет, поднялся на поверхность и вытолкнул оксиводу из жабер-легких.

Это было здорово. Но вначале он лежал на поверхности воды, напряженный, кожа чесалась с непривычки без доспехов. Он знал, что это ощущение обманчиво. Наверно, люди в своем докосмическом прошлом так же относились к наготе.

Бедные Homo sapiens! История человечества полна страданий в те тяжелые тысячелетия, когда оно медленно прогрессировало до первого Контакта. Тогда люди были невежественны и отрезаны от галактического сообщества.

«А вот дельфины, — думал Крайдайки, — были почти счастливы, занимая свой угол „сна китов“. Когда человек повзрослел и стал возвышать животных Земли, дельфины легко переместились из одного почетного состояния в другое».

«Впрочем, и у нас есть свои проблемы», — напомнил он себе. Ему очень хотелось почесать основание гнезда усилителя импульсов, но добраться туда без доспехов невозможно.

Он плавал в темноте на поверхности, ожидая сна. Приятно плескались легкие волны. И настоящий воздух, конечно, гораздо лучше оксиводы.

Но он немного боялся утонуть... как будто ему повредит, если он погрузится в оксиводу... словно миллионы дельфинов не спали всю жизнь таким образом.

Сбивала с толку и привычка астронавта постоянно смотреть вверх. Переборка потолка всего в нескольких дюймах от окончания его спинного плавника. Даже когда он закрывал глаза, сонар предупреждал его о преграде. Он не может спать, не посылая эхолокационные импульсы, как не может спать шимпанзе, не почесываясь.

Крайдайки фыркнул. Пора выбрасываться на берег, если корабельные условия вызывают у него бессонницу! Он усиленно выдохнул и принялся считать щелчки сонара. Начал с тенорового ритма, потом стал добавлять другие элементы песни-сна, создавая фугу.

Импульсы исходили из его лба и распространялись по помещению, отдаваясь эхом. Ноты перекрывали друг друга мягкими завываниями и басовыми отголосками. Создавалась сонарная картина, модель другой комнаты. Крайдайки знал, что правильная комбинация звуков заставит стены исчезнуть.

Он сознательно отказывался от строгой дисциплины кининка, приветствуя верный «сон

китов».

Когда рисунок
Чешуи
Зовет шепотом —
Позволяет вспомнить
Тихо навевает
Сны о рассвете
И о луне —
О морском приливе
Тогда рисунок
Чешуи
Зовет шепотом —
Позволяет вспомнить...

Стол, шкафы, стены — все покрылось ложной сонарной тенью. Песня продолжалась, из искусных отражений создавалась богатая и настоящая поэзия.

Вокруг плавали маленькие стайки созданий сна. Эхо раскрывало пространство вокруг, воды уходили все дальше.

И море сна
Вечное море

Зовет шепотом —

Позволяет вспомнить

Вскоре Крайдайки почувствовал, что из отражений что-то формируется.

И когда его сознание инженера уснуло, рядом с ним плыла тень богини. Это плыла Нукапай... призрак из ряби. Черное гладкое тело ушло во тьму, и переборка, которая словно растворилась, не помешала ему.

Видения исчезали. Вода вокруг Крайдайки потемнела, и Нукапай перестала быть просто тенью, пассивным слушателем его песни. Блеснули ее зубы-иглы, и она запела сама.

В близости

Воды

В бесконечных

Слоях сна

Где горбатый кит

Старый родич

Поет песни

Серьезным рыбам

Там найдешь меня

Блуждающий брат

Даже в этом
Человеческом ритме
Где люди
И другие прямоходящие
Развлекают
Сами звезды...

Сердцебиение Крайдайки блаженно замедлилось. Он уснул рядом с богиней сна. Она немного посмеивалась над ним за то, что он инженер, за то, что стихи его на жестком четком тринари, а не на хаотичном праймале его предков.

Она приветствовала его на Пороге Моря, где сойдет и тринари, где он лишь слегка слышит гнев «сна китов» и древних богов, живущих здесь. Именно так может воспринять океан его сознание инженера.

Каким неуклюжим кажется иногда тринари! Рисунок перекрывающих друг друга тонов и символов почти по-человечески точен... и по-человечески ограничен.

Он вырос, считая эти условия обязательными. Часть его мозга генетически преобразована и напоминает мозг человека. Но время от времени прорываются хаотичные звуковые образы, насмешливо намекая на древнее пение.

Нукапай сочувственно защелкала. Улыбнулась...

Нет! Ничего такого обезьянье-сухопутного она не сделала! Из всех китовых только неодельфины умеют улыбаться пастью.

Нукапай сделала нечто иное. Она погладила его по боку, ласковейшая из богинь, и сказала:

Пребывай в мире
Это Суть
И инженеры
Далеко от океана
Все еще ее слышат.

Напряжение последних недель наконец покинуло его, и он уснул. Дыхание Крайдайки сверкающими каплями конденсировалось на потолочной переборке. Ветер из ближайшего вентиляционного отверстия сдувал эти капли, и они падали в воду мягким дождем.

Когда в метре от него появилось изображение Игнасио Метца, Крайдайки не сразу воспринял его.

— Капитан... — сказало изображение. — Я звоню с мостика. Боюсь, галакты обнаружили нас раньше, чем мы ожидали...

Крайдайки не обращал внимания на этот ничтожный голос, возвращающий его к делам и битвам. Он лежал в вяло раскачивающихся водорослях и слушал звуки ночи. И лишь сама Нукапай разбудила его. Исчезая, она мягко напомнила:

Долг, долг — и честь
Честь, Крайдайки
Проснись и раздели ее.

Лишь Нукапай могла себе позволить безнаказанно разговаривать с Крайдайки на праймале. Он не мог игнорировать богиню сна, как не мог не обращать внимания на свою совесть. Один его глаз сфокусировался на голограмме назойливого человека, смысл слов наконец дошел до его сознания.

— Спасибо, доктор Метц, — вздохнул Крайдайки. — Передайте Такката-Джиму, что я сейчас буду. И, пожалуйста, пошлите за Томом Орли. Я хотел бы видеть его на мостике. Конец связи.

Он глубоко вдохнул, позволил помещению стать отчетливее. Потом нырнул за своими доспехами.

5. ТОМ ОРЛИ

Высокий темноволосый мужчина висел, ухватившись одной рукой за ножку койки. Койка была привинчена к полу перевернутой вверх дном каюты. Пол шел наклонно над головой мужчины. Левая нога касалась ящика, вытащенного из перевернутого стенного шкафа.

Когда неожиданно вспыхнул тревожный желтый свет, Том Орли повернулся и свободной рукой схватился за кобуру. И уже наполовину выхватил свой игольник, когда понял причину помехи. Медленно выругался и вернул оружие в кобуру. К чему такая спешка? Он с ходу мог придумать десяток причин. Но когда он висит вот так, на одной руке, в самой неудобной части корабля!

— Я установил контакт, Томас Орли.

Голос, казалось, исходит откуда-то сверху. Том переменил хватку и повернулся. В метре от него появился абстрактный рисунок, похожий на рой разноцветных мошек в урагане.

— Вы хотели бы знать причину тревоги. Верно?

— Ты чертовски прав! — выпалил Том. — На нас напали?

— Нет. — Цветные точки мельтешили. — На корабль пока не напали, но помощник капитана Такката-Джим объявил тревогу. В окрестностях Китрупа появилось по крайней мере пять флотов. И как будто они сражаются друг с другом недалеко от планеты.

Орли вздохнул.

— Прощай, быстрый ремонт и бегство. — Он не думал, что охотники позволят им ускользнуть. Поврежденный «Стремительный» оставил за собой шумный след, когда выскользнул из засады у Морграна.

Том помогал ремонтировать в машинном отделении стасис-генератор «Стремительного». Они только что закончили модуль, требующий осторожной ручной работы, и он умудрился улизнуть в безлюдную часть сухого колеса корабля, где спрятал компьютер Нисс.

Сухое колесо — это длинная лента лабораторий и кают, которые свободно вращаются, когда корабль находится в космосе, создавая необходимое людям псевдотяготение. Но сейчас колесо неподвижно. И часть с перевернутыми вверх дном помещениями оставлена из-за тяготения планеты.

Это одиночество устраивало Тома, хотя, конеч-

но, то, что все стоит вверх ногами, раздражало.

— Ты не должен объявляться, пока я не включу тебя вручную, — сказал Том. — Жди моего отпечатка пальца или голоса, прежде чем дать понять, что ты не простой корабельный коммуникатор.

Вихрь точек превратился в рисунок кубистского стиля. Машина невозмутимо ответила:

— В данных обстоятельствах я позволил себе свободу принятия решения. Если ошибся, готов принять наказание на уровне три. Наказание на более высоком уровне является несправедливым и должно быть отвергнуто как предвзятое.

Том иронично усмехнулся. Машина будет водить его кругами, и он ничего не добьется, если станет настаивать на своем праве хозяина. Тимбримийский шпион, передавший ему Нисса, ясно дал понять, что полезность машины связана с ее гибкостью и инициативностью, хотя временами это и бесит.

— Я подумаю об уровне твоей провинности, — сказал Том Ниссу. — Теперь обрисуй мне ситуацию.

— Вопрос некорректный. Я могу связаться с боевым компьютером корабля. Но это рискованно.

— Нет, пока не нужно. — Если Нисс попытается обольстить боевой компьютер во время тревоги,

экипаж на мостике может заметить. Том допускал, что Крайдайки знает о присутствии Нисса на борту, точно так же, как капитан знал и о тайном проекте Джиллиан Баскин. Но командир-дельфин молчал об этом, предоставив людям заниматься своим делом.

— Ну хорошо. Можешь связать меня с Джиллиан?

Голограмма замигала голубыми точками.

— Она в своем кабинете. Вызываю.

Точки неожиданно исчезли. Их сменило изображение светловолосой женщины лет тридцати. Она удивленно подняла голову, и ее лицо сразу озарилось ослепительной улыбкой. Женщина рассмеялась.

— Я вижу, ты навещаешь своего механического друга. Том, что же есть у этой саркастической машины чужаков, чего нет у меня? Ради меня ты никогда не вставал буквально с ног на голову.

— Очень забавно. — Но все же ее поведение успокоило: значит, тревога не очень серьезная. Он опасался, что им придется немедленно вступить в бой. Через неделю «Стремительный» сможет постоять за себя, прежде чем будет взят в плен или уничтожен. Сейчас же у него силы столько, сколько у опьяневшего кролика.

— Значит, галакты еще не высадились.

Джиллиан покачала головой.

— Нет, хотя мы с Маканай на всякий случай дежурим в лазарете. На мостике говорят, что по крайней мере три флота выскочили из пространства поблизости. И тут же начали сражаться друг с другом, как у Морграна. Мы можем только надеяться на их взаимное истребление.

— Боюсь, надежды на это мало.

— Ну, ты ведь в нашей семье тактик. Но все же может пройти много времени, прежде чем победитель высадится за нами. Начнутся переговоры и возникнут союзы, заключенные в последнюю минуту. У нас есть еще время придумать что-нибудь.

Том хотел бы разделять ее оптимизм. Его дело, как семейного тактика, «придумать что-нибудь».

— Ну, если положение не такое критическое...

— Думаю, нет. Можешь еще немного пообщаться со своим приятелем — моим электронным соперником. А я вступлю в интимную близость с Херби.

Том только покачал головой на эту шутку. Херби — это труп, их единственная реальная добыча из брошенного флота. Джиллиан уверена, что трупу чужака не менее двух миллиардов лет.

У корабельной мини-Библиотеки каждый раз случался приступ, когда ее спрашивали, к какой расе принадлежал когда-то Херби.

— Ну хорошо. Передай Крайдайки, — я сейчас буду.

— Конечно, Том. Его как раз будят. Скажу ему, что видела тебя поблизости. — Она подмигнула и отключилась.

Том смотрел на то место, где было ее изображение, и в который раз думал, чем заслужил такую женщину.

— Из чистого любопытства, Томас Орли, я хотел бы расспросить о некоторых подтекстах вашего последнего разговора. Я прав, считая, что легкие оскорбления доктора Баскин — на самом деле выражение любви? Мои тимбримийские хозяева, разумеется, телепаты, но иногда они тоже этим развлекаются. Это часть процесса спаривания? Или какой-то тест на дружбу?

— И то и другое понемногу, вероятно. Неужели тимбрими тоже... — Том встряхнулся. — Ну неважно! Мои руки устали и мне нужно быстро спускаться. Есть еще что-нибудь важное?

— Ничего существенного для сохранения вас и экспедиции.

— Значит, тебе не удалось уговорить мини-Биб-

лиотеку выдать что-нибудь о Херби и брошенном флоте.

Голограмма приобрела отчетливые геометрические очертания.

— В этом ведь главная проблема? Доктор Баскин задавала мне точно такой же вопрос, когда в последний раз, тринадцать часов назад, связалась со мной.

— И ей ты дал такой же прямой ответ?

— Найти доступ к информации корабельной мини-Библиотеки — главная цель моего пребывания на борту. Я сказал бы вам сразу, если бы добился успеха. — Бестелесный голос звучал предельно сухо. — Тимбрими давно заподозрили, что Институт Библиотеки вовсе не нейтрален; продаваемые им ветви несовершенны и тем самым ставят вызывающие тревогу расы в худшее положение.

— Тимбрими бьются над этой проблемой еще с тех времен, когда ваши предки носили шкуры животных, Томас Орли. И никто не думает, что в этом путешествии мы достигнем чего-нибудь большего, чем просто соберем какие-либо новые данные и, возможно, устраним некоторые несущественные ограничения.

Орли понимал, что машина-долгожитель

может позволить себе такое терпеливое выжидание. Но он отвергал это. Приятно думать, что из всех бед «Стремительного» и его экипажа удастся извлечь что-нибудь полезное.

— После всех неожиданностей наш полет может добавить кое-что большее, — предположил он.

— Способность землян совершать ошибки и учиться на них была главной причиной согласия моих владельцев на это безумное предприятие — хотя, конечно, никто не ожидал, что на корабль выпадет столько неприятностей. Мы недооценили ваши способности.

Ответа не последовало. Руки Тома начинали болеть.

— Что ж, я, пожалуй, вернусь. При чрезвычайных обстоятельствах свяжусь с тобой через корабельный коммуникатор.

— Конечно.

Орли отпустил руку и приземлился у закрытой прямоугольной двери на круто наклоненной стене.

— Доктор Баскин только что передала мне, что Такката-Джим приказал исследовательской группе вернуться на корабль, — неожиданно сказал Нисс. — Она считает, что вы должны это знать.

Орли выругался. К этому, должно быть, приложил руку Метц. Как им отремонтировать корабль, если не будут найдены необходимые материалы? Крайдайки выбрал Китруп прежде всего из-за обилия чистых металлов и больших океанов, удобных для дельфинов. Если исследователи Хикахи отозваны, опасность велика… или кое-кто паникует.

Том повернулся, собираясь выйти, но потом остановился и поднял голову.

— Нисс, нам нужно узнать, что, по мнению галактов, мы обнаружили.

Точки слегка угасли.

— Я тщательно обыскал все открытые файлы корабельной ветви мини-Библиотеки, чтобы пролить свет на загадку брошенного флота, Томас Орли. Но ничего, кроме отдаленного сходства рисунков на корпусах этих гигантов с некоторыми древними культовыми символами, не нашел. Ничто не подтверждает гипотезу о связи флота с известными прародителями.

— Но ничего противоречащего этой гипотезе ты тоже не нашел?

— Совершенно верно. Но корабли могут быть связаны, а могут и не быть связаны с легендой, объединяющей все кислорододышащие расы

пяти галактик.

— Похоже, мы нашли обломки, не имеющие никакой исторической ценности.

— Верно. Но, с другой стороны, вы, возможно, совершили величайшее археологическое и религиозное открытие эпохи. Именно это обстоятельство объясняет битву, развернувшуюся в этой солнечной системе. Отказ мини-Библиотеки сообщать подробности говорит о том, что расы галактики очень интересуются древними событиями. И до тех пор пока корабль остается единственным обладателем информации о брошенном флоте, исследовательское судно «Стремительный» будет величайшим призом, и все фанатики будут домогаться его.

Орли надеялся, что Нисс раздобудет доказательства безобидности их открытия. С их помощью можно было бы убедить ити оставить корабль в покое. Но если этот брошенный флот действительно так важен, «Стремительному» нужно найти способ доставить информацию на Землю, и пусть тогда головы поумнее решают, что с ней делать.

— Продолжай обдумывать, — сказал он Ниссу. — А я постараюсь, чтобы галакты от нас отвязались. Не скажешь ли теперь...

— Конечно, скажу, — прервал его Нисс. — Коридор снаружи пуст. Думаете, я позволил бы вам выйти, не предупредив?

Том покачал головой. Он был уверен, что машина специально запрограммирована делать это снова и снова. Типично для тимбрими. Лучшие друзья землян известные мастера розыгрышей. А когда неприятности кончатся, Том собирался сунуть в компьютер гаечный ключ и объяснить тимбримийским друзьям, что произошел «несчастный случай».

Дверная панель скользнула в сторону, Том ухватился за край и приготовился спрыгнуть на тускло освещенный потолок коридора. Дверь за ним автоматически закрылась. На стенах дугообразного коридора горели красные тревожные огоньки.

«Ну ладно, — подумал Том. — Надежды на быстрое бегство не оправдались, но у меня начинают вызревать комбинации планов посложнее».

Кое-что он уже обсуждал с капитаном. Один или два оставил при себе.

Пора претворять их в жизнь, подумал Том, хорошо зная по опыту, что случай вечно меняет все планы. И вполне возможно, что подвернется что-то совершенно фантастическое и станет для

них последней реальной надеждой.

6. ГАЛАКТЫ

Первая фаза битвы стала всеобщей свалкой. Два десятка воюющих групп накидывались друг на друга, проверяли, искали бреши в защите. На орбитах уже появилось несколько взорванных корпусов, разбитых, покореженных, зловеще светившихся. Вокруг клубились облака плазмы, блестели обломки раскаленного металла.

В своем флагманском корабле кожистая королева смотрела на экраны, показывающие ход битвы. Она лежала на широких мягких подушках и задумчиво поглаживала широкие чешуйки на животе.

На дисплеях, обступивших ложе Крат, было видно множество опасностей. На одном изображении была нанесена сеть линий, показывающих аномальные вероятности. На других показаны были зоны опасной пси-депрессии.

Видны были огни других флотов, перегруппировывавшихся после первой фазы. На краях по-прежнему бушевала схватка.

Крат облокотилась на подушку влетуровой кожи. Перегруппировалась, чтобы уменьшить

давление на третий живот. Боевые гормоны всегда ускоряли ее внутренние процессы. В древности это было очень неудобно, ибо вынуждало ее предков по женской линии оставаться в гнезде, а битвы предоставлять глупым самцам.

Но теперь все иначе.

К ней подошло маленькое птицеобразное существо. Крат взяла с протянутого подноса лингсливу. Откусила, наслаждаясь соком, который потек по языку и усам. Маленький форски проникновенно запел балладу о радостях битвы.

Разумеется, птицеподобные форски возвышены до полного разума. Поступить иначе с расой клиентов означало бы нарушить Кодекс Возвышения. Но, хотя они умеют разговаривать и даже летать в космических кораблях, у них напрочь отсутствует честолюбие. Они слишком незаменимы в качестве домашней прислуги и развлечения, чтобы сделать их специализированными. И способность адаптироваться могла бы помешать им прекрасно выполнять свои функции.

Неожиданно погас один из маленьких экранов. Уничтожен истребитель в арьергарде соро. Крат почти не обратила на это внимания. Пока потери несущественны.

Командная рубка разделена на секции. Со свое-

го места в центре Крат может заглянуть в любую из них. Там суетятся многочисленные клиенты соро, каждый готов исполнить ее волю согласно своему узкому профилю.

В секциях навигации, обнаружения и боевой оживление наконец стихало. Зато в секции планирования суета усилилась, экипаж оценивал возможности, включал вероятные союзы с силами воспринимающих и нарушителей.

Из секции обнаружения высунулся младший офицер паха. Полуприкрыв глаза, Крат видела, как он метнулся к пищевой станции, схватил кружку дымящегося амоклаха и торопливо вернулся на пост.

Паха разрешалось больше видового разнообразия, чем форски, чтобы увеличить их численность, как ритуальных воинов. Крат управляла ими с трудом, но такова цена, которую приходится платить за настоящих воинов. Поэтому она решила не выказывать никакой реакции. Слушала песню маленького форски о грядущей победе, о славе, которая ожидает Крат, когда она захватит землян и выведает их тайны.

Рявкнули клаксоны. Форски в тревоге подпрыгнул и убежал в свою нору. Показались бегущие отовсюду паха.

— Рейдер танду! — крикнул офицер из секции тактики. — Между кораблями два и двенадцать прямо в середине нашего строя! Необходим срочный маневр! Быстро!

Флагманский корабль вздыбился, избегая линии снарядов. На экранах Крат эти снаряды видны, как гневно пульсирующие синие точки: отчаянный крейсер танду проник в самый центр ее флота и ведет огонь по кораблям соро.

Будь прокляты эти вероятностные двигатели! Крат знала, что никто не передвигается быстрее танду, потому что ни один корабль не отважится на такое!

Крат раздраженно дернула брачным когтем. Корабли соро так старались увернуться от снарядов, что не вели ответного огня.

— Глупцы! — засвистела Крат в свой коммуникатор. — Шестой и десятый корабли, оставайтесь на месте и ведите огонь по этому убожеству!

И прежде чем ее слова достигли капитанов, прежде чем соро начали стрелять, ужасный корабль танду стал саморазрушаться. Только что он был здесь, свирепый и смертоносный, сражаясь со множеством растерянных противников. И вот его уже окружило облако бесцветных искр. Защитные поля не выдержали, и крейсер сложился,

как карточный домик.

С яркой вспышкой танду исчез, оставив только облако пара. Сквозь защитные экраны своего корабля Крат услышала страшный пси-рев.

«Повезло нам, — подумала Крат, когда пси-шум начал стихать. — Не зря другие расы не пользуются методами танду. Но если бы этот корабль продержался еще некоторое время...»

Но пока никакого вреда не причинено, и Крат отметила, что экипаж сыграл свою роль. Однако некоторые не очень-то торопились и придется их наказать...

Она подозвала главного тактика, высокого могучего паха. Воин подошел к ней. Он пытался сохранить гордую осанку, но опущенные реснички сказали Крат, что тактик понимает, что его ждет. Крат низко зарычала.

Начала говорить, и в этот момент командующая флотом соро почувствовала сильное давление внутри. Крат задергалась, тяжело дыша, а офицер паха бежал. Наконец Крат взвыла и почувствовала облегчение. И через минуту снесла яйцо.

Взяла его, на время забыв о наказании и битвах. Следуя инстинкту, который сохранился еще с того времени, когда два миллиона лет назад ее раса была возвышена робкими хулами, Крат

вдохнула запах феромонов и начала слизывать родовую слизь с трещин, покрывающих кожистую поверхность яйца.

Крат лизала долго, продлевая удовольствие. И покачивала яйцо, подчиняясь древнему неослабевшему чувству.

7. ТОШИО

Разумеется, участвовал и корабль. С девятилетнего возраста все сны Тошио связаны с кораблями. Вначале корабли из пластила и джаббера в проливах и архипелагах Калафии, позже корабли в космосе. Тошио мечтал о кораблях всех модификаций, даже кораблях могучих галактических патронов, которые он надеялся когда-нибудь увидеть.

Сейчас ему снилась корабельная шлюпка. Вместе с Акки по поручению небольшой человеческо-дельфиньей колонии его родной планеты он выходит в море на аутригере. Значок Калафианской академии ярко сверкает под лучами Альфы. Плавание начинается в прекрасный, полный ароматов день.

Но скоро погода портится, все вокруг становится под цвет воды, море — мрачным, черным,

потом сменяется вакуумом, и неожиданно повсюду вспыхивают звезды.

Тошио заботит воздух. Ни у него, ни у Акки нет скафандров. Трудно дышать в вакууме!

Он уже собирается поворачивать домой, когда видит преследователей. Галакты, всех цветов и форм, с длинными мускулистыми руками или с маленькими цепкими клешнями, и — что гораздо хуже — все мощно гребут к нему. И гладкие носы их лодок сверкают, как звезды.

— Что вам нужно? — кричит он, гребя изо всех сил, чтобы уйти. (А нет ли на лодке мотора?)

— Кто твой хозяин? — кричат они на тысяче разных языков. — Он рядом с тобой?

— Арки фин! Фины наши клиенты! Мы возвысили их и освободили!

— Значит, они свободны, — отвечают галакты, приближаясь. — Но кто возвысил тебя? Кто освободил тебя?

— Не знаю! — кричит он. — Может, мы сами это сделали! — И все больше напрягается, слыша хохот галактов. Пытается дышать жестким вакуумом. — Оставьте меня в покое! Я хочу домой!

Неожиданно впереди показывается флот. Корабли кажутся больше луны, больше звезд. Они темные и тихие, и даже галакты их пугаются.

И тут передний из огромных шаров начинает раскрываться. И Тошио замечает, что нет Акки. Нет и его лодки. И галакты исчезли.

Ему хочется крикнуть, но надо беречь воздух.

Пронзительный свист вызвал боль, но привел его в себя. Тошио резко сел и почувствовал, как закачались сани. Смутно виден горизонт, свежий ветер обвевает лицо. В ноздрях запах Китрупа.

— Вовремя, Поднимающийся-по-Лестницам. Мы уже испугались за тебя.

Тошио увидел плывущую рядом Хикахи, она поглядывала на него одним глазом.

— Как дела, остроглазый малыш?

— Кажется... все в порядке.

— Тогда займись своим шлангом. Нам пришлось перекусить его, чтобы ты мог вздохнуть.

Тошио потрогал ровный, словно отрезанный ножом край. Заметил, что обе его руки аккуратно перевязаны.

— Кто-нибудь еще ранен? — спросил он, одновременно отыскивая сумку с инструментами.

— Несколько небольших ожогов. Убедившись, что ты жив, мы наслаждались битвой. Спасибо за то, что рассказал о Сассии. Мы никогда бы не заглянули туда, если бы тебя не поймали. Сейчас ее освобождают.

Тошио знал, что должен быть благодарен Хикахи: она представила его неудачу в таком выгодном свете. На самом деле его следовало бы отругать за то, что он самовольно и безрассудно покинул строй и чуть не погиб.

Но Тошио был слишком опустошен, чтобы чувствовать благодарность к лейтенанту-дельфину.

— Фип-пита еще не нашли?

— Никаких следов.

Медленное вращение Китрупа привело солнце в положение, соответствующее примерно часам четырем на Земле. На востоке собирались низкие облака. Вода, недавно такая гладкая, покрылась рябью.

— Может быть небольшой шторм, — сказала Хикахи. — Возможно, глупо следовать земным инстинктам на другой планете, но, кажется, опасаться нам нечего...

Тошио взглянул вверх. Что-то на юге. Он прищурился.

Снова. Вспышка, еще, несколько подряд. Две вспышки в быстрой последовательности, почти невидимые в блеске моря.

— Как давно это продолжается? — спросил он, показывая на юг.

— О чем ты, Тошио?

— Вспышки. Это молнии?

Глаза Хикахи расширились, рот слегка искривился. Она забила в воде плавниками, повернулась к югу.

— Я ничего не вижу, Остроглазый. Расскажи, что видишь ты.

— Многоцветные вспышки. Огни. Много... — Тошио перестал чинить свой воздушный шланг. Смотрел вдаль, стараясь вспомнить.

— Хикахи, — медленно сказал он. — Мне кажется, во время схватки с водорослями меня вызывал Акки. На ваш приемник не поступила информация?

— Нет, Тошио. Ты знаешь: мы, фины, не способны на абстрактное мышление во время схватки. Постарайся вспомнить, что он сказал.

Тошио коснулся лба. Ему совершенно не хотелось вспоминать о встрече с хищной водорослью. Все сливалось в кошмар, в путаницу цветов, звуков, движений.

— Мне кажется... он что-то сказал о радиомолчании... о возвращении назад... о космической битве.

Хикахи свистнула и ударила плавниками по воде, откидываясь назад. Тут же вернулась, мощно забила хвостом.

Всем собраться
Всем вверх
Повернуть и вверх!

Плохой тринари. В дельфиньем праймале есть оттенки, которых Тошио, конечно, не понимает. По его спине пробежал холодок. От Хикахи он меньше всего ожидал праймала. Сворачивая шланг, он подумал, что им может дорого обойтись его забывчивость.

Тошио плотно закрыл свою лицевую пластину и нажал клапан плавучести на санях, одновременно поглядывая на огоньки по краям своего шлема. Со скоростью калафианца четвертого поколения он проделал всю проверку перед спуском.

Нос саней начал медленно погружаться, и море взорвалось справа. В пене и потоках выдыхаемого воздуха возникли семь дельфинов.

— С-с-сассия привязана к твоей корме, Тошио. Можешь поторопиться? — спросил Кипиру. — Не время мечтать и сочинять мелодии.

Тошио поморщился. Как мог Кипиру отчаянно сражаться за жизнь человека, которого так презирает?

Он вспомнил, как ворвался Кипиру в водо-

росль, какой отчаянный был у него взгляд и как обрадовался дельфин, увидев его. Но сейчас он по-прежнему жесток и насмешлив.

На востоке ослепительно вспыхнуло, все небо осветилось. Дельфины, как один, закричали и мгновенно нырнули — все, кроме Кипиру, который остался рядом с Тошио, а на востоке из-за туч на полуденное небо лился огонь.

Наконец сани погрузились, но в последнее мгновение Тошио и Кипиру увидели битву гигантов.

Огромный стреловидный космический корабль в огне и пробоинах летел на них. Из трещин по бокам у него вырывались столбы дыма, которые ветер относил в узкую полосу сверхзвукового фронта. Ударная волна заставила дрогнуть даже защитные поля огромного корабля, разрывы гравитации и плазмы сверкали с невероятной перегрузкой.

Не более чем в четырех корпусах за гигантом неслись два истребителя крючкообразной формы. Из каждого трилистника вырывались потоки антиматерии, с громом они дважды достигли цели.

Тошио находился на глубине пяти метров, когда до него долетел звуковой удар. Сани пе-

ревернулись и продолжали вертеться в таком грохоте, словно обрушился дом. Вода превратилась в кипящий водоворот пузырей и тел.

Сражаясь с санями, Тошио поблагодарил Ифни за то, что не задержался на поверхности. У Морграна они видели, как гибнут корабли. Но не так близко.

Шум наконец перешел в долгое ровное ворчание. Тошио удалось выровнять сани.

Труп Сассии по-прежнему был привязан к корме. Остальные фины, слишком испуганные или благоразумные, чтобы подниматься на поверхность, по очереди подплывали к небольшим воздушным куполам, расположенным под санным днищем. Тошио должен был удерживать сани в равновесии. В кипящей воде сделать это было нелегко, но он выполнял все необходимое не задумываясь.

Они находились у западного склона большого серого металлического острова. Разделенные промежутками, со склона свисали водоросли. Не похожие на странного хищника, но никакой гарантии.

Тошио все больше и больше не нравилось это место. Он хотел вернуться домой, где опасности известны, где с ними легко справиться: ядовитые

водоросли, островные черепахи и тому подобное — и нет никаких ити.

— Как ты? — спросила подплывшая Хикахи. Лейтенант-дельфин излучала спокойствие.

— Нормально, — ответил Тошио. — Хорошо, что я успел рассказать о сообщении Акки. У вас есть все основания сердиться на меня.

— Не глупи. Мы возвращаемся. Брукида устал, и я привязала его под воздушным куполом. Поплывешь впереди с разведчиками. Мы следом. Давай!

— Есть, сэр. — Тошио посмотрел на приборы и включил двигатель. Винты загудели, сани начали ускоряться. Несколько самых сильных пловцов держались рядом, склон острова медленно уходил направо.

Через пять минут они пустились в путь. И не успели они удалиться, как ударило цунами.

Не очень большая волна, первая из ряда кругов, разошедшихся оттуда, куда упал булыжник. Только булыжником оказался космический корабль длиной в полкилометра, который упал со сверхзвуковой скоростью всего в пятидесяти километрах.

Волна швырнула сани вверх и в сторону, чуть не сбросив при этом юношу. Морские отбросы,

растения, мертвые и живые рыбы закружились, как листва в урагане. Рев оглушал.

Тошио отчаянно вцепился в руль. Несмотря на очень сильное сопротивление, ему удалось поднять и направить сани против волны. Как раз вовремя он ушел из направленного ко дну потока, маленькое судно двинулось на восток.

Слева пронеслась пепельно-серая фигура. Тошио узнал Кипиру, который пытался удержаться в разбушевавшейся воде. Дельфин крикнул что-то непонятное на тринари и исчез.

Какой-то инстинкт вел Тошио. А может, помогал экран сонара, который, хотя и покрылся рябью, сохранил смутные исчезающие очертания местности, всего несколько мгновений назад вырисовывающейся так четко. Тошио старался как можно круче повернуть сани влево.

Рев двигателей, работавших на пределе, усилился: Тошио отчаянно свернул. Впереди возвышался огромный мрачный металлический остров! Уже ощущалось встречное течение, начала формироваться огромная волна.

Тошио хотел закричать, но борьба отняла у него все силы. Он стиснул зубы и стал в ужасе считать секунды.

В облаке пузырей сани пролетели мимо север-

ной оконечности острова. Тошио находился под водой; посмотрев вниз, он увидел метрах в десяти справа береговую растительность. Он летел на гребне высокой волны.

И пролетел мимо острова. Океан раскрылся перед ним: глубокие борозды на дне, темные и словно бездонные. Тошио наклонил носовые лопасти и продул баки. Сани быстро начали погружаться.

Опасно накренилась корма. Тошио миновал груду обломков, за ней начинались тьма и холод, но Тошио приветствовал их как убежище.

Внизу, в спокойной глубине, перед ним открылась долина. Он по-прежнему чувствовал, как вверху перекатываются волны цунами. Водоросли вокруг раскачивались необычайно сильно. Со всех сторон падал медленный дождь обломков, но во всяком случае вода больше не пытается забить его насмерть. Тошио выровнял сани и направился к центру долины, подальше от всего. И позволил себе расслабиться, реагируя выбросом адреналина на ощущение боли избитых мышц.

Он благословлял крошечных созданных человеком симбионтов, которые как раз сейчас избавляют его кровь от избытка азота, предотвращая наркотическое опьянение глубиной.

Тошио уменьшил тягу двигателя, и машина облегченно вздохнула. Как ни удивительно, но после такого обращения с машиной огоньки на приборах в основном зеленого цвета.

Он обратил внимание на один из них, который показывал работу воздушного купола. И тут же Тошио услышал негромкое пение. Терпеливо и почтительно прозвучало:

Океан есть... есть..
Как бесконечный вздох спящего
Есть и другие моря... есть...
И в них другие спят...

Тошио схватил гидрофон.

— Брукида! Как вы там? Хватает ли воздуха?

Послышался вздох, дрожащий и усталый.

— Привет, Быстрые Пальцы! Спасибо за то, что спас мне жизнь. Ты плаваешь не хуже турсиоп.

— Корабль, который мы видели, должно быть, упал. От такого удара поднимется сильное волнение. Может, нам лучше немного побыть на глубине. Я позову сонаром, чтобы остальные смогли найти нас и прийти за воздухом, пока не улеглись волны. — Тошио нажал выключатель сонара, и сразу в воде послышались щелчки. Брукида застонал.

— Они не придут, Тошио. Разве ты их не слышишь? Они не ответят тебе.

Тошио нахмурился.

— Но они должны! Хикахи знает об этих волнах. Они, наверно, как раз сейчас нас ищут. Может, лучше поплыть назад... — Он протянул руку, собираясь продуть балласт. К Брукиде он относился с опасением.

— Не надо, Тошио! Твоя смерть будет напрасной. Подожди, пока волны ссстихнут. Ты должен выжить и рассказать Крайдайки.

— О чем вы говорите?

— Слушай, Остроглазый. Слушай!

Тошио покачал головой, выругался и потянул за дроссель, пока двигатель совсем не стих. И снова протянул руку к гидрофонам.

— Слышишь? — спросил Брукида.

Тошио наклонил голову и прислушался. В море мириады звуков: рев уходящей волны, панический шум стай рыб, грохот падения камней, удары волн о берега.

И тут он услышал. Резкие звуки праймала. Ни один современный дельфин, владеющий собой, на это не способен.

Да, дурные новости.

В одном из криков Тошио отчетливо различил

базовый тревожный призыв. Самый первый сигнал дельфиньей речи, который поняли люди.

Но другие звуки... по меньшей мере три голоса. Звучат странно, как-то очень зло и неправильно.

— Это «лихорадка спасения», — простонал Брукида. — Хикахи выбросило на берег, она ранена. Она должна прекратить звать, но сейчас она в бреду и не контролирует положение.

— Хикахи...

— Подобно Крайдайки, она глубоко постигла кининк... науку логичной дисциплины. Она смогла бы заставить остальных не обращать внимания на крики выброшенных на берег, заставила бы их нырнуть и переждать.

— Но разве они не знают об ударных волнах?

— Дело не в волнах, Остроглазый! — воскликнул Брукида. — Без посторонней помощи они могут выброситься на берег! Ты калафианец. Почему ты не знаешь этого о нас? Я бьюсь изо всех сил, чтобы освободиться и умереть, отвечая на этот зов!

Тошио застонал. Конечно, он знает о лихорадке спасения, при которой паника и страх смывают налет цивилизации и оставляют у китообразных только одну мысль: каков бы ни был личный риск, надо спасти товарищей. Периодически тра-

гедия повторялась даже среди цивилизованных дельфинов Калафии. Акки рассказывал ему, что иногда это как зов моря о помощи. Некоторые люди утверждают, что тоже чувствуют это — особенно те, что принимают дельфинью РНК в обрядах культа спящих.

Некогда турсиопы, бутылконосые афалины, меньше других китообразных подвергались риску выброситься на берег. Но генная инженерия где-то нарушила равновесие. В базовую модель турсиопы были внедрены гены других видов, и кое-что вышло из-под контроля. Уже три поколения земных генетиков работают над этой проблемой. И все равно дельфины живут, словно ходят по лезвию бритвы: над ними постоянно довлеет опасность впасть в безумие.

Тошио прикусил губу.

— У них есть доспехи, — неуверенно сказал он.

— Будем надеяться. Но смогут ли они правильно воспользоваться ими, если уже сейчас говорят на праймале?

Тошио ударил кулаком по саням. Руки уже онемели от холода.

— Я поднимаюсь, — объявил он.

— Нет! Не нужно! Ты должен оставаться в безопас-сности!

Тошио стиснул зубы.

«Всегда обо мне заботятся. Заботятся и насмехаются. Фины обращаются со мной, как с ребенком, и это надоело!»

Он передвинул дроссель на четверть и приподнял нижние плоскости.

— Сейчас я вас развяжу, Брукида. Сможете плыть?

— Да. Но...

Тошио взглянул на сонар. На западе возникла неясная линия.

— Плыть сможете? — снова спросил он.

— Да. Я могу хорошо плыть. Но не отпускай меня около лихорадки спасения. И сам не рискуй на волнах.

— Я вижу одну. Их разделяет несколько минут, и они слабеют. Поднимемся сразу после этой. И вам придется вернуться на корабль. Расскажите, что тут случилось, и попросите помощи.

— Это должен сделать ты, Тошио.

— Неважно. Вы сделаете то, о чем я прошу? Или мне оставить вас привязанным?

Последовала почти незаметная пауза, голос Брукиды изменился.

— Я выполню все в точности, Тошио. Приведу помощь.

Тошио проверил крен, потом скользнул с саней, держась рукой за боковую переборку. Брукида смотрел на него через прозрачную стенку воздушного купола. Плотная пузырьковая мембрана окружала голову дельфина. Тошио разорвал крепления, удерживавшие Брукиду на месте.

— Вам придется взять с собой дыхатель.

Брукида вздохнул, а Тошио потянул за рычаг. Отделился шланг, один его конец накрыл дыхало дельфина. Десять футов шланга, как змея, оплели тело Брукиды. Дыхатель мешает говорить, но с ним Брукиде не нужно будет подниматься за воздухом. Дыхатель поможет престарелому металлургу игнорировать крики в воде, будет постоянно напоминать о его причастности к технологической культуре.

Брукида оставался привязанным одним креплением. Тошио приблизился к поверхности, наблюдая за волной.

Сани наклонились, но на этот раз он был готов. Они находились достаточно глубоко, а волна прошла удивительно быстро.

— Пора! — Тошио переключил двигатель на максимум и продул балласт.

Скоро появилась стена металлического острова. Крики товарищей в сонаре стали слышнее.

Преобладал тревожный призыв лихорадки спасения.

Тошио проплыл мимо острова на север. Он хотел как можно дальше увести Брукиду.

И тут у него над головой мелькнуло гладкое серое тело. Тошио сразу узнал его и понял, куда направляется дельфин.

Он перерезал последнее крепление.

— Двигайте, Брукида! Если снова вернетесь к острову, я сорву с вас доспехи и перекушу хвост.

И, не глядя на Брукиду, резко развернул сани. Нажал на акселератор, пытаясь догнать Кипиру. Быстрейший пловец экипажа «Стремительного» направлялся к западному берегу. И кричал на чистом дельфиньем праймале.

— Черт возьми, Кипиру! Остановись!

Сани быстро плыли под самой поверхностью воды. День клонился к концу, облака подернулись красноватым, но Тошио отчетливо видел, как впереди Кипиру перепрыгивает с волны на волну. Он не обращал внимания на призывы Тошио и направлялся к острову, на берегу которого без памяти и в бреду лежали его товарищи.

Тошио чувствовал себя беспомощным. Через три минуты снова накатит волна. Если она не выбросит дельфина на берег, это сделает сам

Кипиру. Кипиру родом с Атласта, относительно новой сельской колониальной планеты. Сомнительно, чтобы он изучал дисциплину мысли, как Крайдайки или Хикахи.

— Стой! Если рассчитаем верно, сможем действовать сообща и избежим волн. Подожди меня! — кричал он. Бесполезно. Фин намного опередил его.

Бесполезная гонка раздражала Тошио. Как он мог жить и работать с дельфинами всю жизнь и так плохо знать их? Подумать только: Совет Земли отобрал его для этого полета из-за опыта в обращении с дельфинами! Ха!

Тошио всегда доставалось от дельфинов. Они смеялись над всеми человеческими детьми, в то же время изо всех сил защищая их. Но, став членом экипажа «Стремительного», Тошио надеялся, что с ним будут обращаться как со взрослым и офицером. Конечно, легкая пикировка будет продолжаться, как бывает между людьми и финами у него дома, но при взаимном уважении. Так не получилось.

И хуже всех оказался Кипиру, с самого начала он без устали издевался над Тошио.

«Почему же я пытаюсь спасти его?»

Тошио вспомнил, как храбро сражался Кипиру,

освобождая его от хищной водоросли. Тогда никакой лихорадки спасения не было. Фин полностью контролировал свои доспехи.

«Итак, он считает меня ребенком, — с горечью подумал Тошио. — Неудивительно, что и сейчас он меня не слышит».

Однако это подсказало выход. Тошио прикусил губу, тщетно пытаясь придумать что-то еще. Чтобы спасти жизнь Кипиру, ему придется пойти на сильное унижение. Нелегко решиться на это, особенно после постоянных насмешек.

Выругавшись, Тошио потянул назад дроссель и поставил носовые плоскости на спуск. Включил гидрофоны на максимум и закричал на искаженном тринари:

Ребенок тонет — ребенок в опасности!

Ребенок тонет — он в отчаянии

Человеческий ребенок — ему нужен спаситель

Человеческий ребенок — спаси его!

Он снова и снова повторял этот призыв, насвистывая пересохшими от стыда губами. Всех детей Калафии учат таким песенкам. Но любой ребенок старше девяти лет, который воспользуется этим призывом, вынужден будет проситься на другой

остров, чтобы избежать постоянных насмешек. Взрослые зовут на помощь достойно.

Но эти достойные призывы Кипиру не услышит.

С горящими ушами Тошио повторял призыв.

Конечно, не все калафианские дети дружили с финами. Только четверть человеческого населения планеты тесно связана с морем. Но эти взрослые умеют обращаться с дельфинами. Тошио всегда считал себя одним из них.

Теперь все кончено. Если он вернется на «Стремительный», придется прятаться в своей каюте... несколько дней или недель, пока не явятся победители Китрупа и не предъявят свои права.

На экране сонара с запада приближалась еще одна неясная линия. Тошио опустил сани чуть глубже. Продолжал свистеть, но чувствовал, что готов расплакаться.

где... где... где ребенок... где ребенок, где...

Дельфиний праймал! Поблизости! Тошио забыл о своем позоре. Нащупал веревку, которая удерживала на месте Брукиду, и продолжал насвистывать.

Мимо промелькнула серая полоса. Тошио по-

добрал колени и взял веревку в обе руки. Он знал, что Кипиру обогнет снизу и появится с противоположной стороны. И когда увидел поднимающееся серое пятно, прыгнул с саней.

Пулеобразное тело дельфина изогнулось в панической попытке избежать столкновения. Тошио закричал, когда хвост китообразного ударил его в грудь. Но скорее это был крик радости. Он все рассчитал верно!

Когда Кипиру снова повернул, Тошио бросился в сторону и позволил фину проплыть между собой и веревкой. Сжал ногами скользкий дельфиний хвост и натянул веревку, словно затягивая удавку на Кипиру.

— Поймал! — крикнул он.

И в этот миг ударила новая волна.

Тошио потащило в глубину. В него ударили обломки, от движений обезумевшего дельфина его тело бросало из стороны в сторону.

Но на этот раз Тошио не боялся волны. Боевая ярость переполняла его. Горячим потоком струился в жилах адреналин. Ему нравилось спасать Кипиру, одновременно расплачиваясь с ним за недели унижений.

Дельфин извивался в панике. Когда волна прокатилась над ними, Кипиру испустил базовый

призыв — на поверхность, за воздухом. Он отчаянно пытался подняться.

Они выскочили из воды, и Тошио едва увернулся от струи из дыхала Кипиру. Кипиру несколько раз подпрыгнул, пытаясь избавиться от своего нежеланного всадника.

Каждый раз погружаясь под воду, Тошио пытался позвать.

— Ты разумный, — кричал он. — Черт побери, Кипиру... ты... ты пилот звездного корабля!

Он знал, что ему следовало уговаривать на тринари, но это совершенно бесполезно, он и так едва держится.

— Ты безмозглый... фаллический символ! — кричал он под ударами воды. — Рыба-переросток! Ты меня убиваешь!.. Ити захватят Калафию, потому что вы, фины, не можете прикусить язык! Нам не следовало брать вас в космос!

Слова были полны ненависти. Презрения. Но наконец, Кипиру как будто услышал. Приподнялся в воде, как рассерженный жеребец. Тошио почувствовал, как отрывается от дельфина и летит, словно рваная кукла. Он с плеском ударился о воду.

За сорок поколений возвышения дельфинов известно только восемнадцать случаев, когда фи-

ны нападали на людей с целью уничтожения. В каждом случае все фины, родственники преступника, были стерилизованы. Но Тошио все равно ожидал, что в любое мгновение будет раздавлен. Ему стало безразлично. Он наконец понял причину своей депрессии, когда боролся с Кипиру.

Не собственные способности и не перспектива возвращения угнетала его в последние недели. Нет, другое, о чем он запретил себе думать с самой битвы у Морграна.

Ити... инопланетяне... галакты всех видов и религий... те, что сейчас преследуют «Стремительный»... они не ограничатся охотой на корабль с его смешанным экипажем.

Хотя бы одна раса ити догадается, что «Стремительный» сумел надежно спрятаться. Или решит ошибочно, что он успел передать информацию на Землю. В любом случае следующий логичный шаг наиболее аморальной или победоносной расы ити будет принуждение.

Земля может защитить себя. Вероятно, смогут и Омнивариум и Гермес. Тимбрими защитят Каананскую колонию.

Но такие планеты, как Калафия или Атласт, будут захвачены немедленно. И его семья, знакомые превратятся в заложников. И Тошио понял,

что винит в этом финов.

Очередная волна. Тошио все равно.

Поблизости проплыли какие-то обломки. В километре Тошио видел металлический остров. Как будто тот же самый. Но Тошио не мог сказать, на его ли берег выбросились дельфины.

Прибивало большой кусок. Тошио потребовалось несколько мгновений, чтобы понять — Кипиру.

Он забился в воде, открывая лицевую пластину.

— Ну, гордишься собой? — спросил он.

Кипиру чуть повернулся, и на Тошио уставился один большой глаз. Из утолщения на голове — здесь люди сформировали голосовой аппарат из прежнего дыхала — послышался длинный негромкий дрожащий звук.

Тошио не был уверен, что это вздох. Может быть, извинение на дельфиньем праймале. Одна мысль об этом рассердила его.

— Прекрати! Я хочу знать только одно. Должен ли я отправить тебя на корабль? Или ты можешь оставаться разумным настолько, чтобы помочь мне? Отвечай на англике и соблюдай правила!

Кипиру болезненно застонал. Спустя несколько мгновений, тяжело дыша, он наконец ответил

— очень негромко.

— Не отсссылай меня. Они зовут на помощь! Я ссделаю, что ты сскажешь!

Тошио колебался.

— Ну хорошо. Отправляйся за санями. Найди их и надень дыхатель. Тебе должно хватить воздуха, и к тому же он будет постоянно напоминать тебе, кто ты.

— Потом приведи сани к острову, но не очень близко!

Кипиру резко кивнул большой головой.

— Да! — воскликнул он. Подпрыгнул и ушел под воду. И очень хорошо, что не стал ни о чем спрашивать.

Фин мог бы помешать планам Тошио.

Километр до острова; есть только один способ добраться туда быстро и при этом не пораниться о жесткую как металл коралловую поверхность. Тошио снова сориентировался, и тут опускающийся уровень воды подсказал ему, что приближается очередная волна.

Эта волна казалась самой мягкой. Тошио знал, что это ощущение обманчиво. Он слишком глубоко в воде, чтобы испытать всю силу волны. Она приближалась не как гора, увенчанная пеной, а как небольшое возвышение. Тошио нырнул в

этот горб и некоторое время проплыл в его течении, прежде чем подняться на поверхность.

Он рассчитал правильно. Отплыл бы назад дальше, не успел бы добраться до острова, и откатывающаяся волна оттащила бы его назад; остался бы впереди — мог удариться о поверхность, испытать всю силу прибоя и обратного течения.

Все произошло очень быстро. Тошио плыл изо всех сил, но не мог сказать, миновал ли он гребень волны. Оглянулся и понял: что-то менять уже поздно. Снова повернулся лицом к высокому, покрытому растительностью острову.

В ста ярдах перед ним начинался прибой, и расстояние это быстро сокращалось. Вершина волны сдвинулась в сторону Тошио, и его бросило на берег.

Юноша напрягся, когда вершина накрыла его. Он готов был заглянуть в пропасть и больше ничего не видеть.

Но увидел водопад белой пены, и волна начала спадать. Тошио закричал, чтобы прочистить слуховые каналы, и поплыл изо всех сил, стараясь держаться на уровне потока пены и морских отбросов.

Неожиданно он оказался в окружении зелени.

Деревья и кусты, выдержавшие предыдущие удары, дрожали от нового наступления. Как раз когда Тошио проплывал мимо, некоторые из них вырвало с корнем. Другие держались и били его своими ветвями.

Но ни одна острая ветвь не проткнула его, ни одна лоза не задушила. Наконец ему удалось ухватиться за ствол дерева, остановиться, переждать, пока волна отступит.

Как ни удивительно, он встал на ноги — первый человек, ступивший на поверхность Китрупа. Тошио ошеломленно оглядывался, все еще не веря, что жив.

Потом торопливо открыл лицевую пластину и также стал первым человеком, извергнувшим на почву Китрупа свой завтрак.

8. ГАЛАКТЫ

— Убить их! — потребовал верховный жрец йофуров. — Уничтожить изолированный теннанинский крейсер в нашем шестом квадранте!

Начальник штаба склонил свой двенадцатиколечный корпус перед верховным жрецом.

— Теннанинцы наши временные союзники! Как мы можем напасть на них, предварительно

не исполнив тайного ритуала предательства? Их предки не будут умиротворены!

Йофурский жрец раздул шесть своих верхних соковых колец. Он высоко поднялся на своем помосте в тыльной части командной рубки.

— Нам не до ритуалов! Теперь, когда наш союз очистил этот сектор пространства! Теперь, когда наш союз стал сильнейшим! Теперь, пока все еще бушует битва! Теперь, когда эти глупые теннанинцы раскрыли перед нами свой фланг. Теперь мы можем причинить им большой вред.

Начальник штаба возбужденно запульсировал, от сильных переживаний его внешние соковые кольца обесцветились.

— Согласен, мы можем отказаться от союза. Согласен, мы можем предать своих союзников. Согласен, мы должны делать все, чтобы победить. Но мы не можем делать это, не исполнив соответствующих ритуалов! Именно ритуалы делают нас сосудами, наполненными волей предков! Ты сведешь нас до уровня еретиков!

Верховный жрец так затрясся от гнева, что под ним задрожал помост.

— Мои кольца решают! Мои кольца — жреческие кольца! Мои кольца...

Операционный верх конусообразного тела жре-

ца взорвался гейзером горячего разноцветного сока и залил липкой янтарной жидкостью весь мостик флагманского корабля йофуров.

— Продолжать сражение. — Взмахом боковой руки начальник штаба вернул свой штат к работе. — Позвать квартирмейстера религиозности. Пусть отправит кольца для изготовления нового жреца. Продолжать сражение, пока не будет исполнен ритуал предательства.

Начальник штаба склонился к главам секций.

— Вначале умиротворим предков теннанинцев, а потом обрушимся на них.

— Но постарайтесь, чтобы теннанинцы не узнали о нашем намерении!

9. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Прошло много времени от последней записи в этом дневнике. После Мелкого скопления у нас постоянная лихорадка. То мы совершаем открытие тысячелетия, то отбиваемся в засаде у Морграна, то стараемся спасти свою жизнь. Я почти не вижу Тома. Он пропадает у двигателей или в арсенале. А я либо здесь, в лаборатории, либо помогаю в лазарете.

У корабельного врача Маканай хлопот полон рот. Фины всегда были склонны к ипохондрии. Каждый пятый член экипажа уже обращался с психосоматическими жалобами. Невозможно понять, что творится у них в голове, поэтому мы гладим их, говорим, какие они храбрые, и успокаиваем их.

Я думаю, если бы не капитан, половина экипажа уже впала бы в истерику. Но им он кажется героем из «сна китов». Крайдайки расхаживает по кораблю, присматривает за ремонтом и дает уроки логики кининка. И фины взбадриваются, видя его рядом.

По-прежнему приходят сообщения о продолжающейся битве в космосе. Битва становится все ожесточеннее.

И мы все больше беспокоимся об отряде Хикахи.

Джиллиан отложила ручку. Небольшой кружок света, падавший от настольной лампы, освещал лабораторию. Другое освещение проникало только с дальней стены помещения. И на фоне этого свечения смутно виднелась гуманоидная фигура,

лежащая на столе стасиса.

— Хикахи, — вздохнула Джиллиан — Где ты, именем Ифни?

Всех очень тревожило, что отряд Хикахи не подтвердил по монопульсу получение приказа об отзыве. «Стремительный» не мог позволить себе потерю этих членов экипажа. Несмотря на некоторую неровность поведения за пределами мостика, Кипиру все же лучший пилот. И даже Тошио Ивашика подает большие надежды.

Но самую сильную боль вызывает утрата Хикахи. Справится ли без нее Крайдайки?

Хикахи ближайший друг Джиллиан среди дельфинов, они близки так же, как Том с Крайдайки или Тшут. Джиллиан в очередной раз удивилась, почему помощником капитана был назначен Такката-Джим, а не Хикахи. Это не имеет смысла. Можно только предположить, что решение было принято из политических соображений. Такката-Джим — стенос. Вероятно, к отбору экипажа приложил руку Игнасио Метц. Он еще на Земле выступал активным сторонником некоторых видовых разновидностей дельфинов.

Джиллиан не стала записывать эти мысли. На праздные рассуждения у нее нет времени.

И вообще — пора вернуться к Херби.

Она закрыла дневник, встала и подошла к столу стасиса, где в поле замедленного времени плавало высохшее тело.

Древний труп улыбался сквозь стекло.

Это не человек. Когда он жил, дышал и управлял космическими кораблями, на Земле еще не было даже многоклеточных организмов. Но чем-то он напоминает человека. У него прямые руки и ноги, похожие на человеческие голова и шея. Челюсти и глазные впадины выглядят необычно, но улыбка у черепа все же человеческая.

«Сколько тебе лет, Херби? — мысленно спросила Джиллиан. — Сколько миллиардов лет? Один? Два?

Почему твой флот, все эти древние корабли, ждал так долго и оставался незамеченным, пока не появились мы? Мы, группа волчат, неизвестно как возникших людей, и лишь недавно возвышенных дельфинов? Почему именно мы нашли тебя?

И почему одна-единственная твоя голограмма, переданная на Землю, свела с ума половину рас патронов галактики?»

Микро-Библиотека «Стремительного» ничем не помогла. Она наотрез отказывалась узнавать Херби. Может, она что-то утаивает или слишком

мала, чтобы помнить так много лет назад существовавшую расу.

Том просил Нисса заняться этим. Но саркастической тимбримийской машине пока не удалось добиться ответа.

Выкраивая время от занятий в лаборатории и лазарете, Джиллиан находила ежедневно по нескольку часов, чтобы незаметно осматривать останки, надеясь понять, что привело в такое возбуждение ити. Если она не поймет, не поймет никто.

И заняться этим надо сегодня.

«Бедный Том, — с улыбкой подумала Джиллиан. — Он появляется вечерами, выжатый, а я прихожу в возбуждение. Он молодчина, что еще замечает меня!»

Она взяла пионный микрофон.

«Ну ладно, Херби, нельзя ли установить, какой у тебя был мозг?»

10. МЕТЦ

— Простите, доктор Метц, капитан с Томасссом Орли в оружейной секции. Я могу быть чем-то полезен?...

Такката-Джим неизменно вежлив. Его англик

даже в оксиводе оставался почти безупречным. Игнасио Метц не смог сдержать одобрительной улыбки. Такката-Джим его очень интересовал.

— Нет, помощник капитана. Я заглянул на мостик, чтобы узнать, вернулась ли исследовательская группа.

— Нет. Мы можем только ждать.

Метц сочувственно зацокал. Он был уверен, что группа Хикахи погибла.

— Ну ладно. Галакты не предлагают вступить в переговоры?

Такката-Джим повернул свою большую пятнисто-серую голову слева направо.

— К сожалению, сэр. Их больше интересует взаимное убийство. Похоже, каждый час в системе Ктсимини появляется новый военный флот и вступает в схватку. Много воды утечет, прежде чем настанет черед дипломатии.

Доктор Метц нахмурился: нелогичность его смущала. Если бы галакты были благоразумны, они позволили бы «Стремительному» передать свое открытие в Институт Библиотеки и покончить с этим. И все получили бы равные возможности!

Но галактическая цивилизация едина больше на словах. И слишком у многих воинственных

рас есть большие корабли и оружие.

«И вот мы оказываемся в самом центре, — подумал он, — и все от нас чего-то хотят. Сомнительно, чтобы им был нужен только древний флот. Что-то более важное движет ими. Джиллиан Баскин и Том Орли что-то нашли в Мелком скоплении. Интересно, что?»

— Не пообедаете ли со мной сегодня, доктор Метц?

Метц мигнул. Какой сегодня день? Кажется, среда.

— Разумеется, помощник капитана. Ваше общество и беседа, как всегда, весьма желательны. Скажем, в шесть с чем-нибудь?

— Может, в девятнадцать ноль-ноль будет удобней, сссэр? Я в это время сдаю вахту.

— Хорошо.

Такката-Джим кивнул. Повернулся и поплыл на свое место.

Метц оценивающе смотрел ему вслед.

«Он лучший из моих стеносов, — подумал Метц. — И не знает, что я его крестный отец... геноотец. Но я им горжусь».

Все дельфины на борту относятся к виду Tursiopus amicus. Но некоторым добавлены гены Stenos bredanensis, глубоководного дельфина,

наиболее близкого к афалине по разуму.

Дикие bredanensis имели репутацию исключительно любопытных животных, пренебрегающих опасностью. И Метц настоял на том, чтобы в генетический бассейн неофинов добавили ДНК этого вида. На Земле большинство стеносов развивались вполне удовлетворительно, проявляя необычайную инициативу и ум.

Но несдержанность и буйный темперамент стеносов вызвал жалобы земных береговых общин. Метцу пришлось очень напряженно работать, чтобы убедить Совет доверить нескольким стеносам ответственные посты на борту первого космического корабля с дельфиньим экипажем.

Такката-Джим стал его аргументом. Холодно-логичный, неизменно вежливый, он почти никогда не пользуется тринари, только англиком, и кажется недоступным для «сна китов», который так сильно действует на другие виды — типа Крайдайки. Такката-Джим наиболее человекообразный из всех знакомых Метцу дельфинов.

Метц наблюдал, как помощник капитана управляет командой мостика — без всяких кининкских притч, как Крайдайки, с точностью и краткостью англика. Без лишних слов.

«Да, — подумал он. — Этот получит хороший

отзыв, когда вернемся домой».

— Доктор Метцссс?

Метц повернулся и отшатнулся от незаметно приблизившегося дельфина.

— Что?.. О, Кта-Джон. Вы меня испугали. Чем могу быть полезен?

Необыкновенно рослый дельфин улыбнулся ему. Тупая морда, пятнистое темное тело, выпуклые глаза — это о многом рассказало бы Метцу, если бы он не знал всего и так.

«Feresa attenuata, — с удовольствием подумал человек. — Такой прекрасный и свирепый. Мой самый тайный проект. И никто, даже ты сам, Кта-Джон, не знает, что ты не просто стенос».

— Прошу прощения, доктор Метцсс, но ученый шимп Чарлззз Дарт-т попросил поговорить с вами. Я думаю, маленькая обезьяна снова хочет поворчать.

Метц нахмурился. Конечно, Кта-Джон всего лишь боцман, он не должен быть таким рафинированным, как Такката-Джим. Но все же есть определенные границы, особенно учитывая тайну его происхождения.

«Надо будет поговорить с ним, — решил Метц. — Такое отношение может все испортить».

— Пожалуйста, предупредите доктора Дарта,

что я немедленно отправляюсь к нему, — сказал Метц дельфину. — Здесь я с делами покончил.

11. КРАЙДАЙКИ И ОРЛИ

— Итак, мы снова вооружены, — вздохнул Крайдайки. — Некоторым образом.

Томас Орли оторвал взгляд от отремонтированного орудия и кивнул.

— Лучше, чем ничего, Крайдайки. Мы ведь не ждали никаких неприятностей, когда оказались в самом центре битвы у пункта перехода Моргран. Нам повезло, что нас не очень повредили.

Крайдайки согласился.

— Именно так, — мрачно подтвердил он. — Только бы я действовал бысс-т-трее.

Орли заметил настроение своего друга. Поджал губы и засвистел. Его дыхательная маска усилила картину псевдозвуков, слабое эхо отпрыгивало от углов заполненного оксиводой помещения и плясало, как сошедшие с ума эльфы. Работавшие в оружейной секции дельфины подняли свои чувствительные морды, следя за исчезающим сонарным изображением, насмешливо пощелкивая.

Когда отдаешь приказы,

Как тебе завидуют —

Но какова тяжесть ответственности!

Отзвуки исчезли, но смех продолжался. Команда оружейной секции пищала и булькала.

Крайдайки подождал, пока веселье уляжется. Потом из его лба раздалось пощелкивание. Оно наполнило помещение, очень напоминая гром грозовых туч, послышался звук дождевых капель, которые несет ветер. Том закрыл глаза, чтобы впечатление было полным.

Они стоят у меня на пути,

Эти древние, безумные,

отвратительные существа

Прикажите им уйти!

Орли наклонил голову, признавая поражение. Никто не мог побить Крайдайки в хайку на тринари. Восхищенные фины подтверждали это.

Разумеется, ничего не изменилось. Покидая оружейную секцию, Орли и Крайдайки знали, что вызывающее поведение экипажа не выход из кризиса. Но надо надеяться.

Но надежда редкий гость. Том знал, что Край-

дайки очень беспокоится о Хикахи, хотя не подает вида.

Когда их никто не мог услышать, капитан спросил:

— Джиллиан чего-нибудь достигла, изучая эту штуку, которую мы нашли?.. Причину всех наших неприятностей?

Том покачал головой.

— Последние два дня я видел ее не более часа, поэтому не знаю. Когда я спрашивал в последний раз, микро-Библиотека корабля по-прежнему утверждала, что ничего о нем не знает.

Крайдайки вздохнул.

— Интересно бы знать, что, по мнению галактов, мы нашли. Ну ладно.

Их остановил неожиданный свист сзади. Тшут, четвертый офицер корабля, влетела в помещение в облаке пузырей.

— Крайдайки! Том! Сонар обнаружил дельфина далеко на востоке, он очень быстро плывет к нам!

Крайдайки и Орли переглянулись. Том кивнул на невысказанный приказ капитана.

— Можно мне взять Тшут и двадцать финов?

— Да. Пусть готовятся. Но не выходите, пока мы не установим, кто это. Тебе может понадобиться

больше двадцати. Или это вообще безнадежно.

Том видел боль во взгляде капитана. Следующий час ожидания будет очень трудным.

Орли знаком пригласил лейтенанта Тшут следовать за собой, повернулся и на большой скорости поплыл по заполненному водой коридору к выходному шлюзу.

12. ГАЛАКТЫ

Быть патроном, отдавать приказы — большая радость. С таким чувством соро Крат следила за джелло, паха, пила и другими клиентами, которые снова вели флот соро в битву.

— Госпожа, — провозгласил офицер джелло из секции обнаружения. — По твоему приказу мы приближаемся к водному миру со скоростью, равной одной четвертой скорости света.

Крат ответила на сообщение легким подергиванием языка, но втайне она была счастлива. Ее яйцо здорово. Когда они победят, она сможет вернуться домой и снова спариться. И экипаж флагманского корабля работает, как хорошо налаженный механизм.

— Флот на один пактаар опережает расписание, госпожа, — объявил офицер из обнаружения.

Из всех рас клиентов соро Крат особенно ценила джелло. Это первые клиенты ее расы, возвышенные соро очень давно. Джелло, в свою очередь, стали патронами и привели в клан еще две расы. Соро гордились ими. Цепь возвышения не прерывалась.

В далеком прошлом остались прародители, установившие Галактический Закон. С тех пор одна раса помогала другой возвыситься до уровня разума. И в качестве благодарности принимала на службу по договору.

Много миллионов лет назад древние льюберы возвысили пьюберов. Так, во всяком случае, утверждает Библиотека. Льюберов давно уже нет. Пьюберы еще где-то живут, хотя регрессировали и пришли в упадок. Но до этого они успели возвысить хулов, которые, в свою очередь, сделали клиентами предков соро. Вскоре после этого хулы уединились на своей планете и превратились в философов.

Теперь у самих соро много клиентов. Самые удачные — джелло, паха и пила.

Крат слышала высокий голос тактика-пила Куббер-кабуба, который распекал своих подчиненных в планирующей секции. Он предлагал утроить усилия, чтобы получить от корабельной

мини-Библиотеки информацию, которую она затребовала. Голос Куббер-кабуба был испуганным. Это хорошо. Если будет ее бояться, работать станет еще лучше.

На борту только пила-млекопитающие, приземистые двуногие с планеты с мощным тяготением. Во многих бюрократических организациях галактики они стали очень влиятельны. В том числе в самой важной из них — в Институте Библиотеки. Пила, в свою очередь, возвысили клиентов, прославив клан.

Жаль, конечно, что пила не являются больше клиентами по договору. Неплохо было бы снова повозиться с их генами. У маленьких пушистых разумных неприятный запах.

Конечно, совершенных клиентов не бывает. Всего двести лет назад земляне сильно озадачили пила. Это происшествие оказалось трудно замять. Крат не знала всех подробностей, но это было связано с солнцем землян. С тех пор пила люто ненавидят землян.

При мысли о землянах брачный коготь Крат заныл. За триста лет они стали такой же помехой, как лицемерные кантены или дьявольски хитрые тимбрими!

Раса соро терпеливо ждала возможности вос-

становить свою поруганную честь. К счастью, земляне весьма невежественны и уязвимы. Может, сейчас и представилась такая возможность.

Как приятно было бы получить землян клиентами по договору! Это вполне может произойти! Какие трансформации были бы совершены! Как можно было бы переплавить этих людей!

Крат смотрела на свой экипаж и жалела, что нельзя вмешиваться в развитие уже взрослых рас: менять, лепить по своему усмотрению, уничтожать. А сколько всего можно было бы сделать! Но это потребовало бы изменения правил.

Но если возвышенные водные млекопитающие с Земли действительно таковы, как она считает, можно попытаться изменить правила... если действительно возвращаются прародители. Какая ирония, что этот брошенный флот нашла самая молодая раса! Крат почти простила людям их существование и их статус патронов.

— Госпожа! — провозгласил высокий джелло. — Союз йофуров и теннанинцев распался. Они сражаются друг с другом. Значит, теперь у них нет превосходства.

— Продолжайте наблюдение, — вздохнула Крат. Не следовало бы джелло поднимать такой шум из-за небольшого предательства. Союзы

создаются и распадаются, пока одна сторона не получит превосходства в силе. И она намерена добиться, чтобы этой стороной были соро. Когда кончится битва, она получит награду.

Дельфины должны принадлежать ей! После побоища она извлечет этих безруких из их подводного убежища и заставит все рассказать!

Ленивым взмахом левой лапы она вызвала из ниши библиотекаря пила.

— Найди данные об этих обитателях вод, которых мы преследуем, — сказала она библиотекарю. — Мне нужно больше знать об их обычаях и привычках. Говорят, связь их с человеческими патронами непрочна. Дай мне козырь, чтобы обратить этих... дельфинов.

Библиотекарь поклонился и исчез в своей секции, над которой виднелся иероглиф — спираль с лучами — знак Библиотеки.

Крат чувствовала дыхание судьбы. Это место в пространстве — нужная точка приложения сил. И без помощи приборов она знает это.

— Я получу их! И правила будут изменены!

13. ТОШИО

Тошио нашел Саттатту у ствола гигантского дерева-сверла. Фина бросило на чудовищное растение и раздавило. Его доспехи были полностью разбиты.

Пробираясь через густой подлесок, Тошио изредка насвистывал призыв на тринари. Но в основном просто старался удержаться на ногах. С момента вылета с Земли ему не часто приходилось ходить. А ушибы и головокружение задачу отнюдь не облегчали.

К'Хит лежал на мягкой постели из травянистой растительности. Доспехи его были целы, но дельфин-планетолог умер от потери крови. На животе виднелись три больших разреза. Тошио постарался запомнить место и пошел дальше.

Подходя к берегу, он нашел Сатиму. Маленькая самка потеряла много крови и впала в истерику, но была жива. Тошио залепил ей раны пеной из медицинской сумки. Потом взял механические руки ее доспехов и как можно глубже закопал в глину. Ничем другим закрепить Сатиму перед пятой волной он не мог.

Эта волна больше напоминала наводнение.

Тошио ухватился за дерево; вода дошла до горла; он ждал отлива.

Когда волна начала спадать, он отцепился и подплыл к Сатиме. Нащупал зажим доспехов, расстегнул их и помог дельфинихе поплыть в отступающей волне. Сам держался сзади.

Он как раз пытался затолкнуть Сатиму в кусты, чтобы ее не смыло, когда краем глаза уловил движение на дереве. Ему показалось, что это не просто раскачивание ветвей. Тошио посмотрел вверх и встретился взглядом с парой маленьких черных глаз.

Течение мгновенно затянуло их с Сатимой на вновь образовавшееся болото. И Тошио неожиданно оказался слишком занят, чтобы смотреть по сторонам.

Он подтащил Сатиму на несколько ярдов по скользким растениям, оберегая ее раны. Ему показалось, что она пришла в себя. Дельфиньи крики превращались в слова на тринари.

Свист заставил Тошио поднять голову. Кипиру направлял к берегу сани, их разделяло несколько ярдов. На дельфине был дыхатель, но он мог сигнализировать.

— Сатима! — закричал Тошио раненой самке. — Плыви к саням! Плыви к Кипиру!

— Привяжи ее к воздушному пузырю, — крикнул он Кипиру. — И следи за сонарным экраном. Отплывай, когда увидишь приближающуюся волну.

Кипиру кивнул. Когда Сатима отплыла на сто футов, он начал уводить ее на глубину.

Итак, пятеро. Остаются Хист-т и Хикахи.

Тошио взобрался по водоросли и снова углубился в подлесок. Голова его казалась такой же опустошенной и разрушенной, как этот остров. Слишком много трупов, слишком много мертвых друзей он увидел сегодня.

И понял, что был несправедлив к финам.

Нет смысла винить их в насмешках: так уж они устроены. Если не учитывать генной инженерии, дельфины всегда относились к людям с добродушной иронией — с тех самых пор, как в море было спущено первое каноэ. И устоялась привычка, которую возвышение могло только завуалировать, но не устранить.

И зачем ее устранять? Теперь Тошио понимал, что люди на Калафии, работавшие с дельфинами, были особыми личностями: прямота в них соединялась с чувством юмора. С дельфинами невозможно работать, если они тебя не уважают.

Он заторопился к серому телу в подлеске. Нет.

Это опять Саттатта. Ее передвинула последняя волна. Тошио зашагал дальше.

Дельфины отлично понимают, что сделали с ними люди. Возвышение — болезненный процесс. Но никто из них не захотел бы возврата к «сну китов», если бы это от них зависело.

Также фины знали, что законы галактических рас, законы существующих эпох позволяли людям требовать на протяжении тысяч лет службы своих клиентов. Человечество содрогалось от этой мысли. Самому Homo sapiens меньше лет. И если бы у человечества был свой патрон — достаточно сильный, чтобы подкрепить это звание, — в качестве поощрительной премии он мог бы претендовать и на Tursiopus amicus.

Нет дельфинов, которые не знали бы отношения человечества к этому. Дельфины теперь члены Совета Земли, как и шимпанзе.

Теперь Тошио знал, как он обидел Кипиру во время схватки в море. Больше всего сожалел он о своих словах про Калафию. Кипиру с радостью умер бы тысячу раз, чтобы спасти земляков Тошио.

Он скорее вырвет себе язык, нежели когда-нибудь произнесет нечто подобное.

Тошио выбрался на поляну. Здесь, в неглубокой

луже, лежал дельфин турсиопа.

— Хикахи!

Дельфин был исцарапан и избит, с кровоподтеками на боках, но в сознании. И когда Тошио направился к ней, она позвала.

— Оставайся на месте, Остроглазый! Не двигайся. У нас есть общество!

Тошио застыл. Приказ Хикахи совершенно ясен. Но ему необходимо подойти к ней. Ему не понравились эти царапины. Если у нее под кожей обломки металла, их нужно извлечь как можно скорее, чтобы яд не проник в кровь. И ему нелегко будет оттащить Хикахи в море.

— Хикахи, скоро новая волна. Она может добраться сюда. Надо подготовиться к ней!

— Стой, Тошио! Волна сюда не дойдет. Оглянись, видишь, насколько это важнее?

Впервые Тошио внимательно разглядел поляну. Лужа в неглубоком бассейне, явно только что выкопанном. И тут он увидел, что на доспехах Хикахи нет рук-манипуляторов.

Кто же тогда?.. Тошио перевел взгляд. Увидел спутанные ветви, раскиданные стволы, узнал в них остатки деревни.

В постоянном мерцании китрупского леса он увидел грубые изорванные сети, разбросанные

покрытия крыш, острые металлические обломки, привязанные к деревянным древкам. И легкое движение в кроне. Потом появились маленькие расплющенные пальцы с перепонками, сверкающие черные глаза, которые смотрели на Тошио из-под низкого зеленоватого лба.

— Або! — прошептал Тошио. — Я видел одного раньше, но совершенно забыл. Эти аборигены кажутся предразумными.

— Да! — вздохнула Хикахи. — И это делает сохранение тайны еще необходимее. Быстрее, Остроглазый! Расскажи мне, что случилось!

Тошио пересказал, что сделал после удара первой волны, опустив только подробности своей схватки с Кипиру. Трудно было сосредоточиться под взглядами этих черных глаз. Когда он поднимал голову, аборигены исчезали в листве. Не успел он закончить рассказ, как накатила очередная волна.

Ниже по склону видны были пенные буруны. Но Хикахи оказалась права. До нее волна не дошла.

— Тошио! — свистнула Хикахи. — Ты хорошо поступил. Спас вместе с нами и этих малышей. Брукида справится. Он приведет помощь. Поэтому мной пока можешь не заниматься. Делай то,

что я скажу! Пусть Кипиру немедленно нырнет. Он должен незаметно искать тела. Похорони Ссаттатту и К'Хита и собери обломки их доспехов. Когда придет помощь, мы должны уйти как можно быстрее.

— Вы уверены, что выдержите? Ваши раны...

— Все будет в порядке. Мои друзья смачивают меня водой. А деревья скрывают от наблюдения сверху. Следи за небом, Остроглазый! Не позволяй, чтобы тебя увидели. Пока ты будешь заканчивать, я попробую уговорить своих друзей здесь, чтобы они доверяли тебе.

Голос ее звучал устало. Тошио разрывался. Наконец вздохнул и повернул в лес, заставив себя бежать вслед за уходящей водой к берегу.

Когда он вышел на берег, Кипиру только вынырнул. Фин снял дыхатель, теперь на нем был воздушный пузырь. Он сообщил, что обнаружил тело Фип-пита, того самого, которого, как они думали, захватила хищная водоросль. Должно быть, волны цунами вырвали его избитое тело.

— Какие-нибудь следы Хист-та? — спросил Тошио.

Кипиру ответил отрицательно. Тошио передал приказ Хикахи и смотрел, как сани снова погрузились.

Несколько мгновений постоял на берегу, глядя на запад.

Садилось красноватое солнце Китрупа. Над головой показалось несколько звезд. Тучи на востоке приобретали зловещие очертания. Ночью пойдет дождь. Тошио решил не снимать костюм, хотя и сбросил прорезиненный капюшон. Ветер холодный, но он приносит облегчение.

Тошио посмотрел на юг. Если битва в космосе продолжается, он не увидел ее следов. Вращение планеты увело их от облака плазмы и обломков.

Тошио не хватило сил, чтобы погрозить кулаком, но он мрачно посмотрел на южную часть неба, надеясь, что галакты уничтожат друг друга.

Маловероятно. Победители будут. И когда-нибудь они спустятся в поисках людей и дельфинов.

Тошио расправил плечи и, несмотря на усталость, решительно направился в лес, под защиту раскидистых деревьев,

Вскоре после высадки группа отыскала юношу и дельфина. Они жались друг к другу в грубом убежище, пропускавшем ручейки дождя. Молнии поглощали тусклый желтый свет фонарей спасателей. При первой вспышке Томасу Орли

показалось, что он видел вокруг Хикахи и Тошио маленькие мохнатые фигурки. Но когда он с партнерами пробрался через подлесок, этих животных — или кем они еще могут быть — не оказалось.

Опасение, что это стервятники, прошло, когда он увидел, как пошевелился Тошио. Но все же Орли держал в руке игольник, а в другой руке был фонарь, которым он освещал Ханнесу Свесси дорогу в подлеске. Орли внимательно оглядел поляну, воспринял ее запахи, звуки, постарался запомнить подробности.

— Как они? — спросил он через несколько секунд.

— Тшш, все в порядке, Тошио. Это всего лишь я, Ханнес, — услышал Орли слова инженера. Тот говорил очень заботливо. — Да, мистер Орли, — отозвался Свесси. — Оба в сознании, но им пока не до разговоров.

Томас Орли еще раз осмотрел поляну, потом поставил фонарь рядом со Свесси.

— Эта молния все прикроет, — сказал он. — Я вызову роботов, чтобы быстрее убрать их отсюда. — Он коснулся края своего шлема и засвистел на превосходном тринари. Свист продолжался шесть секунд. Говорят, Томас Орли владеет и

праймалом, хотя никто этого не слышал.

— Будут через несколько минут. Им приходится заметать свои следы. — Он присел рядом с Тошио, который теперь, когда Свесси передвинулся к Хикахи, сел.

— Здравствуйте, мистер Орли, — сказал юноша. — Простите, что оторвал вас от работы.

— Все в порядке, сынок. Мне все равно хотелось выглянуть наружу. И у капитана появился повод послать меня. Отправим тебя на корабль, а потом пойдем взглянуть на затонувший корабль.

— Сможешь отвести нас к Саттатте и К'Хиту? Мы хотим прочесать весь остров.

Тошио кивнул.

— Да, сэр. Я смогу ходить. Вы не нашли Хистта?

— Нет. На корабле начали беспокоиться, но сильно растревожились после рассказа Брукиды. Большую часть потом нам рассказал Кипиру. Знаешь, он очень высокого мнения о тебе. Ты тут хорошо поработал.

Тошио отвернулся, словно стыдясь похвалы.

Орли с любопытством посмотрел на него. До сих пор он не думал об этом гардемарине. На первой стадии полета юноша казался сообразительным, но немного безответственным. После

находки брошенного флота он почему-то стал мрачен и все больше мрачнел по мере того, как уменьшались их шансы на возвращение.

Но теперь в нем что-то изменилось. Трудно сказать, что будет потом, но, очевидно, Тошио прошел ритуал посвящения.

На берегу раздалось гудение. Скоро показались два паукообразных механизма, каждый нес дельфина в доспехах.

Тошио слегка вздохнул, когда Орли помог ему встать. Потом старший мужчина нагнулся и поднял с земли какой-то предмет. Взвесил его в руке.

— Мотыга, а? Из позвоночника металлической рыбы, приклеенного к деревянной ручке...

— Наверно.

— Язык у них есть?

— Нет, сэр; вернее, зачатки. Они, похоже, стабилизировались. Охотники и собиратели. Хикахи считает, что в таком состоянии они уже находятся полмиллиона лет.

Орли кивнул. На первый взгляд, раса кажется вполне созревшей для возвышения. Чудо, что какой-нибудь галактический патрон еще не обнаружил ее и не привлек в клиенты и на тысячелетия службы.

Теперь у людей и финов «Стремительного» есть еще одно обязательство, и сохранение тайны становится еще необходимее.

Орли положил артефакт в карман, потом опустил руку на плечо Тошио.

— Что ж, сынок, остальное сможешь рассказать по пути на корабль. И заодно подумай.

— Сэр? — Тошио недоуменно посмотрел на него.

— Не всякому удается обнаружить расу будущих астронавтов. Фины ожидают от тебя, что ты сложишь об этом песню.

Тошио смотрел на старшего мужчину, пытаясь понять, не шутит ли он. Но на лице Томаса Орли было обычное загадочное выражение.

Орли взглянул на дождевые тучи. За Хикахи подошли роботы, он отошел назад и улыбнулся в занавес, который временно закрыл сцену в небе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТЕЧЕНИЯ

Взгляну ли в море — вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг —
Но трупы вкруг лежат.
С. Т. Колридж (Пер. В. В. Левика)

14. ДЭННИ

Чарлз Дарт оторвался от поляризационного микроскопа и выругался. По привычке, которую он всю жизнь старался изжить, Чарлз с отсутствующим видом заложил руки за голову, ухватился за волосы и потянул. Этот обезьяний жест никто на корабле повторить бы не мог. Если бы Дарт заметил, что делает, немедленно прекратил бы.

Из экипажа в сто пятьдесят астронавтов только восемь на борту «Стремительного» имели руки... или выступающие наружу уши. И один из таких астронавтов делил сухую лабораторию с Чарлзом Дартом.

Дэнни Судман и в голову не приходило следить

за жестами Чарлза Дарта. Она давно перестала замечать его раскачивающуюся походку, скрипучий хохот шимпанзе или шерсть, покрывающую все тело.

— В чем дело? — спросила она. — По-прежнему неприятности с этими образцами из хоры?

Чарли кивнул, глядя на экран.

— Да.

Голос у него низкий и скрипучий. В лучшем случае похоже на речь человека, у которого гравий в горле. Если приходилось излагать сложную мысль, Дарт бессознательно начинал жестикулировать, как в юности.

— Ничего не пойму в этой концентрации изотопов, — проворчал он. — И минералы не на месте... металлоподобные без металлов, сложные кристаллы на глубине, где их не должно быть. Глупые запреты капитана Крайдайки не дают мне работать! Мне нужны сейсмическое сканирование и глубокий радар. — Он повернулся в кресле и выжидательно посмотрел на Дэнни, словно ожидал разрешения от нее.

Дэнни широко улыбнулась. Ее миндалевидные глаза забавно сузились.

— Конечно, Чарли. Почему бы и нет? Мы в искалеченном корабле на дне океана смертоносной

планеты, десятки флотов высокомерных и могучих патронов сражаются за право захватить нас, а вы хотите всего лишь произвести искусственное землетрясение и распространить всюду гравитационные лучи. Замечательная мысль!

— Послушайте! У меня есть идея еще лучше. Возьмем большой лист, напишем на нем «Привет, чудища! Приходите и ешьте нас!» И станем размахивать им в поднебесье. Как?

Чарли искоса взглянул на нее и косо улыбнулся, что с ним случалось крайне редко.

— О, я обойдусь лишь несколькими маленькими сейсмографическими взрывами. Ити их даже не заметят.

Дэнни рассмеялась. Чарли хочет заставить планету звенеть, как колокол, чтобы увидеть, что у нее внутри. Маленькие-премаленькие землетрясения! Скорее взрывы в несколько килотонн! Иногда Чарли казался ей таким ограниченным, что это тревожило. Но сейчас он, по-видимому, тоже развлекался.

Чарли рассмеялся, испуская короткие хриплые раскаты, которые отражались эхом от голых белых стен лаборатории. Постучал по своему столу.

Улыбаясь, Дэнни складывала бумаги в кейс на

молнии.

— Знаете, Чарли, на некотором расстоянии отсюда все время извергаются вулканы. Если вам повезет, извержение может начаться поблизости.

Чарли с надеждой посмотрел на нее.

— Вы так думаете?

— Конечно. А если ити начнут бомбить планету, чтобы добраться до нас, вы получите кучу данных, зафиксированных при близких попаданиях. Если, конечно, бомбардировки будут не настолько сильными, чтобы изучение геофизики Китрупа потеряло всякий смысл. Завидую вашему положению: и в плохом вы можете найти хорошее. А сейчас я хочу забыть о собственных исследованиях и немного поесть. Пойдете?

— Нет, спасибо. Я принес с собой. Поработаю еще немного.

— Как хотите. Но вам не помешало бы познакомиться с кораблем, вместо того чтобы сидеть все время в каюте или лаборатории.

— Я все время разговариваю с Метцем и Брукидой по видеофону, и мне совсем не нужно ходить глазеть на это детище Рюба Голдберга, которое теперь даже летать не может.

— К тому же... — подтолкнула она.

Чарли улыбнулся.

— К тому же я терпеть не могу сырость. Мне все же кажется, что вам, людям, следовало заняться собаками, после того как мы, из рода Pan, были очарованы вами. Дельфины, конечно, хороши; многие фины мои лучшие друзья. Но странно превращать их в астронавтов.

И он, умудренный печалью, покачал головой. Очевидно, считал, что весь процесс возвышения на Земле проходил бы гораздо лучше, если бы им занимались шимпанзе.

— Ну, они прекрасные космические пилоты, — возразила Дэнни. — Чего стоит космический жокей Кипиру.

— Да, и посмотрите, как дергается этот фин, когда не пилотирует. Честно, Дэнни, этот полет заставил меня задуматься, пригодны ли фины к космосу вообще. Вы заметили, как ведут себя некоторые из них с тех пор, как у нас начались неприятности? Они распустились под давлением, особенно большие стеносы Метца.

— Вы не очень милосердны, — посмеивалась Дэнни. — Никто не ожидал таких осложнений. Мне кажется, большинство финов держится великолепно. Вы только вспомните, как Крайдайки увел нас из западни у Морграна.

Чарли покачал головой.

— Не хочу. Все равно я предпочел бы, чтобы на борту было больше людей и шимпов.

Шимпы всего на столетие раньше дельфинов вышли в космос. Дэнни подумала, что и через миллион лет они будут относиться к финнам покровительственно.

— Ну, что ж, если вы не идете, я ухожу, — сказала Дэнни. Она взяла свой кейс и коснулась ладонью пластины у двери. — Пока, Чарли.

Прежде чем дверь закрылась, шимп ее окликнул.

— Кстати! Если встретите Тхаата или Сахота, попросите позвонить мне. Мне кажется, эти скрытые аномалии могут быть палеотехническими. Археологи могут заинтересоваться!

Дэнни, не отвечая, закрыла дверь. Если не отзовется, то потом она скажет, что не расслышала. Ни за что не станет разговаривать с Сахотом, что бы там Чарли не обнаружил!

И так слишком много времени отнимают у нее попытки избежать встреч с этим дельфином.

Сухие секции звездного корабля «Стремительный» обширны, хоть и используются только восемью членами экипажа. Сто тридцать дельфинов — на тридцать два меньше с момента старта

с Земли — могут посещать сухое колесо только в механических устройствах — «пауках».

Некоторые помещения нельзя заполнять оксиводой или подвергать гравитационным изменениям, как в центральном стволе в свободном полете: кое-какие запасы должны оставаться сухими, кое-где ведется горячая обработка материалов при нормальной силе тяжести. И просто нужны жилые помещения для людей и шимпа.

Дэнни остановилась на перекрестке. Посмотрела вдоль коридора, в который выходили каюты людей, и подумала, не постучать ли в дверь, вторую от нее. Если Том Орли там, она смогла бы попросить у него совета, как справиться с проблемой, которая с каждый днем становится все неприятней... как устранить необычное... внимание Сахота.

Мало кто смог бы лучше Томаса Орли разобраться в поведении нелюдей. Его официальная должность — консультант по чуждой технологии, но, совершенно очевидно, он присутствовал здесь как психолог, который должен был помочь доктору Метцу и доктору Баскин оценить работу объединенного экипажа дельфинов. Он знает китообразных и может объяснить ей, чего хочет от нее Сахот.

Том сказал бы, но...

Обычная нерешительность охватила Дэнни. Существует много причин, по которым не стоит беспокоить Тома сейчас. Конечно, то же самое можно сказать об остальном экипаже, но опыт и реноме подсказывали, что если кому-то удастся увести «Стремительный» отсюда и не дать ити захватить его, то именно Орли.

Дэнни вздохнула. Другая причина — ее смущение. Не так-то легко молодой женщине советоваться с таким человеком, как Томас Орли. Тем более просить совета насчет притязаний влюбленного дельфина.

Как бы ни был Том вежлив, он обязательно рассмеется — и попытается подавить смех. Дэнни понимала, что ситуация покажется забавной всем, кроме нее.

Дэнни быстро пошла к лифту.

«Зачем мне вообще понадобился космос? — спросила она себя. — Конечно, это неплохо для карьеры. И на Земле у меня никак не складывалась личная жизнь. Но чего же я добилась? Исследование китрупской биологии не продвигается. Над планетой кружатся тысячи пучеглазых чудищ, которые хотят спуститься и захватить нас, а возбужденный дельфин пристает ко мне

с предложениями, от которых покраснела бы Екатерина Великая».

Конечно, это нечестно, но разве жизнь бывает честной?

«Стремительный» является модификацией исследовательского корабля класса «Снарк». Сейчас используется мало «Снарков». Познакомившись с новейшими технологиями Библиотеки, земляне научились объединять старое и новое — древние галактические конструкции и прогрессивную земную технологию. Когда строились первые «Снарки», этот процесс только начинался.

Корабль выполнен в виде цилиндра с утолщениями на концах и выступающими из корпуса гребнями реальности — пять полос по пять гребней вдоль всего корпуса. В космосе эти гребни создают вокруг корабля поле стасиса. Сейчас это просто посадочные опоры; поврежденный «Стремительный» лежит на них в каньоне на дне чужого моря на глубине восемьдесят метров.

Между третьим и четвертым рядами гребней корпус раздувался, образуя сухое колесо. В открытом космосе это колесо вращается, создавая примитивное искусственное тяготение. Люди и их клиенты научились создавать такие поля, но почти все земные корабли по-прежнему

снабжены центробежными колесами. Некоторые усматривают в этом символ: земляне и их клиенты должны держаться незаметно; как подсказывают дружественные расы, эти волчата, «сироты» с Земли, отличаются от остальных.

В колесе «Стремительного» кают на сорок человек, хотя людей сейчас всего семеро и один шимпанзе. Здесь также помещения отдыха для дельфинов, бассейны, в которых можно плескаться, прыгать и предаваться сексуальным играм в свободное время.

Но на поверхности планеты колесо вращаться не может. Большая часть его помещений наклонена и неудобна. А центральный отсек корабля заполнен водой.

Дэнни поднялась в лифте по одной из спиц, соединяющих сухое колесо с центральным жестким позвоночником корабля. Этот позвоночник поддерживает открытые внутренние помещения «Стремительного». Дэнни вышла из подъемника в восьмиугольный коридор с дверьми и панелями под всеми углами и дошла до входа в центральный отсек, в пятидесяти метрах от сухого колеса по направлению к носу.

В невесомости она проплыла бы по этому коридору. Тяготение делало его странно незнакомым.

В шлюзе центрального отсека, вдоль стены в прозрачных шкафах находились космические скафандры и снаряжение для ныряния. Дэнни выбрала в своем ящике бикини, маску и ласты. В «нормальных» обстоятельствах она надела бы комбинезон, небольшой поясной ракетный двигатель и, может быть, пару широких крыльев на руки. И, прыгнув туда, могла бы долететь во влажном воздухе до любого нужного места; только, конечно, необходимо внимательно смотреть за вращающимися спицами сухого колеса.

Но теперь колесо неподвижно, а отсек заполнен чем-то влажнее воздуха.

Дэнни быстро переоделась. Потом остановилась перед зеркалом и оправилась. Она знала, что у нее хорошая фигура. Знакомые мужчины часто говорили об этом. Но чуть широковатые плечи всегда давали ей повод для недовольства.

Она улыбнулась в зеркало. Крепкие белые зубы прекрасно уравновесили темно-карие глаза.

Дэнни нахмурилась. Ямочки на щеках делают ее такой юной. Этого впечатления нужно избегать любой ценой. Она вздохнула и тщательно упрятала свои черные волосы под резиновую купальную шапочку.

Ну, с этим покончено.

Дэнни еще раз проверила замки своего кейса и вошла в шлюз. Когда она закрыла его изнутри, из отверстий в полу начала подниматься шипящая соленая вода.

Дэнни избегала смотреть вниз. Возилась с маской, закрывая лицо. Прозрачная мембрана прилегает плотно, но пропускает воздух. Девушка несколько раз быстро и глубоко вдохнула. Многочисленные гибкие пластинки по краям маски помогали извлекать достаточно кислорода из перенасыщенной оксиводы, а маленькие экраны сонаров помогают преодолевать глухоту людей под водой.

Теплая пузыристая влага поднималась по ногам. Дэнни несколько раз поправляла маску. Локтем прижала к боку кейс. Когда вода достигла плеч, девушка погрузилась с головой, закрыла глаза и сделала несколько вдохов.

Маска работала. Конечно, так было всегда. Словно дышишь густым туманом, но воздуха хватает. Чуть стесняясь этого своего ритуала и страха, Дэнни выпрямилась и ждала, пока вода скроет ее с головой.

Наконец дверь открылась, и Дэнни выплыла в большой цилиндр, где в нишах аккуратно лежали «пауки», «ходоки» и прочее дельфинье снаряже-

ние. На полках хранилось множество небольших двигателей, которыми дельфины пользуются на корабле в невесомости. Эти двигатели позволяют совершать удивительные акробатические прыжки, но на поверхности планеты, когда почти весь корабль заполнен водой, они бесполезны.

Обычно один-два фина всегда возятся со снаряжением. Удивленная пустотой, Дэнни подплыла к отверстию в дальнем конце помещения и выглянула в центральный отсек.

Большой цилиндр достигал двадцати метров в поперечнике. Не такое внушительное зрелище, как из центра одного из космических городов в поясе астероидов Солнечной системы. Но все же первое впечатление Дэнни от корабля — обширное заполненное пространство. От центральной оси к стенам отходят длинные радиальные стойки, они обеспечивают корпусу прочность и передают энергию гребням стасиса. Между этими колоннами рабочие отсеки дельфинов, огороженные гибкой сетью.

Дельфины, даже Tursiopus amicus, не любят работать в тесных помещениях. В космосе экипаж работает в невесомости в центральном отсеке, перемещаясь во влажном воздухе с помощью двигателей. Но Крайдайки вынужден был поса-

дить поврежденный корабль в океан. А значит, корабль пришлось затопить, чтобы дельфины могли подобраться к своим рабочим местам.

Многочисленные струйки выделяющихся пузырьков поднимались к потолку. Воду Китрупа тщательно фильтровали, насыщали кислородом, добавляли растворители и она превращалась в оксиводу. Неодельфины генетически приспособлены к тому, чтобы дышать ею, хотя им это не очень нравится.

Дэнни растерянно осмотрелась. Куда все подевались?

Она уловила движение. Над центральным стволом-позвоночником два дельфина и двое людей быстро плыли к носу.

— Эй! — крикнула Дэнни. — Подождите!

Дельфины остановились и одновременно повернулись к ней. Люди еще несколько мгновений плыли, потом тоже остановились и оглянулись, медленно поводя в воде руками. Увидев Дэнни, один из них махнул рукой.

— Поторопитесь, почтенный биолог! — Большой серо-черный дельфин в рабочих доспехах проплыл мимо Дэнни. Второй нетерпеливо кружил вокруг.

Дэнни поплыла изо всех сил.

— Что происходит? Кончился космический бой? Нас нашли?

Ей улыбался крепкий чернокожий мужчина. Его спутница, рослая красивая блондинка, нетерпеливо повернулась, когда Дэнни поравнялась с ними.

— Если бы мы ждали ити, разве не услышали бы тревоги? — Чернокожий посмеивался. Они поплыли рядом. Дэнни никак не могла добиться у Эмерсона Д'Анита, почему он культивирует шотландский акцент в разговоре?

Она обрадовалась, узнав, что на них не нападают, но в чем тогда дело?

Исследовательская группа! Она совершенно забыла о них, занятая своими проблемами.

— Джиллиан, они вернулись? Вернулись Тошио и Хикахи?

Женщина грациозно повернулась; Дэнни всегда завидовала этой неосознанной грации движений ее длинных рук и ног. Низкий альтовый голос хорошо слышался и в воде. Лицо у нее было мрачное.

— Да, Дэнни, они вернулись. Но четверо из них мертвы.

Дэнни ахнула. Она с усилием сдержалась.

— Мертвы? Как?.. Кто?..

Джиллиан Баскин не уменьшила скорости и бросила через плечо:

— Пока не знаем... Когда Брукида вернулся, он упомянул Фип-пита и Сассию... и сказал, что другие тоже выброшены на берег и, возможно, погибли.

— Брукида?..

Эмерсон подтолкнул ее локтем.

— А вы где были? Об этом объявили несколько часов назад, когда он только появился. Мистер Орли взял старину Ханнеса и двадцать финов, чтобы отыскать Хикахи и остальных.

— Я... наверное, спала. — Дэнни мысленно пообещала себе разорвать в клочья одного шимпанзе. Почему Чарли не сказал ей, когда она пришла в лабораторию? Наверное, сам забыл. Когда-нибудь она придушит шимпа из-за его индивидуализма.

Доктор Баскин уплыла вперед с двумя дельфинами. Она почти такой же хороший пловец, как Том Орли, и никто из остальных людей на борту не догонит ее, когда она торопится.

Дэнни повернулась к Д'Аниту.

— Расскажите мне!

Эмерсон быстро пересказал сообщение Брукиды — о водоросли-убийце, об упавшем горящем

космическом корабле и об огромных волнах. Они вызвали приступ «лихорадки спасения».

Дэнни была ошеломлена услышанным, особенно ее потряс молодой Тошио. Совершенно не похоже на него. Он, единственный на борту, казался моложе ее. И выглядел более одиноким. Гардемарин ей нравился, и она надеялась, что он не погибнет, пытаясь стать героем.

Эмерсон поделился с ней последними слухами: о спасении на острове в бурю и об аборигенах, пользующихся орудиями.

Дэнни даже перестала грести.

— Або? Вы уверены? Туземные предразумные? — Она стояла в воде, глядя на чернокожего инженера.

Они были в десяти метрах от носового выхода из центрального отсека. Доносилась какофония щелканья и свиста.

Эмерсон пожал плечами; его фигура окуталась мириадами пузырьков.

— Дэнни, почему бы нам не войти и не узнать лично? Пока я слышал только сплетни. Теперь они уже прошли деконтаминацию.

Неожиданно послышался высокий звук работающих двигателей: показалось трое саней. Они обогнули Дэнни и Д'Анита, прежде чем те смогли

пошевелиться, и унеслись, оставляя за собой пенный след.

К каждым саням в пластиковом коконе был прикреплен раненый дельфин. У двоих были страшные, грубо перевязанные разрезы на боках. Дэнни удивленно замигала, узнав в одном дельфине Хикахи, третьего офицера «Стремительного».

Санитарные сани круто повернули в центре отсека и направились к боковому выходу. На третьих санях, вцепившись в поручень, висела та самая блондинка, которая плыла с ними. Свободной рукой она прижимала диагностический монитор к боку другого раненого дельфина.

— Теперь понятно, почему Джиллиан так торопилась. С моей стороны было глупо задерживать ее.

— Не беспокойтесь. — Эмерсон взял ее за руку. — Для этих ран не нужен хирург-человек. Маканай справится с помощью противоядий.

— Но могут быть биохимические повреждения... яд... Я могу помочь.

Она повернулась, собираясь уплыть, но инженер удержал ее.

— Вас позовут, если Маканай и фем-мистеру Баскин понадобится помощь. И думаю, вы не

захотите пропустить новости, связанные с вашей специальностью.

Дэнни посмотрела вслед санитарным саням, потом кивнула. Эмерсон прав. Если она понадобится, вызов по интеркому разыщет ее повсюду и за ней пришлют сани. Они вместе с инженером подплыли к переднему выходу и оказались в помещении, полном мелькающих серых тел и пузырей.

Шлюзы на носу «Стремительного» были главной связью с внешним миром. Цилиндрические стены помещения покрыты шкафами с «пауками», санями и другим снаряжением, которое может понадобиться выходящим из корабля. Впереди виднелись три больших воздушных шлюза.

Справа и слева много места занимают скиф и баркас. Нос каждого маленького космического корабля почти касается диафрагмы, которая может выпустить его в воздух, в воду или в вакуум — куда потребуется.

Корма скифа почти касается стены двадцатиметрового помещения, а корма большего по размерам баркаса исчезает в специальном рукаве внутри корпуса «Стремительного», среди путаницы коридоров и кают.

Вверху третье место стоянки пустует. Капи-

танская гичка погибла в странном инциденте несколько недель назад вместе с десятью финами в районе, который Крайдайки назвал Мелким скоплением. Эта потеря, понесенная в ходе исследования брошенного флота, не сходила с уст последнее время.

Дэнни схватила Д'Анита за руку: мимо проплыли еще одни белые санитарные сани. Запечатанные зеленые мешки были привязаны к их корме. Бутылкообразная форма мешков не оставляла сомнений в содержимом.

«Маленького мешка нет, — подумала Дэнни. — Значит ли это, что Тошио жив?» И тут она увидела у деконтаминационного выхода молодого человека в окружении дельфинов.

— Тошио! — воскликнула она облегченно. И заставила себя продолжать более спокойно: — А рядом с ним — Кипиру? — Она указала.

Д'Анит кивнул.

— Да. Они вроде здоровы. Я думаю, Хист-та унесло течением. Какой стыд. Мы с ним дружили. — Деланная картавость Эмерсона исчезла, когда он заговорил о погибшем друге.

Он всмотрелся в толпу.

— Как вы думаете, можно найти официальный предлог, чтобы подплыть поближе? Большинство

финов уступят нам дорогу просто по привычке. Но Крайдайки — совсем другое дело. Хоть мы и патроны, он нас взгреет, если решит, что мы бездельничаем и мешаем.

Дэнни как раз об этом подумала.

— Предоставьте это мне. — Она провела его через возбужденную толпу, время от времени касаясь плавников, чтобы пройти. Фины при виде двух людей отплывали в сторону.

Дэнни смотрела на щелкающую свистящую толпу.

«Не может ли здесь быть Томаса Орли? — подумала она. — Он, и Ханнес, и Тшут участвовали в спасении. Почему же я его не вижу? Мне нужно срочно поговорить с ним».

Тошио выглядел очень усталым. Только что выйдя из деконтаминации, он разговаривал с Крайдайки и раздевался. И скоро остался в чем мать родила, не считая маски. Клочья синтетической кожи покрывали его руки, горло и лицо. Поблизости плавал Кипиру. На истощенном дельфине был дыхатель, надетый, должно быть, по настоянию врача.

Неожиданно зрители, мешавшие Дэнни смотреть, начали расплываться.

...толпа зевак...

прекратите подглядывать!

Да отыщет вас сеть Ики —

вы не работаете и не стремитесь к цели.

Дэнни и Эмерсон закачались в воде из-за внезапно разбегающихся китообразных; через несколько мгновений толпа поредела.

— Не вынуждайте меня повторять, — сказал Крайдайки вдогонку убегающим. — Здесь все сделано. Мыслите ясно и занимайтесь своей работой.

С десяток финов — персонал шлюза и помощники капитана — остались. Крайдайки повернулся к Тошио.

— Ну, маленький Гроза Акул, заканчивай свой рассказ.

Юноша покраснел, смущенный почетным титулом. Он с трудом поднял отяжелевшие веки и попытался принять стандартную стойку в течении.

— Я уже все рассказал, сэр. Мистер Орли и Тшут сообщили мне свои планы. Если корабль ити пригоден к использованию, они пришлют сани с отчетом. Если же нет, вернутся как можно неза-

метнее и привезут все, что раздобыли.

Крайдайки слегка шевелил нижней челюстью.

— Рискованная игра, — заметил он. — Им придется целый день добираться до корпуса. Может пройти несколько дней без контакта...

Из его дыхала поднимались пузыри.

— Ну хорошо. Отдохни, потом вместе поужинаем. Боюсь, что за жизнь Хикахи, а может, и нас всех, мы заплатим допросом, которому тебя бы и враги не подвергли.

Тошио устало улыбнулся.

— Я понимаю, сэр. Счастлив предоставить вам информацию, только сначала поем... и немного просохну!

— Договорились. До встречи! — Капитан кивнул и повернулся, чтобы уплыть.

— Капитан, прошу прощения! Могу я сказать слово?

Этот музыкальный голос принадлежал большому самцу-дельфину с пятнистой серой расцветкой, стеносу. Доспехи на нем гражданские, без тяжелых рук-манипуляторов, которые надевают постоянные члены экипажа. Дэнни захотелось спрятаться за Эмерсоном Д'Анитом. Она не заметила в толпе Сахота, пока он не заговорил.

— Прежде чем вы уйдете, сэр, — продолжал

дельфин небрежным тоном. — Прошу вашего разрешения отправиться на остров, на который выбросилась Хикахи.

Крайдайки с помощью ударов хвостового плавника изогнулся и посмотрел на говорящего. И скептически сказал:

— Говорящий-с-Расами, это не рыбный бар, — этот остров, где можно исправить ошибку поэзией. Раньше ты не был храбрецом. Что же случилось?

Сахот лежал неподвижно. Несмотря на свою неприязнь к гражданскому специалисту, Дэнни сочувствовала ему. Сахот отказался идти на обследование брошенного флота с обреченной группой, тогда его поступок не вызывал восхищения. Он вел себя как примадонна.

И однако оказался прав. Капитанская гичка и десять лучших членов экипажа были потеряны, и среди них второй офицер «Стремительного».

Цена этого жертвоприношения — трехметровая труба из незнакомого металла, изрытая ямками от столкновений с метеоритами за прошедшие эпохи. Ее обнаружил лично Томас Орли. Джиллиан Баскин забрала эту запечатанную находку, и, насколько знала Дэнни, ее больше никто не видел. Вряд ли это компенсирует потери.

— Капитан! — обратился Сахот к Крайдайки. — Я думаю, что даже Томас Орли не смог все тщательно исследовать. Он отправился к потерпевшему крушение кораблю, но мы должны подумать и об острове.

Нечестно! Дэнни готова заняться этим. Как профессионал, она должна была заявить...

— Правда, капитан, — продолжал Сахот, — у нас нет задачи важнее! Конечно, после спасения из западни и передачи сообщений на Землю. Вот наш долг.

Крайдайки колебался. Он, очевидно, готов был откусить Сахоту грудной плавник. Сахот словно гарпуном его ударил — произнес слово «долг» и задал вопрос-загадку. Капитан бил хвостом, испуская серию низких сонарных щелчков, словно тиканье часов. Глаза его впали и потемнели.

Дэнни не стала ждать, когда капитан отгадает загадку.

— Або! — воскликнула она.

Крайдайки повернулся и посмотрел на нее. Дэнни вспыхнула: она почувствовала как ее охватывает звуковая волна. Она знала, что эти волны проникают в ее внутренности, сообщают, чем она позавтракала. Крайдайки пугал ее. Она не чувствовала себя патроном этого умного дельфина.

Капитан развернулся и подплыл к Тошио.

— Артефакты, которые отобрал Томас Орли, по-прежнему у тебя, юный охотник?

— Да, сэр, я...

— Пожалуйста, передай их биологу Судман и Говорящему-с-Расами Сахоту. Отдохнув, забери их вместе с рекомендациями специалистов. Я сам осмотрю их за ужином.

Тошио кивнул. Капитан повернулся к Дэнни.

— Прежде чем я дам разрешение, вы должны подготовить план. Мы сможем оказать вам лишь небольшую помощь, и при малейшей опасности вы будете отозваны. Согласны?

— Д... да... нам понадобится моноволоконный кабель для связи с компьютером корабля и...

— Обговорите это с Кипиру, прежде чем он уйдет отдыхать. Он придумает что-нибудь приемлемое с точки зрения военного.

— Кипиру? Но я думала... — Дэнни посмотрела на молодого дельфина и проглотила чуть не сорвавшуюся с языка бестактность. Пилот казался очень недовольным.

— У меня есть для этого причины, фем-сэр. Как пилот он пока не очень нужен. Могу освободить его от работы здесь, чтобы он был вашим помощником... если приму ваш план.

Кипиру отвел взгляд. Тошио положил руку ему на гладкий бок. Это что-то новое. Дэнни раньше они не казались друзьями.

В ярком свете отсека сверкнули зубы Крайдайки.

— Еще соображения есть?

Все молчали.

Крайдайки забил хвостом и свистнул — команда прекратить разговор. Изогнулся и поплыл мощными гребками. Помощники последовали за ним.

Кипиру подождал, когда капитан скроется из виду. Потом обратился к Дэнни и Сахоту.

Готов к вашим услугам, найдете меня —

В моей каюте плавающим и дышащим —

После того как провожу на отдых Тошио...

Тошио улыбнулся, когда Дэнни приобняла его. Потом повернулся и уплыл, положив руку на спину Кипиру и не обгоняя медлительного дельфина.

Тут раскрылась дверь одного из лифтов, и из трубы вылетела желто-голубая фигура. Веселый

гул заполнил отсек: второй гардемарин корабля обогнул Кипиру и юношу, поплыл, сужая круги, возбужденно болтая.

— Думаешь, Тошио дадут поспать? — спросил Эмерсон.

— Конечно, нет, если Акки заставит его повторить рассказ. Это затянется до самого ужина с капитаном. — Дэнни завидовала прочным дружеским отношениям Тошио и Акки. Она смотрела, как смеется юноша, ускользая от друга; наконец они исчезли в трубе.

— Ну, сестренка, — улыбнулся Эмерсон Д'Анит Дэнни, — похоже, в вашем распоряжении группа ученых. Поздравляю.

— Еще не решено, — ответила она. — К тому же командовать будет Кипиру.

— Кипиру будет заниматься только военными делами. Это меня немного смущает. Не понимаю, чего добивается Крайдайки, давая это задание, несмотря на его поведение в последнее время. Наверно, это его способ привести беднягу в себя.

Дэнни согласилась, хотя это показалось ей несколько жестоким.

Неожиданно она почувствовала, как что-то гладкое прикоснулась к ее бедру. С криком обернулась, схватившись за горло, и вздохнула,

увидев антрополога-неодельфина Сахота. Стенос криво улыбнулся. Сверкнули его острые зубы.

У Дэнни заколотилось сердце.

— Выдох акулы! Сочинитель частушек! Занимайся любовью с грязными пробирками! — Голос ее дрожал.

Сахот отплыл, удивленный. Очевидно, не ожидал, что Дэнни так разнервничается.

— Ах, Дэнни, — вздохнул Сахот. — Я только пытался поблагодарить вас за помощь с Крайдайки. Видимо, ваши чары действуют на него сильнее моих аргументов. Простите, если я вассс испугал.

Дэнни фыркнула на эту двусмысленность. Но все же она сильно разволновалась. Пульс ее медленно приходил в норму.

— ...Неважно. Больше не подкрадывайтесь ко мне так!

Даже не оборачиваясь, она чувствовала, как за ее спиной широко улыбается Эмерсон Д'Анит.

«Мужчины! — подумала она. — Они когда-нибудь взрослеют?»

— Гм, Дэнни. — Голос Сахота звенел, как струнное трио. — Если мы вместе с экспедицией отправимся на остров, нужно обсудить один небольшой вопрос. Будете ли вы неподкупны и позволите Крайдайки предвзято выбрать научно-

го руководителя? Или дадите мне шанс? Может, мы посостязаемся?

Д'Анит кашлянул. Отвернулся и прочистил горло.

Дэнни покраснела.

— Пусть капитан решает, как лучше. К тому же... Я не уверена, что нужно отправляться нам обоим. Чарли говорил мне, что вас может заинтересовать его анализ образцов вещества коры... в верхних слоях есть следы палеотехнологии. Вам надо быстрее увидеться с ним.

Глаза Сахота сузились.

— Эт-то интереесссно. Я считал, что планета не возделывалась слишком долго и никаких следов палеотехнологии не сохранилось.

Но тут же уничтожил надежды Дэнни.

— Увы. Останки древних цивилизаций Китрупа и вполовину не так важны, как контакты с предразумными. Надо, чтобы вы, люди, имели права на них. И у нас, финов, могут появиться новые двоюродные братья еще до окончания работы с неособаками! Да поможет небо этим беднягам, если до них доберутся банду, соро или им подобные!

— И еще мы сможем лучше узнать друг друга... как профессионалы, разумеется.

Эмерсон Д'Анит снова кашлянул.

— Я слишком надолго оторвался от ремонта, ребята, — сказал он. Снова вернулась его картавость. — Мне пора к двигателям, а вы обсуждайте свои планы.

Д'Анит едва сдерживал ухмылку. Дэнни поклялась отомстить ему.

— Эмерсон! — прошипела она.

— Да, девочка? — Он невинно взглянул на нее.

Она наградила его свирепым взглядом.

— О... готова поручиться, что в вас нет ни капли кельтской крови!

Темнокожий инженер улыбнулся ей.

— Как, разве вы не знаете? Все шотландцы — инженеры, а все инженеры — шотландцы. — Он махнул рукой и уплыл, прежде чем Дэнни нашлась, что ответить.

«Черт возьми!» — про себя выругалась она. Ее подвел языковой барьер!

Когда Д'Анит исчез, Сахот подплыл ближе.

— Может, начнем планировать нашу экспедицию? — Его дыхало оказалось рядом с ее ухом.

Дэнни вздрогнула. Неожиданно она заметила, что все исчезли. Сердце Дэнни забилось быстрее, словно в маску перестало поступать достаточно воздуха.

— Не здесь! — Она отвернулась и поплыла. — Пойдем в офицерскую кают-компанию, где оборудование... и воздушные пузыри. Там человек может дышать!

Сахот держался в опасной близости от нее.

— Дэнни... — сказал он, но не стал настаивать. Напротив, запел негромкую атональную мелодию на каком-то малоизвестном диалекте тринари.

Невольно Дэнни заслушалась. Странная и необыкновенно красивая мелодия. И лишь через несколько минут стало ясно, что она к тому же и неприличная.

15. СТЕНОС

Моки, Срика-пол и Хакукка-джо проводили свободное от вахты время, как всегда в последними недели — жалуясь.

— Он сегодня опять был в моей секции, — ворчал Срика-пол, — совал свое рыло в работу. Думает, что все его действия — тайна, но все засвечивает своим кининкским звукоэхом.

Моки кивнул. Невозможно было не понять, кто такой «он».

Вечно кричит — вечно ворчит
Слагает, слагает свои ритмы
А дельфины качают хвостами
Восхищаются его логикой

Хакукка-джо поморщился. Моки редко говорит на англике, а его тринари слишком близкое к праймалу. Это неприлично.

Но Срика-пол, очевидно, согласен с Моки.

— Все эти турсиопы преклоняются перед Крайдайки. Подражают ему, стараются вести себя так, будто посвящены в логику кининка! Даже половина наших стеносов им очарована!

— Ну, если он уведет нас отсюда живыми, я прощу ему даже эти назойливые проверки, — заметил Хакукка-джо.

Моки покачал головой.

Живыми! Живыми!
В глубокие воды!
Следуйте, следуйте
За предводителем с острыми зубами!

— Потише! — Хакукка-джо развернулся и прислушался к отголоскам эха от стен помещения для отдыха. У кухонных машин виднелось несколько дельфинов. Они как будто не слышали. — Сле-

ди за своими словами! У нас и без того хватает неприятностей. Тебя обвинят в мятежных разговорах! Я слышал, как доктор Метц расспрашивал Такката-Джима о тебе!

Моки вызывающе ухмыльнулся. Срика-пол одобрил его невысказанное замечание.

— Метц ничего не сделает, — сказал Срика. — Ведь половина стеносов на борту подобрана им лично. Мы его дети. Теперь, когда Орли и Тшут отсутствуют, Хикахи в лазарете, нужно следить только за главным ослом!

Хакукка-джо испуганно огляделся.

— И ты тоже? Слушай, потише! Вон плывет Кта-Джон!

Остальные двое повернулись в ту сторону, куда он показал. Большой неодельфин направлялся к ним. Другие дельфины, поменьше, торопливо уступали ему дорогу.

— Ну и что? Он один из нас! — неуверенно сказал Срика-пол.

— Он еще и боцман! — горячо возразил Хакукка-джо.

— Но он тоже не любит ослов-турсиоп! — вмешался Моки на англике.

— Может быть, но держит это при себе. Он знает, как люди относятся к расизму.

Моки оглянулся. Этот дельфин, как и многие другие, суеверно боится патронов. Моки негромко произнес на тринари:

Спроси чернокожих —
Спроси коричневых и желтых людей
Спроси китов —
О расизме человека!

— Но это было давно! — выпалил Хакукка-джо, немного шокированный. — И у людей не было тогда патронов!

— Вот именно... — сказал Срика-пол несколько неуверенно.

Они замолчали при приближении Кта-Джона. Хакукка-джо почувствовал холодок страха при виде боцмана. Кта-Джон — трехметровый гигант, шире двух человек в обхвате. У него тупой бутылкообразный нос, и расцветка не пятнистая, как у остальных стеносов на борту, а с глубокими переходами цвета. Говорят, Кта-Джон — один из «особых» дельфинов доктора Метца.

Гигант приблизился и выдохнул множество пузырей. В раскрытой пасти показались ряды острых зубов. Остальные почти инстинктивно приняли позу покорности, отведя глаза, закрыв пасти.

— Я слышал, тут недавно дрались, — произнес Кта-Джон на подводном англике. — К счастью, мне удалось подкупить старшего боцмана С'тату редкой чувствительной лентой, и он согласился не докладывать капитану. Надеюсь, стоимость ленты покроет кто-нибудь из заинтересованных...

Моки раскрыл было пасть, но Кта-Джон оборвал его:

— Никаких объяснений! С'тата вправе обвинить тебя. Ты укусил его сзади!

Пусть посмеет! Пусть посмеет!

Трусливая турсиопа!

Пусть посмеет...

Моки не успел закончить, как Кта-Джон ударил его. Он отлетел на несколько метров, извиваясь от боли. Кта-Джон подплыл к нему и негромко сказал:

— Ты тоже турсиопа! Так в Библиотеке зарегистрирован весь наш вид! Tursiopusss amicusss... «Дружественные бутылконосые». Спроси доктора Метца, если не веришь. Ты позоришь всех, имеющих гены стеносов, на борту... помощника капитана Такката-Джима и меня самого, например, — тем, что ведешь себя, как животное, и я

покажу тебе, что такое дружественные бутылконосые! Я сделаю из твоих кишок снасти!

Моки задрожал и отвернулся, крепко сжав челюсти.

Кта-Джон окинул фина презрительным всплеском сонара, повернулся и взглянул на остальных. Хакукка-джо и Срика-пол притворились, что наблюдают за яркими декоративными гарибальди и морскими ангелами, которым позволялось жить в центральном отсеке. Хакукка-джо негромко свистнул.

— Перерыв заканчивается! — рявкнул боцман. — Возвращайтесь к работ-те! А ненавистью своей упивайтесь в личное время! — Он повернулся и уплыл, а возникшая при этом волна чуть не перевернула остальных.

Хакукка-джо посмотрел ему вслед и испустил долгий неслышный вздох.

«На время поможет, — думал Кта-Джон, торопясь на свой пост в грузовой секции. — Теперь Моки будет поспокойнее. Лучше бы он не выставлялся.

Меньше всего ему и Такката-Джиму нужны сейчас проявления расизма и подозрительности. Ничто так не объединит людей, как эти проявления.

Да и Крайдайки обратит внимание. Такката-Джим настаивает, чтобы мы позволили капитану еще раз попробовать благополучно вернуть нас домой.

Ну хорошо, я могу подождать.

А если у капитана не получится? Что если он будет продолжать требовать от экипажа самопожертвования? Мы ведь не нанимались в герои.

В таком случае кто-то обязан предложить альтернативу. Такката-Джим пока упрямится, но это ненадолго».

Когда наступит время, им понадобится поддержка кого-то из людей, а расизм Моки может помешать. Кта-Джон решил внимательно наблюдать за стеносом, чтобы в случае чего склонить его к покорности.

Хотя как приятно было бы со временем отгрызть хвост какой-нибудь проклятой трусливой лицемерной турсиопе!

16. ГАЛАКТЫ

— Возрадуйтесь! — напевал четвертый Брат Эбеновых Теней. — Возрадуйтесь: пятый спутник маленькой пыльной планеты завоеван!

Братья Ночи доблестно сражались за этот ка-

мень преткновения, здесь они установят свою неодолимую мощь и сотрут с лица неба всех еретиков и осквернителей. Спутник предопределяет овладение добычей! Она будет принадлежать им, и только им!

Ни один спутник в системе Ктсимини не обладает такими свойствами, как этот: кора почти на один процент состоит из недоступного. Уже тридцать кораблей Братьев высадились на него и приступили к созданию Оружия.

Как всегда, ключ дала Библиотека. Циклически оглядываясь назад, четвертый Брат Эбеновых Теней наткнулся на смутное упоминание изобретения, которое использовалось в войне двух давно исчезнувших рас. Полжизни он выяснял подробности, потому что Библиотека — это настоящий лабиринт. Но теперь он получит свою награду!

— Возрадуйтесь! — Возглас отдавался гулким эхом. Это был гимн торжества, он должен быть услышан, и действительно, кое-кто из сражающихся заметил, что в углу системы Ктсимини происходит нечто необычное. Самая яростная схватка развернулась у стратегически важного газового гиганта и у самого Китрупа, но кое-кто начал посылать разведчиков, чтобы выяснить,

что задумали Братья Ночи.

— Пусть приходят и смотрят! Теперь уже все равно!

Какое-то время за ними следил корабль соро. Может, догадался об их цели?

— Никогда! Упоминания весьма неконкретны! Наше новое оружие слишком долго пролежало незамеченным в пыльных архивах. Они начнут догадываться, когда эта луна задрожит на пятнадцатом уровне вероятности и будет посылать волны, которые разнесут на клочки их флоты. Тогда их корабельные Библиотеки, конечно, вспомнят, но будет уже поздно!..

Брат Эбеновых Теней следил в пространстве, как завершается сооружение генератора и корабли посылают в него свою объединенную энергию. Он чувствовал, как возникает волна...

— Что они делают? Что делают эти презираемые прародителями соро?..

Инструменты показывали, что Братья Ночи не одни на пятнадцатом уровне! От корабля соро донеслась волна, слабое эхо того, что происходило на спутнике.

И пятнадцатый уровень начал действовать. Невероятно, но он действовал в ритме, заданном соро!

Братья на поверхности старались перекрыть свой сигнал, но было уже слишком поздно! Маленькая луна задрожала и начала раскалываться. Разлетелись огромные скалы, разбивая на своем пути корабли.

— Как они узнали? Откуда?..

И тут Брат Эбеновых Теней понял. Давным-давно, когда он только начинал свои поиски нового оружия, ему здорово помогал библиотекарь... пила. Он всегда давал очень полезные советы, добывал ссылки. Тогда Брат не придал этому значения. Библиотекари и должны помогать, сохраняя нейтралитет.

— Но пила — клиенты соро... — понял Брат. — Крат знала все заранее...

Он отдал приказ уцелевшим кораблям укрыться.

— Это только небольшая задержка. Мы еще посмотрим, кто пленит землян!

Маленькая луна продолжала рассыпаться.

17. ТОМ ОРЛИ

Ханнес Свесси лежал ничком на тяжелых рабочих санях рядом с Томасом Орли. Худой лысеющий инженер жестом указал на корпус

потерпевшего крушение корабля.

— Теннанинский корабль, — сказал главный инженер. — Несомненно, сильно поврежден. Видите? Никаких якорей объективности, только проекторы стасиса на главном гребне. Теннанинцы очень боятся изменять реальность. Этот корабль не предназначен для использования вероятностного двигателя. Определенно, теннанинец или их клиент или союзник.

Дельфины кружили поблизости, по очереди пользуясь воздушными пузырями под санями, и испускали негромкие сонарные щелчки, поглядывая на гигантский наконечник стрелы под собой.

— Я думаю, вы правы, Ханнес, — сказал Том. — Это бегемот.

Поразительно, но корабль не раскололся. Падая в океан на скорости в пять Махов, он отскочил от двух островков, оставив на них заметные впадины, и провел глубокую борозду на океанском дне прежде чем застрял в пеларгической грязи, чуть-чуть не столкнувшись с крутым утесом. Стена утеса казалась непрочной и опасной. Еще один толчок, несомненно, обрушит ее, и корабль будет полностью погребен.

Орли знал, что это чудо объясняется свойства-

ми стасисных щитов теннанинца. Даже погибая, теннанинский корабль продолжал бороться. В баталиях эти корабли неповоротливы, медлительны, но уничтожить их полностью так же трудно, как тараканов.

Степень повреждений пока трудно определить. Глубже приповерхностных слоев океана становилось темно. Фины не могли включить дуговые лампы, пока Тшут не убедится, что это безопасно. К счастью, корабль лежит неглубоко, чтобы к нему можно было спускаться, но в то же время достаточно глубоко, чтобы не увидеть его сверху.

Розовобрюхая бутылконосая самка дельфина подплыла к саням. Задумчиво повела мордой.

— Поразительно, верно, Том? — сказала она. — Он должен бы разбиться на миллиард кусков.

На этой глубине голоса финов звучали удивительно ясно. Всплески пузырей из дыхал и щелчки сонаров вместе с телодвижениями позволяли произносить сложные фразы. Для человека, живущего на суше, подводная речь неодельфинов похожа скорее на звуки настройки оркестра авангардистов, чем на производное английского языка.

— Вы думаете, мы сможем им воспользоваться? — спросил офицер-дельфин.

Орли снова посмотрел на корабль. Очень вероятно, что воюющие над Китрупом не заметили, куда упала стрела. У него уже появилось несколько смутных идей. Одна из них может оказаться достаточно смелой, неожиданной — и безумной, чтобы осуществиться.

— Давайте осмотрим его получше, — предложил он. — Я думаю, нужно разбиться на три группы. Первая будет проверять все источники излучения, особенно вероятностного, пси и нейтрино, и обезвреживать их. А также поищет оставшихся в живых, хотя это и кажется маловероятным.

Свесси фыркнул, глядя на корпус. Орли продолжал:

— Вторая группа будет отбирать все полезное. Ее возглавит Ханнес вместе с Ти-Тча. Они поищут монополи и очищенные металлы, которые мог бы использовать «Стремительный». Если повезет, могут отыскать заменители колец, которые нам так нужны. С вашего разрешения, Тшут, я возьму группу три. Мне нужно проверить целостность корабля и осмотреть окрестности.

Тшут согласно щелкнула челюстями.

— У вас хорошая логика, Том. Так и сделаем. Я оставлю у саней Лаки Ка на всякий случай.

Остальные немедленно разобьются на группы.

Орли схватил грудной плавник Тшут, когда она уже собиралась высвистывать приказ.

— Пожалуй, лучше всем надеть дыхатели. Конечно, будет трудно общаться на англике, но я предпочитаю это. Иначе все начнут подниматься за воздухом, а при этом можно пораниться.

Тшут поморщилась, но отдала приказ. В отряд входили дисциплинированные дельфины, отборные члены экипажа «Стремительного», так что они только немного поворчали и негодующе выпустили несколько струй пузырей, надевая воздушные шланги.

Том слышал о существовании дыхателей, в которых подача воздуха происходила без помех для речи. Если бы было время, он попробовал бы соорудить такой. Ему нетрудно говорить на тринари, но по опыту он знал, что финам трудно передавать технические сведения; они могут это делать только на англике.

Старый Ханнес ворчал. С неприкрытым недовольством он передавал дыхатели. Конечно, главный инженер тоже владеет тринари, но для него трехступенчатая логика этого языка затруднительна. К тому же он бездарный поэт. И, конечно, его не привлекала перспектива вы-

свистывать плохо срифмованные технические подробности.

Отряд уменьшился. Несколько отобранных офицеров и членов экипажа вернулись на корабль, сопровождая Тошио, Хикахи и остальную добычу волн. В отряде оставалось меньше двадцати финов. Если возникнет опасность, им придется выкручиваться самостоятельно. Помощь со «Стремительного» вовремя не придет.

«Хорошо бы Джиллиан была здесь, — размышлял Том. — Конечно, осмотр кораблей чужаков не ее дело, но она знает финов и сможет справиться с ними, если ситуация того потребует.

Правда, у нее хватает работы на борту. Она пытается решить загадку миллиардолетней мумии, существование которой вообще непонятно. А в случае чрезвычайных происшествий Джилл единственная на борту, исключая, возможно, Крайдайки, знает о существовании компьютера Нисса и понимает, что его интерпретация данных обойдется им слишком дорого».

Том улыбнулся: он поймал себя на том, что опять пытается оправдаться.

Да, существуют причины, согласно логике которых мы должны тут оказаться вдвоем. Прими это как должное. Выполняй свою работу, и, может

быть, через несколько дней вернешься к ней.

Когда они встретились будучи еще подростками, не возникло и тени сомнения, что они — подходящая пара. Он иногда гадал, не запланировано ли это заранее подбором соответствующих гамет, чтобы две растущие зиготы потом так превосходно совпали — вплоть до простейшей телепатии, которой они обладают.

Вероятно, это счастливый случай. Планирование человека генетически очень ограничено — законом и обычаем. Но случай это или нет — Том был благодарен. Работая агентом Совета Земли, он понял, что вселенная полна опасностей и разочарований. Слишком редко у разумных — даже приспособленных для этого — встречается любовь.

Как только дыхатели были распределены, Том с помощью санных микрофонов усилил свой голос.

— Теперь запомните: хотя все галактические технологии основаны на данных Библиотеки, это собрание настолько огромно, что в корпусе корабля может оказаться любая машина. Ко всему относитесь как к западне, пока не поймете назначение и не убедитесь в безопасности.

— У группы один — после того, как корабль

замолчит, — главная цель — найти боевой компьютер. В нем может храниться запись о развертывании боя наверху. Возможно, это ценная для капитана информация.

— И все ищите иероглиф Библиотеки. Если увидите этот символ, пожалуйста, отметьте место и сообщите мне. Мне хотелось бы взглянуть на их микроветвь.

Он кивнул Тшут.

— Согласны, лейтенант?

Четвертый офицер «Стремительного» щелкнула челюстью и кивнула. Она оценила вежливость Орли, но скорее откусила бы себе хвост, нежели не согласилась бы с каким-нибудь его предложением. Экспедиция на «Стремительном» — первая, которой командуют дельфины. Однако, в самом начале было ясно, что некоторые люди присутствуют на борту в качестве патронов.

Она произнесла на тринари:

Группа один, со мной, —
Мешаем слушающим вверху
Группа два, со Свесси, —
Отыскиваем сокровища
Группа три, с Орли, —
Осуществляем его планы

Не оставляйте ничего земного —
Не выдавайте наше присутствие
Если вынуждены испражняться —
Уберите за собой
Вначале думайте, потом действуйте
И пусть ваша логика будет ясна и страстна.
А теперь, экипаж «Стремительного», —
За работу!

Все три группы строго по порядку разошлись. Минуя сани Орли, они делали в воде «бочку». И во исполнение его приказа слышалось только быстрое щелканье сонаров китообразных.

Орли подвел сани на сорок метров к корпусу. Потом хлопнул Ханнеса по спине и отодвинулся в сторону.

Что за прекрасная находка — этот корабль! Орли с помощью лучевого спектрографа исследовал состав металлов в разрыве корпуса. Измерив период бета-полураспада, он присвистнул так, что ближайшие фины с любопытством оглянулись. Он приблизительно представлял себе первоначальный состав сплава и степень под-

верженности нейтрино с момента изготовления, но самые осторожные подсчеты показывают, что корабль был изготовлен по крайней мере тридцать миллионов лет назад!

Том покачал головой. Только обнаруживая такие факты, понимаешь, насколько человечество отстало от галактов.

«Нам нравится считать, что расы, пользующиеся Библиотекой, лишены воображения и инициативы», — думал Орли.

В целом это верно. Слишком часто галакты кажутся неповоротливыми и неизобретательными. Однако...

Он смотрел на громоздкий темный корпус космического корабля и размышлял.

Легенда утверждает, что прародители провозгласили всеобщее стремление к поиску знаний, прежде чем много эпох назад удалились в неизвестность. Но на практике большинство рас в этом случае обращается к Библиотеке и только к ней. И ее запас пополняется очень медленно.

Какой смысл искать, если то, что мы ищем, уже тысячи раз найдено нашими предками? Очень просто, например, разыскать в Библиотеке конструкцию космического корабля и слепо ее копировать, понимая лишь малую часть того,

что сооружаешь. У Земли есть несколько таких кораблей, и они настоящее чудо.

Совет Земли, курирующий взаимоотношения земных рас с галактами, однажды чуть не поддался этому искушению. Многие считали, что нужно просто заимствовать у галактов конструкции, которые они сами заимствовали у более древних рас. Они приводили в пример Японию, которая в девятнадцатом веке оказалась перед аналогичной проблемой — выжить среди наций, несравненно более могущественных. Япония периода Мэйдзи сосредоточила все усилия на том, чтобы повторить достижения соседей, и в конце концов достигла их уровня.

Но большинство членов Совета, включая почти всех китообразных, не согласилось. Им Библиотека казалась бочкой меда с ложкой дегтя — заманчиво, питательно, но в то же время смахивает на ловушку.

Они опасались синдрома Золотого века… стремления смотреть не вперед, а назад… искать мудрости в древних, самых пыльных текстах, а не в новейших журналах.

За исключением немногих рас, таких, как кантен или тимбрими, остальной Галактике присущ именно такой менталитет. В любой проблеме

Библиотека — первый и последний источник знаний и решений. То, что в этих древних текстах почти всегда имеется что-то полезное, не делало такую перспективу приемлемой для многих землян, включая Тома, Джиллиан и их старого учителя Джакоба Демва.

Представители Земли были убеждены, что даже в этот поздний период развития галактики возможны и необходимы новации. Так им казалось. Раса, выросшая без покровительства, раса волчат, отличается болезненной гордостью.

У сирот кроме нее часто ничего нет.

Но вот перед ними предвестник Золотого века. Все на корабле говорит об утонченности. Даже разрушенный, он кажется удивительно простым по конструкции и в то же время прекрасным. Глаз не видит никаких швов. Распорки и стойки многофункциональны. Вот эта поддерживает гребень стасиса и одновременно служит радиатором для сброса избыточного вероятностного излучения. Орли казалось, что он видит и другие совмещения, тонкости, которые достигаются только веками усовершенствований древнего образца.

Во всем чувствовались показуха, упадочнический дух, хвастовство, которое казалось не просто

чуждым, но высокомерным и причудливым.

Одна из главных задач Тома на борту «Стремительного» — оценка неизвестных механизмов, особенно военных. Это не лучшее, чем располагает галактика, но он все равно ощущал себя в роли охотника за головами с Новой Гвинеи, гордый своим только что приобретенным мушкетом, правда, сознающим, что существуют и пулеметы.

Том посмотрел наверх. Его группа собралась. Он включил свой гидрофон.

— Все готово? Хорошо. Подгруппа два, проверьте, как далеко уходит этот каньон. Он намного сокращает нам обратную дорогу к «Стремительному».

Он услышал ответный свист Караччи-джефа, командира второй подгруппы. Хорошо. Это надежный фин.

— Будьте осторожней, — добавил он, когда они отплывали. Потом поманил остальных за собой в корпус сквозь выжженную дыру.

Они оказались в темных коридорах на удивление знакомых очертаний. Повсюду признаки общей галактической культуры, со следами стилей чуждой расы. Световые панели такие же, как на сотнях других кораблей, но между ними

причудливые и яркие теннанинские иероглифы.

Орли старался увидеть все сразу. Но прежде всего он искал символ, который может быть повсюду в пяти объединенных галактиках, — спираль с лучами.

«Мне скажут, если ее найдут, — напомнил себе Том. — Фины знают, что я ею интересуюсь».

«Надеюсь, однако, они не догадываются, насколько важно мне увидеть этот иероглиф».

18. ДЖИЛЛИАН

— То есть как это зачем? А? Вы не очень-то хотите мне помочь. Я прошу только минуту на разговор с Брукидой. Разве это много?

Джиллиан Баскин чувствовала усталость и раздражение. На нее смотрело голографическое изображение планетолога шимпа Чарлза Дарта. Конечно, нетрудно разбранить Чарли и заставить его отвязаться. Но он, вероятно, пожалуется Игнасио Метцу, а Метц прочтет ей лекцию о том, что «нельзя так относиться к разумным, потому что они клиенты».

Вздор. Джиллиан ни от одного человека не потерпела бы того, что выносит от этого важничающего маленького неошимпа!

Она отбросила упавшую на лоб прядь темных волос.

— Чарли, в последний раз. Брукида спит. Он получил ваше сообщение и свяжется с вами, когда Маканай решит, что он достаточно отдохнул. Тем временем я хочу получить от вас список избыточных изотопов всех трансжелезных элементов на Китрупе. Только что кончилась четырехчасовая операция Сатимы, и нам нужна эта последовательность для лечения. Мне нужно как можно быстрее убрать из ее тела все следы тяжелых металлов. Если я прошу слишком много и вы переработали, решая свои маленькие геологические загадки, я свяжусь с капитаном или с Такката-Джимом и попрошу, чтобы они дали кого-нибудь вам в помощь!

Ученый-шимп скорчил гримасу. Губы его раздвинулись, обнажив внушительные ряды больших желтоватых зубов. В этот момент, несмотря на увеличенный объем черепа, выступающую челюсть и противопоставленные пальцы, он больше походил на разгневанную обезьяну, чем на ученого.

— Ну ладно. — Его раздирали эмоции, руки заметались, голос дрожал. — Но... но это важно! Понимаете? Я считаю, что на Китрупе обитали

разумные технологические существа не позднее тридцати тысяч лет назад! А в Галактическом Институте Миграции эта планета числится невозделанной и нетронутой уже сто миллионов лет!

Джиллиан подавила желание спросить: «Ну и что?» В истории пяти галактик гораздо больше погибших и забытых рас, чем может подсчитать Библиотека.

Чарли, должно быть, разгадал выражение ее лица.

— Это незаконно! — закричал он. Голос его звучал хрипло. — Если это верно, следует сообщить в Институт Миграции! Он будет благодарен; может быть, даже уберет от нас этих сумасшедших фанатиков сверху!

Джиллиан удивленно подняла бровь. Что это? Чарли Дарт задумался над чем-то, кроме своей работы? Значит, даже он время от времени думает о выживании. Его рассуждения насчет законов миграции наивны, учитывая, что часто эти законы искажались и нарушались могущественными кланами. Но все же он до чего-то додумался.

— Хорошо. Неплохая мысль, Чарли, — кивнула она. — Я обедаю с капитаном. И расскажу ему об этом. И попрошу Маканай разбудить Брукиду пораньше. Хорошо?

Чарли подозрительно посмотрел на нее. Потом, неспособный долго удерживать такое тонкое выражение, широко улыбнулся.

— Хорошо! — проворчал он. — Факс будет у вас в руках через четыре минуты. Доброго здоровья.

— Здоровья, — негромко ответила Джиллиан, и голограмма погасла.

Джиллиан долго смотрела на пустой экран коммуникатора. Поставив локти на стол, она уткнулась лицом в ладони.

«Ифни! Надо было мягче урезонить сердитого шимпа. Что со мной случилось?»

Джиллиан слегка потерла глаза.

«Ну, во-первых, я не спала уже тридцать шесть часов».

Не очень помог и долгий бесплодный спор о семантике с проклятой саркастической машиной Тома — Ниссом. Ей нужна была помощь только в толковании нескольких смутных упоминаний в Библиотеке. Машина знает, что ей необходимо, чтобы разгадать загадку Херби, древнего трупа, лежащего под стеклом в ее личной лаборатории. Но она меняет тему, спрашивает мнение Джиллиан о множестве несущественных проблем, например, о сексуальных обычаях человека. Когда разговор закончился, Джиллиан хотелось

голыми руками разобрать эту машину.

Том, наверно, не одобрит этого, поэтому пришлось отказаться.

Она уже собиралась ложиться спать, когда поступил срочный вызов от шлюза. И ей пришлось помогать Маканай и автоврачам заботиться о выживших из исследовательского отряда. Беспокойство о Хикахи и Сатиме прогнало весь сон, пока операции не кончились.

Теперь, когда они вне опасности, Джиллиан больше не может пользоваться адреналином, чтобы заполнить пустоту сегодняшнего дня.

«Не время наслаждаться одиночеством», — подумала она. Подняла голову и посмотрела на свое отражение в темном экране. Глаза ее покраснели. Конечно, от работы, но и от беспокойства.

Джиллиан хорошо знала, как с этим справиться, но решение было бы искусственно. А инстинкт требует тепла, удовлетворения физического желания. Хочется, чтобы кто-то прижал ее к себе.

Она подумала, испытывает ли сейчас то же самое Том. Конечно, испытывает; между ними телепатическая связь, и Джиллиан его очень хорошо знает. Он того же типа.

Но иногда Джиллиан кажется, что с ним у планировщиков получилось удачнее, чем с нею.

Ее все считают исключительно компетентной, но перед Томом просто преклоняются. В такие минуты, как сейчас, эйдетическое восприятие мира казалось скорее проклятием, чем благословением. Джиллиан думала, так ли уж она не подвержена неврозам, как гарантируют планировщики-изготовители.

Принтер факса у нее на столе выдал листок с текстом. «Распределение изотопов, обещанное Чарли, появилось на минуту раньше», — отметила Джиллиан. Хорошо. Почти никаких отклонений от архивного отчета о Китрупе в Библиотеке. Она их и не ожидала, но проверить никогда не мешает.

Краткое примечание поясняло, что оценки относятся только к поверхностным частям коры, для глубин более двух километров они неточны.

Джиллиан улыбнулась. Когда-нибудь дотошность Чарли спасет их всех.

Она вышла из своего кабинета на парапет, обрамляющий большое открытое помещение. Центральную часть помещения заполняла вода. Они заканчивалась в двух метрах под парапетом. Из воды торчали громоздкие машины. Верхняя часть помещения, включая кабинет Джиллиан, была недоступна для дельфинов — разве что в

«пауке» или в «ходоке».

Джиллиан не стала возиться с маской. Посмотрела вниз и нырнула в промежуток между двумя рядами автоврачей. Большие продолговатые гласситовые контейнеры были тихи и пусты.

Водные пути в лазарете мелкие, чтобы дать возможность дышать открыто и проводить «сухую» хирургию. Джиллиан плыла сильными длинными гребками, держась за угол машины на поворотах, и проплыла в секцию травм.

Она вынырнула, широко раскрыв рот, набрала воздух, потом подплыла к стене из толстого свинцового стекла. В плотно закрытом антигравитационном танке плавали два дельфина.

Один, окруженный множеством шлангов, был, видимо, под наркозом. Второй весело засвистел, увидев Джиллиан.

— Приветствую, Очистительница Жизни! Твои лекарства жгут вены, но сердце астронавта радует невесомость. Спасибо!

— Добро пожаловать, Хикахи! — Джиллиан легко держалась на воде, не хватаясь за перила. — Не слишком привыкай к комфорту. Боюсь, мы с Маканай очень скоро тебя отсюда выпроводим — в наказание за такой железный организм.

— В противоположность висмуту и кадмию?

— Хикахи рассмеялась.

Джиллиан тоже.

— Действительно. Твоя выносливость тебе может здорово навредить. Не успеешь оглянуться, предстанешь перед капитаном. Будешь стоять на хвосте и глотать пузыри.

Хикахи улыбнулась легкой улыбкой неофина.

— Ты уверена, что не слишком рискованно было включать этот антигравитационный танк? Не хотела бы я вместе с Сатимой нести ответственность, если нас засекут.

— Успокойся, фем-фин. — Джиллиан покачала головой. — Мы трижды проверили. Буи, проверяющие утечку излучения, ничего не заметили. Отдыхай и не волнуйся.

— Да, я слышала, капитан собирается послать небольшую группу на твой остров, чтобы осмотреть этих предразумных, которых ты нашла. Я подумала, тебе будет интересно. Это значит, что капитана сейчас галакты не очень волнуют. Космическое сражение, возможно, затянется, а мы сможем прятаться бесконечно.

— Но бесконечно оставаться на Китрупе — не так я представляю рай. — Хикахи иронично приоткрыла рот. — Если это хорошая новость, пожалуйста, предупреди меня, когда новости

будут дурные.

Джиллиан рассмеялась.

— Хорошо. А теперь тебе нужно поспать. Выключить свет?

— Да, пожалуйста. Джиллиан, спасибо за новости. Я считаю очень важными контакты с аборигенами. Надеюсь, экспедиция закончится успешно.

— Скажи Крайдайки, что не успеет он открыть банку с тунцом, как я вернусь на пост.

— Скажу. Приятных снов, дорогая. — Джиллиан коснулась пластины, и свет постепенно померк. Хикахи мигнула, засыпая.

А Джиллиан направилась в другую часть лазарета, где Маканай принимает обеспокоенных здоровьем членов экипажа. Джиллиан покажет ей распределение изотопов, присланное Чарли, а потом вернется в лабораторию и еще немного поработает.

Хотелось лечь, но она знала, что долго не уснет. В настроении, подобном ее сегодняшнему, ложиться не следует.

Логика — благословение и проклятие ее воспитания. Она знала, где находится Том. Он пытается спасти их всех. И он это знает. Ему пришлось спешно уехать, и не было времени отыскать ее и

попрощаться.

Джиллиан понимала и повторяла все это, плывя к себе. Но все равно не могла избавиться от мысли, насколько непривлекательна ее пустая постель.

19. КРАЙДАЙКИ

— Кининк — это наука о взаимоотношениях, — сказал он аудитории. — Это часть нашего дельфиньего наследия. Но кининк — это также умение сравнивать. Эту часть мы заимствуем у своих человеческих патронов. Кининк — это такой же синтез взглядов мировоззрений, как и мы сами.

Перед ним плавали примерно тридцать неодельфинов, из их дыхал поднимались пузыри, слышались щелчки сонаров.

Поскольку людей не было, Крайдайки не нужно было выдерживать четкие согласные и долгие гласные стандартного англика. Но, перенесенные на бумагу, его слова доставили бы удовольствие любому специалисту по английской грамматике.

— Подумайте об отражениях от поверхности океана, где вода встречается с воздухом, — предложил он своим ученикам. — Что говорят нам

эти отражения?

Они смотрели удивленно.

— Как вы думаете, что я имею в виду? Говорю ли я об отражениях снизу, из-под воды, или сверху? Более того, я говорю об отражениях света или звука?

Он повернулся к одному из дельфинов.

— Ватгасети, представь себе, что ты один из наших предков. Какая комбинация пришла бы тебе в голову?

Техник-двигателист мигнул.

— Звуковые отражения, капитан. Предразумный дельфин подумал бы о звуковых отражениях от поверхности воды.

Голос техника звучал устало, но Ватгасети продолжал посещать занятия в лихорадочном стремлении к самоусовершенствованию. Именно для таких финов, как Ватгасети, очень занятой капитан находил время для лекций.

Крайдайки кивнул.

— Совершенно верно. А что подумают об отражениях люди?

— Об отражении света сверху, — тут же ответил повар кают-компании С'тат.

— Весьма вероятно, хотя мы знаем, что даже некоторые из «большеухих» со временем могут

научиться слушать.

Все рассмеялись этой беззлобной шутке над патронами. Смех — барометр состояния экипажа, и капитан сверялся с ним, как мог бы измерить массу топливной пластины, зажав ее между зубами.

Крайдайки впервые заметил, что к группе подплыли Такката-Джим и Кта-Джон. И почувствовал смутную опасность. Такката-Джим сообщил бы ему, если бы происходило что-то важное. Но он как будто собрался просто послушать.

Если это признак начала конца его необъяснимой депрессии, Крайдайки рад. Он держал Такката-Джима на корабле, не отсылая сопровождать Орли в группе спасателей, потому что не хотел упускать его из виду. И изредка подумывал о том, что пришла пора менять своих помощников.

Он подождал, пока стихнет смех.

— А теперь подумайте. В чем мысли людей об отражении от поверхности воды аналогичны нашим?

Слушатели принялись сосредоточенно соображать. Это будет предпоследнее задание. Теперь, когда так много ремонтных работ, у Крайдайки было сильное искушение прекратить занятия. Однако очень многие хотят изучать кининк.

В начале полета в занятиях, играх, атлетических состязаниях участвовали почти все. Это помогало разгонять скуку космического перелета. Но после страшного происшествия в Мелком скоплении, когда десять членов экипажа погибли при исследовании брошенного флота, многие стали обособляться, и экипаж разбился на мелкие группы. У некоторых даже начал проявляться странный атавизм — затруднения при использовании англика и при необходимости сосредоточиться, что так важно для астронавта.

Крайдайки вынужден был даже менять расписание, подыскивая замены. Он поручил Такката-Джиму обеспечить пострадавших работой. Помощнику капитана это задание как будто понравилось. С помощью боцмана Кта-Джона он находил занятие даже для наиболее потерпевших.

Крайдайки внимательно вслушивался в плеск плавников, бульканье легких-жабр, ритм сердечных ударов. Такката-Джим и Кта-Джон плавали спокойно и, похоже, сосредоточенно. Но Крайдайки чувствовал скрытое напряжение.

Крайдайки вздрогнул, неожиданно представив себе мрачный взгляд помощника капитана и большие острые зубы боцмана. Подавил дрожь,

браня себя за разыгравшееся воображение. У него нет оснований опасаться кого-либо из этих двоих!

— Мы размышляем о приграничных отражениях воздух-вода. — Он торопливо возобновил лекцию. — И дельфины, и люди думают о барьере, когда представляют себе поверхность воды. По другую сторону находится малодоступная область. Но современный человек, владея соответствующими средствами, не боится воды, как некогда. Неофин, владея своим снаряжением, может жить и работать в воздухе и смотреть под воду, не испытывая неудобств.

— Подумайте, как развивалась ваша мысль, когда вы услышали вопрос. Вначале вы подумали о звуковых отражениях снизу. Наши предки на этом бы и остановились, но вы стали размышлять о возможных альтернативах. Это основной признак существа, способного планировать. Для нас это новое качество.

Таймер на доспехах Крайдайки зазвенел. Становится поздно. Хотя Крайдайки и устал, ему предстоит совещание, а потом нужно заглянуть на мостик и узнать, нет ли новостей от Орли.

— Как китообразное, чья наследственность и само устройство мозга позволяют только интуи-

тивно мыслить, учится анализировать сложную проблему шаг за шагом? Иногда ключевой метод — умение сформулировать вопрос. Потренируйтесь в свободные минуты.

— Попробуйте сформулировать проблему отражений от поверхности воды на тринари... таким образом, чтобы требовался не просто ответ или трехуровневая диспозиция, но самое простое перечисление возможных отражений.

Он увидел, что несколько финов смущенно нахмурились.

Капитан ободряюще улыбнулся.

— Я знаю, звучит трудно. И я не прошу вас это сделать сразу. Но, чтобы представить себе, как это делается, воспримите эхо этого сна.

Разделяющий слой
небесная звезда — морская звезда
Что первым придет к нам
под узким углом?

Охотящийся хватающий звезды спрут
Отражается!

Призывающий ночь поворот звезд
Отражается!

Звездный свет в глазах моей любимой
Отражается!

Солнце, беззвучное, позирующее солнце
Отражается!

Крайдайки был награжден широко раскрытыми глазами высоко оценившей его аудитории. Уходя, он заметил, что даже Такката-Джим медленно качает головой, словно обдумывая мысль, которая раньше никогда не приходила ему в голову.

После совещания Кта-Джон настаивал на своих аргументах.

— Видели? Ссслышали его, Такката-Джим?

— Видел и слышал, боцман. Как обычно, он произвел на меня впечатление. Крайдайки гений. Так что вы хотели мне сказать?

Кта-Джон хлопнул челюстями, — не очень вежливо по отношению к старшему офицеру.

— Он ничего не сказал о галактах! Ничего об осаде! Ничего о планах отхода. Или, если уж на то пошло, о плане сражения! И совершенно игнорировал растущую разобщенность экипажа!

Такката-Джим выпустил длинную струю пузырей.

— Которую вы очень умело организуете, Кта-Джон. Не трудитесь изображать невинность. Вы действовали тонко, и я знаю, что вы старались создать базу для меня. Поэтому я закрывал глаза. Но не слишком рассчитывайте, что Крайдайки этого долго не заметит. А когда заметит, Кта-Джон, берегите свой хвост! Потому что я ничего не знаю о ваших маленьких хитростях!

Кта-Джон молчал.

— А что касается планов Крайдайки, посмотрим, согласится ли он выслушать доктора Метца и меня или будет настаивать на своей мечте порадовать Землю нераскрытыми тайнами.

Такката-Джим заметил, что гигант стенос собирается прервать его.

— Я знаю, вы считаете, что я должен предположить и третье. Вы хотели бы, чтобы мы выступили против галактов и справились с ними в одиночку, не так ли, Кта-Джон?

Огромный дельфин не ответил, но глаза его сверкнули.

«Правда ли, что ты, мой Босвелл, мой Ситон, мой Игорь, мой Яго? — подумал Такката-Джим, молча глядя на гиганта. — Ты служишь мне, но в конечном счете кто же кого использует — ты меня или я тебя?»

20. ГАЛАКТЫ

Битва кипела вокруг флотилии маленьких ксаппишских боевых кораблей.

— Мы потеряли КС'ктау и КС'кленну. Наша боевая мощь уменьшилась на треть.

Старший ксаппишский лейтенант вздохнул.

— Ну и что? Младший, мне нужны новости, а не то, что уже известно.

— Наши патроны ксатинни расходуют клиентов, как реакторный газ, а свои силы берегут. Смотри, как они жмутся в сторону, готовые бежать, если битва станет слишком напряженной! А нас посылают в самое пекло.

— Так они себя ведут всегда, — согласился старший.

— Но если ксаппишский флот погибнет здесь напрасно, кто же защитит три наши крошечные планеты и обеспечит наши права?

— Тогда зачем же нам патроны? — Старший лейтенант понимал, что иронизирует. Он приладил экран, чтобы отразить неожиданную пси-атаку, не изменяя тональности голоса.

Младший не удостоил его ответом, но проворчал:

— А что нам сделали эти земляне? И чем они угрожают нашим патронам?

Испепеляющий залп боевого крейсера танду чуть-чуть задел левое крыло маленького ксаппишского разведчика. Младший лейтенант умело сманеврировал кораблем. Старший ответил на его вопрос, как будто ничего не произошло.

— Значит, ты не веришь, что прародители возвращаются.

Младший только фыркнул, работая с прицелом торпеды.

— Правильно. Я тоже считаю, что это часть программы, направленной на уничтожение землян. Старшие расы патронов видят в землянах угрозу. Земляне никем не воспитаны и потому опасны. Они используют революционную практику возвышения... тем более они опасны. Они союзники тимбрими, а это оскорбление, которое невозможно вынести. И они не обращаются в иную веру — самое непростительное преступление.

Разведчик вздрогнул: торпеда устремилась к истребителю танду. Маленький корабль набрал скорость, чтобы отойти подальше.

— Я считаю, мы должны выслушать землян, — прокричал младший лейтенант. — Если все расы клиентов в галактике восстанут одновременно...

— Так уже случалось, — прервал старший. — Изучай записи Библиотеки. Шесть раз в галактической истории. И дважды успешно.

— Неужели? И что же произошло?

— А как ты думаешь? Клиенты стали патронами новых видов, но обращались с этими разумными так же, как когда-то обращались с ними!

— Не могу поверить!

Старший лейтенант вздохнул.

— Посмотри сам.

— Посмотрю!

Но не смог. На пути корабля оказалась незамеченная антивероятностная мина. Маленький корабль покинул галактику красиво и, к сожалению, навечно.

21. ДЭННИ И ТОШИО

Дэнни еще раз проверила заряды. В шахте, где проходил корень дерева-сверла, было темно и тесно. В лучах фонаря со шлема многочисленные корни отбрасывали густые тени.

Дэнни крикнула снизу:

— Ты закончил, Тошио?

Он размещал взрывчатку в верхней части корня, вблизи поверхности металлического острова.

— Да, Дэнни. Если закончила, спускайся ниже. Я присоединюсь к тебе через минуту.

Она даже не видела над собой его ноги в ластах. Его голос в заполненном водой стволе был искаженным. Какое счастье уйти отсюда.

Дэнни осторожно пробиралась вниз, борясь с приступом клаустрофобии. Такую работу она бы никогда себе не выбрала. Но сделать это нужно, а природа не приспособила дельфинов для таких дел.

На полпути вниз она запуталась во вьюнке. Потянула, но он не подался, а только еще больше оплетал ее, и она ярко представила себе водоросль-убийцу, о которой рассказывал Тошио. Паника чуть не овладела ею, но она заставила себя перестать биться, глубоко вдохнуть и осмотреться.

Просто засохшая лоза, которая обернулась вокруг ноги. Нож легко разрезал ее. Дэнни продолжала спускаться еще осторожнее и оказалась наконец в гроте под металлическим островом.

Здесь ждали Кипиру и Сахот. Похожие на шланги дыхатели закрывали их дыхала и обертывались вокруг торсов. Лучи прожекторов двух саней рассеивались тысячами нитей, которые заполняли грот, словно ползучим туманом. Сквозь

входное отверстие грота пробивался слабый свет.

Звучит эхо, в этом гроте
Не очень хорошо ловить рыбу.

Дэнни посмотрела на Сахота, не уверенная, правильно ли она поняла поэтику тринари.

— Когда Тошио закончит, нам лучше выбраться отсюда. Взрыв очень сильно тряхнет эту пещеру. Не думаю, чтобы это было полезно.

Кипиру согласно кивнул. Покинув корабль, на пути сюда военный командир экспедиции большей частью молчал.

Дэнни осмотрела подводную пещеру. Коралловидные микроскопические мусорщики выстроили свой замок на силикатном хребте океанского дна. Сооружение росло медленно, но когда остров наконец поднялся над водой, появилась жизнь на его вершине. И среди выросших растений оказалось дерево-сверло.

Это растение каким-то образом прорезало металлическую сердцевину острова и добралось до богатого органикой слоя под ним. Снизу извлекались минералы и перемещались вверх. Постепенно ширились пустоты, из-за которых металлический холм когда-нибудь обрушится.

Дэнни, как экологу, показалось что-то неправильным в такой организации. А микроветвь Библиотеки на «Стремительном» вообще не упоминала эти металлические холмы, что было само по себе странно.

Даже не верилось, что дерево-сверло развилось в своей экологической нише постепенно, аналогично таким организмам. Дерево существовало по принципу «все или ничего», который требовал большой энергии и настойчивости. Дэнни удивлялась, как это могло получиться.

А что происходит с холмами, когда они падают в приготовленные для них деревьями полости? Она видела несколько ям, поглотивших такие острова. В глубине они были темны и тусклы; по-видимому, они гораздо глубже, чем думаешь.

Дэнни осветила фонарем основание холма. Отражение поразительное. Она ожидала чего-нибудь рваного и неправильного, но фонарь осветил правильное углубление в ровной и гладкой поверхности металла.

Дэнни подплыла к одному из таких углублений, прихватив с собой камеру. Чарли Дарту захочется иметь снимки и образцы из этой экспедиции. Она, конечно, понимала, что на благодарность рассчитывать не приходится. Напротив, какой-

нибудь нечеткий снимок приведет его в ярость из-за ее неспособности увидеть очевидное.

В одной из ям, на глубине, что-то двигалось, угадывались медленные повороты. Дэнни направила туда луч света и всмотрелась. Какой-то корень. Она видела, как несколько плавающих лент были подхвачены ответвлениями этого корня и притянуты к нему. Сама взяла несколько таких лент в качестве образца.

— Пошли, Дэнни! — услышала она крик Тошио. Послышался громкий звук, и рядом с ней появились сани. — Пошли. До взрыва всего пять минут!

— Хорошо, хорошо, — ответила она. — Еще минутку. — Профессиональное любопытство на время пересилило все другое. Дэнни не могла понять, зачем живой организм углубляется в темноту, в почти чистый металл. Она протянула руку в яму и взяла вращающийся корень, потом уперлась в стену холма и сильно потянула.

Вначале корень показался необыкновенно прочным, он не поддавался и даже тащил ее к себе. И Дэнни отчетливо представила, что оказалась в ловушке.

Неожиданно корень оторвался. Укладывая его в сумку для образцов, Дэнни заметила блестящий

твердый конец. Взмахнула плавниками и оттолкнулась от металлической поверхности.

Кипиру укоризненно поглядел на нее, когда она ухватилась за сани. Направил машину к выходу из пещеры на дневной свет, где ждали Тошио и Сахот. Чуть позже раздался громкий взрыв, и звучное эхо пронеслось по мелководью.

Они ждали час, потом вернулись в грот.

Заряды разорвали ствол дерева-сверла в том месте, где он перерезал основание металлического холма. Наклоненный ствол уходил в неясную глубину. В отверстие все еще падали обломки. Полость под островом густо заросла качающимися кустами.

К отверстию приближались осторожно.

— Вначале, пожалуй, вышлю робота, — сказал Тошио. — Может быть, в стволе остались подвижные куски.

Я сделаю это, Бегущий-по-Лестнице
Роботу нужно мое — нервное гнездо.

Тошио кивнул.

— Да, ты прав. Сделай, Кипиру. — Пилот, который может подсоединить машину непосредственно к нервным окончаниями, сможет управлять ею лучше Тошио. Из людей на борту

только у Эмерсона Д'Анита и Томаса Орли были такие гнезда. Пройдет немало времени, прежде чем люди преодолеют побочные эффекты таких подключений; а дельфины к ним приспособлены генетически, и им такие гнезда гораздо нужнее.

Под руководством Кипиру маленький зонд отсоединился от саней. Подплыл к дыре и исчез в ней.

Тошио никак не думал, что его отправят назад вместе с Кипиру — туда, где, по его мнению, они оба вели себя не лучшим образом. Важность их задачи — защищать двух ведущих ученых и помогать им — еще больше смущала его. Почему Крайдайки не назначил кого-то другого? Более надежного?

Конечно, капитан мог отправить их всех четверых с корабля, просто чтобы избавиться. Но это тоже не похоже на правду.

И Тошио решил не искать логику поступков Крайдайки. Может, поэтому он и капитан. Только он знал, что они с Кипиру намерены справиться с заданием как можно лучше.

Как гардемарин, рангом он выше Кипиру. Но по традиции дежурные офицеры и пилоты распоряжаются гардемаринами, если только капитан не решает по-иному. Тошио помогает Дэнни и

Сахоту в их исследованиях. А в военных вопросах старшим является Кипиру.

Тошио все еще удивлялся, что старшие останавливаются и выслушивают его предложения; его решения принимаются. К этому еще необходимо привыкнуть.

На экране явилось изображение, посылаемое роботом, — цилиндрическая пустота в пенистом металле. Видны были сломанные корни — напоминание о главном стволе дерева-сверла. Мимо камеры проплывали вниз какие-то обрывки.

Робот поднимался, и в отверстие сквозь струи пузырьков пробивался свет его фонаря.

— Как вы думаете, достаточно широко для саней? — спросил Тошио.

Робот вынырнул в бассейне в несколько метров шириной. Его камера развернулась, и на экране появилось изображение голубого неба и густой зеленой листвы. Высокий ствол дерева-сверла рухнул в лес. Снизу трудно было разглядеть, какой это принесло ущерб, но Тошио был уверен, что ствол упал в сторону от деревни аборигенов.

Они опасались, что взрыв вызовет панику у обитателей острова. Но решили все же рискнуть, потому что подниматься обычным путем на предательские склоны острова опасно, да к тому же

их могли обнаружить спутники-шпионы галактов. А на случайное падение дерева на острове вряд ли сверху кто-нибудь обратит внимание.

— Наверху, — показал Тошио.

Дэнни придвинулась к экрану.

— В чем дело, Тош? Проблема?

Кипиру склонился к камере, собираясь закончить обзор.

— Вот, — сказал Тошио. — Этот неровный кусок коралла, нависающий над бассейном, похоже, может упасть.

— Может, робот что-нибудь под него подсунет, чтобы помешать этому?

— Не знаю. Как ты думаешь, Кипиру?

Кое-какие планы могут сработать —
Если позволит судьба
Давайте рискнем
И просто попробуем.

Кипиру посмотрел на свои два экрана и сосредоточился. Тошио знал, что пилот вслушивается в сложный рисунок звуковых отражений, передаваемых через гнездо нервных импульсов. По приказу Кипиру робот двинулся вдоль края бассейна. Его когтистые механические руки ухватили край и потянули. Посыпался град камней.

— Берегись! — крикнул Тошио.

Неровный кусок скалы наклонился. Камера показала, как он угрожающе пошатывается. Дэнни отшатнулась от экрана. Потом скала перевернулась и обрушилась на робота.

Последовал калейдоскоп изображений. Дэнни продолжала смотреть на экран, но Кипиру и Тошио вглядывались в ствол. Неожиданно целый дождь осколков вылетел из отверстия и исчез внизу. Осколки сверкали в свете саней, исчезая в пропасти.

После долгого молчания Кипиру сказал:

Зонд там, внизу — легкие его не дышат
Меня пощадило — и я не испытал
ощущений смерти
Робот еще жив — там слышно эхо.

Кипиру хотел сказать, что робот по-прежнему шлет сообщения с какого-то выступа в глубине, на котором застрял. Его крошечный мозг и передатчик не погибли, и Кипиру не испытал шок от внезапного обрыва связи с его нервной системой.

Но баки робота, обеспечивающие его плавучесть, уничтожены. Он навсегда останется внизу.

Должно быть, это — последнее препятствие

Я пойду туда

осторожно

проверю

Дэнни, возьми сани — и следи за мной!

Прежде чем Кипиру и Тошио смогли его остановить, Сахот отплыл от саней. Мощно ударил плавником и исчез в стволе. Кипиру и Тошио переглянулись, рассердившись на сумасшедшего штатского.

«По крайней мере он взял с собой камеру», — подумал Тошио. Но если бы Сахот подождал, у Тошио появилась бы сомнительная привилегия настаивать на том, чтобы самому разведать проход.

Он посмотрел на Дэнни. Она следила за экраном робота, как будто могла на нем разглядеть, что происходит с Сахотом. Надо подсказать, прежде чем она возьмет на себя управление вторыми санями.

Тошио всегда думал о Дэнни Судман, как о взрослом ученом, дружелюбном, но непонятном. Но теперь он увидел, что она такая же незрелая, как он. И, хоть и пользуется почетом и статусом

профессионала, ей не хватает эффективности и офицерской подготовки, которые есть у него. Более того, на протяжении своей карьеры ей вряд ли доведется встретиться с такими же людьми и ситуациями, что ждут его.

Он снова посмотрел на вход в ствол. Кипиру нервно выдувал пузыри. Придется принимать какое-то решение, если Сахот не появится.

Сахот, очевидно, результат генетического эксперимента с рассчитанным оптимумом. Если эксперимент окажется удачным, такое сочетание генов будет добавлено в генетический фонд дельфинов. Этот процесс повторяет, но гораздо быстрее, разделение и смешение, осуществляемые природой.

Но иногда такие эксперименты заканчиваются непредвиденными результатами.

Тошио не знал, можно ли доверять Сахоту. Скрытность этого дельфина не похожа на непроницаемость основательного и задумчивого Крайдайки. Напротив, похожа на скрытность некоторых знакомых людей.

И еще эти сексуальные игры Сахота с Дэнни. Он, конечно, не ханжа. Такое, строго говоря, не запрещено, но известно, что это порождает проблемы.

По-видимому, Дэнни не понимает, что сама

подсознательно поощряет Сахота. Тошио подумал, хватит ли у него решимости сказать ей об этом. А может, это не его дело?

Прошла еще одна напряженная минута. И когда Тошио собрался нырнуть сам, из ствола выскочил Сахот и повернул перед ними.

Путь чист —
Я поведу вас к воздуху!

Кипиру направил сани к дельфину-антропологу и произнес что-то настолько высоко, что даже Тошио, со своим калафианским восприятием, не разобрал.

Сахот дернулся и неохотно захлопнул пасть, признавая свое подчиненное положение. Но во взгляде его по-прежнему было что-то вызывающее. Он посмотрел на Дэнни, переворачиваясь и подставляя Кипиру один из своих брюшных плавников.

Пилот символически укусил его и повернулся к остальным.

Теперь пошли —
Оставим эти дыхатели
Поговорим как земляне
О нашей работе

И встретим наше будущее
Братья-пилоты.

Сани двинулись в ствол, оставленный деревом-сверлом, и начали подниматься в облаке пузырей. Люди и дельфины последовали за ними.

22. КРАЙДАЙКИ

Совещание длилось слишком долго.

Крайдайки пожалел, что разрешил Чарлзу Дарту присутствовать в виде голограммы. Планетолог-шимп был бы не столь многословен, если бы ему, мокрому и в маске, пришлось дышать оксиводой в центральном отсеке.

Дарт развалился в своей лаборатории, отправив в конференц-зал цилиндрического корпуса «Стремительного» только свое изображение. Он, очевидно, не замечал ерзанья слушателей. Дышать в течение двух часов оксиводой неофину очень тяжело.

— Естественно, капитан, — разносился в воде хриплый баритон шимпанзе. — Когда вы решили посадить корабль вблизи главного тектонического разлома, я одобрил ваш выбор. Иначе я не смог бы получить столько ценной информации, не

сходя с места. Однако я определил еще семь или восемь многообещающих точек на поверхности Китрупа, чтобы проверить некоторые весьма интересные открытия, которые мы здесь сделали.

Крайдайки слегка удивился, услышав «мы». Впервые Чарли проявляет такую скромность.

Капитан взглянул на плававшего поблизости Брукиду. Когда знания металлурга не требовались ремонтникам, он работал с Чарли Дартом. Он все время молчал, предоставляя Дарту фонтанировать профессионализмами, отчего у Крайдайки начинала кружиться голова.

«Что с Брукидой? Неужели он тоже считает, что у капитана корабля, оказавшегося в осаде, нет дел поважнее?»

Хикахи, недавно выписанная из лазарета, перевернулась на спину, дыша насыщенной кислородом жидкостью и поглядывая одним глазом на голограмму шимпанзе.

«Что же она со мной делает, — подумал Крайдайки. — Мне и без того трудно сосредоточиться».

Долгие совещания всегда утомляли Крайдайки. Он чувствовал, как застаивается кровь в его мошонке. На самом деле ему хочется подплыть к Хикахи и куснуть ее во все места: выше и ниже

за бока.

Конечно, странное желание, тем более при всех, но, по крайней мере, он честен перед собой.

— Планетолог Дарт, — вздохнул он. — Я стараюсь понять, что, по вашему мнению, вы обнаружили. Кажется, я понял ту часть, которая связана с различными кристаллическими и изотопными аномалиями в коре Китрупа. Что касается зоны подчинения...

— Зона подчинения — это граница между двумя плитами коры, где одна плита скользит по другой, — прервал Чарли.

Крайдайки пожалел, что не может отругать шимпа. Это было бы недостойно.

— В таком объеме я знаю планетологию, доктор Дарт. — Он говорил очень взвешенно. — И я рад, что наше пребывание вблизи такой зоны оказалось полезным для вас. Однако вы должжжны понять, что наш выбор месста посадки осснован на тактических сссображениях. Нам нужны были металлы и маскировка; и то и другое нам давали «коралловые» острова. Мы приземлились здесь, чтобы спрятаться и отремонтировать корабль. Сейчас, когда у нас над головой крейсеры врага, я не могу разрешить экспедиции в другие районы планеты. И вообще я вынужден запре-

тить вам дальнейшее бурение и здесь. Теперь, когда появились галакты, риск слишком велик.

Шимп нахмурился. Руки его замелькали. Крайдайки не дал ему заговорить.

— К тому же что сообщает корабельная микроветвь о Китрупе? Разве Библиотека не дает ответа на ваши проблемы?

— Библиотека! — фыркнул Дарт. — Собрание лжи! Застывшая трясина дезинформации! — Голос Дарта перешел в рычание. — Об аномалиях ни слова! Даже не упоминаются металлические острова! Исследование проводилось свыше четырехсот миллионов лет назад, когда планету перевели в резервный статус для карранк%...

Чарли так старался произнести это непроизносимое название с двойной гортанной остановкой, что чуть не задохнулся. Его глаза выкатились, он заколотил в грудь и закашлялся.

Крайдайки повернулся к Брукиде.

— Это так? Библиотека дает неверные сведения о планете?

— Да, — медленно кивнул Брукида. — Четыреста эпох — это очень долго. Когда планету переводят в резерв, она остается невозделанной, дожидаясь, пока подрастет предразумная раса, пригодная для возвышения. Или такую планету предоставляют

древней расе, впавшей в старческое бессилие, для спокойного упадка. Такие планеты становятся либо яслями, либо богадельнями.

— На Китрупе как будто произошло и то и другое. Мы обнаружили предразумную расу, которая, очевидно, развилась уже после исследования, давшего информацию Библиотеке. И еще эти... карранк%... — Брукиде тоже было очень трудно выговорить. — Им предоставили планету для спокойной смерти. Здесь как будто нет больше... карранк%.

— Но четыреста эпох без исследования? Трудно себе представить.

— Да, обычная планета давно была бы вторично лицензирована Институтом Миграции. Но Китруп — такая странная планета. Мало кто согласился бы жить на ней. И удобных подходов к ней нет. В этом районе космоса очень низкий уровень радиации. Кстати, поэтому мы сюда и прилетели.

К Чарлзу Дарту вернулась способность дышать. Он отпил воды из стакана. Во время передышки Крайдайки лежал неподвижно и размышлял. Несмотря на доводы Брукиды, казалось невероятным, что Китруп могли оставить невозделанным так надолго — в перенаселенной галактике, где

идет борьба за каждую пригодную для жизни планету.

Институт Миграции — единственная бюрократическая структура галактики, чьи власть и влияние соперничают с самим Институтом Библиотеки. По традиции все расы патронов подчиняются законам управления экосферой; поступить иначе означало бы вызвать катастрофу галактического масштаба. Представление, что предразумные расы превратятся в клиентов, а потом и в патронов, приводит к консерватизму в галактических масштабах.

Большинство галактов закрывают глаза на доконтактные подвиги человечества. Уничтожение мамонтов, гигантских наземных ленивцев и ламантина простили из-за «сиротского» статуса человечества. Настоящую вину возложили на гипотетических патронов Homo sapiens — загадочную необнаруженную расу, которая оставила человечество, не завершив процесс его возвышения, много тысяч лет назад.

Дельфины знали, как близки были китообразные к гибели от руки человека, но за пределами Земли никогда не упоминали об этом. Плохо или хорошо, но судьба их навсегда связана с судьбой человечества.

Земля принадлежит человечеству, пока оно не погибнет или не переселится. Десять колонизированных людьми планет переданы Земле по лицензии на основе сложного плана управления экологией. Самый короткий срок лицензии — шесть тысяч лет. По окончании этого периода колонистам Атласта придется удалиться, оставив планету невозделанной.

— Четыреста миллионов лет, — размышлял Крайдайки. — Небывало длительный период для релаксации планеты.

— Согласен! — закричал Чарлз Дарт, совершенно оправившийся от приступа. — А если я вам скажу, что есть признаки присутствия на Китрупе технологической цивилизации всего тридцать тысяч лет назад? Без всякого упоминания о ней в Библиотеке?

Хикахи подплыла поближе.

— Вы считаете, доктор Дарт, что эти аномалии в коре — отбросы цивилизации, незаконно появившейся на планете?

— Да! — воскликнул он. — Совершенно верно! Отличная догадка!

— Вы все знаете, что экочувствительные расы сосредотачивают основные усилия как раз на разломах тектонических плит. Таким образом,

когда планету впоследствии провозглашают невозделанной, все следы пребывания втягиваются под мантию и исчезают. Некоторые думают, что на Земле не сохранилось никаких следов предшествующих обитателей.

Хикахи кивнула.

— А если какая-то раса поселилась незаконно...

— Она будет жить на границе плит! Библиотека исследует планеты через очень длительные интервалы. Следы вторжения к тому времени исчезают под корой! — Шимп оживленно посмотрел с экрана.

Крайдайки трудно было воспринимать все это серьезно. В устах Чарли все звучит как детективный роман! Только преступниками оказываются цивилизации, улики — целые материки, а все следы преступления прячутся под корой планеты! Настоящее преступление! Ведь коп дежурит на углу и заглядывает сюда раз в несколько миллионов лет, и всегда с опозданием.

Крайдайки понимал, что все его метафоры человеческие. Неудивительно. Конечно, есть темы, например полеты в искривленном пространстве, в которых дельфиньи аналогии полезнее. Но когда думаешь о безумной политике галактов, помогают старые человеческие кинотриллеры и

тома невероятной истории человечества.

Брукида и Дарт принялись спорить по какому-то техническому вопросу... и Крайдайки смог подумать о вкусе воды, в которой плавала Хикахи. Он очень хотел спросить ее, соответствует ли этот вкус его представлениям. Это косметика или естественные феромоны?

С усилием он вернулся к обсуждавшемуся вопросу.

Открытие Чарли и Брукиды в нормальных условиях вызвало бы большое оживление.

«Но оно не имеет отношения к спасению корабля и экипажа. И не дает возможности передать информацию Совету Земли. Даже изучение предразумных аборигенов сейчас важнее, чем охота за скрытыми следами в древних скалах».

— Прошу прощения за опоздание, капитан, но что-то я уже уловил.

Крайдайки повернулся и увидел подплывающего к себе доктора Игнасио Метца. Худой седовласый психолог медленно греб в воде, небрежно компенсируя малую подъемную силу. Обтягивающий костюм позволял увидеть небольшой животик.

Теперь Дарт и Брукида спорили о периодах полураспада, тяготении и ударах метеоритов.

Хикахи это, очевидно, заинтересовало.

— Добро пожаловать, доктор Метц, хоть вы и опоздали. Я рад, что вы смогли выбраться.

Крайдайки удивился, что не услышал приближения человека. Обычно Метц появлялся с шумом, который было слышно в другом конце отсека. Иногда на уровне двух килогерц. Сейчас шум был едва заметен, но временами это здорово раздражало. И как Метц мог столько проработать с финами, не избавившись от подобной привычки?

«Теперь я рассуждаю, как Чарли Дарт! — Крайдайки упрекнул себя. — Не будь глуп, Крайдайки!»

И мысленно просвистел строфу:

Те, кто живет
Вибрируют
Всем телом
И их дрожь
Вливается в музыку мира.

— Капитан, я пришел по другой причине, но открытие доктора Дарта и Брукиды может иметь к этому отношение. Мы можем поговорить наедине?

Крайдайки молчал. Ему скоро нужно будет от-

дохнуть и размяться. Усталость уже сказывается на его действиях, и это может плохо отразиться на «Стремительном».

Но с этим человеком нужно быть осторожным. Метц не может приказывать ему — ни на борту «Стремительного», ни в других местах, но он обладает властью, причем очень специфической. Крайдайки знал, что его право на потомство гарантировано, как бы ни закончилась эта экспедиция. Но оценка Метца все же очень важна. И все дельфины на борту старались вести себя по отношению к нему «разумно». Даже капитан.

«Может, именно поэтому я избегаю столкновения», — подумал Крайдайки. Но вскоре он вынужден будет задать доктору Метцу несколько вопросов относительно определенных членов экипажа «Стремительного».

— Хорошо, доктор, — ответил он. — Дайте мне еще минутку. Кажется, здесь мы закончили.

По кивку Крайдайки Хикахи подплыла ближе. Улыбнулась и плеснула грудным плавником в Метца.

— Хикахи, пожалуйста, заканчивай за меня. Не давай им больше десяти минут, потом суммируй их предложения. Через час встретимся в бассейне для отдыха А-3, и я выслушаю твои

рекомендации.

Она, как и он, использовала быстрый и гибкий подводный англик:

— Есть, капитан. Еще какие-нибудь приказы?

Черт побери! Крайдайки отлично знает, что сонар Хикахи выдал ей его сексуальное возбуждение. У самца это легко определить. А чтобы сказать то же самое о ней, ему необходимо тщательно просветить сонаром все ее внутренности, а это невежливо.

Гораздо проще было раньше!

Ну что ж, через час он все узнает. Одна из привилегий капитана — приказать освободить бассейн для отдыха. И уж тогда пусть ничего не помешает.

— Спасибо, Хикахи. Исполняй!

Она резко отсалютовала механической рукой своих доспехов.

Брукида и Чарли продолжали спорить, а Крайдайки повернулся к Метцу.

— Нам хватит времени, если мы отправимся на мостик кружным путем, доктор? Я хотел бы повидаться с Такката-Джимом, прежде чем заняться другими делами.

— Отлично, капитан. Много времени мне не понадобится.

Крайдайки старался выглядеть невозмутимо. Почему улыбается Метц? Что он мог заметить?

— Меня по-прежнему смущает цепь вулканов в трехтысячекилометровой зоне, где всссстречаются две плиты, — сказал Брукида. Он говорил медленно, отчасти для Чарли, отчасти из-за того, что в оксиводе трудно спорить. Кажется, что всегда не хватает воздуха.

— Если посссмотреть на сделанные с орб-биты исследовательские карты, видно, что на планете вулканы редки. Но здесь их очень много, и все они небольшого раз-змера.

Чарли пожал плечами.

— Не вижу логики, старина. Просто небольшое совпадение.

— Но ведь это единственная область, где есть металлические острова, — неожиданно сказала Хикахи. — Я не специалист, но астронавт привыкает настороженно относиться к двум совпадениям сразу.

Чарли как будто собрался заговорить, но передумал. Наконец он сказал:

— Очень хорошо! Брукида, вы считаете, что эти коралловые существа нуждаются в корме, который может поставляться только этим типом вулканов?

— Возззможно. Наш специалист по экзобиологии Дэнни Судман. Она сейчас на одном из островов, исследует аборигенов.

— Она должна прихватить для нас образцы. — Чарли потер руки. — Как вы думаете, можно попросить ее заглянуть в район вулканов? Не очень далеко, конечно, после того, что сказал Крайдайки. К маленькому вулкану, крошечному.

Хикахи со свистом рассмеялась. Этот тип рехнулся! Но его энтузиазм заразителен, это прекрасная возможность отвлечься от тревог. Если бы она умела прятаться от опасностей вселенной в абстракциях, как Чарли Дарт.

— И определить температуру! — воскликнул Чарли. — Дэнни сделает это для меня. Ведь я так для нее старался!

Крайдайки описал широкую спираль вокруг плывущего человека, разминая мышцы и изгибая спину.

Через нейросоединение подал команду главным манипуляторам согнуться. Словно человек, разминающий руки.

— Ну хорошо, доктор. Чем я могу быть вам полезен?

Метц плыл неторопливыми гребками. Он дружелюбно посмотрел на Крайдайки.

— Капитан, я считаю, пора слегка пересмотреть нашу стратегию. Со времени нашего прилета на Китруп положение изменилось. Нам нужны новые подходы.

— Вы можете говорить определеннее?

— Конечно. Как вы помните, мы бежали из пункта перехода у Морграна, потому что не хотели погибнуть в засаде семи флотов. Вы быстро поняли, что даже если мы сдадимся одной группе, другие нападут на нее, и это неизбежно повлечет наше уничтожение. Тогда я не сразу понял логику вашего решения. Теперь я его приветствую. Конечно, это был великолепный тактический маневр.

— Спасибо, доктор Метц. Вы, разумеется, не упоминаете другой причины нашего бегства. Совет Земли приказал доставить информацию непосредственно ему, без всякой утечки в пути. Наше пленение, несомненно, можно назвать «утечкой».

— Да! — согласился Метц. — И ситуация осталась прежней, когда мы прилетели на Китруп — повторяю, я считаю этот ход вдохновенным. С моей точки зрения, нас обнаружили из-за неудачи.

Крайдайки воздержался от замечания, что их

еще все же пока не обнаружили. Окружили — да, но в сети не поймали.

— Продолжайте, — предложил он.

— Пока существовала вероятность, что нас не захватят, ваша стратегия себя оправдывала. Но обстоятельства изменились. Шансы на бегство теперь близки к нулю. Китруп остается полезен нам, как убежище от битвы, но не сможет нас скрывать, когда появится победитель.

— Вы считаете, нам не избежать пленения?

— Совершенно верно. Я считаю, что мы должны пересмотреть приоритеты и обдумать наши действия в случае неблагоприятных последствий.

— Какие приоритеты вы считаете важнейшими? — Крайдайки заранее знал ответ.

— Конечно, сохранение корабля и экипажа! Наблюдения за ними. Ведь в конце концов это главная цель нашего полета, а? — Метц остановился и перебирал руками в воде, глядя на Крайдайки, как учитель на ученика.

Крайдайки мог бы перечислить с полдюжины задач, поставленных перед «Стремительным», начиная с проверки истинности некоторых утверждений Библиотеки и кончая разведывательным заданием Томаса Орли.

Все эти задачи очень важны, но главная —

оценить возможности корабля с экипажем из дельфинов. Сам «Стремительный» и его экипаж — вот главный эксперимент.

Но все очень изменилось с тех пор, как они обнаружили брошенный флот! Он действовал уже не в тех приоритетах, которые существовали в начале полета. Но как это объяснить такому человеку, как Метц?

«Справедливость, — подумал Крайдайки, — ты бежала к диким зверям, а люди утратили рассудок...» — Иногда ему казалось, что Бард сам был полудельфином.

— Я разделяю вашу точку зрения, доктор Метц. Но не вижу, каким образом она сможет изменить нашу стратегию. Стоит нам лишь высунуть нос из китрупского моря, как по-прежнему нам грозит уничтожение.

— Мы сделаем это только тогда, когда победитель еще не определится. Разумеется, мы не станем высовываться под перекрестный огонь.

— Но вот когда обнаружится победитель, мы сможем начать переговоры. И если будем вести себя разумно, еще обеспечим успех всего полета!

Крайдайки вновь медленно заскользил по спирали, заставляя генетика плыть вместе с ним к мостику.

— Что, по вашему мнению, мы можем предложить на переговорах, доктор Метц?

Метц улыбнулся.

— Во-первых, у нас есть информация, которую буквально выкопали Брукида и Чарлз Дарт. Институт награждает тех, кто сообщает об экологических преступлениях. Большинство сражающихся групп относятся к консерваторам-традиционалистам и высоко оценят наше открытие.

Крайдайки воздержался от насмешек над наивностью человека.

— Продолжайте, доктор, — спокойно сказал он. — Что еще мы можем пред-дложить?

— Честь нашей экспедиции, капитан. Даже если наши победители решат задержать на время «Стремительный», они не могут не сочувствовать цели полета. Научить клиентов освоиться в космосе — одна из основных задач возвышения. Они разрешат отправить часть экипажа домой с рапортом об оценке поведения, чтобы продолжался прогресс в астронавтике дельфинов. Для них поступить иначе — все равно что мешать развитию ребенка, потому что они поссорились с его родителями!

«А сколько человеческих детей было предано

пыткам и убито из-за грехов родителей в ваши Темные Века?» — Крайдайки хотел спросить, кто же будет тем послом, который отвезет на Землю данные о возвышении, пока «Стремительный» находится в плену.

— Доктор Метц, мне кажется, вы недооцениваете фанатизм воюющих. Еще что-нибудь?

— Конечно. Самое важное я приберег напоследок. — Метц, подчеркивая свои слова, коснулся плавника Крайдайки. — Мы должны подумать, капитан, над тем, чтобы отдать галактам то, что им нужно.

Крайдайки ожидал этого.

— Вы считаете, что мы должны сообщить им, где находится брошенный флот?

— Да, а также отдать все найденные нами сувениры.

Крайдайки сохранял равнодушное выражение.

«Интересно, что он знает о Херби Джиллиан, — подумал он. — Великий Спящий! Этот труп начинает создавать проблемы!»

— Капитан, вспомните: краткое сообщение с Земли приказывало нам скрываться и хранить наши координаты в тайне! Также говорилось, что решения мы должны принимать по обстоятельствам.

— Неужели наше молчание надолго задержит обнаружение этого флота, теперь, когда о нем стало известно? Несомненно, половина патронов пяти галактик выслала кучи разведывательных кораблей, которые постараются повторить наше открытие. Они будут заглядывать во все тусклые редко посещаемые шаровые скопления. И только вопрос времени, когда они наткнутся на нужный гравитационный бассейн и на нужное скопление.

Крайдайки считал это маловероятным. Галакты нередко думают, как земляне, и вряд ли будут проводить поиск таким образом. Доказательство — то, что флот так долго не был обнаружен. Но Метц, вероятно, прав.

— В таком случае, доктор, почему бы нам сразу не сообщить о местонахождении флота Библиотеке? Оно станет общеизвестно и больше не будет нас касаться. Такое большое открытие должно исследоваться группой, получившей лицензию Института.

Крайдайки иронизировал, но, когда Метц взглянул на него покровительственно, понял, что его слова восприняты всерьез.

— Вы наивны, капитан. Фанатики над нашими головами не очень считаются с галактическими

законами, рассчитанными на миллионы лет, если впереди у них только тысячелетия. Если все узнают, где находится брошенный флот, битва переместится туда! Эти древние корабли погибнут в перекрестном огне, какое бы мощное защитное поле их ни окружало. И галакты все равно постараются захватить нас, если решат, что им солгали!

Они приплыли на мостик. Крайдайки остановился.

— Лучше одной из соперничающих групп получить сведения и возможность исследовать флот?

— Да! В конце концов, что нам эти пустые корпуса? Опасное место, где мы потеряли корабль и десяток лучших членов экипажа. Мы не преклоняемся перед предками, как эти неистовые ити. Нас лишь умозрительно интересует, где флот, сохранившийся со времен прародителей, или где сами прародители! Из-за этого не стоит умирать. Если мы чему-то и научились за последние двести лет, так это тому, что малые расы, новички, как мы, должны своевременно уходить с дороги больших парней, как соро или губру, когда они начинают уничтожать друг друга!

Седые волосы доктора Метца разлетались, он намеренно покачивал головой. Вокруг него воз-

ник ореол из пузырей.

Крайдайки не мог бы изменить свое отношение к Метцу, но когда того покинула привычная сдержанность и охватил энтузиазм, он стал капитану почти приятен.

К несчастью, Метц ошибается в самых основах своих рассуждений.

В доспехах Крайдайки зазвенело. Вздрогнув, он понял, что уже очень поздно.

— Ваши аргументы очень интересны, доктор Метц. Но у меня нет больше времени. Никакого решения не будет принято без ведома совета корабля. Согласны?

— Да. Однако, мне кажется...

— Кстати, о сражении над Китрупом. Мне надо узнать, что может сообщить Такката-Джим. — Капитан не намерен столько времени проводить с Метцем. И не хотел пропускать долгожданных упражнений.

Но Метц не отпускал его.

— Да. Когда вы сказали о Такката-Джиме, я вспомнил, что хотел еще кое о чем поговорить с вами, капитан. Меня беспокоит ощущение социальной изоляции, которое испытывают члены экипажа экспериментальных разновидностей. Они жалуются на остракизм и на большую за-

груженность.

— Вы имеете в виду некоторых стеносов?

Во взгляде Метца промелькнула растерянность.

— Это бытовое название. Кажется, оно прижилось, хотя все неодельфины таксономически Tursiopus Amicus...

— Я контролирую ситуацию, доктор Метц. — Крайдайки было теперь все равно, что он перебивал человека. — Принимаю специальные меры и считаю, что мне удастся сохранить единство экипажа.

Только с десяток стеносов проявляли недовольство. Крайдайки подозревал, что это атавизм, отступление от разумности под влиянием страха и напряжения. А эксперт доктор Метц, по-видимому, считает, что большинство экипажа «Стремительного» впало в расизм.

— Вы хотите сказать, что у Такката-Джима тоже возникли проблемы? — спросил Крайдайки.

— Конечно, нет! Он очень хороший офицер. Но когда вы произнесли его имя, я вспомнил об этом, потому что... — Метц смолк.

«Потому что он тоже стенос, — про себя закончил Крайдайки. — Сказать Метцу, что я собираюсь назначить Хикахи первым помощни-

ком капитана? Такката-Джим, конечно, хороший специалист, но его мрачное настроение начинает сказываться на психологическом состоянии экипажа. Не таким должен быть мой заместитель».

Крайдайки очень не хватало лейтенанта Ячапа-Джина, который погиб в Мелком скоплении.

— Доктор Метц, уж поскольку вы затронули эту тему, я заметил несоответствия между предполетными психобиологическими характеристиками некоторых членов экипажа и их поведением в полете еще до того, как мы обнаружили брошенный флот. Я не китопсихолог, но в некоторых ситуациях считаю, что эти фины вообще не должны были оказаться на корабле. У вас есть объяснения?

Лицо Метца стало невыразительным и пустым.

— Не совсем понимаю, о чем вы, капитан.

Крайдайки механической рукой почесал над правым глазом.

— Пока я ничего не хочу добавлять, но вскоре мне придется воспользоваться своим служебным положением и просмотреть ваши записи. Неформально, разумеется. Пожалуйста, приготовьте их для...

Крайдайки прервал звонок коммуникатора на его доспехах.

— Да. Говорите! — приказал он. Несколько мгновений прислушивался.

— Ничего не меняйте, — ответил он. — Сейчас я у вас буду. Конец связи.

Он направил вспышку сонара на сенсорную пластину двери. Люк открылся.

— С мостика, — сказал он Метцу. — Вернулся разведчик с сообщением от Тшут и Томаса Орли. Мне нужно быть там, но ссскоро мы вернемся к этому разговору, доктор.

Двумя мощными ударами плавников Крайдайки вплыл в люк и направился на мостик..

Игнасио Метц смотрел ему вслед.

«Крайдайки что-то заподозрил, — подумал он. — Насчет моих специфических исследований. Но что именно?»

Постоянное напряжение, опасность, осада давали великолепные данные, в частности относительно тех финов, которых включили в состав экипажа по настоянию Метца. Но сейчас положение усложняется. У некоторых его подопечных появились неожиданные для него симптомы.

Теперь вдобавок к тревоге из-за этих фанатичных галактов, прибавились подозрения Крайдайки. Нелегко будет сбить его со следа. Метц высоко ценил гениальность, особенно в

возвышенном дельфине.

«Если бы только он был одним из моих, — думал он о Крайдайки. — Если бы только я его создал!»

23. ДЖИЛЛИАН

Корабли лежали в пространстве, как рассыпанные бусы, тускло отражая слабый свет Млечного Пути. Ближайшие планеты — неяркие красноватые старики в небольшом шаровом скоплении, жалкие и редкие остатки первой эпохи формирования, лишенные звезд и металлов.

Джиллиан рассматривала одно из тех шести изображений, что «Стремительный» неосмотрительно передал домой из заброшенного и, казалось бы, неинтересного гравитационного бассейна вдали от всех известных путей.

Неестественно молчаливая армада, не ответившая ни на один их вопрос; земляне не знали, что и подумать. Флот из кораблей-призраков, которому нет места в структуре пяти галактик.

Сколько времени они оставались незамеченными?

Джиллиан отложила голографию и взяла другую. На ней был крупным планом изображен один из гигантских брошенных кораблей.

Огромный, как луна, в яминах, древний, слабо мерцающий — это защитное поле неизвестных свойств. Оно не поддавалось анализам. Удалось только определить, что это напряженное вероятностное поле необычной природы.

Пытаясь причалить к одному из кораблей-призраков с внешней стороны поля, гичка «Стремительного» каким-то образом начала цепную реакцию. Ослепительно яркие молнии пронеслись между древним гигантом и крошечным разведчиком. Лейтенант Ячапа-Джин доложил, что все дельфины на гичке галлюцинируют. Гичка попыталась уйти, но потеряла ориентацию и включила свое поле стасиса внутри защитного поля корабля. В результате взрыв уничтожил оба корабля.

Джиллиан отложила голоизображение и осмотрела лабораторию. Херби по-прежнему лежит в стасисе, силуэт миллиардов прошедших лет.

После катастрофы Том Орли отправился туда и втайне пронес этот загадочный реликт через один из боковых выходов корабля.

«Находка огромной ценности, — думала Джиллиан, рассматривая труп. — Мы хорошо заплатили за тебя, Херби. Если бы я только знала, что мы приобрели».

Херби — загадка, которую должны разгадывать объединенные коллективы больших институтов, а не одинокая женщина в осажденном корабле далеко от дома.

Это раздражает, но кто-то ведь должен постараться. Кто-то должен понять, почему их превратили в преследуемых животных. Том отсутствует, Крайдайки очень занят, сохраняя нормальный ритм работы экипажа и корабля, остается только она. Больше некому.

Постепенно она кое-что узнала о Херби — это действительно очень древний труп, у него скелет существа, передвигавшегося по планете. Библиотека корабля утверждает, что ничего подобного никогда не существовало.

Джиллиан положила ноги на стол и взяла еще один снимок из стопки. Сквозь мерцание защитного поля ясно видны символы на массивном корпусе.

— Открыть Библиотеку, — сказала она. Из четырех экранов на ее столе ожил левый, с изображением спирали с лучами.

— Файл «Саргассы», поиск соответствий символов. Открыть и продемонстрировать изменения. — В ответ на стене слева от Джиллиан показался текст. Чрезвычайно короткий.

— Подпрограмма: перекрестные справки Библиотеки, программа поиска, — сказала Джиллиан. Текст продолжал проецироваться на стену. Рядом с ним показалось мерцающее изображение спирали с лучами. Негромкий низкий голос произнес:

— Программа поиска перекрестных справок, чем могу быть полезна?

— Это все, что было найдено на борту брошенного корабля?

— Ответ верен. — Голос звучал холодно. Интонации утвердительные, однако не делалось никаких попыток скрыть, что отвечает только ничтожная часть программы корабельной Библиотеки.

— Я просмотрела все записи в поисках корреляций этим символам. Вы, конечно, понимаете, что я только микроветвь, а эти символы со временем меняются. В тексте указаны все возможные соответствия, которые я смогла установить в указанных вами параметрах.

Джиллиан просмотрела короткий список. Трудно поверить. Хотя и очень маленькая по сравнению с планетарными или секторными ветвями, корабельная Библиотека содержала столько информации, сколько все книги, опуб-

ликованные на Земле до конца двадцать первого столетия. Соответствий должно быть гораздо больше!

— Ифни! — вздохнула Джиллиан. — Что-то ведь должно было возбудить всех фанатиков галактики. Может, посланное нами изображение Херби? Или символы? Что именно?

— Я не обладаю возможностью рассуждать, — ответила программа.

— Вопрос риторический и адресован не тебе. Я вижу, указана тридцатипроцентная корреляция с религиозными иероглифами «Союза Отрекшихся». Дай мне краткие сведения об отрекшихся.

Тональность голоса изменилась.

— Программа культуры, резюме...

> Отрекшиеся — заимствованный из англика термин, обозначает крупную философскую группу культур галактического общества.
>
> Религия «отрекшихся» возникла из легендарного исторического события — тарсеу, в пятнадцатой эпохе, примерно шестьсот миллионов лет назад, когда галактические Институты едва уцелели из-за притязаний трех могуществен-

ных рас патронов (каталожные номера 97AcF109t, 97AcC136t и 97AcG986s).

Два этих вида относятся к самым мощным и агрессивным воинственным образованиям в истории пяти связанных галактик. Третий вид известен введением нескольких новых космических технологий, включая новые стандарты...

Библиотека пустилась в техническое описание методов изготовления кораблей. Интересно, но к проблеме не относится. Большим пальцем ноги Джиллиан коснулась кнопки «пропустить» на своей консоли, и изложение перескочило.

...Победители взяли название, которое можно перевести как «Львы». Они смогли захватить большую часть пунктов перехода и центров силы и все большие Библиотеки. В течение двадцати миллионов лет их власть казалась несокрушимой. Львы практиковали стихийное расселение и колонизацию, в результате чего в пяти галактиках того времени погибло восемь предразумных рас.

Тарсеу покончили с этой тиранией, призвав на помощь шесть древних рас,

которые считались исчезнувшими, и, объединив силы, совершили успешное контрнападение. Впоследствии, когда галактические Институты были восстановлены, тарсеу вместе с шестью таинственными защитниками предали забвению...

Джиллиан прервала словесный поток.

— Откуда появились эти шесть рас, которые помогли повстанцам? Ты говоришь, они считались исчезнувшими?

Снова послышался голос монитора:

— В соответствии с записями того времени они считались погибшими. Хотите узнать каталожные номера?

— Нет. Продолжай.

— Сегодня большинство разумных считает, что эти шесть были остатками рас, перешедших на следующую ступень эволюции. Поэтому им было не обязательно исчезать, просто они стали неуловимыми, невоспринимаемыми. Но все же сохранили заинтересованность в мирских делах, особенно когда они шли плохо. Хотите получить список статей о программах перехода рас?

— Нет. Продолжай. Что же все-таки утверждают

отрекшиеся?

> Отрекшиеся считают, что существуют некие бесплотные расы, которые время от времени снисходят до физической формы, вписываясь в нормальный процесс возвышения. Эти «Великие Призраки» появляются как предразумные, поднимаются до уровня клиентов, проходят период службы по договору, становятся ведущими старшими и при этом скрывают свою истинную природу. Однако, в чрезвычайных обстоятельствах, эти суперрасы могут быстро вмешиваться в дела смертных.
>
> Утверждают, что так называемые прародители — это самые древние, наиболее отчужденные и могучие из Великих Призраков.
>
> Естественно, это существенно отличается от обычной легенды о прародителях, тех Древнейших, что удалились в свою галактику давным-давно, пообещав когда-нибудь вернуться...

— Довольно! — Библиотека сразу смолкла. Джиллиан нахмурилась: на словах «Естествен-

но, это существенно отличается...» ей пришла в голову мысль.

Вздор! Религия Отрекшихся — всего лишь вариант основной догмы, она лишь незначительно отличается от многотысячелетней легенды о «возвращении» прародителей. Это противоречие напомнило ей древние религиозные конфликты на Земле, когда верующие отчаянно спорили о природе троицы или о количестве ангелов, которые могут уместиться на конце иглы.

Это безумие из-за мелких подробностей доктрины было бы даже занимательным, если бы не битва, происходящая прямо сейчас в нескольких тысячах километров над головой.

Она сделала краткую запись — проверить сходство с верой индусов в земное воплощение божеств, в аватар. Сходство с религией Отрекшихся совершенно очевидное, и Джиллиан удивилась, почему Библиотека не заметила эту аналогию.

Хватит, значит хватит.

— Нисс! — окликнула Джиллиан.

Засветился крайний правый экран. На нем появился четкий абстрактный рисунок.

— Насколько вам известно, Джиллиан Баскин, предпочтительно, чтобы Библиотека не знала

о моем присутствии на корабле. Я взял на себя смелость отключить ее, чтобы она не могла нас подслушать. Вы хотите о чем-нибудь спросить?

— Да. Ты слушал сообщение только что?

— Я прослушиваю все, что сообщает эта микроветвь. Это моя главная задача здесь. Разве Томас Орли не объяснил вам это?

Джиллиан сдержалась. Нога ее почти касалась этого гнусного экрана. Чтобы избежать искушения, она опустила ее на пол.

— Нисс, — спокойно спросила она, — почему микроветвь Библиотеки несет вздор?

Машина тимбрими вздохнула, как человек.

— Доктор Баскин, все кислородопоглощающие расы, за исключением человечества, вскормлены на семантике, развившейся в десятках взаимоотношений патронов с клиентами; и все это делалось под влиянием Библиотеки. А вот языки Земли по галактическим стандартам странные и хаотичные. Невероятно сложна проблема перевода галактических архивов на ваш необычный синтаксис.

— Все это я знаю! Во времена контакта ити хотели, чтобы мы все изучили галактические языки. Мы сказали им, как поступить с этой идеей.

— И даже очень красочно. Напротив, человече-

ство приложило гигантские усилия, чтобы земная ветвь Библиотеки пользовалась англиком. Для этого нанимались в качестве консультантов кантена, тимбрими и другие. Но проблемы остаются.

Джиллиан потерла глаза. Так дело не пойдет. Почему Том считает, что эта саркастическая машина полезна? Всегда, когда ей нужен просто ответ, машина только задает вопросы.

— Лингвистическая проблема — их предлог в течение вот уже двух столетий! — сказала она. — И сколько времени они еще будут ею пользоваться? Со времен контакта мы изучаем языки, как никогда раньше. Мы справились с трудностями таких языков, как англик, английский, японский, и научили говорить дельфинов и шимпов. У нас достигнут даже некоторый прогресс в общении со странными существами — солорианами, живущими на земном Солнце!

— Однако Институт Библиотеки по-прежнему утверждает, что в нелепых несоответствиях и плохо переведенных записях виноват наш язык! Дьявольщина, мы с Томом знаем четыре или пять галактических языков. Дело не в лингвистических трудностях, а в странных данных, которые нам сообщают!

Нисс негромко пожужжал некоторое время. Затем светящиеся точки на экране превратились в два несмешивающихся потока и распались на капли.

— Доктор Баскин, разве сейчас вы не назвали главную причину, почему такие корабли, как «Стремительный», бороздят космос? Они ищут несоответствия в данных Библиотеки. А цель моего существования — поймать Библиотеку на лжи, выяснить, правда ли, что могущественные расы патронов, как вы выражаетесь, «вешают лапшу на уши» младших разумных, как люди или тимбрими.

— Почему же ты мне не помогаешь? — Сердце Джиллиан забилось. Она ухватилась за край стола и поняла, что чуть не сорвалась из-за раздражения.

— Почему меня всегда так поражает человеческий взгляд на мир, доктор Баскин? — спросил Нисс. Голос машины звучал почти сочувственно. — Мои хозяева тимбрими необычайно хитры. Их приспособляемость позволяет им выжить в самых ужасных условиях. Но и они попали в ловушку галактического образа мыслей. Вы, земляне, со своим свежим взглядом на вещи можете разглядеть то, чего не увидели они.

— Разница в поведении и верованиях кислородопоглощающих огромна, но человеческий опыт уникален. Тщательно и осторожно возвышенные расы никогда не совершали таких ошибок, как люди в предконтактном состоянии. Эти ошибки делают вас уникальными.

Джиллиан знала, что это правда. Люди совершали невероятные глупости; их никогда бы не совершили расы, знающие о существовании законов природы. В эти дикие столетия развивались жуткие суеверия. Допускались самые разные способы управления, интриги, философские школы. Как будто сирота-Земля стала планетой-лабораторией, в которой проводилась серия странных экспериментов.

Какими бы нелогичными и позорными ни казались теперь эти эксперименты, они обогатили современного человека. Мало кто сумел сделать столько ошибок за такое короткое время или пытался бы решить столько неразрешимых проблем.

Художники Земли высоко ценились пресыщенными ити, им хорошо платили, и они сочиняли сюжеты, которых не мог вообразить никакой галакт. Тимбрими особенно нравились земные книги в стиле фэнтези, с драконами, чудовищами

и волшебством — чем больше, тем лучше. Эти книги казались им необыкновенно яркими и гротескными.

— Меня не обескураживает, когда вы сердитесь на Библиотеку, — сказал Нисс. — Я рад. Я учусь на вашем раздражении! Вы сомневаетесь в том, что вся галактика считает само собой разумеющимся.

— Помогать вам — моя вторичная задача, миссис Орли. Главная — наблюдать, как вы страдаете.

Джиллиан моргнула. Машина не зря применила такой древний способ, это попытка еще больше рассердить ее. Она сидела неподвижно, пытаясь разобраться в своих противоречиях и эмоциях.

— Так дело не пойдет, — сказала она наконец. — Это сводит с ума. Я как будто заперта в душном помещении.

Нисс ничего не ответил. Джиллиан следила за светящимися точками на экране.

— Ты предлагаешь на время оставить это? — спросила она наконец.

— Может быть. И у тимбрими, и у людей есть подсознание. Может, позволим ему повозиться с этими проблемами.

Джиллиан кивнула.

— Я попрошу Крайдайки послать меня на остров Хикахи. Изучение аборигенов крайне важно. Я думаю, это самое главное, конечно, после нашего спасения.

— Нормальная точка зрения по галактическим стандартам и потому неинтересная для меня. — В голосе Нисса послышалась скука. На экране появились темные вращающиеся линии.

Джиллиан послышался легкий хлопок.

Она связалась по коммуникатору с Крайдайки.

— Джиллиан, ваше пси перерабатывает. Я собирался с вами связаться.

Она сразу села.

— Новости от Тома?

— Да. Всссе в порядке. Он просит меня передать вам поручение. Можете сейчас прийти ко мне?

— Иду, Крайдайки.

Она закрыла дверь лаборатории и заторопилась на мостик.

24. ГАЛАКТЫ

Би Чохуан лишь глухо гудела, изумляясь масштабу битвы. Как умудрились эти фанатики собрать столько сил за такое короткое время?

Маленький синтианский корабль-разведчик Би, скрываясь в хвосте, опускался на каменное ядро давно мертвой кометы. Система Ктсимини озарялась яркими вспышками. На экранах корабля виднелись боевые флоты, сходившиеся в смертоносной схватке, убивавшие друг друга и снова расходившиеся. Создавались и распадались союзы, когда это казалось выгодным участникам. И в нарушение кодекса Института Цивилизованных Войн, никакого снисхождения друг к другу...

Даже Би, опытный разведчик синтианского анклава, ничего подобного никогда не видела.

— Я была наблюдателем при Паклатугле, когда клиенты J'81ek нарушили свой договор на поле битвы. Я видела ритуальную войну союза Повинующихся с Отрекшимися. Но никогда не видела такого бессмысленного уничтожения! Неужели у них нет гордости? Они не умеют ценить искусство войны?

Прямо у нее на глазах в результате предательства распался самый сильный союз, один фланг обрушился на другой.

Би с отвращением фыркнула.

— Неверные фанатики, — пробормотала она.

С полки до нее донесся щебет.

— Кто из вас это сказал? — Би взглянула на

маленьких, похожих на деревянную мозаику вазунов; каждый смотрел на нее из люка своего крошечного шпионского шара. Вазуны защебетали, но никто не сознался.

Би снова фыркнула.

— Конечно, вы правы. У фанатиков быстрая реакция. Они начинают драться не задумываясь, а мы, умеренные, сначала должны подумать, а потом действовать.

«Особенно сверхосторожны синтиане, — подумала она. — Земляне — наши союзники, но мы только робко ведем переговоры, размышляем, посылаем протесты в галактические Институты и внедряем разведчиков и шпионов, чтобы наблюдать за фанатиками».

Вазуны предупреждающе защебетали.

— Знаю! — выпалила Би. — Вы думаете, я плохо знаю свое дело? Перед нами робот-наблюдатель. Один из вас займется им, и не беспокойте меня! Разве не видите, что я занята?

Глаза смотрели на нее. Одна пара исчезла, вазун скрылся в своем маленьком корабле, люк закрылся за ним. Через мгновение разведчик вздрогнул, из него вылетел маленький корабль..

«Удачи тебе, маленький вазун, верный клиент», — пожелала Би. Она с напускным равнодушием

следила, как маленький зонд пробирается среди обломков к роботу-наблюдателю, преградившему дорогу Би.

«Всего лишь один разведчик, — с горечью думала она. Тимбрими сражаются не на жизнь, а на смерть, Земля осаждена, у нее отобрана половина колоний, а мы, синтиане, по-прежнему ждем и наблюдаем, наблюдаем и ждем; только я и моя команда посланы для наблюдений».

Неожиданно вспыхнуло небольшое пламя, бросив четкие тени на астероиды. Вазуны издали траурный вопль, который прекратился, когда Би посмотрела на них.

— Не стесняйтесь меня, храбрые маленькие вазуны, — сказала она. — Вы клиенты и храбрые воины, а не рабы. Оплакивайте своего товарища, который погиб за всех нас.

Она подумала о своем холодном расчетливом народе, среди которого чувствовала себя чужой.

— Не стесняйтесь! — повторила она, удивленная собственной яростью. — Это не зазорно, мои маленькие вазуны. В этом вы превосходите своих патронов и станете великой расой, когда вырастете!

Би направила корабль к планете, покрытой водой, над которой разворачивалась битва,

чувствуя себя ближе к маленьким клиентам-товарищам, чем к своему вечно осторожному народу.

25. ТОМАС ОРЛИ

Томас Орли смотрел на свое сокровище, на то, что искал двенадцать лет. Оно как будто невредимо. Впервые попавшее в человеческие руки.

Только дважды микроветви Библиотеки, предназначенные для других рас, попадали в руки людей — в кораблях, захваченных в засадах, за последние двести лет. И в обоих случаях банк данных был поврежден. Попытки изучения этих микроветвей принесли много полезного, но рано или поздно какая-то ошибка заставляла эти полуразумные машины самоуничтожаться.

Впервые удалось взять с военного корабля могущественной галактической расы патронов прибор нетронутым. Впервые с тех пор, как к секретным поискам присоединились некоторые тимбрими.

Прибор представлял собой большой ящик, три на два метра, высотой в один метр, с простым оптическим устройством доступа. Посредине одной из сторон спираль с лучами — символ

Библиотеки.

Его привязали к грузовым саням вместе с остальной добычей, включая три кольца генератора вероятностного поля, неповрежденных и бесценных. Ханнес Свесси отправится с добычей на «Стремительный», охраняя ее, как наседка цыплят. И только когда убедится, что она в неприкосновенности доставлена Эмерсону Д'Аниту, вернется назад.

Том на восковой дощечке писал обычные указания. Если повезет, микроветвь передадут Крайдайки и Джиллиан, не привлекая излишнего внимания. Липкой бумагой он заклеил иероглиф Библиотеки.

Дело не в том, что его интерес к захваченной микроветви — большая тайна. Экипаж, помогавший в поисках, знает об этом. Но чем меньше будет известно подробностей, тем лучше. Особенно если корабль будет все-таки захвачен. Если его инструкции выполнят, прибор будет подключен к коммуникатору в его каюте, к внешне совершенно обычному коммуникационному экрану.

Он представил себе, какое впечатление это произведет на Нисса. Том хотел бы присутствовать, когда машина тимбрими обнаружит, к чему получила доступ. Наверное, эта самодовольная

штука на полдня лишится дара речи.

Том надеялся, что она не будет слишком ошеломлена. Ему нужны некоторые ответы немедленно.

Свесси уже уснул, привязанный к своему драгоценному грузу. Том проверил, чтобы его инструкции тщательно соблюдали. Потом поплыл к крутой скале, нависающей над разбитым космическим кораблем.

Вокруг корпуса плавали неофины, проводя многочисленные измерения снаружи и изнутри. По приказу Крайдайки будут заложены заряды, и начнется превращение гигантского боевого корабля в пустую рассверленную оболочку.

К этому времени первое сообщение о находке уже должно достичь «Стремительного», и сани будут возвращаться по найденному ими короткому пути, прокладывая моноволоконную линию связи из дома. На полпути они должны встретить сани с добычей.

Конечно, если этот «дом» на месте. Том полагал, что битва продолжает бушевать над Китрупом. Космическая война разворачивается неторопливо, особенно если ее ведут долгожители галакты. Она может тянуться еще год или два. Подойдут подкрепления, и начнется война на истощение.

Впрочем, маловероятно, чтобы фанатики дошли до этого.

В любом случае экипаж «Стремительного» должен действовать так, словно война кончится не сегодня-завтра. Пока она идет, у землян еще есть шанс.

Том снова обдумал свой план и пришел к тому же выводу. Другого выхода нет.

Есть три выхода из ловушки, в которой они оказались: спасение, переговоры и обман.

Лучше всего представить себе спасение. Но у Земли нет сил, чтобы прийти им на выручку. Вместе со своими союзниками она едва ли сравнится по силе только с одной группой фанатиков в битве над Китрупом.

Конечно, могут вмешаться галактические Институты. Закон требовал, чтобы «Стремительный» сообщил о своем открытии непосредственно им. Проблема в том, что силы Институтов очень малы. Как слабая версия правительств Земли двадцатого века, при которых человечество едва не погибло, Институты зависят от общественного мнения и добровольцев. «Умеренное» большинство может, конечно, решить, что открытия «Стремительного» должны принадлежать всем, но Том полагал, что потребуются

годы, чтобы принять такое решение и создать необходимые союзы.

На переговоры такая же слабая надежда, как и на выручку. В любом случае, если дело дойдет до переговоров с победителем битвы, у Крайдайки есть Джиллиан, Хикахи, Метц, и Том для этого не нужен.

Остается попытка провести врага, суметь обмануть его там, где не помогут выручка и переговоры.

«Вот это дело мое», — подумал Том.

Здесь океан глубже и темнее, чем в пятидесяти километрах на восток, где на отмели на границе континентальной плиты возвышаются металлические острова. В том районе, где была спасена группа Хикахи, вода обогащена металлом из-за цепи полудействующих вулканов.

А здесь подлинных металлических холмов нет, а вулканические острова, образовавшиеся вокруг давно погасших вулканов, почти сравнялись с водой.

Отводя взгляд от разбитого корабля и следа, который оставило его падение, Том видел прекрасный успокаивающий пейзаж. Темно-желтые листья водорослей, покрывающие поверхность воды, напомнили ему цвет волос Джиллиан.

Орли напевал мелодию, которую немногие люди могли бы исполнить. Маленькие полости, генетически возникшие в его черепе, создавали резонанс, и низкая мелодия распространялась в воде.

Во сне твоя ласка
Трогает меня,
Но, просыпаясь, я ее не нахожу

На расстоянии
Я позову тебя,
Коснусь, когда ты будешь спать.

Конечно, Джиллиан не может услышать его стихи-подарок. Его собственные пси-способности довольно скромные. Но намек уловить может. Она не раз уже удивляла его.

Сопровождающие дельфины собрались у саней. Свесси проснулся и вместе с лейтенантом Тшут проверял крепления груза.

Том спустился со своего высокого убежища и присоединился к группе. Тшут увидела его, быстро глотнула воздуха из пузыря и поплыла ему навстречу.

— Мне хочется, чтобы вы передумали, — сказала она, когда они встретились. — Буду откровенна.

Ваше присутствие хорошо поддерживает моральный дух. Потеря вассс будет тяжелым ударом.

Том улыбнулся и положил руку ей на бок. Он уже смирился с тем, что у него очень мало шансов на возвращение.

— Не вижу другого выхода, Тшут. Остальные части моего плана могут осуществить другие, но только я могу насадить приманку на крючок. Вы это знаете.

— К тому же, — он улыбнулся, — Крайдайки сможет отозвать меня, если план ему не понравится. Я попросил, чтобы он выслал Джиллиан мне навстречу к острову Хикахи, куда придет глайдер с нужными припасами. Если Джиллиан скажет, что Крайдайки не разрешает, я буду на корабле раньше вас.

Тшут отвела взгляд.

— Сссомневаюсь, чтобы он ссказал нет, — почти неслышно просвистела она.

— Гм? Что вы имеете в виду?

Тшут уклончиво ответила на тринари:

Крайдайки ведет нас —
Он наш начальник
Но мы считаем,
Что есть тайные приказы.

Том вздохнул. Вот опять. Подозрение, что Земля не отпустила бы корабль с дельфинами без тайного присмотра людей. Естественно, слухи сосредоточились вокруг него. Неприятно, потому что Крайдайки — замечательный капитан, но мешает главной цели экспедиции. Ее успех продвинул бы на целое поколение вперед развитие неодельфинов.

Тогда мой отъезд
Даст вам урок,
На борту «Стремительного»
Ваш капитан.

У Тшут, должно быть, кончался запас воздуха. Из ее дыхала выходили пузыри. Но она покорно взглянула на него и заговорила на англике:

— Хор-рошо. После отъезда Свесси отправим вас. А сами будем продолжать работать здесь, пока не получим приказ Крайдайки.

— Ладно, — кивнул Том. — А остальную часть плана вы по-прежнему одобряете?

Тшут отвернулась, потупила взгляд.

Кининк и логика,
Объединившись,
Говорят

План — это все,

Что между нами

И судьбой

Мы все выполним свою часть.

Том обнял ее.

— Я знал, что могу рассчитывать на вас, моя милая рыбачила. И я совсем не волнуюсь. Давайте прощаться с Ханнесом, чтобы я тоже смог отправиться. Не хочу, чтобы Джилл оказалась на острове раньше меня.

Он нырнул к саням. Но Тшут ненадолго задержалась. Хотя в легких ее почти не осталось кислорода, она некоторое время лежала и смотрела вслед Тому.

Спускаясь, он услышал ее сонар. Мягкие щелчки напевали ему тихий реквием:

Нас ловят сетями

Эти с Ики,

Но ты с нами, ты разрезаешь сети.

Добрый ходящий по суше,

Ты всегда

Разрезаешь сети.

Но за это

У тебя отнимут
Жизнь...

26. КРАЙДАЙКИ

Даже самый правильный англик в тщательном произношении неодельфина человек, знающий только людской английский, поймет с трудом. Синтаксис и большинство корней те же самые. Но лондонец периода до контакта решил бы, что звуки такие же странные, как и произносящие их голоса.

Модифицированные дыхала дельфинов способны производить свистки и писки, произносить гласные и некоторые согласные. Щелчки сонара и различные другие звуки производят сложные резонирующие полости в черепе.

В речи эти различные составляющие иногда совпадают по гармоникам, иногда нет. Даже в лучшие времена встречаются долгие шипящие, «т» с придыханием, стенающие гласные. Речь — это большое искусство.

А тринари — отдых, область воображения и личного. Он сменил дельфиний праймал, значительно расширив его возможности. Но именно

англик связывает дельфинов с миром причин и следствий.

Англик — это язык-компромисс, учитывающий голосовые способности обеих рас, мост между миром рук и огня, миром людей, и легендами «сна китов». С помощью этого языка дельфину удалось сравняться с человеком в аналитическом мышлении, в осмысливании прошлого и будущего, в составлении планов, использовании орудий труда и ведении войн.

Некоторые мыслители-люди задавались вопросом, хорошо ли такое благодеяние для китообразных — умение разговаривать на англике.

Между собой неодельфины могут говорить на англике, чтобы сосредоточиться, но при этом они не стараются, чтобы звучание походило на английскую речь. Они перейдут на частоты, недоступные человеческому восприятию, и согласные в их речи вообще исчезнут.

Кининк позволяет это. Главное для него — семантика. Грамматика, двухуровневая логика, временная ориентация остаются английскими, но главное — прагматический результат.

Принимая доклад Хикахи, Крайдайки сознательно использовал очень свободную форму фин-англика. Он хотел подчеркнуть, что дальше

последует личное.

Слушая, он одновременно в соответствии с запросами тела совершал быстрые круги в бассейне. Хикахи пересказывала содержание разговора планетологов, наслаждаясь свежим воздухом в своих основных легких. Изредка она замолкала и проплывала рядом с ним, потом продолжала.

Сейчас ее речь звучала не совсем по-человечески, но хороший звукозаписывающий аппарат мог их расшифровать.

— ...Он очень этим озабочен, капитан. В сущности, Чарли считает, что даже если «Стремительный» попытается уйти, мы должны оставить здесь небольшую исследовательскую группу с баркасом. Брукиде тоже понравилась эта мысль. Я была ошеломлена.

Крайдайки проплыл перед нею. Быстро задал вопрос.

— Что они будут делать, если мы их оставим, а нас захватят? — Снова нырнул и поплыл к дальней стене.

— Чарли полагает, что он со своей группой должен относиться к мирному населению, как и группа Судман-Сахота на острове. Он говорит, что есть прецеденты. Таким образом, от нас ничего не зависит, часть экспедиции будет сохранена.

Помещение для упражнений размещалось в центральном кольце «Стремительного», на десять градусов выше колеса. Стены скошены, и Крайдайки приходилось следить за эхом от мелей слева. Справа на воде плавали мячи, круги и другие игрушки.

Крайдайки быстро поднырнул под связку шаров и выскочил из воды. Перевернулся в воздухе и с плеском упал на спину. Снова перевернулся под водой и встал на хвосте. Тяжело дыша, он одним глазом смотрел на Хикахи.

— Я уже думал об этом, — сказал он. — Мы могли бы оставить и Метца с его записями. Сбросить его с хвоста — это стоит тридцати селедок и анчоусов на десерт.

Он снова опустился в воду.

— Жаль, что такое решение аморально и неконструктивно.

Хикахи удивленно взглянула на него, стараясь понять смысл сказанного.

Крайдайки почувствовал себя значительно лучше. Беспокойство, которое все усиливалось, когда он слушал сообщение Тома Орли, улеглось. Уныние, в которое его поверг план человека, на мгновение улетучилось.

Теперь остается формальность — согласие сове-

та корабля. Он надеялся на чьи-нибудь светлые мысли, но сомневался в этом.

— Подумай, — сказал он своей помощнице. — Статус мирного населения мог бы подействовать, если бы нас убили или захватили в плен. Но если мы уйдем и увлечем за собой ити?

У Хикахи чуть отвисла нижняя челюсть — жест, заимствованный у людей.

— Конечно. Понимаю. Ктсимини очень изолированная система. Туда и обратно ведет лишь несколько дорог. Баркас, очевидно, в одиночку не сможет вернуться к цивилизации.

— А что это означает?

— Они застрянут на смертоносной планете почти без медицинского оборудования. Прости, я и не могла предположить.

Она слегка повернулась, подставляя левый брюшной плавник. Это цивилизованный признак покорности, существовавший издревле, когда ученик преклоняет голову перед учителем.

Когда-нибудь, если повезет, Хикахи будет командовать гораздо большим кораблем, чем «Стремительный». Капитан и учитель был доволен одновременно скромностью и остротой мышления. Но перед ним стояла более близкая задача.

— Ну, хорошо, мы обсудим их идею. На всякий случай, проверь, чтобы баркас был готов незамедлительно вылететь. Но приставь к нему охрану.

Оба считали дурным предзнаменованием, когда меры безопасности принимаются внутри, а не снаружи корабля.

Мимо проплыло ярко раскрашенное полосатое резиновое кольцо. Крайдайки почувствовал желание схватить его... а потом увлечь Хикахи в угол, прижаться к ней носом... Он встряхнулся.

— Дальнейшие тектонические исследования, — сказал он, — мы рассматривать не будем. Джиллиан Баскин отправилась на твой остров, чтобы передать припасы Томасу Орли и помочь Дэнни Судман наблюдать за аборигенами. Вернувшись, она может прихватить образцы скал для Чарли. Это должно удовлетворить его.

— Остальные будут очень заняты, когда Свесси вернется с запасными частями.

— Свесси уверен, что он нашел то, что нам нужно на разбитом корабле?

— Вполне.

— Новый план означает передвижение «Стремительного». Работающие двигатели могут нас выдать. Но, думаю, выбора нет. Надо продумать схему перемещения корабля.

Крайдайки понял, что ничего не добьется. Осталось всего несколько часов до прибытия Свесси, а его англик... заставляет Хикахи вести себя сдержанно и осторожно. Неудивительно, что нет никаких намеков, никакого сообщения в виде телодвижений, и он не знает, как она отнесется к его попытке приблизиться.

Он ответил на тринари:

Мы передвинем корабль
Под водой
К разбитому кораблю —
Пустому, ждущему
Скоро, пока битва
Бушует в черноте
Заполняя пространство
Воплями головоногих
А в это время
Орли, придумавший сеть,
Далеко от нас
Создаст
Отвлечение
Далеко от нас
Заставит поверить

Обманщиков
Отвлечет акул,
Чтобы мы были в безопасности.

Хикахи смотрела на него. Она впервые слышала об этом. Подобно многим самкам на корабле, Хикахи испытывала платоническое влечение к Томасу Орли.

«Мне следовало мягче сообщить ей эту новость или — еще лучше — подождать».

Глаза ее мигнули раз, другой, потом закрылись. Она медленно погрузилась в воду, и ее сонар издал слабый звук.

Крайдайки позавидовал людям — у них были руки. Он опустился рядом с ней, коснувшись ее концом своего бутылкообразного носа.

Не печалься —
Воин с блестящими глазами
Песнь об Орли
Сложат киты

Хикахи печально ответила:

Я, Хикахи
Почитаю Орли
Почитаю капитана

Почитаю весь экипаж
Дело должно быть сделано
Но я страдаю из-за одной
Из-за Джиллиан Баскин
Дорогой Очистительницы Жизни
Из-за ее утраты
Из-за горя ее тела.

Устыдившись, Крайдайки ощутил, как его охватило полное безразличие и меланхолия. Он тоже закрыл глаза, и по воде донеслось эхо разделенной печали.

Долго они лежали рядом, поднимаясь, чтобы вдохнуть, потом снова опускаясь.

В мыслях Крайдайки уже был далеко, когда, наконец, почувствовал, что Хикахи отплывает. Но вот она вернулась, мягко потерлась о его бок и нежно укусила своими острыми мелкими зубами.

Вначале почти против воли, Крайдайки ощутил, как возвращается его энтузиазм. Он повернулся на бок и выпустил длинную цепочку пузырей, когда ее прикосновения стали более настойчивыми.

Вкус воды улучшился, и Хикахи начала петь знакомую песню — один из древнейших сигналов

на праймале. Помимо всего прочего он сообщал, что «жизнь продолжается».

27. ОСТРОВ

Тихая ночь.

Многочисленные маленькие спутники Китрупа гонят легкий прибой у металлического утеса. Постоянные ветры, без перерыва дующие над океаном планеты, раскачивают деревья и ерошат листву.

И все же после всех этих месяцев тишина угнетает. Никаких звуков, сопровождающих их повсюду с самой Земли, никаких щелчков, гудения, с которыми машины выполняют свои функции, ни треска изредка, ни дымка неполадок.

Не слышны и писклявые свистящие разговоры дельфинов. Отсутствуют даже Кипиру и Сахот. Сегодня ночью они сопровождают аборигенов острова в их ночной морской охоте.

На металлическом острове тоже непривычно тихо. Лишь некоторые звуки постоянны: море, отдаленный гул вулкана...

Негромкий стон в ночи, сопровождаемый очень тихим задыхающимся смехом.

— Вот они снова, — вздохнула Дэнни, не особен-

но заботясь о том, чтобы ее не услышал Тошио.

Звуки доносились с поляны на южном краю острова. Люди, третий и четвертый, постарались как можно дальше отойти и от деревни аборигенов, и от туннеля в острове. Но Дэнни хотелось бы, чтобы они ушли еще дальше.

Послышался смех, слабый, но отчетливый.

— Никогда не слышала ничего подобного, — вздохнула Дэнни.

Тошио покраснел и подбросил дров в костер. Пара на поляне заслужила одиночество. Дэнни могла бы заметить.

— Да они похожи на норок! — сказала Дэнни. В ее словах должны были звучать насмешливая зависть, ирония, сарказм, но слышалась горечь.

Тошио это почувствовал. И, вопреки собственному желанию, сказал:

— Дэнни, мы знаем, что люди — сексуальные гиганты галактики, хотя кое-кто из наших клиентов готов нас в этом переплюнуть.

Он сунул ветку в огонь. Довольно нахальное замечание. Ночь его подбодрила, и надо было снять напряжение, царившее у костра.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросила Дэнни.

Тошио поиграл ветвью.

— Ну, есть строчка в старой пьесе... «Ваши дельфины не похотливей!» Шекспир не первый сравнил два самых сексуальных вида высокоразвитых млекопитающих. Вряд ли существует шкала измерений, но мне часто кажется, что это необходимое условие развития разума.

— Конечно, это только предположение. Если принять во внимание все, что говорят галакты о возвышении...

Он продолжал говорить, постепенно отходя от темы; заметил, что Дэнни, обычно немного холодноватая, едва не взорвалась, но потом отвернулась и посмотрела в сторону.

Ему удалось! Он победил в этом раунде! Небольшой успех в игре. Непонятно даже, стоит ли продолжать.

Легкий флирт по отношению к Тошио был всегда односторонним, и Тошио всегда оказывался страдающей стороной. Справиться с более взрослой, привлекательной женщиной — конечно, победа.

Он не считал себя жестоким, хотя условия игры предполагают это. Ему хотелось только, чтобы Дэнни Судман перестала считать его ребенком. И если от этого пострадает их взаимная легкая привязанность, что ж, тем хуже.

Хотя его не волнует Сахот, Тошио все же доволен, что благодаря дельфину пробил брешь в защите Дэнни.

Он уже собирался вновь сострить, когда Дэнни сказала:

— Прости, Тош. Я бы выслушала остальное, но лучше сейчас поспать. Завтра у нас тяжелый день. Нужно отправить глайдер Тома, показать Джиллиан кикви, поэкспериментировать с этим проклятым роботом для Чарли. Тебе тоже не помешает.

И она закуталась в спальный мешок на краю лагеря, рядом с защитой.

— Да, — согласился Тошио, может быть, чересчур поспешно. — Хорошо, Дэнни. Спокойной ночи. Приятных снов.

Она молчала, повернувшись спиной к костру. Тошио не мог решить, спит ли она.

«Хотел бы я, чтобы у нас, людей, лучше были развиты пси-способности, — подумал он. — Говорят, телепатия — это атавизм, но все равно приятно было бы иногда прочитать чужие мысли. Было бы спокойнее, если бы я знал, о чем она думает... даже если я для нее ребенок».

Он посмотрел на хмурое небо. Сквозь разрывы в облаках видны звезды.

И две новые туманности, которых не было накануне. Это следы продолжающейся битвы. Крошечные ложные туманности сверкали всеми цветами спектра видимых и, вероятно, невидимых частот.

Тошио взял горсть металлосиликатной пыли и сквозь пальцы высыпал на угли. Искорки металла подмигивали ему, как радужные конфетти или мерцающие звезды.

Он стряхнул остатки с рук и заполз в мешок. Лежал, закрыв глаза, не желая ни смотреть на звезды, ни обдумывать свое поведение.

Напротив, прислушивался к звукам ветра и прибоя в ночи. Они доносились ритмично и успокаивающе, как колыбельная, как море у него дома.

Только единожды ему вновь послышались вздохи и негромкий смех с юга. Звуки, полные такого счастья, только усилили его печальную тоску.

— Снова они, — вздохнул он про себя. — Клянусь, никогда не слышал ничего подобного.

Их тела покрылись испариной.

Джиллиан слизнула соль с верхней губы. Том точно так же очистил от соли ее грудь. Влажным ртом он дотронулся до ее сосков, ей стало

прохладно.

Она ахнула и схватила его за волосы на затылке, где их оставалось больше. В ответ он игриво укусил Джиллиан, отчего по всему ее телу пробежала дрожь.

Джиллиан обхватила ногами его колени и опустилась на него. Дыхание его прервалось и, подняв голову, он посмотрел ей в глаза.

— Я думал, это у нас последние игры, — прошептал он чуть хрипло. Сделал вид, что вытирает лоб. — Останови меня, когда я перейду грань и начну обещать невозможное. — Потом взял ее руку и поцеловал.

Джиллиан провела рукой по его щеке, легко коснулась подбородка, горла, плеча. Игриво потянула за волосы на груди.

Звуки, которые она издавала, походили скорее на урчание самки леопарда, а не домашней кошка.

— Когда сможешь, любимый, я подожду. Возможно, ты незаконное дитя грязной пробирки, но я знаю тебя лучше твоих создателей. Они и не подозревали о твоих скрытых резервах...

Том как раз собирался сказать, что он вполне законный сын Мэри и Брюса Орли из штата Миннесота, Земная Конфедерация... но вдруг заметил,

что на глаза ее навернулись слезы. Грубоватые слова ее звучали легко и насмешливо, но она все крепче сжимала его и смотрела так, словно старалась запомнить мельчайшие детали лица.

Том неожиданно смутился. Могут ли они быть ближе, чем сейчас? Он так хотел этого в их с Джилл последнюю ночь. Он плотнее прижался к ней, ощутил ее теплое дыхание. И отвел взгляд, чувствуя, что теряет ее.

Затем вдруг почувствовал мягкое поглаживание, изгоняющее ощущение тяжести в голове. Очень мягкое непрекращающееся давление. И понял, что борется сам с собой.

«Завтра я ухожу», — подумал он.

Они долго спорили о том, кому уходить, и он выиграл. Но ощущение горечи не проходило.

Том закрыл глаза.

«Я отрываю ее от себя! Я, возможно, никогда не вернусь и отрываю теперь часть самого себя, самую дорогую».

Неожиданно Том ощутил себя очень слабым и маленьким, словно он в опасном месте служит единственной преградой между возлюбленной и страшными врагами, и он не сверхгерой, а всего лишь человек, одинокий и готовый на все.

Он открыл глаза, почувствовав прикоснове-

ние.

Прижался щекой к ее руке. В глазах ее по-прежнему слезы, но сквозь улыбку.

— Глупый мальчишка, — сказала она. — Ты никогда не расстанешься со мной. Разве ты еще не понял? Я с тобой, и ты ко мне вернешься.

Он удивленно покачал головой.

— Джилл, я... — Он начал говорить, но она остановила его жадным поцелуем. Губы ее были горячими и нежными. Пальцы ее правой руки ласкали его, не переставая.

Она снова поглотила его, вобрала в себя и одурманила пьянящим, сладким запахом. И Том вдруг понял, что она снова права.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ДИССОНАНС

Животные создаются силами природы, которых сами не понимают. Для них не существует ни прошлого, ни будущего. Только одно вечное настоящее, одно нынешнее поколение, его след в лесу, его невидные пути в воздухе или в море. Нет во вселенной существа более одинокого, чем человек. Он вступил в странный мир истории...

Лорен Эйсли

28. САХОТ

Всю ночь Сахот шел за ними. К утру он, кажется, начал понимать.

На рассвете кикви покинули места ночной охоты и для безопасности поплыли к своему острову. Спрятали сети и ловушки в расселинах кораллов, взяли грубые копья и заторопились в лучах занимающегося рассвета. На свету оживают растения-убийцы, возникают другие опасности.

Днем кикви в лесах металлического острова ищут орехи и мелких животных в густой листве.

Под водой кикви с плавниками похожи на зеленую собаку-рыбу, с короткими руками и с перепонками меж пальцев с плавниками на ногах. Два хватательных брюшных плавника помогают им маневрировать. Сильные, отталкивающие воду ноги, позволяют держать в руках груз. Голова — в кольце ресничек, которые собирают рассеянный кислород, добавляя его в воздушный мешок кикви.

Охотники-собиратели несли две сети, полные похожих на крабов морских существ, цветных металлических скульптурок. И клекот, писк, крики были их песней.

Сахот слушал, как они перекликаются; их словарный запас состоит всего из нескольких голосовых сигналов, координирующих их действия. Время от времени некоторые кикви поднимались на поверхность подышать воздухом, это действие сопровождалось сложным подергиванием.

Туземцы не обращали внимания на следующих за ними чужаков. Сахот держался поодаль, стараясь не мешать. Они, конечно, чувствовали его присутствие. Время от времени самые молодые из кикви посылали подозрительные сонарные

сигналы в его направлении. Странно, но охотники постарше полностью смирились с ним.

Сахот с облегчением смотрел на усиливающийся свет. Он всю ночь старался не пользоваться собственным сонаром, чтобы не испугать туземцев. И чувствовал себя почти слепым от постоянных столкновений в темноте.

И все же дело того стоило.

Теперь он неплохо владеет их языком. Как и в дельфиньем праймале, структура сигнала основана на иерархии стада и на темпе дыхательного цикла. Причинно-следственная логика чуть сложнее, чем в праймале, несомненно, благодаря наличию пригодных к работе рук.

? смотрите, мы охотились охотились
и на нас охотились хорошо
? Осторожно, осторожно,
Благоприятность
? Ешь, ешь хорошо
чтоб тебя не съели
? Умри над водой, а не... Нет!

Судя только по семантике, эти существа менее пригодны к возвышению, чем были невозделанные дельфины Земли. Но, основываясь на их

способности использовать орудия труда, кто-нибудь усомнится в этом.

Конечно, наличие рук означает, что кикви вряд ли станут хорошими поэтами. Но все же в их бахвальстве есть определенное очарование.

Ремни доспехов натирали кожу. Сахот поднялся, чтобы вдохнуть. Хоть эта проклятая штука весит мало и обтекаемая, было бы лучше ее не иметь.

Конечно, эти воды опасны, и возможно, ему придется защищаться. К тому же поблизости Кипиру. Согласно инструкциям, держится незаметно, но внимательно слушает. Кипиру отгрызет Сахоту спинной плавник до самого позвоночника, если увидит его без доспехов.

В отличие от других членов экипажа «Стремительного», техников и военных, Сахот побаивался доспехов. Он ничего не имел против компьютеров, поскольку некоторые из них даже умеют говорить и помогают ему общаться с другими расами. Но придатки для перемещения, созидания или убийства, — он предпочел бы обойтись без них.

Он ненавидел два шишковидных маленьких «пальц-ца» на концах своих грудных плавников — говорят, когда-нибудь они заменят его виду

руки. Но пальцы так неэстетичны. Ему не нравились также изменения в легких. Благодаря им дельфины стали устойчивее по отношению к пришедшим с суши болезням и могут дышать в оксиводе. Природные китообразные не нуждались в таких изменениях. Невозделанные Stenos bredanensis и Tursiopus truncatus, которых генетики не тронули, могут перегнать любого amicus.

Со смешанными чувствами он относился и к увеличению зрительных возможностей: ведь это произошло за счет все той же серой материи, которая гораздо лучше воспринимает звуки.

Сахот снова поднялся, чтобы вдохнуть, потом погрузился, не отставая от аборигенов.

В его собственной линии вырабатывались способности к языкам, а не к использованию орудий. Ему это казалось более соответствующим природе дельфина, чем все эти полеты в звездных кораблях. Дельфинам не стоит делать вид, что они инженеры и астронавты.

Это одна из причин, по которым он отказался лететь в гичке осматривать брошенный флот в Мелком скоплении. Даже если бы там было с кем поговорить — чему не обнаружено никаких свидетельств, — что бы он там делал, один, окруженный неумелыми клиентами? «Стреми-

тельный», в одиночку пытающийся справиться с брошенным флотом, все равно что ребенок, играющий с бомбой.

Его поступок вызвал презрение у экипажа, хотя и был оправдан гибелью гички.

Это презрение ничего не значит, напомнил себе Сахот. Он не военный. И пока выполняет свою работу, не должен объяснять причины своего поведения.

Он не придавал значения щелчкам неодобрения в связи с его вниманием к Дэнни Судман. До возвышения самцы-дельфины нахально вели себя с женщинами-исследователями. «Это давняя традиция, — оправдывался он. — Что хорошо для старого доброго Флиппера, подходит и его мозговитому потомку».

В англике он ненавидел эти постоянные поиски оправданий. Люди вечно спрашивают: почему? Какая разница? Всегда можно взглянуть на мир по-иному, нежели люди. Любой кит подтвердит это.

Кикви возбужденно щебетали, плывя к восточной оконечности своего острова и готовясь поднимать добычу в расщелину стены.

Сахот почувствовал чей-то сонар, словно мелькание луча прожектора. С севера приближался

Кипиру, чтобы проводить его к лагерю землян.

Сахот вынырнул на поверхность. Наклонив голову, взглянул на новый день. На востоке встает в дымке солнце, слышен шелест дождя.

Металлический привкус пронизывает воздух, напоминая о смертельной опасности заключения на Китрупе.

Несомненно, Крайдайки и его «инженеры» пытаются нащупать способ выбраться из этой кутерьмы. План этот, несомненно, будет отчаянным и смелым... и приведет их всех к гибели.

Разве не ясно, что дельфины в этой игре завоевателей не способны победить галактов? Ведь их опыт исчисляется целыми эпохами!

Он, конечно, предан людям. Но понимает, что они — неуклюжие сироты-волчата, старающиеся выжить в опасной реакционной галактике.

Существует старинная дельфинья поговорка: «Все люди — инженеры, все инженеры — люди». Остроумно, но вряд ли верно.

Кипиру показался на поверхности рядом с ним. Сахот спокойно выдувал воздух, его дыхание конденсировалось в брызги. Он лежал, глядя на восход, пока не лопнуло терпение Кипиру.

— Ужжже сссветло, Сахот. Наше месссто не ззздесь. Нам надо отрапортовать, и я хочу поесть

и отдохнуть.

Сахот продолжал изображать рассеянного ученого. Он посмотрел так, словно Кипиру оторвал его от мыслей, глубина которых ему недоступна.

— Что? О, да. Конечно, пилот. Разумеется. У меня очень интересные данные для доклада. Знаешь, мне кажется, я разгадал их язык.

— Отлично. — Семантически Кипиру ответил на англике, но фонетически это был писк. Он нырнул по направлению к входу в пещеру.

Сахот поморщился от сарказма пилота, но не раскаялся.

«Сочинить, что ли, несколько лимериков, чтобы разнообразить отчет для Дэнни, — подумал он. — Жаль, что она остается на берегу. Ну, может, сегодня смягчится и присоединится ко мне».

Изгибаясь, чтобы следовать за Кипиру в темную глубину, он сочинял неприличные стихи.

Когда они добрались до дна ствола, сделанного деревом-сверлом и освещенного небольшой фосфорной лампой, Сахот заметил, что двое саней убраны с прохода и помещены в глубине пещеры. Но ведь одни сани всегда должны быть наготове в бассейне, на случай если Дэнни и Тошио понадобится быстро уходить! Он вслед за Кипиру стал торопливо подниматься в вертикальном стволе.

Наверху у бассейна еще две пары саней. Должно быть, кто-то прибыл с корабля, сообразил Сахот.

Тошио и Дэнни уже были у воды, разговаривали с Кипиру. Сахот задумчиво посмотрел на Дэнни, но начинать не решился.

«Сегодня вечером попробую уговорить ее спуститься ко мне в воду, — подумал он. — Под каким-нибудь предлогом. Может, посмотреть механику корня дерева-сверла. Наверно, не получится, но попытаюсь забавы ради».

Сахот поднялся на хвосте и осмотрел местность вокруг бассейна. Интересно, кто же приплыл с корабля.

Густые заросли на юге разделились, и появились двое: женщина и мужчина.

Джиллиан Баскин присела у бассейна и просвистела на тринари приветствие.

Верный Кипиру
Стойкий, как скала,
Победитель кашалотов

Меняющийся Сахот
Ко всему готовый
Так похожий на человека

В любой темноте

Я узнаю вас

Единые в противоположности!

Кипиру совершенно неоригинально ответил на англике:

— Рад видеть вас, Джиллиан. И вас, Т-ттом.

Сахот понял, что нужно поддержать репутацию. В отличие от Кипиру, нужно сочинить что-нибудь не хуже, чем у Джиллиан.

Он предпочел бы где-нибудь спокойно обдумать ее слова, особенно о том, что он так похож на человека. Это комплимент, или на верхнем регистре, когда Джиллиан высвистывала стихи, прозвучала жалость?

Томас Орли спокойно стоял рядом с Джиллиан. Сахот чувствовал, что этот человек видит его насквозь.

Он набрал воздуха.

Посмотрите!

Какое чудо

Моногамия!

Двое влюбленных!

Силуэтом

На фоне широкого неба.

Джиллиан захлопала в ладоши и рассмеялась.

Томас Орли лишь слегка улыбнулся. Очевидно, он что-то задумал.

— Я рад, что вы вернулись, — сказал он. — Мы с Джиллиан приплыли вечером, она со «Стремительного», а я — оттуда, где разбился корабль, поднявший цунами Тошио. Джилл привезла вам моноволоконный кабель, и вы сможете связываться с кораблем. Она несколько дней вместе с вами будет заниматься кикви. К тому же на корабле кое-кто просит вас собрать данные. Верно, Джиллиан?

Блондинка кивнула. Требование Чарли Дарта не обрадовало Тошио и Дэнни.

Орли продолжал.

— Джилл также привезла мне разное оборудование. Мне придется утром уйти. Я возьму солнечный глайдер.

Кипиру вдохнул. Начал возражать, но Орли поднял руку.

— Я знаю, это рискованно. Но я хочу поэкспериментировать, чтобы узнать, сработает ли наш план бегства. И так как кроме вас здесь никого нет, я вынужден просить вас о помощи.

Сахот под водой забил хвостом. Усилием воли он пытался подавить свои чувства. Но как это

трудно!

Итак, они действительно попытаются сбежать! Он надеялся на большее здравомыслие Орли и Баскин. Они умны и опытны, ведь они почти мистические агенты Совета Земли. Способные выжить всюду.

А теперь они высказывают безумные идеи и ждут от него помощи! Разве не ясно, что он против?

Он подплыл к Кипиру, изображая верного внимательного клиента. Но внутри у него все пришло в смятение, когда он слушал «план» спасения их от пучеглазых чудовищ.

29. ТАККАТА-ДЖИМ

Совет корабля превратился в катастрофу. Хуже, чем я думал, — вздохнул помощник капитана.

Хотят обмануть
Провести обманщиков,
Создать покров,
Который спрятал бы китов!

Кта-Джон согласно помотал большой тупой головой.

— Я слышал, кодовое название этого проекта — «Троянский морской конек». Что это значит?

— Литературная аллюзия, — ответил Такката-Джим. Интересно, ходил ли вообще боцман в школу. — Объясню как-нибудь в другой раз. А сейчас дай подумать. Должен быть другой выход, кроме этого самоубийственного плана Крайдайки и Орли.

— Я надеялся, что Крайдайки умнее. А сейчас просто не знаю, что и думать.

— Он не ссслушал?

— О, он был очень вежлив. Этот иглобрюх Метц поддержал меня пункт за пунктом, и Крайдайки внимательно нас слушал. Совет продолжался четыре часа! И все равно капитан решил принять план Орли! Эта фем Баскин уже доставляет ему припасы.

Два стеноса долго лежали рядом. Кта-Джон ждал, что скажет помощник капитана.

Такката-Джим всплеснул хвостом.

— Почему Крайдайки даже не подумал оповестить всех о местонахождении нашей находки и покончить с этим? Напротив, они с Орли хотят провести разумных, которые миллионы лет стараются перехитрить друг друга. Да нас поджарят! По сравнению с этим планом даже ваше предло-

жение — прорываться, стреляя изо всех пушек, — лучше. По крайней мере была бы возможность маневра!

— Я предложил только ссславную альтернативу этому безумию, — сказал Кта-Джон. — Но я поддерживаю ваш план. Подумайте, если бы именно мы спасли корабль и экипаж, мы выгадали бы гораздо больше, чем просто спасение жизни?

Такката-Джим покачал головой.

— Если бы я командовал кораблем, возможно. Но нами командует этот безумный гений, спасающий честь. И приведет к гибели.

Он отвернулся, глубоко задумавшись, и неслышно поплыл по коридору к своей каюте.

Кта-Джон сузившимися глазами смотрел вслед помощнику капитана. Пузыри из его дыхала вылетали небольшими ритмичными хлопками.

30. АККИ

Это нечестно! Почти всем разрешили присоединиться к Хикахи, чтобы работать в теннанинском корабле. Ремонт «Стремительного» почти закончился, а он по-прежнему торчит здесь, где ничего важного не происходит.

Акки подплыл к своему учебному месту, в центральном отсеке, сверху, под воздушным пузырем. Пузыри снизу беспрепятственно проходили через голотекст, проецируемый перед ним.

Какая глупость! Изучать астрогацию в корабле, лежащем на дне океана!

Он старался сосредоточиться на особенностях навигации в дырах, но все время отвлекался. Начинал думать о Тошио. Как давно они не имели возможности поболтать? Должно быть, уже месяц, как они стащили очки Брукиды и заменили их очками Фреснеля.

«Надеюсь, с Тошио все в порядке. По крайней мере он что-то делает. Почему Крайдайки настоял, чтобы я остался здесь, когда инженеры нужны там?»

Акки еще раз попытался сосредоточиться на тексте, но его отвлек звук. Он посмотрел в сторону шума у одной из пищевых машин. Два фина колотили друг друга плавниками, вокруг кольцом обступили зрители.

Акки выскочил из пузыря и нырнул в сторону драки.

— Прекратите! — крикнул он. — Немедленно! — И своими плавниками начал разводить Стату и Срика-джо.

Зрители чуть попятились, но дерущиеся не обратили на него внимания. Кусали и колотили друг друга. Удар пришелся Акки в грудь и отбросил его в сторону.

Акки глотнул, чтобы перевести дыхание. Откуда у них столько энергии, чтобы драться в оксиводе?

Он подплыл к одному из зрителей.

— Пк'Тоу... Пк'Тоу! — Он укусил дельфина за плавник и принял позу господства, когда рассерженный Пк'Тоу попытался отплыть. Акки чувствовал себя таким юным. Но Крайдайки научил его, что делать. Когда фин возвращается в нормальное состояние, он должен сфокусировать взгляд.

— Пк'Тоу, не слушай их, раскрой глаза. Смотри на меня! Как офицер корабля, я приказываю тебе помочь мне прекратить эту драку!

Остекленевшие глаза Пк'Тоу прояснились. Он кивнул.

— Есть, сссэр! — Акки был поражен его покорностью.

Капли крови расплылись в розовое пятно, дерущиеся теперь обменивались ударами медленней, их легкие-жабры хватали воздух. Акки собрал еще троих, кричал, пока они не сфокусировали

взгляд, потом снова приблизился к дерущимся. Ему удалось наконец развести стеноса и кока и под охраной отвести их в лазарет. Доктор Маканай продержит их в изоляции, пока он не сообщит капитану.

Акки оглянулся и заметил боцмана Кта-Джона. Тот проплывал мимо. Гигант-офицер даже не предложил помощи. «Вероятно, просто смотрел на драку, — с горечью подумал Акки. Кта-Джону не понадобилось бы колотить дерущихся. Достаточно было просто рявкнуть».

Кта-Джон направился к одному из шлюзов, чувствовалось его напряжение.

Акки вздохнул.

«Ну, ладно, наверно, все-таки у Крайдайки есть причина держать меня здесь. Теперь, когда Хикахи уплыла с инженерами, ему нужен помощник, чтобы справиться с этими подонками на борту „Стремительного“».

Он носом подтолкнул Срика-джо, чтобы тот двигался побыстрее. Стенос негромко выругался на праймале, но подчинился.

«По крайней мере у меня есть причина оторваться от астрогации», — сардонически подумал Акки.

31. СВЕССИ

— Нет! Перестаньте! Все назад и попробуйте еще раз — осторожнее!

Ханнес Свесси скептически следил, как инженеры дельфины поворачивают тяжелые сани и втаскивают балку назад в помещение.

Это их третья попытка установить распорку в зияющем отверстии в хвосте затонувшего теннанинского корабля. На этот раз почти получилось, но все же ведущие сани чуть задержались и балка едва не пробила корпус изнутри.

— Послушай, Олело, вот как нужно уходить от балки. — Он обратился к пилоту первых саней. Голос его звучал из гидрофона саней. — Когда доберешься до их иероглифа, похожего на двухголового шакала, вот так поднимай нос! — Он показал руками.

Фин посмотрел на него и энергично кивнул.

Принято — я ее вставлю!

Свесси поморщился от такого легкомыслия. Конечно, они не были бы финами, если бы иногда не бывали слишком саркастичны, а в другое время — излишне старательными. К тому же они

действительно много работают.

И все же работать под водой дьявольски трудно. По сравнению с этим, строительные работы в невесомости — настоящее наслаждение.

С двадцать первого века человек много узнал о строительстве в космосе. Были разрешены проблемы вращения и инерции, о которых не упоминается даже в Библиотеке. Впрочем, для существ, вот уже миллиард лет владеющих антигравитацией, это не имеет значения.

Но вот в подводном строительстве, даже в дельфиньих общинах Земли, опыта гораздо меньше. Тем более никому не приходилось ремонтировать на дне океана космический корабль.

Если и на орбите в невесомости инерция вызывает большие трудности, что сказать о непредсказуемой плавучести затопленных материалов? Сила, необходимая для перемещения массивного объекта, постоянно меняется в зависимости от его скорости и различных поперечных течений. В космосе таких осложнений не бывает.

Пока фины переориентировали балку, Свесси заглянул в корпус, чтобы посмотреть, как продвигаются другие работы. Вспышки лазеров, яркие, как гелиевые лампы, освещали медленное опустошение центрального отсека теннанинского

корабля. Постепенно все отчетливее становилось большое цилиндрическое отверстие.

За работой внутри присматривала лейтенант Тшут. Ее рабочие действовали уникальным дельфиньим способом. Для работы с мелкими деталями пользовались глазами и инструментами. Но, приближаясь к объекту, поворачивали голову кругом, испуская из выпуклой «дыни», придающей турсиопам такой высокомерный вид, звуковые лучи. И чувствительный к звукам конец нижней челюсти позволял создать стереоскопическое изображение.

Помещение было заполнено щелканьем. Свесси никогда не переставал удивляться, как они ориентируются в такой какофонии.

Шумные создания, и побольше бы таких.

Свесси надеялся, что вскоре появится с подкреплением Хикахи. Она должна привести с собой скиф или баркас, чтобы Свесси мог обсушиться, а дельфины — подышать свежим воздухом. Его работники должны отдохнуть, чтобы не произошло несчастных случаев.

Дьявольский план предложил Орли. Свесси надеялся, что Крайдайки и совет корабля найдут альтернативу, но даже несогласные ничего не предложили лучше. «Стремительный» пере-

местится, как только будет получен сигнал от Томаса Орли.

Очевидно, Крайдайки решил, что им терять нечего.

Под водой разнесся звук — «керр-ранч!». Свесси мигнул и оглянулся. Один конец теннанинской распорки свободно повис, сломанный балкой Олело. Дельфин, обычно внешне индифферентный, смотрел на Свесси с явным беспокойством.

— Ну, мальчики и девочки, — простонал Свесси, — как же мы оживим этот корпус, если сами вредим ему больше, чем враг? Кто нам поверит, что он может летать с такими дырами?

Олело махнул хвостом и печально защелкал.

Свесси вздохнул. После трехсот лет с дельфинами все равно нужно обращаться осторожно. Разнос способен сломать их. Гораздо лучше действует ободрение.

— Ну ладно. Попробуем повторить. С каждым разом у вас получается все лучше.

Свесси покачал головой и подумал, какая муха его укусила, когда он решил стать инженером.

32. ГАЛАКТЫ

Битва переместилась в другой район космоса; флот танду и на этот раз уцелел.

Группа птаха объединилась с теннанинцами и губру, продолжали оставаться опасными соро. Братья Ночи почти все уничтожены.

Акцептор расположился в самом центре паутины и осторожно открывал свои щиты согласно инструкциям. Его хозяева танду на протяжении тысячи лет учили акцепторов пользоваться мозговой защитой, чтобы не упустить чего-нибудь важного.

Убрав все барьеры, акцептор оживленно воспринял окружающее пространство, лаская облака пара и пролетающие обломки. Он легко обходил заряженные пси-ловушки и антивероятностные поля. Приятно смотреть на битвы, но они опасны.

Угроза опасности — этому танду учили акцептора насильно. Втайне раса акцепторов воспринимает это не очень серьезно. Разве может произойти что-нибудь действительно ужасное? Так смотрят на мир сумасшедшие эписиархи!

Акцептор заметил нечто незначительное

для обычного состояния. При свободном эспервосприятии кораблей, планет и снарядов он, конечно, был бы слишком увлечен, чтобы уловить такую несущественную помеху — мысли одинокого организованного разума.

Акцептор, обрадовавшись, сообразил, что их источник — синтианин! Здесь есть синтиане, и они пытаются связаться с землянами!

Это аномалия, и потому она прекрасна. Акцептор раньше никогда не воспринимал смелых синтиан.

Да и синтиане не славятся своими пси-способностями, но этот отважно пробирается среди мириад пси-детекторов в окружающем пространстве.

Величие подвига — в его неожиданности... еще одно доказательство превосходства объективной реальности над субъективной, вопреки всем безумиям эписиарха! Способность удивляться — двигатель жизни.

Акцептор знал, что будет наказан, если станет слишком долго любоваться открытием и не доложит о нем.

Это тоже чудо — «наказание», с помощью которого хозяева танду могут направлять племя акцепторов в ту или другую сторону. 40000 лет

оно удивляет их. Как-нибудь они с этим справятся. Но торопиться некуда. К тому времени они сами могут стать патронами. Подождать еще шестьдесят тысяч лет — очень легко.

Сигнал синтианского шпиона угас. Очевидно, ярость битвы увлекла его дальше от Ктсимини.

Акцептор слегка пожалел об утрате. Но теперь перед ним раскрылось великолепие битвы. В нетерпении насладиться ею акцептор решил доложить о синтианине позже... если не забудет.

33. ТОМАС ОРЛИ

Том через плечо взглянул на собирающиеся облака. Пока трудно сказать, захватит ли его буря. Ему еще далеко лететь.

Солнечный планер негромко гудел на высоте четыре тысячи футов: маленький самолет не предназначен для побития рекордов. Всего лишь узкий каркас. Винт приводится в движение солнечной энергией, падающей на широкие прозрачные крылья.

Сверху кажется, что мир-океан Китрупа покрыт крошечными белыми шапками. Том летел на северо-восток, предоставив пассатам выполнять основную работу. Те же ветры сделают возвра-

щение — если оно состоится — медленным и опасным.

Выше более сильный ветер гонит на восток темные тучи, которые преследуют самолет.

Том летел почти на наугад, только оранжевое солнце Китрупа помогало ориентироваться. Компас здесь бесполезен, потому что богатый металлами Китруп — сплошная магнитная аномалия. Ветер свистел мимо маленького конического носового щита самолета. Лежа ничком на узкой платформе, Том его почти не ощущал.

Жаль, что у него нет еще одной подушки. Локти у него устали, шею начинало сводить. Том много раз пересматривал список снаряжения, пока не обнаружил, что выбирает между пси-бомбой, которая необходима для достижения цели, и дистиллятором воды, без которого ему не выжить. То, что он отобрал в результате компромисса, привязано к платформе под подушкой. И бугры не позволяют расположиться поудобнее.

Путь бесконечно однообразен — море и небо.

Дважды на некотором расстоянии пролетали какие-то существа. Впервые стало ясно, что на Китрупе есть и летающие животные. Могли ли они развиться из летучих рыб? С самого начала он был несколько удивлен, заметив пустоту воз-

душного пространства планеты.

«Конечно, эти существа могли быть созданы какими-то древними галактическими обитателями Китрупа, — подумал он. — Там, где не справляется природа с ее разнообразием видов, вмешиваются разумные. На водной планете я встречал кое-что и похлеще летающих животных».

Том вспомнил, как вместе с Джиллиан сопровождал старого Джейка Демва на университетскую планету тимбрими Катреннлин. Между встречами и совещаниями они с Джилл сумели выбраться в большой континентальный заповедник, где видели, как огромные стада клиду в абсолютно точном и сложном геометрическом рисунке паслись на травянистых равнинах. Рисунок, как муаровый узор, менялся одновременно, без всякой связи между животными. Тимбрими объяснили, что много лет назад на Катреннлине жила древняя галактическая раса, которая запрограммировала клиду эти рисунки в нечто вроде головоломки. И с тех пор никто не смог разгадать эту загадку. Если это вообще возможно.

Джиллиан предположила, что рисунки усвоены клиду ради собственной выгоды. Любители головоломок тимбрими думали по-другому.

Том улыбнулся, вспомнив это путешествие, их

первое совместное дело. С тех пор они с Джиллиан видели столько чудес, что и не счесть.

Ему ее уже не хватало.

Местные птицы — или что-то другое — свернули в сторону от собирающихся туч. Орли провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду. Там, куда они полетели, нет никакой суши.

Самолет делал почти двести миль в час. Примерно через два часа он доберется до северного края островной вулканической цепи. Радио, слежение со спутников, радар — все это теперь недоступная роскошь. У Тома только карта на ветровом щите, чтобы не сбиться с пути.

Обратный путь легче. Джиллиан настояла, чтобы он взял с собой инерционное записывающее устройство. Оно приведет его назад вслепую точно на остров Хикахи.

Если, конечно, представится такая возможность.

Сгущались тучи над головой и сзади. Котел Китрупа закипал. Том решил, что место для посадки предпочтительнее найти до начала бури.

В полдень он увидел еще одну стаю летающих существ, дважды заметил, как в воде движется что-то огромное и извилистое. И оба раза это исчезало быстрее, чем он мог рассмотреть по-

дробности.

На поверхности воды плавали водоросли. Некоторые срастались в плавучие острова. Может, летающие существа живут на них, лениво подумал Том.

Он боролся со скукой, как мог, и уже возненавидел предмет, лежащий под его левой почкой.

Грозовой фронт теперь лишь в нескольких милях сзади. И тут на севере что-то замаячило — какая-то слабая полоска на фоне серого неба.

Он прибавил оборотов и свернул в ту сторону. Показалась дымящаяся воронка. Огромный столб дыма извивался и уходил на северо-восток.

Том сражался за высоту, а грозные облака уже закрыли полуденное солнце и на солнечные коллекторы упала тень. Прогремел гром, вспышки молнии осветили ландшафт.

Когда пошел дождь, стрелка амперметра переместилась за красную черту. Двигатель начал задыхаться.

Да. Вот он! Остров! Гора вдалеке и почти скрыта дымом.

Том предпочел бы сесть на обычном острове, менее активном. Он улыбнулся: в его положении смешно предъявлять требования. Если понадобится, он сядет и в море. Маленький самолет

оборудован понтонами.

Свет мерк. В усиливающейся тьме Том заметил, что поверхность океана изменила цвет. И удивился — трудно сказать, в чем разница.

Вскоре времени для размышлений не стало, он сдерживал самолет, борясь за каждый фут высоты.

Надеясь, что успеет найти место для посадки, он вел хрупкую машину сквозь дождь к дымящемуся вулкану.

34. КРАЙДАЙКИ

Он не предполагал, что корабль выглядит так плохо.

Крайдайки проверил состояние всех поврежденных машин и инструментов. После ремонта вместе с Такката-Джимом он трижды незаметно убедился в его качестве. То, что можно было исправить, исправлено.

Но как капитан корабля, он должен заниматься и менее насущными проблемами. Кто-то должен думать и об эстетике, как бы далеко ни теснили ее более важные дела. Впрочем, «Стремительный» уже не казался прекрасным.

Впервые Крайдайки покинул корабль. Надев

дыхатель, он проплыл вдоль покрытого рубцами корпуса, стараясь представить себе общую картину.

Гребни стасиса и главные гравитационные двигатели будут работать. Такката-Джим и Эмерсон Д'Анит заверили его в этом, да он и сам проверял. Одна установка запуска ракет уничтожена лучом антиматерии у Морграна. Вторая вполне боеспособна.

Но хотя корпус цел и прочен, на него больше не хочется взглянуть, как когда-то. Там, где лучи проникли сквозь защитные поля, он обожжен.

Брукида сказал, что есть даже небольшой участок, где сплав заменен другим. Структурное единство корабля не нарушено, но кто-то сумел близко подобраться к ним с разрушителем вероятности. Неприятно думать, что кусок «Стремительного» заменен другим, подобным, с похожего, но чуть-чуть отличающегося корабля, в котором такие же, но чуть отличающиеся беглецы, в какой-то гипотетической параллельной вселенной.

Согласно записям Библиотеки, никто пока не научился использовать эти пересекающиеся искажения как-либо иначе, нежели в качестве оружия. Но ходят слухи, что некие древние виды

«переросли» галактическую цивилизацию, раскрыли эту тайну и с ее помощью через боковой выход удалились из реальности.

Концепция бесконечной последовательности параллельных вселенных была известна дельфинам задолго до того, как люди научились пользоваться огнем. Это нераздельная часть «сна китов». Огромные киты удовлетворенно напевали о бесконечно изменяющемся мире. Начав пользоваться инструментами, дельфины amicus утратили это величественное равнодушие. Теперь они понимают философию китов немногим лучше людей.

Временная версия разрушителя вероятности — один из способов превышения скорости света, но благоразумные расы его избегают. Корабли, пользующиеся вероятностными двигателями, часто исчезают.

Крайдайки представил себе, как выходит из сверхсветовой скорости и обнаруживает собрание «Стремительных» — все из различных вселенных, капитаны — слегка измененная версия его самого. Киты могли философски относиться к подобным ситуациям. Но он уже не мог.

К тому же киты, гении в философии, оказались кретинами в мире космических кораблей и ме-

ханизмов. Они способны узнать космический корабль с таким же успехом, как собака свое отражение в воде.

Менее двух месяцев назад Крайдайки увидел брошенный космический флот, каждый корабль размером с луну, все древние, как звезды. Он потерял там десяток своих лучших спутников и с тех пор бежит от вражеских флотов.

Иногда ему хотелось быть таким же, как киты, слепым по отношению к разным вещам. Или так же философски настроенным.

Крайдайки подплыл к хребту, нависающему над кораблем. Яркие гелиарковые лампы бросали тени в верхний слой чистой прозрачной воды. Фины внизу заканчивали прикрепление добычи, снятой Свесси с теннанинского корабля. Оставалось только освободить посадочные опоры.

Хикахи на скифе с отборным экипажем выступила несколько часов назад. Крайдайки хотелось направить Свесси больше помощников, но на «Стремительном» и так значительный некомплект.

Он по-прежнему не видел альтернативы плану Томаса Орли. Метц и Такката-Джим смогли предложить только сдаться на милость победителю, а этого Крайдайки никогда не допустит. Пока у них

остается хоть малейший шанс.

Пассивные сенсоры показывают, что космическая битва только разгорается. В течение нескольких дней она может достигнуть кульминации, и тогда во всеобщем смятении представится лучшая возможность сбежать.

«Надеюсь, Том благополучно прибыл и его оборудование исправно».

В воде гулко отдавались звуки испытаний двигателей. Крайдайки сам рассчитал допустимый уровень шума. Так много возможностей утечки — нейтрино из двигателя, гравитоны из стасис-экранов, пси-волны ото всех на борту. Звук беспокоил его меньше всего.

Крайдайки услышал, как кто-то проплывает над ним, и посмотрел на верхний слой.

У детекторных буев плавал один неофин, работая с помощью манипуляторов доспехов. Крайдайки придвинулся ближе.

Какая-то проблема —
Есть из-за чего беспокоиться,
Выполнять долг?

Он узнал гигантского стеноса Кта-Джона. Боцман вздрогнул. Глаза его расширились, и Крайдайки на мгновение увидел белки вокруг

плоских, вытянутых зрачков.

Кта-Джон уже пришел в себя. Раскрыл в улыбке рот.

Сигнал неисправности —
Сборщик нейтрино
Не слышал
Битву вверху

Теперь он сообщает мне —
Статика исчезла
Я возвращаюсь
К своим обязанностям.

Дело серьезное. Нужно, чтобы на мостике «Стремительного» знали, что происходит в небе, и получили сообщение Томаса Орли.

Такката-Джим должен был бы поручить эту работу кому-то другому. Буйки на совести экипажа мостика. Но Хикахи и Тшут нет, а с ними оттуда ушло большинство специалистов. Может, Кта-Джон действительно единственный офицер, который может позволить себе заняться этой работой.

Хорошо,
Рослый всадник волн,

Теперь торопись назад,
К тем, кто тебя ждет.

Кта-Джон кивнул. Сложил манипуляторы. Не сказав ни слова, выпустил небольшое облако пузырей и нырнул к освещенному люку «Стремительного».

Крайдайки смотрел вслед гиганту.

Внешне Кта-Джон реагировал на тяжелое положение «Стремительного» более гибко, чем остальные. Он словно наслаждался умелым отходом с боем от Морграна и управлял своей батареей с боевым энтузиазмом. Очень хороший сержант.

«Но почему же у меня волосы встают дыбом, когда я оказываюсь рядом с ним? Он из любимцев Метца?

Я должен настоять на том, чтобы доктор Метц перестал скрытничать и показал мне свои записи. Если понадобится, я вскрою его сейф — к дьяволу протокол!»

Кта-Джон стал постоянным спутником лейтенанта Такката-Джима. Вместе с Метцем они втроем были главными противниками плана Тома Орли. И по-прежнему виделся какой-то в этом подвох. Такката-Джим стал еще молчаливее

и мрачнее.

Помощник капитана вызывает серьезные опасения. Крайдайки сочувствовал лейтенанту. Не его вина, что полет оказался таким тяжелым. Но жалость не помешает Крайдайки поставить Хикахи на место Такката-Джима, как только та вернется.

Такката-Джим, вероятно, понимает это, он знает и о том, что капитан должен представить подробный рапорт о каждом офицере в Центр возвышения. Особое право Такката-Джима на потомство может оказаться под угрозой.

Крайдайки мог представить себе, что испытывает помощник капитана. Иногда и он с негодованием воспринимает агрессию возвышения, и ему хочется крикнуть на праймале: «Кто дал вам право?» И сладкий гипноз «сна китов» постоянно зовет вернуться в объятия старых богов.

Но этот момент всегда проходит, и он вспоминает, что для него нет ничего более желанного во вселенной, чем командовать космическим кораблем, собирать записи песен космоса и исследовать межзвездные течения.

Мимо проплыла стайка местных рыб с яркой металлической чешуей. Похожи на кефаль.

Крайдайки испытал неожиданное желание

пуститься в погоню, позвать уставший экипаж на охоту.

Он позавидовал своим флегматичным инженерам и техникам, которые продолжали работать, просто отгоняя рыб, заставляя их панически устремляться к поверхности.

Хорошо бы финам проглотить нечаянно немного металла. Может, это повлияло бы на моральный дух экипажа?

Все кольца весны,

А потом тайный вечер,

Бегущие волны, Луна...

Хайку сожаления.

Играть и охотиться не приходится, пока они сами являются добычей.

Звонок на доспехах известил, что запаса воздуха у него только на тридцать минут. Крайдайки встряхнулся. Если еще глубже погрузиться в размышления, может подобраться Нукапай. Химерическая богиня будет издеваться над ним. Ее нежный голос напомнит о том, что рядом нет Хикахи.

Поблизости плясали наблюдательные буи, привязанные снизу к водорослям. Крайдайки подплыл ближе к бело-красному овоиду, над

которым работал Кта-Джон, и заметил, что плита доступа в корпус сдвинута.

Крайдайки послал узкий звуковой луч — странные очертания буя и необычные провода вызвали смутное беспокойство.

Зазвенел приемник сонара. Послышался искаженный голос через усилитель нервных импульсов.

— Капитан, это Такката-Джим. Мы закончили проверку пускателей и генераторов стасиса. Параметры доведены до указанных вами. И еще Свесси сообщает, что... что «Троянский морской конек» успешно движется. Хикахи прибыла на место и шлет привет.

— Хорошо, — ответил Крайдайки через усилитель. — От Орли есть что-нибудь?

— Нет, сэр. И уже поздно. Вы уверены, что хотите продолжать претворение его плана? Что, если он не сможет отправить нам известие с помощью пси-бомбы?

— Мы уже все обсуждали.

— И по-прежнему намерены передвинуть корабль? Я считаю, что нужно еще раз обговорить это.

Крайдайки почувствовал приступ раздражения.

— Не будем дискутировать по открытому каналу, второй в стае. К тому же решение принято. Я скоро вернусь. Проверьте, нет ли упущений. Мы должны быть готовы, когда позвонит Том!

— Есть, сэр. — В голосе Такката-Джима совсем не слышалось вины.

Крайдайки уже сбился со счета, сколько раз его расспрашивали о плане. Если они не верят ему, потому что он всего лишь «дельфин», пусть вспомнят, что идея исходит от Томаса Орли! К тому же он, Крайдайки, капитан! И должен сберечь их жизни и честь.

Когда он служил на исследовательском корабле «Джеймс Кук», никогда не видел, чтобы капитана Альвареса, человека, так расспрашивали.

Он бил хвостом по воде, чтобы немного успокоиться. Начал считать, пока не достиг умиротворения кининка.

«Пусть, — подумал он. — Большинство членов экипажа не сомневается, а остальные подчинятся приказам. Для экспериментального экипажа в таком невероятном напряжении и это сойдет».

«Где есть разум, всегда есть и решение», — учит кининк. Все вопросы содержат в себе элементы ответа.

Он приказал манипулятору схватить панель

буйка.

Если буй в порядке, он сможет поблагодарить Такката-Джима. Должен же существовать ключик к этому лейтенанту, можно вернуть его в экипаж, разорвать его мрачное одиночество. «Где есть разум...»

Требуется несколько минут, чтобы установить, в порядке ли буй. Крайдайки через нервное гнездо подсоединился к компьютеру буя. Приказал машине доложить о своем состоянии.

Перед ним мелькнула ослепительная дуга электрического разряда. Крайдайки закричал: моторы его доспехов перегорели, кожу вокруг нервного гнезда обожгло.

«Нацеленный удар, — смутно осознал Крайдайки. — Но как...»

Все замедлилось. Ток уничтожал защитные диоды его нервного усилителя. Сгорела изоляция.

Парализованному Крайдайки словно почудился пульсирующий, насмешливый голос:

Где есть разум... разум
там есть и обман
Обман

Изогнувшись от боли, Крайдайки закричал на праймале, первый раз за всю свою взрослую

жизнь. Потом вверх брюхом погрузился в темноту чернее ночи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЛЕВИАФАН

Отец служил на Эддистоунском маяке
И как-то переспал с русалкой,
От этого союза родилось нас трое:
Дельфин, морской карась и я.
О, что за жизнь в волнующемся море.

Старинная песня

35. ДЖИЛЛИАН

Подобно большинству видов, развившихся от хищных предков, танду были трудными клиентами. Они сохранили каннибальские наклонности, и нападения на патронов, Нгхт6, в ранние периоды возвышения были нередки.

В отличие от других разумных форм жизни у танду очень слабо развита способность сопереживания. Они принадлежат к псевдорелигиозной группировке, основной догмат которой — постепенное уничтожение видов, которые считают-

ся «недостойными». Соблюдая законы галактических Институтов, танду в то же время не делают тайны из своего желания видеть вселенную гораздо менее населенной или стремления приблизить день, когда все законы сменит «новый порядок».

Согласно последователям религии «наследия» это произойдет, когда прародители вернутся в пять галактик. Танду считают, что они окажутся среди избранных и, когда наступит этот день, будут уничтожать недостойных.

Ожидая своего часа, танду непрерывно вступают в стычки и сражения чести. Они участвуют во всех войнах, провозглашенных галактическими Институтами, независимо от их целей, и часто обвиняются в превышении сил. Им приписывают «случайное уничтожение» по крайней мере трех космических видов.

Хотя танду не сопереживают своим патронам, они считаются мастерами в искусстве возвышения. На своей планете они приручили предразумные виды, чтобы использовать их в качестве охот-

ничьих животных. После освобождения от службы по договору танду приобрели два вида самых сильных пси-существ среди нового поколения клиентов. Проводится долговременное расследование по обвинению танду в незаконном генетическом преобразовании этих видов (каталожные номера ЭПИСИАРХ-cl-82f49; АКЦЕПТОР-cl-82f-50) и превращении их в инструмент охоты...

«Ничего не скажешь, славные парни эти танду», — подумала Джиллиан.

Она положила плоскую читательскую таблицу рядом с деревом, возле которого сидела. Этим утром она разрешила себе часок почитать. Этот час почти закончился. Она прочла еще примерно две тысячи слов.

Справка о танду передана со «Стремительного» по кабелю накануне вечером. По-видимому, Нисс уже наладил контакт с мини-Библиотекой, которую Том обнаружил на разбившемся теннанинском корабле. Слишком четко все изложено и непосредственно относится к ситуации; вряд ли такое сообщение могла дать в переводе на английский жалкая микроветвь самого «Стре-

мительного».

Конечно, Джиллиан и так кое-что знала о танду. Все агенты Совета знают об этих скрытных и жестоких врагах человечества.

Отчет только усиливает ее ощущение, что вселенная изначально устроена неправильно, если в ней живут такие чудовища. Джиллиан однажды целое лето читала космические романы доконтактного периода. Какой открытой и дружественной казалась в те дни вымышленная вселенная! Даже некоторые «пессимистические» измышления были далеки от реальной опасности.

Рисуя в воображении драматические картины «знакомства» с танду, она решила носить кортик, чтобы прибегнуть к последней древнейшей самозащите, если эти чудовищные существа захватят ее.

Густой органический запах перегноя перебивал металлический привкус, который преобладал возле воды. Воздух был чист после вчерашней бури. Мягкие китрупские пассаты раскачивали зеленые кроны.

«Том, должно быть, уже нашел свой остров, — подумала Джиллиан, — и начал подготовку к эксперименту.

Если он жив».

Сегодня утром она впервые в этом усомнилась. Она была убеждена, что сразу узнает, если он погибнет, когда бы и где это ни произошло. Но сейчас она уже изверилась. Мозг ее затуманен, и ясно ей только одно — вчера вечером произошло что-то ужасное.

Вначале, сразу после захода, ее охватило предчувствие, что с Томом что-то происходит. Она не могла точно передать это ощущение, но оно тревожило ее.

Позже она увидела сны.

Лица, лица галактов, обтянутые кожей, покрытые перьями и чешуей, с клыками и клешнями. Они выли и рычали, но она, несмотря на свою подготовку, не смогла разобрать ни слова, ни единого чувственного иероглифа. Кое-кого из своего сна она узнала: двое хаппишских астронавтов, погибающих в своем разорванном корабле; йофур, прижимающий окровавленный обрубок руки; синтианин, слушающий песню китов; а она при этом прячется за холодной, как вакуум, каменной глыбой.

Во сне Джиллиан не могла их прогнать.

Она проснулась неожиданно, среди ночи, напряженная, как тетива лука. Тяжело дыша в

темноте, ощутила, как родственное сознание уходит за пределы восприятия. Несмотря на расстояние, Джиллиан уловила странную смесь в этом легком пси-прикосновении. Слишком человеческое, чтобы это был только фин, слишком китообразное, чтобы быть только человеческим.

И тут же оно прекратилось. Психическое нападение кончилось.

Джиллиан не знала, что об этом подумать. Какая польза в пси, если при этом получаются сообщения, которые невозможно расшифровать? Ее генетически обостренная интуиция, казалось, теперь подводит. Она бесполезна, если не хуже.

Час истекал, осталось совсем немного. Джиллиан провела это время, закрыв глаза, прислушиваясь к звукам прибоя, который ведет свой бесконечный бой с западным берегом. Ветки дерева качались и шумели на ветру.

Сквозь этот шелест Джиллиан слышала щебетанье предразумных аборигенов — кикви. Время от времени она различала голос Дэнни Судман, которая говорила с машиной, переводившей ее речь на слова высокочастотного языка кикви.

Хотя она работает по двенадцать часов в день, помогая Дэнни в общении с кикви, Джиллиан чувствовала себя виноватой за свой отдых. Она

говорила себе, что эти маленькие туземцы исключительно важны.

Но сон преследовал ее все утро, особенно одно лицо. И лишь полчаса назад она поняла, что так она представляла себе живого Херби.

Во сне, перед тем как она ощутила приближение катастрофы, это длинное, отдаленно напоминающее гуманоидное лицо древнего улыбнулось ей и медленно подмигнуло.

— Джиллиан! Доктор Баскин! Пора!

Джиллиан открыла глаза. Подняла руку и взглянула на часы. Они идут как будто по команде Тошио. Она вспомнила, что гардемарину можно верить на слово. Скажи ему поднять тебя через час, и он сделает это с точностью до секунды. В начале пути она пыталась отучить его от обыкновения называть ее «сэр» — или более анахронично «мэм», и ей это удалось: теперь он так говорит не через слово, а в каждой третьей фразе.

— Иду, Тошио! Минутку! — Она встала и потянулась. Отдых оказался полезен. Только он привел ее сознание в порядок.

Она надеялась здесь быстро закончить и через три дня оказаться на «Стремительном», как раз к тому времени, когда Крайдайки собирался пере-

местить корабль. Но до этого они с Дэнни должны выяснить все потребности кикви для того, чтобы знать, как лучше перевезти небольшую группу этих существ в Центр возвышения на Земле. Если «Стремительный» вырвется и человечество первым представит заявку на клиентов, это спасет кикви от гораздо худшей судьбы.

Проходя меж деревьев, Джиллиан увидела на севере между ними океан.

«Почувствую ли я здесь, когда Том позовет? Нисс говорит, что этот сигнал будет слышно на планете повсюду».

«И все ити, конечно, его услышат».

Она тщательно сдерживала свою пси-способность, как настаивал Том. Но вслух она старомодно помолилась и послала свои слова на север.

— Конечно, это понравится доктору Дарту, — сказал Тошио. — Эти сенсоры — как раз то, что ему нужно. Но робот по-прежнему действует.

Джиллиан посмотрела на маленький экран связи с роботом. Она не специалист по робототехнике или планетологии. Но в принципах разбирается.

— Я думаю, ты прав, Тошио. Рентгеновский спектрометр действует. Лазерный резак и магнитометр тоже. А передвигаться робот может?

— Как маленький скальный омар. Он не может только вернуться. Баки, обеспечивающие плавучесть, разбиты упавшим куском коралла.

— А где робот сейчас?

— На выступе, на глубине девяносто метров. — Тошио нажал кнопки на маленькой панели управления, и на экране появилось схематическое изображение. — Он дал мне сонарную карту глубин. Я не стал опускать его ниже, пока не поговорю с доктором Дартом. Мы можем только спускаться с выступа на выступ. Покинув это место, робот сюда уже не вернется.

На изображении видно было заостренное к концу цилиндрическое углубление, уходящее в силикатную, богатую металлами тонкую кору Китрупа. Стены углубления усеяны выступами и карнизами; на одном из них сейчас находится поврежденный зонд.

Ствол чуть наклонно спускается в большую пещеру. Это корень того самого дерева-сверла, которое Тошио и Дэнни взорвали несколько дней назад. Верхний конец опирается на выступ собственного подводного углубления. Ствол уходит далеко вниз, на территорию, не отраженную на схеме.

— Я думаю, ты прав, Тошио. — Джиллиан улыб-

нулась и сжала плечо юноши. — Чарли будет рад. Может, отвяжется от Крайдайки. Хочешь передать ему новость?

Тошио явно обрадовался словам Джиллиан, но ее предложение застало его врасплох.

— Гм, нет, спасибо, сэр. Ну, я могу просто вставить сообщение в ваш ежедневный отчет на корабль. Я думаю, у доктора Дарта появятся вопросы, на которые я не готов ответить...

Джиллиан не могла винить Тошио. Сообщать доктору Дарту хорошую новость не лучше, чем плохую. Но рано или поздно Тошио придется научиться разговаривать с планетологом. И лучше бы ему научиться этому пораньше.

— Прости, Тошио. Но доктор Дарт полностью твой. Не забывай, что через несколько дней я уеду. И тебе придется... да, удовлетворять Чарли, когда он попросит тебя работать тридцать часов в сутки.

Тошио серьезно кивнул, выслушивая ее совет. Она поймала его взгляд и улыбнулась; в ответ он тоже улыбнулся и покраснел.

36. АККИ

Торопясь попасть на мостик до пересменки, Акки двинулся кратчайшим путем через внешний шлюз. Он проплыл уже половину обширного помещения, когда заметил нечто необычное.

Он перевернулся через голову, чтобы остановиться. Легкие-жабры напрягались, и он обозвал себя идиотом: торопится и вертится, когда кислорода едва хватает!

Акки осмотрелся. Шлюз пустовал, как и следовало.

Капитанская гичка потеряна в Мелком скоплении. Тяжелые сани с многочисленным оборудованием у разбитого теннанинского корабля, а скиф только вчера увела лейтенант Хикахи.

Вокруг баркаса, последнего вспомогательного корабля, оставшегося на «Стремительном», оживление. Несколько дельфинов с помощью механических «пауков» грузят ящики в маленький космический корабль. Акки забыл о своем стремлении быстрее попасть на дежурство и неторопливо поплыл к баркасу.

Он оказался за дельфином с «пауком». «Паук» в своих механических руках нес большой ящик.

— Эй, Сап-пен, что здесь происходит? — Акки старался говорить короткими и простыми фразами. Он теперь лучше говорит на англике в оксиводе, но если калафианец не будет говорить правильно, что подумают другие?

Дельфин посмотрел на него.

— О, добрый день, мистер Акки. Мы получили новый приказ. И готовим баркас к самостоятельному космическому полету. Кроме того, мы должны также погрузить эти ящики.

— А что в них... в этих ящиках?

— Записи доктора Метца, кажетссся, — третий манипулятор «паука» указал на груду ящиков в водонепроницаемой упаковке. — Только подумать, что все наши бабушки и дедушки, все внуки перечислены на магнитных катушках. Чувствуете преемственность, а?

Сап-пен из южноатлантического сообщества, там причудливая речь в цене. Акки часто размышлял, что это... эксцентричность — или просто глупость.

— Мне казалось, вы доставляете припасы к теннанинскому кораблю, — сказал он. Сап-пен обычно получал задания, не требующие большой сообразительности.

— Я там был, мистер Акки. Но эти перевозки

заканчиваются. Работы там прекращаются, разве вы не слышали? Будем плавать кругами, пока не выяснится самочувствие капитана.

— Что? — Акки подавился. — Капитана?

— Он был ранен во время наружного осмотра корабля. Говорят, электрический удар. Хорошо хоть нашли его вовремя: вот-вот отказал бы дыхатель. И все это время он был без сознания. Сейчас командует Такката-Джим.

Акки был шокирован настолько, что не заметил, что Сап-пен неожиданно заторопился, принялся за работу, а рядом появилась большая темная фигура.

— Я могу вам помочь, мистер Акки? — Голос большого дельфина звучал почти неприкрыто саркастично.

— Кта-Джон. — Акки пришел в себя. — Что случилось с капитаном?

Что-то в этом боцмане приводило Акки в ужас. А Кта-Джон даже и не пытался изображать почтительность перед Акки, несмотря на его звание. Он быстро произнес на тринари:

Я скажу вам,
Как узнать больше —
Спросите своего предводителя

И, сделав дерзкий жест механической рукой своих доспехов, Кта-Джон развернулся и направился к рабочим. Волна от его движения отбросила Акки метра на два. Акки понимал, что звать боцмана назад не стоит. Что-то в тринари Кта-Джона подсказывало ему, что это бесполезно, более того, для него это было предупреждением, и он поплыл к лифту, чтобы подняться на мостик.

Вдруг ему стало ясно, что на борту отсутствуют почти все лучшие фины. Тшут, Хикахи, Каркаэтт, С'тат и Лаки Ка — все у теннанинского корабля. И самым старшим из младших офицеров остался Кта-Джон!

Отсутствует и Кипиру. Акки не верил слухам о нем. Он всегда считал Кипиру самым храбрым и быстрым дельфином в экипаже. Хорошо бы, чтобы Кипиру с Тошио были здесь. Они бы помогли ему узнать, что происходит.

Возне лифта Акки столкнулся с группой из четырех турсиоп, которые теснились в углу и ничего не делали. Все были мрачны и лежали в ленивых позах.

— Сус'та, что здесь происходит? — спросил Акки. — Разве у вас нет работы?

Дельфин махнул хвостом — подобно пожатию

плечами у человека.

— А в чем дело, мистер Акки?

— Дело в том... мы должны выполнять свой долг! Что с вами?

— Капитан... — начал один из них.

Акки прервал его.

— Капитан первым приказал бы вам продолжать работу! — Он перешел на тринари.

Смотрите на дальний
Горизонт —
На Землю!
Мы все там понадобимся...

Сус'та мигнул и постарался принять подобающую позу. Остальные последовали его примеру.

— Да, сссэр, мистер Акки. Мы постараемся.

Акки кивнул.

— Очень хорошо. Сохраняйте дух кининка.

Он вплыл в лифт и набрал код мостика. Дельфины начали расплываться по своим рабочим местам. Двери лифта закрылись.

Ифни! Нелегко пришлось, а ведь всего-то и хотел — получить у них информацию. Пришлось сделать вид, что знает больше, чем они!

Укус черепахи! Неисправные моторы! Тяжело ли ранен капитан? Что делать, если Крайдайки

не будет с ними?

Надо держаться как можно незаметнее... пока не прояснится, что происходит. Он понимал, что будучи гардемарином находится в самом трудном положении: у него обязанности офицера, но нет его прав и защиты.

И именно гардемарин узнает последним о том, что происходит!

37. СВЕССИ

Из корпуса почти все удалили, укрепили изнутри распорками. Вскоре можно будет поместить туда нужный груз и улететь.

Ханнес Свесси не мог дождаться. Хватит с него подводных работ! И если говорить правду, то и дельфинов тоже.

Боже мой, какие истории он сможет порассказать дома. Как он руководил работами под океанами смога на Титане. Проводил кометы через Суповую туманность. Даже работал с этими сумасшедшими америндийцами и израэлитами, которые пытались терраформировать Венеру. Но ни одна работа, в отличие от этой, не учила его законам наоборот.

Почти все материалы, с которыми они рабо-

тают, созданы чужаками, у них необычайная ковкость и еще более необычная квантовая проводимость. Ему приходилось проверять псионическое сопротивление почти каждого стыка, и все равно их замаскированное чудо будет пропускать телекинетический стасис и его после взлета уловят по всему небу!

Фины! Они выводят его из себя. Безупречно выполняют самые тонкие операции, а потом плавают кругами, кричат вздор на праймале, получив какое-нибудь необычное сонарное отражение от открытого люка.

И каждый раз, закончив работу, они зовут старину Свесси. Проверь нашу работу, Ханнес, просят они. Убедись, что мы все сделали правильно.

Они так стараются. И все равно чувствуют себя неотработавшими клиентами патронов, которые сами похожи на детей, никем не возвышены и живут в невероятно враждебной вселенной. Тем более, что все это правда.

Свесси признавал, что ворчит зря, просто хочется поворчать. Экипаж проделал огромную работу, а ведь только это имеет значение. Он гордится каждым из них.

И вообще с прибытием Хикахи дела пошли гораздо лучше. Она подавала остальным пример,

посмеивалась, цитировала притчи кининка и помогала финам сосредоточиться.

Свесси оперся на локоть. Его узкая койка всего лишь в метре под потолком. В нескольких дюймах от плеча горизонтальный вход в его спальное помещение.

«Я достаточно отдохнул», — подумал он, хотя в глаза как будто насыпан песок, а руки все еще болят. Бессмысленно пытаться заснуть. Теперь он будет только смотреть на свои веки.

Свесси раскрыл узкий люк. Заслонил глаза от верхнего света, сел, опустив ноги. Плеснула вода.

Ух! Вода. За метр до потолка скиф заполнен водой.

Тело его кажется бледным в резком свете. «Когда же по графику мне заступать?» — подумал Свесси и с закрытыми глазами скользнул в воду. Перевернулся через голову и закрыл за собой дверь.

Естественно, пришлось подождать, пока из помещения выкачают воду и он сможет воспользоваться удобствами.

Чуть позднее он добрался до контрольной рубки маленького корабля. Здесь были Хикахи и Тшут, они возились у коммуникатора. Спорили на быстром англике, и Свесси не понимал, о чем.

— Эй! — позвал он. — Если не хотите меня видеть — отлично. Но если нужна моя помощь, лучше перейдите на тридцать три с третью оборота. Я не Том Орли и за вашим бормотанием уследить не могу!

Два офицера-дельфина подняли головы из воды. Свесси ухватился за ближайший поручень. Глаза Хикахи перефокусировались с подводного на надводное бинокулярное зрение.

— Особых проблем нет, Ханнес, но, по-видимому, мы утратили связь с кораблем.

— Со «Стремительным»? — Густые брови Свесси поднялись. — На него напали?

Тшут слегка покачала справа налево верхней частью тела.

— Не думаю. Я ждала связи. Должны были сообщить, что слышно от Орли и время перемещения корабля. Особого внимания не обращала, но услышала, как оператор просил подождать... и потом ничего.

— Когда это было?

— Несколько часов назад. Я ждала смены вахты, надеясь, что на корабле просто какое-то техническое повреждение, потом позвала Хикахи.

— С тех пор мы отслеживаем все частоты, — сказала старший офицер.

Свесси подплыл к установке. Конечно, надо все разобрать вручную и проверить самому. Но электроника загерметизирована от влаги.

«Если бы мы были в свободном падении и фины могли бы работать без воды!»

— Ну, хорошо, — вздохнул он. — С вашего разрешения, Хикахи, я вас двоих выпровожу, возьму двух дельфинов из контрольной рубки и посмотрю, что тут стряслось. И не тревожьте финов в трюме.

Хикахи кивнула.

— Я пошлю проверить целость волокна.

— Хорошая мысль. И не беспокойтесь. Я уверен, что ничего серьезного не произошло. Наверно, работа гремлинов.

38. ЧАРЛЗ ДАРТ

— Боюсь, они спустили этот проклятый робот только на восемьдесят метров глубже. Этот мальчик Тошио может с ним работать всего лишь несколько часов, ему приходится помогать Дэнни и Джиллиан проводить наших новых клиентов через лабиринты, заставлять сбивать бананы палкой — или что еще они там делают. Говорю вам, я раздражен! На этом маленьком неисправ-

ном роботе не те инструменты, которые нужны для геологических работ. Можете себе представить, как он будет действовать на приличной глубине.

Голографическое изображение металлурга Брукиды, казалось, смотрит мимо Чарлза Дарта. Очевидно, ученый-дельфин смотрел на собственный дисплей. Оба его глаза были закрыты линзами, чтобы устранить астигматизм при чтении. Он повернулся и снова посмотрел на своего коллегу шимпа.

— Чарли, вы так уверенно говорите о том, чтобы послать этого робота глубже в кору Китрупа. Вы жалуетесь, что он опустился «только» на пятьсот метров. Вы понимаете, что это — полкилометра?

Чарли почесал свою волосатую челюсть.

— Да? И что с того? Ствол становится чуть поуже, но робота можно опустить гораздо глубже. Это удивительная минералогическая лаборатория! Я уже очень много узнал и о подповерхностной зоне!

Брукида вздохнул.

— Чарли, разве вам не интересно, почему пещера под островом Тошио уходит хотя бы даже на сто метров?

— Гм-м-м? О чем это вы?

— О том, что дерево-сверло, проделавшее это углубление, не может уходить так далеко только в поисках карбоновых и силикатных питательных веществ. Не может...

— Откуда вы знаете? Вы эколог? — Чарли испустил резкий смешок. — Правда, Брукида, на чем основано это ваше предположение? Иногда вы меня удивляете!

Брукида терпеливо ждал, пока шимпанзе кончит смеяться.

— Основано на хорошо известных фундаментальных законах природы и на принципе бритвы Оккама. Подумайте, каков объем извлеченного материала! Его бросили в воду? Приходило ли вам в голову, что вдоль границы плиты разбросаны десятки тысяч металлических островов, и у каждого свое дерево-сверло... и что в недавнее геологическое время должно было существовать много миллионов таких углублений?

Дарт начал хихикать, но потом остановился. Несколько мгновений смотрел на изображение своего китообразного коллеги и искренне рассмеялся. Постучал по столу.

— Туше! Ну хорошо, сэр! К нашему списку вопросов добавим еще один: «Зачем эти дыры?» К счастью, все последние месяцы я ухаживаю за

нашим экологом. Я оказывал ей бесчисленные услуги, и, кстати, она как раз на месте нашего исследования! Я попрошу Дэнни немедленно заняться этим! Будьте уверены, скоро я узнаю достаточно об этих деревьях-сверлах!

Брукида и не подумал отвечать. Он только слегка вздохнул.

— Короче, решено, — продолжал Чарли. — Вернемся к проблемам. Помогите мне убедить капитана, что я должен сам отправиться на остров и заменить этого малыша Тошио на настоящего глубинного робота.

Глаза Брукиды расширились. Он помолчал.

— К... капитан не пришел в сознание, — сказал он наконец. — Маканай провела уже две операции. Согласно последним бюллетеням, прогноз неутешительный.

Шимп долго смотрел на него.

— Ах, да, я забыл. — Он отвернулся от голоизображения. — Ну, тогда, может быть, Такката-Джим разрешит. Ведь баркас пока не используется. Я попрошу Метца поговорить с ним. А вы поможете?

Глаза Брукиды запали.

— Я изучу данные масс-спектрометра, — спокойно ответил он. — Позвоню вам, когда получу результаты. А теперь я должен закончить, Чарлз

Дарт.

Изображение исчезло. Чарли снова остался один.

«Что-то Брукида слишком резок, — подумал он. — Может, я его чем обидел?»

Чарли знал, что на него обижаются. Но ничего не мог поделать. Даже другие шимпанзе считали его неприятным и эгоцентричным. Поговаривали, что такие неошимпы, как он, порочат репутацию всей расы.

«Что ж, я старался, — подумал он. — А если очень хочешь, но видишь, что все твои попытки быть вежливым ни к чему, что ты постоянно забываешь имена окружающих, — что ж, может, пора и прекратить? Остальные тоже не всегда ко мне добры».

Чарлз Дарт пожал плечами. Какой смысл восстанавливать ускользающую популярность? Всегда есть его собственный мир скал и расплавленной коры, магмы и живых планет.

«Но все же я считал Брукиду своим другом...»

Он заставил себя не думать об этом.

«Надо позвонить Метцу. Он даст то, что мне нужно. Я им докажу, что эта планета настолько уникальна... что ее переименуют в мою честь! Есть прецеденты». Он усмехнулся, ущипнув себя

за ухо одной рукой, другой набрал код.

Ожидая, пока компьютер отыщет Игнасио Метца, Дарт лениво подумал: «Все ждут сообщений от Тома Орли. Только об этом и говорят».

Потом он вспомнил, что сообщение Орли должно было прийти еще вчера, примерно тогда, когда был ранен Крайдайки.

«Ага! Ну, наверное, Тому удалось выполнить задуманное, но никто не потрудился сказать мне. А может, сказал, а я, как обычно, прослушал. Ну, я уверен, он все уладит с этими ити. Пора бы уже. Ужасно неудобно, когда тебя гоняют по всей галактике, заставляют заполнить корабль водой...»

На экране появился номер Метца.

Жаль Крайдайки. Для фина он всегда слишком серьезен и строг, не всегда разумен... но Чарли не мог радоваться этой потере. Напротив, в животе у него появлялось странное ощущение пустоты, когда он думал о другом капитане корабля.

«Ну и не думай об этом! Ни к чему хорошему беспокойство не приведет!»

— А, доктор Метц! Вы уходите? Не могли ли бы мы с вами поговорить? Сегодня чуть позже? Хорошо! Да, я попрошу у вас о маленьком, очень маленьком одолжении...

39. МАКАНАЙ

«Врач должен быть немного интеллектуалом, немного алхимиком, сыщиком и шаманом», — подумала Маканай.

Но в медицинской школе ей не говорили, что придется быть еще солдатом и полицейским.

Маканай с трудом сохраняла достоинство. На самом деле она была на грани неповиновения. Хвост ее взбивал воду, заливая стены лазарета потоками пены.

— Я не могу оперировать одна! Механические врачи тут не помогут. Мне нужно поговорить с Джиллиан Баскин!

Лениво приподняв один глаз над поверхностью, держа в механической руке коммуникатор, Такката-Джим посмотрел на Игнасио Метца. Лицо человека выражало терпение. Они ожидали такой реакции от хирурга корабля.

— Я уверен, вы недооцениваете свое мастерство, доктор, — сказал Такката-Джим.

— Значит, вы теперь хирург? И мне нужно ваше мнение? Дайте мне поговорить с Джиллиан!

Успокаивающе заговорил Метц:

— Доктор, лейтенант Такката-Джим только

что объяснил, что по военным причинам мы вынуждены на время прервать связь. Наши буи показывают, что в пределах ста километров от этого места, происходит пси-утечка. Ответственны либо те, кто работает с Хикахи и Свесси, либо те, что на острове. Пока мы не выясним, где происходит утечка...

— Вы действуете на основе информации буя? Неисправный буй чуть не уб... б... бил К... к... крайдайки!

Метц нахмурился. Он не привык к тому, чтобы его прерывали дельфины. Он заметил, что Маканай возбуждена. Слишком возбуждена, чтобы так говорить на англике. Дельфин в ее-то положении! Это, несомненно, стоит отметить в досье... и ее чрезмерно агрессивное поведение.

— Это другой буй, доктор Маканай. Помните, у нас три точки. К тому же мы не утверждаем, что эта течь действительно существует, но мы должны действовать так, будто она существует, пока не докажем обратного.

— Но связь не прекращена полностью! Я слышала, что шимпанзе по-прежнему получает данные от этого Ики — проклятого робота! Почему вы не разрешаете мне поговорить с доктором Баскин?

Метцу хотелось выругаться. Он ведь просил

Чарлза Дарта помалкивать. Будь проклята необходимость улещивать этого шимпа!

— Мы по очереди отклоняем любую возможность, — попытался успокоить Маканай Такката-Джим. В то же время он принял позу повеления, требуя на языке телодвижений покорности. — Как только мы убедимся, что молодой человек Ивашика, Судман и поэт Сахот не являются источниками утечки, мы свяжемся с доктором Баскин. Понимаете, пси-энергия может исходить от любого, поэтому мы должны проверить всех.

Метц слегка приподнял брови. Браво! При ближайшем рассмотрении объяснение, конечно, шито белыми нитками. Но в нем есть доля правды! Им нужно совсем немного времени. Пусть Маканай помолчит еще хотя бы два дня, этого довольно.

Такката-Джим, очевидно, почувствовал одобрение Метца. Приободрившись, он стал еще агрессивнее.

— Довольно, доктор! Мы хотим знать о состоянии капитана. Если он не сможет выполнять свои функции, должен быть выбран новый. У нас тяжелое положение, и мы не можем откладывать.

Если он хотел напугать Маканай, то добился противоположного результата. Маканай хлест-

нула хвостом. Подняла голову из воды. Устремила один сузившийся глаз на дельфина-самца и произнесла саркастически:

Я думала,
Вы забыли
О долге
Как приятно,
Что я ошиблась
В оценке вашего поведения
Вы ведь не требуете
Торопливо
Капитанских почестей?

Такката-Джим открыл рот, обнажив ряды белых зубов. Метцу на мгновение показалось, что он сейчас набросится на маленькую самку.

Но Маканай начала действовать первой, она выпрыгнула из воды и опустилась обратно с всплеском, залившим и Метца, и Такката-Джима. Человек, отплевываясь, подплыл к стенному поручню.

Маканай повернулась и исчезла за рядом темных аппаратов жизнеобеспечения. Такката-Джим плыл под водой, испуская сонарные щелчки, ища ее. Метц ухватил его за спинной

плавник, прежде чем тот смог погнаться за ней.

— А... хм! — Метц продолжал держаться за стену. — Нельзя ли справиться со своим дурным характером, фины? Доктор Маканай? Прошу вас вернуться. Достаточно того, что полвселенной стремится захватить нас. Мы не должны воевать друг с другом!

Такката-Джим посмотрел на него и понял, что доктор Метц говорит искренне. Лейтенант продолжал тяжело дышать.

— Пожалуйста, Маканай, — снова позвал Метц. — Давайте поговорим, как цивилизованные разумные.

Они ждали. Вскоре между двумя автодокторами появилась голова Маканай. Теперь она выглядела не вызывающе, скорее, устало. Врачебные доспехи издавали негромкие звуки. Изящные инструменты дрожали, словно их держит неуверенная рука.

Только ее дыхало поднялось над поверхностью.

— Прошу прощения, — сказала она. — Уверена, что Такката-Джим не станет присваивать себе полномочия капитана без одобрения совета корабля.

— Конечно, нет! Это не военный корабль. Обя-

занности командира на борту исследовательского корабля в основном административные, и иерархия подчиненности должна быть утверждена на совете корабля при первой же возможности. Такката-Джим полностью отдает себе в этом отчет. Я прав, лейтенант?

— Да.

— Но до того мы должны подчиняться Такката-Джиму, иначе на корабле наступит хаос. И на «Стремительном» должна соблюдаться иерархия. Пока мы не удостоверимся, что капитан Крайдайки больше не сможет выполнять свои функции.

Маканай закрыла глаза, она тяжело дышала.

— Крайдайки, вероятно, не придет в себя без дальнейшего хирургического вмешательства. Да и то сомнительно.

— Шок распространился от гнезда нервной связи на мозг. Большая часть повреждений в новых зонах коры... там, где серое вещество турсиоп подверглось наиболее значительным изменениям при возвышении. Повреждены отделы, контролирующие зрение и речь. Сожжено соединение полушарий — corpus callosum...

Маканай открыла глаза, но как будто не смотрела на них.

Метц кивнул.

— Спасибо, доктор, — сказал он. — Вы сказали все, что нам нужно было знать. Простите, что отняли у вас много времени. Я убежден, что вы делаете все необходимое.

Она не ответила, а человек натянул маску и нырнул в оксиводу. Сделал знак Такката-Джиму и повернулся.

Самец-дельфин еще пощелкал Маканай, но та не ответила, и он последовал за Метцем к выходу.

Когда они исчезли в шлюзе, по телу Маканай пробежала дрожь. Она подняла голову и произнесла им вслед:

— Не забудьте, что я член совета корабля! А также Хикахи, Джиллиан и Томас Орли! — Дверь как раз закрывалась, и Маканай не знала, услышали ли ее.

Со вздохом она погрузилась в воду.

«И Том Орли, — подумала она. — Не забудьте о нем, вы, скользкие ублюдки! Он вам не даст уйти с этим!»

Маканай покачала головой, зная, что мыслит иррационально. Для подозрений нет оснований. И даже если они справедливы, Томас Орли не может протянуть руку за две тысячи километров и спасти положение. Говорят, он уже погиб.

Метц и Такката-Джим привели ее в смятение. Она чувствовала в глубине души, что ей сообщили искусную смесь правды, полуправды и откровенной лжи, и она не может отличить одно от другого.

«Они считают, что могут одурачить меня, потому что я самка и к тому же стара, на два поколения старше всех по возвышению, кроме Брукиды. Но могу догадаться, почему они ублажают единственного члена совета, шимпанзе. Хотят, чтобы на их стороне было большинство. Неудивительно, что не торопятся вернуть Хикахи и Джиллиан!»

«Может, следовало солгать им... сказать, что Крайдайки может в любую минуту прийти в себя?»

«Но кто может знать, на какие отчаянные поступки они решатся? На что пойдут? Был ли случай с буем действительно несчастным случаем? Они могут лгать, оправдывая незнание — или заговор. Могу ли я защитить Крайдайки со своими двумя помощницами?»

Маканай негромко застонала. Такие происшествия — не ее стихия. Она иногда жалела о прежних днях. Тогда дельфиний врач только поднимал раненого над поверхностью воды, чтобы

он не утонул, и ждал, пока тот либо придет в себя, либо у него разорвется сердце...

Она повернулась к палате интенсивной терапии. Палата была затемнена, слабо светилось тело большого неодельфина в защищенном антигравитационном танке. Маканай проверила показания приборов и убедилась, что они стабильны.

Крайдайки мигнул невидящими глазами, и короткая дрожь пробежала по его телу.

Маканай вздохнула и отвернулась. Поплыла к ближайшему коммуникатору и задумалась.

Метц и Такката-Джим еще не успели вернуться на мостик, решила она. Набрала код и включила прибор. Почти тут же на экране появилось изображение молодого дельфина.

— Отдел коммуникации. Чем могу быть полезен?

— Акки? Да, дитя, это доктор Маканай. У тебя есть планы на ленч? Знаешь, у меня, кажется, еще остался консервированный осьминог. Ты ссвободен? Отлично! Тогда вскоре увидимся. Да, и держи наше ссвидание в тайне. Ладно? Хороший мальчик!

У нее начал созревать план.

40. КРАЙДАЙКИ

В спокойной серости антигравитационного танка слабый стонущий крик.

В отчаянии он плывет
Его швыряют ветры бури, а он кричит:
Тону! Тону!

41. ТОМ ОРЛИ

Гора с дурным характером ворчала в середине покрытого пеной и водорослями моря.

Недавно прошел дождь. Вулкан громыхал и кашлял пламенем в низкие нависающие облака, окрашивая их снизу в оранжевый цвет. В небо поднимались столбы пепла и падали не в чистую морскую воду, а на ковер из тусклых водорослей, уходящий, казалось, в бесконечность.

Томас Орли закашлялся во влажном, грязном от сажи воздухе. Он заполз на небольшой холм из скользких перепутанных водорослей. Грубые сани своим весом тащили книзу его привязанную левую руку. Правой он держался за толстый

стебель у вершины холма.

Он полз, а ноги продолжали проскальзывать. Даже когда он умудрялся укрепить их между ветвями, они погружались в болото внизу. И когда он вытаскивал ноги, трясина уступала неохотно, издавая ужасный всасывающий звук.

Иногда из топи выскакивали какие-то существа, скользили по ногам и снова падали в зловонный рассол.

Привязь врезалась в левую руку, а он продолжал тащить сани — жалкий остаток солнечного самолета и припасов. Чудо, что он спас даже это немногое при крушении.

Вулкан освещал равнину водорослей вспышками цвета охры. Радужные частицы металлической пыли покрывали растительность. Вторая половина дня, почти китрупские сутки, как он повернул свой глайдер к острову в поисках места для посадки.

Том поднял голову и взглянул на водорослевую равнину. Все его планы рухнули из-за этих жестких, похожих на веревки водорослей.

Он надеялся найти убежище на острове, на подветренной от вулкана стороне, или, если не получится, сесть на воду и превратить глайдер в широкий и надежный мореходный плот, на

котором и провести свой эксперимент.

«Мне следовало учесть и такой поворот». Крушение, лихорадочные минуты, когда он нырял за оборудованием, сооружал грубые сани, а над головой ревела буря, и эти часы, когда он полз среди зловонных водорослей к единственному прочному островку в растительности, — всего этого нужно было избежать.

Он попытался подтянуться, но дрожь в правой руке грозила перейти в судороги. Он сильно вывихнул правую руку при крушении, когда оторвались крылья самолета и понтоны, а фюзеляж прыгал по болоту, пока не упал в открытый бассейн.

Рана с левой стороны лица чуть не вызвала потерю сознания в первые критические минуты. Она тянулась от челюсти почти до нейрогнезда над левым ухом. Пластиковое покрытие, обычно закрывающее нежное соединение нервов, сорвано и безнадежно потеряно.

Инфекция — сейчас наименьшая из опасностей.

Рука дрожала все сильнее. Том старался успокоить дрожь, лежа вниз лицом на пахучих упругих водорослях. Правая щека и лоб касались грязи.

Ему нужно быть энергичным. Некогда зани-

маться самогипнозом, приводить тело в рабочее состояние. Силой воли он приказал своим мышцам напрячься для последнего рывка. Он мало что может сделать с тем, что обрушила на него вселенная, но — черт побери! — после тридцати часов борьбы, в нескольких метрах от цели он не позволит собственному телу его подвести!

Еще один приступ кашля разорвал пересохшее горло. Тело дрожало, приступ заставил ослабить хватку на стволе водоросли. Когда он подумал, что легкие не выдержат, приступ прошел. Том лежал в грязи, обессиленный, с закрытыми глазами.

Считаешь радости движения?
Первое из преимуществ:
Отсутствие скуки

У него не хватает дыхания, чтобы просвистеть эту хайку на тринари; он насвистывал ее про себя и даже слегка улыбнулся испачканными губами.

Каким-то образом ему удалось найти силы для нового движения. Он сжал зубы и подтянулся. Правая рука чуть не подломилась, но выдержала, и он наконец поднял голову над небольшим холмом.

Том, мигая, очистил глаза от пепла и осмот-

релся. Водоросли. Всюду, насколько хватает глаз, водоросли. Из вершины небольшого холма торчит прочная петля. Том подтащил сани и привязал их к этому стеблю.

Кровь прилила в онемевшую левую руку, у Тома перехватило дыхание от боли и он упал.

Вернулись судороги, тело его скорчилось. Он хотел бы вырвать тысячи клыков, рвущих его ноги и руки, но руки превратились в неподвижные клешни. И Том лежал согнувшись.

Но независимо от боли, часть мозга оставалась мыслящей. Она по-прежнему строила планы, рассуждала, рассчитывала время. В конце концов он появился здесь с определенной целью. И не стоило проходить через все... Если бы только он мог вспомнить, зачем он здесь, почему лежит, измученный, в пыли и грязи.

Спокойствие, которого он искал, не приходило. Том чувствовал, что теряет сознание.

И тут, с закрытыми от боли глазами, он увиден лицо Джиллиан.

На ветру за ней колышется листва. Серые глаза смотрят в его сторону, словно она что-то ищет. Они смотрят мимо него... Он задрожал, не в силах шевельнуться. И вот наконец она встретилась с ним взглядом и улыбнулась!

Ноющая боль грозила заглушить сон-слова:

Я шлю... добро...

хоть ты... скептичен, любовь моя.

...все могут... слышать.

Он старался сосредоточиться на сообщении — скорее на галлюцинации. Но ему все равно, что это. Это якорь. Он цеплялся за него, пока судороги превращали сухожилия в гудящие тетивы.

В ее улыбке сострадание.

Что за дело!.. Любовь

...и беззаботный! Я

...не лучше?

Мета-Орли не одобрил послание. Если это действительно послание от Джиллиан, она очень рискует.

«Я тоже люблю тебя, — послал он. — Но замолчи, иначе все ити тебя услышат».

Пси-послание — или галлюцинация — дрогнуло от охватившего Тома приступа кашля. Он кашлял, пока легкие не превратились, судя по ощущениям, в сухую шелуху. И наконец со вздохом лег.

Мета-Том отказался от своей гордости.

Да!

Он погрузился лицом в грязь, зовя ее исчезающий образ.

Да, любимая! Вернись,

Чтоб мне стало лучше...

Лицо Джиллиан, казалось, растекается во всех направлениях, как пучок лунных лучей, присоединяется к блеску металлической пыли в небе. Настоящее послание или галлюцинация, порожденная бредом, — изображение рассеялось, как дым.

Но Тому показалось, что он слышит затихающий голос Джиллиан:

...есть... есть

исцеление придет во сне...

Он слушал, не сознавая, сколько времени прошло, и судороги медленно прекращались.

Вулкан гремел и освещал небо. «Земля» под Томом мягко разворачивалась, укачивала, навевала сон.

42. ТОШИО

— Нет, доктор Дарт. Относительно этих включений я не уверен. Были очень сильные помехи,

когда я принимал данные. Если хотите, я прямо сейчас проверю вторично.

Веки Тошио отяжелели от скуки. Он уже забыл, сколько времени нажимает кнопки и считывает данные по приказу Чарлза Дарта. Планетолога-шимпа ничто не удовлетворяет! Как бы хорошо и быстро Тошио ни отвечал, все равно недостаточно.

— Нет, нет, у нас нет времени, — ворчливо ответил Чарли с голоэкрана на краю ствола дерева-сверла. — Попробуйте сделать сами, когда мы закончим.

— Это хороший побочный проект для вас, Тошио. Некоторые из этих камней действительно уникальны. Если вы тщательно проделаете минералогическое обследование ствола, я с радостью помогу вам оформить результаты. Представьте себе, какое перо в вашей шляпе! Большая статья не помешает вашей карьере.

Тошио хорошо мог себе это представить. Он многому научился, работая с доктором Дартом. Но если ему когда-либо придется учиться в школе высшего типа, он с большими предосторожностями будет выбирать себе научного руководителя.

Впрочем, сейчас, когда над головой чужаки, которые хотят захватить их, думать об этом не

время. В тысячный раз Тошио заставил себя забыть о битве в космосе. Эти мысли только угнетают его.

— Спасибо, доктор Дарт, но...

— Никаких проблем! — снисходительно рявкнул Чарли. — Если не возражаете, подробней обсудим ваш проект позднее. А теперь нужны последние данные с робота.

Тошио покачал головой, изумленный упорной односторонностью этого парня. Он опасался за себя, если так пойдет дальше, он может сорваться, хоть этот шимпанзе и старший научный сотрудник.

— Гм... — Тошио проверил приборы. — Робот спустился почти на километр, доктор Дарт. Ствол здесь уже и ровнее, здесь бурили недавно; и мне все удобнее прикреплять робота к стене.

Тошио посмотрел через плечо на северо-восток. Хоть бы показались Дэнни или Джиллиан! Но Дэнни со своими кикви, а Джиллиан в последний раз он видел сидящей на берегу в позе лотоса. Она смотрела в океан, забыв обо всем мире.

Джиллиан очень встревожилась, когда Такката-Джим сказал ей, что на корабле все слишком заняты подготовкой «Стремительного» к перемещению, чтобы разговаривать с ней. Даже ее

вопросы о Томе Орли были вежливо отклонены. Позвонят, когда что-нибудь узнают, сказал Такката-Джим.

Тошио видел, как она хмурилась, когда ей не удавалось вызвать корабль. Место Акки занял новый офицер-связист. Он говорил ей, что все, кого она просит вызвать, заняты. Можно поговорить только с Чарлзом Дартом, очевидно потому, что его помощь сейчас не нужна. А шимп мог говорить только о своей работе.

Джиллиан сразу начала готовиться к отъезду. И тут поступил приказ с корабля — лично от Такката-Джима. Она должна оставаться на острове и помогать Дэнни Судман подготовить отчет о кикви.

На этот раз Джиллиан приняла новость безразлично. Ни слова не говоря, она в одиночку ушла в джунгли.

— ...побольше бы этих щупалец, — говорил Чарлз Дарт, в то время как мысли Тошио были далеко. Тошио заставил себя сесть и прислушаться к словам ученого-шимпа.

— ...Самое интересное — распределение изотопов калия и йода. Они подтверждают мою гипотезу о том, что в недавнее геологическое время какая-то раса разумных прятала свои отходы

в подкорковом слое! Это чрезвычайно важно, Тошио. Внизу свидетельства, что в течение многих поколений отходы спускались сверху вниз и проходили рециклирование в близлежащих вулканах. Как будто все совершалось в определенном ритме подъема и упадка. Что-то очень подозрительное происходило здесь долгое время! Китруп считается невозделанным с тех пор, как тут жила древняя раса карранк%. Но совсем недавно кто-то скрывал в коре высокоочищенные вещества.

Тошио чуть не ответил грубостью. «Действительно, очень недавно!» Дарт мыслит геологическим временем. Каждый день на них могут обрушиться ити, а он носится с древними отбросами, словно это последняя тайна Скотланд Ярда!

— Да, сэр. Сейчас займусь. — Тошио даже не представлял, о чем сейчас попросил его Дарт, но решил не показывать этого.

— И не тревожьтесь, сэр. Робот будет под контролем день и ночь. Кипиру и Сахоту приказано заменять меня. Они позовут меня или разбудят, если состояние изменится.

Неужели это не удовлетворит шимпа? Фины не очень хорошо отнеслись к приказу исполняющего обязанности капитана, но подчинятся ему, даже если работа Сахота с кикви замедлится.

Чудо из чудес, Чарли как будто согласился.

— Да, это хорошо с их стороны, — сказал он. — Поблагодарите их от меня.

— И еще. Пока Кипиру подключен, может, он сумеет проследить, что это за помехи, которые мы постоянно получаем от робота. Мне это не нравится. И они становятся все сильнее.

— Да, сэр. Я попрошу его.

Шимпанзе потер правый глаз тыльной стороной мохнатой ладони и зевнул.

— Послушайте, Тошио, — сказал он. — Мне очень жаль, но я должен отдохнуть. Не возражаете, если продолжим чуть позже? Позвоню вам после ужина и отвечу на все ваши вопросы, ладно? Ну, хорошо, тогда пока! — Чарли наклонился, и изображение исчезло.

Тошио, слегка ошеломленный, смотрел на пустой экран. Не возражаю? Не возражаю ли я? О, нет, сэр, абсолютно! Просто буду терпеливо ждать: либо вы позвоните, либо небо упадет мне на голову!

Он фыркнул. «Стал бы я возражать».

Тошио встал, суставы его трещали от долгого сидения в одной позе — скрестив ноги.

«Мне казалось, что для такого я слишком молод. Ладно. Гардемарин должен испытать все».

Он посмотрел в сторону леса. Дэнни много работает с кикви. Попытаться обратиться к Джиллиан? Она, вероятно, беспокоится о Томе, и кто стал бы ее винить? Мы ведь еще вчера должны были получить его сообщение.

Возможно, ей нужно общество.

У него иногда возникали фантазии насчет Джиллиан. Естественно, конечно: красивая женщина, к тому же постарше. По многим стандартам она гораздо соблазнительнее Дэнни Судман.

Дэнни, естественно, тоже по-своему привлекательна, но Тошио не хотел больше думать о Дэнни. Его обижало ее невысказанное отвержение: она не замечает его, а ведь они были одни на острове, у них много общего.

Правда, Дэнни не сказала и не сделала ничего оскорбительного, но в последнее время стала угрюмой. Тошио подозревал, что она догадывается, что небезразлична ему, и потому старается быть слишком холодной. Он убеждал себя, что такое поведение — признак незрелости, но все равно обижался.

Мысли о Джиллиан — совсем другое. Ему было стыдно, но он продолжал мечтать о том, что окажется рядом, когда ей понадобится мужчина, поможет ей перенести утрату...

Она, вероятно, тоже понимает его чувства, но ведет себя по отношению к нему, как ни в чем не бывало. Прощает, и он продолжает втайне ею восхищаться.

«Я, похоже, совсем запутался, — подумал Тошио. — Пытаюсь анализировать то, в чем совсем неопытен».

«Хотел бы я быть не неуклюжим юнцом, а больше походить на мистера Орли».

Неровный электронный звук прервал его размышления — ожил коммуникатор.

— О, нет! — простонал Тошио. — Еще нет!

Из приемника доносились помехи, тюнер пытался настроиться на несущую волну. Тошио захотелось пнуть прибор, столкнуть его в бездонное дупло дерева-сверла.

Неожиданно треск сменился свистом.

Если (треск) гардемарин
Держись поближе
Кто может остановить нас?
И кто из гардемаринов
Может летать
Как калафианец?

— Акки! — Тошио торопливо склонился к ком-

муникатору.

Я здесь,
Мой смелый партнер —
Помнишь, как вместе
Мы охотились на омара?

— Помню ли я? Ифни! Как бы я хотел сейчас оказаться дома! Что происходит? У вас неполадки с оборудованием на мостике? Я не получаю картинки, очень много помех. Мне казалось, что ты сейчас не на вахте. И почему тринари?

Необходимость —
Это (треск) мать —
Я шлю это
Через нервное гнездо —
Я встревожен и ищу
Высокого нежного патрона —
Нужно срочно
Передать (треск) предупреждение

Тошио поджал губы, повторяя про себя это сообщение. «...Высокий нежный патрон». Мало кого фин так бы назвал. На острове только одна подходящая кандидатура.

— Хочешь поговорить с Джиллиан?

Срочно

Предупредить

Тошио моргнул, потом сказал:

— Сейчас позову ее, Акки! Подожди!

Повернулся и побежал в лес, изо всех сил зовя Джиллиан.

43. АККИ

Моноволоконный кабель почти невидим на фоне камней и ила океанского дна. Даже при свете фонаря Акки лишь изредка видел его блеск среди скал и осадков на вершине неровного подводного хребта.

Кабель специально сделан так, чтобы его трудно было обнаружить: только через него «Стремительный» может связываться с двумя рабочими группами, не выдавая своего местоположения. Акки искал целый час, используя инструменты и зная точно, что кабель здесь, прежде чем обнаружил линию на остров. К тому времени, когда он подключился нервным гнездом к линии, половина кислорода в его дыхателе была израсходована.

Очень много времени потребовалось только на

то, чтобы уйти с корабля. И Акки совсем не был уверен, что его уход остался незамеченным. Молчаливый электрик, который дежурил в шлюзе, не должен был спрашивать о приказе, когда Акки попросил дыхатель. Другой фин, из машинного отделения, но свободный от вахты, пошел за ним, когда он получил снаряжение, и Акки пришлось нырять через шлюз, чтобы сбить стеноса со своего следа.

Меньше чем за два дня экипаж «Стремительного» заметно изменился. Власть распределилась по-новому. Члены экипажа, которые раньше не имели влияния, теперь, расталкивая других, первыми подходили к пищевым линиям и принимали начальственные позы, а остальные выполняли свои обязанности, опустив глаза и плавники.

Ранг и официальное положение почти не имели к этому отношения. Да и вообще на «Стремительном» никогда строго не соблюдались формальности. Но умению доминировать, подчинять себе других фины придают гораздо большее значение, чем официальному рангу.

Казалось, что теперь даже проявился расизм. Большое число тех, кто получил власть, принадлежало к подвиду стеносов.

Похоже на переворот. До созыва совета корабля Такката-Джим официально действовал от имени заболевшего Крайдайки. Но в воде «Стремительного» появились элементы стадности с новым самцом во главе. Те, что были близки к прежнему самцу, отходили на второй план, а приятели нового выплывали вперед.

Акки находил это нелогичным и отталкивающим. Ему пришло в голову, что даже особо отобранные члены экипажа «Стремительного» под давлением могут забыть о цивилизованном поведении. Теперь он понимал, что имел в виду Крайдайки, говоря, что триста лет возвышения — недостаточное время подготовки к космическим полетам.

Неприятное осознание. Никогда в своей смешанной, с равными для всех правами колонии Калафия Акки не чувствовал себя клиентом, а здесь почувствовал.

Но это открытие отчасти помогло ему. Он испытал примитивное удовлетворения от непослушания. По закону, он совершает серьезное преступление, покинув корабль, чтобы связаться с Джиллиан Баскин. Он нарушает прямой приказ исполняющего обязанности капитана.

Но Акки знал, что поступает правильно; он

член экипажа, только имитирующего готовность выйти в космос. И если Крайдайки не придет в себя, им не выпутаться из этих неприятностей без патронов.

И здесь не годится ни Игнасио Метц, ни Эмерсон Д'Анит. Даже Тошио. Акки согласен с Маканай, что их единственная надежда — возвращение на корабль доктора Баскин или мистера Орли.

А теперь приходится признать гибель Орли, в которую верят все остальные в экипаже. И это еще одна из причин того, что моральное состояние экипажа после несчастного случая с Крайдайки покатилось к дьяволу.

Коммуникационная линия посылала направленную волну непосредственно в его статоакустический нерв, и Акки нетерпеливо ждал, когда Тошио вернется с Джиллиан. Теперь, когда доктор Дарт отправился отдыхать, линия не используется, но с каждой секундой возрастает риск, что дежурный связист заметит резонанс. Акки устроил так, что подслушать его разговор с Тошио невозможно, но даже самый тупой техник заметит побочные эффекты.

«Где же они? — думал он. — Ведь знают, что у меня мало воздуха. А от этой насыщенной металлом воды зудит кожа».

Чтобы успокоиться, Акки дышал медленно. В сознании вспыхнул обучающий ритм кининка.

Прошлое — это то, что было когда-то —
Остатки, называемые памятью...
В нем заключены «причины»
Того, что сейчас.

Будущее — то, что будет —
Представляемое, но редко видимое...
В нем заключены «результаты» —
Того, что сейчас.

Настоящее — это узость —
Оно проходит, мерцая...
Доказательство того, что «шутка» —
То, что сейчас.

Настоящее, прошлое и будущее — самые трудные для тринари концепции. Стихотворение предназначено для того, чтобы фины поняли причинно-следственное восприятие мира патронами и большинством других разумных, но в то же время сохранили мировоззрение китообразных.

Все это кажется Акки таким простым. Иногда он удивляется, почему у дельфинов Земли воз-

никают трудности с такими идеями. Мысль, ее воображаемый результат, его последствия — все это имеет свой вкус и свое ощущение, когда действуешь. Если будущее неясно, стараешься действовать как лучше и надеешься.

Так люди пробирались через века своего ужасного невежества. Акки не понимал, почему и его народу это должно даваться трудно, если показывают дорогу.

— Акки? Говорит Тошио. Джиллиан идет. Ей пришлось прервать что-то очень важное, и я побежал вперед. Как ты?

Акки вздохнул.

В глубине —
С гудящим дыхалом
Пытаюсь ждать —
Как обязывает долг

Все движется...

— Подожди, — сказал Тошио, прерывая его стих. Акки поморщился. У Тошио никогда не было чувства стиля.

— Здесь Джиллиан, — продолжал Тошио. — Береги себя, Акки!

На линии трещали помехи.

И ты тоже —

Ныряющий/летающий партнер

— Акки?

Голос Джиллиан Баскин, еле слышный из-за плохого соединения. Но слышать его — бесконечное облегчение.

— В чем дело, дорогой? Скажи, что происходит на корабле? Почему Крайдайки не разговаривает со мной?

Акки не ожидал, что она сразу спросит об этом. Почему-то он думал, что ее главная забота — Томас Орли. Ну, он не станет поднимать эту тему, если она не хочет.

Маканай —

Излечивающая пациентов

Послала меня —

Предупредить об опасности

Тихий, неподвижный

Лежит Крайдайки

Судьба «Стремительного»

В опасности

И привкус —

Атавизма

Отравил воду

На другом конце наступила тишина. Несомненно, Джиллиан формулировала свой следующий вопрос так, чтобы на него можно было ответить на тринари недвусмысленно. Этого искусства Тошио часто недоставало.

Акки быстро поднял голову. Был звук? Не от коммуникационной линии, а из темной воды вокруг.

— Акки, — начала Джиллиан. — Я задам вопрос, сформулированный так, чтобы получить ответ на трех уровнях. Пожалуйста, пожертвуй в ответе поэтичностью ради краткости.

«С радостью, если смогу», — подумал Акки. Он часто думал, как трудно поддерживать разговор на тринари, не отвлекаясь на поэтические аллюзии. Для него это такой же родной язык, как англик, но и его раздражает неспособность выразить на нем мысль кратко.

— Акки, как Крайдайки относится к рыбьему сну: игнорирует его, гонится за ним или кормится им?

Джиллиан спрашивала, может ли Крайдайки пользоваться орудиями, или он ранен серьезно и плывет в бессознательном сне-охоте. Или, что еще хуже, мертв. Каким-то образом Джиллиан

умудрилась сразу перейти к сути дела. И Акки смог ответить с благословенной краткостью.

Преследует головоногих —
В глубоких водах.

Опять этот звук! Быстрое щелканье уже поблизости. Будь проклята необходимость подсоединять нервное гнездо к линии! Звуки так близко, что никаких сомнений не остается: на него кто-то охотится.

— Хорошо, Акки. Следующий вопрос. Хикахи успокоилась на эхе кининка, или она повинуется эху стада, или хранит отсутствующее молчание?

Дельфиний сонар всегда направлен на что-нибудь. Акки ощутил, как прошел над ним звуковой луч, не коснувшись его. Прижался как можно теснее к океанскому дну и постарался направить собственное нервное щелканье в песок. Он хотел протянуть искусственную руку и ухватиться за край скалы для устойчивости, но опасался, что негромкое жужжание моторов будет услышано.

Отсутствующее молчание —
Тающая память —
Хикахи
Отсутствующее молчание —

Тшут

И Свесси.

Он тоже хотел бы отсутствовать здесь, оказаться в своей спокойной каюте на борту «Стремительного».

— Хорошо, каково качество их молчания? Пойманных в сети? В страхе ждущих кашалота? Или молчание кормящейся рыбы?

Акки уже собрался ответить, когда погрузился в громкий луч пульсирующего звука, словно человек, которого ослепили ярким светом. Луч был нацеленный и шел слева и сверху. Не было сомнений, что дельфин наверху знает о его присутствии.

Такката-Джим

Перекусывает кабель

Моя работа —

Больше не моя

Его сообщения —

Лживые песни.

Акки был так возбужден, что кое-что произнес просто вслух, а не передал импульсом по волокну. Нет смысла прятаться. Он приготовился

отсоединиться от линии и повернул свою «дыню» к пришельцу. Послал сильный сонарный луч, которым он надеялся на мгновение ошеломить дельфина.

Вернувшееся эхо нарисовало ему четкую картину. Наверху, совсем близко, из его луча выходит очень большой дельфин.

Кта-Джон! Акки мгновенно узнал это эхо.

— Акки? Что случилось? Ты в боевом состоянии? Прерви связь, если необходимо. Я вернусь быстро, как...

Выполнив долг, Акки отсоединил нервное гнездо и откатился в сторону.

И вовремя. Сине-зеленый лазерный луч ударил в то место, где он только что находился.

Так вот как, подумал он, ныряя в каньон рядом с хребтом. Он собрался меня прикончить без всяких изменений.

Он повернул направо и постарался скрыться в тени.

Дельфины не любят убивать то, что дышит воздухом, но бывают исключения. Еще до возвышения людям доводилось видеть, как дельфины убивают друг друга. Чтобы сделать китообразных способными к космическим полетам, люди развили их способность убивать в случае необ-

ходимости.

Яркий луч лазера прошипел всего в метре от него. Акки сжал челюсти и поднырнул под пузыри собственного следа. Еще один луч пролетел между его спинными плавниками. Акки повернулся и нырнул в глубокую звуковую тень скалы.

Лазер Кта-Джона может убить на большом расстоянии, а вот факел для сварки и плавки, который установлен на доспехах Акки, как и всякое ручное орудие, действует только на близком расстоянии. Очевидно, его единственный шанс — обман и бегство.

Внизу оказалось очень темно. Все красные оттенки исчезли. Из всего спектра дневного света сюда проникают только синие и зеленые цвета. Акки воспользовался неровностью дна и скользнул в щель между двумя скалами. Тут он остановился и прислушался.

Эхо, которое он уловил, сообщило ему, что Кта-Джон все еще вверху, продолжает поиски. Акки надеялся, что он дышит не так громко, как ему кажется.

Он послал по нервной сети запрос в доспехи. Микрокомпьютер сообщил, что в дыхателе воздуха меньше чем на полчаса. Это предел его

ожидания.

Акки крепче сжал челюсти. Он хотел бы схватить длинные плавники Кта-Джона зубами, хотя понимал, что силы слишком неравны.

Акки не знал, выполняет ли Кта-Джон приказ Такката-Джима или охотится по своей инициативе. Но понимал: если на «Стремительном» какой-то заговор, заговорщики не остановятся перед тем, чтобы убить беспомощного Крайдайки, дабы он не помешал их планам. Как ни невероятно, но они могут даже расправиться с Джиллиан, если она будет неосторожна, возвращаясь на корабль. Сама мысль о том, что фины могут участвовать в таком преступлении, вызывала у Акки отвращение.

«Нужно вернуться на борт и помочь Маканай защищать Крайдайки, пока не вернулась Джиллиан! Это сейчас самое важное».

Он выскользнул из расселины и зигзагами поплыл над самым дном от «Стремительного», а также от острова Тошио и теннанинского корабля. Вероятней всего, Кта-Джон не будет сторожить его в этом направлении.

Он слышал, как гигант ищет его. Но мощный луч звука теперь проходил далеко. У него неплохие шансы уйти незамеченным.

Хотя гораздо приятнее было бы подстеречь Кта-Джона и вцепиться зубами в его гениталии.

Джиллиан отвернулась от коммуникатора и увидела встревоженное лицо Тошио. Он кажется таким юным. Забыта роль сурового жесткого мужчины. Тошио — юноша-гардемарин, только что узнавший, что его капитан искалечен. А теперь и его лучший друг, возможно, борется за свою жизнь. Он смотрел на нее, надеясь почерпнуть уверенность, что все кончится благополучно.

Джиллиан привлекла юношу к себе. Подержала, пока плечи его не расслабились, и он прижался к ней лицом.

Отстранившись наконец, Тошио не смотрел на Джиллиан, он отвернулся и вытер глаза рукой.

— Я хочу, чтобы со мной пошел Кипиру, сказала Джиллиан. — Как ты считаешь, Дэнни и Сахот обойдутся без него?

Тошио кивнул. Голос его звучал хрипло, но он взял себя в руки.

— Да, сэр. Сахот может изобразить проблему, когда я начну передавать ему обязанности Кипиру, но я видел, как вы управляетесь с ним. Думаю, что справлюсь.

— Хорошо. И последи, чтобы он не очень приставал к Дэнни. Ты теперь командир. Уверена, ты

справишься.

Джиллиан прошла в маленький лагерь и начала собирать свои вещи. Тошио подошел к кромке води и включил подводный гидрофон: дельфины получат сигнал, что они нужны. Сахот и Кипиру уплыли час назад, чтобы участвовать в вечерней охоте аборигенов.

— Я вернусь с вами, если хотите, Джиллиан.

Она покачала головой, собирая свои записи и инструменты.

— Нет, Тошио. Работа Дэнни с кикви очень важна. Только ты можешь помешать ей спалить лес непогашенной спичкой, когда она занята чем-то. К тому же нужно делать вид, что я рядом. Сделаешь это ради меня? — Джиллиан плотно закрыла свою водонепроницаемую сумку и начала раздеваться. Тошио сначала отвернулся, потом покраснел.

Но заметил, что Джиллиан не возражает против того, чтобы он смотрел.

«Возможно, я больше никогда ее не увижу, — подумал он. — Знает ли она, что делает для меня?»

— Да, сэр, — сказал он. Во рту у Тошио пересохло. — Я буду вести себя с доктором Дартом так же нетерпеливо, как всегда. А если Такката-Джим

спросит о вас, я... скажу, что вы где-то... грустите.

Джиллиан держала перед собой обтягивающий купальный костюм, собираясь надеть его. Посмотрела на Тошио, пораженная сухостью его тона. Потом рассмеялась.

Двумя длинными шагами подошла и снова обняла его. Не задумываясь, Тошио положил руки ей на талию.

— Ты хороший человек, Тош, — сказала она и поцеловала его в щеку. — И знаешь, ты немного перерос меня. Солги ради меня Такката-Джиму, и я обещаю, что сделаю из тебя настоящего мятежника.

Тошио кивнул и закрыл глаза.

— Да, мэм, — сказал он, прижимая ее к себе.

44. КРАЙДАЙКИ

Кожа зудела. Она зудела еще с тех смутных времен, когда он плыл рядом с матерью в потоке сна, когда она кормила его или мягко толкала носом, напоминая, что пора подняться на поверхность за воздухом.

Скоро он узнал, что существуют и другие виды прикосновений. Стены, растения, углы зданий поселка Подводная Каталина; удары, укусы —

да! — и игривые прикосновения сверстников. Мягкие, безгранично приятные прикосновения мужчин и женщин — людей, плавающих рядом, как ластоногие, как морские львы, играющие в воде и под водой.

Ощущение воды. И разнообразные ощущения.

Всплеск и удар о воду! Спокойный гладкий поток, вдоль которого плывешь быстрее, чем когда-либо раньше! Мягкие всплески сразу под дыхалом, когда отдыхаешь, напевая сам себе колыбельную.

О, как зудит кожа!

Он давно научился тереться о предметы и узнал, что это дает ему. С тех пор он начинал мастурбировать, когда испытывал потребность, как и любой здоровый дельфин...

Крайдайки хотелось почесаться. Хотелось мастурбировать.

Но поблизости нет никакой стены, о которую можно потереться. Он как будто не способен двигаться, даже не может открыть глаза, чтобы увидеть окружающее.

Он плывет в воздухе, легкий, как перышко... знакомое волшебство... «антигравитация»... Это слово — как и многочисленные воспоминания... почему-то кажется чужим, бессмысленным.

Он удивляется своей вялости. Почему бы не открыть глаза и не посмотреть? Почему бы не прощелкать звуковой луч и не ощупать формы окружающих предметов?

Временами он чувствует, как его кожу смачивают водой, чтобы она оставалась влажной. Влага приходит словно отовсюду.

Он задумывается и понимает, что с ним что-то неладно. Должно быть, он заболел.

Невольный вздох помогает понять, что он не утратил способность издавать звуки. Он ищет нужный механизм, экспериментирует, потом умудряется повторить звук.

«Должно быть, меня лечат, — думает он. — Я, наверное, ранен. Хотя никакой боли не чувствую, чувствую только какую-то пустоту. Что-то у меня отобрали. Мяч? Инструмент? Умение? Ну, люди, наверное, вернут его».

«Я верю людям», — счастливо думает он. И рот его растягивает молчаливая улыбка.

!!!!

Что делает его рот?

О. Да. Улыбается. Это что-то новое.

Новое? Я всю жизнь это делал.

Почему?

Это здорово! Мое выражение
слегка меняется. Это...
Это избыточно.

Крайдайки испускает слабый смущенный крик.

В яркости
Солнечного света —
Есть ответы
В косяках рыбы.

Теперь он кое-что вспоминает. Ему снился сон. Произошло что-то ужасное, и он погрузился в кошмар. Какие-то фигуры приближаются и удаляются, и он чувствует, как древняя песня приобретает новые странные формы.

Наверное, он опять видит сон — одновременно обоими полушариями. Поэтому он не может двигаться. Он пытается свистеть песню.

Есть уровни
Известные только кашалотам

Кашалотам, которые охотятся
В безднах снов

Сражаются со спрутами

У которых клювы как горы

И чьи гигантские руки
Обнимают океаны.

Не очень успокаивающая песня. В ней обертоны мрака, и от этого хочется сбежать в ужасе. Крайдайки хочет прекратить ее, боясь того, что он может натворить с ее помощью. Но не в силах остановиться.

Спускайся на эти уровни —
В темноту

Где ты никогда
Не бывал

Где оседает
Вся музыка

И собирается,
Складывается слоями

Воющие песни
Древних бурь

И ураганов,
Которые никогда не умирают...

Рядом с Крайдайки кто-то возникает. Он чув-

ствует гигантскую широкую фигуру, созданную из ткани его песни. Медленное пульсирование ее сонара заполняет маленькое помещение, в котором он лежит... это маленькое помещение не может вместить формирующегося гиганта.

Нукапай?

Звуки землетрясений —
Хранящиеся эпохи

Звуки расплавленных
Первобытных скал...

С каждым стихом звуковая фигура становится все материальнее. В ней чувствуется мышечная сила. Огромные плавники медленно, но мощно плещут, грозя перевернуть его с головы на хвост. Когда она выдувает воздух, пена вырывается, как прибой в бурю.

Страх наконец дает ему силу открыть глаза. Слизь покрывает их, он пытается поднять веки. Глаза провалились, и требуется много времени и усилий, чтобы сфокусировать их для воздушного зрения.

Вначале он видит больничный подвешенный танк, маленький и закрытый. И только.

Но звуки говорят, что он в открытом море и

левиафан плывет рядом!

Он моргает, и неожиданно картина меняется. Зрение сменяется звуком. Комната исчезает, и он видит!

!!!!!!

Существо рядом с ним не может жить в знакомых ему океанах. Крайдайки чуть не задохнулся от страха.

Оно движется с мощью цунами, с непреодолимостью прилива.

Это существо из тьмы и глубины.

Это бог.

Кк... кп... криии!

Крайдайки не подозревал, что знает это имя. Оно пришло откуда-то, как дракон из кошмара.

Один темный глаз уставился на Крайдайки, этот взгляд обжигает его. Он хочет отвернуться — спрятаться или умереть.

И тут оно заговорило.

Оно не воспользовалось тринари, как и ожидал Крайдайки. Отбросило праймал, презирая этот язык умных животных. И запело песню, которая зазвучала, как удары волн, окружила его и заполонила устрашающим пониманием.

: ТЫ УПЛЫЛ ОТ НАС, КРАЙДАЙКИ: ТЫ НАЧАЛ

УЧИТЬСЯ: НО ПОТОМ ТВОЙ РАЗУМ СВЕРНУЛ: МЫ НЕ ЗАКОНЧИЛИ: ЕЩЕ:

: МЫ ДАВНО ЖДАЛИ ТАКОГО, КАК ТЫ: ТЕПЕРЬ МЫ НУЖНЫ ТЕБЕ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ТЫ НАМ: ВОЗВРАТА НЕТ:

: ТАКОЙ, КАК ТЫ СЕЙЧАС, ТЫ БУДЕШЬ ПУСТОЙ ШЕЛУХОЙ: МЕРТВОЕ МЯСО: ПУСТОТА БЕЗ ПЕСНИ: НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕШЬ ТЫ НИ СПЯЩИМ, НИ ИСПОЛЬЗУЮЩИМ ОГОНЬ:

: БЕСПОЛЕЗНЫЙ КРАЙДАЙКИ: НЕ КАПИТАН: НЕ КИТООБРАЗНЫЙ: БЕСПОЛЕЗНОЕ МЯСО:

: ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН ПУТЬ: СКВОЗЬ БРЮХО СНА КИТОВ: ЗДЕСЬ ТЫ МОЖЕШЬ НАЙТИ ПУТЬ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ: НО ПУТЬ ВЫПОЛНИТЬ СВОИ ДОЛГ: ПУТЬ СПАСТИ СВОЮ ЖИЗНЬ...:

Крайдайки застонал. Он слабо забился и позвал Нукапай. Но потом опомнился. Она одна из них. Она ждет внизу вместе с другими его мучителями, некоторые из них древние боги, о которых он слышал в сагах, а о других он никогда не слышал, их не упоминали даже киты-горбачи...

Кк-кп-крии пришел, чтобы забрать его.

Хотя англик для него утрачен, Крайдайки произнес жалобу на языке, которого не знал раньше.

: Я поврежден!: Я пустая шелуха!: Я должен быть мертвым мясом!: Я утратил речь!: Я утратил

слова!: Позволь мне умереть!:

В ответ послышался звук, словно порожденный самой землей. Из-под ила.

: ТЫ ИДЕШЬ ЧЕРЕЗ СОН КИТОВ: ГДЕ НИКОГДА НЕ БЫВАЛИ ТВОИ БРАТЬЯ: ДАЖЕ КОГДА ОНИ ИГРАЛИ, КАК ЖИВОТНЫЕ И ПОЧТИ НЕ ЗНАЛИ ЛЮДЕЙ: ГЛУБЖЕ, ЧЕМ ОПУСКАЮТСЯ ГОРБАЧИ: В СВОИХ ЛЕНИВЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ: ГЛУБЖЕ КАШАЛОТОВ: В ИХ ДЬЯВОЛЬСКОЙ ОХОТЕ: ГЛУБЖЕ САМОЙ ТЬМЫ...:

: ТАМ ТЫ СМОЖЕШЬ УМЕРЕТЬ, ЕСЛИ НЕ НАЙДЕШЬ ИСТИНУ...:

Стены маленького помещения растаяли, мучители начали создавать новую реальность. У нее широкий лоб и блестящие зубы кашалота, но глаза сверкают, как маяки, и плавники ее обрамлены серебром. А вокруг мерцающий ореол... как защитное поле вокруг космического корабля...

Помещение совершенно исчезло. Неожиданно вокруг открылось бесконечное море невесомости. Древний бог поплыл мощными гребками плавников. Крайдайки, испустив бессильный вопль, не смог уберечься от мощного затягивающего волнения. Они плывут все быстрее... быстрее...

Невозможно определить, но он откуда-то знает, что они движутся ВНИЗ.

— Вы ссслышали это?

Помощница Маканай посмотрела на танк, в котором висел капитан. Тусклый фонарь освещал рубцы повторной операции. Каждые несколько секунд из воронок вырывались потоки мелких брызг и покрывали висящего без сознания дельфина.

Маканай тоже посмотрела туда.

— Возззможно. Мне недавно показалось, что я что-то ссслышу. А вы?

Помощница покачала головой.

— Я не уверена. Мне показалось, он с кем-то разговаривает... но не на англике. Похоже вначале было на тринари... потом что-то другое. Так странно звучало!

Помощница вздрогнула.

— Может, ему снятся сны?

Маканай посмотрела на Крайдайки и вздохнула.

— Не знаю. И не знаю, молиться ли, чтобы ему снилось что-то или чтобы ничего не снилось.

45. ТОМ ОРЛИ

Холодный морской ветер дул с запада. Среди ночи его разбудил приступ дрожи. Он раскрыл в

темноте глаза, посмотрел в пустоту.

И не смог вспомнить, где он.

«Минутку, — подумал он. — Сейчас придет».

Ему снилась планета Гарт, где моря маленькие, а реки многочисленные. Здесь он какое-то время провел в смешанной колонии людей и шимпов, такой же богатой и удивительной, как Калафия, где вместе живут люди и дельфины.

Гарт — гостеприимная планета, хотя расположена далеко от других поселений землян.

Ему снилось вторжение на Гарт. Гигантские военные корабли повисли над городами и пустили облака газа на плодородные долины, обратив колонистов в паническое бегство. Небо заполнилось вспышками.

С трудом ему удавалось отличить сон от реальности. Том смотрел на хрустальный купол китрупской ночи. Тело его напряжено, ноги вытянуты, руки сжимают плечи — и от судорог усталости, и от холода. Медленно он заставил мышцы расслабиться. Сухожилия щелкали, суставы скрипели, но он ощутил, что снова может двигаться.

Вулкан на севере стих, только виднеется розовое зарево. Над головой в тучах длинные рваные разрывы. Том следил за точками света в небе.

Он думал о звездах. Астрономия всегда была его увлечением.

«Красное означает холод, — подумал он. — Вот эта красная звезда — должно быть, маленькая, близкая и древняя или далекий гигант в предсмертной агонии. А вот эта яркая — голубой сверхгигант. Очень редкий. Есть ли такой в этом районе космоса?»

Он должен это помнить.

Том мигнул. Голубая «звезда» двигалась.

Он следил, как она перемещается на фоне звезд, пока не встретилась с другой яркой точкой, зеленой. И когда два огня встретились, последовала вспышка. Синяя искра двинулась дальше, а зеленая исчезла.

«Какова же вероятность того, чтобы я присутствовал при этом? Чтобы посмотрел в нужное время в нужное место? Должно быть, там идет сильный бой. Он еще не закончился».

Том попытался встать, но тело его снова опустилось на постель из водорослей.

«Попробую еще раз».

Он перекатился, оперся на локоть, застыл, собираясь с силами, и оттолкнулся.

Маленькие неяркие спутники Китрупа отсутствовали, но звездного света хватало, чтобы

разглядеть странный ландшафт. Вода выступала поверх перемещающегося болота. Слышались хриплые квакающие звуки. Однажды Том услышал писк, сразу прервавшийся: неожиданно погибло какое-то маленькое животное, решил он.

Он был благодарен упрямству, которое привело его на эту скромную высоту. Даже двумя метрами выше ощущалась большая разница. Ниже он бы не перенес ночь в этой отвратительной массе.

Он повернулся и принялся разбирать скромные запасы на своих грубых санях. Прежде всего — согреться. Он достал костюм для плавания и осторожно надел его.

Том знал, что должен обработать свои раны, но они могут еще немного подождать. И настоящий завтрак тоже — у него хватит продуктов на несколько завтраков.

Жуя пищевой брусок и изредка отпивая из канистры, Том оценивал небольшую груду припасов. Сейчас самое важное — три пси-бомбы.

Он посмотрел на небо. Если не считать мерцающей дымки вокруг одной из звезд, никаких признаков сражения не было видно. Но и одного следа достаточно. Том знал, какую бомбу настроить.

Джиллиан провела несколько часов с Ниссом, прежде чем оставить «Стремительный» и встретиться с Томом на острове. Она подсоединила машину тимбрими к микроветви теннанинской Библиотеки, которую он добыл в корабле. Потом они с Ниссом поместили в бомбу соответствующие сигналы.

Самый важный из них — теннанинский сигнал тревоги. Если позволит капризная Ифни, именно этот сигнал поможет Тому понять, сработал ли его план.

Вся работа Свесси, Тома и остальных над «Троянским морским коньком» ни к чему, если среди оставшихся на поле боя нет теннанинцев. Какой смысл «Стремительному» забираться в пустой корпус теннанинца и в замаскированном виде подниматься, если все сражающиеся тут же начнут стрелять по призраку уже погибшей группы?

Том взял одну пси-бомбу. Круглая как мяч. Сверху предохранитель и таймер. Джиллиан тщательно написала название каждой бомбы на клейкой полоске. На этой добавила свою подпись и маленькое сердце, пронзенное стрелой.

Том улыбнулся и поднес бомбу к губам.

Он чувствовал вину за то, что настоял, чтобы она осталась. Но теперь знал, что был прав. Хоть

Джиллиан подготовлена и опытна, она не такой хороший пилот, как он, и, вероятно, погибла бы в крушении. И, конечно, у нее не хватило бы сил так далеко тащить сани.

«Дьявол! — подумал он. — Я рад, что она в безопасности, с друзьями, которые защитят ее. Она может справиться с десятью бленчкскими пещерными ящерицами одной рукой, но она моя женщина, и я должен беречь ее».

Том дожевал остатки протеинового бруска. Он взвесил бомбу и принялся обдумывать стратегию своих действий. Первоначальный план заключался в том, чтобы сесть вблизи вулкана, подождать, пока глайдер зарядится для взлета, потом установить бомбу и улететь прежде, чем она взорвется. Он мог бы на восходящих от вулкана термальных потоках подняться высоко и отыскать другой остров, а с него следить за результатами своего эксперимента.

Даже если подходящего острова не найдется, он мог отлететь достаточно далеко, сесть на воду и с помощью телескопа следить оттуда.

Отличный план, но буря и заросли водорослевых джунглей нарушили его. Телескоп теперь присоединился к металлическим осадкам на дне китрупского моря-мира, вместе с обломками

солнечного самолета.

Том осторожно поднялся на ноги. Теперь, поев и согревшись, он смог это сделать и легко пересиливал боль.

Порывшись в своих пожитках, он достал длинную полоску ткани — остаток изорванного спального мешка. Этот кусок прочного изошелка должен подойти.

Пси-бомба тяжело лежала в руке. Трудно представить себе, что она заряжена мощными иллюзиями — сверхмощная подделка, готовая взорваться по приказу.

Том поставил таймер на два часа и спустил предохранитель.

Осторожно положил бомбу в свою импровизированную пращу. Том понимал, что слишком драматизирует ситуацию. Расстояние мало поможет ему. По всему Китрупу оживут сенсоры, когда эта штука взорвется. С таким же успехом он может поставить ее у своих ног.

Хотя... кто знает?.. Он отбросит ее от себя как можно дальше. Несколько раз он взмахнул пращой, чтобы рука привыкла к ее тяжести, потом начал вращать. Вначале медленно, он постепенно набирал инерцию, пока странное ощущение здоровья не распространилось по груди, рукам и

ногам. Усталость словно растаяла. И Том запел.

Мой папа был человек пещерный,
И в шкурах он в мяч играл,
И снились ему огни в небесах,
Когда в грязи он спал.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа был боец отважный,
Но как же страдала семья!
И снился ему вечный мир и покой,
А умер он от копья.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа умел любить,
Но даже жену свою бил,
И снилась ему другая жизнь,
И жалел он о том, как жил.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа был великий вождь,
Мечтатель, но лгал он нам.
Запугивал всех и заставлял
Стрелять по небесам.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа был совсем неучен,
Но всегда о чем-то мечтал.
Ненавидел себя за невежество
И гордыню свою укрощал.

Но как-то он угодил в ловушку
И долго от боли кричал.
Он, мучаясь, умер, а мне, сироте,
Свое сердце и ум завещал.

Ну что ж, презирайте меня за сиротство,
За убогость, за раны, за слезы,
Но только скажите: «Вы сами-то кто?»
Эй, вы, ити, и эти ваши звезды!

Эй, вы, ити, и эти ваши звезды!

Том напрягся и шагнул вперед. Рука его резко выпрямилась, и он выпустил пращу. Бомба взлетела высоко в небо, вращаясь как мяч. Она ярко блестела, продолжая подниматься, пока не исчезла из виду. Том прислушался, но не услышал, как она упала.

Постоял немного, тяжело дыша.

«Ну, что ж, — подумал он наконец. — Это вызывает аппетит. У меня два часа на то, чтобы поесть, позаботиться о своих ранах и приготовить убежище. А время, которое я получу после этого, о Боже, будет воспринято со смиренной благодарностью».

Он обвязался куском ткани и принялся при свете звезд готовить себе еду.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
СОТРЯСЕНИЕ

В мире более древнем и сложном, чем наш, они живут, законченные и совершенные, наделенные чувствами, которых мы лишились или никогда не имели, слышат голоса, которых мы никогда не услышим... это другие народы, но они вместе с нами захвачены в одну сеть жизни и времени.

Генри Бейтсон

46. САХОТ

Наступил вечер, и кикви отправились на охоту. Сахот слышал, как они возбужденно трещат, собираясь на поляне к западу от затопленного дерева-сверла. Охотники прошли недалеко от бассейна, направляясь к расселине в крутом южном берегу острова, болтая и набирая воздух в легочные мешки.

Сахот прислушивался, пока або не прошли. Потом погрузился на метр и расстроенно выдул

пузыри. Все идет не так.

Дэнни изменилась, и ему это не нравится. Вместо обычного веселого кокетства она буквально игнорирует его. Выслушала два его лучших лимерика и ответила совершенно серьезно, не обратив внимания на великолепную двусмысленность.

Несмотря на важность исследований кикви, Такката-Джим приказал ей готовить образцы для Чарлза Дарта. Дважды она спускалась под воду, чтобы собирать образцы под металлическим островом. Она не обращала внимания на Сахота, когда он игриво толкал ее носом; хуже того, с отсутствующим видом хлопала его по боку.

Сахот чувствовал, что, несмотря на все предыдущие усилия, не хотел, чтобы что-то изменилось. Во всяком случае не так.

Он поплыл, но тут же остановился. Он присоединен к саням. Новая обязанность заставляет его вечно держаться возле этого электрического неприличия, тесниться в маленьком бассейне, в то время как его настоящая работа в открытом море с предразумными!

Когда уплыли Джиллиан и Кипиру, он решил, что у него теперь больше времени, чтобы заниматься тем, чего хочет. Ха! Не успели пилот и человек-врач исчезнуть, как Тошио — подумать

только, Тошио! — принял на себя команду.

«Мне не следовало уступать. Как, во имя пяти галактик, этот мальчишка смог взять верх?»

Теперь уже трудно вспомнить, как. Но вот он управляет этим проклятым роботом ради напыщенного эгоцентричного шимпанзе, которого интересуют только камни! У этого тупого маленького робота нет даже мозга, с ним невозможно разговаривать! Ведь с микропроцессорами не поговоришь. Скажешь им, что нужно делать, а потом беспомощно смотришь, как они выполняют понятое буквально.

Доспехи зазвенели. Время проверять зонд. Сахот саркастически проговорил:

Да, ничтожество,
Господин и повелитель!
Металлический слабоумный
Сплошная катастрофа!
Погуди снова,
А я буду работать быстрее!

Сахот взглянул левым глазом на экран саней. Послал закодированный пульсирующий сигнал роботу и получил в ответ поток данных.

Робот наконец переварил образцы ближайших

скал. Сахот приказал роботу перевести содержание его маленькой памяти в банк данных саней. Тошио заставил его столько раз это проделать, что теперь Сахот управлял роботом, не задумываясь.

Он закрепил моноволоконный кабель о скалу и опустился еще на пятьдесят метров.

Прежняя гипотеза появления этой дыры под металлическим островом была отвергнута. Дереву-сверлу не нужно углубляться на километр в поисках питательных веществ. Оно не может так глубоко проникать в кору. И масса корня слишком велика, чтобы его могло вращать стоящее наверху одинокое дерево.

Объем выкопанного материала превосходит десять таких островов. В виде осадков этот материал разбросан по дну вокруг острова.

Сахота не волновали эти загадки. Они лишний раз доказывают, что вселенная устроена странно и, может, людям, дельфинам и шимпам стоит немного подождать с ее разгадками.

Робот закончил очередной спуск. Сахот заставил его закрепиться на стене при помощи клешней с алмазными остриями, потом спустил с поверхности больше кабеля.

Робот будет опускаться постепенно. И навсегда останется внизу. Сахот иногда ощущал и себя

в таком же положении, особенно с тех пор, как оказался на Китрупе. Он не надеялся покинуть этот смертоносный мир.

К счастью, управлять роботом, немного освоившись, можно совершенно автоматически. Даже Чарлз Дарт ни к чему не придерется. Если только...

Сахот выругался. Вот опять — помехи, которые преследуют робота, когда он перевалил полукилометровую глубину. Тошио и Кипиру не смогли найти причин этого.

Треск не похож на помехи, которые Сахот слышал раньше... впрочем, он не специалист. Своего рода синкопа, и слушать это даже приятно. Сахот знал, что некоторым людям нравится слушать белый шум. Это успокаивает.

Тикали часы на доспехах. Сахот слушал и думал об извращениях, о любви и одиночестве.

Я плыву —
Кругами — как остальные
И учусь —
Печально я
Ничего не вижу
Вздыхаю одиноко.

Неожиданно Сахот понял, что настроился на ритм «шума» снизу. Он покачал головой. Но когда прислушался, снова ощутил ритм.

Песня. Это песня!

Сахот сосредоточился. Все равно, что слушать шесть частей фуги одновременно. Ритмы накладываются друг на друга с непостижимой сложностью.

Неудивительно, что это приняли за шум! Даже он едва не обманулся!

Снова зазвенел таймер на доспехах, но Сахот не заметил. Он был слишком занят, слушая, как поет для него планета.

47. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Моки и Хаоке вызвались добровольно исполнять обязанности караульных, но по разным причинам.

Обоим хотелось для разнообразия выйти из корабля. И обоим совсем не хотелось проводить часы, привязавшись к тяжелым саням, в темных глубинах океанов.

Но тут сходство кончалось. Хаоке был здесь, потому что считал эту работу необходимой. С другой стороны, Моки надеялся, что сможет убить

кого-нибудь.

— Хотел бы я, чтобы Такката-Джим послал за Акки меня, а не Кта-Джона, — выдохнул Моки. — Я смог бы выследить этого нахала.

Сани Моки лежали в двадцати ярдах от саней Хаоке на подводном утесе, нависающем над кораблем. Дуговые лампы освещали корпус «Стремительного», но окрестность теперь вся вымерла; выход разрешает только сам помощник капитана.

Моки посмотрел на Хаоке сквозь гибкий купол-пузырь своих саней. Хаоке, как обычно, молчал. Он не обратил никакого внимания на замечание Моки.

Высокомерное отродье вонючего спрута! Хаоке такой же нахал-турсиопа, как Крайдайки и этот гардемарин Акки.

Моки изобразил легкую звуковую картину. Картину рвущих зубов, уничтожения. Однажды он представил в роли жертвы Крайдайки. Капитан, который слишком часто заставал его увиливающим от работы и оскорблял своим слишком правильным англиком, наконец получил по заслугам. Моки рад, но теперь для фантазии нужен другой персонаж. Не очень интересно терзать кого-то неконкретного.

Подойдет этот калафианец, Акки: ведь установлено, что гардемарин предал помощника капитана. Моки надеялся, что Такката-Джим пошлет его, но тот послал Кта-Джона, объяснив, что нужно не убивать Акки, а доставить его на корабль для наказания.

Гигант, казалось, не обращает внимания на это тонкое различие. Он уплыл, вооруженный мощным лазерным ружьем. Возможно, Такката-Джим не может больше контролировать Кта-Джона и отослал его для собственной безопасности. Видя блеск глаз Кта-Джона, Моки не завидовал калафианцу, когда тот будет найден.

Хорошо, пусть Кта-Джон берет Акки! Небольшое развлечение потеряно, но это не испортит радости Моки.

Хорошо быть большим! В свободное от вахты время все уходят с пути Моки, словно он вожак стаи! Он уже положил глаз на двух сексуальных самок в лазарете Маканай. Некоторые молодые самцы тоже привлекательно выглядят... Моки не очень различает тех и других.

Когда они поймут, куда повернуло течение, они все придут к нему. Моки немного посопротивлялся, но не смог сдержаться. И триумфально заскрежетал в запретной форме:

Слава!

Слава!

Кусать Слава!

Подчинять самок!

Пришел новый вожак!

Он увидел, что наконец-то Хаоке среагировал. Второй охранник слегка вздрогнул и посмотрел на Моки. Но промолчал, когда Моки вызывающе встретил его взгляд. Моки направил луч сонара прямо на Хаоке, чтобы показать, что он за ним тоже следит!

Высокомерный вонючий спрут! Хаоке свое получит, когда Такката-Джим окончательно возьмет положение под контроль. А люди на Земле одобрят, потому что большой человек Метц на стороне Такката-Джима, и он все одобрил!

Моки снова испустил вопль на праймале, наслаждаясь запретной примитивностью. Праймал затрагивает в нем что-то глубокое, и тоска по нему усиливается.

Пусть Хаоке щелкает в отвращении! Моки бросит вызов самим галактам. Пусть спустятся под воду к нему и к его новому капитану!

Хаоке стойко перенес звериные вопли Моки. Но

это напомнило ему, что он в команде кретинов и неудачников.

К несчастью, кретины и неудачники правы, а самые умные головы «Стремительного» катастрофически ошибаются.

Хаоке бесконечно жаль, что пострадал Крайдайки. Капитан — один из лучших представителей своего племени. Но несчастный случай позволяет спокойно и незаметно изменить политику, и Хаоке не жалеет об этом. Такката-Джим по крайней мере сознает безнадежность этого отчаянного плана — «Троянского морского конька».

Даже если «Стремительный» сумеет незаметно перебраться к разбитому теннанинскому кораблю, если команда Тшут каким-то чудом сумеет выпотрошить корпус, и «Стремительный» наденет его на себя, как гигантскую маскировку, даже если они сумеют взлететь в таких условиях, что им это даст?

Даже если бы Томас Орли сообщил, что теннанинцы по-прежнему участвуют в космической битве, нужно еще обмануть их, чтобы они бросились на защиту своего поврежденного корабля и отвели его в тыл. Очень сомнительная возможность.

Очевидно, Орли погиб. Уже несколько дней

от него ни слова, и игра становится отчаянно рискованной.

Почему бы просто не отдать этим трижды проклятым галактам то, что им нужно? К чему этот романтический вздор о спасении данных и доставке их Совету Земли? Какое нам дело до опасных древних кораблей? При чем здесь мы, если галакты хотят сражаться из-за этого брошенного флота. Даже ради аборигенов Китрупа не стоит умирать.

Хаоке все кажется ясным. И Такката-Джиму тоже, а его ум Хаоке уважает.

Но если это так ясно, почему не соглашаются такие, как Крайдайки и Томас Орли?

Именно такие сомнения заставляли Хаоке оставаться в своем орудийном расчете, а не пытаться стать сержантом или офицером, что позволяют результаты его тестирования.

Моки испустил еще одну похвальбу на праймале. На этот раз громче. Стенос пытается вывести его из себя.

Хаоке вздохнул. Многие из экипажа начали вести себя странно, не так, как Моки, но все же плохо. И не только стеносы. Некоторые стеносы ведут себя лучше многих турсиоп. Мораль разрушается, и все больше дельфинов отказываются от

кининка, перестают вести ежедневную борьбу со своим животным началом. И несколько недель назад трудно было предсказать, кто окажется наиболее подвержен этой болезни.

Конечно, все лучшие отсутствуют — во главе с Хикахи и Свесси.

«К счастью, — подумал Хаоке. Он с иронией подумал о превращении дурного в хорошее, правильного в неправильное. — Ну, кажется, Такката-Джим понимает, что он чувствует, и не настроен против него. Помощник капитана с благодарностью принял поддержку Хаоке».

Хаоке слышал, как Моки бьет хвостом в воде, но прежде чем стенос смог произнести еще одну насмешку, ожили приемники на обоих санях.

— Хаоке и Моки? Вызывает фин-связист Хеурка-пит... Ответьте!

Вызывает оператор обнаружения, выполняющий функции связиста. То, что пришлось объединить эти функции, показывает, как плохо обстоят дела.

— Принято, говорит Хаоке. Моки в данный момент ответить не может. В чем дело?

Он слышал, как возмущенно задохнулся Моки. Но совершенно очевидно, что сейчас он не в состоянии отвечать на англике.

— Хаоке, на экране сонара цель к востоку... похоже на сани. Если цель враждебна, уничтожить. Если это кто-то с острова, они должны повернуть назад. Если откажутся, стреляйте, чтобы вывести из строя сани!

— Понято. Хаоке и Моки приступают к выполнению.

— Ну, ладно, приятель, — сказал Хаоке все еще безмолвному Моки. И криво усмехнулся. — Договоримся! Мы только поддерживаем карантин. Не стреляем в товарищей, если, конечно, не будет необходимости!

Нервным импульсом он включил двигатель саней. Не оглядываясь, поднялся с илистого дна и начал набирать скорость, направляясь на восток.

Моки посмотрел вслед Хаоке, потом включил двигатель своих саней.

Искушаем, искушаем... я, Моки...

Искушение — великолепно!

Сани погрузились в полутьму. На пассивном сонарном экране они были двумя точками, которые медленно заходили в тень острова, затем исчезли в ней.

Кипиру раскрыл клешню правой механиче-

ской руки и опустил портативный акустический прибор. Тот мягко упал на ил. Кипиру повернулся к Джиллиан.

Сделано, сделано —
Они гонятся за нашей тенью
Им не понравится,
Когда увидят добычу!

Джиллиан ожидала, что будет выставлена охрана. Несколько километров назад они оставили сани на автопилоте и поплыли на северо-запад. К тому времени, как сани снова включились, они уже были в нескольких сотнях ярдов от входного шлюза.

Джиллиан коснулась бока Кипиру. Чувствительная кожа дрогнула под ее рукой.

— Ты помнишь план, Кипиру?

Нужно ли спрашивать?

Джиллиан удивленно подняла брови. Такая короткая трель и вопросительный щелчок? Необычно краткий и прямой ответ для тринари. Кипиру способен на большее, чем она думала.

— Конечно, нет, дорогой всадник на волнах. Прошу прощения. Выполню свою часть и не буду беспокоиться о твоей.

Кипиру взглянул на нее, словно жалел, что на нем дыхатель. Словно хотел ответить ей на ее родном языке. Джиллиан ощутила легкое телепатическое прикосновение.

Она обхватила ровный гладкий торс.

— Береги себя, Кипиру. Помни, тобой восхищаются, тебя любят. Очень.

Пилот покачал головой.

Плавать — или
Сражаться
Предупреждать — или
Спасать
Заслужить — твое
Доверие

Они выскользнули из укрытия и быстро поплыли к шлюзу корабля.

48. ТАККАТА-ДЖИМ

Невозможно отдыхать.

Такката-Джим завидовал тому бессознательному состоянию людей, которое они называют сном. Когда человек ложится отдыхать ночью, он перестает осознавать мир, полностью дезакти-

вирует свои нервы и мышцы. И если ему снится сон, то физически он в нем не участвует.

Даже неодельфин не может так отключаться. Одно из полушарий его мозга всегда бодрствует, контролируя дыхание. Сон для фина — одновременно и более легок и гораздо более серьезен.

Такката-Джим плавал в капитанской каюте; ему хотелось бы вернуться в свою, маленькую. Но для экипажа важны символы. Его последователи должны опираться не только на логику. Им нужно видеть, что у стада Новый Вожак. А это значит, что нужно жить так, как жил прежний.

Он набрал воздуха и защелкал, осветив помещение звуковыми отражениями.

У Крайдайки, несомненно, вкус эклектический. Ифни знает, чем владел прежний капитан и что спрятал перед приземлением на Китрупе, чтобы не повредила влага. Но то, что осталось, поразительно.

За стеклянными витринами лежат произведения искусства художников десятков разумных рас. Звуковые фото странных миров и причудливых необычных звезд украшают стены.

Впечатляет музыкальная система Крайдайки. У него записаны тысячи песен и странных... звуков; когда Такката-Джим прослушивает их, у него

холодеет спина. Бесценна коллекция китовых баллад, причем значительная часть собрана им самим.

На коммутаторе фото Крайдайки с офицерами «Джеймса Кука». Сама капитан Элен Альварес подписала ее. Она положила руку на широкий лоб своего первого помощника, и дельфин с Элен прижались друг к другу перед камерой.

Такката-Джим служил на больших кораблях, на грузовых судах, обеспечивающих снабжение колоний на Атласте и Калафии, но в таких полетах, как легендарный «Кук», никогда не бывал. Никогда не видел таких зрелищ, не слышал таких звуков.

До Мелкого скопления... пока они не нашли мертвые корабли размером с луну...

Такката-Джим раздраженно забил хвостом. Плавники болезненно ударились о потолок. Дышал он тяжело.

Неважно. Все неважно, если он победит! Уведет «Стремительный» с Китрупа с живым экипажем! Если он это сделает, у него тоже будет фото. И рука президента Конфедерации Земли будет лежать на спине Такката-Джима.

Справа появились сверкающие точки. Они превратились в голографическое изображение в

нескольких дюймах от его глаза.

— Да, в чем дело! — рявкнул Такката-Джим.

Возбужденный дельфин, сгибая и разгибая механические руки, нервно кивнул. Это начальник хозяйственной части корабля Саппех.

— Сссэр! Происходит что-то ссстранное! Мы не знали, нужно ли вассс будить, но...

Такката-Джим с трудом понимал подводный англик этого фина. Верхние регистры Саппеха неконтролируемо искажались.

— Успокойтесь и говорите медленно! — резко приказал он. Фин мигнул, но попытался выполнить приказ.

— Я... я был во внешнем шлюзе. Слышал, как кто-то сказал, что объявлена тревога. Хеурка-пит послал Хаоке и Моки за звуками саней...

— Почему сразу не сообщили мне?

Саппех в отчаянии изогнулся. Мгновение казалось, что он слишком испуган, чтобы говорить. Такката-Джим вздохнул и спокойно сказал:

— Неважно. Вы не виноваты. Продолжайте.

Саппех с облегчением продолжал:

— Через несколько минут загорелся огонь на входном шлюзе. Ватгасети подошел, а я не обратил внимания. Но когда вошли Очиститель Жизни и Пилот в Водоворотах...

Такката-Джим вспенил воду. Только необходимость дослушать рассказ Саппеха помешала ему ударить того о стену.

— ...я пытался остановить их, как вы приказали, но Ватгасети и Хисс-каа прыгали от радости и втащили обоих!

— Где они сейчас? — спросил Такката-Джим.

— Баскин в центральном отсеке вместе с Ватгасети. Хисс-каа распускает слухи по всему кораблю. Кипиру взял сани и дыхатель и исчез.

— Куда исчез?

— Назад! — взвыл Саппех. Он быстро терял способность говорить на англике. Такката-Джим постарался воспользоваться тем, что еще оставалось.

— Пусть Хеурка-пит разбудит доктора Метца. Доктор Метц в сопровождении трех охранников должен прийти в лазарет. Отправляйтесь вместе с Савтутом к раздевалке сухого колеса и никого туда не впускайте. Понятно?

Саппех энергично кивнул, и его изображение исчезло.

Такката-Джим молился, чтобы у Хеурка-пита хватило ума отозвать Хаоке и Моки и послать их за Кипиру. Действуя вместе, с умом Хаоке и свирепостью Моки, они могли бы отрезать пилота от

теннанинского корабля.

«Почему еще не вернулся Кта-Джон? Я послал его за гардемарином, чтобы на время удалить с корабля. Боялся, что он становится опасным даже для меня. Хотел выиграть время, чтобы все организовать без него. Но Баскин вернулась раньше, чем я ожидал. Может быть, стоит держать Кта-Джона поблизости. Он может оказаться полезным».

Такката-Джим свистом открыл дверь и выплыл в коридор. Предстоит столкновение, которое он надеялся оттянуть часов на сорок, если не навсегда.

«Может, следовало избавиться от Крайдайки?.. Это было бы легко... перерыв энергоснабжения антигравитационного танка, выскочивший катетер... Метц не одобрит этого, но и так есть многое, о чем Метц не подозревает и не должен знать».

Такката-Джим подплыл к внутреннему лифту.

«Может, и не понадобится Кта-Джон, чтобы справиться с Баскин, — подумал он. — В конце концов что может сделать одна женщина?»

49. ПСИ-БОМБА

Высохшие стебли образовали купол над морем водорослей. С помощью распорок саней Том устроил грубую пещеру. Он сидел у входа, ожидая предрассветной полутьмы, и жевал один из немногочисленных пищевых брикетов.

Насколько можно, он очистил свои раны, покрыл их медицинской пеной. Поев, частично сняв боль, он снова чувствовал себя почти человеком.

Осмотрел свой маленький дистиллятор. В верхней части, в прозрачном мешке с фильтром, толстый слой морской воды и осадков. Но под фильтром почти полная фляжка.

Том взглянул на часы. Осталось пять минут. Некогда набирать еще одну порцию воды и заливать в дистиллятор. Не успеет он даже прочистить фильтр, как взорвется бомба.

Он подобрал фляжку, плотно завинтил крышку, положил в карман. Вытащил фильтр и вытряхнул осадок, потом свернул фильтр и сунул за пояс. Фильтр, вероятно, не устраняет все растворенные металлы. Он создавался не для Китрупа. Тем не менее, из всего багажа эта вещь, похоже, самая ценная.

Три минуты, сказали ему светящиеся стрелки часов.

Том посмотрел на небо. На востоке оно стало чуть светлее, и звезды начинали меркнуть. Утро будет ясное и потому очень холодное. Том вздрогнул и плотнее застегнул костюм. Обхватил колени.

Одна минута.

Когда начнется, будет как самый громкий звук. Как самый яркий свет. Удержать невозможно.

Он хотел закрыть глаза и уши, как от реального взрыва. Вместо этого смотрел на горизонт и начал считать. Сознательно заставил себя погрузиться в транс.

— ...семь... восемь... девять... десять... — Легкость заполнила грудь. Распространялась по телу, вызывая онемение и спокойствие.

Свет нескольких звезд на западе превратился в паутину лучей над полузакрытыми ресницами. Том ждал беззвучного взрыва.

— Сахот, я готов принять у вас дежурство.

Сахот сощурился и посмотрел на Тошио.

— Еще несссколько минут, ладно? Я кое-что сслушаю.

Тошио нахмурился. Не этого он ожидал от Сахота! Он пришел пораньше, чтобы освободить

фина-лингвиста, потому что Сахот ненавидит работу с зондом.

— Что случилось, Тош?

Дэнни села в спальном мешке, потерла глаза и всмотрелась в предрассветную мглу.

— Не знаю, Дэнни. Я предложил сменить Сахота, чтобы он не связывался с Чарли, когда тот позвонит. Но Сахот отказался.

Дэнни пожала плечами.

— Это его дело. А ты чего тревожишься?

Тошио почувствовал, как резкий ответ повис у него на языке, но заставил себя промолчать и отвернулся. Он будет игнорировать Дэнни, пока та не проснется и не станет вежливее.

После ухода Джиллиан и Кипиру Дэнни удивила его, без возражений согласившись с тем, что он теперь старший. В последние два дня она интересовалась только своими микроскопами и образцами, не обращая внимания даже на приставания Сахота и односложно отвечая на вопросы.

Тошио склонился к коммуникатору, связанному с санями Сахота. Напечатал вопрос и озабоченно посмотрел на монитор.

— Сахот! — строго сказал он. — Убирайтесь оттуда!

— Сссек... — неопределенно ответил дельфин.

Тошио поджал губы.

НЕМЕДЛЕННО будь ЗДЕСЬ

Собирайся

Прекрати все

И слушай внимательно!

Он услышал, как ахнула Дэнни. Она, вероятно, не все поняла в этом взрыве на тринари, но основную мысль уловила. Тошио почувствовал удовлетворение. Это тест. Он не может действовать так тонко, как Джиллиан Баскин, но должен добиться повиновения, если хочет оставаться офицером.

Сахот смотрел на него, ошеломленно мигая. Потом фин вздохнул и переместился к краю бассейна.

— Сахот, за четыре часа вы ни разу не снимали геологических показателей. Но опустили робота за это время на двести метров. Что с вами произошло?

Стенос покачивался из стороны в сторону. Наконец негромко проговорил:

— Я слушал песню...

Тошио показалось, что он ослышался. Он посмотрел на гражданского неофина, не веря своим

ушам.

— Что вы слушали?

— Пеcссню...

Тошио поднял руки и бессильно уронил их.

«Совсем спятил, — подумал он. — Сначала Дэнни, потом Сахот. У меня под присмотром двое спятивших».

Он чувствовал, что к бассейну приближается Дэнни.

— Слушайте, Сахот, — сказал Тошио. — Скоро позвонит доктор Дарт. Что, по-вашему, он скажет, когда...

— Я поговорю с доктором Дартом, — негромко сказала Дэнни.

— Ты? — Последние сорок часов Дэнни непрерывно бранилась из-за задания, которое выполняет по приказу Такката-Джима по просьбе Чарлза Дарта. Ей совершенно некогда было заниматься кикви. Тошио не мог себе представить, что она захочет поговорить с шимпанзе.

— Да, я. То, что я ему скажу, заставит его забыть о роботе, так что отстань от Сахота. Если он говорит, что слушал песню, значит, что-то услышал.

Тошио посмотрел на нее, потом пожал плечами.

«Отлично. Моя работа — охранять этих двоих,

а не исправлять их научные ошибки. Надеюсь, Джиллиан разберется с тем, что происходит на корабле, и я смогу доложить о происшествиях здесь».

Дэнни склонилась к воде и говорила с Сахотом. Говорила она медленно и тщательно, терпеливо относясь к его медлительным ответам на англике: он слишком долго был связан с роботом.

Дэнни хотелось нырнуть и посмотреть самой на сердцевину металлического острова. Сахот вызвался сопровождать ее, если она немного подождет, пока он запишет больше своей «музыки». Дэнни согласилась, очевидно, совершенно не боясь спуска под воду с Сахотом.

Тошио сел и стал ждать неизбежного зуммера связи с кораблем. Вокруг него спутники меняются за одну ночь, а он и понятия не имеет почему!

Глаза словно запорошило песком. Тошио потер их, но это не помогло.

Он помигал и постарался прислушаться к разговору Дэнни и Сахота. Но ему все труднее становилось сосредоточиться. Между ним и бассейном повисла какая-то дымка. Неожиданно возникло предчувствие чего-то ужасного. Оно распространялось, пульсируя, от затылка к лопаткам.

Он зажал руками уши.

— Дэнни! Сахот! Вы... — Он кричал, уже не слыша собственного голоса.

Они взглянули на него. Дэнни встала и с озабоченным лицом сделала шаг к нему.

И тут ее глаза широко и удивленно раскрылись. Тошио краем глаза увидел какое-то движение в лесу. И тут же из кустов на них набросились кикви!

Тошио пытался достать свой пистолет-игольник, но было уже поздно. Аборигены сомкнулись вокруг, размахивая короткими конечностями и крича высокими голосами. Трое столкнулись с ним, двое опрокинули Дэнни. Тошио упал, стараясь уберечь лицо от рвущих когтей, а сознание мутилось от громовых звуков.

Кикви мгновенно исчезли!

Преодолевая гром в голове, Тошио заставил себя встать и оглядеться.

Дэнни со стоном каталась по земле, зажимая уши. Тошио опасался, что ее поранили когти кикви, но, когда она повернулась к нему, он увидел только неглубокие порезы.

Дрожащими руками он достал игольник. Несколько кикви совсем не нападали на него, они бросились к берегу бассейна и нырнули.

«Это не они», — смутно подумал Тошио.

Звук был такой, словно тысячи ногтей скребли по доске.

Пси-нападение! Нужно укрыться! Вода смягчит нападение. Нужно нырнуть, как аборигены!

В голове ревело. Тошио пополз к бассейну. Но потом остановился.

Изменив направление, с трудом добрался до дерева на берегу бассейна. Сел, прижимаясь к стволу спиной. Попытался сконцентрироваться, несмотря на шум в голове.

«Вспомни, чему учил тебя мистер Орли, гардемарин! Думай о своем мозге и постарайся погрузиться в него. Определи иллюзии, посланные врагом... внимательно слушай его ложь... пользуйся инь и янь... двойным спасением... логикой, которая помогает проникнуть через покров Мары... и поддержать веру...»

Дэнни стонала и каталась в пыли в нескольких ярдах от него. Тошио положил игольник на колени, чтобы он был наготове, если появится враг. Позвал Дэнни, перекрикивая шум:

— Дэнни! Слушай биение своего сердца! Слушай дыхание! Это реальные звуки! А этот нет!

Он видел, как она медленно повернулась к нему, в глазах боль, бледные бескровные руки

прижаты к ушам. Шум усилился.

— Считай удары сердца, Дэнни! Они... они как океан, как прибой! Дэнни! — кричал он. — Ты слышала звук, который громче прибоя? Представь себе такой звук...

Она смотрела на него. Он видел, как она глубоко вдыхает, начинает считать.

— Да! Считай, Дэнни! Считай вдохи и удары сердца! Вспомни звук, который перекроет прибой!

Она смотрела ему в глаза, он цеплялся за ее взгляд.

Постепенно шум в голове достиг крещендо. Тошио видел, как наконец она кивнула и слабо благодарно улыбнулась.

Сахот тоже ощутил это. И в тот момент, как пси-волна накатилась на него, бассейн заполнился испуганными кикви. Сахота затопил ужасный шум снаружи и изнутри. Хуже, чем ослепнуть от света прожектора.

Он хотел нырнуть, уйти от этой какофонии. Но, борясь с паникой, заставил себя лежать неподвижно.

Попытался разделить шум, вначале выделить в нем человеческую партию. Дэнни и Тошио, кажется, пострадали сильнее него. Может, ока-

зались чувствительнее к нападению. Но помочь им невозможно!

Кикви в ужасе кричали, прыгая в бассейн.

Бежать! Бегство!

От печального огромного непонятного!

Кто-нибудь! Помогите!

Большому печальному непонятному!

Устами младенца... Сосредоточившись на пси-нападении, Сахот понял, что это действительно призыв о помощи. Больно, как в преисподней, но он старался справиться с болью и понять.

Ему показалось, что он добивается успеха, несомненно справляется, — и тут послышался новый голос, на этот раз через его нервное гнездо! Песня снизу, та самая, которую он не мог расшифровать всю ночь. Она взревела из внутренностей Китрупа. Ее просто невозможно не понять.

+ КТО ЗОВЕТ? —

— КТО СМЕЕТ БЕСПОКОИТЬ? +

Сахот застонал и разорвал связь с роботом. Трех криков, на разных уровнях сознания, вполне достаточно. Еще один, и он сойдет с ума!

Теннанинец Буоулт испугался, хотя офицер на службе Великих Призраков не должен думать ни о смерти, ни о живых врагах.

Шаттл прошел через шлюз флагманского корабля «Огонь Квега». Огромные двери, массивные и прочные, закрылись за ним. Пилот шатала проложил курс к флагману танду.

Танду.

Буоулт, демонстрируя уверенность, развернул головной гребень. Нервы и кровеносные сосуды при этом потеряют тепло в холодной атмосфере корабля танду, но совершенно необходимо выглядеть уверенным.

Вероятно, менее отвратительно было бы заключить союз с соро. Соро, по крайней мере, больше похожи на теннанинцев, чем артроподы танду, да и живут они при более подходящей температуре. К тому же клиенты соро — интересные типы, племя Буоулта с радостью бы занялось возвышением таких.

«Да и для них было бы лучше, — подумал он. — Потому что мы добрые патроны».

Если кожистые соро надоедливы и бессердечны, то танду вообще чудовища. А клиенты у них такие странные, что хвост Буоулта начинал дергаться, когда он вспоминал о них.

Буоулт с отвращением сморщился. Политика приводит к странным трансформациям генов. Теперь, среди выживших, соро — самые сильные. Теннанинцы — самые слабые из основных претендентов. И хотя философия танду чрезвычайно отталкивающая с точки зрения религии Отрекшихся, только они теперь стоят на пути торжества соро. И теннанинцы должны, пусть и временно, вступить с ними в союз.

А если танду начнут побеждать, наступит время новой смены союза. Это происходило уже много раз и произойдет еще.

Буоулт напрягся в ожидании предстоящей встречи. Он решительно не намерен выказывать страх, ступив на борт корабля танду!

Танду как будто не боятся своих непонятных вероятностных двигателей. Сумасшедшие изменения реальности, которые осуществляют их клиенты эписиархи, позволяют им передвигаться быстрее противников. Но иногда получившиеся изменения пространства-времени глотают целые флоты, навсегда устраняя и танду, и их врагов из вселенной! Это безумие!

«Пусть только не используют свои изощренные двигатели, пока я на борту, — произнесли молитвенные органы Буоулта. — Пусть мы только

составим план битвы, и я улечу».

Показался корабль танду, необычный, похожий на ходули; ради скорости и маневренности он пренебрегает защитой.

Конечно, даже самые необычные корабли всего лишь варианты древних проектов, которые содержатся в Библиотеке. Танду смелы, но не оригинальны.

Земляне во многих отношениях гораздо неудобнее танду. Их неуклюжие механизмы — вульгарная привычка, возникшая из-за отсутствия настоящего воспитания.

Буоулт подумал, чем сейчас занимаются «дельфины». Плохо им придется, если их заберут танду или соро. Даже примитивные морские млекопитающие, клиенты грубой волосатой расы сирот-волчат, заслуживают защиты, если это возможно.

Конечно, приоритеты есть везде. Прежде всего им нельзя позволить утаивать свои открытия!

Буоулт заметил, что в возбуждении выпустил пальцы-когти. Втянул их обратно и постарался успокоиться. Шаттл приближался к строю танду.

Но тут рассуждения Буоулта прервал неожиданный холод, от которого задрожал гребень... возбуждение на пси-полосе.

— Оператор! — выкрикнул он. — Свяжись с флагманским кораблем! Проверь, подтвердят ли они вызов.

— Слушаюсь, генерал-протектор!

Буоулт сдержал возбуждение. Пси-энергия может быть приманкой. Но все же ощущение верное. Изображение «Огня Кронодора». А они уже не надеялись его увидеть!

Его заполнила решимость. В предстоящих переговорах он попросит еще об одном одолжении. Танду должны помочь теннанинцам.

— Подтверждение, сэр. Это военный корабль «Огонь Кронодора», — сказал пилот дрожащим от возбуждения голосом. Буоулт выпрямил гребень. Смотрел вперед на металлические фигуры богомолов, готовясь к противостоянию, переговорам, к ожиданию.

Би Чохуан слушала песнь кита — редкую и дорогую запись, которая стоила ей когда-то месячной платы, — когда ее детекторы уловили сигнал бакена. Она неохотно опустила наушники и отметила направление и мощность. Было так много сигналов... бомб, взрывов, ловушек. Но один из маленьких вазунов указал, что луч исходит из водного мира.

Би причесала усы и задумалась.

— Мне кажется, это меняет положение, мои малыши. Нужно ли оставить этот пояс нерожденных отбросов и переместиться ближе к арене действия? Пора ли дать знать землянам, что поблизости у них есть друзья?

Вазуны прощебетали в ответ, что политика — ее дело. В соответствии с договором они шпионы, а не стратеги.

Би одобрила их сарказм: очень изысканно.

— Хорошо, — сказала она. — Попробуем приблизиться.

Хикахи торопливо запросила боевой компьютер скифа.

— Это какое-то пси-оружие, — через гидрофоны объявила она работавшим в корпусе чужого корабля. Ее англик был спокоен и точен, пронизан холодными тонами кининка. — Других признаков нападения я не вижу, поэтому считаю, что это результат битвы в космосе. Мы и раньше их ссслышали, хоть и не так сильно.

— Мы глубоко под водой, частично защищены от пси-волн. Сожмите зубы. Старайтесь не обращать внимания. Продолжайте выполнять свои обязанности с надлежащим рвением.

Хикахи отключила гидрофоны. Она знала, что Тшут уже среди работающих, шутит, поддержи-

вает моральный дух.

Пси-шум походил на назойливый зуд, но со странным ритмом. Словно какой-то код, разгадать который невозможно.

Хикахи посмотрела на Ханнеса Свесси, который сидел у ближайшей стены и казался очень усталым. Он должен был отправиться спать, но пси-удар подействовал на него сильнее, чем на дельфинов. Он сравнил его с ногтями, скребущими по доске.

— Я могу высказать два предположения, Хикахи. Одно было бы хорошей новостью, другое — очень плохой.

Она кивнула гладкой головой.

— Мы неоднократно проверяли связь, послали уже троих посыльных, но корабль молчит. Я предполагаю самое худшее.

— Что «Стремительный» захвачен, — Свесси закрыл глаза.

— Да. Пси-волна идет откуда-то с поверхности планеты. Может, как раз сейчас галакты дерутся за наш корабль — или за то, что от него осталось.

Хикахи приняла решение.

— Я возвращаюсь на «Стремительный» в лодке. Подожду, пока не будут завершены помещения для экипажа в корпусе. Нам нужна энергия скифа,

чтобы перезарядить аккумуляторы теннанинца.

Свесси кивнул.

— Послушайте, Хикахи, когда убежище внутри будет готово, мы можем накачать оксиводу для финов, и они смогут нормально отдыхать. К тому же корпус экранирует пси-излучение. И что самое важное, у меня есть собственная комната, сухая, без толпы пищащих детей, которые толкают меня носами, стоит мне отвернуться. — В глазах его была мягкая ирония.

У Хикахи слегка отвисла челюсть.

— Тогда подождите минутку, Хозяин Удивительных Игрушек. Я сейчас присоединюсь к вам. Работа отвлечет нас от царапанья ногтей чужаков.

Соро Крат не испытывала неприятных ощущений. Ее корабль был хорошо защищен от раздражающего пси-воздействия. Она с легким интересом восприняла сообщение пила Куллалберры.

В ходе битвы они уже засекали такие сигналы. Но ни разу они не исходили от планеты. Только в нескольких засадах война приближалась к самому Китрупу.

В обычных условиях она просто приказала бы выпустить торпеду и забыла бы об этом деле.

Вблизи планеты газового гиганта формируется предвиденный танду-теннанинский союз, и ей нужно принимать меры. Но что-то в этом сигнале ее заинтересовало.

— Определи точное происхождение этого сигнала с поверхности планеты, — сказала она пила. — Включая местоположение всех известных посадок вражеских кораблей.

— Их уже десятки, и место очень неопределенно, — ответил пила из отсека статистики. Голос у него высокий и резкий. Рот раскрывался и закрывался при каждом согласном, и волосатые реснички колебались над маленькими черными глазами.

Крат не удостоила его взглядом.

— Когда соро прервали служение пила их прежним патронам, кисса, — просвистела она, — то не для того, чтобы сделать вас Старшими. Кто смеет сомневаться в моих приказах, словно я человек, который возится с шимпанзе?

Куллалберра задрожал, быстро поклонился и ускользнул в центр сбора данных.

Крат счастливо заурчала. Да, пила близки к совершенству. Высокомерные и властные со своими клиентами и соседями, они торопливо выполняют любой каприз соро. Как прекрасно

быть Старшим Патроном!

Она в долгу перед людьми кое за что. Всего за несколько столетий они полностью заменили тимбрими в роли пугала для непослушных клиентов. Они символизируют все недостатки либерализма возвышения. Когда Земля будет приведена в порядок, а земляне приобретут подобающий им ранг клиентов, придется поискать другой пример для устрашения.

Крат подключилась к собственной линии связи. На экране появилось изображение соро Притил, молодого командира одного из кораблей ее флотилии.

— Да, мать флота, — Притил чуть склонила голову. — Слушаю.

Крат сглотнула от такой наглости.

— Корабль шестнадцать был медлителен в последней засаде, Притил.

— Это только одно мнение. — Притил осматривала свой брачный коготь. Начала чистить его перед экраном: этот нарочитый жест подчеркивает безразличие.

Молодые самки обычно не понимают, что подлинное оскорбление должно быть тонким и не сразу обнаруживаться. Крат решила преподать Притил такой урок.

— Тебе нужно отдохнуть. В следующей схватке корабль шестнадцать будет все равно бесполезен. Но есть возможность вернуть ему честь, а может, и захватить добычу.

Притил подняла голову, она заинтересовалась.

— Да, мать флота?

— Мы уловили сигнал, который внешне похож на что-то другое. Мне это подозрительно.

Привкус интриги, очевидно, привлек Притил.

— Я хочу тебя слушать, мать группы.

Крат вздохнула от такой предсказуемости. Она знала: все молодые капитаны считают легендой ее предчувствия. И понимала, что Притил попадется.

«Тебе еще многому предстоит научиться, — подумала она, — прежде чем ты сможешь сбросить меня и занять мое место, Притил. Но сначала твоя шкура изукрасится множеством шрамов. С наслаждением я поучу тебя, дочь моя».

Джиллиан и Маканай смотрели на Такката-Джима и доктора Игнасио Метца, вошедших в лазарет в сопровождении трех крупных стеносов в военных доспехах и с застывшими лицами.

Ватгасети пропищал что-то неразличимо вызывающее и попытался встать перед ними. Помощницы врача затрещали сзади.

Джиллиан встретилась взглядом с Маканай. Вот оно, столкновение. Теперь они увидят, вообразила ли все это Маканай. Джиллиан еще надеялась, что у Такката-Джима и Метца есть веские причины для своих действий, и рана Крайдайки — на самом деле несчастный случай.

Маканай уже приняла решение. Акки, молодой гардемарин с Калафии, все еще не вернулся. Врач посмотрела на Такката-Джима, как на тигровую акулу. Выражение дельфина-самца вполне оправдывало такой взгляд.

У Джиллиан было тайное оружие, но она поклялась не пускать его в ход без крайней необходимости.

«Пусть они начнут действовать, — подумала она. — Раскроют свои карты, прежде чем я достану козырный туз из рукава».

Первые шаги могут оказаться опасными. Джиллиан успела только накоротке переговорить с Ниссом, потом заторопилась в лазарет. Ее положение может оказаться трудным, если она неправильно оценила степень атавизма на «Стремительном». Может, следовало оставить при себе Кипиру.

— Доктор Баскин! — Игнасио Метц не стал подплывать близко, он ухватился за поручень

у стены и позволил стеносам проплыть вперед. — Рад видеть вас, но почему вы не известили о своем прибытии?

— Серьезное нарушение правил безопасности, доктор, — добавил Такката-Джим.

Вот как они решили это представить, подумала Джиллиан. И вполне могут засадить меня в карцер.

— Я явилась на совет корабля, джентльфин и джентльмен. Меня вызвала на него доктор Маканай. Жаль, что на мостике затеряли мой ответ. Я слышала, там все новые и неопытные операторы.

Такката-Джим нахмурился. Может, она и посылала сообщение, но оно пропало во всеобщей суматохе.

— Послание Маканай тоже нарушает приказ! А ваше возвращение противоречит моим распоряжениям.

Джиллиан изобразила удивление.

— Разве она не передала мне просто приглашение на совет корабля? Правила совершенно ясны. Вы должны созвать совет в течение двадцати четырех часов после смерти или выхода из строя капитана.

— Подготовка к совету идет. Но в чрезвычай-

ных обстоятельствах исполняющий обязанности капитана может действовать и без помощи совета. Столкнувшись с открытым неповиновением приказу, я имею право...

Джиллиан напряглась. Ее подготовка ничего не даст, если Такката-Джим потерял способность к разумным действиям. Попробовать вскочить на автоврачей, и оттуда на парапет. От него совсем близко ее кабинет.

— ...задержать вас на время, пока не отменят чрезвычайные обстоятельства.

Джиллиан взглянула на стеносов. Неужели они способны причинить вред человеку? Присмотрелась и поняла — способны.

Во рту у нее пересохло, но она не показала этого.

— Вы неправильно оцениваете свой статус, лейтенант, — спокойно сказала она. — Я думаю, мало кто из финов на борту удивится, узнав...

Слова застряли у нее в горле. Джиллиан спиной ощутила холод, окружающий воздух словно задрожал и запульсировал. Она ухватилась за перила, и в голове ее родился глубокий рокочущий звук.

Остальные смотрели на нее, удивленные ее поведением. Но затем они тоже почувствовали.

Такката-Джим развернулся и закричал:

— Пси-оружие! Маканай, дайте мне связь с мостиком! На насссс нападают!

Врач-дельфин отодвинулась, удивленная скоростью, с какой Такката-Джим мелькнул мимо нее. Джиллиан зажала уши руками, увидела, как Метц сделал то же самое; глухой звук становился все громче. Стеносы с расширенными от страха зрачками бились у стены.

«Попробовать прорваться сейчас? — подумала Джиллиан. — Но если это нападение, мы должны забыть распри и объединиться».

— ...некомпетентность! — кричал Такката-Джим в коммуникатор. — Что значит «всего тысяча миль отсюда»? Определите точно! Почему не действуют активные сенсоры?

— Подождите! — закричала Джиллиан. Она хлопнула в ладоши. И начала смеяться. Такката-Джим продолжал кричать на команду мостика, но остальные удивленно повернулись к ней.

Джиллиан смеялась. Хлопала по воде, колотила по ближайшему автоврачу, обхватила дрожащий бок Ватгасети. Тут даже Такката-Джим остановился, пораженный этим, по-видимому, психическим приступом веселья. Смотрел, позабыв о лихорадке на мостике.

— Том! — громко воскликнула Джиллиан. — Я говорила: он не может умереть! Черт побери, я тебя люблю, сукин... О, если бы я пошла, сейчас была бы уже дома!

Фины смотрели на нее; глаза их раскрылись еще шире, они начинали понимать, о чем она говорит.

А она смеялась, и слезы текли по ее лицу.

— Том, — негромко сказала она. — Я тебе говорила, что ты не умрешь! — И не глядя обняла ближайшего фина.

Звуки вернулись к Крайдайки, плывущему в невесомости.

Все равно что слушаешь Бетховена или пытаешься понять песню кита-горбача.

Кто-то оставил подключенной аудиосвязь: вдруг он произнесет еще что-нибудь. Но никто не подумал, что связь действует в обоих направлениях. Слова извне проникали в антигравитационный танк.

Они мучительно ускользали, как проблески мысли большой симфонии, намекали на то, что композитор уловил нечто неуловимое, такое, на что ноты могут лишь намекнуть, к чему мир никогда не приблизится.

Что-то кричит и фыркает Такката-Джим. Ясен

угрожающий тон. Ясна и осторожная чистота голоса Джиллиан Баскин. Если бы только он мог понять слова! Но англик для него утрачен.

Крайдайки знал, что его корабль в опасности, но ничего не мог сделать. Старые боги еще не закончили с ним, они не дадут ему пошевелиться. Они должны показать еще многое, прежде чем он сможет служить их целям.

Он уже смирился с периодическими вспышками ужаса — будто ныряешь в глубину на схватку с гигантским спрутом, потом поднимаешься вверх глотнуть воздуха и снова опускаешься в хаос. Когда они снова потащат его вниз, он опять будет захвачен водоворотом идей-иероглифов, бьющимся сном, который чужд его мозгу инженера.

Это было бы невозможно, сохранись его центры речи. Крайдайки горевал о потере слов. Слушал звуки снаружи, сосредоточивался изо всех сил на странном музыкальном — знакомом ощущении.

Не все ушло, решил он. Время от времени он узнавал отдельные слова. Простые слова, в основном названия предметов и имена людей или названия простых действий, связанных с этими людьми.

Это могли сделать и его отдаленные предки.

Но запомнить больше трех или четырех слов он

не мог, и поэтому ему невозможно было следить за разговором. Он мог с трудом расшифровать предложение и тут же забывал его, занявшись следующим. Это было мучительно трудно, и наконец он заставил себя отказаться от бессмысленных усилий.

Так ничего не выйдет, заключил он.

Напротив, сказал он себе, надо попытаться ухватить суть. Используй хитрости, которые применили к тебе старые боги. Охватывай. Поглощай... чувствуй то, что чувствовал Бетховен, погружаясь в загадки скрипичного концерта.

Из микрофона доносились сердитые звуки разговора разумных. Звуки плясали по помещению, отскакивали от стен, разлетались, как капли. После ужасной красоты ВНИЗУ Крайдайки испытывал отвращение. Но он заставил себя слушать, искать путь, какой-то способ спасти «Стремительный» и его экипаж.

Он сконцентрировался, усиливалось желание действовать. Крайдайки искал фокус, центр этих хаотических звуков.

Злоба

Муть

Прилива

Не видно
Акул!
Междоусобная борьба...
Приглашает
Акул!
Глупое согласие.

Невольно он снова защелкал. Пытался остановиться, понимая, к чему это приведет, но щелчки в его лбу возникали непроизвольно, и скоро к ним присоединились низкие стоны.

Разговор снаружи стих, он ткал вокруг себя все более густую сеть собственным пением. И постепенно рядом с ним образовалась новая реальность. Совсем близко плыла темная фигура.

Без слов он велел ей уходить.

: НЕТ: МЫ ВЕРНУЛИСЬ: ТЕБЕ ЕЩЕ НУЖНО УЧИТЬСЯ:

«Я знаю, что ты мой бред. Сама не производишь ни звука! Всегда говоришь отражениями моего сонара!»

: РАЗВЕ ТВОИ ОТРАЖЕНИЯ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛИ ТАКИМИ СЛОЖНЫМИ?:

«Кто знает, на что способно мое подсознание? В моей памяти такие странные звуки, каких не слышал ни один китообразный. Я слышал,

как живые облака свистят ураганам времени. Я слушал бомбы судьбы в черных дырах и песни звезд!»

: ТЕМ БОЛЕЕ, ТЫ ТОТ, КТО НАМ НУЖЕН: ТОТ, КОГО МЫ ХОТИМ:

«Я нужен здесь!»

: И ПРАВДА:

: ИДЕМ:

: КРАЙДАЙКИ:

Старый бог, Кк-кп-крии, придвинулся ближе. Его сонически прозрачная фигура блестела. Сверкали острые зубы. Вымысел или нет, но огромное тело начало двигаться, унося его с собой, как и раньше, не способного сопротивляться.

: ВНИЗ:

И тут, как раз когда Крайдайки уже смирился, он услышал звук. Чудо, но этот звук порожден не им, он не из его безумного сна. Он приходит откуда-то извне, мощный и властный!

: НЕ ОБРАЩАЙ ВНИМАНИЯ: ИДЕМ:

Мозг Крайдайки устремился к этому звуку, как стая кефали, звук стал оглушающим.

: ТЫ ОБЛАДАЕШЬ ЧУВСТВАМИ: ТЫ ОБЛАДАЕШЬ ПСИ, О КОТОРОМ НЕ ЗНАЛ РАНЬШЕ: НО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАК ИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ: НЕ ДУМАЙ О БЫСТРОЙ НАГРАДЕ: ИДИ ТРУДНЫМ ПУТЕМ...:

Крайдайки рассмеялся и раскрылся навстречу. Звук ударил в него, превратил сверкающую тьму старых богов в искры, разбросал их, и они медленно исчезли.

: ЭТОТ ПУТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ЗАКРЫТ:

: КРАЙДАЙКИ...:

И большелобый бог исчез. Крайдайки рассмеялся, освобождаясь от жестокой иллюзии, благодарный новому звуку.

Но звук продолжал усиливаться. Ощущение победы переросло в панику, когда давление в голове усилилось, билось о стены черепа, грозило разорвать его. Мир превратился в чуждый крик о помощи.

Крайдайки переливисто засвистел в отчаянии, пытаясь держаться поверх сокрушительного прилива.

50. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Волны псевдозвука наконец начали спадать.

— Крайдайки! — воскликнула Маканай и подплыла к танку. Остальные тоже повернулись, только сейчас заметив беспокойство раненого дельфина.

— Что с ним? — Джиллиан подплыла к Ма-

канай. Она видела, как слабо бьется капитан, испуская негромкие медленные стоны.

— Не знаю. Никто не следил за ним, когда взорвалась пси-бомба. Я только сейчас заметила, что он обеспокоен.

К Джиллиан подплыл Игнасио Метц.

— Джиллиан... — начал он, — я хочу, чтобы вы знали: я рад, что Том жив, хотя его опоздание сулит неприятности. Я по-прежнему считаю, что его план «Троянский морской конек» неудачен.

— Обсудим это на совете корабля, доктор Метц, — холодно ответила она.

Метц прочистил горло.

— Не уверен, что исполняющий обязанности капитана позволит... — Он замялся под ее взглядом и отвернулся.

Джиллиан посмотрела на Такката-Джима. Если он сделает что-то опрометчивое, это послужит последней каплей, которая подточит мораль «Стремительного». Джиллиан должна убедить Такката-Джима, что он проиграет, если попробует бороться с ней. Новость о том, что Томас Орли жив, пронесется по кораблю, как звук горна. И так уже один из стеносов, которые, очевидно, тщательно были отобраны помощником капитана, выглядел возмущенным и оживленно разговари-

вал с Ваттасети.

«Я должна действовать быстро, — поняла Джиллиан. — Он в отчаянном положении».

Она с улыбкой подплыла к Такката-Джиму. Он попятился, верные ему стеносы смотрели на нее с боков.

Джиллиан заговорила негромко, так, чтобы не слышали другие.

— Даже не думайте, Такката-Джим. Все фины на борту теперь думают о Томе Орли. Если вы считаете, что сможете навредить мне сейчас, лучше еще раз хорошенько задумайтесь.

Глаза Такката-Джима расширились, и Джиллиан поняла, что попала в цель благодаря легенде о своих пси-способностях.

— К тому же, тут доктор Метц. Он доверчив, но если мне навредят у него на глазах, вы его потеряете. Вам ведь нужен человек, как символ? Без хотя бы одного человека ваши стеносы разбегутся.

Такката-Джим громко хлопнул челюстью.

— Не пытайтесь запугать меня! Я не причинил вам вреда! Я — законная власть на корабле. И могу приказать заключить васс под стражу!

Джиллиан взглянула на свои ногти.

— Вы уверены?

— Вы хотите, чтобы экипаж не повиновался

законному командиру? — Такката-Джим был искренне поражен. Он понимает, что многие фины, особенно турсиопы, пойдут за ней, что бы ни говорил закон. Но это означало бы мятеж, и экипаж оказался бы расколот.

— На моей стороне закон! — просвистел он.

Джиллиан вздохнула. Игру надо доводить до конца, хотя это причинит огромный ущерб дельфинам на Земле, когда они узнают. И она шепотом произнесла два слова, которые ей не хотелось произносить.

— Тайные приказы, — сказала она.

Такката-Джим смотрел на нее, потом пронзительно крикнул. Встал на хвост и перевернулся, а охрана недоуменно смотрела на него. Джиллиан повернулась и увидела, что на нее смотрят Метц и Ватгасети.

— Не верю! — плевался Такката-Джим, разбрасывая во все стороны воду. — На Земле нам пообещали, что «Стремительный» наш!

Джиллиан пожала плечами.

— Спросите команду на мостике, работает ли боевой компьютер, — предложила она. — Пусть кто-нибудь попробует выйти через наружный шлюз. Попытайтесь открыть дверь в арсенал.

Такката-Джим развернулся и поплыл к ком-

муникационному экрану в конце помещения. Охранники последовали за ним. Такката-Джим был ошеломлен предательством.

Не весь экипаж почувствует то же самое, Джиллиан знала. Большинство просто обрадуется. Но в глубине души все поймут, что одна из основных задач полета «Стремительного» — выработать у неофинов ощущение независимости, уверенности в себе — теперь не будет выполнена.

«Был ли у меня другой выход? Могла ли я сначала попробовать что-то другое?»

Она покачала головой. Хорошо бы, Том был здесь. Он мог поставить все на место одной саркастической песенкой на тринари. Все бы сразу устыдились.

«О Том, — думала она. — Мне следовало отправиться вместо тебя».

— Джиллиан!

Плавники Маканай били воду, доспехи жужжали. Одной металлической рукой она указывала на раненого дельфина, плавающего в антигравитационном танке.

Крайдайки смотрел на нее!

— Но ведь вы сказали, что его кора сожжена! — воскликнул Метц.

Крайдайки выражал величайшую сосредото-

ченность. Дышал он тяжело, потом отчаянно крикнул:

— Наружу!

— Это невозможно! — вздохнула Маканай. — Его центры речи...

Крайдайки хмурился, пытаясь сконцентрироваться.

Наружу:

Крайдайки!

Плавать:

Крайдайки!

Это был детский тринари, да еще в странном тоне. Но в темных глазах светился разум. Ожило телепатическое восприятие Джиллиан.

— Наружу! — Крайдайки повернулся в танке и громко ударил плавниками по окну. Он повторил слово на англике. Но оно звучало словно на праймале.

— Наружу!

— Помогите ему выбраться! — приказала Маканай ассистенткам. — Осторожно! Быстрее!

Такката-Джим, перекосившись от гнева, на большой скорости плыл от коммуникационного экрана. Но неожиданно остановился и ярким глазом посмотрел на капитана.

Это была последняя капля.

Такката-Джим повернулся и отплыл, не зная, какую позу принять. Он посмотрел на Джиллиан.

— То, что я делал, я делал потому, что считал это лучшим выходом для экипажа, корабля и всей экспедиции. На Земле я сумею защитить себя.

Джиллиан пожала плечами.

— Будем надеяться, что у вас появится такая возможность.

Такката-Джим сухо рассмеялся.

— Ну, хорошо, мы соберем этот совет корабля. Я созываю его через час. Но позвольте предупредить вас: не заходите слишком далеко, доктор Баскин. У меня еще есть сила. Мы можем договориться. Если вы попытаетесь поставить меня к позорному столбу, вы расколете экипаж.

— И я буду сопротивляться, — негромко добавил он.

Джиллиан кивнула. Она добилась чего хотела. Даже если Такката-Джим и сделал то, в чем подозревает его Маканай, никаких доказательств нет, и теперь нужно либо идти на компромисс, либо начать гражданскую войну и потерять корабль. Первому офицеру нужно оставить выход.

— Я понимаю, Такката-Джим. Через час я буду.

Такката-Джим с охранниками повернулся, собираясь уплыть.

Джиллиан видела, как Игнасио Метц смотрит вслед лейтенанту-дельфину.

— Вы утратили контроль? — сухо спросила она, проплывая мимо.

Голова генетика дернулась.

— Что, Джиллиан? Что вы имеете в виду? — Но выражение лица выдало его. Подобно большинству других, Метц переоценивал ее пси-способности. И теперь ломал голову, прочла ли она его мысли.

— Неважно. — Джиллиан криво усмехнулась. — Пойдемте посмотрим на чудо.

И поплыла туда, где Маканай беспокойно ждала выплывающего капитана. Метц неуверенно последовал за ней.

51. ТОМАС ОРЛИ

Дрожащими руками он отвел ветви от входа в пещеру. Выполз из убежища и замигал, глядя на туманное утро.

Небо закрывал толстый слой низких туч. Уже хорошо, что чужих кораблей пока нет. Он опасался их появления, пока лежит беспомощно, борясь

с действием пси-бомбы.

Было очень невесело. В первые же несколько минут пси-удары уничтожили его гипнотическую защиту, перекрыли ее и заполнили мозг чуждым воем. Два часа — они показались ему вечностью — он сражался с безумными картинами, дергающими нервы звуками и огнями. Он все еще дрожал от реакции.

«Надеюсь, там, вверху, есть теннанинцы, и они на это клюнут. Испытанное должно того стоить».

По словам Джиллиан, Нисс уверен, что нашел нужные коды в Библиотеке, взятой на борту теннанинского корабля. И если в системе еще есть теннанинцы, они отзовутся. Бомбу должны были засечь на миллионы миль во всех направлениях.

Том набрал горсть грязи между водорослями и отбросил ее. Углубление почти до верха заполнила пенистая морская вода. Другое углубление находится в нескольких метрах, под соседним холмиком, там неуверенно покачиваются водоросли, но Тому хотелось входить в воду поблизости.

Он как мог убрал грязь, потом вытер руки и принялся наблюдать из своего убежища за небом. На колени положил оставшуюся пси-бомбу.

Во время крушения ему удалось спасти только

три таких бомбы, поэтому он может сообщить немного сведений. В зависимости от того, какую бомбу он приведет в действие, Джиллиан и Крайдайки будут знать, какие именно чужаки явились проверять его сигнал.

Конечно, может произойти нечто такое, что не укладывается ни в один из обсуждавшихся сценариев. И тогда ему придется решать, посылать свое двусмысленное сообщение или ждать.

«Может, надо было прихватить с собой радио, — подумал он. — Но военные корабли мгновенно засекут радиоисточник и уничтожат его, не успеет он произнести и нескольких слов. Бомба посылает сообщение в течение секунды и засечь ее гораздо труднее».

Том думал о «Стремительном». Казалось, он уже целую вечность не был на корабле. Все вожделенное находится там: пища, сон, горячий душ, его женщина.

Он улыбнулся своим приоритетам. Ну, Джилл поймет.

«Стремительному» придется оставить его, если эксперимент поможет покинуть Китруп. Не самая бесчестная смерть.

Он не боится смерти, но нужно сделать все, что возможно, а не просто плюнуть в глаза смерти,

когда она придет. Важен последний жест.

Но тут он увидел другое, гораздо менее приятное мысленное зрелище: «Стремительный» захвачен, космическое сражение окончено, все его усилия бесполезны.

Том вздрогнул. Лучше думать, что его самопожертвование не напрасно.

Свежий ветер гнал облака. Они разделялись на густые влажные полосы. Том заслонил глаза от света. Ему показалось, что он увидел на фоне восходящего солнца какое-то движение, ближе к югу. И поглубже заполз в свою импровизированную пещеру.

Из одной движущейся полосы на востоке медленно опускался темный предмет. Он повис над покрытым водорослями морем, и клубы пара скрыли его форму и размер.

До Тома донесся слабый барабанный бой. Он скорчился, жалея о потерянном бинокле. Но вот дымка на мгновение разошлась, и он ясно увидел парящий космический корабль. Похожий на гигантскую стрекозу, с заостренными концами, смертельно опасную.

Мало кто решается так глубоко заглядывать в Библиотеку, как полные идиосинкразий безжалостные танду. Из узкого корпуса во всех

направлениях торчат многочисленные выступы — явный признак принадлежности танду.

Но выступ с одного конца, тупой, клинообразный, мешает общему впечатлению беззаботности. Он не вписывается в очертания корабля.

Прежде чем Том смог разглядеть получше, туман снова сгустился, закрыв висящий крейсер. Но слабый гул мощных двигателей становился отчетливее.

Том почесал отросшую за пять дней щетину. Появление танду — дурная новость. Если не появятся другие, Тому придется приводить в действие бомбу номер три — «Стремительному» закрыться и готовиться к смертельной схватке.

С этим врагом человечество так и не сумело вступить в переговоры. В засадах галактических болот земные корабли редко вступали в бой с танду, даже когда преимущество было на их стороне. А танду, напротив, предпочитали сразу вступать в бой, особенно если нет свидетелей. Действовал приказ — любой ценой избегать столкновений с ними, пока советники тимбрими не подскажут человеческому экипажу, как уйти от этих мастеров тайных ударов.

Если появятся только танду, можно считать, что Том видит свой последний рассвет. Потому

что, приведя в действие бомбу с сообщением, он сразу выдаст себя. У танду есть клиенты, которые улавливают даже отдельные пси-мысли по запаху.

«Вот что я тебе скажу, Ифни, — подумал Том. — Пришли еще кого-нибудь сюда. Я не настаиваю, чтобы это обязательно был теннанинец. Подойдет боевой планетоид йофуров. Перемешай тут все как следует, и я обещаю, вернувшись домой, прочесть пять сутр, десять „Аве, Мария“ и десять киддушей. Договорились? Даже пожертвую несколько кредиток, если хочешь».

Он представил себе, как из туч появляется тимбрими-человеческо-синтианский военный флот, разбивает танду вдребезги и очищает небо. Прекрасная мысль, хотя сразу приходят в голову десятки соображений, почему это невозможно. Во-первых, синтиане, хоть и дружески настроенные, не вмешаются, если не будут абсолютно уверены в победе. Тимбрими, вероятно, помогли бы Земле защититься, но не будут ради каких-то волчат-сирот слишком далеко высовываться.

«Ну хорошо, Ифни, госпожа удачи и случая. — Том потрогал бомбу номер три. — Подойдет один-единственный избитый теннанинский крейсер».

Бесконечность не дала ему немедленного ответа. Да он и не ожидал.

Гул усилился и звучал теперь как будто над самой головой. Волосы на затылке Тома поднялись, поля корабля накрыли его, соприкоснувшись со скромной пси-защитой.

Потом звук начал медленно удаляться. Том посмотрел на запад. Облака снова разошлись, и он увидел корабль танду, легкий истребитель, даже не крейсер, всего в нескольких милях от себя.

На его глазах клинообразный выступ отделился и медленно поплыл на юг. Том нахмурился. Не похоже на знакомые ему разведчики танду. Совсем другая конструкция, прочная, как...

Облака снова сошлись, закрыв два корабля. Рев их двигателей заглушил ворчание ближайшего вулкана.

Неожиданно в облаках, в том месте, где Том в последний раз видел корабль танду, блеснули три яркие зеленые вспышки и сверкающей радугой ударились в море. Прозвучал сверхзвуковой гром.

Вначале Том решил, что танду что-то взрывают внизу. Но тут в разрыве туч он увидел: взорвался сам корабль. Кто-то высоко над облаками ведет огонь по танду!

Том был слишком занят, хватая свое оборудование, чтобы тратить время на наблюдение. Он отвернулся и потому не ослеп, когда корабль танду выпустил лучи антиматерии в своего врага. Горячая волна обожгла Тому затылок и руки, Том сунул пси-бомбы за пояс и надел на голову дыхательную маску.

Лучи антиматерии образовали на небе солнечные полосы. Том схватил мешок и нырнул в отверстие, которое недавно расчистил от грязи и водорослей.

Том заметил, что автоматически задерживает дыхание. Бессмысленно. Маска не позволит кислороду просочиться, но выпустит двуокись углерода. Держась за прочный стебель водоросли, Том начал глубоко дышать.

Дышать было трудно. Ему казалось, что с таким количеством растительности в воде должно быть много кислорода. Но маленький приборчик на краю маски подсказал ему, что это не так. Вода бедна кислородом по сравнению с обычно богатым соляным раствором китрупского моря. Колышущиеся жабры маски поставляют только треть кислорода, который ему понадобится, даже если он будет совершенно неподвижен.

Через несколько минут у него начнет кружить-

ся голова. Пройдет еще немного времени, и он потеряет сознание.

Гул битвы проникал под водоросли тупыми ударами. В отверстия травянистой крыши пробивались яркие вспышки, прямо перед Орли. Даже непрямой свет жег глаза. Том видел, как листва над поверхностью, пережившая падение пепла с вулкана, теперь корчилась от жара, становилась коричневой и распадалась.

«Прощайте, припасы, — подумал он. — И спасение с воздуха».

Он обхватил ногами толстый корень и снял мешок со спины. Порылся в поисках чего-нибудь неожиданного. В резких тенях содержимое мешка он определял на ощупь.

Инерционный курсоуказатель, который дала ему Джиллиан, пачка пищевых брикетов, две фляжки «пресной» воды, заряд для игольника, сумка для инструментов.

Кислородный расходомер зловеще покраснел. Том зажал мешок между ног и раскрыл сумку с инструментами. Схватил моток восьмидюймового резинового шланга. Когда перерезал ножом шланг, перед глазами уже плыли пурпурные пятна.

Том сунул один конец шланга в прорезь маски.

Маска выдержала, но содержимое шланга пролилось ему в рот, заставив закашляться.

Но сейчас не до нежностей. Том, извиваясь, поднимался по стеблю к поверхности, к отверстию в водорослях.

Он зажал другой конец шланга, но, когда распрямил его, хлынула горько-соленая маслянистая вода. Он повернул голову, но немного все же пришлось проглотить. Отвратительный вкус.

Маска очистит жидкость, если, конечно, ее попадет не много.

Том поднял руку и высунул шланг над поверхностью небольшого бассейна, откуда вспышки продолжали посылать в глубину столбы света. Он глубоко вдохнул, выплюнул слизь с резким металлическим привкусом, отчаянно пытаясь прочистить шланг.

Блеснула новая вспышка, пальцы Тома обожгло. Он подавил инстинктивный крик и стремление отдернуть пальцы. Почувствовал, как теряет сознание, но силой воли удерживал левую руку в обжигающем жару.

Еще раз вдохнул и наконец был вознагражден тонкой струйкой влажного воздуха. Том начал лихорадочно всасывать воздух. Горячий, полный пара, пахнущий дымом, но такой освежающий.

Том выдыхал в маску, надеясь, что она удержит с таким трудом добытый кислород.

Боль в легких стихла, и резко заявила о себе боль в руке. И в тот момент, когда Тому показалось, что он больше не выдержит, жар вверху схлынул, вспышки сменились тусклым свечением.

В нескольких метрах образовалось еще одно отверстие, там он может выставить шланг между двумя водорослями, не показываясь. Том несколько раз вдохнул, потом зажал шланг. Но прежде чем он успел сделать что-нибудь еще, резкий голубой свет пронизал воду, отбрасывая вокруг отчетливые тени. Последовал сильный толчок, и море начало швырять Тома, как рваную куклу.

Что-то большое упало в океан и привело его в движение. Корень, за который Том цеплялся, оторвался от дна, и Том оказался в водовороте бьющихся стеблей.

Мешок его сорвало. Том успел схватить его за ремень, но что-то ударило его по голове, чуть не лишив сознания. Мешок исчез в шуме и мелькающих тенях.

Том свернулся в клубок, прижимая руками маску, чтобы ее не сорвало.

Придя в себя, он смутно удивился, что еще

дышит.

Тому показалось, что битва продолжается, но потом он понял, что дрожь только в его теле. А рев в ушах — только рев в его ушах.

Обожженная левая рука лежит на каком-то стебле. Пенистая зеленоватая вода покрывает тело до подбородка, плещется о маску. Легкие болят, и воздух затхлый.

Том поднял дрожащую правую руку и сорвал маску, она повисла на шее. Фильтры удерживали запах озона, теперь он ощущался очень сильно, но Том глубоко, благодарно вдохнул.

В последнее мгновение он решил, пожертвовав собой, вынырнуть на поверхность. К счастью, битва закончилась раньше.

Том превозмог искушение потереть горящие глаза: слизь на руках не принесет им ничего хорошего. По сигналу обратной связи хлынули слезы и смыли большую часть грязи.

Том снова мог видеть.

На севере, как обычно, дымился вулкан. Облачный покров кое-где расступался, открывая изогнутые столбы многоцветного дыма. Из водорослей выбирались маленькие существа и возобновляли свое предназначение — есть и быть съеденными. В небе больше не было видно

боевых кораблей, сжигающих друг друга лучами сверхновых.

Впервые Том обрадовался однообразию этого поля водорослей. Ему даже не приходилось подниматься, чтобы видеть столбы дыма от обломков.

Один из таких обломков взорвался у него на глазах. Звук долетел через несколько секунд серией приглушенных кашлей и щелчков, подчеркнутых беспорядочными яркими вспышками. Темные очертания глубже ушли в воду. Том отвел взгляд. А когда посмотрел снова, не увидел ничего, кроме облаков пара. Легкий шипящий звук постепенно затих.

Повсюду плавали обломки. Том медленно поворачивался, потрясенный этой картиной уничтожения. Обломков гораздо больше, чем можно ожидать от обычной стычки в засаде.

Он рассмеялся над иронией случившегося, отчего тут же заболели легкие. Все галакты явились по ложному сигналу тревоги и принесли свою смертоносную вражду, а ведь отправлялись в спасательную экспедицию. И теперь они мертвы, а он еще жив. Не похоже на обычные капризы Ифни. Напротив, похоже на таинственный замысел самого бога.

«Означает ли это, что я по-прежнему цел? — удивился Том. — Это было бы замечательно. Так много пиротехники, а выжил всего лишь один жалкий человек».

Наверное, ненадолго. Из-за этой схватки он потерял почти все припасы, которые сохранил с таким трудом. Том нахмурился. Бомбы с сообщениями! Схватился за пояс — и мир словно рухнул. Остался только один шар! Остальные, должно быть, сорвались, когда его болтало между водорослями.

Когда правая рука перестала дрожать, Том осторожно сунул руку за пояс и извлек пси-бомбу, свою последнюю связь со «Стремительным»... с Джиллиан.

Это подтверждение... та бомба, которую он должен взорвать, если придет к выводу, что «Троянский морской конек» должен взлетать. И теперь ему предстоит решить, посылать ли это сообщение или не посылать никакого.

«Хотел бы я только знать, чей корабль открыл огонь по танду».

Спрятав бомбу, Том продолжал медленно поворачиваться. Один обломок на северо-западе похож на разбитую яичную скорлупу. От него по-прежнему поднимается дым, но пожар, кажется,

прекратился. Взрывов не видно, и он как будто больше не погружается.

«Ну, ладно, — подумал Том. — Это будет моей целью. Он выглядит почти целым, пригодится для каких-нибудь нужд. Может, там найдется что-нибудь полезное. Еда. И, конечно, это убежище, если он не радиоактивен».

До обломка около пяти километров, хотя ландшафт здесь очень обманчив. Но, по крайней мере, появится какая-то цель. Тому нужно больше информации. А обломок может ее дать.

Том подумал, идти ли «сушей», пробираясь через водоросли, или плыть под водой, от одного бассейна к другому, бросая вызов неведомым подводным существам.

Неожиданно Том услышал сзади высокий щебечущий звук, повернулся и увидел маленький космический корабль, примерно в километре от себя, медленно летящий на север низко над океаном. Мерцали его защитные поля. Двигатели работали с перерывами.

Том натянул маску и приготовился нырнуть, но маленький корабль двигался не в его сторону. Он проходил западнее, из-под его гребней стасиса вырывались снопы искр. Уродливые черные пятна покрывали корпус, кое-где он даже

расплавился.

Том затаил дыхание. Таких моделей он раньше никогда не видел. Но мог подумать о нескольких расах, для которых характерна подобная конструкция.

Двигатели корабля закашлялись, он опустился еще ниже. Высокий звук генераторов гравитации начал слабеть.

Очевидно, экипаж понял, что корабль погиб. Он сменил курс, направляясь к острову. Том невольно посочувствовал отчаянным попыткам чужого пилота. Корабль пронесся над водорослями и скрылся за отрогом горы.

Пассат донес скрежет приземления.

Том ждал. Через несколько секунд с громом отключилось поле стасиса. Над морем разлетелись осколки. Они с шипением падали в водоросли и медленно погружались.

Том сомневался, чтобы кто-то успел уйти.

Том принял решение. Дальней целью все-таки оставался яйцеобразный корпус, плавающий в нескольких милях. Но вначале ему хотелось осмотреть место крушения разведчика. Может, там он найдет помощь. А может, там будет пища.

Он попытался выбраться наверх, на водоросли,

но обнаружил, что это трудно. Он по-прежнему дрожал.

«Ну ладно. Пойдем под водой. Наверное, это все равно.

Остается только наслаждаться природой».

52. АККИ

Сын кровожадной миноги не отстает!

Акки устал. Металлический привкус воды смешивался с горечью желчи из переднего желудка. Молодой дельфин плыл на юго-восток. Он отчаянно нуждался в отдыхе, но знал, что не может позволить преследователю сократить расстояние.

Время от времени он видел Кта-Джона примерно в двух километрах сзади. Гигантский темный дельфин казался неутомимым и постепенно догонял Акки. Его дыхание конденсировалось в высокие вертикальные полосы, как инверсионные следы маленькой ракеты, и он продолжал плыть под водой.

Дыхание Акки стало неровным, он ослабел от голода. Выругался на англике и нашел это неблагозвучным. Непристойные фразы звучали на праймале гораздо колоритнее.

Он должен был обогнать Кта-Джона, хотя бы на коротких дистанциях. Но что-то в воде действует на гидродинамические свойства его кожи. Какое-то вещество вызывает аллергическую реакцию. Обычно гладкая и эластичная, кожа стала шероховатой и бугристой. Ему кажется, что он плывет не в воде, а в густом сиропе. Акки удивлялся, почему никто об этом не докладывал. Может, это действует только на дельфинов с Калафии?

Еще одна несправедливость из множества, которые преследуют его с тех пор, как он попал на корабль.

Уйти от Кта-Джона оказалось не так легко, как он ожидал. Двигаясь на юго-восток, он должен был свернуть направо или налево и получить помощь от Хикахи и тех, кто работает в теннанинском корабле, или на острове Тошио. Но каждый раз, когда он пытался свернуть, Кта-Джон срезал угол. Акки не может позволить ему приблизиться еще больше.

Над ним пронесся луч сонара, направленный сзади. Каждый раз, когда это происходило, Акки хотелось свернуться в шар. Неестественно для дельфина так долго преследовать другого. В прежние времена молодые дельфины, рассердившие вожака — например, они пытались совокупиться

с самками из его гарема, — бывали биты или протаранены, но зло на них долго не держали. Акки все время сдерживал стремление остановиться и попробовать договориться с Кта-Джоном.

Но что это ему даст? Гигант явно спятил.

Преимущество в скорости утрачено из-за загадочного зуда кожи. Нырнуть и уйти под Кта-Джоном тоже не получится. Stenos bredanensis — океанические дельфины. Кта-Джон, вероятно, может нырять глубже любого другого фина на борту.

Когда Акки оглянулся в следующий раз, Кта-Джон приблизился на километр. Акки вздохнул и удвоил усилия.

Километров через пять на горизонте показался ряд островов с зелеными вершинами. Он должен продержаться до них.

53. МОКИ

Моки на самой большой скорости гнал сани на юг, пуская вперед сонар, словно звуки горна.

— ...вызываю Хаоке, вызываю Моки. Говорит Хеурка-пит. Отзовитесь. Подтвердите прием!

Моки раздраженно мотнул головой. Корабль снова пытается связаться с ним. Моки включил

передатчик и попытался говорить четко.

— Да! Что нужжжно?

Наступила пауза, затем:

— Моки, мне нужно поговорить с Хаоке.

Моки едва сдержал смех.

— Хаоке... мертв! Убит! Я гонюсь за убийцей. Скажи Такката-Джиму, что я его убью!

Англик Моки почти невозможно было понять, но он не посмел пользоваться тринари. Мог публично перейти на праймал, но к этому он еще не готов.

На сонарной линии связи наступило долгое молчание. Моки надеялся, что его оставят в покое.

Когда они с Хаоке обнаружили сани этой женщины, медленно плывущие на запад, что-то в нем окончательно сломалось. Он вступил в необычное, но возбужденное состояние, в поток действий, как сон, полный насилия.

Может, они оказались в засаде, а может, это ему померещилось. Но когда все кончилось, Хаоке был мертв, а он, Моки, не испытывал никаких сожалений.

После этого его сонар нащупал новый объект, движущийся на юг. Еще одни сани. Не задумываясь, он пустился в погоню.

Снова затрещал сонар.

— Снова говорит Хеурка, Моки. Ты выходишь за пределы устойчивой связи, а радио мы по-прежнему использовать не можем. Тебе передаются два приказзза. Первый — передай Кта-Джону: немедленно возвращаться. Его задание отменяется! Второй — после этого возвращайся сссам! Это прямой приказ!

Огоньки и точки мало что значили теперь для Моки. Главное — звуковые образы, которые воспринимает его сонар. Усиленный слух вызывал у него ощущение, словно он из числа Великих Спящих. Он казался себе гигантским кашалотом, повелителем глубин, при первом же появлении которого все разбегаются.

Недалеко на юге по-прежнему приглушенный звук саней, тех самых, за которыми он гонится. Он слышит, что догоняет их.

Гораздо дальше и левее два слабых ритмичных сигнала — звуки двух быстро плывущих китообразных. Это, должно быть, Кта-Джон и этот выскочка с Калафии.

Моки с радостью отобрал бы у Кта-Джона его добычу, но это может подождать. Первый враг прямо впереди.

— Моки, ты меня слышишь? Отвечай! Ты полу-

чил приказ! Ты должжжен...

Моки с отвращением сжал челюсти. Отключил сонар на середине фразы Хеурка-пита. Он с трудом понимал этого маленького офицера. Да он никогда и не был стеносом, изучал с турсиопами кининк, старался «самоусовершенствоваться».

Моки решил, что, покончив с врагами вне корабля, займется этим типом.

54. КИПИРУ

Кипиру знал, что его преследуют. Он ожидал, что с корабля пошлют кого-то, чтобы помешать ему добраться до Хикахи.

Но его преследователь просто идиот. По звуку двигателя он слышал, что сани идут на скорости, намного превосходящей запроектированную. Чего он хочет? У Кипиру огромное преимущество, и все равно он войдет в сферу сонарной связи с корпусом теннанинца прежде, чем преследователь догонит его. Ему нужно только чуть передвинуть дроссель саней к красной черте.

Фин повсюду за ним распространяет сонарный шум, как будто оповещает всех, что он идет.

Все эти ненормальные крики мешали Кипиру сосредоточиться и понять, что происходит на

юго-востоке. Кипиру постарался блокировать шум сзади.

Два дельфина, один как будто уже совсем выбился из сил, другой еще сильный и энергичный, быстро плывут к группе сонарных теней примерно в пятидесяти километрах отсюда.

Что происходит? Кто за кем гонится?

Он слушал так сосредоточенно, что чудом избежал столкновения с подводной горой. Миновал ее с запада буквально в нескольких метрах. Тень горы мгновенно погрузила его в тишину.

Берегись мелей
Дитя турсиоп!

Он испробовал ритм-урок, потом переключился на тринари-хайку.

Эхо берега
Подобно плывущим перьям,
Сброшенным пеликаном!

Кипиру посмеялся над собой. Дельфины — хорошие пилоты, именно эта способность столетие назад привела их на космический корабль, а он — один из лучших. Так почему же сорок километров под водой для него труднее пятидесятикратной скорости света в водовороте дыры?

Его сани вышли на открытую воду. С юго-востока снова донесся сигнал двоих быстро плывущих китообразных.

Кипиру сосредоточился. Да, преследователь стенос, очень крупный. И со странным рисунком поискового сонара.

А тот, что впереди...

«Это Акки, — подумал Кипиру. — Малыш в беде. В большой беде».

И тут прямой сфокусированный луч сонара сзади чуть не оглушил его. Кипиру пробормотал проклятие и покачал головой, чтобы лучше слышать.

Он чуть не повернул, чтобы заняться своим преследователем, но теперь он знает, что должен плыть вперед.

Кипиру чувствовал себя между двух огней. Строго говоря, его долг — доставить сообщение Хикахи. Но оставить без помощи гардемарина — в нем все восставало против этой мысли. Малыш устал. Преследователь явно догоняет его.

Но если он повернет на восток, то позволит своему преследователю приблизиться...

И еще — он должен отвлечь Кта-Джона, заставить его повернуть.

Он офицер. Он владеет кининком. Но принять

логичное решение не может.

Он хотел бы, чтобы рядом оказался какой-нибудь далекий прапраправнук. Зрелый и логичный дельфин, который мог бы сказать своему грубому полуживотному предку, что делать.

Кипиру вздохнул.

«Почему я решил, что мне позволят иметь прапраправнуков?»

Он решил не отступать от своих принципов. Резко повернул сани влево и еще на одно деление передвинул дроссель к красной черте.

55. ЧАРЛЗ ДАРТ

Один из двух землян в помещении — человек — рылся в ящиках шкафа и с отвлеченным видом швырял вещи в открытый чемодан на кровати. В то же время он слушал шимпанзе.

— ...зонд опустился на два километра. Радиоактивность быстро увеличивается, и температурный градиент тоже. Я не уверен, что зонд продержится еще двести метров, но ствол продолжается!

— Теперь я абсолютно уверен, что какая-то технологическая раса выбрасывала свои отходы — и недавно! Не больше сотен лет назад!

— Это очень интересно, доктор Дарт. Действительно. — Игнасио Метц старался не показывать своего раздражения. Приходится быть терпеливым с шимпами, особенно с Чарлзом Дартом. Но все же очень трудно собираться, когда шимп говорит без умолку, взгромоздившись на стул.

Дарт, ничего не замечая, продолжал:

— Если за что-то я и ценю Тошио, хотя этот парень такой нерасторопный, так это за их совместную работу с Сахотом, ленивым дельфином-лингвистом! Я получал хорошие данные, пока не взорвалась эта проклятая бомба Тома Орли и Сахот не начал вопить о «голосах» снизу! Проклятый фин спятил...

Метц разбирал свое имущество.

«Где же мой синий наземный костюм? Да я его уже уложил. Посмотрим. Копии всех моих записей уже погружены в лодку. Что осталось?»

— ...я сказал, доктор Метц.

— Гм? — Метц быстро поднял голову. — Простите, доктор Дарт. Все эти неожиданные перемены. Я уверен, вы понимаете. Что вы сказали?

Дарт раздраженно застонал.

— Я сказал, что хочу идти с вами! Вам эта поездка, может быть, кажется изгнанием, но для меня она спасение! Я должен быть вместе с моей рабо-

той! — Он застучал кулаком по стене и показал два ряда больших желтоватых зубов.

Метц задумался на мгновение, покачивая головой. Изгнание? Может, так считает Такката-Джим. Конечно, он и Джиллиан — все равно что вода и масло. Джиллиан намерена решительно довести до конца план Орли и Крайдайки — «Троянского морского конька». Такката-Джим столь же решительно сопротивляется этому.

Метц соглашался с Такката-Джимом и удивился, когда лейтенант кротко отказался от исполнения обязанностей капитана на совете корабля; исполняющим обязанности капитана до возвращения Хикахи назначили Джиллиан. Это означало, что план «Морской конек» будет осуществляться. Через несколько часов «Стремительный» уходит в подводное путешествие.

Если приманка сработает, Метц с удовольствием уйдет с корабля. Баркас просторен и достаточно удобен. В нем и его записи будут в безопасности. Данные о его уникальном эксперименте с течением времени дойдут до Земли, даже если... если «Стремительный» погибнет, пытаясь уйти.

К тому же он сможет присоединиться к Дэнни Судман в изучении кикви. Метцу не терпелось

взглянуть на предразумных.

— Вам следовало поговорить об этом с Джиллиан, Чарли, — покачал он головой. — Она позволила нам взять с собой ваш новый робот. Попросите ее.

— Но вы и Такката-Джим пообещали, что если я поддержу вас на совете и если до того не проболтаюсь Тошио...

Шимп смолк, увидев выражение лица Метца. Потом поджал губы и встал.

— Ну все равно спасибо! — проворчал он, направляясь к выходу.

— Послушайте, Чарли...

Дарт вышел в коридор. Удар двери отрезал последние слова Метца.

Шимп пошел по изгибающемуся коридору, упрямо наклонив голову.

— Я должен быть там! — ворчал он. — Любым способом.

56. САХОТ

Когда Джиллиан впервые попросила его попытаться поговорить с Крайдайки, первой его мыслью было отказаться.

— Знаю, знаю, — согласилось ее крошечное

изображение, — но вы единственный, кого я могу оторвать от работы и кто достаточно подготовлен. Сформулируем по-другому. Вы единственный можете с этим справиться. Крайдайки явно в сознании, но говорить не может! Нам нужно связаться с неповрежденными частями его мозга. А вы специалист.

Крайдайки никогда не нравился Сахоту. И рана, которую получил капитан, пугала Сахота. Но все же это вызов его тщеславию.

— А как же Чарлз Дарт? Он подгонял меня и Тошио так, что у нас отвисали плавники, и его работа — главная на нашей линии.

Лицо Джиллиан на маленьком экране выглядело очень усталым.

— Теперь нет. Мы шлем с Такката-Джимом и Метцем новый зонд, который Дарт сможет контролировать сам через коммуникатор. До этого времени его проект занимает последнее место. Понятно?

Сахот в знак согласия громко хлопнул челюстями. Хорошо иметь решительного предводителя. При том, что руководителем стал человек, достойный уважения, по мнению Сахота.

— Насчет Метца и Такката-Джима...

— Я все передала Тошио, — сказала Джиллиан.

— А он сообщит вам при первой возможности. Вся власть на острове сейчас в его руках. А вы должны безропотно ему повиноваться. Ясно?

Даже в стрессовых ситуациях Джиллиан никогда не забывается. Сахоту это нравилось.

— Вполне. Теперь относительно резонанса, который я получаю от коры планеты. Что мне делать? Насколько мне известно, это совершенно беспрецедентное явление! Можете попросить кого-нибудь посмотреть для меня в Библиотеке?

Джиллиан нахмурилась.

— Вы утверждаете, что резонанс явно разумного происхождения приходит из глубины коры Китрупа?

— Совершенно верно.

Джиллиан закатила глаза.

— Ифни! Исследование этой планеты в мирной и спокойной обстановке потребовало бы десяти лет работы дюжины исследовательских кораблей! Она покачала головой. — Нет. Мне кажется, что какая-то своеобразная скальная формация внизу отражает излучения битвы, происходящей над нами. Но это сейчас не самое важное: вначале безопасность, кикви и разговор с Крайдайки. У вас и без того полно дел.

Сахот решил не возражать. Жаловаться сейчас

— значит получить прямой приказ Джиллиан держаться подальше от робота. Пока она этого не сказала, поэтому нужно держаться потише.

— Теперь насчет вашего выбора, — напомнила Джиллиан. — Если «Стремительный» попытается прорваться, мы вышлем скиф за Томом и теми с острова, кто захочет присоединиться к нам. Вы можете прилететь на нем или остаться с Метцем и Такката-Джимом и переждать в баркасе. О своем решении сообщите Тошио.

— Понимаю. Я подумаю. — Почему-то этот вопрос казался теперь не таким важным, каким был бы несколько дней назад. Повлияли звуки снизу.

— Если останусь, пожелаю вам удачи, — добавил он.

— И вам также, — Джиллиан улыбнулась. — Вы странный парень, но если мы доберемся домой, я похлопочу, чтобы вам позволили иметь кучу внуков. — Она отключилась, и ее изображение исчезло с экрана.

Сахот смотрел на пустой экран. Похвала, совершенно неожиданная, застигла его врасплох. И несколько бродивших поблизости кикви очень удивились, увидев, как большой дельфин встал на хвост и заплясал в маленьком бассейне.

Быть замеченным

Горбачом,
Получишь похвалу
За то, что я — я.

57. ДЭННИ И ТОШИО

— Я боюсь.

Не задумываясь, Тошио положил руку на плечо Дэнни и успокаивающе пожал.

— Чего? Бояться нечего.

Дэнни оторвалась от бурунов, чтобы посмотреть, серьезен ли он. Потом поняла, что он над ней посмеивается, и высунула язык.

Тошио глубоко вдохнул и почувствовал удовлетворение. Ему было неясно, куда заведут их новые отношения. Во-первых, это не физические отношения. Ночью они спят вместе, в одежде. Тошио знал, что это будет его раздражать, и оказался прав. Но это огорчило не так сильно, как он ожидал.

Так или иначе, что-то произойдет. Сейчас Дэнни нужен кто-то рядом. Приятно быть ей полезным.

Может быть, потом она опять будет считать его мальчиком, на четыре года моложе. Но он сомневался в этом. Теперь она чаще касается

его, держит за руку, в притворном гневе колотит кулаком, даже когда воздействие пси-бомбы уже не чувствуется.

— Когда они придут сюда на баркасе? — Дэнни снова посмотрела на океан.

— Завтра, во второй половине дня, — ответил Тошио.

— Такката-Джим и Метц хотят вступить в переговоры с ити. Что остановит их, если они нарушат приказ и все-таки попробуют?

— Джиллиан дает им энергии, только чтобы добраться сюда. У них есть регенератор, так что за месяц они смогут подзарядиться для космического перелета, но к тому времени, так или иначе, «Стремительного» уже не будет.

Дэнни слегка вздрогнула.

Тошио отругал себя за бестактность.

— У Такката-Джима не будет радио. Я буду охранять наше, пока за нами не придет скиф. Да и что он может предложить галактам? У него нет карт, на которых помечен брошенный флот.

— Я думаю, они с Метцем переждут, пока все не улетят, а потом уйдут на Землю с записями огребать награды.

Дэнни взглянула на первые звезды долгих китрупских сумерек.

— А ты вернешься? — спросила она.

— «Стремительный» — мой корабль. Слава богу, Крайдайки жив. Но даже если он уже не мой капитан, я все равно в долгу перед ним и другими офицерами корабля.

Дэнни мельком посмотрела на него, кивнула и снова посмотрела на море.

«Она думает, что у нас нет ни шанса, — понял Тошио. — Может, она права. Надев на себя для маскировки корпус теннанинского боевого корабля, мы будем тихоходны, как калафианский мусорщик. И даже обманутые галакты — совсем не радостная неожиданность. Они хотят захватить „Стремительный“, но не станут удерживать огонь, когда увидят, что разбитый враг снова поднимается в небо. Чтобы план сработал, поблизости должны быть другие теннанинцы».

«Но ведь мы не можем просто сидеть здесь и ждать. Если мы так поступим, галакты поймут, что с землянами можно справиться. Мы не можем позволить кому-то безнаказанно гонять наш исследовательский корабль».

Дэнни казалась встревоженной. Тошио сменил тему:

— Как твой доклад?

— О, я думаю, все в порядке. Ясно, что кикви

настоящие предразумные. Состояние невозделанности длится уже очень долго. Некоторые еретики-дарвинисты решили бы, что они готовы самостоятельно получить разум. Кое-какие признаки его они уже проявляют.

Стоики от науки по-прежнему считают, что предразумная раса может вступить в стадию космического разума исключительно в процессе эволюции, без вмешательства патронов. Большинству галактов такая мысль кажется нелепой и странной, но неспособность найти предполагаемых благодетелей человечества принесла этой теории немало сторонников.

— А как металлические острова? — спросил Тошио о предмете другого исследования Дэнни, начатого по требованию Чарлза Дарта в первую очередь. Теперь Дэнни, заинтересовавшись, продолжала исследование по своей инициативе.

Дэнни пожала плечами.

— Остров живой. Профессиональный биолог во мне отдал бы левую руку, чтобы остаться на острове на год и изучать его, имея необходимое оборудование!

— Поедающие металл кораллы, дерево-сверло, живая кора острова — все это симбионты. В сущности, это органы одного гигантского существа!

Если я закончу свой отчет, я стану знаменитой... если, конечно, мне поверят.

— Поверят, — убежденно сказал Тошио. — И ты будешь знаменитой.

Он жестом показал, что пора возвращаться в лагерь. У них совсем немного времени для прогулки и разговора. Теперь, когда распоряжается он, нужно строго следить за выполнением расписания.

Когда они повернули к лагерю, Дэнни держала его за руку. Сквозь шум ветра в листве доносились писки туземцев, они поднимались, отдохнув после обеда, и готовились к ночной охоте.

Дэнни и Тошио молча пошли по узкой тропе.

58. ГАЛАКТЫ

Крат медленно лизала свой брачный коготь, не обращая внимания на существ, которые торопливо убирали кровавое месиво в углу.

Будут неприятности. Высший совет пила выразит протест.

Конечно, как адмирал, она имеет право поступать с подчиненными по своему усмотрению. Но традиция не одобряет, когда старшего библиотекаря разрывают на части только за то, что он

принес дурные новости.

«Старею, — поняла она. — А дочь, на которую я надеялась, ждала, что именно она сместит меня, теперь мертва. Кто теперь окажет мне честь и уничтожит, прежде чем я начну допускать ошибки и стану опасна для клана?»

Останки маленького пушистого существа унесли, и крепкий паха затирал кровь. Остальные пила глядели на нее.

«Пусть смотрят. Когда захватим землян, это уже не будет иметь значения. Пила больше не будут нашими союзниками. Они снова станут по-настоящему нашими, мы сможем переделывать их, как раньше».

— Все за работу! — Она щелкнула брачным когтем. Экипаж разбежался по своим местам, все начали ликвидировать последствия битвы с танду.

«Думай, мать соро. Можешь ли ты послать еще корабли на планету? В этот адский вулкан, куда все флоты уже посылали свои корабли — на битву и смерть?»

Никаких губру тут не должно быть! Но поврежденный корабль губру оказался в том месте, откуда шел призыв о помощи. И превратился в груду развалин вместе с истребителем танду,

кораблем Притил номер шестнадцать и двумя другими кораблями, которые не смог опознать даже ее боевой компьютер. Возможно, один из них — уцелевший корабль Братьев Ночи, скрывавшийся на одном из спутников Китрупа.

А тем временем последняя битва с союзом танду превратилась в кровавую ничью. У соро по-прежнему небольшое преимущество, поэтому уцелевшие корабли теннанинцев сохраняют верность своим союзникам танду.

Должна ли она рискнуть еще одной стычкой? Если танду победят, это будет ужасно! Получив власть, они уничтожат множество прекрасных видов, которыми с удовольствием занялись бы соро.

Она решила, что теннанинцы переметнутся, как только окажутся перед выбором.

— Отдел стратегии! — рявкнула она.

— Мать флота? — Воин-паха приблизился, но остановился на почтительном расстоянии. И осторожно взглянул на нее.

Если будет возможность, она заложит уважение в гены паха так глубоко, что его ничто не сотрет.

Она выпустила когти, и паха невольно отступил.

— Определи, какие корабли нам меньше всего нужны. Построй их. Мы снова начинаем разведку планеты.

Паха отсалютовал и быстро вернулся на место. Крат поудобней уселась на своей влетуровой подушке.

«Нужно отвлечься, — подумала она. — Может, еще одна экспедиция к вулкану заставит теннанинцев нервничать, а танду — думать, что мы что-то знаем».

«Конечно, — напомнила она себе, — танду и сами могут знать то, чего не знаем мы».

59. КРАЙДАЙКИ

Далеко
Они зовут
Гиганты,
Духи ОКЕАНА,
Левиафаны.

Крайдайки начинал понимать... начинал понимать...

Старые боги — отчасти воображение, отчасти видовая память, отчасти призраки... и еще что-то... что-то такое, чего инженер никогда не

должен позволить своим глазам видеть, а ушам — слышать...

Далеко
Они зовут
Левиафаны

Еще нет. Еще нет, нет. У Крайдайки есть долг, есть долг.

Больше не инженер — но Крайдайки остается астронавтом. Он не бесполезен, он сделает что сможет, сделает, поможет.

Поможет спасти свой экипаж, свой корабль...

60. ДЖИЛЛИАН

Она хотела потереть глаза, но мешала маска. Очень многое еще нужно сделать.

Фины приплывали и уплывали, проплывали мимо, чуть не опрокидывая ее, торопливо докладывали и тут же исчезали выполнять ее приказы.

«Надеюсь, Хикахи скоро вернется. Я неплохо справляюсь, вероятно, но я не офицер космического корабля. У нее специальная подготовка, чтобы руководить экипажем.

Хикахи даже не знает, что она капитан, — ду-

мала Джиллиан. — И, как бы мне ни хотелось, чтобы быстрее заработала линия связи, я боюсь сообщать ей эту новость».

Она написала короткую записку Эмерсону Д'Аниту, и последний курьер отправился в машинное отделение. Джиллиан повернула к шлюзу, Ватгасети все время держался рядом.

В отсеке две группы финов: одна у выходного шлюза, другая у баркаса. Нос маленького космического корабля почти касался диафрагмы выхода. Корма исчезала в металлическом чехле в задней стене отсека.

«Когда баркас уйдет, отсек здорово опустеет», — подумала Джиллиан.

Ее заметил фин у шлюза и поплыл навстречу. Резко остановился перед ней и приподнялся в стойке внимания.

— Сторожевые и разведчики готовы к отплытию, ждут вашего приказа, Джиллиан, — сказал он.

— Спасибо, Заа'фт. Скоро. По-прежнему никаких сообщений от группы ремонтирующих линию или от Кипиру?

— Нет, сссэр. Курьер, которого вы отправили вслед за Кипиру, должен скоро добраться до разбитого корпуса.

Как это раздражает. Такката-Джим перерезал линию, ведущую к теннанинцу, и теперь кажется невозможным найти разрыв. Не в первый раз она прокляла способность моноволоконного провода так хорошо скрываться.

Любая катастрофа могла произойти с группой в том самом месте, куда она собирается переместить «Стремительный».

Но детекторы извещают, что бой в космосе продолжается почти так же яростно, как раньше.

Но что-то удерживает Тома. Он должен был взорвать информационную бомбу, когда ити явятся исследовать его призыв о помощи. Но после этого подложного призыва ничего не было.

Вдобавок проклятый Нисс не желает с ней разговаривать. Он не приводит в действие тайный сигнал в ее кабинете, который обозначал бы чрезвычайное положение, но каждый раз, когда она пользуется коммуникатором, ей слышится слабый щелчок — машина не расположена разговаривать.

От этого хочется просто забраться в постель и ни на что не реагировать.

Возникла неожиданная суматоха. Из стенного громкоговорителя раздался сигнал на тринари, за ним долгое изложение на искаженном англике.

— Сссэр! — быстро повернулся к ней Заа'фт. — Докладывают...

— Я слышала. — Она кивнула. — Линия восстановлена. Поблагодарите от меня группу и дайте несколько часов отдыха. Потом попросите Хеурка-пита немедленно связаться с Хикахи. Пусть он объяснит ей ситуацию и сообщит, что мы начинаем перемещать корабль в 21.00, если она не возражает. Я скоро свяжусь с ней.

— Есть, сссэр! — Заа'фт повернулся и уплыл.

Ватгасети молча смотрел на нее.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Выпустим Такката-Джима и Метца. Вы уверены, что выгружено все, чего нет в их списке, и осмотрено все, что изгнанники берут на борт?

— Да. У них даже плавникового пистолета нет. Нет радио, а топлива хватит только до острова.

Несколько часов назад Джиллиан сама осматривала лодку, пока Такката-Джим и Метц упаковывали свои вещи. И приняла еще несколько мер предосторожности, о которых никому не рассказывала.

— Кто идет с ними?

— Три добровольца, все — «странные» стеносы. Самцы. Мы обыскали их вплоть до пенисного чехла. Они чисты и теперь в баркасе, готовы к

выходу.

Джиллиан кивнула.

— Давайте избавимся от них и займемся другими делами.

Она уже думала о том, что скажет Хикахи.

61. ХИКАХИ И СВЕССИ

— Помните, — сказала она Тшут и Свесси, — необходимо любой ценой сохранять радиомолчание. И постарайтесь, чтобы эти спятившие фины не съели в первые же дни все припасы на борту.

Тшут согласно щелкнула челюстями, хотя в глазах ее читалось сомнение. Свесси сказал:

— Вы уверены, что не хотите, чтобы кто-нибудь из нас пошел с вами?

— Уверена. Если меня ждет катастрофа, не хочу, чтобы со мной гибли другие. Если найду выживших, мне может потребоваться все пространство. В любом случае скиф движется сам. Мне нужно только приглядывать за ним.

— Но вы не можете сражаться, управляя кораблем, — заметил Ханнес.

— Если со мной будет стрелок, я могу вступить в схватку. Поэтому я и убегаю. «Стремительный»

погиб или захвачен, и я должна вернуться на скифе, иначе все вы здесь обречены.

Свесси нахмурился, но вынужден был с ней согласиться. Он был благодарен Хикахи, что она задержалась и позволила воспользоваться энергией скифа, чтобы закончить приготовления в корпусе.

«Мы все тревожимся о „Стремительном“ и о капитане, — подумал он. — Но что испытывает Хикахи?»

— Ну, ладно. До свидания и удачи, Хикахи. Пусть Ифни будет к вам благосклонна.

— Того же и вам обоим. — Хикахи осторожно зажала руку Свесси в зубах, то же самое проделала с левым грудным плавником Тшут.

Тшут и Свесси помогли ей забраться в шлюз маленького корабля. Потом отвели свои сани к зияющему отверстию в корпусе затонувшего чужого крейсера.

С низким гулом включился двигатель скифа. Он отразился от гигантского утеса, нависшего над местом крушения.

Маленький космический корабль медленно двинулся на восток, постепенно набирая под водой скорость. Хикахи избрала кружный путь, прежде чем повернуть к убежищу «Стремитель-

ного». В течение двух дней она будет без связи, зато не удастся проследить, откуда она приплыла, если на месте «Стремительного» в засаде ждет враг.

Они смотрели, как лодка исчезает во тьме. Свесси давно уже ничего не слышал. Наконец Тшут медленно махнула хвостом вслед затихающему звуку.

Два часа спустя, когда Ханнес впервые за двое суток лег отдохнуть, самодельный интерком у его матраца ожил.

«Больше никаких дурных новостей», — вздохнул Ханнес.

Закрывая одной рукой глаза, он включил прибор.

— Да? — просто спросил Свесси.

Это Лаки Каа, молодой техник-электроник и младший пилот. Голос его звучал возбужденно.

— Сэр! Тшут говорит, что вы должны немедленно прийти! Это корабль!

Свесси приподнялся на локте.

— «Стремительный»?

— Да. Связь восстановлена. Они хотят немедленно поговорить с Хикахи.

Руки Свесси стали ватными. Он упал на матрац и застонал.

«Вот беда-то! Никакой сонар теперь до нее не дотянется!

В такие минуты я жалею, что не умею болтать по-дельфиньи, как Том Орли. Может быть на тринари я сумел бы сказать, что думаю об этой вселенной, достаточно иронично и вульгарно».

62. ИЗГНАННИКИ

Баркас гладко скользнул сквозь шлюз в синие сумерки китрупского океана.

— Вы направились не туда, — заметил Игнасио Метц, когда диафрагма закрылась за ними. Вместо того чтобы повернуть на восток, лодка по спирали направилась вверх.

— Всего лишь небольшой маневр, доктор Метц, — успокоил его Такката-Джим. — Сникаджо, передай на «Стремительный», что я проверяю готовность механизмов.

Помощник пилота начал свистеть своему напарнику на корабле. В ответ послышались гневные щелчки сонара. «Стремительный» тоже заметил смену курса.

Метц находился за Такката-Джимом и чуть выше. Вода доходила до пояса.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Привыкаю к приборам...

— Ну смотрите. Вы идете прямо на буи обнаружения!

Метц недоуменно смотрел, как корабль устремился прямо на группу дельфинов, работающих у буев. Дельфины рассыпались в стороны с гневными криками, корабль ударился в буи. Осколки металла застучали по носу и упали в темноту.

Такката-Джим, казалось, ничего не заметил. Он спокойно повернул маленький корабль и на небольшой скорости повел его на восток, к острову — цели назначения.

Пищал сонар. Доктор Метц покраснел. Воспитанные дельфины не должны пользоваться такими выражениями!

— Передай, что это случайность, — сказал Такката-Джим помощнику. — Приборы не слушались, но теперь все под контролем. Мы следуем под водой к острову, как приказано.

Баркас вошел в узкое ущелье, оставив позади ярко освещенную подводную долину и «Стремительного» на ней.

— Случайность, клянусь мошонкой моего волосатого дяди Фреда!

Эти слова сопровождались гоготом.

— Знаете, Такката-Джим, я догадывался, что вы

не уйдете, не уничтожив предварительно улики.

Доктор Метц, борясь со своими привязными ремнями, повернулся.

— Чарлз Дарт! Что вы здесь делаете?

В открытом теперь шкафу для оборудования сидел на полке улыбающийся шимпанзе в космическом скафандре.

— Небольшая личная инициатива, доктор Метц! Обязательно отметьте в журнале. Меня должны похвалить за это. — И он опять заготготал.

Такката-Джим на мгновение развернулся и посмотрел на шимпа. Потом фыркнул и вернулся к приборам управления.

Чарли явно собирался с силами, чтобы спуститься в воду, хотя и был в скафандре. Опустился по шлем.

— Но как?.. — начал Метц.

Чарли достал из ящика большой водонепроницаемый мешок и положил на сиденье рядом с Метцем.

— Я воспользовался дедукцией, — сказал он, взбираясь на сиденье. — Я решил, что парни Джиллиан будут следить только за стеносами. Почему бы, подумал я, не пробраться в лодку путем, который они и не догадаются проверить?

Глаза Метца распахнулись.

— Муфта! Вы пробрались через вспомогательный рукав, который использовали строители на Земле, потом через панель доступа к лодке и оттуда к двигателям...

— Верно! — Чарли улыбался, расстегивая костюм.

— Вам пришлось воспользоваться ключом, чтобы снять плиты в стене рукава. Ни один дельфин не способен на это в ограниченном пространстве, поэтому никто и не додумался.

— Конечно.

Метц сверху донизу оглядел Чарли.

— Вы прошли вплотную с двигателями. Не сварились?

— Гм. Радиометр костюма говорит, что излучение невелико. — Чарли насмешливо подул на кончики пальцев.

Метц улыбнулся.

— Действительно, редкая изворотливость, доктор Дарт! Добро пожаловать на борт. Я буду очень занят, изучая кикви, чтобы должным образом следить за вашим роботом. Теперь вы сами займетесь этим.

Дарт энергично кивнул.

— Поэтому я здесь.

— Отлично. Может, сыграем в шахматы?

— С удовольствием.

Они откинулись, глядя на проплывающий мимо подводный хребет. Посматривали друг на друга и начинали смеяться. Стеносы молчали.

— Что в мешке? — Метц указал на большую сумку Чарли.

Дарт пожал плечами.

— Личные вещи, инструменты. Немного и по-спартански необходимое.

Метц кивнул. Приятно иметь в спутниках шимпанзе. Дельфины, конечно, отличные парни. Но старейшая раса клиентов человека известна своей разговорчивостью. К тому же дельфины очень плохо играют в шахматы.

Час спустя Метц припомнил первые слова Чарли на борту. Что имел в виду шимп, говоря об уничтожении улик? Очень странное высказывание.

Он задал этот вопрос Дарту.

— Спросите лейтенанта, — предложил Чарли. — Он как будто понял, что я имею в виду. Мы с ним разговариваем неохотно, — проворчал он.

Метц энергично кивнул.

— Спрошу. Как только высадимся на остров.

63. ТОМ ОРЛИ

В спутанной тени под ковром водорослей он осторожно передвигался от одного отверстия к другому. Маска позволяла надолго задерживать дыхание, особенно когда он оказался вблизи острова и искал выход на берег.

Наконец, когда оранжевое солнце Китрупа ушло за облака на западе, Том выбрался на берег. Длинный китрупский день протянется еще немного, но ему не хватало теплых прямых лучей солнца. Том вздрогнул от холода, выбираясь в разрыв между водорослями на скалистый берег. На четвереньках отполз на несколько метров от воды и тяжело опустился на грубый базальт. Потом спустил на шею маску.

Остров словно медленно раскачивался, как пробка на поверхности моря. Пройдет некоторое время, прежде чем он снова привыкнет к твердой почве под ногами. «Именно столько, чтобы закончить дело и снова вернуться в воду», — иронично подумал он.

Он стер с плеч зеленую слизь и опять вздрогнул от испарения.

Да еще голод.

Но по крайней мере голод заставляет забыть о сырости и холоде. Том подумал, не съесть ли последний пищевой брикет, но решил подождать. В пределах тысячи километров это вся его еда, конечно, если он ничего не найдет в обломках чужого корабля.

С того места, где на отроге горы разбился маленький разведчик, все еще поднимается дым. Тонкая струйка, уходя вверх, смешивается с дымом вулкана. Изредка Том слышит его ворчание.

«Ну, ладно. Пора двигаться».

Он подтянул ноги и оттолкнулся.

Мир вокруг неуверенно раскачивался. Но все же Том приятно удивился, обнаружив, что стоит без особого труда.

«Наверное, Джилл права, — подумал он. — И у меня есть резервы, о которых я и не подозревал».

Он повернул направо, шагнул и чуть не упал. Пришел в себя и побрел по скалистому склону, благодарный опутавшим руки водорослям. Приходилось цепляться за края скал, острые, как оббитый кремень. Шаг за шагом, и вот он уже у источника дыма.

Перевалив через небольшой подъем, он увидел обломки.

Разведчик разбился на три куска. Кормовая

часть погрузилась, только ее край виднелся из углубления, заполненного растительностью. Том проверил показания радиометра на краю маски. Если понадобится, он выдержит такую дозу в течение нескольких дней.

Передняя часть корабля раскололась в длину, выбросив на каменную полосу содержимое рубки. Огонь плясал на металлических переборках, разорванных и изогнутых, как мягкая конфета.

Том подумал, не достать ли игольник, но решил, что лучше оставить обе руки свободными. Вдруг упадет.

«Внешне нетрудно, — подумал Том. — Спущусь и осмотрю эту проклятую штуку. Шаг за шагом».

Он начал осторожно спускаться и проделал это без происшествий.

Смотреть было не на что.

Том узнавал в обломках части различных механизмов. Однако среди них не нашлось ничего нужного ему.

И никакой пищи.

Повсюду большие изогнутые листы металла. Том подошел к одному, как будто остывшему, и попытался поднять. Слишком тяжелый. Приподняв его дюйма на два, Том вынужден был бросить.

Положил руки на колени и ненадолго застыл, тяжело дыша.

В нескольких метрах большая груда плавника. Том подошел к ней и вытащил несколько толстых высохших стеблей водорослей. Прочные, но слишком упругие, чтобы использовать как рычаги.

Том чесал щетину и думал. Посмотрел на море, до самого горизонта затянутое зловонными скользкими растениями. И наконец начал собирать сухие водоросли в две груды.

Когда стемнело, он сидел у костра и плел из ветвей два больших веера, немного похожих на теннисные ракетки с петлей внизу. Том не был уверен, что они сработают, как ему нужно, но завтра он проверит.

Чтобы забыть о голоде, он негромко напевал на тринари. Свист колыбельной отражался эхом от ближайшего утеса.

Руки и огонь?
Руки и огонь!
Пользуйся, пользуйся ими,
Чтобы подняться выше!

Сны и песни?

Сны и песни!
Пользуйся, пользуйся ими,
Чтобы прыгнуть дальше!

Неожиданно Том остановился и наклонил голову. Через несколько мгновений извлек игольник из кобуры.

Слышал ли он звук? Или показалось?

Он неслышно откатился от огня и скорчился в тени. Смотрел в темноту, как дельфин, стараясь прислушаться к очертаниям предметов. Пригнувшись, перебегая от укрытия к укрытию, двинулся по усеянной обломками полоске.

— Бпаркиимклеф аннатан п'кленно. В'хуминф?

Том нырнул за обломок корпуса и перекатился. Дыша открытым ртом, чтобы было тише, он прислушался.

— В'хумин кент'тун ф?

Голос как будто отражается от металла... из-под большего куска корпуса? Кто-то пережил крушение? Кто бы мог подумать?

Том позвал:

— Биркех'клеф. В'хуман идес'к. В'теннан'клеф ф?

Он ждал. И когда из темноты донесся ответ, Том встал и побежал.

— Идатесс. В'теннан'клиф...

Том снова нырнул и прижался к обломку металла. Выглянул и быстро осмотрелся.

И направил пистолет прямо в большое лицо рептилии всего в метре от себя. Лицо сморщилось в слабом звездном свете.

До этого Том только однажды встречался с теннанинцами и неделю изучал их в университете Катреннлина. Существо наполовину зажато большой изогнутой металлической плитой. Том понял, что оно в агонии. Руки и спина разведчика разбиты куском корпуса.

— В'хумин т'баррчит па...

Том приспособился к диалекту. Теннанинец говорит на версии галактического-шесть.

— ...не стал бы убивать тебя, человек, даже если бы мог. Хочу убедить тебя, чтобы ты подошел ко мне и отвлек на время.

Том сунул пистолет в кобуру и, скрестив ноги, сел перед пилотом. Придется вежливо выслушать и покончить с его мучениями, если он попросит о такой милости.

— Я печалюсь, что не могу помочь тебе, — ответил Том на галактическом номер шесть. — Хотя ты мой враг, я никогда не считал теннанинцев злыми.

Существо снова сморщилось. Его гребень попеременно то вставал, касаясь металлической крыши, то опадал.

— И мы не считаем, что хуман'влеч безнадежны, хотя они упрямы, дики и безответственны.

Том поклонился на этот своеобразный комплимент.

— Я готов оказать тебе услугу прекращения, если хочешь, — предложил он.

— Ты добр, но не таков наш обычай. Я подожду, пока боль не уравновесится с жизнью. Великие Призраки найдут меня храбрым.

Том опустил взгляд.

— Да, они сочтут тебя храбрым.

Теннанинец дышал тяжело, закрыв глаза. Том протянул руку к поясу. Коснулся выпуклости — информационной бомбы.

«Ждут ли они, там, на „Стремительном“? — подумал он. — Может, не получив от меня сообщений, Крайдайки решил улететь?

Я должен знать, что происходит в битве над Китрупом».

— Ради беседы и отвлечения, — предложил он, — не обменяться ли вопросами?

Теннанинец открыл глаза. В них было что-то похожее на благодарность..

— Хорошая мысль. Как старший, я начну. Я буду задавать простые вопросы, чтобы ты не напрягался.

Том пожал плечами..

«Библиотека у нас уже почти триста лет. За нами шесть тысячелетий сложной цивилизации. И все же все по-прежнему считают людей невежественными дикарями».

— Почему вы от Морграна не направились в более безопасную гавань? — спросил разведчик. — Земля не может защитить вас, даже с помощью этих мошенников-тимбрими, которые ведут вас неправедными путями. Но Отрекшиеся сильны. У нас вы были бы в безопасности. Почему вы не пришли к нам в руки?

Ему все кажется таким простым! Если бы было так. Если бы существовал могущественный союз, к которому можно было бы обратиться и который не затребовал бы больше, чем может заплатить «Стремительный» или вся Земля. Как сказать теннанинцу, что его Отрекшиеся нисколько не лучше остальных фанатиков.

— Наша политика — никогда не поддаваться на угрозы, — ответил Том. — Никогда. История учит нас ценить эту традицию гораздо больше, чем можно представить себе по записям Биб-

лиотеки. Наше открытие мы передадим только галактическим Институтам, и сделают это только руководители Совета Земли.

При упоминании об «открытии» «Стремительного» на лице теннанинца отразился искренний интерес. Но он ждал своей очереди, давая возможность Тому задать вопрос.

— Теннанинцы вверху побеждают? — беспокойно спросил Том. — Я видел танду. Кто побеждает в небе?

Через дыхательные жабры пилота со свистом проходил воздух.

— Славные терпят поражение. Убийцы танду процветают, язычники соро многочисленны. Мы мешаем, где можем, но Славные терпят поражение. Добычу получат еретики.

Не очень тактично, учитывая, что часть «добычи» сидит рядом. Том негромко выругался. Что же ему делать? Кое-кто из теннанинцев уцелел, но может ли он передать Крайдайки, что это повод приступать к действиям? Нужно ли прибегать к обману, который даст им слишком слабых союзников?

Теннанинец тяжело дышал.

И хотя была не его очередь, Том задал следующий вопрос:

— Тебе холодно? Я передвину сюда костер. К тому же я должен кое-что сделать, пока мы разговариваем. Прости младшему патрону, если я оскорбил тебя.

Теннанинец посмотрел пурпурными кошачьими зрачками.

— Вежливо сказано. Нам говорили, что у людей нет манер. Может, вы просто не обучены, но намерения у вас хорошие...

Теннанинец чихнул и выдул песок из своих дыхательных жабр, а Том быстро передвинул лагерь. В мерцающем свете теннанинец вздохнул.

— Правильно, что, умирая на примитивной планете, я согреваюсь у костра, разведенного искусным волчонком. Я попрошу тебя рассказать о вашем открытии. Никаких тайн, только рассказ... рассказ о чуде Великого Возвращения...

Том подумал, что эти воспоминания вызывают у него дрожь.

— Представь себе корабли, — начал он. — Космические корабли, древние, в пробоинах, огромные, как луны...

Когда он проснулся утром у остывающих углей костра, брезжил рассвет, бросая длинные тени на берег.

Том чувствовал себя гораздо лучше. Желудок

привык к посту, а сон принес отдых. Он еще чувствовал слабость, но был готов искать очередное убежище.

Он встал, отряхнул многоцветный песок и посмотрел на север. Да, разбитый корпус еще там. Надежда на горизонте.

Слева, под массивной переборкой, негромко дышал теннанинский разведчик. Он медленно умирал. Уснул, слушая рассказ Тома о Мелком скоплении, о сверкающих гигантских кораблях и загадочных символах на их бортах. Том сомневался, что он придет в себя.

Он уже собрался обуться, как вдруг нахмурился и из-под ладони посмотрел на восток.

Если бы только уцелел его бинокль!

Он сощурился и разглядел линию движущихся теней, какие-то паукообразные фигуры на длинных ногах и меньшее запинающееся существо. Колонна медленно продвигалась на север.

Том вздрогнул. Они направляются к яйцеобразному корпусу. Если он не будет действовать быстро, они лишат его единственной надежды на спасение.

Теперь он уверен, что это танду.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
РАЗБРОС

Спорный вопрос, сможет ли левиафан долго выдерживать безжалостное преследование... и последний кит, как последний человек, последний раз затянется трубкой и с последней затяжкой испарится сам.

Мелвилл

64. КРАЙДАЙКИ/САХОТ

Крайдайки внимательно посмотрел на голограмму. Говорить легче, чем слушать. Он может по одному, по два вспоминать слова, медленно произносить их, нанизывая, как жемчужины.

— ...нервная связь... восстановлена... Джиллиан и Маканай... но... но... речь... все еще... еще...

— Еще не вернулась. — Изображение Сахота кивнуло. — Но вы можете теперь пользоваться инструментами?

Крайдайки сосредоточился на простом вопросе Сахота. Вы — можете — теперь... Каждое слово

ясно. Но в ряду они ничего не значат. Ужасно раздражает!

Сахот переключился на тринари.

Инструменты?

Мячи

Космические корабли —

Ваши челюсти?

Игрок

Пилот

Крайдайки кивнул. Гораздо лучше, хотя и тринари кажется иностранным языком, который он с трудом понимает.

Пауки ходуны, ходуны, ходуны

Голокоммы говорящие, говорящие, говорящие

Мои игрушки —

Крайдайки отвел взгляд. Он знал, что в этой простой фразе есть элементы праймала — в повторах, в высоком свисте. Унизительно иметь по-прежнему острый ум и знать, что окружающему миру ты кажешься слабоумным.

И в то же время он подумал, заметил ли Сахот следы языка своих снов — языка старых богов.

Слушая капитана, Сахот чувствовал облегчение. Их первый разговор начался хорошо, но к концу Крайдайки начал отвлекаться, особенно когда Сахот попытался провести его через ряд лингвистических тестов.

Теперь, после последней операции Маканай, он кажется гораздо внимательней.

Он решил проверить способность Крайдайки слушать, рассказав ему о своем открытии. Подробно и медленно поведал на тринари о «пении», которое слышал, когда связывался с роботом в стволе дерева-сверла.

Крайдайки долго смущался, сосредотачиваясь на упрощенных объяснениях Сахота, потом вроде бы понял. Вообще могло показаться, что он считает песню планеты самым естественным явлением.

— ...Подключи... подключи... меня... п... пожалуйста... я... буду... слушать... слушать...

Сахот в знак согласия щелкнул челюстями. Он был доволен. Конечно, Крайдайки, с его сгоревшими речевыми центрами, ничего, кроме помех, не услышит. Потребовался весь опыт Сахота, чтобы расслышать рефрен. За исключением одного случая, когда голоса внизу звучали рассерженно, они казались почти неразличимыми.

Он вздрогнул, вспоминая этот единственный понятный эпизод.

— Хорошо, Крайдайки, — сказал он, подсоединяя капитана. — Слушайте внимательно.

Крайдайки закрыл глаза, и на линии затрещали помехи.

65. ДЖИЛЛИАН

— Черт побери! Мы не можем ждать Хикахи, чтобы начать передвижение. Ей потребуется два дня в скифе. А к тому времени я хочу, чтобы «Стремительный» был уже в корпусе морского конька.

Изображение Свесси пожало плечами.

— Можете оставить ей записку.

Джиллиан потерла глаза.

— Вот что мы сделаем. Оставим моноволоконный кабель связи с островом. Я попрошу, чтобы с острова ей передали, куда мы направились.

— А Тошио и Дэнни?

Джиллиан в свою очередь пожала плечами.

— Я надеялась послать за ними и Сахотом скиф... и, может, за Томом тоже. Но в нынешнем положении я предпочла бы, чтобы Дэнни и Сахот добирались до вас на санях. Мне не хочется этого делать. Это опасно, и мне нужен Тошио, чтобы

следить за Такката-Джимом до нашего отлета.

Она не упомянула другой причины, по которой ей хочется, чтобы Тошио оставался как можно дольше. Они оба знают, что Том Орли, если полетит на глайдере назад, вернется на остров. И там кто-то должен его ждать.

— Мы на самом деле оставим Метца и Такката-Джима? — Свесси выглядел озадаченным.

— И Чарли Дарта, по-видимому. Он «зайцем» уплыл на баркасе. Да, это их выбор. Они надеются добраться до дома, когда галакты покончат с нами. Ну, окончательное решение за Хикахи, когда она наконец вернется и обнаружит, что она теперь капитан.

Джиллиан покачала головой.

— Ифни, кажется, превзошла себя с нами, а Ханнес?

Пожилой инженер улыбнулся.

— Удача всегда капризна. Потому она и женщина.

— Хм! — Но у Джиллиан не хватало энергии, чтобы бросить на него по-настоящему неприличный взгляд. На консоли рядом с голоизображением замигал огонек.

— Вот оно, Ханнес. Машинное отделение готово. Мне пора идти. Сейчас начнем.

— Удачи, Джиллиан. — Свесси сложил пальцы в виде О, потом прервал связь.

Джиллиан переключилась на связь с островом.

— Сахот, говорит Джиллиан. Прошу прощения за помеху, но будьте добры, скажите капитану, что мы выступаем. — Конечно, из вежливости требовалось сообщить об этом Крайдайки. Когда-то он был капитаном «Стремительного».

— Да, Джиллиан. — Послышался ряд высоких повторяющихся свистков на тринари, очень похожем на праймал. Большая часть звуков выше порога восприятия Джиллиан.

— Капитан хочет наблюдать снаружи, — сказал Сахот. — Он обещает не мешать.

Джиллиан не видела причин для отказа.

— Хорошо. Но сначала пусть свяжется с Ватгасети, пользуется санями и будет очень осторожен. Если он уплывет, нам некого будет послать за ним!

Еще ряд высоких свистов, которые Джиллиан с трудом различала. Крайдайки отвечал, что понял.

— Кстати, Сахот, — добавила Джиллиан. — Пожалуйста, попросите Тошио связаться со мной, как только прибудет баркас.

— Хорошо!

Джиллиан прервала связь и начала одеваться. Приходится думать обо всем одновременно.

«Правильно ли я поступила, позволив маленькому Чарли Дарту улизнуть? — думала она. — Если он или Такката-Джим поведут себя непредсказуемо, что делать?»

В углу консоли горел огонек. Нисс по-прежнему хочет поговорить с ней. Но это не срочно. Джиллиан заторопилась, чтобы следить за перемещением.

66. АККИ

С натруженными мышцами Акки медленно выплыл из расселины, в которой отдыхал до рассвета.

Он сделал несколько глубоких вдохов и нырнул, распугав стаю ярких чешуйчатых рыбообразных существ. Не раздумывая, схватил большую рыбу, прекратив челюстями ее конвульсии. Но металл горек на вкус. Акки выплюнул рыбу.

И снова вынырнул на поверхность. На востоке красные облака отбрасывали розовый свет. Голод грыз Акки. Он подумал, не слишком ли шумит. Охотник может его услышать.

«Это нечестно. Когда Кта-Джон меня наконец

найдет, у него будет хотя бы что съесть!»

Акки встряхнулся. Какая ужасная мысль!

«Разваливаешься, гардемарин. Кта-Джон не каннибал. Он...»

Что? Акки вспомнил вчерашнюю гонку, перед закатом, когда он сумел добраться до металлических островов на несколько метров раньше преследователя. Погоня там превратилась в смешение пузырей, прибоя и охотничьих криков. Найдя убежище, он несколько часов кряду слышал сонар Кта-Джона, который ушел недалеко.

При мыслях о боцмане у Акки холодок пробегал по спине. Что это за существо? Дело не просто в глупости смертельной охоты; дело и в том, как охотился Кта-Джон. Сонар гиганта излучал такую злобу, что Акки хотелось свернуться в шар.

Конечно, гены стеноса в какой-то мере объясняют его размер и нелогичность. Но в боцмане есть что-то еще. Что-то такое, чего Акки, выросший на Калафии, никогда не встречал.

Акки плыл рядом с коралловым островом и высунул морду из-за северной оконечности. Слышны только природные звуки китрупского моря.

Он хлопнул хвостом и осмотрел отражения. На запад или на север? К Хикахи или к Тошио?

Лучше на север. Цепь островов может тянуться до самого лагеря. Это естественное укрытие.

Он пронесся через четверть километра, отделявшие его от следующего острова, потом внимательно прислушался. Никаких изменений. Дыша чуть легче, он пересек следующий пролив, потом еще один, плыл короткими рывками, потом слушал и возобновлял осторожное продвижение.

Однажды услышал странный треск справа. Лежал неподвижно, пока не понял, что это не может быть Кта-Джон. Акки сделал небольшой крюк, чтобы взглянуть.

И увидел подводную засаду существ, похожих на воздушные шары из-за раздутых дыхательных пузырей и голубых лиц. Они несли грубые инструменты и сети, полные бьющейся добычи. Если не считать нескольких голограмм, посланных Дэнни Судман и Сахотом, это была первая встреча Акки с туземцами Китрупа кикви. Он смотрел, заинтересованный, потом подплыл ближе. Он считал, что находится далеко к югу от Тошио, но если это та самая группа...

Увидев его, охотники закричали в панике. Бросив сети, они вскарабкались на поросший растительностью ближайший остров. Акки по-

нял, что, должно быть, встретил другое племя, которое никогда раньше не видело дельфинов.

Но все же это что-то. Он смотрел, как поднимается последний. Потом снова повернул на север.

Но когда миновал северный берег следующего острова, попал под сильный звуковой луч.

Акки упал духом. Как! Кта-Джон тоже подумал об островной цепи? Или какой-то дьявольский инстинкт подсказал ему, где искать добычу?

Луч снова пролетел над ним. За ночь он еще больше изменился, превратился в яростный крик, от которого Акки бросало в дрожь.

Крик послышался снова, ближе, и Акки понял, что ему не спрятаться. Этот крик отыщет его в любой расселине. Он должен попытаться уйти, пока еще контролирует свое сознание!

67. КИПИРУ

Сражение началось в предрассветной тьме.

Несколько часов назад Кипиру понял, что сани преследователя не выходят из строя. Двигатель кричит, но не стихает. Кипиру переключил свой гораздо дальше красной линии, но было уже поздно. Он услышал вой торпеды, резко повернул налево и вниз, выпустив воздух, чтобы оставить

на своем месте облако шумных пузырей.

Торпеда прошла мимо в темноту. Разочарованный гневный крик отразился от оснований островов и подводных возвышений. Кипиру уже привык к непристойностям на праймале своего преследователя.

Он почти добрался до линии островов, за которой несколько часов назад исчезли два дельфина. Приближаясь, он все время слышал звуки охоты, приходил в ужас от гнетущих ассоциаций и очень опасался за Акки.

Но теперь у Кипиру собственные проблемы. Он пожелал Акки продержаться, пока не стряхнет со своего хвоста этого идиота.

Наверху становилось светлее. Кипиру завернул за остров, нырнул, выключил двигатель и стал ждать.

Моки выругался, когда маленькая торпеда не взорвалась.

Зубы, зубы
Лучше, лучше
Всего ни свете!

Он покрутил мордой в разные стороны. Оставил сенсоры саней и вел машину только по

привычке.

Где этот наглец? Пусть придет и получит по заслугам!

Моки устал, был раздражен и невыразимо соскучился. Он никогда не думал, что быть Большим Самцом так скучно. Ему хотелось, чтобы вернулся горячий, почти оргазмический гнев. Попытался вернуть себе былую жажду крови, но продолжал думать об охоте на рыб, а не на дельфинов.

Если бы только он был способен на свирепость, которую слышал в охотничьем крике Кта-Джона! Моки перестал ненавидеть страшного боцмана. Он начинал думать о гиганте, как о духовном существе злой природы. Он убьет этого нахала-турсиопу и принесет его голову Кта-Джону, как доказательство своей готовности стать его последователем. И тогда тоже станет наводить животный ужас, которому никто не сможет противостоять.

Моки повел машину по кругу, держась у дна и внимательно всматриваясь в отражения звука. Турсиопа повернул налево на большой скорости. Дуга его поворота шире, чем у Моки, и теперь нужно только выбрать правильную дугу самому.

Моки находился на дежурстве, когда началась

охота, поэтому его сани вооружены торпедами. Он был уверен, что у нахала торпед нет. И очень хотел побыстрее закончить эту скучную погоню.

Звук! Он повернулся так быстро, что ударился мордой о пластиковый воздушный пузырь. Моки двинул сани вперед, приготовил еще одну торпеду. Эта прикончит врага.

В широком океанском каньоне открылся широкий провал. Моки взял балласт и начал опускаться, прижимаясь к стене. Потом передвинул дроссель назад и остановился.

Проходили минуты. Слабый звук работающего двигателя слева все усиливался. Приближающиеся сани на глубине держатся ближе к стене.

Неожиданно они оказались прямо под ним! Моки решил не стрелять сразу. Это было бы слишком легко! Пусть нахал услышит, как сзади к нему приближается смерть. Она будет слишком близка, он не сможет уйти. Пусть дрожит в страхе, прежде чем торпеда Моки разорвет его на куски!

Сани взревели и начали опускаться. Жертва не успеет повернуть вовремя! Моки кричал:

Вожак стаи!

Идет Большой Самец!

Но вот он прервал свою песню. Почему этот

нахал не бежит?

Моки ориентировался исключительно на звук. Только теперь он посмотрел на свою жертву.

Сани пусты! Они медленно опускаются, никто ими не управляет. Но где же?..

Уши охотника
Нужны самцу —
Но астронавту
Нужны глаза
И мозг.

Голос над ним! Моки закричал, стараясь повернуть сани и одновременно выпустить торпеду. С отчаянным воплем двигатель отключился. Отказало гнездо нервной связи, и в это мгновение Моки увидел в двух метрах над собой гладкого серого дельфина-турсиопу, его белые зубы сверкали.

А из дураков
Получаются только
Трупы

Моки закричал, когда режущий факел на доспехах пилота вспыхнул лазерным блеском.

68. ТОМ ОРЛИ

Откуда они все взялись?

Том Орли прятался за невысоким холмиком водорослей и смотрел на отряды чужаков на горизонте. Он насчитал по крайней мере три группы, которые двигались с разных сторон к яйцеобразному корпусу.

Примерно в миле за ним по-прежнему ворчал вулкан. На рассвете Том ушел от разбитого теннанинского разведчика, оставив возле умирающего пилота фляжку с драгоценной пресной водой, чтобы тот утолил жажду, если придет в себя.

Вышел он вскоре после того, как заметил группу танду. Начал испытывать недавно сплетенные «водорослевые башмаки» на скользкой неровной поверхности. Похожие на снегоступы, они скользили, но помогали уверенней держаться на поверхности.

Вначале он двигался быстрее танду. Но вскоре те выработали новую технику. Они больше не брели по грязи, а двигались резко. Том держался за укрытиями и думал, что случится, если его заметят.

А теперь появились отряды, один движется

с юго-запада, другой — с запада. Еще он видит движущиеся с трудом пятна на низком неровном горизонте. Но откуда они взялись?

Танду ближе всех. Их по крайней мере восемь или девять, движутся колонной. Каждый идет на шести широко расставленных тонких ногах, чтобы легче было удержать равновесие. В руках у них длинные блестящие инструменты, которые могут быть только оружием. Продвигаются вперед быстро.

Том гадал, какова их новая тактика. Но потом заметил, что передний танду не несет никакого оружия. Напротив, он ведет на поводке какое-то волосатое неуклюжее существо. Наклоняется над ним, словно заставляет выполнять задачу.

Том решился на несколько дюймов приподнять голову.

— Будь я проклят!

Волосатое существо создавало сушу — по крайней мере прочную поверхность — узкую тропу впереди отряда! Прямо перед тропой и по сторонам виднелось слабое мерцание. Казалось, действительность сопротивляется такому пагубному вторжению.

Эписиарх! На мгновение Том забыл о своих трудностях, благодарный возможности увидеть

редкое зрелище.

На его глазах тропа в одном месте провалилась. Светящаяся полоса по краям тропы в этом месте громко щелкнула. Ближайший воин танду замахал конечностями и упал в водоросли. Он срывал стебли, бился и только расширял отверстие. И наконец, как камень, ушел под воду.

Никто из остальных танду словно не заметил этого. Двое ближайших перепрыгнули на «прочную» почву. Отряд, потеряв одного воина, продолжал движение.

Том замотал головой. Он должен первым добраться до корабля! Нельзя пропустить танду вперед.

Но если он даже просто сдвинется с места или что-нибудь сделает, они его заметят. А он не сомневался — они хорошо владеют своим оружием. Вряд ли кому-то из людей удавалось их слишком долго недооценивать.

Том неохотно нагнулся и развязал крепления самодельной обуви. Бросив ее, он осторожно пополз к ближайшему открытому бассейну.

Считал про себя, дожидаясь приближения колонны галактов. Снова мысленно проигрывал свои действия.

Сделав несколько глубоких вдохов, он натянул

на лицо дыхательную маску, проверив, чтобы она плотно прилегала, а жабры были открыты. Затем достал из кобуры игольник, держа его в обеих руках.

Том поставил ноги на два прочных стебля и проверил их крепость. Бассейн был прямо перед ним.

Он закрыл глаза.

Слушай

Хлещущий хвост

Тигровой акулы

Эмпатически он уловил мощное пси-излучение безумного клиента ити, до которого оставалось всего восемьдесят метров.

— Джиллиан... — вздохнул Том. Потом распрямился одним гибким движением и вытянул руку с оружием. Раскрыл глаза и выстрелил.

69. ТОШИО

Вопреки возражениям Тошио, они использовали остатки энергии баркаса, чтобы поднять его и посадить на площадку на острове. Тошио предлагал расширить пещеру под металлическим холмом, но Такката-Джим холодно отверг

его предложение.

Пришлось два часа рубить ветви и маскировать небольшой корабль. Тошио не был уверен, что это поможет, если галакты, закончив сражение, обратят внимание на поверхность планеты.

Метц и Дарт должны были помогать ему. Тошио велел им рубить ветви, но выяснилось, что нужно показывать и объяснять каждую мелочь. Дарт был мрачен, сердился оттого, что подчиняется гардемарину, которому несколько дней назад сам отдавал приказы. Он явно хотел вернуться к своим приборам, которые оставил у бассейна дерева-сверла, когда его назначили в рабочую группу. Метц помогал охотнее, но ему так хотелось уйти и поговорить с Дэнни, что он был почти бесполезен.

Тошио в конце концов отправил их обоих и сам закончил работу.

Но вот баркас замаскирован. Тошио опустился на землю и немного отдохнул, прижимаясь к стволу масляно-орехового дерева.

Будь проклят Такката-Джим! Тошио и Дэнни должны были проверить безопасность лагеря, сообщить Метцу о результатах своей работы с кикви, а потом сесть в сани и убраться отсюда! Джиллиан ждет их через несколько часов, а они

почти ничего не сделали!

И, хуже всего — только за час до прибытия баркаса «Стремительный» предупредил его о «зайце». Джиллиан решила не арестовывать Чарли за нарушение приказа, хотя, как выяснилось, он украл оборудование из десятка лабораторий корабля. Тошио был рад, что хоть этого он избежал. К тому же на острове не было ничего подходящего в качестве места заключения.

Слева зашуршала листва. Треск веток сопровождался механическим гудением. На поляну вышли четыре «паука». На плавучей площадке каждого лежал дельфин-стенос и контролировал движения механических конечностей через гнездо нервной связи. Когда они приблизились, Тошио встал.

Мимо прошел Такката-Джим, молча и холодно взглянув на Тошио. Остальные три «паука» вслед за ним миновали поляну и углубились в лес. Стеносы разговаривали на желудочном тринари.

Тошио смотрел им вслед. Он вдруг обнаружил, что затаил дыхание.

— Не знаю, как Такката-Джим, но эти его стеносы безумны, как волноломные гнездовики с Атласта, — сказал Тошио самому себе, качая головой. На Калафии он мало видел так называемых

стеносов. Некоторые были со странностями в ту или иную сторону, как у Сахота. Но никогда он не видел такого выражения, как у последователей бывшего помощника капитана.

Звуки процессии стихли. Тошио встал.

Он удивлялся, почему Джиллиан вообще отпустила Такката-Джима. Почему бы просто не отправить его и сторонников в карцер и не покончить с этим?

Конечно, неплохая мысль — оставить группу на баркасе, чтобы она попыталась добраться до Земли, если это не удастся «Стремительному». Джиллиан, очевидно, не может пожертвовать ни одним надежным членом экипажа. Но...

Том повернул к деревне кикви, размышляя по пути.

Конечно, баркас размонтирован. Теоретически Такката-Джим не мог бы связаться с галактами, даже если бы захотел. А Тошио не представлял себе, чтобы он захотел этого.

Но что если у него свои причины? И если он отыщет способ?

Задумавшись, Тошио чуть не натолкнулся на дерево. Поднял голову и чуть поправил направление.

«Мне надо знать наверняка, — решил он. — Се-

годня вечером я выясню, сможет ли он причинить неприятности».

Сегодня вечером.

Взрослые аборигены сидели кружком на поляне в центре селения. С одной стороны расположились Игнасио Метц и Дэнни Судман. Напротив них — Мать Гнезда, со своими раздутыми яркими, в зеленую и красную полоску, воздушными мешками. По обе стороны от нее вздымались и волновались, как цепь ярко раскрашенных воздушных шаров в лесном солнечном свете, старейшины деревни.

Тошио остановился на краю площади. Солнечный свет, пробивающийся сквозь ветви, освещал собрание разных рас.

Мать Гнезда щелкала, размахивая лапами вверх и вниз; Дэнни как-то объяснила, что это знак согласия. Если бы старейшая самка рассердилась, движения ее стали бы поперечными. Поразительно простой способ общения. Остальные члены племени повторяли ее звуки, иногда опережая ее.

Игнасио Метц возбужденно кивнул, прикрывая рукой наушник, в который слушал перевод компьютера. Когда песня стихла, он произнес в микрофон несколько слов. Из громкоговорителя

машины послышался ряд высоких писков.

Лицо Дэнни выражало облегчение. Она боялась первой встречи в качестве специалиста по возвышению с кикви. Но Метц, по-видимому, не повредит ее долгим и осторожным переговорам с предразумными. Встреча идет к удовлетворительному завершению.

Дэнни увидела Тошио и улыбнулась. Без церемоний встала и покинула круг. Торопливо подошла туда, где он ждал.

— Как дела? — спросил он.

— Удивительно! Оказывается, он прочел каждое слово, которое я посылала на корабль. Понимает протокол поведения, физические проявления различий в поле и возрасте, он считает мой анализ их поведения «образцовым»! Образцовым!

Тошио улыбнулся, разделяя ее радость.

— Он сказал, что добьется моего назначения в Центр Возвышения! Можешь себе представить? — Дэнни не могла спокойно стоять на месте.

— А как договор?

— Они готовы в любое время. Если Хикахи доберется сюда на скифе, мы прихватим с собой на «Стремительный» десяток кикви. Или же некоторые полетят с Метцем на Землю в баркасе. Все решено.

Тошио посмотрел на счастливых жителей деревни и постарался подавить в себе тревожные опасения.

Конечно, для кикви, как вида, это хорошо. Под покровительством человечества им будет лучше, чем с любой другой космической расой. И у земных генетиков будут живые образцы еще до того, как они предъявят требование на прием клиентов.

Будет сделано все, чтобы первая группа аборигенов оставалась здоровой. Половина всех забот Дэнни — определение их потребностей, включая микроэлементы. Но все же маловероятно, чтобы кто-то из первой группы выжил. И даже если они выживут, Тошио сомневался, чтобы кикви догадывались, что их ждет.

«Они еще не разумны, — напомнил он себе. — По законам галактики они всего лишь животные. И, в отличие от всех остальных в пяти галактиках, мы хоть что-то пытаемся им объяснить и получить их согласие».

Но он помнил бурную ночь, сильный дождь к вспышки молнии, тогда эти маленькие амфибии жались к нему и его раненому другу-дельфину, согревали их теплом, отгоняли отчаяние своим присутствием.

Он отвернулся от залитой солнцем поляны.

— Значит, больше тебя здесь ничего не удерживает? — спросил он у Дэнни.

Она покачала головой.

— Конечно, я хотела бы еще ненадолго остаться. Теперь, покончив с кикви, я могла бы заняться проблемой островов. Поэтому я так нервничала несколько дней назад. Помимо того, что приходилось заниматься сразу двумя делами, я еще раздражалась из-за непонятных явлений. Но теперь мы ближе к разгадке. А знаешь, кора этих металлических холмов еще жива. Она...

Тошио вынужден был прервать поток ее слов:

— Дэнни! Подожди минутку, пожалуйста. Ответь на мой вопрос. Ты готова немедленно покинуть остров?

Дэнни моргнула. Переступила с ноги на ногу, нахмурилась.

— «Стремительный»? Что-то случилось?

— Несколько часов назад начали перемещение. Я хочу, чтобы ты собрала свои записи и вещи и прикрепила к саням. Вы с Сахотом уходите засветло.

Смысл слов начал доходить до нее.

— Я и Сахот? Не ты?

— Нет. Я останусь еще на день. Нужно.

— Почему?

— Послушай, Дэнни, я не могу сейчас говорить об этом. Сделай, как я сказал, пожалуйста.

Он повернулся, собираясь идти, но она схватила его за руку. И вынуждена была идти за ним.

— Но мы ведь собирались уйти вместе! Если у тебя здесь дела, я подожду!

Он шел, не отвечая. Не знал, что сказать. Горько понимать, что ее уважение и привязанность завоеваны, когда остается несколько часов.

«Если это означает быть взрослым, — подумал он, — могут оставить это себе. Мне не нравится».

Приближаясь к бассейну, они услышали звуки громкого спора. Тошио заторопился. Дэнни бежала рядом с ним. Они выскочили на поляну.

Чарлз Дарт кричал и держался за цилиндр, зажатый в манипуляторе «паука» Такката-Джима. Чарли собрал все силы, пытаясь вырвать цилиндр. Такката-Джим широко улыбался.

Перетягивание длилось несколько секунд, мощные бицепсы шимпа вздулись, цилиндр вылетел у него из рук, и Чарли упал в пыль, едва удержавшись на краю бассейна. Он вскочил и гневно закричал.

Тошио видел еще трех «пауков», под управлением стеносов они двигались к баркасу. Каждый

нес еще по одному цилиндру. Разглядев, что Такката-Джим отобрал у Чарли, Тошио застыл. Глаза его расширились.

— Никакой опасности больше нет, — сказал ему Такката-Джим безразлично. — Эти я конфисковал. Они будут в безопасности у меня на борту и ничего не повредят.

— Они мои, ты вор! — Чарли Дарт гневно подпрыгивал, размахивая руками. — Ты преступник! Думаешь, я не знаю, что ты пытался убить Крайдайки? Мы все знаем, что это сделал ты! Ты разрушил буи, чтобы уничтожить улики! А теперь ты крадешь мое оборудование!

— Которое вы, несомненно, украли из арсенала «Стремительного». Хотите, чтобы я запросил подтверждения у доктора Баскин?

Дарт заворчал и показал внушительные зубы. Отвернулся от неодельфина и сел в пыли перед сложным ныряющим роботом, только что собранным на краю бассейна.

«Паук» Такката-Джима начал разворачиваться, но тут фин заметил, что на него смотрит Тошио. На мгновение холодное спокойствие оставило Такката-Джима. Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на Тошио.

— Не верь ничему услышанному, молодой че-

ловек, — сказал он. — Я сделал много и сделаю еще, и убежден, что поступаю правильно. Но не я причинил вред Крайдайки.

— Вы разрушили буи? — Тошио чувствовал за собой Дэнни, которая через его плечо смотрела на большого дельфина.

— Да. Но не я уссстановил ловушшшку. Как король Генри с Беккетом, я узнал об этом гораздо позже. Расскажи об этом на Земле, если тебе удастся туда добраться, а мне нет. Другой взял на себя эту инициативу.

— Кто? — Тошио сжимал кулаки.

Из дыхала Такката-Джима вырвался долгий вздох.

— Доктор Метц вырвал у Совета разрешение на участие в полете тех, кого не должно быть на борту. Он слишком торопился. У некоторых стеносов... необычное происхождение.

— Стеносы...

— Несколько стеносов! Я не из тех, с кем экспериментировал доктор Метц! Я офицер космического корабля. И заслужил свое место! — В голосе дельфина звучал вызов.

— Когда напряжение возросло почти до критического, некоторые из них обратились ко мне. Я подумал, что смогу контролировать их. Но с

одним я справиться не смог. Расскажи об этом дома, Тошио Ивашика. Расскажи, что можно превратить дельфина в чудовище. Их следует предупредить.

Такката-Джим еще раз внимательно посмотрел на него, потом «паук» повернулся и направился следом за другими к баркасу.

— Он *лжет*! — прошептала Дэнни как только «паук» удалился. — Его слова разумны и логичны, но я дрожу, когда слышу их.

Тошио смотрел вслед исчезающему «пауку».

— Нет, — сказал он наконец. — Он честолюбив и, может, сам спятил. Вероятно, он тоже предатель. Но почему-то мне кажется, что он сказал правду. Может, из гордости он еще хочет выглядеть честным.

Он повернулся, качая головой.

— Конечно, это не уменьшает опасности.

Он подошел к Чарли Дарту, который посмотрел на него с дружеской улыбкой. Тошио присел рядом с шимпом-планетологом.

— Доктор Дарт, какой они величины?

— Что, Тошио? Слушай! Ты видел этого нового робота? Я сделал его необычным. Он сможет нырнуть к основанию острова, потом сбоку пройти к большому туннелю в магме, который мы об-

наружили...

— Какой они величины, доктор Дарт? — повторил Тошио. Он с трудом сдерживал раздражение и готов был задушить шимпанзе. — Отвечайте!

Дарт быстро и виновато оглянулся, потом задумчиво посмотрел на бассейн.

— Всего около килотонны каждая, — вздохнул он. — Недостаточно, чтобы поднять большую волну в коре. — Он посмотрел невинными карими глазами. — Всего лишь крошечные атомные бомбы, честно!

70. ХИКАХИ

Необходимость оставаться незамеченной не позволяла двигаться быстрее, чем на простых санях. Это раздражало.

Больше суток отрезанная от связи, Хикахи изучала морское дно, чтобы не думать о возможной судьбе «Стремительного» и Крайдайки. Рано или поздно она узнает, что произошло. А до того беспокойство только утомит ее.

Утренний свет проникает в каньон, в котором она свернула сначала на восток, потом на север. Над головой плывут обрывки водорослей, рядом мелькают медного цвета рыбы, но скиф быстро

оставляет их позади.

Однажды она увидела что-то длинное и извилистое. Но при ее приближении оно скрылось в пещере. Нет времени, чтобы задержаться и посмотреть, однако, проплывая, она сфотографировала чудовище.

«Что же делать, если „Стремительный“ погиб?» — пришла незваная мысль.

«Вернусь к корпусу теннанинца. Я там нужна. Но тогда я буду капитаном. И прятаться на дне океана — не выход из положения. Во всяком случае, не на этой смертоносной планете.

Могу ли я сдаться?»

Если дойдет до этого, живой она галактам не сдастся. Она из тех, кто, имея необходимые данные, мог бы проложить обратный курс к брошенному флоту.

«Убедившись, что экипаж интернирован, я, возможно, попытаюсь вырваться на скифе, — подумала она. — Но, даже если вырвусь из блокады галактов, скиф вряд ли выдержит путь домой. Однако кто-то должен попытаться донести сообщение до Земли. Может, найдется способ наказать фанатиков... чтобы они дважды подумали, прежде чем снова связываться с землянами».

Хикахи понимала, что это лишь мечты. Только

через несколько тысяч лет люди и их клиенты обретут нужную силу.

Хикахи прислушалась. Какой-то звук...

Она увеличила громкость корабельных гидрофонов. Фильтры устраняли шум двигателей и волн. И до Хикахи донеслись негромкие звуки морской жизни.

— Компьютер! Проверить на следы китообразных!

Звуковой рисунок изменился. Море стихло. Однако обнаружился какой-то след.

— Увеличить дальность! — Уровень шума поднялся. И сквозь помехи она безошибочно различила крики плывущих дельфинов! Звуки отчаянной схватки.

Может, это пережившие катастрофу? Что же делать? Она хотела броситься на помощь. Но кто преследует дельфинов?

— Зззвуки двигателей! — приказала она. Но детектор подмигнул красным огнем, указывая, что в пределах досягаемости двигателей нет. Итак, дельфины не на санях.

Если попытается помочь, рискует единственной надеждой экипажа на «Морского конька». Обойти беглецов и направиться к «Стремительному», как планировалось? Трудный выбор.

Хикахи еще больше заглушила двигатели и повернула скиф на север, к едва различимым крикам.

71. ЧАРЛЗ ДАРТ

Он подождал, пока все уйдут, потом раскрыл спину своего нового робота и проверил содержимое.

Да, она на месте. Хорошо спрятана.

«Ну ладно, — подумал он. — Я надеялся на повторение эксперимента. Но и одной бомбы хватит».

72. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Мы в пути. Все на борту радуются этому.

Накануне поздно вечером «Стремительный» поднялся с океанского дна, двигатели работали на минимуме. Я была на мостике, принимая доклады финов снаружи и следя за приборами, пока не убедилась, что со «Стремительным» все в порядке. Он готов к действиям.

Эмерсон и его команда могут гордиться своей работой, хотя, конечно, найденные Томом и Тшут кольца сделали это возможным. «Стремительный» снова гудит, как космический корабль.

Мы идем на юг. Тянем за собой моноволоконный кабель, чтобы поддерживать связь с островом, оставили сообщение для Хикахи, когда она покажется.

Надеюсь, она поторопится. Быть капитаном гораздо труднее, чем я думала. Нужно убедиться, что все выполняется правильно и в должном порядке, как можно ненавязчивей, чтобы фины не чувствовали, что «старуха» нависла над ними. Мне бы хотелось пройти военную подготовку, как Том; он получил ее, пока я училась в медицинской школе.

Менее чем через тридцать часов мы доберемся до разбитого теннанинца. Свесси сообщил, что все будет готово. Между тем мы выслали разведчиков, а над нами в детекторных санях плывет Ватгасети. Его приборы показывают, что утечки почти нет и мы в безопасности.

Я отдала бы годовое жалование за то,

чтобы прямо сейчас вернулась Хикахи, или Тшут, или даже Кипиру. Раньше я не понимала, почему капитан так высоко ценит своих офицеров.

Кстати, о капитанах. Наш — просто чудо.

Крайдайки казался не в себе долгое время после выхода из лазарета. Но продолжительные разговоры с Сахотом как будто приободрили его. Не знаю, что сделал Сахот, но никогда бы не поверила, что после такого серьезного ранения можно остаться бодрым и полезным.

Когда мы поднимались, Крайдайки попросил разрешения присматривать за разведчиками и боковыми. Мне очень нужен был фин, на которого можно положиться, и я подумала, что только вид капитана подействует благотворно. Даже стеносы обрадовались, увидев его. Их недовольство моим «государственным переворотом» и ссылкой Такката-Джима, кажется, улеглось.

Крайдайки ограничен простейшими призывами на тринари, но этого достаточно. Он теперь снаружи, привязанный

к саням, наводит порядок, показывая, подталкивая и подавая пример. Если через несколько часов наши разведчики встретятся с Тшут, Крайдайки сможет вернуться на борт.

Со времени моего возвращения на консоли горит огонек. Это сумасшедшая машина тимбрими Нисс. Я заставляю его ждать. Том, наверное, не одобрил бы этого. Но силы женщины ограничены, и мне нужно поспать. Если бы дело было срочное, Нисс заговорил бы сам.

О Том, как нам нужна твоя выносливость! Возвращаешься ли ты? Может, сейчас твой маленький глайдер опускается на остров Тошио?

Кого я обманываю? После первой псибомбы мы ничего не обнаружили, только шум космической битвы, причем часть шума оттуда, где в последний раз засекли Тома. Он не пустил в ход ни одну бомбу с сообщениями. Либо решил не посылать двусмысленного сообщения, либо еще хуже.

Без данных от Тома мы не решим, что делать на борту «Морского конька»? Вз-

лететь и попытать удачи или прятаться внутри, сколько сможем?

Пусть решает Хикахи.

Джиллиан закрыла дневник и прижала палец к устройству самоуничтожения. Потом встала и выключила свет.

По пути в лабораторию она прошла мимо стасис-поля древнего трупа, который они такой ценой заполучили в Мелком скоплении. Херби, древняя загадка, привычно улыбался в свете маленькой лампочки. Тайна.

Источник неприятностей.

Избитый, в шрамах, «Стремительный» медленно шел по дну долины, двигатели работали сдержанно, негромко. В том месте, где выхлопы касались ила, поднимался темный пенистый туман.

Бугорчатый цилиндр скользил над мрачными черными хребтами и пропастями, огибал металлические острова и стены долин. Маленькие сани скользили по бокам, направляя корабль лучами сонаров.

Крайдайки снова видел свой корабль живым. Он слышал сжатые сообщения разведчиков и часовых, ответы с мостика. Подробности он не

понимал; технический жаргон сейчас ему так же недоступен, как прошлогодний снег. Но подсознательно он ощущал: экипаж контролирует ситуацию.

На глубине в пятьдесят метров, в темном тусклом свете, «Стремительный» не мог блестеть, но Крайдайки мог слушать, и он слушал, наслаждался низким гулом двигателей, представлял, что будет на корабле, когда тот снова взлетит.

: НИКОГДА СНОВА, КРАЙДАЙКИ: ТЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПОЛЕТИШЬ НА НЕМ:

Рядом плывет призрак — Кк-кп-крии, привидение из серебристых и сонарных теней. Присутствие бога не удивляет и не тревожит Крайдайки. Он ожидал его появления. Призрак плывет лениво, легко держась на уровне саней.

: ТЫ УШЕЛ ОТ НАС: НО ТЕПЕРЬ ТЫ СОЗНАТЕЛЬНО ВЫЗВАЛ МЕНЯ ИЗ ПЕСНИ: ИЗ-ЗА ДРЕВНИХ ГОЛОСОВ, КОТОРЫЕ ТЫ УСЛЫШАЛ?: ГОЛОСОВ СНИЗУ?:

: Да:

Крайдайки думает не на англике и не на тринари, но на новом языке, который изучает.

: В этом мире живет древний гнев: Я слышал его песню:

Широкий лоб бога сна отражает звездный свет.

Раскрывается его пасть. Сверкают зубы.

: И ЧТО ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ ДЕЛАТЬ?:

Крайдайки чувствует, что бог уже знает ответ.

: Исполнять свой долг: — повторяет он на языке бога.: Что еще я могу делать?:

Из глубины сна китов бог одобрительно вздыхает.

Крайдайки увеличил дальность приема своих гидрофонов. Впереди слышатся возбужденные крики — радостные звуки приветствия.

Крайдайки взглянул на сонарный дисплей саней. На пределе дальности несколько точек. Вот они соединяются с точками — разведчиками «Стремительного». Первая группа Тшут от «морского конька».

Убедившись, что поблизости никого нет, Крайдайки повернул сани в небольшой боковой каньон. Скользнул в тень скалы и выключил двигатель. Подождал, пока мимо пройдет «Стремительный». Корабль исчез за поворотом вместе с сопровождающими.

— Прощай... — он с трудом выговаривал слова англика. — Прощай... и... удачи...

Потом развернул сани и выбрался из небольшого углубления, направляясь на север, в то место, которое они оставили двадцать часов назад.

: Можешь приходить, если хочешь: — сказал он богу, отчасти созданному собственным воображением, отчасти — отражениями сонара самого Крайдайки.

Прозрачная фигура ответила:

: Я ПОЙДУ С ТОБОЙ: НИ ЗА КАКУЮ ПЕСНЮ Я БЫ НЕ ПРОПУСТИЛ ЭТОГО:

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПИЩЕВАЯ ЦЕПОЧКА

— Хозяин, я все думаю: как живут рыбы в море?
— Как люди: большие поедают маленьких.
Вильям Шекспир «Король Ричард Второй»

73. АККИ

От этого крика застыла кровь в жилах. Только чудовище может издавать такой крик. И он убегал, как от страшного чудовища.

К полудню Акки понял, что скоро все кончится.

Сердце билось часто, дышал он с трудом, кожа ныла. Аллергическая реакция на воду, казалось, усилилась из-за усталости. Она становилась все сильнее, пока он отчаянно нырял меж низких островов. Некогда гладкая, эластичная кожа превратилась в сплошную ссадину. И мозг устал так же сильно.

Несколько раз ему удавалось уходить от ловушек, которые превратили бы его в мясо. Однажды, отскочив от сонарного отражения, он чуть не попал в зубы Кта-Джона. Гигант улыбнулся и нацелил лазерное ружье, а Акки в панике бежал. И спасся он не благодаря своей быстроте или хитрости. Он понял, наконец, что враг пока только играет.

Он надеялся уйти на север, к острову Тошио, но теперь гонка идет в другом направлении, и север для него потерян. Если он дождется заката...

Нет. Я столько не продержусь. Пора кончать».

Снова послышался ужасный охотничий клич. От него словно свернулась вода.

Большая часть усталости Акки возникает от этого животного страха. Что за дьявол его преследует?

Чуть раньше ему показалось, что он слышит вдали другой клич. Похоже на поисковый крик турсиопы. Но, вероятно, это игра воображения. Что бы ни происходило на «Стремительном», вряд ли оттуда отправят на его поиски. А если даже отправят, разве можно найти его в этом обширном океане?

Но он все же послужил «Стремительному», отвлекая Кта-Джона, уводя его от корабля, где бы

тот мог сильнее навредить.

«Надеюсь, Джиллиан и Хикахи вернутся и все исправят, — подумал он. — Я в них уверен».

Он негромко дышал в тени скалы. Кта-Джон, конечно, знает, где он. Это лишь вопрос времени, когда ему наскучит охота и он придет за добычей.

«Я теряю силы, — подумал Акки. — Надо кончать, пока есть надежда — пусть это всего лишь возможность выбора момента».

Он проверил заряд батарей доспехов. Можно сделать два выстрела из режущего факела. Да и то на очень небольшом расстоянии, а ружье Кта-Джона, несомненно, заряжено полностью.

Высокий крик прозвучал снова, насмешливый, холодящий кровь.

«Ну, ладно, чудовище. — Акки стиснул зубы, чтобы не дрожать. — Держи лошадей. Я иду».

74. КИПИРУ

Кипиру летел на северо-восток, на звуки схватки, которые слышал всю ночь. Быстро плыл по поверхности, изгибался, ныряя. Проклинал тяжесть доспехов, но бросать их не помышлял.

Снова проклинал свое невезение. И в его санях,

и в санях Моки иссякла энергия, и их пришлось оставить.

Входя в лабиринт островков, он впервые отчетливо услышал охотничий клич.

До сих пор он мог успокаивать себя, что ему просто почудилось, что расстояние или какое-то необычное отражение искажают звуки.

Крик отразился от металлических островов. Кипиру развернулся: на мгновение показалось, что его преследует стая охотников.

Потом другой звук, храбрый и слабый скрежет отдаленного тринари. Кипиру двинул челюстью, определяя направление, и поплыл изо всех сил.

Он пробирался через лабиринт, мощно сокращая и расслабляя мышцы. Услышав звонок дыхателя, он откинул это глупое устройство и продолжал плыть по поверхности, делая вдох во время каждой дуги перед нырянием.

Он оказался в дельте нескольких узких проливов и остановился в замешательстве.

Куда? Поворачивался, пока снова не уловил охотничий крик. Потом — ужасный скрежещущий звук. Крик боли и гнева и мягкое гудение доспехов. Еще один негромкий выкрик на тринари и ответный дикий крик и скрежет.

Кипиру поплыл еще быстрее. Это совсем

близко! Он мчался, не думая о резервах, когда послышался последний вызывающий возглас:

Ради чести

Калафии.

Голос смолк, его заглушил вопль дикого торжества. И наступило молчание.

Кипиру потребовалось пять минут лихорадочного метания по узким проливам, чтобы отыскать поле битвы. Привкус воды подсказал, что уже поздно.

Он застыл, не входя в узкую долину между тремя островами. Над головой плыли водоросли.

В центре долины стояло облако красной пены, красные струйки уплывали по течению. В обрывках доспехов, частично съеденное, плавает брюхом вверх тело молодого дельфина amicus. Гигантский дельфин рвет его своими окровавленными челюстями.

Гигантский дельфин? Как он не замечал этого раньше, сразу после вылета с Земли? Прикрепляя свежий дыхатель, Кипиру наблюдал за убийцей.

«Взгляни на эти оценки, — говорил он себе. — На короткие челюсти, большие зубы, короткий и острый спинной плавник.

Только послушай его!»

Кта-Джон удовлетворенно хмыкнул, отрывая кусок тела Акки. Гигант как будто даже не замечал длинного ожога на боку или кровоподтека на том месте, куда пришелся последний отчаянный удар Акки.

Кипиру понимал, что чудовище знает о его присутствии. Кта-Джон лениво проглотил, потом поднялся на поверхность за воздухом. Спустившись, он посмотрел прямо на Кипиру.

— Ну, пилот? — довольно спросил он.

Кипиру ответил на англике, хотя дыхатель мешал ему.

— Я имею дело с одним чудовищем, Кта-Джон, но твоя деградация бросает тень на всю нашу расу.

Кта-Джон насмешливо фыркнул:

— Ты думаешь, я деградировал, как этот жалкий стенос Моки, да, пилот?

Кипиру только покачал головой, не в состоянии высказать свое мнение по поводу теперешнего состояния боцмана.

— Может ли деградировавший дельфин так хорошо говорить на англике? — насмехался Кта-Джон. — Или мыссслить так логично? Может ли подобная особь чистого стеноссса или даже турсиопы так решительно преследовать добычу...

и с таким удовольсствием?

— Правда, напряжение последних дней что-то высвободило во мне. Но неужели ты слушаешь меня и можешь назвать таким словом?

Кипиру взглянул на розовую пену на коротких мощных челюстях. Труп Акки медленно отплывал по течению.

— Я знаю, кто ты, Кта-Джон. — Кипиру перешел на тринари:

Холодная вода кипит,
Когда ты кричишь
Красночелюстной голод
Заполняет твои сны.
Гарпуны убивают
Китов,
Сети Ики
Ловят нас
Но тебя одного
Мы боимся ночами
Тебя одного —
Касатка!

Кта-Джон довольно хлопнул челюстями, словно принимая посвящение в рыцари. Он поднялся

наверх и вернулся на несколько метров ближе к Кипиру.

— Я догадался об этом недавно. Я результат одного из экспериментов нашего любимого патрона — человека Игнасио Метца. Несмотря на всю свою глупость, этот дурак совершил один очень важный поступок. Другие его подопытные деградировали или сошли с ума. Но я — это успех...

— Ты — несчастье! — крикнул Кипиру, дыхатель помешал ему воспользоваться более подходящими выражениями.

Кта-Джон подплыл еще на несколько метров, невольно заставив Кипиру попятиться. Гигант снова остановился; он удовлетворенно щелкал.

— Неужели, пилот? Можешь ли ты, простой поедатель рыбы, понять тех, кто выше тебя? Можешь ли судить моих предков, которые находились на вершине пищевой цепочки в океане? И поступали с твоими предками так, как они того заслуживают?

Кипиру почти не слышал его, видя, как сокращается расстояние между ними.

— Ты сслишком высссокомерен. У тебя всего несколько генов от...

— Я — КАСАТКА! — закричал Кта-Джон. Крик его прозвучал как торжественный призыв горна.

— Внешность ничто! Мозг и кровь имеют значение. Слушай и не смей меня опровергать!

С пушечным грохотом захлопнулись челюсти Кта-Джона. Боцман испустил охотничий клик, и Кипиру под действием ударной волны почувствовал инстинктивное желание спрятаться или умереть.

Но он сопротивлялся. Заставил себя принять независимую позу и вызывающе ответить:

— Ты деградировал, Кта-Джон! Хуже того, ты мутант без всяких наследников. Эксперимент Метца не удался. Неужели ты думаешь, что настоящая касатка поступила бы так, как ты? Касатки охотятся на невозделанных дельфинов на Земле, но никогда не делают этого, если сыты. Подлинный кит-убийца не убивает по злобе!

Кипиру испражнился и погнал фекалии ударами плавников в сторону гиганта.

— Ты неудачный эксперимент, Кта-Джон! Ты говоришь, что сохраняешь логику, но теперь у тебя нет дома. А когда мой отчет дойдет до Земли, твою генетическую плазму выльют в канализацию! Твоя линия прервется так же, как и у других чудовищ.

Глаза Кта-Джона сверкнули. Он охватил Кипиру лучом сонара, словно запоминая каждый

изгиб тела будущей добычи.

— А почему ты сссчитаешь, что тебе удастся сделать от-тчет? — просвистел он.

Кипиру улыбнулся.

— Все очень просто. Ты искалеченное безумное чудовище, чья тупая морда вырезана из картона, чья мужественность нравится только решетке бассейна, потому что дает только грязную жидкость...

Гигант снова закричал, на этот раз гневно. Когда Кта-Джон бросился на него, Кипиру увернулся и ушел в боковой пролив, едва ускользнув от мощных челюстей.

Продираясь сквозь густые водоросли, Кипиру поздравил себя с успехом. Насмешками заставив Кта-Джона перейти к вендетте, он одновременно вынудил его забыть о доспехах... и о лазерном ружье. Кта-Джон явно намерен убить Кипиру так же, как Акки.

Кипиру уходил, всего на корпус опережая мутанта.

«Пока хорошо», — думал он, скользя мимо сверкающих оконечностей металлического острова.

Но оторваться от преследователя оказалось трудно. И грозные челюсти не раз заставили Кипиру усомниться в мудрости избранной им

стратегии. Погоня продолжалась, а день был на исходе. И когда солнце село, гонка еще продолжалась.

В темноте она превратилась в соревнование умов и звуков.

Ночные обитатели архипелага бежали в панике, когда два незнакомых чудовища проносились по пересеченным проливам, оставляя полосы пузырей. Пролетая, они оглашали глубины потоками звуков, соединением изображений и ярких иллюзий. Местные рыбы, даже гиганты, уносились прочь из этой акватории, оставляя поле битвы чужакам.

Причудливая игра изображений и звуков, обманов и неожиданных засад продолжалась.

Кипиру выскользнул из узкого илистого пролива и прислушался. Уже на протяжении часа до него не доносился охотничий клич, но это ничего не означало. Кипиру представил себе окружающую местность по доходившим до него отражениям; он знал, что некоторые из них — искусный обман. Гигант где-то поблизости, он использует свой превосходный сонарный орган, чтобы каждый раз искажать картину отражений.

Кипиру пожалел, что ничего не видит. Полуночные тучи погрузили все во тьму. Только слабо фосфоресцирующие растения освещали море.

Кипиру поднялся на поверхность, чтобы вдохнуть, и посмотрел на серебристые нижние облака. Шел мелкий дождь, островная растительность шумела и раскачивалась.

Кипиру сделал несколько вдохов и снова опустился. Вниз, туда, где неизбежна битва.

Фантомы плыли по проливам. Псевдоэхо показывало проход прямо на севере, но Кипиру, тщательно рассмотрев его, решил, что это иллюзия.

Точно такой же ложный проход недавно чуть не обманул его; он слишком поздно начал поворачивать и ударился о покрытую водорослями металлическую стену острова. Избитый, он с трудом выбрался из путаницы стеблей как раз вовремя, чтобы избежать тарана. Огромная морда Кта-Джона проскочила всего в нескольких дюймах от него. Вдогонку ему раздался выстрел из лазерного ружья. Кипиру обожгло левый бок. Ужасно больно.

В тот раз только лучшая маневренность спасла его. Он нашел убежище и закачался на волнах боли.

Со временем он смог бы, наверно, уйти от псевдокасатки. Но время играет на руку Кта-Джону. Тот целиком посвятил себя ритуальной охоте и ни о чем другом не помышлял. Он не собирался возвращаться к цивилизации. Он хотел только, чтобы Игнасио Метц защитил на Земле его право на потомство. И поэтому старался обезвредить Кипиру.

Но у Кипиру были обязанности на борту. А «Стремительный» не станет его ждать, если появится возможность уйти.

«На самом ли деле я так стараюсь уйти?» — подумал он.

Кипиру нахмурился и замотал головой. Два часа назад он был почти уверен, что потерял Кта-Джона. И вместо того чтобы бежать, повернул назад под каким-то предлогом, которого уже не помнил, и снова отыскал запах-звук гиганта. Враг тоже почуял добычу. Через несколько мгновений прозвучал охотничий клич, и мутант снова устремился за ним.

«Почему я это сделал?»

На мгновение мелькнула мысль... правда... Но Кипиру отбросил ее. Враг приближается. Кипиру едва ощутил приток адреналина, который заставил его забыть боль от ушибов и ожога.

Иллюзии исчезли, рассеявшись, как туман, превратившись в постоянные щелчки и шепот. Мощно ударяя по воде плавниками, гигант вошел в пролив ниже Кипиру. Кта-Джон поднялся к поверхности, показав белые пятна на животе, потом проплыл мимо ниши Кипиру, выпуская перед собой луч сонара.

Кипиру подождал, пока чудовище пройдет мимо, потом сам поднялся на поверхность. Пять раз неслышно вдохнул, потом погрузился, не шевеля плавниками.

Чудовище находилось в десяти метрах. Кипиру не шевелился. Кта-Джон поднялся и снова вдохнул. Но когда он начал опускаться, Кипиру послал поток щелчков, который отразился от двух металлических холмов за проливом.

Полукасатка быстро развернулась и пошла налево, гонясь за иллюзией. Кта-Джон прошел почти под Кипиру.

Как глубинная бомба, Кипиру носом упал на врага.

Но у того оказалось невероятное чутье, хотя Кипиру держался неестественно тихо. Кта-Джон услышал что-то за собой и, успев развернуться, как дервиш, приподнялся в воде вполоборота к Кипиру.

Угол для удара неудобный. Навстречу развернулись огромные челюсти и лазерное ружье. Попытка бежать означает получить залп из лазера.

Вдруг в сознании Кипиру всплыл один эпизод. Он вспомнил, как инструктор по тактике в академии рассказывал о преимуществах неожиданности.

> ...У нас, как разумных землян, это единственное и уникальное оружие в арсенале, которое другие не могут скопировать...

Кипиру еще сильнее увеличил скорость и оказался перед Кта-Джоном, брюхо к брюху. Он улыбнулся.

Кто может отказать
Внимательному поклоннику —
Потанцуем!

Взвыли доспехи Кипиру, и три механические руки схватили Кта-Джона и зажали его на месте.

Ошеломленный экс-боцман в гневе закричал и щелкнул челюстями, пытаясь схватить Кипиру, но не смог дотянуться. С помощью массивных

плавников он пытался высвободиться, но хвост Кипиру дублировал движения соперника, удерживая их на месте.

Кипиру почувствовал эрекцию и обрадовался ей. В эротических играх молодых самцов более сильный обычно исполняет мужскую роль. Кипиру ткнулся в Кта-Джона и услышал отчаянный возмущенный вопль.

Гигант дергался и извивался, бил хвостом, бросался в разных направлениях, заполняя воду своими воплями. Кипиру прочно держал его, понимая, какими будут следующие действия Кта-Джона.

Полукасатка боком двигалась к крутой стене острова. Кипиру продолжал держать Кта-Джона. Тот уже готов был ударить его о стену, прижать своим телом. Но тут Кипиру неожиданно изогнулся и бросил весь свой вес в одну сторону.

Хотя Кта-Джон и был гигантом, подлинной касаткой он не был. Кипиру весил достаточно, чтобы развернуть их обоих непосредственно перед столкновением. Правый бок Кта-Джона ударился в рваный металлический край, и за ним потянулась полоса кровавых пузырей.

Кта-Джон плыл, ошеломленно качая головой и оставляя за собой кровавое облако. На мгновение

гигант потерял интерес ко всему, кроме воздуха. Он поднялся на поверхность и задышал.

«Вскоре и мне понадобится воздух, — понял Кипиру. — Но сейчас время ударить!»

Он откинулся, пытаясь привести в действие свой режущий факел.

Но он застрял! Застрял в доспехах Кта-Джона! Кипиру тащил и не мог высвободить его.

Кта-Джон смотрел на него.

— Теперь тттвоя очередь, маленький дельфин, — улыбнулся он. — Ты зажал меня здесь. И мне теперь остается только удерживать тебя под водой. Будет интересно, когда ты запросишь воздуха!

Кипиру захотелось выругаться, но нужно было беречь силы. Он пытался перевернуть Кта-Джона на спину, чтобы самому добраться до поверхности. Она всего в нескольких метрах над ним. Но Кта-Джон предотвращал каждую его попытку.

«Думай, — сказал себе Кипиру. — Я должен думать. Если бы я лучше знал кининк. Если бы...»

Легкие его горели. Он чуть не испустил крик тревоги на праймале.

Он помнил, когда в последний раз ему хотелось перейти на праймал. Вспомнил голос Тошио, насмешливый, успокаивающий. Вспомнил клятву умереть, но не опуститься на уровень живот-

ного.

«Конечно! Я глупая рыба-переросток! Почему я не думаю?»

Вначале он послал по нервной связи команду выбросить факел. Потом привел в движение механические руки.

Тот, кто выбирает
Возврат,
Не нуждается ни в космосе,
Ни в орудиях астронавта.

Клешней он схватил нервное гнездо в височной части головы Кта-Джона. Глаза чудовища расширились, но, предваряя его попытку напасть, Кипиру вырвал гнездо, стараясь как можно сильнее ранить противника. Враг взвыл от боли, и Кипиру выдернул кабель, сделав бесполезными доспехи Кта-Джона.

Механические руки Кта-Джона, бившиеся под ним, застыли. Негромкое гудение лазерного ружья стихло. Кта-Джон выл и бился.

Броски мутанта на мгновение вынесли их на поверхность. Кипиру глотнул воздуха. С шумом они снова погрузились, и Кипиру перенес захват на доспехи противника. Он держал их двумя механическими руками.

— Сейчас мы... — пробормотал он, готовясь привести в действие третью руку и разорвать врага.

Но Кта-Джон рывком сумел высвободиться. Кипиру взлетел в воздух и с громким плеском упал по другую сторону узкой отмели.

Отдуваясь, они смотрели друг на друга через мель. Потом Кта-Джон щелкнул челюстями и развернулся в поисках прохода. Погоня возобновилась.

На рассвете всей дипломатии пришел конец. Никакого изящества звуковых иллюзий, никаких насмешек. Кта-Джон со свирепой одержимостью преследовал Кипиру. Казалось, он не испытывал усталости. Потеря крови только усилила его ярость.

Кипиру уходил в узкие проливы, некоторые не глубже двенадцати дюймов, пытаясь довести раненую псевдокасатку до изнеможения. О бегстве он и не помышлял. Битва шла не на жизнь, а на смерть.

Но Кта-Джон, казалось, не знал усталости.

Охотничий клич эхом отдавался в проливах. Чудовище совсем близко.

— Пилотттт! Почему ты сссопротивляешься? Ты ведь знаешь, что пищевая цепочка на моей ссстороне!

Кипиру мигнул. Как может Кта-Джон связывать это с религией?

До возвышения концепция пищевой цепочки, как некой мистической иерархии, была в центре мировоззрения китообразных, частью «сна китов».

Кипиру во всеуслышание провозгласил:

— Кта-Джон, ты сошел с ума. То, что Метц снабдил тебя несколькими зиготами касатки, не дает тебе права пожирать всех!

В старину люди часто удивлялись, почему дельфины и большинство китов остаются дружески настроенными к ним даже после того, как люди чуть не истребили их полностью. Когда люди начали размещать дельфинов и касаток в соседних бассейнах океанских парков, они кое-что начали понимать. Они, к своему изумлению, обнаружили, что дельфины перепрыгивают через барьер, чтобы плавать вместе с китами-убийцами... пока касатки не голодны.

Дельфин не может обвинять представителя другого вида, другой расы, если тот его убивает, но при этом стоит выше в пищевой цепочке. На протяжении столетий китообразные просто воспринимали как факт, что человек — высшее звено в этой цепочке, и возмущались только

самыми бессмысленными убийствами.

Люди раскаялись в содеянном, когда узнали об этом кодексе чести.

Кипиру, уверенный, что Кта-Джон засек его по последнему обмену словами, скользнул в открытый пролив, чтобы укрыться.

Что-то вокруг показалось ему знакомым. Он не понял, но в воде ощущался какой-то привкус. Привкус дельфиньей смерти.

Есть — быть съеденным

Укусить — быть укушенным

Отплатить морю

Приди и накорми меня!

Слишком близко. Голос Кта-Джона, выкрикивающий религиозные святотатства, слишком близок. Кипиру направился к расселине, чтобы укрыться, и неожиданно остановился. Привкус смерти стал всепоглощающим.

Кипиру стал приближаться медленнее и остановился, увидев висящий в водорослях скелет.

— Хист-т! — вздохнул он.

Дельфин-астронавт пропал в тот первый день, когда волна выбросила на берег Хикахи, а он вел себя как дурак. Тело было съедено стервятниками. Причина смерти непонятна.

«Я знаю, где я...» — подумал Кипиру. И в этот момент снова прозвучал охотничий клич. Близко! Очень близко!

Он повернулся и поплыл назад по проливу, увидел движение, увернулся, пропуская мимо огромное тело. Волна от гигантских плавников отбросила его в сторону.

Кипиру изогнулся и начал уходить, хотя бок заныл, словно было сломано ребро. Он крикнул:

За мной — регрессировавший мошенник!

Я знаю — пора тебя накормить.

Кта-Джон взревел в ответ и бросился за ним.

Вот их разделяет два корпуса, вот только один, вот половина. Кипиру знал, что в его распоряжении мгновения. Зияющие челюсти сразу за ним.

«Где-то здесь, — подумал он. — Должно быть здесь!»

Тут он увидел расселину и узнал это место.

Кта-Джон взревел, видя Кипиру в ловушке перед островом.

Медленно, медленно

или быстро, быстро —

Пора кормить меня — кормить меня!

— Я тебя скормлю, — выдохнул Кипиру, ныряя в каньон с узкими стенами. По обе стороны, как от прилива, раскачивались водоросли.

Пойман! Пойман!

Ты мой...

Кта-Джон удивленно закричал. Кипиру выскочил на поверхность, стараясь опередить ветви. Вынырнул и глубоко вдохнул, держась ближе к стене.

Закипела и вспенилась вода. Кипиру смотрел и слушал: Кта-Джон сражался в одиночку, без доспехов и воздуха, вырывал клочья водорослей челюстями, бился, а они плеть за плетью окутывали его огромное тело.

Кипиру тоже был занят. Он заставлял себя сохранять спокойствие и пользовался только доспехами. Сильные клешни механических рук разрезали плети, тянувшиеся к нему. Чтобы мыслить на англике, он повторял таблицу умножения, расправляясь со стеблями поодиночке.

Полукасатка посылала в небо потоки воды и обрывков растений. Поверхность покрылась розово-зеленой пеной. Вызывающе прозвучал охотничий клич.

Но проходили минуты. Все реже тянулись нити

к Кипиру. Все больше и больше опускалось их на борющегося гиганта. Снова послышался охотничий крик, уже слабее, и теперь в нем звучало отчаяние.

Кипиру смотрел и слушал. Битва начала стихать. И его охватила странная печаль, он словно жалел о таком конце.

Я ведь сказал — я тебя скормлю...

И он медленно запел умирающему существу внизу:

Но не сказал, кому —
Кому я тебя скормлю...

75. ХИКАХИ

С ночи она искала укрывшихся в убежище, вначале медленно и осторожно, потом с возрастающим отчаянием. Наконец, забыв об осторожности, послала сонарный луч.

Ничего! Где-то были фины, но они не реагировали!

Только углубившись в лабиринт проливов, она уловила звук. И тут поняла, что один из финов безумен, что оба они заняты ритуальным едино-

борством и отгородились от всей вселенной до завершения битвы.

И это больше всего ошеломило Хикахи. Ритуальное единоборство? Здесь? Какое отношение это имеет к молчанию «Стремительного»?

У нее было нехорошее предчувствие, что единоборство будет идти не на жизнь, а на смерть.

Она поставила сонар на автоматику и предоставила скифу возможность идти самостоятельно. Немного поспала, переведя сначала одно полушарие, потом другое в альфа-ритм, а маленький корабль скользил по узким проливам, держа курс на северо-восток.

Ее разбудил громкий звонок. Скиф остановился. Инструменты показывали, что впереди, у самой стены острова, китообразное. Медленно плывет на запад.

Хикахи включила гидрофоны.

— Кто ты? — загремел в воде голос. — Немедленно приблизься!

Послышался слабый звук, усталый свист:

— Сюда, идиот! На мой голос!

Что-то показалось в узком проливе между островами. Хикахи включила прожекторы. Серый дельфин замигал в ярком свете.

— Кипиру! — ахнула Хикахи.

Тело пилота в синяках, сильный ожог на боку, но он тем не менее улыбнулся.

Ах, мягкие дожди —
Дорогая, ты пришла
И спасла меня...

Улыбка погасла, как залитый костер, глаза закатились. И потерявшее сознание тело чисто инстинктивно поднялось на поверхность и плыло, пока Хикахи не приблизилась к нему.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
«ТРОЯНСКИЙ МОРСКОЙ КОНЕК»

Черные полумесяцы поднимаются
Из воды, где начинается полусвет,
Куда они идут, к каким берегам,
Дельфины? Дельфины?
Хэмиш Макларен

76. ГАЛАКТЫ

Би Чохуан проклинала скупость своих начальников.

Если бы Синтианское Верховное Командование послало наблюдать за битвой фанатиков материнский корабль, она смогла бы приблизиться во флиттере — они достаточно малы и можно было рассчитывать остаться незамеченной. А так она вынуждена пользоваться большим кораблем, чтобы проходить через пункты перехода и гиперпространство. Но он слишком большой, чтобы незаметно подобраться к сражающимся, и в то же время слишком мал и слаб, чтобы успешно защищаться.

Она чуть не выстрелила в крошечный шар, который показался из-за астероида и подкрался к ее убежищу. Но вовремя узнала разведчик вазуна. Нажала кнопку, открывающую шлюз, но вазун держался на расстоянии, посылая серию лазерных сигналов.

«Ваша позиция раскрыта, — сообщали сигналы. — Снаряды приближаются...»

Би изрыгала самые страшные проклятия. Каждый раз, как только она приближается настолько, чтобы послать сообщение землянам, ей приходится бежать от какого-то параноидально-случайного щупальца битвы.

— Быстрее возвращайся на борт! — прощелкала она приказ вазуну. И так погибло уже слишком много этих малышей.

— Ответ отрицательный. Беги, Би. Вазун отвлечет...

Би рявкнула от такого неповиновения. Три оставшихся на полке вазуна съежились и уставились на нее большими глазами.

Шар-разведчик полетел в ночь.

Би закрыла шлюз и включила двигатели. Осторожно пробиралась между глыбами первобытных скал, подальше от опасного района.

«Слишком поздно, — подумала она, глядя на

приборы слежения. — Снаряды приближаются слишком быстро».

Неожиданная вспышка сзади рассказала ей о судьбе маленького вазуна. Усы Би взъерошились, она думала о том, как сведет счеты с фанатиками при первой же возможности.

Тут появились снаряды, и она оказалась слишком занята даже для таких приятных мыслей.

Два снаряда она превратила в пар своей пушкой, стреляющей заряженными частицами. Два других выстрелили в нее, но их лучи отразили защитные поля корабля.

«Эх, земляне, — размышляла она. — Вы даже не узнаете, что я была здесь. Вам кажется, что вселенная забыла о вас.

Но не останавливайтесь, волчата. Сражайтесь! Рычите на преследователей! А когда отказывает оружие — кусайтесь!»

Би уничтожила еще четыре снаряда, но пятый разорвался слишком близко, отправив ее разбитый горящий вращающийся корабль в пыльную галактическую тьму.

77. ТОШИО

Ночь влажная, время от времени накрапывает дождь. Широкие гладкие листья неуверенно раскачиваются на ветру, который дует отовсюду, словно не может выбрать направление. Когда две маленькие китрупские луны пробиваются сквозь облака, глянцевитая листва начинает блестеть.

На крайней южной оконечности острова грубая тростниковая крыша пропускает дождь медленными ручейками. Капли падают на корпус маленького космического корабля. Вода собирается лужицами на его поверхности, потом стекает. К стуку капель по крыше присоединяется шум воды, текущей по глине под цилиндрической машиной.

Ручейки огибают гребни поля стасиса. Текут, оставляя следы, по иллюминаторам, темным или светлым в перемежающемся свете лун.

Ручейки находят щели вокруг шлюза, и вода капает на поверхность.

Послышалось негромкое механическое гудение, чуть громче шума дождя. Щели вокруг немного расширились. Соседние ручейки устремились в новые русла. Под люком образовалась

лужа.

Дверь немного приоткрылась. Ручейки словно стремились ворваться в корабль. Поток устремился из нижней щели. Он обрушился на поверхность, потом так же неожиданно прекратился.

С глухим вздохом бронированный щит отошел в сторону. Несколько капель дождя упало в отверстие.

На пороге, не обращая внимания на дождь, стояла темная фигура в шлеме. Она посмотрела налево, направо, потом вышла и зашлепала по луже. Люк снова закрылся с гудением и негромким щелчком.

Фигура склонилась в поисках тропы.

Дэнни села, услышав звук шагов. Прижав руку к груди, она прошептала:

— Тошио?

Клапан палатки откинули. На мгновение показалась темная фигура. Негромкий голос произнес:

— Да, это я.

Пульс Дэнни начал замедляться.

— Я боялась, что это кто-то другой.

— А кого ты ждала, Дэнни? Чарли Дарта? Думаешь, он пришел похитить тебя? А может, одного из кикви? — Он посмеивался, но не мог скрыть

напряжения в голосе. Снял комбинезон и шлем и повесил у двери. Потом залез в свой спальный мешок.

— Где ты был?

— Нигде. Спи, Дэнни.

Дождь продолжал неровно стучать. Дэнни сидела, глядя на Тошио в слабом свете, который пробивался сквозь дверь. Она видела только белки его глаз, которые словно смотрели в пустоту.

— Пожалуйста, Тош, расскажи мне. Когда я проснулась, а тебя в спальном мешке не оказалось... — Она смолкла, и он повернулся взглянуть на нее. Перемена, происшедшая с Тошио Ивашика за последние несколько недель, заметнее всего была в напряженном выражении глаз.

Наконец он ответил:

— Ну, ладно, Дэнни. Я просто ходил к баркасу. Забрался внутрь и огляделся.

Сердце Дэнни опять забилось чаще. Она начала было говорить, запнулась, потом справилась с собой:

— Разве это не опасно? Я хочу сказать: невозможно предугадать реакцию Такката-Джима! К тому же он действительно предатель.

Тошио пожал плечами.

— Мне и нужно было узнать кое-что еще.

— Но как ты смог попасть туда и ускользнуть так, чтобы тебя не поймали?

Тошио приподнялся на локте. Она увидела, как он улыбается.

— Гардемарин иногда знает то, чего не знает старший офицер, Дэнни. Особенно, если это касается укрытий на корабле. Когда наступает свободное время, всегда найдется пилот или лейтенант, который придумает занятие для праздных рук или плавников... подучить астрогацию или правила протокола, например. Мы с Акки прятались в трюме баркаса. Научились открывать люк, не подавая сигнал в контрольную рубку.

Дэнни покачала головой.

— Хорошо, что ты не сказал мне, куда идешь. Я умерла бы от беспокойства.

Тошио нахмурился. Опять Дэнни становится похожа на его мать. Она по-прежнему не хотела уходить, оставив его на острове. Тошио надеялся, что больше она об этом не заговорит.

Она легла на бок, подложив под голову руку и продолжая смотреть на него. Немного подумала, потом прошептала:

— Что ты нашел?

Тошио закрыл глаза.

— Тебе все равно нужно знать, — сказал он. — Ты должна рассказать Джиллиан, если я не смогу связаться с ней утром. Я узнал, что делает Такката-Джим с бомбами, которые отобрал у Чарли. Он хочет использовать их в качестве топлива для баркаса.

Дэнни замигала.

— Но... но что мы можем сделать?

— Не знаю! Не знаю даже, должны ли мы что-то делать. В конце концов, через пару недель его аккумуляторы и так зарядятся, и он сможет взлететь. Может, Джиллиан все равно. С другой стороны, возможно, это очень важно. Я пока еще не решил. Может, придется что-то сделать...

Он видел частично разобранные бомбы через окно в двери лаборатории баркаса. Добраться до них гораздо труднее, чем просто посмотреть.

— Что бы ни случилось, — успокаивал он, — я уверен, все будет в порядке. Проверь утром, все ли твои записи упакованы. Данные о кикви — вторые по ценности в нашей безумной одиссее, и мы должны их доставить. Ладно?

— Конечно, Тош.

Он лег на спину. Закрыл глаза и спокойно задышал, изображая сон.

— Тошио?

Молодой человек вздохнул.

— Да, Дэн...

— Гм, я насчет Сахота. Он уходит, только чтобы сопровождать меня. Иначе, я думаю, ты столкнулся бы с мятежом.

— Знаю. Он хочет остаться и слушать эти свои подземные «голоса». — Тошио потер глаза, удивляясь, почему Дэнни не дает ему уснуть. Он уже выслушивал назойливые просьбы Сахота.

— Не отметай их так просто, Тош. Он говорит, что Крайдайки тоже их слушал, и ему пришлось прервать связь, чтобы вывести капитана из транса, эти голоса завораживают.

— Капитан теперь — калека с поврежденным мозгом. — Слова звучали горько. — А Сахот — эгоцентричный и ненадежный...

— Я тоже так считала, — прервала его Дэнни. — Он меня пугал, пока я не поняла, что он мил и совершенно безопасен. Но даже если у этих двух финов галлюцинации, остаются мои исследования об этих металлических островах.

— Мммф, — сонно заметил Тошио. — А что именно? То, что они живые?

Дэнни поморщилась от такого пренебрежения.

— Да, а также необыкновенная экониша деревьев-сверл. Тошио, я провела анализ на своем

карманном компьютере, и есть только одно решение! Стволы деревьев-сверл — часть единого организма, организма, который начало жизненного цикла проводит на поверхности, внешне напоминая коралловую колонию, а потом опускается в подготовленную деревом-сверлом яму...

— И вся эта хитроумная адаптация и трата энергии — только чтобы выкопать себе могилу? — вмешался Тошио.

— Нет! Не могилу! Канал! Металлический остров — это только начало жизненного цикла существа... личиночная стадия. Его взрослая жизнь внизу, под тонкой корой планеты, где конвективные потоки магмы дают достаточно энергии для металлоорганической формы жизни!

Тошио честно пытался слушать, но мысли все время рассеивались — бомбы, предатели, тревога об Акки, его пропавшем товарище, и о человеке где-то к северу от них, который заслуживает, чтобы его кто-то ждал — когда он наконец вернется на этот остров.

— ...я только не понимаю, как могла возникнуть такая форма жизни! Никаких промежуточных форм, никаких следов предшественников, никаких упоминаний в Библиотеке о Китрупе... а ведь это настолько уникальная форма жизни, что

заслуживает упоминания!

— М-м-м...

Дэнни посмотрела на Тошио. Он закрыл рукой глаза и спокойно дышал, словно засыпая. Но она видела, как быстро пульсирует жилка у него на виске, через равные промежутки Тошио сжимал другую руку в кулак.

Она лежала, глядя на него в полутьме. Хотела схватить и потрясти, заставить слушать.

«Чего я к нему пристаю? — неожиданно спросила она себя. — Конечно, это важно, но все это интеллектуальный бред, а Тошио в ответе за нашу часть мира. Он так молод, но уже несет бремя бойца.

Что я чувствую к нему?»

Ощущение внизу живота подсказывало.

«Я пристаю к нему, чтобы привлечь его внимание.

Мне нужно его внимание, — поправила она себя. — Как всегда неуклюже, я пытаюсь ему помочь...»

Нервничая, она осознала собственную глупость.

«Если я старше его и не понимаю себя, как я могу ждать, что он разберется?» — поняла она наконец.

Она протянула руку. Рука коснулась черных волос, длинными влажными прядями закрывавших его виски. Дрожа, она снова прислушалась к себе и поняла, что ее удерживает только страх быть отвергнутой.

Как будто по собственной воле, рука коснулась щеки Тошио. Юноша вздрогнул, повернулся и посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Тошио, — она сглотнула. — Мне холодно.

78. ТОМ ОРЛИ

Когда наступило относительное затишье, Том мысленно записал:

«Запомнить раз и навсегда — нельзя трогать осиное гнездо».

Он держал во рту один конец импровизированной трубки для дыхания. Другой конец под видом сломанного стебля выступал над поверхностью. К счастью, на этот раз не приходилось втягивать слишком много воздуха: помогала дыхательная маска. В этом месте в воде растворено больше кислорода.

Над головой снова скрестились лучи оружия, доносились крики идущей рядом войны. Дважды вода вздрогнула от близких взрывов.

«По крайней мере сейчас не страшно, что я испекусь от снарядов, — утешал он себя. — Все, что у них есть, только ручное оружие».

Том иронично усмехнулся. «Ручное оружие».

В первой засаде он прикончил двух танду прежде, чем они смогли снять со спины свои ружья, заряженные частицами. Ему даже удалось ранить мохнатого эписиарха, а потом нырнуть в отверстие в водорослях.

Но он едва успел. На левой ноге ожог второй степени от близко прошедшего луча. В последний момент он увидел, как поднимается эписиарх, голова его окружена, как нимбом, светящимся ореолом нереальности. Тому показалось, что сквозь дрожащий свет он увидел звезды.

Танду не смогли удержаться на своей тропе, которая начала дико изгибаться. Вероятно, это повлияло на их хваленую меткость и спасло ему жизнь.

Как Том и ожидал, мстительные танду, охотясь, двинулись на запад. Он время от времени выглядывал, чтобы поддерживать их интерес.

Но потом, когда он плыл от одного отверстия в водорослях к другому, сражение наверху продолжалось без него. Он слышал звуки битвы и понял, что его преследователи столкнулись с другим

отрядом ити.

И Том уплыл под водой в поисках других приключений.

Шум битвы переместился. Час назад Том подсмотрел, что в стычке участвуют с полдесятка губру и три избитые машины незнакомого типа на толстых шинах. Том не мог сказать, роботы это или они управляются экипажами, но они, несмотря на свою огневую мощь и шины, как будто не могли приспособиться к предательской поверхности.

Он с минуту прислушивался, потом свернул свой шланг и сунул за пояс. Осторожно поднялся к поверхности маленького бассейна и поднял глаза над переплетением водорослей.

Теперь он гораздо ближе к яйцеобразному корпусу. Их разделяло всего несколько сотен метров. От машин на колесах остались лишь две дымящиеся развалины. На глазах Тома сначала одна, потом другая медленно погрузились в воду. Три покрытых слизью губру, очевидно, последние из отряда, пробирались по болоту к плавающему кораблю. Их перья прилипли к тощим телам с ястребиными клювами. Зрелище было жалкое.

Том встал и заметил вспышки на юге: там продолжается схватка.

Три часа назад появился разведчик соро и начал атаку с бреющего полета, но его перехватил атмосферный истребитель танду. Они стреляли друг в друга, в них стреляли снизу, и наконец они соединились в яростном взрыве и спутанным клубком упали в море.

Почти через час все повторилось. На этот раз участниками оказались неуклюжий тендер птака и избитый истребитель Братьев Ночи. Их обломки присоединились к другим, медленно погружающимся в болото.

«Ни пищи, ни убежища, а та единственная раса фанатиков, которую я хотел бы увидеть, отсутствует в этой бойне».

Информационная бомба запрятана за поясом. Хотел бы он знать, когда настанет ее черед.

«Джиллиан уже беспокоится, — подумал Том. — Слава богу, по крайней мере хоть она в безопасности.

А битва продолжается. Значит, у нас еще есть шанс.

Да. И дельфины любят долгие прогулки вдоль берега.

Ну хорошо. Посмотрим, смогу ли я доставить еще какое-нибудь беспокойство».

79. ГАЛАКТЫ

Соро Крат прокляла отдел стратегического планирования. Клиенты благоразумно попятились, пока она успокаивалась, разрывая на части влетуровую подушку.

Потеряны четыре корабля! А танду потеряли лишь один! Последняя схватка превратилась в катастрофу!

А тем временем в мелких стычках на поверхности планеты один за другим гибнут ее корабли поддержки.

Как будто остатки всех потерпевших поражение флотов, прятавшиеся на спутниках и планетоидах, решили, что земляне скрываются где-то возле вулкана на поверхности Китрупа в среднесеверных широтах. Почему они так считают?

Ведь не станут же они сражаться впустую? Схватка теперь идет по собственным законам. Кто бы мог подумать, что побежденные сохранят столько огневой силы, чтобы в последнем усилии попытаться захватить добычу?

Крат гневно согнула брачный коготь. Она не может не считаться с тем, что они правы. Что

если сигнал тревоги исходил действительно от земного корабля? Несомненно, это человеческое хитроумие от дьявола, но она не может рисковать: вдруг беглецы там!

— Теннанинцы отозвались? — выпалила она.

Пила в коммуникационной секции быстро поклонился и ответил:

— Еще нет, мать флота, хотя от своих союзников танду они отделились. Мы ожидаем сообщения от Буоулт.

Крат коротко кивнула.

— Немедленно доложите мне! — Пила торопливо согласился и попятился.

Крат перебирала варианты. В конце концов, все сводится к тому, какой поврежденный и почти бесполезный корабль она может выделить для полета к планете.

Она подумала о теннанинском корабле, поскольку неизбежен новый союз против общего врага — танду. Но потом решила, что это неразумно. Лучше держать самодовольных лицемерных теннанинцев поближе, чтобы она могла не спускать с них глаз. Она пошлет один из своих поврежденных кораблей.

Крат мысленно представила землян — костлявых, волосатых, с кожей, как тесто, пронырливых

существ, а также их странных пищащих безруких клиентов-дельфинов.

«Когда они будут принадлежать мне, — подумала она, — я заставлю их пожалеть обо всех причиненных мне неприятностях».

80. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Мы прибыли.

Последние четыре часа я была матриархом сумасшедшего дома. Хвала небу за Ханнеса, и Тшут, и Лаки Каа, и всех прекрасных компетентных финов, которых нам так не хватало. Я до сих пор не понимала, как много лучших было отправлено готовить наш новый дом.

Последовала волнующая встреча. Фины мелькали, сталкивались друг с другом и издавали такой шум, что, я уверена, их услышали галакты. Тише стало, только когда вспомнили об отсутствующих. О шести финах, включая Хикахи, Акки и Кипиру, и, конечно, о Томе.

Только спустя немного времени мы обнаружили, что Крайдайки тоже не хватает.

После короткого праздника мы принялись за работу. Лаки Каа взялся за руль и почти так же уверенно, как Кипиру, ввел «Стремительный» в корпус теннанинского корабля. Опустились огромные зажимы и схватили «Стремительный», сделав его частью внешнего корпуса. Все совпало. Техники немедленно стали соединять сенсоры и настраивать генераторы стасиса. Двигатели готовы. Открыли тщательно замаскированные орудийные бойницы — на случай битвы.

Какое свершение! Никогда бы не подумала, что оно возможно! Не думаю, чтобы галакты что-то заподозрили. Воображение Тома поразительно.

Услышать бы только нам его сигнал...

Я попросила Тошио прислать Дэнни и Сахота сюда на санях. Если двинутся прямым путем и на максимальной скорости, доберутся за день. В это время мы будем заканчивать приготовления.

Нам очень важно получить записи Дэнни и образцы плазмы. Если Хикахи появится, я попрошу ее сделать остановку на острове, чтобы принять послов кик-

ви. Наш долг перед этими маленькими земноводными — спасти их от служения какой-нибудь сумасшедшей расе галактических патронов.

Тошио решил остаться — приглядывать за Такката-Джимом и Метцем и встретить Тома, если он появится. Я думаю, последнее он добавил, понимая, что я не смогу возразить... Я знала, что он это предложит, и на это рассчитывала.

Жаль, что мне приходится использовать Тошио, чтобы следить за Такката-Джимом. Даже если наш бывший помощник капитана меня «разочарует» и будет вести себя нормально, не знаю, сумеет ли Тошио вовремя вернуться, особенно если нам придется неожиданно стартовать.

Теперь я понимаю, что такое «вдоль приказов».

Мне пришлось изобразить удивление, когда Тошио рассказал о мини-бомбах, украденных Чарли Дартом из арсенала. Тошио предложил попытаться отобрать их у Такката-Джима, но я это запретила. Сказала ему, что мы рискнем.

Я не могла ему довериться. Тошио ум-

ный молодой человек, но он не умеет обманывать.

Думаю, что все рассчитала верно. Если бы только я была уверена.

Проклятый Нисс опять вызывает меня. На этот раз придется узнать, что ему нужно.

О, Том! Смог бы ты заменить капитана корабля? Не прощу себе, что разрешила Крайдайки выйти одному.

Но ведь он вел себя так нормально. Во имя Ифни, что произошло?

81. ЧАРЛЗ ДАРТ

Рано утром он уже был у консоли на краю воды, счастливо разговаривая со своим новым роботом. Тот уже опустился на километр, прикрепляя по пути к стене ствола маленькие датчики.

Чарлз Дарт оживленно бормотал. Через несколько часов робот погрузится на глубину предыдущего, почти ни на что негодного зонда, который Дарт уже оставил. Потом, проведя еще несколько тестов, чтобы подтвердить его теорию относительно локальных формаций коры, Дарт

сможет формулировать основные проблемы. Например, что такое, в конце концов, эта планета Китруп.

Никто, никто не сможет теперь остановить его!

Он вспомнил годы, проведенные в Калифорнии, в Чили, в Италии, когда изучал землетрясения, работал с крупнейшими специалистами геофизики. Это приятно будоражило. Но через несколько лет он почувствовал что-то неладное.

Его приняли во все профессиональные общества, его статьи встречали, хвалили и изредка язвительно критиковали — эти реакции настоящие ученые предпочитают сплетням. Не было недостатка в лестных предложениях.

Но наступило время, когда он задумался: где же его ученики?

Почему аспиранты не выбирают его своим научным руководителем? Он видел, как осаждают его коллег энергичные соискатели, но, несмотря на внушительный список его публикаций, на его широко известные, хотя и спорные порой, теории, к нему приходили только второсортные, те, кто ищет скорее грант, чем руководителя. Ни один способный молодой студент, ни одна талантливая студентка не просили его стать их шефом.

Конечно, иногда он срывался, и один или два студента покинули его с желчными замечаниями, но ведь это не может объяснить застой его педагогической карьеры.

И постепенно он стал подозревать, что за этим скрывается нечто другое. Нечто... расовое.

Дарт никак не реагировал на модели поведения прошедших возвышение шимпов: на утонченную вежливость большинства к людям или мрачное негодование небольшого, но громкоголосого меньшинства. Но несколько лет назад он начал обращать на это внимание. И вскоре у него возникла догадка: студенты избегают его, потому что он шимпанзе!

Это его ошеломило. На целых три месяца он бросил свои исследования, проблемы. Прочел протоколы, дающие человечеству права патрона на его расу, и рассердился из-за того, что люди получили абсолютную власть над его племенем. Но также узнал, что никто не давал через четыреста лет клиентам права заседать в высшем совете, а человечество дало.

Чарлз Дарт был смущен. Но потом задумался над смыслом слова «дать».

Он читал о расовых предрассудках человечества в старину. Неужели всего полтысячелетия

назад люди рассказывали друг о друге чудовищно лживые вещи только из-за пигмента кожи и убивали миллионы, поверив в собственную ложь?

Он узнал о теории символизма — когда разрешалось допускать в науку и в правительство ограниченное число негров, как показатель их равенства — и почувствовал жгучий стыд. Именно тогда он вызвался добровольцем в дальний космический полет, решив не возвращаться, пока не докажет, что, как ученый, он не уступает любому человеку!

Увы! Он получил назначение на «Стремительный», корабль, полный дельфинов и воды. И в довершение ко всему, этот самодовольный дурак Игнасио Метц немедленно начал обращаться с ним, как сноб с одним своим экспериментальным полукровкой!

Чарли научился жить с этим. Он приспособился к Метцу. Он все перенесет, пока не будут объявлены результаты его исследований Китрупа.

И тогда при его появлении все будут вставать! К нему придут талантливые молодые ученые. И все увидят, что он, по крайней мере, не символ!

Глубокие размышления Чарли прервал шум в лесу. Чарли торопливо прикрыл приборы в углу консоли. Никто не должен узнать о тайной части

его эксперимента.

На тропе из деревни показались Дэнни Судман и Тошио Ивашика, они разговаривали негромко и несли в руках небольшие свертки. Чарли занялся роботом, но искоса посматривал на людей, гадая, не заподозрили ли они чего.

Но нет. Они слишком заняты друг другом, касаются, ласкают, шепчут. Чарли негромко фыркнул: как много значит для людей секс. Но когда они взглянули в его сторону, он улыбнулся и помахал им рукой.

Они помахали в ответ и вернулись к своему разговору. Они ничего не подозревают, поздравил себя Чарли. Ему повезло, что они влюблены.

— Я хочу остаться. А если Джиллиан ошибается? Если Такката-Джим раньше закончит конвертировать бомбы?

Тошио пожал плечами.

— У меня есть кое-что, что ему нужно. — Он взглянул на сани в бассейне, те самые, что принадлежали Тому Орли. — Без этого Такката-Джим не улетит.

— Совершенно верно! — энергично подхватила Дэнни. — Ему нужно это радио, иначе ити взорвут его, прежде чем он вступит в переговоры. Но ты будешь один! Этот фин опасен!

— Это одна из причин, почему я хочу немедленно отослать тебя.

— Говорит большой мужчина-хозяин? — Дэнни пыталась говорить саркастично, но не смогла.

— Нет. — Тошио покачал головой. — Говорит твой военный командир. Вопрос решен. Давай грузить последние образцы. Я провожу вас с Сахотом несколько миль, прежде чем мы попрощаемся.

Он нагнулся к одному из пакетов, но почувствовал прикосновение к спине. Резкий толчок лишил его равновесия, заставил замахать руками.

— Дэнни! — Он увидел ее злорадную улыбку. В последний момент выставил руку и успел схватить ее. Смех сменился криком, и они оба упали в воду.

Отплевываясь, вынырнули между санями. Дэнни торжествующе закричала, схватив обеими руками его голову и погрузив в воду. Но тут же выскочила из воды. Что-то подтолкнуло ее.

— Тошио! — обвиняюще крикнула она.

— Это не я. — Он перевел дыхание и отплыл подальше. — Должно быть, второй твой возлюбленный.

— Мой... О, нет! Сахот! — Дэнни, отбиваясь, по-

вернулась и закричала, когда что-то схватило ее сзади. — Эй вы, самцы с мошонкой вместо мозга, вы способны думать о чем-нибудь еще?

Поблизости появилась пятнистая серая дельфинья голова. Дыхатель, надетый на дыхало, лишь слегка искажал смех дельфина.

Задолго до того,
Как люди вышли в море на бревнах —
Мы сделали открытие —

Хотите попробовать
Любовь
На троих?

Он смеялся, Тошио тоже, а Дэнни покраснела. Она начала обливать Тошио водой, он подплыл к ней, схватил за руки и, чтобы остановить поток обвинений, поцеловал.

Она ответила ему, и на губах появился горький вкус Китрупа. Сахот подплыл и осторожно взял их ноги в свои острые неровные зубы.

— Знаешь, нам не стоит подвергать себя лишнему воздействию, — сказал ей Тошио, пока они обнимались. — Тебе не следовало этого делать.

Дэнни покачала головой, потом уткнулась в его плечо, чтобы спрятать лицо.

— Кого мы обманываем, Тош? — прошептала она. — К чему беспокоиться о медленном отравлении металлом? Мы умрем задолго до того, как посинеют наши десны.

— Ах, Дэнни. Это вздор... — Он пытался найти слова, чтобы успокоить ее, но почувствовал, что может только прижимать ее к себе, а дельфин обернулся вокруг них обоих.

Зазвенел коммуникатор. Сахот включил прибор на санях Орли. Они моноволоконным кабелем были соединены с прежней стоянкой «Стремительного».

Он прислушался к щелчкам, потом быстро прощелкал что-то в ответ. Приподнялся высоко в воде, снял дыхатель.

— Это тебя, Тошио!

Тошио не спросил, насколько это важно. По этой линии приходят только экстренные сообщения. Он осторожно высвободился.

— Заканчивай упаковку. Я скоро вернусь и помогу.

Она кивнула и вытерла глаза.

— Останься с ней ненадолго, Сахот, — попросил Тошио, подплывая к устройству связи. Стенос кивнул.

— С радоссстью, Тошио. Моя очередь развлекать

леди. Но я нужен тебе, чтобы переводить.

Тошио недоумевающе посмотрел на него.

— Это капитан, — сообщил Сахот. — Крайдайки хочет поговорить с нами обоими. Хочет, чтобы мы помогли ему установить связь с технообитателями этого мира.

— Крайдайки? Говорит оттуда? Но Джиллиан сказала, что он пропал! — Тошио нахмурился; до него дошел смысл слов Сахота.

— Техно... Он хочет поговорить с кикви?

— Нет, сэр; вряд ли они подходят под такое определение, наш бесстрашный военный предводитель. Капитан хочет поговорить с моими «голосами». С теми, кто живет глубоко внизу.

82. ТОМ ОРЛИ

Брат Двенадцати Теней негромко задудел. Звуки удовольствия распространялись в воде. Он отплыл от места засады, прислушиваясь к затихающим звукам конвульсии жертвы.

Темнота под ковром водорослей его не беспокоила. Она не помеха для Брата Ночи.

— Брат Темных Сумерек, — засвистел он. — Радуешься ли ты, как и я?

Откуда-то слева от него, из путаницы расти-

тельности, донесся радостный ответ.

— Я радуюсь, Старший Брат. Эти воины пила больше никогда не смогут преклониться перед своими извращенными хозяевами — самками соро. Хвала древним воинам!

— Мы лично поблагодарим их, — ответил Брат Двенадцати Теней, — когда узнаем расположение их вернувшегося флота от этих полуразумных землян. А пока хвала нашим, давно почившим, патронам Ночным Охотникам, которые сделали из нас таких отважных воинов.

— Я благодарю их души, Старший Брат.

Они плыли, разделенные тройной длиной тела, как требовала доктрина подводной засады. Среди водорослей это было неудобно, вода отзывалась необычным эхом, но доктрина есть доктрина, она так же неоспорима, как инстинкт.

Старший Брат прислушивался, пока не прекратились последние конвульсии тонущего пила. Теперь он и его товарищ движутся к одному из плавающих обломков, где, несомненно, найдутся еще жертвы.

Все равно, что срывать плоды с дерева. Даже такие могучие воины, как танду, среди этих ужасных водорослей барахтаются словно олухи, — все, но не Братья Ночи. Способные быстро при-

способливаться, изменяться, Братья плывут под водорослями, всюду сея смятение.

Жаберные щели всасывали воду с металлическим привкусом. Брат Двенадцати Теней обнаружил в воде полоску, где содержится чуть больше кислорода, и слегка повернул, чтобы пройти через нее. Конечно, важно соблюдать доктрину, но разве здесь, под водой, небольшое отступление от нее может повредить?

И вдруг резкие звуки, короткий крик и тишина.

— Меньший Брат, в чем дело? — послал запрос Брат Двенадцати Теней в том направлении, где плыл его уцелевший партнер. С растущей тревогой он ждал ответа.

— Брат Темных Сумерек!

Он нырнул под свисающие щупальца, держа в каждой из четырех инструментальных рук по ружью.

Что могло одолеть такого испытанного бойца, как его младший брат? Никто из знакомых ему патронов на это не способен. А робот был бы обнаружен металлодетекторами.

И вдруг ему пришло в голову, что эти полуразумные «дельфины» могут быть очень опасны в воде.

Но нет. Дельфины дышат воздухом. И они большие. Он осмотрел окрестность и не увидел никаких отражений.

Старейший Брат — тот, что командовал уцелевшими остатками флотилии и находился в пещере на одном из спутников, — заключил, что здесь, в северном море, землян нет, но послал небольшой корабль мешать другим и наблюдать. Два брата в воде — вот и весь экипаж, вернее, то, что от него осталось. Однако ничто не предвещало присутствия землян.

Брат Двенадцати Теней быстро обогнул край открытого бассейна. Может быть, его младший брат выплыл на открытое место и был поражен сверху?

Подготовив оружие, он поплыл на слабый звук.

Во тьме ощутил впереди большое тело. Испустил звук и сосредоточился на сложных отражениях.

Отражения показывали, что поблизости находится существо, большое и неподвижное.

Он подплыл, посмотрел и начал оплакивать. Вода проходила сквозь жаберные щели, а он восклицал:

Я отомщу за тебя, Брат!

Я убью всех в этом море, кто мыслит!
Я принесу тьму всем, кто надеется!
Я буду...

Послышался громкий всплеск. Брат испустил нечто вроде «урк», когда сверху упало что-то тяжелое и обхватило его длинными руками и ногами.

Брат Двенадцати Теней с ужасом понял, что это человек! Полуразумный, тонкокожий, неизвестно каким патроном воспитанный!

— Прежде чем ты исполнишь обещанное, тебе предстоит кое-что еще, — послышался голос на галактическом десять сразу за органами слуха.

Брат взвыл. Что-то очень острое перерезало ему горло в области спинного нерва.

Он услышал, как его противник почти сочувственно сказал:

— Тебе предстоит умереть.

83. ДЖИЛЛИАН БАСКИН

— Я только могу вам сказать, Джиллиан Баскин, что он знал, как меня найти. Добрался сюда на «ходоке» и говорил со мной.

— Крайдайки был здесь? Мы с Томом догада-

лись, что он знает о нашем компьютере, но найти его...

— Я не был удивлен, доктор Баскин, — прервал ее Нисс, сглаживая грубость абстрактным рисунком. — Капитан хорошо знает свой корабль. Я полагаю, он догадался о моем местонахождении.

Джиллиан села у двери и покачала головой.

— Мне следовало появиться, когда ты начал подавать сигнал. Может, я помешала бы его уходу.

— Это не ваша вина, — с необычным чувством ответила машина. — Если бы я считал ситуацию чрезвычайной, я сделал бы сигнал требовательнее.

— Конечно. — В голосе Джиллиан звучал сарказм. — Совершенно неважно, когда офицер, следуя атавизму, в результате теряется в смертоносном враждебном окружении.

Рисунок изменился.

— Вы ошибаетесь. Капитан Крайдайки не стал жертвой шизофрении регресса.

— Откуда ты знаешь? — горячо спросила Джиллиан. — После засады у Морграна треть экипажа склонна к проявлениям атавизма, включая всех финов с генами стеносов. Как можно утверждать, что после всех перенесенных страданий Крайдайки не регрессировал? Как он может вос-

пользоваться кининком, если даже разучился говорить!

Нисс спокойно ответил:

— Он пришел сюда в поисках уникальной информации. Он знал, что у меня доступ не только к микроветви корабельной Библиотеки, но и к более сложной, которую мы взяли на теннанинском корабле. Он не мог сказать мне, что ему нужно, но мы нашли способ преодолеть языковой барьер.

— Как? — Джиллиан заинтересовалась, несмотря на гнев и чувство вины.

— С помощью пиктограмм, звуковых и визуальных рисунков, которые я менял с большой скоростью. Он быстро отвечал «да» или «нет» в зависимости от того, куда я иду; как вы, люди, говорите: «горячо-холодно». Вскоре уже он направлял меня, мысля ассоциациями, о которых я не догадывался.

— Например?

Замерцали светящиеся точки.

— Например, как многочисленные загадки Китрупа начинают совмещаться: планета после смерти своих последних обитателей непривычно долго остается невозделанной, необычная экологическая ниша так называемых деревьев-сверл, странные «голоса из глубины» Сахота...

— Дельфины с темпераментом Сахота всегда слышат «голоса», — вздохнула Джиллиан. — И не забудь, что он тоже экспериментальный стенос. Я уверена, некоторые из них попали в экипаж без обычных тестов на стресс.

После короткой паузы машина деловито ответила:

— Тому есть доказательства, доктор Баскин. Очевидно, доктор Игнасио Метц представляет группу нетерпеливых в Центре Возвышения...

Джиллиан встала.

— Возвышение! Черт побери! Я знаю, что Метц это сделал. Думаешь, я слепа? Из-за его безумных планов я потеряла нескольких друзей и незаменимых членов экипажа. О, он, конечно, решил испытать своих подопечных в деле! И некоторые из новых моделей не выдержали напряжения! Но теперь все кончено! Какова связь возвышения с голосами снизу, или с деревьями-сверлами, или с историей Китрупа, или, кстати, с нашим другом Херби? Какое отношение это имеет к нашим лишениям и попыткам вырваться отсюда?

Сердце ее билось часто, Джиллиан заметила, что сжала кулаки.

— Доктор Баскин, — спокойно ответил Нисс. — Именно об этом я и спросил вашего капитана

Крайдайки. И когда он сложил части головоломки, я понял, что возвышение — здесь вопрос не праздный. А главный и единственный. Здесь, на Китрупе, представлено все хорошее и плохое системы, существующей миллиарды лет. Здесь как будто подвергаются выверке основы галактического сообщества.

Джиллиан смотрела на абстрактный рисунок.

— Какая ирония, — продолжал бестелесный голос, — что эта проблема поставлена вами, людьми, первой разумной расой, которая может утверждать, что ее разум развился в процессе «эволюции».

— Ваше открытие в так называемом Мелком скоплении может привести к войне, ранее немыслимой для пяти галактик. Но кризис может и развеяться, подобно многим другим. Однако ваша деятельность на Китрупе станет легендарной. Тут имеются все слагаемые для этого. А легенды помнят, как правило, дольше, чем войны.

Джиллиан долго смотрела на голограмму. Потом покачала головой.

— Не скажешь ли мне, что ты имеешь в виду?

84. ХИКАХИ/КИПИРУ

— Мы должжжны торопиться, — настаивал пилот.

Кипиру лежал привязанный к механическому врачу. От сети, которая поддерживала его на поверхности, отделялись катетеры и трубки. Маленькое помещение заполняли звуки работающего двигателя скифа.

— Ты должен отдыхать, — успокаивала Хикахи. — Нас ведет автопилот. Мы идем под водой на максимальной скорости. И будем на месте очень скоро.

Хикахи еще не пришла в себя от новости о Крайдайки и была потрясена предательством Такката-Джима. Но все же не могла одобрить торопливость Кипиру. Очевидно, он очень предан Джиллиан Баскин и хочет как можно быстрее вернуться, чтобы помогать ей. Хикахи видела и другое. Вероятно, на корабле теперь все под контролем Джиллиан. По сравнению с тем, что она представляла себе несколько дней назад, это почти радостная новость. Даже ранение Крайдайки не мешало Хикахи чувствовать облегчение от того, что «Стремительный» невредим.

Загудели доспехи. Хикахи механической рукой ввела Кипиру слабое снотворное.

— Я хочу, чтобы ты уснул, — сказала она ему. — Ты должен беречь силы. Считай это приказом: ведь ты сказал, что я теперь капитан.

Глаза Кипиру начали уходить в углубления, медленно опустились веки.

— Прошу прощения, сссэр... Мне кажется, теперь я не логичней Моки. Я всегда причиняю неприятносссти...

Его слова начали сливаться под действием лекарства. Хикахи плавала рядом и негромко пела колыбельную:

Спи, защитник —

Пусть тебе приснятся те, кто тебя любит

И будь благословенна твоя храбрость

85. ДЖИЛЛИАН

— Ты говоришь, что эти... карранк%... были последними разумными, которые получили лицензию на планету Китруп сто миллионов лет назад?

— Совершенно верно, — ответил Нисс. — С

ними очень жестоко обращались патроны, подвергли их мутациям, которые выходят далеко за рамки разрешенных кодексом. По данным теннанинской Библиотеки, это вызвало тогда большой скандал. В качестве компенсации карранк% были освобождены от службы по договору и получили эту планету. Считалось, что появление здесь предразумных маловероятно. Покрытая водой планета — хорошее место для пенсионеров. На таких планетах очень редко развиваются предразумные. Кикви кажутся большим исключением.

Джиллиан ходила по наклонному потолку вставшей дыбом комнаты. Сквозь стены изредка доносился звон: экипаж заканчивал укрепление «Стремительного» внутри «Троянского морского конька».

— Но ты ведь не утверждаешь, что кикви имеют отношение к этим древним...

— Нет. Они появились независимо, и это главная причина, почему вам нужно уйти, благополучно вернуться на Землю и сообщить это.

Джиллиан иронично усмехнулась.

— Спасибо. Мы постараемся.

— Так что же сделали с этими карр... карранк%, — Джиллиан постаралась изобразить двойное гортанное придыхание, — что они спрятались

на Китрупе и больше никогда не включались в галактическую культуру?

Нисс объяснил:

— В предразумном существовании они были звероподобными существами на богатой металлами планете, похожей на эту. Метаболизм у них углеродно-кислородный, как и у вас, но они отличные землекопы.

— Я выскажу гипотезу. Их выращивали как шахтеров, чтобы извлекать руды на бедных металлом планетах. Гораздо дешевле ввозить или выращивать шахтеров карранк%, чем перевозить в космосе большие количества металлов.

— Очень верная мысль, доктор Баскин. Клиенты карранк% действительно были превращены в шахтеров, и их метаболизм был изменен таким образом, что они получали энергию непосредственно от радиоактивных элементов. Их патроны считали, что это послужит для них побудительным мотивом к работе.

Джиллиан свистнула.

— Такое резкое изменение природы не проходит даром! Ифни, как они должны были страдать!

— Это было извращение, — согласился Нисс. — Когда это обнаружилось, карранк% освободили

и предложили попытаться исправить содеянное. Но карранк%, в течение нескольких тысячелетий пытавшиеся вписаться в жизнь космоса, отказались от этого и решили осесть на Китрупе. Планета навсегда была передана им. Никто не думал, что они проживут долго.

— Однако они не вымерли; напротив, по-видимому, продолжали видоизменяться. И стиль их жизни уникален в обозримом космосе.

Джиллиан сопоставила предыдущие фразы и сказала, широко распахнув глаза:

— Ты говоришь, что эти металлические острова...

— Личинки разумной формы жизни, находящейся в коре планеты. Да. Я мог бы догадаться об этом по последним данным, сообщенным Дэнни Судман, но Крайдайки пришел к такому заключению еще раньше. Поэтому он и пришел ко мне. За подтверждением своей гипотезы.

— «Голоса Сахота»! — прошептала Джиллиан. — Это карранк%!

— Вполне приемлемое гипотетическое заключение, — согласился Нисс. — Это было бы открытием столетия, если бы не остальное. Я знаю, у вас есть выражение «льет, как из ведра». Странное, но подходящее выражение.

Джиллиан не слушала его.

— Бомбы! — Она хлопнула себя по лбу.

— Прошу прощения?

— Я позволила Чарли Дарту украсть из арсенала несколько бомб. Я знала, что Такката-Джим конфискует их и начнет преобразовывать, чтобы получить энергию поля. Это входило в мои планы. Но...

— Вы считали, что Такката-Джим конфискует все бомбы?

— Да! Я собиралась связаться с ним и намекнуть на их исчезновение, но он действовал эффективно и нашел их сразу же. Мне пришлось солгать Тошио, но тут уж делать было нечего.

— Если все идет согласно плану, не вижу проблем.

— Проблема в том, что Такката-Джим мог забрать не все бомбы! Мне не приходило в голову, что Чарли повредит живым разумным, если у него сохранится бомба. Но теперь... Мне нужно немедленно связаться с Тошио!

— Нельзя ли подождать несколько минут? Такката-Джим, вероятно, все проделал основательно, а мне нужно обсудить с вами другой вопрос.

— Нет! Ты не понимаешь. Тошио собирается повредить связь. В соответствии с планом! И

если есть вероятность того, что бомба осталась у Чарли, мы должны узнать это немедленно!

Голограмма задергалась.

— Я немедленно устанавливаю связь, — провозгласил Нисс. — Мне понадобится несколько секунд, чтобы незаметно проникнуть в систему связи «Стремительного». Ждите.

Джиллиан расхаживала по наклонному полу, надеясь, что они успеют.

86. ТОШИО

Тошио закончил перематывать, закрыл крышку передатчика саней Томаса Орли и сверху смазал ее тонким слоем грязи, чтобы казалось, будто ее давно не открывали.

Потом отсоединил моноволоконный кабель от аппарата, привязал к его концу маленькую красную ленту и опустил. Почти невидимый кабель скрылся в глубине.

Теперь он отрезан от «Стремительного». И потому почувствовал себя необычайно одиноко, и даже более беззащитным, чем утром, когда уплыли Дэнни и Сахот.

Он надеялся, что Такката-Джим исполнит приказ и будет ждать, пока не улетит «Стре-

мительный». Джиллиан свяжется с бывшим помощником капитана и сообщит об изменениях в баркасе и коммуникаторе.

Но что, если Такката-Джим действительно предатель? Если он улетит раньше?

На борту будут Чарлз Дарт, Игнасио Метц, три стеноса и, вероятно, три или четыре кикви. Тошио никому из них не желает зла. Трудный выбор.

Он поднял голову и увидел, как Чарли Дарт счастлив от общения со своим новым роботом.

Тошио покачал головой. Хорошо, что хоть теперь шимпанзе доволен.

Тошио опустился в воду и поплыл к своим саням. Собственное радио он выбросил час назад. Привязался и включил двигатель.

Под островом есть еще один кабель. Последний клиент — старый робот, забытый где-то на глубине. Крайдайки, оставшийся на старом месте, там, где был «Стремительный», хочет поговорить с «голосами» Сахота. Тошио считал, что он в долгу перед капитаном, даже если тот и гоняется за иллюзией.

Сани опускались, а Тошио думал о проделанной работе... о том, что еще нужно успеть, прежде чем он покинет остров.

«Пусть Том Орли ждет, когда я вернусь, — поду-

мал он. — Это бы все решило. Пусть мистер Орли закончит свое дело на севере и приземлится, пока я здесь, внизу».

Тошио иронически улыбнулся.

«И еще, Ифни, почему бы тебе не прислать большой флот хороших ребят, которые очистли бы небо от наших приятелей?»

Он спускался по узкому стволу в тесноту.

87. ДЖИЛЛИАН

— Дьявольщина! Трижды дьявольщина! Линия мертва! Тошио уже оборвал связь.

— Не волнуйтесь зря, — успокаивал Нисс. — Весьма вероятно, что Такката-Джим конфисковал все бомбы. Разве гардемарин Ивашика не доложил, что видел несколько разобранных бомб?

— Да, и я велела ему не беспокоиться. Но я не додумалась попросить его пересчитать их. Я вся в заботах о корабле и не думала, что Чарли может навредить.

— Теперь, конечно, известно многое.

Джиллиан подняла голову. Машина тимбрими просто тактична, или это сарказм?

— Ну, что сделано, то сделано, — сказала она. — Что бы ни произошло, нас здесь это не коснется.

Надеюсь только, что к сомнительным достижениям нашего полета не добавится преступление относительно разумной расы.

Она вздохнула.

— А теперь скажи мне, как все это станет легендой.

88. ТОШИО

Связь установлена. Теперь Крайдайки может сколько угодно слушать подземные звуки. Тошио опустил моноволоконный кабель в ил. Выпустил балласт, и сани по спирали начали подниматься вверх по стволу дерева-сверла.

Вынырнув, Тошио сразу понял, что что-то изменилось. Вторые сани, те, что принадлежали Томасу Орли, были вытащены из воды и лежали на лужайке к югу от бассейна. Из открытой контрольной секции торчали оборванные провода.

На краю воды сидел Чарлз Дарт. Шимп наклонился вперед, прижав палец к губам.

Тошио выключил моторы и расстегнул ремни. Сел и посмотрел на поляну, но увидел только раскачивающиеся ветви.

Чарли гортанным шепотом сказал:

— Я думаю, Такката-Джим и Метц собираются

скоро улетать, Тошио, со мной или без меня. — Дарт выглядел смущенным, словно такая глупость его озадачила.

Тошио сохранял невозмутимое выражение.

— Почему вы так считаете, доктор Дарт?

— Как только ты спустился, появились два стеноса Такката-Джима и забрали радио. И еще, пока ты был внизу, на баркасе испытывали двигатели. Звук вначале был не очень ровный, но они сейчас над этим работают. Мне кажется, теперь им все равно, что ты доложишь.

Тошио услышал негромкий ворчливый звук с юга — неровный вой двигателей.

Движение на севере привлекло его внимание. Он увидел торопливо идущего по лесной тропе Игнасио Метца с грудой записей. За ним шли четверо крепких добровольцев кикви из деревни. Их воздушные мешки были гордо раздуты, но, очевидно, им не очень хотелось приближаться к рычащим машинам. Перед собой они несли тюки. Из листвы за процессией с тревогой следило несколько десятков пар широко раскрытых глаз.

Тошио прислушался к звуку работающих двигателей, определяя, сколько времени осталось. Такката-Джим закончил конвертировать бомбы раньше, чем он ожидал. Возможно, они недо-

оценили лейтенанта-дельфина. Что еще успел он залатать на «живую», чтобы сделать баркас пригодным к полету пораньше?

«Может быть, мне задержать их отлет? Если останусь дольше, вероятно, больше никогда не увижу „Стремительный“».

— А как же вы, доктор Дарт? Готовы закончить и присоединиться по приказу Такката-Джима?

Дарт взглянул на свою консоль. Покачал головой.

— Мне нужно еще шесть часов, — проворчал он. — Может, мы оба заинтересованы в том, чтобы задержать взлет баркаса. Есть какие-нибудь идеи?

Тошио задумался.

«Надо решать. Если уходить, то немедленно».

Тошио перевел дыхание.

«А, ладно!»

— Я думаю, мы можем немного задержать их, доктор Дарт. Вы поможете мне? Это рискованно.

Дарт пожал плечами.

— Сейчас я жду, пока робот прорежет кору и погрузит... гм... инструмент. До тех пор я свободен. Что мне сделать?

Тошио снял со своих саней моток кабеля и отрезал кусок.

— Для начала, я думаю, кому-то придется пола-

зить по деревьям.

Чарли скорчил гримасу.

— Стереотипы, — пробормотал он про себя. — Все время стереотипы.

89. ДЖИЛЛИАН

Она медленно покачала головой. Может, сказывается усталость, но она понимает лишь часть объяснений Нисса. Каждый раз, когда она пытается заставить его объяснить что-нибудь неясное попроще, он начинает приводить примеры, которые еще больше запутывают.

Она чувствовал себя кроманьонцем, старающимся понять интриги двора Людовика XIV. Нисс утверждает, что открытия «Стремительного» будут иметь более значительные последствия, чем нынешний кризис из-за брошенного флота. Но подробности она понять не могла.

— Доктор Баскин, — снова попробовала машина. — У каждой эпохи есть свой поворотный пункт. Иногда — это поле битвы. Иногда — технологический скачок. Иногда — это философская мысль или происшествие, настолько неясное, что современники вообще не понимают, что изменилось, а тем временем их мир перевора-

чивается вверх тормашками. Но часто, очень часто, этим переворотам предшествует легенда. Я не могу предложить никакого другого слова на англике... это сюжет, образы которого сохраняются в сознании всех разумных... подлинный сюжет о необыкновенных деяниях, с мощными выразительными архетипами. Он предваряет изменения.

— Ты хочешь сказать, мы становимся одной из таких легенд?

— Вот именно.

Джиллиан никогда не ощущала себя такой маленькой. Она не может взвалить на себя еще и эту огромную тяжесть. С нее достаточно ответственности за жизни ста пятидесяти друзей, членов экипажа.

— Ты говоришь, архетипы...

— Что может быть более символичным, доктор Баскин, чем «Стремительный» и его открытия? Только одно из них — брошенный флот — перевернуло вверх дном все пять галактик. Добавьте, что это было сделано самой молодой расой, патроны которой утверждают, что сами вообще не были клиентами. Тут, на Китрупе, где не должно быть предразумных, они находят готовую к возвышению расу и идут на большой риск, чтобы

защитить этих предразумных от застывших, окаменевших законов галактической цивилизации...

— Но только...

— Но только добавьте к этому карранк%. Ни разу во все времена с разумной расой не обращались так жестоко, вопреки системе, которая должна была бы защищать ее.

— Какова же вероятность, чтобы именно этот корабль в поисках убежища прилетел именно на эту планету, где нашли свой последний приют карранк%? Разве вы не понимаете, доктор Баскин? От прародителей до новейшей расы — все складывается в мощную проповедь о системе возвышения.

— Каким бы ни был исход ваших приключений, удастся вам уйти с Китрупа или нет, звезды все равно будут воспевать вас. И эта песнь, я считаю, изменит гораздо больше, чем вы можете себе вообразить. — Нисс закончил приглушенно, почти благоговейным тоном. Наступила тишина.

Джиллиан стояла на наклонном потолке темной кривой комнаты, мигая в свете экрана. Тишина продолжалась. Наконец Джиллиан покачала головой.

— Еще один проклятый розыгрыш тимбрими,

— вздохнула она. — Ужасная история. Ты смеешься надо мной.

Довольно долго светлячки плясали в тишине.

— Вы будете себя чувствовать лучше, доктор Баскин, если я соглашусь? И изменят ли мои слова ваши действия?

Она пожала плечами.

— Вероятно, нет. По крайней мере, ты немного отвлек меня от забот. После всей этой философской болтовни у меня слегка кружится голова. Наверное, пора поспать.

— Всегда готов служить.

Джиллиан фыркнула.

— Ну, конечно. — Она добралась по упаковочной корзине к дверной плите, но, прежде чем открыть дверь, оглянулась.

— Скажи мне вот что, Нисс. Ты сообщил Крайдайки этот вздор, которым сейчас потчевал меня?

— Не на англике. Но основное мы обсудили.

— И он тебе поверил?

— Кажется, поверил. Откровенно говоря, я немного удивлен. Такое впечатление, словно он все это уже знал — из другого источника.

Тогда это отчасти объясняет загадку исчезновения капитана. И сейчас ничего не вернуть.

— Допустим, Крайдайки тебе поверил. Чего же он собирается добиться?

Светлячки на экране плясали несколько секунд.

— Мне кажется, доктор Баскин, прежде всего он ищет союзников. Я считаю, что он добавляет несколько собственных строф к легенде, совсем на другом уровне.

90. КРАЙДАЙКИ

Они стонали. Им всегда больно. Жизнь на протяжении тысячелетий причиняет им боль.

: Слушайте:

Он воззвал на языке древних богов, уговаривая карранк% ответить ему.

: Слушайте: Вы Глубоко Скрытые — Вы Печальные и Оскорбленные: Я Зову Снаружи: Я Хочу, Чтобы Вы Меня Услышали:

Печальное пение на мгновение смолкло. Крайдайки ощутил волну раздражения. Она пришла и в звуке, и в пси-диапазоне — легкое движение, чтобы прогнать назойливую муху.

Печальная песнь возобновилась.

Крайдайки ухватился за нее, толкая, прикасаясь. Он пользовался остатками связи «Стре-

мительного», дышал из воздушного пузыря, старался привлечь внимание древних мизантропов, с помощью далекого робота усиливая свой призыв.

: Я Призываю Снаружи: Я Прошу Помощи: Ваши Древние Мучители — Наши Враги:

Это слегка искажало истину, но ладно... Он заторопился, чувствуя, что их внимание ускользает.

: Мы Ваши Братья: Поможете Ли Вы Нам?:

Ворчливое гудение неожиданно взорвалось. Пси-составляющая казалась гневной и чуждой. Составляющая звука завывала, скрипя, как помехи. Без помощи «сна китов» Крайдайки никогда не смог бы понять.

+ НЕ ТРЕВОЖЬ НАС —
— НЕ ОСТАВАЙСЯ! +
+ У НАС НЕТ БРАТЬЕВ —
— МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ +
+ ОТ ВСЕЛЕННОЙ —
— УХОДИ! +

Голова Крайдайки звенела от этого мощного отказа. Но все же его ободрило то, что он вообще получил ответ.

«Стремительному» больше всего нужен теперь союзник. Ему нужна помощь или, по крайней мере, отвлечение, если проект Томаса Орли имеет

хоть один шанс из тысячи. Хоть эти подземные существа чужды и обижены, когда-то они бороздили звездный океан. Может, им будет приятно помочь другим жертвам галактической цивилизации.

Крайдайки настаивал.

: Послушайте! Ваш Мир Окружен Теми, Кто Вмешивается В Наследственность: Они Ищут Нас И Тех Маленьких, Которые Делят С Вами Эту Планету: Они Хотят Искалечить Нас: Как Они Поступили С Вами: Они Увеличат Вашу Боль:

Он создал сонарную картину больших флотов, кораблей с зияющими челюстями. Придал им злобное выражение.

Картина его разлетелась от громового ответа.

+ МЫ НЕ ВМЕШИВАЕМСЯ! —

Крайдайки покачал головой и сосредоточился.

: Они Могут Отыскать И Вас:

+ МЫ ИМ НЕ НУЖНЫ! —

— ОНИ ИЩУТ НЕ НАС! +

+ НЕ НАС! —

Ответ ошеломил его. У Крайдайки осталось сил только на один вопрос. Он попытался спросить, что сделают карранк%, если нападут на них.

В ответ он услышал такой скрежет, который нельзя было выразить даже на языке древних

богов. Скорее, просто вызывающий рев, чем что-то осмысленное. Потом мгновенно звуки и мысленная передача прекратились. Крайдайки завис в воде, и только в голове у него продолжало звенеть от их гнева.

Он старался изо всех сил. Что теперь?

Так как больше делать было нечего, он закрыл глаза и задумался. Пощелкал сонаром и представил себе картину окружающих хребтов. Почувствовал, как рядом возникает фигура Нукапай, и разочарование его смягчилось. Тело ее, как всегда, состояло из отражений его звуков и из звуков моря. Она словно потерлась о его бок, он будто физически ощутил ее. Легкая сексуальная дрожь пронзила его.

: Не очень приятные собеседники: — заметила она.

Крайдайки печально улыбнулся.

: Да, не очень: Но они обижены: Я бы не стал тревожить этих отшельников, если бы не необходимость:

Он вздохнул.

: Песня-Мир как будто говорит, что они не помогут:

Нукапай улыбнулась его пессимизму. Изменила темп и негромко засвистела.

Иди вниз

И чувствуй завтрашнюю погоду

Иди вниз

Там предвидение, предвидение...

Крайдайки попытался понять ее. Почему она говорит на тринари, языке, почти таком же трудном для него сейчас, как англик? Есть ведь другой язык, выразительный и мощный, на котором они могут общаться. Почему она напоминает ему о его недееспособности?

Он в смущении покачал головой. Нукапай — результат работы его мозга... по крайней мере она связана звуками, которые производит его голос. Как же она вообще может говорить на тринари?

Повсюду загадки. Чем дальше он углубляется, тем их становится больше.

Иди вниз

Ночной ныряльщик

Иди вниз

Там предвидение, предвидение

Он повторил эти слова про себя. Она хочет сказать, что он может что-то узнать о будущем? Что что-то неотвратимое выведет карранк% из их убежища?

Он все еще пытался разрешить эту загадку, когда услышал звук двигателей. Крайдайки несколько мгновений прислушивался. Ему не нужно поворачивать гидрофоны саней, чтобы распознать этот звук.

В каньон осторожно входил маленький корабль. Посылал сонарные лучи в одну сторону, в другую. Прожектор осветил борозду, оставленную уходящим «Стремительным». Осветил остатки оборудования и наконец остановился на коммуникаторе и санях.

Крайдайки замигал в ярком свете. В приветственной улыбке широко раскрыл челюсти. Но голос отказал ему. Впервые за несколько дней он устыдился. Боялся, что не справится даже с простейшими словами, покажется идиотом.

Громкоговорители корабля донесли единственный счастливый вздох, удивительно простой:

Крайдайки!

Удовольствие узнавания этого голоса разлилось теплом. Он включил мотор саней и отвязался. Направляясь к открытому шлюзу скифа, он по одному посылал слова англика:

— Хикахи... как... приятно... снова... услышать... твой... голос...

91. ТОМ ОРЛИ

Над морем водорослей клубился туман. В некотором роде это хорошо, легче красться. Но труднее разглядеть ловушки.

Том осторожно осмотрелся, лежа в водорослях перед последней прогалиной, отделявшей его от разбитого крейсера. Под водой не подберешься, а он не сомневался, что те, кто нашел здесь убежище, приняли меры предосторожности.

Аппарат он увидел в нескольких метрах от отверстия. От одного куста водорослей к другому тянулся провод. Том осмотрел устройство, потом осторожно копнул под проволокой и пробрался вниз. Миновав преграду, он осторожно добрался до края плавающего корпуса и прижался к неровной поверхности.

Население водорослей укрылось во время сражения. Теперь, когда почти все участники схватки мертвы, оно снова появилось. Крики, похожие на кваканье, причудливо отдавались в тумане. В отдалении Том слышал рокот вулкана. Заурчал пустой желудок. Настолько громко, что может разбудить прародителей.

Том проверил оружие. В игольнике осталось

всего несколько зарядов. Хорошо бы подтвердилась его догадка о количестве ити, укрывшихся в корабле.

«Хорошо бы я оказался прав и в других отношениях, — напомнил он себе. — Многое поставлено на то, что тут окажется пища и информация».

Он ненадолго закрыл глаза, потом повернулся и, пригибаясь, направился к отверстию. Заглянул за неровный край одним глазом.

Три птицеподобных губру сидели на заваленной оборудованием, задымленной наклонной палубе. Внимание двоих было приковано к маленькому, совершенно недостаточному для них обогревателю. Они грели над ним тонкие руки. Третий сидел перед разбитой консолью и пищал на галактическом языке номер четыре, популярном среди птицеподобных видов.

— Никаких следов людей или их клиентов, — пищал он. — Оборудование для дальнего поиска мы потеряли, поэтому уверенности нет. Но мы не обнаружили никаких следов землян. Больше сделать ничего не можем. Приходите за нами!

Радио закашляло:

— Нет возможности выйти из укрытия. Нельзя тратить последние резервы. Вы должны держаться. Затаитесь. Ждите.

— Ждать? Мы находимся в корпусе, запасы пищи в котором радиоактивны и оборудование которого вышло из строя. Но этот корпус — лучшее из возможных убежищ. Вы должны прийти за нами!

Том молча выругался. Прощай, еда!

Оператор продолжал передавать по радио протесты. Остальные двое губру слушали, нетерпеливо переминаясь. Один из них неожиданно повернулся, словно хотел прервать оператора. Его взгляд упал на выходное отверстие. Прежде чем Том смог отскочить, глаза существа широко распахнулись. Оно заметило.

— Человек! Быстрее...

Том выстрелил ему в грудь. Не глядя на свою жертву, прыгнул в отверстие и перекатился за консоль. Высунулся с противоположной стороны и дважды выстрелил в тот момент, когда стоящий губру собрался стрелять. Его ручное оружие вспыхнуло, зацепило пламенем уже обожженный потолок, и чужак закричал и упал навзничь.

Галакт около радио смотрел на Тома, потом взглянул на радио.

— Даже не думай, — пропищал Том на галактическом четыре с сильным акцентом. Гребень

чужака удивленно поднялся. Губру опустил руки и застыл.

Том осторожно встал, не отводя взгляда от уцелевшего губру.

— Сними оружейный пояс и отойди от передатчика. Медленно. Помни, мы, люди, выросли без патронов. Мы жестоки, хищны и невероятно быстры! Не заставляй меня есть тебя. — Он широко улыбнулся, чтобы показать как можно больше зубов.

Существо задрожало и послушалось. Том на всякий случай зарычал. Иногда даже такое примитивное повторение полезно.

— Ну хорошо, — сказал он, когда чужак перешел на указанное место у зияющего отверстия. Том, держа его на прицеле, сел возле радио. Приемник издавал возбужденные возгласы.

Слава Ифни, он узнал модель и выключил передатчик.

— Что ты передавал, когда твой друг заметил меня? — спросил он пленника. Слышал ли командующий скрытыми силами губру слово «человек»?

Гребень галакта задрожал. Ответ был настолько неуместен, что вначале Том решил, что не понял.

— Перестань гордиться, — пропел пленник, распуская перья. — Все молодые должны забыть о гордости. Она ведет к ошибкам, и высокомерие тоже. Спасти может только ортодоксальность. Мы можем спасти...

— Хватит! — выпалил Том.

— ...спасти вас от ереси. Привести вас к вернувшимся прародителям, к древним хозяевам, дающим правила. Привести вас к ним. Уходя давным-давно, они пообещали вернуться. Они ожидают, что их встретит рай, и будут беспомощны перед такими, как соро, и танду, и теннанинцы, и...

— Теннанинцы! Это мне и нужно узнать! Теннанинцы продолжают сражаться? Участвуют в битве? — Том дрожал в напряженном ожидании.

— ...и Темные Братья. Им понадобится защита, пока они не поймут, какие ужасные дела совершались их именем, как уничтожали ортодоксию, насаждали ересь. Пойдем к ним, помоги очистить вселенную. Велика будет твоя награда. Изменения невелики. Период служения недолог...

— Прекрати! — Том чувствовал, как напряжение последних дней оборачивается гневом. После соро и танду, губру — самые жестокие враги человечества. И слушать дальше он не намерен!

— Прекрати и отвечай на мои вопросы! — Он выстрелил в пол у ног существа. То удивленно подпрыгнуло, широко раскрыв глаза. Том выстрелил еще два раза. В первый раз губру отскочил от рикошета. Во второй раз только мигнул: игольник не выстрелил.

Галакт уставился на Тома, потом радостно запищал. Широко расставил оперенные руки, выпустив длинные когти. Впервые он сказал нечто прямо и понятно:

— Теперь ты будешь говорить, высокомерный выскочка, недоделанный и лишенный хозяина!

И с криком бросился на Тома.

Том увернулся, и вопящий птицеподобный проскочил мимо. Но голод и усталость замедлили реакцию Тома, и один острый коготь разрезал его костюм и кожу около ребер. Том ахнул и прислонился к окровавленной стене, а губру повернулся, чтобы возобновить нападение.

Ни один из них не подумал о лежавшем на полу ручном оружии. Разряженное и скользкое, оно не стоило того, чтобы за ним наклоняться.

— Где дельфинннны? — пропищал губру, приплясывая взад и вперед. — Говори, или я научу тебя уважать старших.

Том кивнул.

— Научись плавать, птицемозглый, и я отведу тебя к ним.

Губру снова выставил когти. Закричал и прыгнул.

Том собрался с силами. Подпрыгнул и сильно ударил противника в горло. Крик резко оборвался, Том услышал, как лопнул позвоночник, и губру упал, скользнул по палубе и кучей перьев замер у стены.

Том приземлился рядом с ним. Перед глазами все плыло. Тяжело дыша, стоя на четвереньках, он посмотрел на врага.

— Я говорил... тебе... что у нас не было патронов, — сказал он.

Немного придя в себя, подошел к рваному почерневшему краю отверстия в корпусе и выглянул в клубящийся туман.

Все, что у него осталось, — маска, перегонный куб, одежда и... да, почти бесполезное ручное оружие губру.

И, конечно, информационная бомба. Он чувствовал ее тяжесть за поясом.

«Я достаточно долго откладывал решение», — подумал Том. Пока шел бой, он мог создавать видимость поиска ответа. Но, похоже, он слишком медлил.

«Я хотел знать наверняка, должен был быть уверен, сработает ли хитрость. Для этого здесь должны быть теннанинцы.

Я встретил этих разведчиков. Губру упоминал теннанинцев. Неужели нужно увидеть их флот, чтобы понять, что они здесь есть?»

Однако он оттягивал решение и по другой причине.

«Как только я пошлю сообщение, Крайдайки и Джиллиан выступят. Они не смогут подобрать меня. По плану мне надо самостоятельно вернуться на корабль».

Сражаясь в водорослях, он надеялся найти транспортное средство в рабочем состоянии. Что угодно, лишь бы вернуло его домой. Но тут оказались только обломки.

Том тяжело опустился спиной к холодному металлу и достал информационную бомбу.

«Пускать в ход?»

«Морской конек» — его план. И вот он, вдали от дома и Джиллиан, должен проверить его в действии.

Взгляд его, блуждая по окровавленной усеянной обломками палубе, остановился на радио губру.

«Знаешь, — сказал он себе, — ты можешь еще

кое-что сделать. Если даже после этого я окажусь в самом центре прямого попадания, все равно смогу передать информацию Джиллиан и остальным.

А может, добьюсь и большего».

Том собрался с силами, чтобы снова встать.

«Ну ладно, — подумал он, поднимаясь. — Пищи все равно нет. Можно уйти красиво».

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ПОДЪЕМ

Закат, и вечерняя звезда,
И ясный призыв ко мне,
И пусть никто не плачет,
Когда я выйду в море.
А. Теннисон

92. ДЭННИ/САХОТ

— Так дольшшше, Дэнни. Ты уверена, что не надо сворачивать на юго-запад?

Сахот плыл рядом с санями, легко держась на одном уровне. Через каждые несколько рывков он поднимался на поверхность, потом, не снижая скорости, присоединялся к своей спутнице.

— Я знаю, что так будет быстрее, Сахот, — ответила Дэнни, не отрывая взгляда от экрана сонара. Она старалась как можно дальше обходить металлические острова. Это район, в котором растут водоросли-убийцы. Она ужаснулась рассказу Тошио о встрече с ними и решила плыть подальше от этих холмов.

— Зачем же нам возвращаться к прежней стоянке «Стремительного», прежде чем двигаться на юг?

— По нескольким причинам, — ответила Дэнни. — Прежде всего, эту часть пути мы знаем, были здесь раньше. А дорога от прежней стоянки к морскому коньку прямо на юг, и там меньше вероятности заблудиться.

Сахот в сомнении фыркнул.

— Что еще?

— Еще мы можем отыскать Хикахи. Я думаю, сейчас она где-то возле старой стоянки.

— Джиллиан просила тебя поискать ее?

— Да, — солгала Дэнни. У нее были свои причины искать Хикахи.

Дэнни боялась намерений Тошио. Возможно, он задержится на острове до окончательной готовности «Стремительного», и тогда Такката-Джим уже не успеет вмешаться. Конечно, тогда будет слишком поздно и возвращаться на борт в санях.

В таком случае единственным шансом Тошио останется скиф. Дэнни должна отыскать Хикахи раньше Джиллиан. Джиллиан может послать скиф за Томом Орли, а не за Тошио.

Дэнни понимала, что рассуждает нерационально, и чувствовала себя виноватой. Но если она

может солгать одному дельфину, то сможет и другим.

93. ТАККАТА-ДЖИМ/МЕТЦ

Бывший первый помощник капитана качал головой и скалил зубы в ответ на саботаж.

— Я развею их внутренности по лесу! — свистел он. Гудели тяжелые механические руки его доспехов.

Игнасио Метц смотрел на тонкие, почти невидимые проволочки сети, прижимавшей баркас к поверхности...

Покачал головой.

— Мне кажется, вы слишком нервничаете, помощник капитана. Парень только старался не выпустить нас раньше срока.

Такката-Джим развернулся и взглянул на человека.

— Вы передумали, доктор Метц? Вы считаете, что эта сумасшедшая, которая теперь управляет кораблем, пошлет экипаж на смерть?

— Нет, конечно, нет! — Метц отступил перед злобой офицера. — Я согласен с вами. Мы попытаемся пойти на компромисс с галактами, но...

— Что — но?

Метц неуверенно пожал плечами.

— Я не думаю, что Тошио виноват в том, что выполняет свои обязанности...

Такката-Джим с пушечным залпом захлопнул челюсти, его «паук» надвинулся на Метца и остановился в метре от занервничавшего человека.

— Вы думаете! Вы ДУМАЕТЕ! Из всех комедий эта самая смешная! Вы, считающий себя умнее Совета Земли, вы, который и в без того неустойчивый экипаж ввел своих любимых чудовищ, вы, не обративший никакого внимания на сигналы опасности, — да, Игнасио Метц! Вы говорите мне, что думаете! — И Такката-Джим насмешливо фыркнул.

— Н... но мы... вы и я договорились почти обо всем! Мои экспериментальные стеносы стали вашими самыми верными сторонниками! Только они и стоят за вами!

— Ваши стеносы вовсе не стеносы! Это отсталые искалеченные существа, которые не должны были участвовать в экспедиции. Я использовал их, как использовал вас. Но не надо причислять меня к вашим чудовищам, Метц!

Пораженный, Метц прижался к стене баркаса.

Послышался звук возвращающихся машин. С испепеляющим взглядом Такката-Джим велел

человеку молчать. Из леса показался «паук» Срикапона.

— Нити ведут к бассейну, — объявил фин. Его англик был так высок, что Метц почти не слышал. — Спускаются в воду, а там обернуты вокруг ствола дерева-сверла.

— Ты их перерезал?

— Да! — Неофин помотал головой.

Такката-Джим кивнул.

— Доктор Метц, пожалуйста, подготовьте кикви. Они — второй по значимости предмет торговли и должны быть готовы к осмотру любой расой, с которой мы вступим в контакт.

— Куда вы направляетесь? — спросил Метц.

— Не ваше дело.

Метц увидел решительное выражение Такката-Джима. Потом заметил трех стеносов. В их глазах горело безумие.

— Вы пробудили в них праймал! — ахнул он. — Я вижу! Вы завели их слишком далеко! Они станут самоубийцами!

Такката-Джим вздохнул:

— О своей совести я позабочусь сам, доктор Метц. А пока буду делать все, чтобы спасти корабль и нашу экспедицию. Так как нормальный дельфин не может убить человека, мне понадо-

бились безумные дельфины.

Три стеноса улыбнулись Метцу. Он в ужасе посмотрел им в глаза, прислушался к их мрачному щелканью.

— Вы с ума сошли! — прошептал он.

— Нет, доктор Метц, — Такката-Джим с сожалением покачал головой. — Это вы сошли с ума. Эти фины безумны. Но я действую, как действовал бы отчаявшийся и преданный своему делу человек. Преступник или патриот — это вопрос точки зрения, но я разумен.

Глаза Метца распахнулись еще шире.

— Вы не можете увезти на Землю всех, кто в курсе... — Он побледнел, повернулся и побежал к шлюзу.

Такката-Джиму даже не пришлось отдавать приказ. Из «паука» Срика-пола вырвался фотохимический голубой луч. Игнасио Метц ахнул и упал на грязную почву перед самым люком. Он смотрел на Срика-пола, как отец, преданный сыном, которого он безумно любил.

Такката-Джим повернулся к своему экипажу, пытаясь справиться с отвращением и тошнотой.

Найти, найти,
Найти и убить

Убить
Мягкокожего человека
Волосатую обезьяну

Я буду ждать, ждать
Здесь
Ждать здесь

Фины одновременно резко свистнули в знак согласия, повернулись все, как один, и с шумом углубились в лес, ломая тяжелыми манипуляторами стволы, как прутики.

Человек застонал. Такката-Джим сверху вниз посмотрел на него и подумал, что надо положить конец его мучениям. Он хотел, но не мог заставить себя совершить насилие по отношению к человеку.

«Ну и хорошо, — подумал он. — Кое-что надо еще починить. Я должен быть готов, когда вернутся мои чудовища».

Такката-Джим осторожно перешагнул через лежащего человека и забрался в шлюз.

— Доктор Метц! — Тошио оттащил раненого в сторону и приподнял ему голову. Он говорил настойчиво, одновременно покрывая болеутоляющей пеной шею генетика. — Доктор Метц, вы

меня слышите?

Метц неясным взглядом посмотрел на юношу.

— Тошио? Ты должен уходить, мой мальчик! Такката-Джим послал...

— Я знаю, доктор Метц. Я прятался в кустах, когда в вас выстрелили.

— Значит, ты слышал, — он вздохнул.

— Да, сэр.

— И знаешь, какой я был дурак, когда...

— Сейчас не время, доктор Метц. Нужно уходить. Чарли Дарт прячется поблизости. Мне нужно забрать его, пока стеносы обыскивают другую часть острова.

Метц схватил Тошио за руку.

— Они охотятся и за ним.

— Знаю. Никогда не встречал более потрясенного шимпа. Он искренне верил, что его помощь останется для них тайной! Я схожу за ним, и мы вас унесем отсюда.

Метц закашлялся, на губах выступила красная пена. Он покачал головой.

— Нет. Я, кажется, как Виктор Франкенштейн, погублен собственным созданием. Оставь меня. Беги к саням и уплывай.

Тошио сморщился.

— Они сразу направились к бассейну, доктор

Метц. Я следил за ними и видел, как они потопили мои сани. Но я опередил их и предупредил кикви. Дэнни научила меня их сигналу тревоги, и они разбежались, как спятившие лемминги, когда я крикнул. Так что пока стеносы им не угрожают...

— Они не стеносы, — поправил Метц. — Demenso cetus metzii — вот как их надо бы назвать. Безумные дельфины Метца... Знаешь, мне первому удалось создать дельфинов-преступников... — Он прижал руку ко рту и снова закашлялся.

Посмотрел на красную слюну на руке, потом на Тошио.

— Мы собирались отдать кикви галактам. Мне это было не по нраву, но он меня убедил...

— Такката-Джим?

— Да. Он считал, что только сообщить им местоположение брошенного флота недостаточно...

— У него есть ленты? — Тошио был ошеломлен. — Но как?..

Метц его не слушал. Он слабел на глазах.

— ...Он считал, что этого не хватит, чтобы купить свободу «Стремительному», поэтому... решил, что мы им отдадим и аборигенов.

Слабеющей рукой Метц схватил Тошио.

— Ты должен освободить их, Тошио. Не отдавай их фанатикам. Они так много обещают. У

них должны быть добрые патроны. Может быть, линтены... или синтиане... мы не готовы к такой работе... мы... мы превратим их в карикатуру на самих себя... мы...

Генетик обмяк.

Тошио ждал. Больше он ничего не мог сделать для этого человека. Небольшая медицинская сумка позволяла лишь облегчить боль.

Через минуту Метц пришел в себя. Он смотрел, не видя.

— Такката-Джим... — проговорил он. — Никогда не думал об этом раньше! Он именно тот, кого я искал! Я не понимал этого, но он не дельфин. Он человек... Кто бы мог подумать...

Лицо его побледнело. Глаза закатились.

Пульс не прослушивался. Тошио положил тело на землю и скользнул назад в лес.

— Метц мертв, — сказал он Чарли Дарту. Шимп смотрел на него из куста. Блестели белки его глаз.

— Н... но эт... то...

— Преступление, я знаю. — Тошио сочувственно кивнул Чарлзу Дарту. Стандартная процедура возвышения, которую земляне переняли у галактов: у клиентов вырабатывается устойчивое отвращение к убийству патрона. Некоторые счи-

тали это лицемерием, зная прошлые «заслуги» человечества. И все же...

— Они не задумываясь застрелят тебя или меня!

Тошио пожал плечами.

— Что же мы будем делать? — Профессиональная уверенность покинула Чарли. Он хотел поменяться ролями с Тошио.

«Он взрослый, а я мальчик, — с горечью подумал Тошио. — Должно быть наоборот.

Нет, это глупо. И статус патрона или клиента к этому не имеет отношения. Я военный. Моя работа — сохранить нам жизнь».

Он постарался скрыть, что нервничает.

— Будем продолжать делать то, что делали. Мешать им, как можно дольше задерживать полет.

Дарт несколько раз мигнул, потом возразил.

— Но тогда и у нас не будет выхода! Разве нельзя попросить «Стремительный» забрать нас?

— Джиллиан сделает все необходимое, уверен. Наши судьбы сейчас не самое важное. Постарайтесь это понять, доктор Дарт. Мы солдаты. Говорят, на миру и смерть красна. Наверно, это правда; иначе не было бы легенд.

Шимп пытался поверить ему. Руки его дрожали.

— Если они вернутся на Землю, расскажут о том, что мы сделали, верно?

Тошио улыбнулся.

— Конечно.

Чарли несколько мгновений смотрел в землю. Слышно было, как в лесу стеносы сокрушают деревья.

— Тошио, я должен тебе кое-что сказать.

— Что, доктор Дарт?

— Помнишь, я хотел, чтобы они отложили старт еще на несколько часов?

— Ваш эксперимент. Да, помню.

— Приборы на борту «Стремительного» зарегистрируют данные, так что информация дойдет до дома, даже если я не вернусь.

— Здорово, доктор Дарт! Я рад за вас, — Тошио понимал, что это значит для ученого шимпа.

Чарли слабо улыбнулся.

— Ну, сейчас уже остановить невозможно, лучше тебе быть в курсе, чтобы не удивиться.

Что-то в его словах встревожило Тошио.

— Расскажите, — попросил он.

Чарли взглянул на часы.

— Робот будет на месте через восемьдесят минут. — Он, чуть занервничав, посмотрел на Тошио. — И тогда взорвется моя бомба.

Тошио прислонился спиной к дереву.

— Только этого нам не хватало!..

— Я собирался до взрыва сказать Такката-Джиму, чтобы он мог укрыться в это время, — объяснил Чарли. — Но особенно не тревожься. Я видел карту пещеры под островом, составленную Дэнни. Шансы, что остров не обрушится, примерно равны, но знаешь... — Он развел руками.

Тошио вздохнул. Они в любом случае погибнут. К счастью, последнее не имеет, кажется, большого значения.

94. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Мы готовы. — Сообщение прозвучало небрежно.

Джиллиан оторвалась от голограммы. Ханнес Свесси, стоя у двери, двумя пальцами отдал ей салют. Свет из ярко освещенного коридора трапецией освещал пол в темной комнате.

— Как соотношение сопротивлений?.. — спросила она.

— Почти полное совпадение. Когда вернемся на Землю, я предложу скупить несколько старых теннанинских корпусов и снабдить их «снарками». Мы будем медлительны, особенно из-за воды

в центральном отсеке, но «Стремительный» поднимется, полетит и деформируется в переходе. И потребуется приложить усилия; чтобы пробить внешний корпус.

Джиллиан положила ногу на стол.

— Ну, силы для этого найдутся, Ханнес.

— Корабль полетит. А в остальном... — Инженер пожал плечами. — Единственное, о чем я прошу: приказать всем провести час в спальных машинах, чтобы мы не отключились на старте. А остальное решать вам, мадам капитан.

Он остановил ее прежде, чем она заговорила.

— И не спрашивайте совета у нас, Джиллиан. До сих пор вы отлично справлялись, и мы с Тшут будем говорить только «Да, сэр» и вскакивать, когда вы входите.

Джиллиан закрыла глаза и кивнула.

— Хорошо, — негромко сказала она.

Ханнес через открытую дверь заглянул в лабораторию Джиллиан. Он знал о древнем трупе, потому что помогал Тому Орли переносить его на корабль. Увидел силуэт в стеклянном ящике. Вздрогнул и отвернулся.

На дисплее Джиллиан видно было маленькое, размером с мяч для пинг-понга, голографическое изображение Китрупа и нескольких его спутни-

ков. В космосе — две группы красных и синих точек, рядом с ними компьютерные надписи.

— Как будто немного осталось, — заметил Свесси.

— Это корабли только в ближайшем космосе. Если увеличить картину до кубического астрона, видны еще два значительных галактических флота. Мы, разумеется, не можем их распознать, но боевой компьютер приписывает цвета на основе их передвижений. Там все время происходит перегруппировка союзов.

— И выжившие скрываются на спутниках.

Свесси поджал губы. Чуть не задал вопрос, который волновал всех, но удержался. А Джиллиан ответила на него:

— От Тома по-прежнему ни слова. — Она взглянула на руки. — До сих пор его информация была нам не очень нужна, но сейчас... — Она замолчала.

— Теперь мы должны знать, станет ли наш старт самоубийством, — закончил за нее Свесси. Он заметил, что Джиллиан снова разглядывает дисплей.

— Вы хотите сами это установить?

Джиллиан пожала плечами.

— Берите этот час, Ханнес, или три, или десять.

Скажите финам, чтобы отдыхали на своих местах; пусть машины для сна перетащат на мостик.

Она нахмурилась, глядя на светящиеся точки.

— Возможно, я ошибаюсь. Может, нужно выбрать меньшее из зол: скрываться здесь, пока не посинеют десны и мы не начнем умирать от отравления металлом. Но у меня предчувствие, что скоро придется действовать. — Она покачала головой.

— А как же Тошио, Хикахи и все остальные?

Джиллиан не ответила, да это и не требовалось. Через мгновение Свесси повернулся и вышел. И закрыл за собой дверь.

Точки. Пассивные сенсоры «Стремительного» не давали большего разрешения; изредка две точки встречались — вспышка — и точек становилось меньше. Боевой компьютер исследовал движения и выдавал предварительные заключения. Но ответа, который она ждала, так и не было.

— Останутся ли уцелевшие флоты равнодушными к неожиданному появлению давно утраченного теннанинского крейсера, или они объединятся, чтобы смести его с неба? — Ей предстояло решать. Джиллиан никогда не чувствовала себя так одиноко.

«Где ты, Том? Я знаю, ты жив. Я чувствую твое далекое дыхание. Что ты сейчас делаешь?»

Слева вспыхнул зеленый огонек.

— Да, — сказала она в коммуникатор.

— Доктор Бассскин! — Голос Ватгасети с мостика. — Вызывает Хикахи! Она у релейного пункта! И у нее Крайдайки!

— Соедините!

Послышался свист, оператор усиливал принимаемый сигнал.

— Джиллиан? Это ты?

— Да, Хикахи! Слава богу! Как вы? А Крайдайки все еще у реле?

— Все в порядке, Очиститель Жизни. По словам финов на мостике, мы вам там особенно и не нужны!

— Проклятые лжецы и подхалимы! Я бы не отдала ни одного из них и за свою левую руку. Слушайте, не хватает пяти членов экипажа. Помните: двое из них подвержены атавизму и очень опасны.

Послышался свист помех. Потом:

— Мы знаем о них, Джиллиан, — послышался ответ. — Четверо из них мертвы.

Джиллиан закрыла глаза.

— Боже...

— Кипиру ссс нами, — ответила на невысказанный вопрос Хикахи.

— Бедный Акки, — вздохнула Джиллиан.

— Передайте на Калафию, что он выполнил свой долг. Кипиру говорит, что он сопротивлялся и до конца сохранял разум.

Джиллиан не понравилось последнее замечание Хикахи.

— Хикахи, ты теперь капитан. И нужна здесь немедленно. Я передаю тебе официально...

— Не надо, Джиллиан, — прервал ее высокий голос. — Пожалуйста. Не сейчас. Я еще нужна на скифе. Надо прихватить тех, кто на острове, и добровольцев кикви.

— Я не уверена, что у нас есть на это время, Хикахи. — Слова прозвучали горько. Джиллиан подумала об умной, излишне умаляющей свое достоинство Дэнни, об образованном Сахоте, о Тошио, таком молодом и благородном.

— Том сообщал что-нибудь? Нужно срочно действовать?

— Пока нет, но...

— Что же тогда?

Она не могла объяснить. Попыталась на тринари:

Что за пронзительный звук я слышу —

Звук горнов, шум двигателей —
Слезы покинутых —
Скоро, очень скоро

На скифе долго молчали. Наконец ответила не Хикахи, а Крайдайки. И в его ответе на примитивном тринари с рефренами звучало что-то глубокое и странное.

Звуки, все звуки
Говорят что-то
Говорят что-то

Действия, все действия
Производят звуки
Производят звуки

Но долг, но долг
Призывает молча
Призывает молча.

Джиллиан, затаив дыхание, слушала, как стихает голос Крайдайки. По спине ее пополз холодок.

— Пока, Джиллиан, — сказала Хикахи. — Что есть, то есть. Я свяжусь, как только смогу. Не жди нас.

— Хикахи! — Джилл протянула руку к комму-

никатору, но связь оборвалась прежде, чем она смогла сказать хоть слово.

95. ТОШИО

— Оба шлюза заперты изнутри. — Тошио отдувался, добравшись до убежища. — Похоже, что придется добираться вашим путем.

Чарлз Дарт кивнул и провел Тошио к корме маленького космического корабля.

Дважды они скрывались, поднимаясь на высокие деревья, когда внизу проходили патрулирующие стеносы. Фины не догадывались посмотреть вверх. Но Тошио знал, что если их с Чарли засекут на открытой местности, им придется умереть.

Чарли снял заднюю крышку служебного прохода между двигателями.

— Я прополз между линиями питания вот здесь, пока не добрался до плиты в переборке. — Он показал. Тошио всмотрелся в лабиринт труб.

Потом удивленно взглянул на Дарта.

— Неудивительно, что никто не заподозрил «зайца» на борту. Вы так же пробрались и в арсенал? Пролезли через трубопроводы, куда не войдет человек?

Планетолог кивнул.

— Ты не сможешь идти со мной. Значит, мне придется добираться до малышей одному.

Тошио кивнул.

— Я думаю, они в кормовом трюме. Вот переводчик.

Он протянул прибор. Переводчик походил на большой медальон на цепи, чтобы можно было повесить на шею. Все неошимпы знакомы с такими приборами, потому что до трехлетнего возраста им очень трудно говорить. Чарли надел прибор. Начал пробираться в маленькое отверстие, но потом остановился и искоса взглянул на гардемарина.

— Слушай, Тошио. Представь себе, что это один из зоокораблей двадцатого века, или клипер, в трюме которого перевозят предразумных шимпанзе — или что они там использовали, — их везут из Африки в лаборатории или в цирк. Ты бы стал их спасать?

Тошио пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю, Чарли. Хочется думать, что стал бы. Но на самом деле не знаю, как бы я поступил.

Неошимп долго смотрел человеку в глаза, потом хмыкнул:

— Ну хорошо, охраняй тыл.

Тошио подтолкнул его, и Чарли втиснулся в механический лабиринт. Тошио присел и прислушался к звукам в лесу. Чарли, ставя изнутри плиту на место, ужасно шумел. Но вот шум прекратился.

Тошио скользнул в лес, чтобы незамеченным обойти окружающую местность.

По треску, доносящемуся со стороны деревни, он решил, что стеносы забавляются разрушением. Он надеялся, что маленькие существа не вернулись наблюдать за этим.

Вернувшись к баркасу, Тошио взглянул на часы. До взрыва семнадцать минут. Осталось очень мало времени.

Он протиснулся в сектор обслуживания и начал выводить из строя клапаны. Конечно, эти двигатели Такката-Джиму не нужны. Если он конвертировал бомбы, то может действовать на гравитационных. Открытый люк уменьшит аэродинамическую устойчивость корабля, но ненамного. Такие баркасы делают очень прочными.

Он остановился и прислушался. Шум в лесу усиливается. Фины возвращаются.

— Быстрее, Чарли! — Он потрогал рукоять игольника, не уверенный, что сумеет попасть

в места, не защищенные металлическими доспехами.

— Выходите!

Из глубины послышался негромкий писк. Звуки отражались от стен узких проходов, и наконец Тошио увидел зеленые лапы с плоскими перепончатыми пальцами.

Затем показалась голова недоумевающего кикви. Абориген выбрался из отверстия, пробрался между путаницей труб и прыгнул в руки Тошио.

Тошио опустил перепуганное существо и протянул руки за следующим. Кикви испускали громкие крики.

В конце концов все четверо выбрались. Тошио всмотрелся и увидел, что Чарлз Дарт пытается поставить на место внутреннюю панель.

— Оставьте! — просвистел Тошио.

— Нет! Такката-Джим заметит изменение давления воздуха. Нам повезло, что до сих пор он не заметил!

— Сюда! Они... — Тошио услышал жужжание моторов «паука» и треск ветвей. — Они уже здесь! Я отвлеку их! Удачи, Чарли!

— Подожди!

Тошио отбежал в кустарник, чтобы фины не догадались, откуда он пришел. Потом, пригнув-

шись, побежал.

Вот! Вот!
Китобой!
С сетями Ики!
Гонец за тунцами!
Вот! Убить! Вот!

Стеносы кричали совсем близко. Тошио нырнул за ствол орехового дерева, над головой пронесся синий луч смерти. Кикви закричали и разбежались по лесу.

Тошио перекатился и снова побежал, стараясь, чтобы между ним и преследователями были деревья.

Он слышал звуки слева и справа. Фины пытались окружить его. Комбинезон сковывал движения. Тошио пытался добраться до береговых утесов, пока кольцо не сомкнулось.

96. ТОМ ОРЛИ

Какое-то время он слушал радио, и, хоть разобрал несколько языков, переговоры в основном вели между собой компьютеры, а это ему ничего не давало.

«Ну хорошо, — сказал он себе. — Попробуем все правильно сформулировать. Речь должна быть грамотной».

97. СКИФ

Дэнни запиналась, произнося тщательно подготовленную речь. Она старалась усилить аргументацию, но Хикахи остановила ее.

— Доктор Судман. Не нассстаивайте! Наша следующая остановка все равно остров. Мы возьмем Тошио, если он еще там. И, возможно, будем иметь дело с Такката-Джимом. Выступим, как только Крайдайки закончит.

Дэнни почувствовала, как проходит напряжение. Итак, теперь от нее ничего не зависит. Делом займутся профессионалы. Она может расслабиться.

— Сколько?..

Хикахи покачала головой.

— На сей раз Крайдайки не предвидит хорошего результата. Много времени не потребуется. Почему бы вам с Сахотом пока не отдохнуть?

Дэнни кивнула и повернулась, чтобы отыскать место в крошечном трюме и лечь.

Сахот плыл рядом с ней.

— Слушай, Дэнни, раз уж мы отдыхаем, хочешь попробовать массаж?

Дэнни рассмеялась.

— Конечно, Сахот. Только не очень увлекайся, ладно?

Крайдайки пытался еще раз договориться с ними.

: МЫ В ОТЧАЯННОМ ПОЛОЖЕНИИ: КАК И ВЫ КОГДА-ТО: МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ПОМОЩЬ МАЛЕНЬКИМ
НЕЗАВЕРШЕННЫМ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ: НАДЕЖДУ ВЫРАСТИ НЕСЛОМЛЕННЫМИ:

: НАШИ ВРАГИ КОГДА-НИБУДЬ ПРИЧИНЯТ ВРЕД И ВАМ: ПОМОГИТЕ НАМ:

В ответ донеслось пульсирование. В нем замкнутость, давление, жар расплавленной магмы. Песня, полная клаустрофобии, хвалы твердому камню и текучему металлу.

+ ПРЕКРАТИ —

— МИР +

+ СВОБОДА!! —

— ИЗОЛЯЦИЯ +

Вслед за скрипом механизма неожиданно наступила тишина. Старый робот, долго провисевший на двухкилометровой глубине в узкой шахте, был уничтожен.

Крайдайки прощелкал знакомую фразу на тринари:

Вот и все

Ему хотелось снова погрузиться в сон. Но на уровне реальности для этого не было времени.

Сейчас важнее уровень реальности, в котором для него существует долг. Может быть, позже. Позже он снова навестит Нукапай. Может, тогда она покажет ему то невыразимое, что услышала на смутном пути предвидения.

Он направился к шлюзу маленького корабля. Увидев его, Хикахи начала прогревать двигатели.

98. ТОМ ОРЛИ

— ...небольшая группа дельфинов замечена в нескольких сотнях пактаров от этого места! Они быстро движутся на север. Могут появиться здесь, чтобы узнать, что за схватка тут происходила. Торопитесь! Нужно ударить!

Том щелкнул в передатчик. Голова болела от необходимости сосредоточиться, чтобы бегло говорить на галактическом-десять. Он не думал, что Братья Ночи примут его за одного из своих

исчезнувших разведчиков. Для осуществления плана это неважно. Он хотел только пробудить их интерес перед заключительным ударом.

Он переключил частоту и поджал губы, готовясь заговорить на галактическом-двенадцать.

Вообще-то это забавно! Отвлекает от усталости и голода, удовлетворяет эстетическое чувство, даже если из-за этого за ним явятся все патроны со своими клиентами.

— ...Воины паха! Паха-аб-Клепшко-аб-пьюбер-аб-соро-аб-хул! Передайте хозяйке флота соро, что у нас есть новости!

Том думал о каламбуре, который имеет смысл только на гал-двенадцать. Впрочем, соро этого не поймет.

99. ДЖИЛЛИАН

Неожиданно все флоты пришли в движение. Небольшие группы кораблей пронеслись по полю сражения и объединились среди спутников Китрупа, направляясь к планете. Сближаясь, они вились друг около друга, вспыхивали огоньки взрывов.

Что бы ни происходило, для Джиллиан это был шанс.

— Доктор Бассскин! Джиллиан! — В коммуникаторе послышался голос Тшут. — Мы принимаем радиосообщение с поверхности планеты. Передатчик один, но передача идет попеременно на разных галактических языках. Я готова поклясться, что голос один и тот же!

Джиллиан наклонилась вперед и коснулась переключателя.

— Иду, Тшут. Вызовите всех, кто сейчас на вахте. Остальные пусть еще немного отдохнут. — И она выключила передатчик.

«О Том, — вздохнула она, торопясь к выходу. — Зачем это? Неужели не мог придумать что-нибудь поэлегантнее? И менее отчаянное?

Конечно, не мог, — выругала она себя и побежала по коридору. — И хорошо, Джилл. По крайней мере не «пили» его».

Через несколько мгновений она оказалась на мостике и стала слушать.

100. ТОШИО

Загнанный, Тошио даже не мог взобраться на дерево. Они слишком близко и, услышав его движения, будут рядом.

Он слышал, как они крадутся, сужая круги. То-

шио сжал игольник и решил напасть первым. Но у него ручное оружие против мощных лазеров, и к тому же он не снайпер, как Том Орли. Вообще он еще ни разу не стрелял в разумное существо. А ждать здесь еще хуже.

Он пригнулся и пополз к берегу. Старался не сломать ни веточки, но через минуту вспугнул какое-то мелкое животное, которое с шумом побежало через кусты.

И тут же Тошио услышал звук приближающегося механизма. Он быстро нырнул в куст и вынырнул оттуда прямо перед широкой ногой «паука».

Поймал! Поймал!

Последовал торжествующий крик. Тошио поднял голову и встретился взглядом со Срика-полом. Фин улыбался, заставляя «паука» поднять ногу.

Тошио успел откатиться в сторону, нога обрушилась на то место, где он только что лежал. Он перекатился в обратном направлении, снова избежав удара. «Паук» откинулся, пуская в ход обе передние ноги. Тошио не видел, куда ему свернуть. Он выстрелил в бронированное брюхо машины, и тонкие иглы, не причинив вреда, отлетели в лес.

Снова торжествующий вопль на чистом прайм-мале:

Поймал!

И тут остров вздрогнул.

Земля поднялась и опустилась. Тошио отбросило вправо, головой он ударился о почву. «Паук» пошатнулся и упал в лес.

Дрожь почвы усилилась. Тошио сумел перевернуться на живот. Он пытался удержаться на месте.

С грохотом на поляне столкнулись два «паука». Один пронесся мимо Тошио в панике. Но другой заметил его и гневно завизжал.

Тошио пытался прицелиться, но в этот момент дрожащая почва начала наклоняться. И он, и безумный дельфин старались выстрелить первыми.

Вдруг на обоих обрушился вопль, эхом отдавшийся в голове.

+ ПЛОХИЕ! —

— ПЛОХИЕ! +

+ ОСТАВЬТЕ —

— НАС +

+ В ПОКОЕ! —

От этого вопля Тошио застонал и схватился за

виски. Пистолет выскользнул из руки и упал на все более наклоняющуюся поверхность.

Дельфин резко свистнул, его «паук» упал в конвульсиях. Послышался жалобный вопль:

Прости! Прости!

Патрон, прости!

Прости!

Тошио двинулся вперед.

— Ты прощен, — бросил он на ходу. С шизоидно-преображенным фином ему нечего делать. — Иди за мной, если сможешь! — крикнул он, пытаясь пробраться к берегу. Шум в голове походил на землетрясение. Каким-то образом Тошио удержался на ногах и начал пробираться сквозь лес.

Добравшись до берега, он увидел, что море покрыто пеной. Он посмотрел вправо и влево: везде одно и то же.

В этот момент раздался рев двигателей. Тошио оглянулся и увидел, как в ста метрах от него разлетается сорванная растительность. Над наклоняющимся лесом поднимался металлически-серый баркас. Его окружал сверкающнй ореол ионизации. Холодок пробежал по спине Тошио. По острову пронеслась антигравитационная волна. Корабль медленно, неуверенно

повернулся. Затем с громом устремился в небо.

Тошио упал, когда на него обрушилась волна.

Нельзя терять времени. Либо Чарлз Дарт успел уйти, либо нет. Тошио натянул на лицо маску, придержал ее одной рукой и прыгнул.

— Ифни, хозяйка! — взмолился он. И упал в бурные воды.

101. ГАЛАКТЫ

Над планетой небольшая флотилия израненных кораблей задержалась, вступив в бой.

Корабли покинули укрытия на спутниках Китрупа, все поставив на то, что странная передача с северного полушария планеты человеческого происхождения. На пути вниз группы обрушивались друг на друга со своими тающими силами, но тут неожиданная волна пси-шума хлынула на все пестрое собрание. Она шла с планеты и была неожиданно сильной, проникла через все защитные поля, на время выведя из строя экипажи.

Корабли продолжали опускаться к планете, но выжившие члены экипажа оказались не в состоянии вести огонь и прицеливаться.

Если бы этот удар был оружием, он лишил бы половину кораблей экипажей. Но этот крик гнева

и отчаяния отразился только в головах, и лишь немногие сошли с ума.

Долго крейсеры плыли бесконтрольно, опустившись в самую толщу атмосферы.

Но вот пси-крик начал слабеть. Гнев уменьшился, оставив горящие отпечатки в памяти, и ошеломленные члены экипажей начали постепенно приходить в себя.

Ксатинни и их клиенты, которых отнесло от остальных, осмотрелись и поняли, что больше не хотят сражаться. Они решили принять предложение удалиться. Четыре избитых корабля покинули систему Ктсимини со всей скоростью, какую позволяли двигатели.

Дж'8лек приходили в себя медленнее. Потеряв сознание от крика, они оказались среди кораблей Братьев Ночи. Братья пришли в себя раньше и использовали корабли Дж'8лек для тренировок стрельбы по целям.

Совершенное оборудование позволило двум военным кораблям йофуров опуститься на склон дымящейся горы, намного южнее их первоначального назначения. Автоматическое оружие продолжало поиски врага, пока йофуры приходили в себя. Наконец, когда ошеломляющий пси-шум стих, экипаж начал восстанавливать

контроль над кораблями.

Йофуры уже были готовы к взлету, чтобы направиться на север и присоединиться к столкновению, когда вершина горы взорвалась в потоке перегретого пара.

102. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Джиллиан стояла с отвисшей челюстью, пока скрежещущий «звук» не начал стихать. Она с трудом сглотнула. В ушах хлопало, она потрясла головой, чтобы сбросить оцепенение. Потом увидела, что все дельфины смотрят на нее.

— Это было ужасно! — сказала она. — Как все остальные?

Тшут с облегчением вздохнула.

— Мы в порядке, Джиллиан. Только что засекли исключительно мощное пси-извержение. Оно легко пробило нашу защиту и на несколько минут вывело нас из строя. Но, кроме некоторого неудобства, мы больше ничего не ощутили.

Джиллиан потерла виски.

— Должно быть, повышенная чувствительность сделала меня уязвимой. Будем надеяться, что больше нападений со стороны ити не последует... — Она замолчала. Тшут качала головой.

— Джиллиан, я не думаю, что это ити. Во всяком случае нацелено не на нас. Приборы свидетельствуют, что источник излучения очень близко, причем он намеренно нацелен так, чтобы не задеть китообразных! Ваш мозг аналогичен нашему, поэтому вы ощутили только легкий удар. Свесси тоже сообщил, что сильного удара не получил. Но, я думаю, галактам пришлось трудно в этой пси-буре!

Джиллиан вторично покачала головой.

— Не понимаю.

— Значит, нас двое. И вот что я вам скажу: вероятно, нам это и не надо. Но почти в то же самое время зарегистрирован мощный подземный толчок примерно в двухстах километрах отсюда. Волна в коре только докатилась до нас.

Джиллиан поплыла в стеклянный шар мостика. Дельфин-лейтенант концом челюсти указала на шарообразную модель планеты.

Недалеко от «Стремительного» вспыхивали красные символы.

— Это остров Тошио! — сказала Джиллиан. — Чарли все-таки уберег одну бомбу!

— Прошу прощения? — Тшут выглядела смущенной. — Но, мне казалось, Такката-Джим конфисковал...

— Взлет корабля! — прокричал офицер из секции обнаружения. — Антигравитация и стасис. С того же места, где зафиксированы сотрясения в коре. В ста пятидесяти километрах отсюда. Продолжаем слежение. Корабль на скорости в два Маха направляется на восток!

Джиллиан взглянула на Тшут. Их пронзила одна и та же мысль: Такката-Джим.

Джиллиан видела вопросительное выражение глаз лейтенанта-дельфина.

— Возможно, очень скоро придется действовать. Продолжайте следить за его направлением. Поднять весь экипаж!

— Есть, сэр. Тех, кто не проснулся за последние минуты. — Тшут повернулась и передала приказ.

Через несколько минут затрещал боевой компьютер.

— Что на этот раз? — спросила Джиллиан.

На шаре, изображавшем Китруп, появилась неровная цепочка ярко-желтых огоньков. Она начиналась у острова Тошио.

— Какая-то детонация, — заметила Тшут. — Компьютер интерпретирует это как бомбардировку, но мы не видели ни одного снаряда! И почему такой разброс? Детонация происходит

узкой полосой.

— Еще пси-помехи! — объявил оператор. — Сильные! И из многочисленных источников по всей планете.

Джиллиан нахмурилась.

— Это вовсе не бомбардировка. Я видела этот рисунок. Он совпадает с границей плиты коры. Вероятно, это вулканы. Вероятно, так местные жители проявляют свое недовольство.

— Что? — недоуменно спросила Тшут.

У Джиллиан было задумчивое выражение, словно она смотрела куда-то далеко.

— Я думаю, что начинаю понимать происходящее. Нужно поблагодарить капитана Крайдайки, что пси-удар не затронул дельфинов.

Дельфины смотрели на нее. Джиллиан улыбнулась и похлопала Тшут по боку.

— Не беспокойтесь, фем-фин. Это долгая история, но со временем я объясню. Думаю, что самыми серьезными последствиями станут землетрясения, и они скоро начнутся. Мы их выдержим?

Лейтенант-дельфин нахмурилась. Она не понимала, как люди могут так стремительно менять тему.

— Я думаю, да, Джиллиан. Пока вот это остается

на месте. — Она указала через иллюминатор на утес, нависший над их гибридным кораблем.

Джиллиан посмотрела на скалу сквозь щели в корпусе теннанинца.

— Об этом я забыла. Не спускайте с него глаз.

Она повернулась к голограмме, наблюдая, как распространяется область сотрясений.

«Торопись, Хикахи! — про себя позвала она. — Бери Тошио и остальных и возвращайся сюда! Я вскоре должна принимать решение, и ты можешь опоздать!»

Проходили минуты. Несколько раз вода начинала дрожать, слышался низкий гул.

Джиллиан смотрела на синий шар Китрупа. Полоска желтых огней протянулась на север, напоминая рану в боку планеты. И вот желтые огни слились с небольшой группой островов на севере.

«Том», — вспомнила Джиллиан.

Неожиданно вскочил оператор-связист.

— Командир, идет передача! На чистом англике!

103. ТОМ ОРЛИ

Он неуклюже держал микрофон, не приспособленный для руки человека. Том провел языком по растрескавшимся губам. Повторять речь еще раз некогда. В любой момент могут нагрянуть гости.

Он нажал клавишу передачи.

— Крайдайки! — отчетливо заговорил он. — Слушай внимательно! Запиши и передай Джиллиан! Она истолкует!

Он знал, что его передачу слушают все корабли в ближнем космосе. Вероятно, прямо к нему их направляется множество. И если его новая ложь будет убедительна, их явится еще больше.

— Прямая линия связи с кораблем нарушена, — сказал он. — А сто километров — долгий путь для доставки сообщений, поэтому я рассчитываю на новый код. Надеюсь, он еще не расшифрован.

Пусть галакты подумают над этим. А теперь — настоящее сообщение на «Стремительный», в котором содержится информация о том, что он узнал:

«Джилл. Наше яйцо проклюнулось, милая. Весь зоопарк разбежался. Звери свирепые!

Но я нашел оборванный образчик того, что мы

искали. Я слышал, что он все еще продается, но ключи высоко. Вы с Х и К должны принимать решение на этом основании.

Вспомни, что говорил нам старик Джейк Демва, когда мы с ним были в центральной Библиотеке на Танит. Помнишь, что он говорил о предчувствиях? Расскажи об этом Крайдайки. Ему решать, но я настаиваю: следуйте совету Джейка».

Он чувствовал, как ком подкатывает к горлу. Пора заканчивать. Нет смысла сильно намекать ити.

«Джилл! — Он кашлянул. — Милая, я выхожу из игры. Отвези Херби и всю остальную информацию в Совет. Мне остается только верить, что игра стоила свеч».

Он закрыл глаза и сжал микрофон.

«Когда встретишься со старым Джейком, выпейте за меня».

Он хотел сказать еще что-то, но понял, что и так сказал слишком много и откровенно. Нельзя дать лингвистическим компьютерам галактов возможность расшифровать смысл его сообщения.

Он поджал губы. И попрощался на языке, который хорошо для этого приспособлен:

Мимо плывут лепестки,

Плывут по руке моей женщины,
И она вспоминает меня

Затем прервал связь.

Встал и вынес аппаратуру наружу. Осторожно подошел к краю открытого бассейна и бросил передатчик в воду. Если кто-то засек резонанс его кристаллов, ити придется за ним нырять.

Постоял у бассейна, глядя, как ползут низкие облака, темные и тяжелые от непролитого дождя.

Теперь они могут появиться в любую минуту. Оружие у него на поясе, там же трубка для дыхания и полная фляжка. Он готов.

И в этот момент напряженного ожидания на горизонте заворчал вулкан, потом кашлянул и гневно выбросил в небо яркие огни.

Мостик расплылся. Перед глазами Джиллиан все слилось. Она моргнула, но слез не было. Не пролились, как драгоценная защита глаз.

— Будем отвечать? — спросила Тшут.

Джиллиан покачала головой. Нет, попыталась она сказать. Но произнесла это слово мысленно. Телепатически она ощущала сочувствие остальных.

«Как мне его оплакивать, — подумала она, — если я все еще ощущаю его присутствие? Он еще

жив где-то там.

Как мне его оплакивать?»

Она почувствовала движение воды: осторожно, стараясь не потревожить ее, приблизился фин и стал что-то докладывать Тшут.

Джиллиан закрыла горящие глаза. Слезы наконец хлынули по ее щекам. Она не могла стереть их под маской. Когда открыла глаза, зрение прояснилось.

— Я слышала, Ватгасети. В какую сторону направился Такката-Джим?

— К галактическим флотилиям, капитан. Но эти флоты погрузились в хаос! После этого пси-удара они жгут друг друга. И большая часть схватки происходит... над позицией мистера Орли.

Джиллиан кивнула.

— Подождем еще немного. Переходите в состояние боевой готовности и немедленно информируйте меня обо всем.

На посты вызвали всех, кто не был на вахте. Свесси и Д'Анит доложили, что двигатели прогрелись.

«Последняя возможность, Хикахи, — подумала Джиллиан. — Придешь?»

— Джиллиан! — крикнул Лаки Каа. Механической рукой он указывал на иллюминатор.

— Утес!

Джиллиан торопливо взглянула в этом направлении. Утес дрожал. По нему прошли большие трещины.

— На старт! — приказала Джиллиан. — Тшут, уноси нас отсюда!

104. ГАЛАКТЫ

Куллкуллабра низко поклонился соро Крат.

— Сообщение человека переведено? — рявкнула она.

Могучий пила снова поклонился и слегка попятился.

— Не полностью, мать флота. Человек говорил на двух несовершенных языках — англике и тринари. У нас, конечно, есть программы перевода для обоих, но они так хаотичны и контекстуальны, что вообще не похожи на языки цивилизованных существ...

Библиотекарь вздрогнул, когда Крат обратилась к нему.

— У тебя есть что-нибудь?

— Госпожа, мы считаем, что последняя часть сообщения — на тринари — самая важная. Это может быть приказ клиентам, или...

Тяжелая линг-слива пролетела в нескольких дюймах от его головы. Библиотекарь быстро попятился.

— Гипотезы! Предположения! — бушевала Крат. — Даже танду вне себя от возбуждения и шлют экспедицию за экспедицией к тому месту планеты, откуда пришло сообщение. И мы должны последовать их примеру.

Она оглянулась. Экипаж избегал ее взгляда.

— У кого-нибудь есть гипотеза, объясняющая этот неожиданный пси-удар, который вывел из строя всех разумных в системе? Может, и это выдумка землян? А вулканы — тоже их хитрость?

Экипаж старался выглядеть одновременно внимательным и занятым. Никто не рискнул заговорить с рассерженной матерью флота.

Из секции обнаружения показался воин паха.

— Госпожа, — объявил он. — Мы не заметили этого из-за вулканов, но с планеты поднялся корабль.

Крат почувствовала прилив радости. Этого-то она и ждала! Хотя она и послала свои корабли к месту радиосообщения, основные силы флота сохранились при ней.

— Отвлекающие маневры! Все это были отвлекающие маневры! Радиосообщение, пси-удар,

даже вулканы!

Конечно, ей хотелось бы знать, как землянам удалось осуществить два последних отвлекающих маневра. Но этот вопрос будет решен, когда поймают и допросят людей и их клиентов.

— Земляне выждали, пока битва переместится к планете, — сказала она. — И теперь пытаются уйти! Мы должны...

Подошел Куллкуллабра и поклонился.

— Госпожа, я провел глубокий поиск в Библиотеке и, как мне кажется, знаю источник пси и...

Глаза пила выпучились: Крат ударила его в живот своим брачным когтем. Крат встала, схватила библиотекаря и швырнула его безжизненное тело об стену.

Постояла, глубоко вдыхая запах смерти. Ну, по крайней мере из-за этого убийства неприятностей не будет. Ведь идиот-пила действительно прервал ее! Никто не скажет, что она была не вправе разделаться с ним!

Она втянула коготь. Конечно, не сравнится с самцом ее рода: тот ведь может и ответить, но все равно хорошо.

— Расскажи о корабле землян, — сказала она паха.

Крат заметила, что он подождал несколько

секунд, прежде чем заговорить.

— Госпожа, — сказал он. — Это не главный их корабль. Похоже на какой-то разведчик.

Крат кивнула.

— Посол. То-то я так удивлялась, почему они не пытаются договориться о сдаче. Необходимо перехватить этот корабль. Мы должны действовать, прежде чем его обнаружат танду.

— Пусть наши новые теннанинские союзники идут в тылу. Я хочу, чтобы они поняли: в этом деле они младшие партнеры.

— Госпожа, теннанинцы уже готовятся покинуть нас. Они хотят присоединиться к схватке над поверхностью планеты.

Крат хмыкнула.

— Пусть. Наши силы снова равны силам танду. А теннанинцы почти бессильны. Пусть уходят. А мы займемся разведчиком.

Она села на влетуровую подушку и загудела про себя.

Скоро, скоро.

Хозяева требуют слишком многого. Как может акцептор достоверно докладывать, когда одновременно происходит столько всего.

Это прекрасно! Все происходит в один момент! Сверкающие вспышки над поверхностью пла-

неты... яркие горячие вулканы... и этот гневный пси-рев, который недавно испустила сама планета!

Гнев все еще кипит и пенится. Почему хозяева не интересуются таким уникальным явлением? Пси-сигналы из глубин планеты? Акцептор мог бы так много рассказать танду об этом гневном голосе, но их интересует только, как его заглушить. Он отвлекает их и делает уязвимыми.

Акцептор же воспринял его как благословение, пока его снова не наказали. Хозяева применили нервный хлыст. Ноги акцептора дернулись: неприятное ощущение проникло в мозг.

Должно ли «наказание» изменить его поведение в этот раз? Акцептор задумался.

И решил игнорировать «боль». Пусть льстят или кричат. Акцептора очаровали гневные голоса, исходящие снизу, и он стал слушать их очень внимательно.

105. СКИФ

— Какого дьявола?..

Дэнни скатилась со своей полки и упала в воду. Сахот запищал. Корабль неожиданно встал на дыбы.

И вдобавок к физическому неудобству на них навалилось психическое. Дэнни хлебнула воды и ухватилась за распорку. Ей хотелось зажать уши.

— Прекратите, — простонала она. Она пыталась использовать технику, которой обучал ее Тошио... чтобы ритм ударов сердца совпадал со скрежещущим шумом в голове. Она почти не слышала, как Сахот крикнул:

— Это они!

Фин клювом нажал кнопку люка и заторопился по коридору. Он ворвался в тесную контрольную рубку.

— Крайдайки! — начал он, забыв, что капитан его не понимает. — Это они! Голоса снизу!

Крайдайки взглянул на него, и Сахот понял, что капитан уже знает. Он как будто и не удивился. Крайдайки негромко напевал мелодию приятия. Он казался удовлетворенным.

Со своего места пилота Кипиру объявил:

— Регистрирую поток нейтрино и антигравитации. Прямо по курсу! Взлетает небольшой корабль.

Хикахи кивнула.

— Вероятно, Такката-Джим. Надеюсь, Джиллиан была права, когда приняла меры.

Они продолжали двигаться под водой на во-

сток. Полчаса спустя Кипиру снова крикнул:

— Еще антигравитация! Большой корабль! Взлетает на юго-запад!

Крайдайки плавниками ударил по воде.

Вверх, вверх!

Вверх и смотрите!

Смотрите!

Хикахи кивнула Кипиру.

— Поднимись на поверхность.

Скиф вынырнул. Мимо иллюминаторов скользнули водоросли.

Все столпились у южного иллюминатора и смотрели, как на горизонте появился клинообразный предмет, медленно набирая скорость, поднялся в небо. Видели, как он пролетел на юг, достиг скорости звука и наконец исчез в облаках.

Смотрели, пока след «Стремительного» не рассеялся в небе Китрупа.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ВОСТОРГ

Это парни, которые всегда обгоняют ветер.

Герман Мелвилл

106. ТОШИО

Тошио плыл изо всех сил, волны старались оттащить его назад. Борясь с течением, он пробивался в открытый океан. И, когда почувствовал, что руки и ноги отказывают, добрался до спокойной воды. С горящими легкими повернулся и увидел, как остров, оставшийся теперь почти в двух километрах, медленно погружается в пропасть.

Но это погружение кратковременное. Деревосверло не завершило свою работу, когда они с Дэнни взорвали его. Как только ствол будет забит, остров, вероятно, остановится.

Со всех сторон донеслись глухие взрывы. Тошио огляделся. Деревья на островах раскачивались во всех направлениях, как от ветра. На некотором

расстоянии он увидел три столба пара и дыма, поднимающиеся над равниной моря. Слышался рев подводных землетрясений.

Неужели из-за одной маленькой бомбы? Несмотря на все пережитое, Тошио спокойно рассуждал о происходящем. Ему ничего не оставалось, кроме рассуждений о том, как лучше умереть. Он испытывал странное ощущение свободы.

«А если бомба высвободила поток магмы? — подумал Тошио. — Если где-то и должен был бы появиться вулкан, то, мне кажется, в шахте этого дерева-сверла. Но, наверное, остров заткнул эту шахту».

Металлический остров, который две недели был его домом, будто бы перестал погружаться. Над водой виднелись только вершины деревьев.

Тошио подумал о судьбе Чарлза Дарта. Он не мог себе представить, чтобы шимпанзе уплыл далеко. Вероятно, это к лучшему. Во всяком случае быстрая смерть.

Отдохнув, Тошио почувствовал себя бодрее. И снова поплыл.

Минут через двадцать послышался низкий гул. Тошио обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как отдаленный остров покачнулся от сильного

взрыва. Во все стороны разлетелась грязь и растительность. Сам остров приподнялся, раскололся надвое и снова опустился в облаке пара.

107. ТАККАТА-ДЖИМ

— Вызываю военный флот! Вызываю военный флот спереди! Говорит лейтенант Такката-Джим из Земной Исследовательской Службы. Я хочу начать переговоры. Пожалуйста, ответ-тьте!

Приемник молчал. Такката-Джим выругался. Радио должно работать. Он снял его с саней Томаса Орли, а у этого человека оборудование всегда в порядке. Почему же галакты не отвечают?

Баркас должен управляться несколькими членами экипажа. Неожиданное уничтожение острова заставило его бросить стеносов. И теперь никто не может ему помочь. Ему приходится одновременно работать за двоих или троих.

Он смотрел на тактический дисплей. С севера галактики к нему приближается группа желтых огней. Она ничтожно мала по сравнению с огромной армадой, которая появилась здесь, в системе, несколько недель назад. Но все же обладает огромной огневой мощью. И направляется прямо к нему.

Вселенский хаос. Планета в пятнах выделяющейся энергии — столбы пара над вулканами, проснувшимися в море. А над северным полушарием продолжается битва.

Такката-Джим уменьшил масштаб изображения на дисплее и увидел другой флот. Он тоже направлялся прямо к нему.

Эфир заполнен голосами. Импульсная модуляция, частотная модуляция, модуляция пучка первичных электронов — вся шкала задействована в этом смятении. Может, поэтому его никто не слышит?

Нет. У галактов совершенные компьютеры. Должно быть, барахлит его оборудование. Некогда было проверить перед стартом!

Такката-Джим нервно смотрел на карту.

Он плывет навстречу стае хищных акул, надеясь вступить в переговоры и обеспечить безопасность «Стремительного» и его постепенное освобождение. Но тут он вспомнил выражение лица Джиллиан Баскин, когда неделю назад предложил отдать все сведения галактам как выкуп. Метц тогда поддержал его, но теперь в памяти всплыло лицо женщины. Она с жалостью посмотрела на него и сказала, что фанатики не подчиняются разуму.

— Они все возьмут, вежливо поблагодарят нас, а потом сожгут в масле, — заметила она.

Такката-Джим мотнул головой.

«Не верю. Это все же лучше, чем ее прожект!»

Он смотрел на тактическую голограмму. Первый флот уже всего в ста тысячах километров. Компьютер наконец выдал данные. Это боевые корабли соро.

Соро! Такката-Джим ощутил горечь желчи из первого желудка. Вспомнил все, что слышал о соро.

А если они начнут стрелять первыми? Если их вообще не интересуют пленные? Он посмотрел на приборы собственного оружия. Жалкое вооружение, но...

Механическая рука включила рубильник... все-таки хоть какое-то утешение.

108. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Оба больших флота повернули к Такката-Джиму!

Джиллиан кивнула.

— Продолжайте сообщать мне, Ваттасети. — Она повернулась. — Тшут, сколько времени нас еще будут скрывать эти тектонические сдвиги?

— Наша антигравитация уже пять минут как может быть зарегистрирована. Не думаю, чтобы нас скрыли вулканы. Если хотим вырваться, нужно набирать высоту.

— Нас сканируют с дальнего расстояния! — крикнул оператор детектора. — Интересуются несколько кораблей, воюющих над Орли!

— Вот и все, — заметила Тшут. — Пора.

Джиллиан покачала головой.

— Дайте мне еще минут пять, Тшут. Дерущиеся на севере меня не тревожат. Укройте меня еще ненадолго от основных флотов.

Тшут развернулась в оксиводе, оставив за собой цепочку пузырей.

— Лаки Каа! Держи курс на юго-запад, к этому новому вулкану!

Джиллиан напряженно смотрела на дисплей. Маленькая голубая искра обозначала баркас, летящий навстречу группе из тридцати больших точек.

— Давай, Такката-Джим, — про себя сказала Джиллиан. — Я думаю, что поняла тебя. Докажи, что я права!

От лейтенанта-изменника по радио не пришло ни звука. Должно быть, Тошио исполнил свой долг — вывел из строя все установки на острове.

Голубая искра в ста тысячах километров от врага.

— Телеметрия! Такката-Джим привел в действие свое оружие! — объявил Ватгасети.

Джиллиан кивнула.

«Я это знала. Он ведь почти человек. Надо быть очень сильной личностью — не только для того, чтобы атаковать, но и чтобы прервать связь с кораблем».

Еще немного...

— Джиллиан! — воскликнул офицер у детектора. — Не могу поверить! Такката-Джим...

Джиллиан чуть печально улыбнулась.

— Попробую угадать. Такката-Джим ведет огонь по всему флоту. — Тшут и Ватгасети повернулись к ней, глядя широко раскрытыми глазами. Она пожала плечами.

— Каковы бы ни были его грехи, никто не скажет, что Такката-Джим трус.

Джиллиан улыбнулась, чтобы скрыть свою нервозность.

— Всем приготовиться.

109. ТАККАТА-ДЖИМ

Такката-Джим закричал и схватился за рычаг. Не работает! Приборы управления огнем включились без его приказа!

Каждые несколько секунд маленький корабль вздрагивал: из единственной торпедной установки уходил очередной снаряд. Из носа баркаса вырывались небольшие вспышки антиматерии, автоматически направлявшиеся на ближайший вражеский корабль.

Необыкновенно удачный выстрел: передовой корабль соро раскрылся, как цветок. Неожиданность нападения преодолела защиту, способную противостоять вспышке новой.

Такката-Джим выругался и еще раз отключить управление огнем. Не получилось.

Весь флот соро повел ответный огонь. Такката-Джим закричал и начал маневрировать. С врожденным дельфиньим ощущением трехмерности пространства он уходил от потоков заряженных частиц и близких разрывов.

Оставалось только одно. Такката-Джим послал свой корабль навстречу второму флоту. Там видели его нападение. Если он доживет до встречи

с ними, его посчитают союзником.

Он устремился в пространство, преследуемый стадом бегемотов.

110. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Пора, Джиллиан?

— Почти, дорогая. Еще минуту.

— Корабли на сссевере как будто приняли решение. Некоторые из них поворачивают... Поправка, вся схватка движется на юг, в нашу сторону!

Джиллиан не могла не обрадоваться, что бой уходит от Тома. В конце концов это только ответная любезность.

— Хорошо. Выбирайте траекторию. Я хочу направиться к востоку от плоскости эклиптики, как только второй флот повернет к баркасу.

Тшут нетерпеливо вздохнула.

— Есть, сэр. — Она поплыла на место пилота и стала разговаривать с Лаки Каа.

111. ТОМ ОРЛИ

Он поднял голову над поверхностью бассейна, в котором прятался.

Куда все так неожиданно исчезли?

Минуту назад небо сверкало от пиротехники. Сверху падали горящие корабли. Теперь он заметил высоко вверху только несколько отставших. Все они направлялись на юг.

Через мгновение он догадался.

«Спасибо, Джилл, — подумал он. — Отомсти за меня!»

112. ТАККАТА-ДЖИМ

Такката-Джим раздраженно фыркал. Он был так занят, что управлять огнем ему было некогда. В отчаянии он посылал импульсы, стирая целые блоки компьютерной памяти. Наконец что-то сработало. Выключилась система управления огнем.

Такката-Джим лихорадочно повернул корабль влево, уходя от торпед.

Два флота быстро сближались, он находился между ними.

Такката-Джим собирался нырнуть во второй флот и зайти за него, показывая своими действиями то, что не мог передать по радио: он ищет защиты.

Но приборы не действовали! Он не мог завер-

шить маневр. Слишком много памяти стер.

Под прямым углом баркас уходил от обоих флотов.

И оба повернули за ним.

113. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Пора! — сказала она.

Пилота не нужно было подталкивать. Он уже добавлял ускорение. А теперь включил двигатели на полную мощность. Машины «Стремительного» взревели, и в атмосфере за кораблем появился длинный след ионизации.

Серое море исчезло под белым облачным одеялом. Горизонт изогнулся, превратился в дугу. «Стремительный» падал в океан звезд.

— Идут за нами. Те, что с севера.

— Сколько?

— Примерно двадцать. — Тшут прислушалась к нервной связи. — Они растянулись. Кроме относительно большой группы в тылу, вряд ли два из них принадлежат одной расе. Я слышу стрельбу. Преследуя нас, они продолжают сражаться друг с другом.

— А сколько в этой тыловой группе?

— Гм... шесссть, мне кажется.

— Ну, посмотрим, на что мы способны, когда разгонимся.

Планета уходила назад, Лаки Каа разгонял «Стремительный» в направлении, выбранном Джиллиан.

За горизонтом Китрупа шло сражение. Какое-то время корабль скрывался от него за корпусом планеты. Но вот они его увидели.

В миллионе километров от них пространство заполняли яркие взрывы и крики, едва проникавшие сквозь пси-экраны, но поднимавшие волосы дыбом.

Тшут заметила:

— Большие парни дерутся из-за Такката-Джима. Может, нам даже удастся уйти незамеченными, прежде чем нас догонят основные флоты.

Джиллиан кивнула. Жертва Тошио была не напрасной.

— Значит, наша проблема — меньшие парни в хвосте. Нужно их как-то стряхнуть. Нельзя ли укрыться за газовым гигантом? Сколько нам до него?

— Трудно сказать, Джиллиан. Может, час. Мы не можем использовать овердрайв в системе, у нас и так очень большая лишняя масса.

Тшут сосредоточенно прислушалась.

— Те, что у нас на хвосте, прекратили бить друг друга. Они, возможно, повреждены, но, я думаю, два самых больших корабля настигнут нас раньше, чем мы доберемся до газового гиганта..

Джиллиан посмотрела на голоэкран. Китруп превратился в небольшой шар в углу, за ним виднелись искорки битвы. По эту сторону многоточие показывало преследователей «Стремительного».

На переднем экране рос сверкающий шар с пастельными полосами. Огромная планета из замерзшего газа, гораздо больше Юпитера, медленно, но заметно увеличивалась.

Джиллиан поджала губы и негромко присвистнула.

— Что ж, если не можем от них уйти, попробуем засаду.

Тшут смотрела на нее.

— Джиллиан, это военные корабли! А мы всего лишь исследовательское судно класса «Снарк», да и то перегруженное!

Джиллиан улыбнулась.

— «Снарк» вырос, девушка. Корпус теннанинца нас не очень задержит. А мы можем придумать что-нибудь такое, чего никто не ожидает.

Она не сказала, что именно, хотела еще подо-

ждать, надеясь на чудо.

— Все ли грузы закреплены?

— Уставная процедура. Все сделано.

— Хорошо. Пожалуйста, соберите весь экипаж в центральный отсек. Пусть привяжутся чем смогут.

Тшут передала приказ, потом с вопросительным выражением повернулась к Джиллиан.

Та объяснила:

— Мы тихоходны, потому что у нас лишний вес. Они начнут стрелять, прежде чем мы укроемся за газовым гигантом, тем более достигнем уровня овердрайва. Скажите мне, Тшут, из чего состоит наш лишний вес?

— Из корпуса теннанинца.

— А еще?

Тшут выглядела удивленной.

Джиллиан намекнула загадкой:

Живое прикосновение
К самому движению —
О нем забываешь, как о воздухе,
Пока оно не исчезнет!

Тшут смотрела недоумевающе. И вдруг поняла. Глаза ее расширились.

— Очень хитро. Может сработать. Но хорошо,

что вы мне сказали. Экипажу понадобится снаряжение.

Джиллиан попыталась щелкнуть пальцами в воде и не смогла.

— Космические скафандры! Вы правы! Тшут, что бы я без вас делала!

114. ГАЛАКТЫ

— Сражение остатков флотов переместилось от планеты, — доложил воин паха. — Они уходят от Китрупа, преследуя большой корабль.

Соро Крат очистила линг-сливу от кожуры. Она попыталась сдержать нервную дрожь левой руки.

— Можешь опознать, кого они преследуют?

— Это не наша добыча.

Паха притворился, что не замечает вздоха облегчения матери флота при этом известии.

— Он слишком велик для земного корабля. Мы предполагаем, что это поврежденный теннанинец, однако...

— Да? — лукаво спросила Крат.

Паха колебался.

— Он странно себя ведет. Необыкновенно массивен, и моторы звучат не совсем по-тенна-

нински. Но он слишком далеко, чтобы данные о нем были точнее.

Крат хмыкнула.

— Каково наше положение?

— Танду идут параллельно, стреляют нам во фланг, мы отвечаем тем же. Мы оба преследуем разведчик Земли. Оба перестали стрелять по разведчику, если он не приближается к противоположной стороне.

Крат заворчала.

— Этот корабль уводит нас все дальше и дальше от планеты — нашей истинной добычи. Задумайся, возможно, такова цель разведчика?

Паха подумал, потом кивнул.

— Да, мать флота. Похоже на трюк тимбрими или волчат. Что ты приказываешь?

Крат переполняло раздражение. Это уловка! Но она не может прекратить погоню, иначе разведчиком завладеют танду. И чем дольше идет преследование, тем больше потери с обеих сторон.

Она швырнула сливу. Та попала в центр иероглифа Библиотеки. Испуганный пила вскочил и запищал, потом с ужасом посмотрел на эту дерзость.

— Передайте стандартный сигнал перемирия

три, — с отвращением приказала Крат. — Свяжитесь со сталкером танду. Надо положить конец этому фарсу и немедленно возвращаться к планете.

Сталкер танду еще раз спросил тренера:

— Ты можешь разбудить акцептора?

Тренер склонился перед сталкером, предлагая собственную голову.

— Не могу. Он в органастическом состоянии. Сверхстимуляция. Никакие воздействия не помогут.

— Значит, у нас нет возможности метапсихически исследовать эту странную погоню?

— Нет. Мы можем использовать только физические методы.

Ноги сталкера дернулись.

— Иди и отрежь себе голову. Прикажи положить ее в мои трофеи.

Тренер прохрипел согласие.

— Пусть новый тренер, что я воспитал, служит тебе лучше.

— Пусть. Но сначала, — сказал сталкер, — попытайся соединить меня с соро. Мне, конечно, придется отрезать ноги, которыми я буду вести с ними переговоры, но переговоры необходимы.

Буоулт откусил чешуйки с локтя и принялся расчесывать ими гребень. Его догадки правильные! Он увел оставшиеся шесть теннанинских кораблей из сражения соро с танду и вовремя оказался у планеты, чтобы присоединиться к преследователям. Десять избитых кораблей перед ними следуют за едва различимым объектом.

— Быстрее! — приказал он. — Остальные малочисленны. Соро и танду дерутся друг с другом, и мы — единственная значительная сила в этом районе. Мы должны их догнать!

Намного впереди теннанинцев капитан губру пригладил перья и каркнул.

— Мы их догоняем! Догоняем этот неуклюжий корабль! И смотрите. Мы теперь близко, и нам видно, что это излучения землян. Они летят внутри корпуса, но теперь мы достаточно близко, чтобы поймать их и заглянуть внутрь корпуса!

— Мы близко и поймаем их!

Конечно, неудача по-прежнему возможна. Но полное поражение — нет.

— Если не сможем их поймать, — сказал себе капитан, — то уничтожить — вполне.

115. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Впереди висел газовый гигант. Грузный «Стремительный» приближался к нему.

— Они ожидают, что мы, приблизившись, пройдем по крутой гиперболе, — заметила Тшут. — Обычно эта тактика хороша в планетарной системе. Быстрое прохождение вблизи планеты может резко изменить направление.

Джиллиан кивнула.

— Они ждут этого от нас, но не дождутся.

Они смотрели на экран, на котором три точки постепенно превращались в изображения боевых кораблей с ужасными шрамами и еще более ужасными орудиями.

Корабли преследователей становились больше, но и планета начинала вмешиваться.

— Все фины в безопасности?

— Да.

— Тогда выберите время, лейтенант. Вы лучше меня чувствуете бой в космосе. Вы знаете, что мы хотим сделать.

Тшут щелкнула челюстями.

— Сделаю, Джиллиан.

Они нырнули к планете.

— Ссскоро. Скоро они должны будут... — Глаза Тшут сузились. Она сосредоточилась на звуковых изображениях, передававшихся через нервную связь. На мостике было тихо, только щелкали сонары дельфинов. Джиллиан вспомнила о напряженной обстановке на человеческих боевых кораблях, когда половина экипажа, не замечая этого, начинает насвистывать сквозь зубы.

— Приг-готовиться, — передала Тшут в интерком в машинное отделение. Корабли преследователей исчезли за корпусом планеты.

— Пора! — крикнула Тшут, чтобы услышал Свесси. — Открыть задние шлюзы. Включить насосы. — Она повернулась к пилоту. — Запустить зонд-приманку! Максимальное боковое ускорение! Ускорение компенсировать полем стасиса, только на корме оставить одно «g». Повторяю, на корме гравитация одно «g»!

Половина приборов на контрольном щите вспыхнула красным светом. Предупрежденный экипаж закрепился, а из задних шлюзов «Стремительного» в вакуум устремился поток.

Капитан губру был озабочен тем, что корабль птака пытается его обогнать. Капитан обдумывал маневр уничтожения птака, но неожиданно его внимания потребовал главный компьютер.

— Они не сделали этого! — завопил капитан, недоверчиво глядя на экран. — Они не могли этого сделать. Они не могли найти такую дьявольскую уловку. Они не могли...

На экране корабль птака почти на световой скорости столкнулся с преградой, которой только что не было.

На их пути оказался всего лишь поток частиц газа. Но не ожидавший этого птака наткнулся, словно на прочную стену. На такой скорости любая преграда смертельно опасна.

— Поворот! — приказал капитан губру. — Огонь из всех орудий по добыче!

Вперед устремились лучи энергии, но наткнулись на непреодолимую стену между губру и быстро поворачивающим кораблем землян.

— Вода! — закричал он, прочитав отчет спектроскопа. — Барьер из водяного пара! Цивилизованная раса не может отыскать такую уловку в Библиотеке! Цивилизованная раса не может опуститься так низко! Цивилизованная раса не может...

И в этот момент корабль губру столкнулся с облаком снежинок.

Освещенный мегатонными взрывами, «Стремительный» шел по крутой дуге, которую несколько

минут назад не мог бы себе позволить. Шлюзы закрыли, и корабль медленно заполнялся воздухом. Появилась невесомость. Экипаж в скафандрах разлетелся по местам из трюма-убежища.

Из все еще залитого водой мостика Джиллиан следила за гибелью двух ближайших преследователей. Экипаж весело загудел, когда третий корабль попытался отвернуть, но не успел и столкнулся с рассеянным облаком. И сразу превратился в шар из плазмы.

— Остальные еще за газовым гигантом, — сказала Джиллиан. — После погони с Китрупа им кажется известной наша динамика. Они никогда не подумают, что мы сделали такой поворот.

Тшут выглядела менее уверенной.

— Возззможно. Мы выпустили зонд-приманку по нашему прежнему маршруту. Он подражает нашим излучениям. Возможно, они погонятся за ним.

— Во всяком случае им придется подходить по крутой и быстрой гиперболе.

— И мы сможем брать их по одному. — У Джиллиан слегка кружилась голова. Это их единственная надежда. Потом нужно будет затаиться и незаметно ждать. Ждать Хикахи и Крайдайки. Ждать еще одного чуда.

«Стремительный» застонал, меняя направление.

— Свесси сообщает, что стенные распорки под сильным напряжением, — доложил Лаки Каа. — Он спрашивает, собираетесь ли вы еще раз отключать стасис или делать другие маневры. Он называет их «дикими безумными женскими маневрами». Его слова, сссэр!

Джиллиан не ответила. Да Свесси и не ожидал.

В тот момент, когда «Стремительный» завершил резкий маневр, из-за газового гиганта показались еще два корабля.

— Уберите их, — сказала Джиллиан офицеру-дельфину. В голосе звучал гнев. За недели напряжения она себе этого не позволяла. — Действуйте, как хотите. Но уберите их!

— Есссть! — Тшут заметила сжатые кулаки Джиллиан. Она тоже это чувствовала.

Повернулась и обратилась к экипажу.

Терпеливо
Сносили мы оскорбления —
Терпеливо
Выдерживали зло —

Но теперь мы останавливаемся,

Мы больше не терпим —
Сон и логика
Соединяются в битве!!

Экипаж мостика приветствовал ее. «Стремительный» направился к удивленным врагам.

116. ГАЛАКТЫ

Голос матриарха соро звучал из коммуникационной паутины:

— Значит, договорились объединить силы?

Сталкер танду пообещал себе лишиться двух ног, а не одной из-за этого позорного договора.

— Да, — ответил он. — Если будем продолжать погоню по-прежнему, только истощим силы друг друга. Для паразитов вы, соро, сражаетесь хорошо. Объединимся и закончим погоню.

Крат для уверенности повторила:

— Мы клянемся Договором Номер Один, древнейшим и самым священным в Библиотеке, что захватим землян вместе, вместе извлечем информацию и вместе будем искать послов наших предков, чтобы они определили нашу судьбу.

— Согласен, — сказал танду. — А теперь закончим дело и займемся главной добычей.

117. ТАККАТА-ДЖИМ

Теперь он понимал, что имеют в виду люди, говоря о «катании на санях в Нантакете».

Такката-Джим устал. Ему казалось, он бежит уже много часов. Как только он пытался повернуть к одной группе, чтобы сдаться, другая начинала стрелять между ним и целью, не давая ему приблизиться, заставляя отходить.

Но вот он заметил длинную цепочку кораблей, уходящих от Китрупа в другом направлении. Не требовалось большой догадливости, чтобы понять, что туда же полетел «Стремительный».

«Все кончено, — подумал Такката-Джим. — Я пытался выполнить свой долг, как я его понимаю, и одновременно спасти свою жизнь. Теперь кости брошены. И план мой не удался.

Я проиграл. И теперь могу только выиграть для «Стремительного» несколько лишних минут».

Флоты перестали стрелять друг в друга, продолжая преследовать его. Такката-Джим понял, что они договорились.

Неожиданно ожил его приемник — сообщение на базовом гал-один. Сообщение простое: приказ остановиться и сдаться объединенному флоту

соро и танду.

Такката-Джим щелкнул челюстями. Ответить он не может, нет передатчика. Но если он остановится, они возьмут его в плен.

Он ждал, пока сообщение не повторили трижды. Потом начал сбавлять скорость... но медленно. Очень медленно. Он продолжал тянуть время.

Когда галакты приблизились и их сообщения звучали все более угрожающе, Такката-Джим вздохнул и снова включил боевой компьютер управления огнем.

Баркас вздрогнул, маленькие снаряды начали уходить от него. Такката-Джим снова увеличил скорость.

Когда оба флота выстрелили по нему, он, конечно, попытался увернуться. Неспортивно было бы сдаваться без боя.

Но энергии для серьезных маневров уже не оставалось. И в ожидании Такката-Джим начал стихотворение:

Самое печальное
Для дельфина, даже для меня —
Умереть в одиночестве...

118. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Засада за газовым гигантом оказалась неожиданной. Враг подошел близко, используя огромное тяготение планеты, чтобы пройти по крутой гиперболической орбите. И был не готов отразить нападение с фланга.

По сравнению с головокружительным финтом вражеских кораблей «Стремительный» был почти неподвижен. Он обрушился на два проходящих крейсера, выбросив на их траектории паутину антиматерии.

Первый из кораблей превратился в огненный шар прежде, чем компьютер «Стремительного» сумел опознать его. Его защитные экраны, вероятно, были повреждены во время битвы.

Второй крейсер оказался в лучшей форме. Его экраны зловеще сверкнули фиолетовым светом, а на корпусе вспыхнули яркие линии раскаленного металла. Но он миновал ловушку и начал отчаянно ускоряться.

— Он прошел наши мины, — объявила Тшут. — Жаль. Не было времени приготовиться получше.

— Не все же сразу, — ответила Джиллиан. — Вы сделали все прекрасно. Ему потребуется много

времени, чтобы вернуться к нам.

Тшут всмотрелась в экран и прислушалась к своему нервному гнезду.

— Если у него непорядок с двигателями, он может запоздать. Сейчас он идет по курсу столкновения с планетой!

— Хорошо. Оставим его и посмотрим, что с остальными.

Маневр «Стремительного» увел его от планеты и сблизил еще с пятью точками. Они видели засаду и сейчас спешно меняли курс.

— Увидим, сработает ли «Троянский морской конек», — сказала Джиллиан. — Те, первые, были близко и смогли понять, что у нас земные двигатели. Но эти гораздо дальше. Наложил ли Свесси рисунок излучения теннанинца, как мы договаривались?

Ватгасети утвердительно свистнул.

— Сделано. Свесси, правда, говорит, что это уменьшает мощность наших двигателей. Он напоминает, что у нас все же не теннанинские двигатели.

— Поблагодарите его от меня. А теперь наша жизнь зависит от того, насколько развито у них воображение. Правда, Том считал, что развито достаточно. Полную мощность на пси-защиту!

— Есть, ссэр!

Засветились экраны детекторов энергии: это приближающиеся корабли пустили в ход свои опознавательные лучи. Пестрое собрание приближающихся кораблей ити заколебалось, потом дрогнуло.

— Номера один, четыре и пять ускоряются, чтобы обогнать нас, — сообщила Тшут. Мостик наполнился весельем и хлопками дельфинов.

— А остальные?

Манипулятор Тшут указал на две точки на экране.

— Сбрасывают скорость и готовятся к бою! Мы получаем сообщение на галактическом-десять. Это ритуальный вызов на бой.

Тшут покачала головой.

— Они действительно считают, что мы теннанинцы! Но все равно хотят нас прикончить!

— Кто они?

— Братья Ночи!

На экране показались два приближающихся боевых корабля, темных и грозных.

Что делать? Джиллиан хранила непроницаемое выражение лица. Она знала, что фины следят за ней.

«Мы не можем уйти от них, особенно сейчас,

когда изображаем, что у нас двигатели теннанинца. И корпус на нас тяжелый. Но только глупец попытался бы сразиться с ними.

Глупый боец, как Том, — иронически подумала она. — Или Крайдайки. Если бы командовал один из них, я бы уже готовила для Братьев Ночи траурные венки».

— Джиллиан? — нервно спросила Тшут.

Джиллиан встряхнулась.

«Пора. Принимай решение».

Она посмотрела на приближающихся врагов.

— Прямо им в глотку, — сказала она. — Направляемся к Китрупу.

119. ГАЛАКТЫ

— Мы оставим половину нашего объединенного флота над планетой. Никто из оставшихся не посмеет вернуться теперь, когда мы объединились. Мы даже пошлем отряды, чтобы очистить спутники от затаившихся врагов и проверить, что произошло за газовым гигантом.

У сталкера танду теперь было не шесть ног, а только четыре. Соро Крат удивилась, какой несчастный случай произошел с предводителем ее неприятных Союзников.

Впрочем, это не важно. Крат мечтательно подумала о том дне, когда лично оторвет остальные ноги сталкера, а потом все его головные бутоны.

— Возможно ли, что смятение за планетой вызвано теми, за кем мы охотимся? — спросила она.

Танду на экране хранил непроницаемое выражение.

— Все возможно, даже невозможное. — Похоже на трюизм танду. — Но добыча не могла уйти, хотя силы преследователей невелики. Если они ее захватили, начнется борьба между захватившими. И когда прибудут наши объединенные силы, мы получим все. Очень просто.

Крат кивнула. Действительно просто.

«Скоро, — сказала она себе. — Скоро мы вырвем информацию у землян или выясним ее, просеивая обломки их корабля. И увидим своих предков.

Но надо будет оставить в живых несколько человек и их дельфинов после получения от них информации о местонахождении прародителей. Моим клиентам не нравится, когда я развлекаюсь с ними. Если я найду развлечение вне семьи, это убережет меня от неприятностей».

Она смутно пожалела, что поблизости нет самца ее племени. Объединенный отряд танду и соро

из тринадцати кораблей устремился к газовому гиганту.

120. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Повреждены гребни стасиса с левого борта! — сообщил Ватгасети. — Все боевые установки в этом районе вышли из строя.

— Есть ли повреждения внутреннего корпуса? — беспокойно спросила Джиллиан.

Фин взглянул на экран контрольного компьютера.

— Нет. Пока весь удар принимает на себя корпус теннанинца. Но Свесси говорит, что распорки слабеют.

— Теперь, когда наш левый борт поврежден, они попытаются сосредоточить на нем огонь, — сказала Тшут. — И ожидают, что мы повернем. Батареи правого борта! Пять мин по азимуту в сорок градусов! Небольшая скорость и зарядные шнуры!

— Н-но там никого нет!

— Будут! Огонь! Руль, поверните корабль на два радианта в минуту влево!

«Стремительный» дрожал, медленно поворачивая в пространстве. Его экраны опасно светились

под ударами мощных лучей. Но теперь удар придется в противников, которые легко повторили неуклюжий маневр корабля.

От затененного корпуса «Стремительного» неторопливо отошли шесть небольших снарядов, потом их двигатели отключились. «Стремительный» повернулся, пытаясь защитить поврежденный борт, но медленнее, чем мог бы.

Чувствуя его слабость, вражеские корабли повторили поворот. Лучи нацелились в поврежденный борт корабля, который Братья Ночи приняли за настоящий корпус противника.

«Стремительный» вздрогнул, когда лучи пробили его защиту и уперлись в теннанинский корпус. Мигнуло поле стасиса, у всех появилось странное яркое ощущение deja vu. На заполненном водой мостике залпом чуть не сбило экипаж. Детекторы повреждений извещали об огне и дыме, о плавящемся оружии и коробящихся стенах.

Крейсеры уверенно вошли в минное поле, и снаряды взорвались.

Джиллиан схватилась за ближайшую распорку. Сенсоры, которые не превратились в пар, сообщили, что враг скрылся в облаке раскаленного газа.

— Ускорение, двадцать градусов на два семьдесят! — крикнула Тшут. — Прекратить поворот!

Двигатели ревели от перегрузки. Крепления двух корпусов стонали. «Стремительный» увеличил скорость и пошел в другом направлении.

— Будь благословен этот теннанинец! — вздохнул один из финов. — Эти лучи разрезали бы «Стремительный» на тосты!

Джиллиан всмотрелась в один из уцелевших экранов, стараясь что-то рассмотреть среди обломков и дыма. Наконец она увидела врага.

— Попадание! Точное! — воскликнула она.

У одного корабля огромная пробоина в борту, горящий металл заворачивается лепестками. Второй взрыв потряс корабль.

Второй казался невредимым, но стал гораздо осторожнее.

«Продолжай осторожничать, — молча попросила Джиллиан. — Дай нам немного уйти!»

— Есть еще кто-нибудь поблизости? — спросила она у Тшут. Если остались только эти два корабля, она готова снова включить двигатели на полную мощность, и пусть все знают, что это земной корабль!

Лейтенант мигнула.

— Да, Джиллиан. Еще шесть. Быстро приближаются. — Тшут покачала головой. — От этой группы нам не уйти. Они идут слишком быссстро.

Простите, Джиллиан.

— Братья приняли решение, — сказал Ватгасети. — Они идут к нам.

Тшут закатила глаза. Джиллиан про себя согласилась с ней.

«Больше мы их не одурачим».

— Вызывает Свесси. Он спрашивает...

Джиллиан вздохнула.

— Передайте Ханнесу, что больше «женских маневров» не будет. У меня больше нет идей.

Два боевых крейсера за кормой «Стремительного» увеличивались. Они не стреляли, готовясь к решающей схватке.

Джиллиан подумала о Томе. Не могла избавиться от мысли, что подвела его.

«Это был очень хороший план, милый. Ради тебя мне хотелось воплотить его».

Враг зловеще приближался.

И тут Лаки Каа закричал:

— Сворачивают! — Пилот возбужденно бил хвостом. — Меняют курс! Бегут, как стая кефали!

Джиллиан недоуменно мигнула.

— Но ведь мы в их руках!

— Это новые, Джиллиан! Шесть приближающихся кораблей! — весело крикнула Тшут.

— Что? А они тут при чем?

Трут улыбнулась широко, как может только неофин.

— Это теннанинцы! Они идут на полной скорости! И стреляют вовсе не в нас!

На экране было видно, как два крейсера, преследовавшие «Стремительный», теперь уходят, стреляя в парфянском стиле по мини-флотилии.

Джиллиан рассмеялась.

— Ваттасети! Передай Свесси — отключить двигатели! Пусть пойдет дымок. Будем изображать смертельно раненого воина!

Спустя несколько мгновений инженер ответил:

— Свесси говорит, что проблем не будет. Никаких.

121. ГАЛАКТЫ

Гребень Буоулта дрожал от возбуждения. Перед ним «Огонь Кронодорфа», избитый, но гордый и непобежденный. Он считал старый корабль погибшим с первых дней битвы вместе с его командиром бароном Эбремсевом. Буоулту не терпелось увидеть старого товарища.

— Ответа по-прежнему нет? — спросил он у связиста.

— Нет, командир. Корабль молчит. Возможно, именно сейчас они получили смертельный удар... Подождите! Что-то есть! Сигнал вспышками, текст открытый, некодированный. Сигналят из иллюминатора!

Буоулт энергично продвинулся вперед.

— Что они говорят? Просят помощи?

Связист сидел перед монитором, глядя на мигающий огонек.

— Все орудия и средства связи уничтожены, — читал он. — Аппаратура жизнеобеспечения и вспомогательные двигатели еще действуют... Земляне впереди, их преследуют несколько небольших кораблей... Мы отходим... счастливой охоты... «Огонь Кронодорфа», конец связи.

Буоулту показалось несколько странным это сообщение. Почему Эбремсев отходит, если может еще преследовать врага и по крайней мере отвлечь на себя огонь?

Возможно, он храбрится, чтобы не задерживать их. Буоулт уже собрался распорядиться о посылке помощи, когда снова заговорил связист.

— Командир! Со стороны водной планеты приближается отряд! Не менее десяти кораблей! Признаки соро и танду!

Гребень Буоулта мгновенно опустился. Вот он,

последний союз еретиков.

— Вот наш шанс! Немедленно за беглецами! Мы справимся с преследователями, когда они захватят землян, и опередим танду и соро!

Когда корабли устремились вперед, Буоулт приказал отправить на «Огонь Кронддорфа» сообщение:

— Пусть с вами живут Великие Духи...

122. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Вы прятали от нас очень совершенный компьютер, — заметила Тшут.

Джиллиан улыбнулась.

— На самом деле он принадлежит Тому.

Фины рассудительно кивнули. Исчерпывающее объяснение.

Джиллиан поблагодарила Нисса за перевод послания на теннанинский. Ей ответил бестелесный голос из облака искорок, вспыхивающих в оксиводе.

— Я не мог сделать ничего другого, Джиллиан Баскин. Вы, несколько заблудившихся землян, навлекая на себя катастрофы, умудрились собрать больше информации, чем мои хозяева за последнюю тысячу лет. Только уроки возвыше-

ния полезны тимбрими, которые всегда готовы учиться — даже у волчат.

Голос смолк, искорки погасли, прежде чем Джиллиан смогла ответить.

— Группа сигнальщиков вернулась от иллюминатора, Джиллиан, — сказала Тшут. — Тенненинцы отправились в погоню за нашей тенью, но они вернутся. Что теперь?

Джиллиан чувствовала дрожь адреналинового выброса. Больше у нее нет никаких планов. Теперь ей отчаянно хочется только одного. Только одна цель во всей вселенной.

— Китруп, — прошептала она.

Джиллиан встряхнулась.

— Китруп? — прошептала она. Посмотрела на Тшут, зная ответ.

Тшут покачала гладкой головой.

— На орбите вокруг Китрупа большая флотилия, Джиллиан. Никаких сражений. Это, должно быть, победитель.

— Еще одна группа быстро приближается. Большая. Мы не хотим, чтобы они раскрыли нашу маскировку.

Джиллиан кивнула. Ей не хотелось говорить, но она заставила себя.

— На север, — сказала она.

— Ведите нас на север, Тшут... к пункту перехода. На полной скорости. Когда подойдем ближе, сбросим «морского конька» и уберемся отсюда... со всем пеплом, который завоевали.

Дельфины вернулись на посты. Быстро набирал силу рокот двигателей.

Джиллиан отплыла в темный угол прозрачного купола, к трещине-щели в корпусе теннанинца, откуда могла смотреть на звезды.

«Стремительный» набирал скорость.

123. ГАЛАКТЫ

Объединенный отряд соро и танду быстро догонял растянувшихся беглецов.

— Госпожа, поврежденный теннанинский корабль приближается к пункту перехода на траектории ухода.

Крат пошевелилась на своей подушке и рявкнула:

— Ну и что? Поврежденные корабли и раньше покидали поле битвы. Все пытаются эвакуировать своих раненых. К чему тревожить меня, когда мы почти догнали добычу?

Маленький пила убежал в свою секцию слежения. Крат снова принялась следить за передним

экраном.

Впереди держится небольшая группа теннанинских кораблей. Дальше, на пределе досягаемости, искорки показывали, что остатки флота по-прежнему сражаются, догоняя добычу.

«Что если они ошиблись? — подумала Крат. — Мы преследуем теннанинцев, которые преследуют остатки флота, который гонится... за кем? Эти дураки могут гоняться друг за другом!»

Неважно. Половина флота соро и танду патрулирует над Китрупом, так что в любом случае земляне пойманы.

«В свое время мы разберемся с танду, — подумала она, — и одни встретимся с древними».

— Госпожа! — пронзительно закричал пила из секции обнаружения. — Передача от пункта перехода!

— Не беспокой меня больше мелочами... — угрожающе прорычала она, сгибая свой брачный коготь. Но клиент прервал ее! Клиент осмелился прервать ее!

— Госпожа! Это корабль землян! Они нас обманули! Они нас провели! Они...

— Покажи! — свистнула Крат. — Этого не может быть! Покажи немедленно!

Пила нырнул в свою секцию. На главном экране

перед соро появилось изображение человека и нескольких дельфинов. По фигуре человека Крат видела, что это самка, вероятно, их предводитель.

— ...глупые создания, недостойные имени разумных. Глупые предразумные воспитанники глупых хозяев! Мы ушли от вашей военной мощи, мы смеемся над вашей неуклюжестью! Уходим, как всегда уходили, вы, жалкие создания! Мы теперь настолько вас опередили, что вам ни за что не догнать нас! Какое еще нужно доказательство, что прародители предпочитают нас? Какое...

Насмешки продолжались. Крат слушала, разгневанная, в то же время наслаждаясь артистичностью исполнения.

«Эти люди гораздо лучше, чем я думала. Оскорбления их многословны и лишены вкуса, но по-своему талантливы. И заслуживают почетной медленной смерти».

— Госпожа! Сопровождающие нас танду меняют курс. Остальные их корабли оставили Китруп и направляются к пункту перехода!

Крат в отчаянии засвистела:

— За ними! Немедленно за ними! Мы до сих пор преследовали их по всему космосу. Охота продолжается!

Экипаж вернулся к своим обязанностям. У земного корабля появились шансы уйти. В любом случае погоня будет долгой.

Крат поняла, что не сумеет добраться домой ко времени спаривания. Она умрет здесь.

Человек на экране продолжал насмехаться.

— Библиотекарь! — позвала она. — Некоторые слова человека я не понимаю. Переведи, что значит эта фраза — «няаа, няаа» — на их зверином волчьем языке!

124. ТОМ ОРЛИ

Сидя со скрещенными ногами на плетеном из водорослей мате в тени обломка корпуса, он прислушивался к рокоту соседнего вулкана. Думал о спасении, слушал бесконечный шорох водорослей, находя в нем своеобразную красоту. Мерный ритм помогал сосредоточиться.

Прямо перед ним, как центр мандалы, лежала информационная бомба, которую он так и не использовал. Контейнер сверкал в лучах солнца: первый хороший день на севере Китрупа за неделю. Корпус измят, но все равно блестит.

«Ну где же ты теперь?»

Площадка мягко покачивалась на волнах. Том

оглядывался по сторонам, как старик на заброшенном чердаке.

«Где ты теперь, любовь моя?»

Он вспомнил японскую хайку восемнадцатого столетия — великого поэта Босуна:

Идет весенний дождь,
На крыше промокший
Рваный детский мяч.

Глядя на отражения во вмятинах корпуса бомбы, он прислушивался к звукам плоских джунглей, к беготне мелких животных, к шуму ветра во влажной листве.

«Где та моя часть, что ушла?»

Он прислушивался к медленному пульсу мира-океана, смотрел на отражения, и постепенно в них проступило изображение.

Тупая, неуклюжая, клинообразная фигура приблизилась к месту в мире небытия, в сияющей необъятной черноте космоса. На глазах у Тома неуклюжий корпус раскололся. Толстая шелуха медленно отошла, как яичная скорлупа. Осколки отпали, и показался стройный цилиндр, похожий на гусеницу. Вокруг него засветился нимб — вероятностная оболочка. Она на глазах увеличивалась.

«Иллюзия, — решил он. — Хотя нет, не похоже».

Он раскрылся для восприятия, впустил изображение в себя. И уловил направленную из этой гусеницы мысль.

Цветет груша
И женщина в лунном свете
Читает письмо...

Он медленно улыбнулся. Это тоже хайку Босуна. Ее послание не может быть яснее в таких обстоятельствах. Она каким-то образом услышала его и ответила тем же.

— Джилл!.. — Он звал изо всех сил.

Гусеница, окруженная коконом стасиса, приблизилась к дыре в пространстве. Устремилась к тому месту в пустоте, стала прозрачной, исчезла.

Том долго сидел неподвижно, глядя как меняются отражения в корпусе бомбы. Медленно проходило утро.

Наконец он решил, что не принесет вселенной особого вреда, если подумает и о себе.

125. СКИФ

— Вы, два сумасшедших самца, когда-нибудь сможете его понять?

Кипиру и Сахот посмотрели на Хикахи. И, не отвечая, вернулись к обсуждению непонятных инструкций Крайдайки.

Хикахи закатила глаза и повернулась к Тошио.

— Я подумала, что они включат меня в свои сеансы. В конце концов, мы ведь с Крайдайки пара!

Тошио пожал плечами.

— Крайдайки нужны способности Сахота-лингвиста и Кипиру-пилота. Но вы видели их лица. Они уже наполовину в «сне китов». Мы не можем допустить, чтобы и вы стали такой. Ведь вы наш командир.

— Хм. — Хикахи вспенила воду, отчасти умиротворенная. — Ты закончил инвентаризацию, Тошио?

— Да, сэр. — Он кивнул. — Я подготовил список. Продуктов и воздуха нам хватит до двух пунктов перехода. Конечно, мы окажемся где-то посередине, потому что нам нужны, как минимум, пять пунктов перехода, чтобы приблизиться к циви-

лизации. Наши карты очень приблизительны, двигатели, вероятно, не выдержат долгого перелета, и мало кораблей нашего размера успешно преодолевали переход. Не считая всего этого, а также тесноты, остальное в порядке.

Хикахи вздохнула.

— Пытаясь, мы ничего не теряем. Ведь галакты ушли.

— Да, — согласился он. — Отличная мысль. Джиллиан, начав насмехаться над ними, дала нам знать, что они уходят и уводят за собой всех ити.

— Не говори «ити», Тошио. Это невежливо. Привыкнешь, однажды обидишь каких-нибудь вполне приличных кантенов или линтенов.

Тошио сглотнул — и потупился. Где бы ты ни оказался, лейтенант никогда не упустит возможности поучить гардемарина.

— Да, сэр, — сказал он.

Хикахи улыбнулась и нижним плавником погнала на юношу небольшую волну.

Долг, долг,
Храбрый охотник на акул,
Какая награда
Может быть лучше?

Тошио вспыхнул и кивнул.

Скиф снова двинулся. Кипиру вернулся на место пилота. Сахот и Крайдайки оживленно беседовали на полупраймале, отчего у Хикахи холодок пробегал по спине. Сахот сказал, что Крайдайки сознательно придерживается праймала!

Хикахи никак не могла привыкнуть к мысли, что рана Крайдайки — скорее открытая, а не закрытая дверь.

Скиф поднялся с поверхности моря и полетел на восток, следуя указаниям Крайдайки.

— А как насчет морального духа пассажиров? — спросила Хикахи у Тошио.

— Думаю, все в порядке. Пока кикви остаются с Дэнни, они счастливы. А Дэнни... пока тоже счастлива.

Хикахи забавлялась. Почему юношу так смущает другое занятие Дэнни? Она рада, что эти двое теперь вместе, как они с Крайдайки.

Несмотря на свои новые необычные способности, Крайдайки все тот же дельфин. Новизной он пользовался, привыкал к ней, исследовал ее возможности. Он говорил с трудом, но сохранил свой интеллект.

— А как Чарли? — спросила она Тошио.

Тошио вздохнул.

— По-прежнему смущен.

Они нашли шимпа через день после большого землетрясения, он цеплялся за плывущее бревно, промокнув насквозь. В течение десяти часов не мог говорить и все время пытался взобраться на стены скифа, пока не успокоился.

Чарли в конце концов признался, что вскарабкался на вершину большого дерева как раз перед тем, как остров обрушился. Это спасло ему жизнь, но инстинкт был унизителен.

Тошио и Хикахи теснились за местом Кипиру и смотрели, как под скифом быстро поворачивается океан. Время от времени море становилось ярко-зеленым — они пролетали над водорослями. Маленький корабль двигался навстречу солнцу.

С отлета «Стремительного» прошла неделя. И всю эту неделю они продолжали искать.

Вначале нашли Тошио, который, не желая сдаваться, плыл на запад. Потом Дэнни привела их к острову, на котором жило племя кикви. Пока она договаривалась с ними, они нашли Чарли Дарта.

Такката-Джим и все стеносы пропали или погибли.

И вот последние, по-видимому, безнадежные поиски. Они длятся уже несколько дней.

Хикахи готова сдаться. Они не могут продолжать так тратить время и продукты. Ведь им предстоит еще долгий путь.

Да и шансов у них немного. Никто не слышал о подобном полете. Перелет через всю Галактику в скифе! По сравнению с этим эпический переход капитана Блайта через Тихий океан на «Баунти» кажется послеобеденной прогулкой.

Но эти мысли Хикахи держала при себе. Крайдайки и Кипиру, вероятно, понимают, что их ждет. Тошио тоже догадывается. А остальным нет надобности сообщать, пока не придется в четвертый раз урезать рацион.

Она вздохнула.

Из чего еще
Сделаны герои,
Эти мужчины и женщины,
Кто, подобно нам,
Пытается

Как звук трубы, прозвучал торжествующий призыв Кипиру. Пилот пищал и метался на своей платформе. Скиф завалился налево, потом направо.

— Какого?.. — начал Тошио и спохватился: — Святая прыгающая рыба-черепаха, Кипиру! В

чем чело?

Хикахи механической рукой ухватилась за переборку и посмотрела в иллюминатор. После чего снова вздохнула — глубоко и протяжно.

Дым костра на мгновение скрыл лодку из виду. Он узнал о ней, когда луч сонара чуть не сбил его с ног.

Человек на плетеном из водорослей матраце кинулся в укрытие, но что-то заставило его остановиться и присмотреться.

Глаза его покраснели, а в уголках морщины, которых не было несколько недель назад. В бороде появились белые нити. Борода отросла и почти перестала чесаться. И закрыла рваный шрам на щеке.

Прикрывая глаза рукой, он сначала увидел безумный маневр и только потом узнал корабль. Тот высоко взлетел, устремился вниз, почти миновал его.

Человек протянул руку, чтобы удержать стойки с высохшим мясом. К чему зря тратить продукты? Ему потребовалось много времени, чтобы добыть его и подготовить. Впереди долгий путь, и оно им понадобится.

Он не уверен, как его воспримут фины, но мясо питательное... это единственное на планете, что

могут есть земляне.

Вяленое мясо губру, полоски танду, освежеванный эписиарх. Может, вкус у них и неплохой.

Том улыбнулся и помахал Кипиру, который начал снижать скиф.

«Как я могла сомневаться в том, что он жив? — радостно удивлялась Хикахи. — Джиллиан сказала, что он жив. Никто из галактов не мог его тронуть. Не мог и все тут!

Так стоит ли тревожиться о том, как мы доберемся домой?»

ЭПИЛОГ

: Отдыхай: Отдыхай и Слушай:
: Отдыхай и Слушай и Учись, Крайдайки:
: Начинается Звездный Прилив:
: В Темном Течении:
: Мы Долго Ждали Того, Что Наступит:

ПОСТСКРИПТУМ

Имена дельфинов в романе часто напоминают полинезийские или японские. Иногда это справедливо. Но в общем неофин сам выбирает себе подходящее имя, обычно с чередующимися звучными гласными и согласными.

На англике слова «человек» и «человечество» употребляются без указания пола. В тех случаях, когда это важно, добавляется «фем», если речь идет о женщине, и «мел» — о мужчине.

Языки дельфинов — изобретение автора, они не эквивалентны средствам общения современных дельфинов и китов. Мы только начинаем понимать, какое место занимают китообразные в нашем мире и какое место в этом мире занимаем мы сами.

Автор хотел бы поблагодарить всех, кто помогал ему в работе, особенно Марка Грайгера, Аниту Эверсон, Патрика Маера, Рика и Пэтти Харперов, Рея Фейста Ричарда Спола, Тима Ласелла, Этана Мансона и, как всегда, Дэна Брина. Лу Ароника и Таппан Кинг из «Бэнтам Букс» всегда поддерживали его, когда он падал духом.

Хайку Есы Босуна приводятся по «Антологии

японской литературы», составленной Доналдом Кином и опубликованной «Грув Пресс».

Пути мира, реальные и воображаемые, расходятся. Все герои этого романа вымышлены. Но может так случиться, что когда-нибудь наши братья млекопитающие станут нашими партнерами. Ради этого будущего мы должны сберечь их сегодня.